

Пол АНДЕРСОН

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

**Пол
АНДЕРСОН**

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

Пол Андерсон

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В ВОСЬМИ ТОМАХ

Пол АНДЕРСОН

ТОМ _____
■

КИТАЙСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

“ФАБУЛА”
1993

ББК 84.4/8
А 64

Серия
«МАСТЕРА АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 году.

Включает в себя лучшие произведения наиболее известных и популярных писателей-фантастов США.

Андерсон П.
А 64 Собрание сочинений. В 8-ми томах. Т.1: Пер. с
англ. — М.: ООО «Фабула», 1993. — 448 с. — (Сер.
«Мастера американской фантастики»).

ISBN 5-86090-164-X

Научно-фантастическими романами «Нелимитированная орбита» и «Звездный Лис» открывается собрание сочинений одного из наиболее популярных американских писателей Пола Андерсона. Первый том, кроме того, дополнен циклом рассказов.

4804010000 — Без объявл.

ББК 84.4/8

ISBN 5-86090-164-X

© ООО «Фабула», 1993

© П. Храмцов, 1993 Оформление, рисунки.

МЭТР ФАНТАСТИКИ ПОЛ АНДЕРСОН

Выдающийся американский писатель-фантаст Пол Андерсон родился 25 ноября 1926 года. Его родители были выходцами из Норвегии. В 1948 году он окончил университет в Миннесоте и получил степень бакалавра. Он собирался стать физиком, но оказался одним из крупнейших фантастов мира.

Андерсон очень рано дебютировал в фантастике — уже в 1947 году был опубликован его рассказ «Завтрашние дети», написанный совместно с Ф. М. Уолдроном. После окончания университета он активно и целеустремленно включился в писательскую работу.

Работал Андерсон много, выпуская в среднем по две книги в год. Многие его произведения отмечены престижными премиями: «Хьюго-61» — за повесть «Самое долгое плавание»; «Хьюго-64» — за повесть «Нет перемирия с королями»; «Хьюго-69» — за повесть «Разделение тела»; «Хьюго-72», «Небьюла-71» — за повесть «Королева воздуха и тьмы»; «Хьюго-73», «Небьюла-72» — за роман «Песня Козерога»; «Хьюго-79» — за роман «Дети водяного»; «Хьюго-82», «Небьюла-82» — за повесть «Игра Сатурна».

Это перечисление высоких литературных НФ-наград дает представление о писательском мастерстве Андерсона. Своими произведениями Андерсон зарекомендовал себя гуманным и умным писателем; которого смело можно ставить в один ряд с А. Азимовым, Г. Гаррисоном, А. Кларком и другими «мэтрами».

Показательно, что с 1972 по 1977 год он был президентом организаций писателей-фантастов США.

К концу 80-х годов творчество Андерсона насчитывало более 100 книг. Среди них есть произведения в жанре научной фантастики, фэнтези, работы по теории фантастики, публицистика. Он также является составителем нескольких НФ-сборников, в которые входят произведения и других писателей-фантастов США.

Фантастика Пола Андерсона представлена как сериями романов (повестей и рассказов), так и отдельными самостоятельными произведениями.

К серии «Политехническая Лига» (Андерсон на протяжении всего своего творческого пути возвращался к теме о звездных торговцах — изворотливых и находчивых путешественниках) относятся такие книги, как «Планета, с которой не возвращаются» (1957), «Девственная планета» (1959), «Звездный Лис» (1965), «Мир Сатаны» (1969), «Люди ветра» (1973), сборники «Звездный торговец» (1964), «Возмутители спокойствия» (1966), «Земная книга врат бури» (1978).

Серия «Доменик Фландри» (она несколько перекликается с романом А. Азимова «Основание») — о космической империи — состоит из романов «Эти звезды наши» (1959), «Землянин, убирайся домой» (1960), «Аварийная орбита» (1961), «Лейтенант Фландри»

(1966), «Восставшие миры» (1969), «Круги Ада» (1970), «Рыцарь призраков и теней» (1974), «Игра Империи» (1984).

Можно также выделить и «временную» серию (или направление «временная опера»). Характерной особенностью данного направления в научной фантастике вообще являются сносшибательные приключения главных героев во времени, как это хорошо видно в «Патруле времени». Причем в данном сериале Андерсон предвосхитил идею существования специальной службы по контролю за временем, которая была блестяще развита в романе А. Азимова «Конец вечности» и виртуозно продолжена в романе К. Ламьера «Берег динозавров». У Андерсона, в отличие от многочисленных «ремесленников», публиковавших низкопробные произведения в жанре «временной оперы», несмотря на запутанность сюжета и искусно придуманные приключения, отсутствуют парадоксальные ситуации типа «герой убивает свою бабушку», что заставляет искушенного читателя верить автору и избавляет произведение от тривиальности и сюжетной штампованности. Как и полагается в опере, сюжет развивается стремительно, герой, не лишенный суперменских качеств, обладает одновременно и общечеловеческими недостатками и достоинствами, и читатель поневоле проникается к нему симпатией. Таковы романы Андерсона «Долгая дорога домой» (1955), «Временной корабль» (1962), «Три мира времени» (1965), «Танцовщица из Атлантиды» (1971), «Настанет время» (1972) и сборники «Патруль времени» (1960) и «Время и звезды» (1964).

Еще к одному сериалу П. Андерсона можно отнести произведения, написанные в стиле фэнтези. Большая часть таких произведений написана на основе сказочных сюжетов, причем, будучи знатоком скандинавского эпоса и литературы, Андерсон активно использует национальный сказочный антураж. Еще в 1954 году он написал роман «Сломанный меч», который является первым в его последующем творчестве в жанре фэнтези. Уже в этом произведении явственно прослеживаются тенденции приверженности автора к скандинавскому эпосу, получившие развитие в более поздних его произведениях: «Погибнуть от меча» (1959) и «Три сердца, и три льва» (1961).

Не оставил Андерсон без внимания и серию о варваре Конане, которая является «национальной» для англоязычных НФ-писателей.

Очень своеобразны романы Андерсона «Операция «Хаос» (1971) и «Крестоносцы неба» (1960).

«Операция «Хаос» относится к научной фэнтези — поджанру фантастической сказки, где всем сверхъестественным явлениям придется вполне научное объяснение. В этом романе действие происходит на Земле, но, видимо, в другом ее измерении — движущей силой прогресса вместо науки является магия.

Роман, написанный живым разговорным языком от лица главного героя Стива Матучека, человека-оборотня. Повествование, замешанное, как и полагается, на лихой интриге с любовной нитью,

разделяется на несколько отдельных повестей, связанных одними героями.

«Крестоносцы неба» является одним из ранних произведений Андерсона, поэтому излишне строго о нем судить не приходится. В романе есть все: занимательный сюжет, динамика повествования, элегантная концовка. Воспринимается он достаточно легковесно по причине некоторой легкомысленности сюжета: в средневековой Англии приземляется космический корабль, и рыцари, готовившиеся к крестовому походу, берут его «на абордаж». Затем крестоносцы вместе с обозами переправляются на планету пришельцев и завоевывают ее. Так возникает цивилизация галактических рыцарей. Повесть написана в ироническом ключе: космические рыцари, тоскующие по родной Земле и мечтающие освободить гроб Господень в Иерусалиме от язычников, встречаются с представителями земной цивилизации, через века освоившей межзвездные полеты, — ими оказывается экипаж космического корабля Израиля.

Но не все романы Андерсона укладываются в рамки серий. Множество произведений существуют совершенно самостоятельно: «На волне мозга» (1954), «Экран» (1963), «Нелимитированная орбита» (1961) и т. д. И, конечно же, множество повестей и рассказов...

Интересной особенностью Андерсона является стремление осмыслить место человека (или нечеловека — все же фантастика!) во Вселенной в контексте культуры. В его произведениях из-под авантюрного фона проглядывает этическое содержание, наполненное пуританской моралью долга, верности, стойкости и ответственности. На фоне современной литературы, являющей образцы сомнений и неуверенности в нравственном выборе, подобная позиция выглядит несколько архаичной, но внушающей уважение. Хотя, возможно, здесь применим парадокс Честертона, что даже плохая литература способна сохранять в себе и прививать читателям, которые зачастую не являются ценителями изящества и глубины содержания, вечные моральные ценности человечества (и нечеловечества — фантастика!). Тем более это относится к добротной и серьезной литературе Пола Андерсона, которая пронизана утверждением сущности обыкновенного, нормального, честного человека, которому чужды расизм, ксенофобия, комплекс превосходства, зато присущи достоинство, доброта, стремление к справедливости.

Нелимитированная Орбита РОМАН

Часть 1. АМБАР РОБИН ГУДА

1

Свободе было около шестидесяти. Он сам не знал точно, сколько именно. На Нижнем уровне редко уделяли внимание таким мелочам, и его память сохранила единственное воспоминание из детства: идет дождь, над головой грохочут пронсящие по акведуку трамваи, а он стоит и плачет. Потом умерла мать, а тот, кто считался отцом, но на самом деле им не был, продал его предводителю воров Чернильному.

Для выходца из народа шестьдесят лет — возраст древний, независимо от того, крался ли он по-кошачьи через копать, грохот и внезапную смерть в столице Нижнего уровня, или, заботясь более о здоровье, нежели о свободе, извивался, как червяк, вдоль ствола шахты, или обхаживал мотор на планктоновой лодке. Для Гражданина же высшего уровня или для Стража шестьдесят лет были средним возрастом. Свобода, который отдал по половине прожитой жизни каждой из этих основных двух категорий, выглядел старым как черт, но мог надеяться еще на два десятка лет.

Хотя он сам не назвал бы это надеждой.

Левая нога снова дала о себе знать. В общем-то это была и не нога вовсе, а обрубок, втиснутый в специальный ботинок. Когда ему было около двадцати, он однажды пытался перелезть через церковную ограду, прихватив с собой серебряный потир, пожертвованный неким Инженером Хакэйви, но разрывная пуля из пистолета охранника вдребезги разнесла кость ноги. Ему удалось каким-то чудом удрать, но подстреленная нога была настоящим бедствием, да и случилось это, как нарочно, с самым многообещающим парнем Братства. Теперь пришла очередь Чернильного отдать его в обучение, на сей раз в притон для укрывания краденого, где Свободе пришлось

научиться писать и читать и откуда он начал свой долгий путь вверх.

Двадцать пять лет спустя, когда Свобода был уже Комиссаром Астронавтики, один медик посоветовал ему заменить культю протезом. «Я мог бы сделать вам такой протез, который невозможно было бы отличить от настоящей ноги», — сказал он. «Не сомневаюсь, — ответил Свобода. — Знал я некоторых Стражей постарше, которые вечно тряслись над своими искусственными сердцами, желудками и глазами. Я уверен, что наши замечательные ученые, двигая науку вперед и вперед, скоро начнут штамповать искусственные мозги, которые невозможно будет отличить от настоящих. Кстати, некоторые из моих коллег внушают мне подозрение, что эта идея уже воплощается в жизнь, — он пожал костлявыми плечами. — Нет. Я слишком занят. Может быть, потом как-нибудь».

Задача состояла в том, чтобы вырваться из Министерства Астронавтики — заведомого тупика, в который завели его нервные Высшие.

Когда же это удалось, сразу появились другие дела. Времени вечно не хватало. Приходилось мчаться что есть мочи, только чтобы удержаться на одном месте.

Читают ли еще «Алису»? Этот вопрос очень занимал Свободу.

Однако старая рана и в самом деле болела слишком часто. Свобода остановился, чтобы боль, пульсирующая в ноге, немного утихла.

— Все в порядке, сэр? — спросил Айязу.

Свобода посмотрел на гиганта и улыбнулся. Остальные шестеро его охранников были ничтожества — обычные бездушные квалифицированные машины для убийства. Айязу не пользовался оружием, он был каристом, и ему ничего не стоило пробить грудную клетку и вырвать легкие у того, кто не угодил Свободе.

— Я что-нибудь сделаю, — ответил Комиссар Психологии. — Не спрашивай, что именно, но это будет сделано.

Айязу подставил руку, чтобы хозяин облокотился на нее. Контраст между ними был комический. Рост Свободы едва достигал 150 сантиметров, у него был лысый куполообразный череп, лицо, изборожденное темными морщинами, и нос, похожий на кривую восточную саблю. Телосложение ребенка в сочетании с крикливым плащом огненного цвета, делало его фигуру нелепой. Впечатление усугублялось переливчатым мундиром с высоким воротником и темно-синими брюками клеш, сшитыми по последней моде. А Айязу, охранник с Окинавы, носил все серое, у него была черная грива до самых плеч и руки, деформированные от постоянных упражнений в раскалывании кирпичей ребром ладони и пробивании досок кулаком.

Свобода прокуренными пальцами вытащил сигарету. Он стоял на посадочной террасе, расположенной на огромной высоте. В отличие от дворцов большинства других Комиссаров, его резиденция не была окружена парковой зоной. Свобода приказал построить свою

министерскую башню прямо посреди города, который его породил. Город простирался под его ногами, насколько хватало взгляда. И хотя мешала загаженная атмосфера, на востоке, за плавучими доками, он все же мог разглядеть мерцание, похожее на блеск ртути, — это была Атлантика.

На землю опускались сумерки. На суриково-красной полосе заката, как на гравюре, вырисовывались черные вершины гор. Засветились огнями улицы столицы Высшего уровня. Нижний уровень под ним был сплошным черным пятном, откуда доносился приглушенный нескончаемый гул кольцевых линий, генераторов и автофабрик. Там изредка появлялись вспышки, обозначающие либо ожившие окна, либо свет фонарей, которые время от времени зажигали люди, вооруженные дубинками и ходившие группками из страха перед Братством.

Свобода выпустил дым через нос. Его взгляд скользнул мимо авиакара, который перенес его сюда из океанского дома и остановился на небе. Венера стала более заметной, белая на ярко-синем фоне. Свобода вздохнул и указал на нее:

— Знаешь, — сказал он, — я почти рад, что колонию там ликвидировали. Не потому, что она не оправдывала себя экономически, хотя Бог, существуй он на самом деле, был бы свидетелем, что в данное время мы не можем попусту тратить ресурсы. Причина здесь другая, более важная.

— Что же это за причина, сэр? — Айязу почувствовал, что Комиссар хочет поговорить. Они были вместе уже много лет.

— А то, что теперь, по крайней мере, есть место, куда можно удрать от людей.

— На Венере плохой воздух, сэр. Вы можете улететь на какую-нибудь звезду. Там вы избавитесь от общества людей, и скафандр носить не придется.

— Но девять лет во сне до ближайшей звезды! Не слишком ли много для поездки в отпуск?

— Да, сэр.

— А потом может оказаться, что найденные мной планеты будут ничуть не лучше, чем Венера... Или они будут похожи на Землю, все-таки отличаясь от нее, и это может надорвать сердце. Ну, ладно, пошли, продолжим игру в важных персон.

Свобода, откинувшись назад, оперся на свою палку и захромал ко входу в коридор со светящимися стенами. Охранники, выстроившись полукругом, шли чуть впереди и сзади него, рыская глазами туда-сюда. Айязу был рядом. Нельзя сказать, чтобы Свобода боялся террористов. Вообще-то сейчас работала ночная смена, потому что Комиссариат Психологии был главной цитаделью Федерального правительства. В этот час на этаже не должно было быть никаких мелких сошек.

В конце холла находилась комната для телеконференций. Свобода заковылял к легкому креслу. Айязу помог ему сесть и

поставил перед ним письменный стол. Возле большинства людей, смотревших с экранов, находились советники. Свобода, не считая охранников, был один. Он всегда работал в одиночку.

Премьер Селим кивнул. Позади него виднелись открытое окно и пальмы.

— Ах, наконец-то вы здесь, Комиссар, — сказал он. — А мы уже начали беспокоиться.

— Я прошу извинить меня за опоздание, — ответил Свобода. — Как вам известно, я никогда не занимаюсь делами дома, поэтому мне пришлось приехать на конференцию сюда. Да, кессон под моим фундаментом дал течь, гидростабilizаторы отказали, а прежде чем узнать, что случилось, я как раз выяснял, сколько времени, у осьминога, страдающего морской болезнью. Он мне наврал на десять минут.

Шеф безопасности Чандра заморгал, открыл свой рот, чтобы выразить протест, но потом кивнул:

— Ах, вы шутите. Я понимаю. Ха.

У себя в Индии он проводил заседания на рассвете, но правители Земли привыкли к нерегулярному расписанию.

— Давайте начнем, — предложил Селим. — Я думаю, обойдемся без формальностей. Но прежде чем без промедления заняться делами, я хочу спросить, нет ли чего-нибудь крайне безотлагательного?

— Э... — робко начал Ратьен, занимавший пост Комиссара Астронавтики. Это был слабовольный сын последнего премьера. Благодаря отцу он и получил свое кресло, и с тех пор никто так и не взял на себя труд отобрать его. — Э... Да, джентльмены, мне бы хотелось вновь поднять вопрос о фондах для ремонта... Я имею в виду то, что у нас есть несколько вполне хороших звездолетов, на ремонт которых требуется всего несколько миллионов, и они смогут... Э... снова отправиться к звездам. И потом академия астронавтики. Правое же, качество последних новобранцев оставляет желать много лучшего, так же как и их количество. Мне думается, если бы мы — а особенно мистер Свобода, поскольку это, кажется, относится к его министерству, развернули широкую пропагандистскую кампанию, адресованную младшим сыновьям в семьях Стражей... или Граждан профессионального статуса, которая убедила бы их в важности профессии астронавта, возвратила бы ей... э... былой романтический ореол...

— Пожалуйста, — перебил Селим, — в другой раз.

— Однако я мог бы кое-что ответить, — вмешался Свобода.

— Что? — Шеф Металлургии Новиков с удивлением возрился на него. — Вы — один из инициаторов этой спецконференции. И вы хотите, чтобы мы тратили время на не относящиеся к делу вопросы?

— Нет таких вопросов, которые не относились бы к какому-нибудь делу, — пробормотал Свобода.

— Что? — переспросил Чандра.

— Я всего лишь процитировал Энкера — отца философии

конституционалистов, — ответил ему Свобода. — В один прекрасный день, возможно, вы попытаетесь понять то, что сейчас хотите проигнорировать. Я убедился, что такое стремление способно творить чудеса.

Чандра покраснел от досады.

— Но я не хочу... — начал было он, однако, не стал продолжать.

Селим выглядел сбитым с толку. Ратьен жалобно сказал:

— Вы хотели высказаться по моему делу, мистер Свобода.

— Хотел.

Маленький человек зажег еще одну сигарету и глубоко затынулся. Его глаза, поразительно и волнующе синие на лице, подобном лицу мумии, скользили от экрана к экрану.

— Комиссар Новиков мог бы привести вам вполне подходящее объяснение упадка астронавтики: все больше людей и все меньше ресурсов с каждым днем. Мы так же не можем позволить себе межзвездную разведку, как и создание представительного правительства. Следы того и другого уничтожаются так быстро, как только позволяет наша боль, а также боль конституционалистов. Насколько мне известно, однако, скорость этого процесса все же не так высока, как того хотелось бы некоторым из вас, джентльмены. Но двадцать лет назад правительство, слишком грубо подталкивая социальные перемены, спровоцировало Североамериканское восстание.

Свобода ухмыльнулся.

— Так что вы должны принять этот урок к сведению и не подстрекать Министерство Астронавтики к мятежу. Легче поддерживать в действии несколько звездолетов еще на десяток-другой лет, чем штурмовать баррикады из картотек, обороняемые доведенными до отчаяния бюрократами, которые будут размахивать окровавленными в трех измерениях флагами. Но, со своей стороны, мистер Ратьен не должен ожидать, что мы будем не только расширять, но даже и содержать его флот.

— Мистер Свобода!.. — задохнулся Ратьен.

Селим откашлялся.

— Всем нам известно незаурядное чувство юмора Комиссара Психологии, — сказал он тусклым голосом. — Но поскольку он упомянул конституционалистов, я предполагаю, он тем самым хотел дать понять, что пора переходить к главному.

Все обратили взгляды на Свободу и замерли, ожидая. Он окутал себя клубами сигаретного дыма и ответил:

— Отлично. Осмелюсь сказать, травля Комиссаров — жестокий спорт, которому я лично предпочел бы охоту на улицах за хорошенькими девушками-Гражданками и проведение с ними специального инструктажа в течение нескольких недель.

На сей раз Свободу наградил свирепым взглядом Ларкин, Шеф Морских Культур.

— Возможно, — продолжал как ни в чем не бывало Свобода, — не все из вас знают, каков главный вопрос сегодняшней конференции.

Я представил на рассмотрение Премьера, мистера Чандра и Коменданта Северной Америки новый рапорт о конституционалистах. Он оказался таким спорным, что для его обсуждения решено было пригласить всю Комиссию Стражей.

Он кивнул Селиму. Грубое сероватое лицо Премьера казалось немного испуганным. Впечатление было такое, что именно Свобода дал ему разрешение начать. Он вздохнул, заглянул в бумаги, лежавшие на его столе, и сказал:

— Вся беда в том, что конституционалистов нельзя рассматривать как политическую группу. Если б это было так, мы бы хоть завтра выловили их всех. У них нет даже формальной организации и какого бы то ни было соглашения, которое бы их объединяло. Единственное общее между ними — их философия.

— Плохо, — пробормотал Свобода, — философские учения рационализируют эмоциональные отношения. Их философия — это самое натуральное смещение к фрейдизму.

— Что это такое? — поинтересовался Новиков.

— Вам следовало бы знать, — сладким голосом промолвил Свобода. — Вы в этом деле неплохой специалист. Однако продолжим. Официально термин «конституционализм» лишь отражает отношение к физическому миру, которое подразумевает, что мысли основаны на конституции (или составе) реальности. Можно было бы назвать это антимистицизмом. Но я вырос здесь, в Северной Америке, где половина населения все еще говорит по-английски. И я могу вас заверить, что в английском языке слово «конституция» имеет дополнительную смысловую нагрузку. Североамериканское восстание было вызвано тем, что Федеральное правительство постоянно и самым демонстративным образом нарушало даже не дух старой, бедной, много раз исправленной Конституции (к чему, кстати, оно и само приложило руку), а саму букву этой Конституции.

— Все это я прекрасно знаю, — сказал Чандра. — Не думайте, что я не занимался изучением этих так называемых философов. Я знаю, что многие из них участвовали в восстании, а если не они, так их отцы. Но они не представляют опасности. У них бывают междоусобные стычки, но это не самый худший класс. Сейчас у них нет причины, чтобы поднять еще один бесплодный бунт.

Чандра пожал плечами.

— Большинство из них достаточно сообразительны, чтобы понять, что Билль о правах, или как он еще там назывался, просто не имел никакого смысла на континенте, где из полумиллиардного населения восемьдесят процентов неграмотных.

— А кто они такие? — спросил Дилоло — Глава Сельского Хозяйства.

— В основном североамериканцы, — ответил Свобода. — Я имею в виду из коренных переселенцев, а не из тех, кто позднее эмигрировал сюда с Востока. Но их догмы распространяются среди образованных Граждан всех национальностей, по всему миру. Я

предполагаю, что если бы вы провели опрос, то обнаружили бы, что четверть всего грамотного населения — а среди ученых и того больше — по существу, признают доктрину конституционалистов. Хотя, конечно, не все из них сознательно относят себя к их числу.

Остальные внимательно слушали, не делая попыток прокомментировать его слова.

— Другими словами, — сказал Чандра, — это не просто новая религия. Она не для низов, но и не для Стражей и, как правило, — он посмотрел на Свободу долгим взглядом, — не для Граждан высшего уровня. Это я уже знаю. Это тоже составляло предмет моего изучения. И я выяснил, что конституционализм привлекает в основном людей, которым приходится много работать, зажиточных, но не богатых. Солидные и умеренные, они слегка увеличивают состояние отцов и мечтают, чтобы у сыновей оно было еще больше. Такие люди не могут быть революционерами.

— И все-таки, — возразил Свобода, — конституционализм набирает силу с быстротой несколько неожиданной, если вспомнить, сколь немногочисленны были прежде его официальные последователи.

— Как? — осведомился Ларкин.

— Вам теперь приходится оставлять в покое дочек ваших инженеров, не так ли? — вопросом на вопрос ответил Свобода.

— При чем тут... Я имею в виду... объясните вашу мысль, прежде чем я предъявлю свои возражения!

Свобода усмехнулся. Он мог вывести Ларкина из себя всегда, когда ему хотелось.

— У Стражей есть власть, — произнес он, — но и оставшиеся на Земле средние классы имеют определенное влияние. Здесь есть одна тонкость. Массы не пытаются подражать Стражам, да и практически не подчиняются им. Слишком велика между ними пропасть. Их естественные лидеры — Граждане ниже-среднего уровня. А уж они, в свою очередь, смотрят на средние и верхне-средние классы. Что же касается нас, Стражей, — мы можем издать указ об ирригации Марокко и согнать миллионы заключенных на рытье каналов, но лишь при том условии, что инженер из верхне-среднего класса убедит нас в осуществимости такого мероприятия. Возможно, именно он и мог бы подать нам подобную идею! Опасность конституционализма заключается в том, что он, похоже, может привести средний класс к осознанию своей потенциальной силы, что побудит их потребовать соответствующего количества голосов в правительстве. А это будет для нас, я бы сказал, смерти подобно.

Наступила пауза. Свобода докурил сигарету и зажег другую. Он почувствовал, что в горле у него клокочет. Ни один биомедик в мире не в силах возместить вред, наносимый им своим легким и бронхам. «Но что же делать?» — думал он во тьме своего уединения.

Селим сказал:

— Речь идет не об угрозе персонально нам, джентльмены. Но

Комиссар Психологии убедил меня в том, что, если нам дороги наши дети и внуки, мы должны серьезно обдумать этот вопрос.

— Я надеюсь, вы не имеете в виду массовый арест конституционалистов? — спросил взволнованный Ларкин. — Да это и невозможно! Мне известно, сколь многие из моего ведущего технического персонала... я хочу сказать, что это было бы бедствием для каждого океанического города на Земле!

— Вот видите! — улыбнулся Свобода, покачивая головой. — Нет, нет. Кроме таких вот практических, непосредственных трудностей широкая волна арестов может вызвать новые заговоры с целью ниспровергнуть Федерацию. Я не так глуп, друзья мои. Я предлагаю не громить конституционалистическое движение, а сделать под него подкоп.

— Но послушайте, — возразил Чандра, — если речь идет о простой пропагандистской кампании против этих верований, зачем собирать целую Комиссию Стражей, чтобы...

— Не только о пропаганде. Я хочу закрыть школы конституционалистов. Взрослых пока не будем трогать. Пусть думают так, как им нравится. Мы должны сейчас позаботиться о другом поколении.

— Но неужели же вы допустите, чтобы это отродье училось в наших школах? — прошипел Дилоло.

— Уверяю вас, у них нет вшей, — парировал Свобода. — Единственное, чем они, может быть, заражены, так это некоторой оригинальностью. Однако, не бойтесь, я не такой деспот. И все же моя идея в достаточной степени серьезна, чтобы санкционировать ее могло только решение всей Комиссии. Я предлагаю возродить старую систему обязательного образования.

Свобода сел и сделал вид, что не замечает поднявшегося гама, и поэтому все быстро умолкли. Тогда он продолжил:

— Конечно, эта система будет несколько изменена. Я не намерен вовлекать в нее безнадежные семьдесят пять процентов населения. Пусть живут в свое удовольствие. Не составит труда завысить приемные стандарты, чтобы чернь осталась в стороне. Мне же нужен указ, предусматривающий государственное финансирование и официальные требования ко всему основному образованию. Я оставляю в покое ремесленные центры, академии, монастыри и другие полезные или безвредные учебные заведения. Но школы, где преподавание ведется в соответствии с принципами конституционализма, будут объявлены школами недопустимо низкого стандарта. Я уволю учителей и заменю их хорошими преданными наемниками.

— Может возникнуть недовольство, — предупредил Дилоло.

— Да, но не думаю, что недовольных будет слишком много. Конечно, родители будут возражать. Но что они смогут сказать? Ведь государство во внезапном приливе щедрости снимает с их плеч тяжесть платы за обучение (неважно, откуда мы возьмем средства для этого) и обеспечивает качественные занятия и знания их детей и их адаптацию в обществе. Если же у родителей появится желание

дополнительно внушить своим чадам собственные маленькие смешные идейки, то они смогут заниматься этим по вечерам и во время каникул.

— Ха! — усмехнулся Чандра. — Много пользы тогда принесет эта реформа!

— Именно много, — согласился Свобода. — Саму философию мы трогать не будем. Однако ты не усвоишь ее как следует, слушая по часу в день лекции усталого отца, в то время как тебе хочется поиграть с друзьями в мяч. К тому же твои неконституционалистически настроенные одноклассники будут высмеивать твои странности. Родители вряд ли будут способны организовать общественную поддержку своих интересов. Их потомство, воспитанное в подобном духе, никогда не устроит революцию, и мы убьем конституционализм в его же собственной колыбели.

— Однако вы все еще не доказали, что результат стоит того, чтобы беспокоить себя этим убийством, — съязвил Новиков.

Ларкин мстительно поддержал его:

— Я знаю, в чем причина. В том, что единственный сын мистера Свободы — конституционалист. В том, что они порвали свои отношения десять лет назад и с тех пор не разговаривают!

Глаза Свободы побелели. Его взгляд остановился на Ларкине и застыл. Ларкин начал ерзать, вертеть в пальцах карандаш, посмотрел в сторону, потом назад и вытер с лица пот.

Свобода продолжал смотреть на него. В комнате стало очень тихо. И так же тихо стало в остальных комнатах, изображение которых передавалось сюда из разных точек Земли.

В конце концов Свобода вздохнул:

— Я изложу вам все факты и детали анализа, господа, — сказал он. — Я докажу, что конституционализм несет в себе семена социальных перемен, причем перемен радикальных. Может быть, вы хотите вернуть атомные войны? А может, вы считаете, что буржуазия достаточно сильна, чтобы иметь свой голос в правительстве? Последнее звучит менее угрожающе, но я уверяю вас, господа, что в таком случае Стражей можно будет считать мертвецами. Ну, а теперь, в доказательство моего утверждения, я начну с...

2

Дом Терона Вульфа оказался на пятом ярусе когда-то респектабельного района. Джошуа Коффин помнил, как почти столетие назад это здание одиноко возвышалось среди садов и только сумрачное облако на востоке указывало, где находится город. Но теперь город с его низкими пластиковыми скорлупками поглотил этот дом. Сменится еще одно поколение, и здесь уже будет территория Нижнего уровня.

— Однако, — заявил Вульф, — я прожил здесь всю свою жизнь и с какой-то сентиментальностью привязался к этому месту.

— Прошу прощения? — Коффин был удивлен.

— Возможно, звездолетчику это понять трудно, — улыбнулся Вульф. — Так же, как, впрочем, и большинству Граждан из категории осторожных, которым вообще незнакомы глубокие чувства. Они даже в большей степени кочевники, чем вы, Первый Офицер. Обычно ты или принадлежишь к семье Стража и обладаешь имением, или являешься безымянным человеком из толпы, слишком бедным, чтобы двинуться куда-нибудь, оборвать свои корни. Но я — исключение, потому что принадлежу к среднему классу, — он почесал бороду и через некоторое время саркастически добавил: — Кроме того, трудно найти квартиру, которая сравнилась бы с этой. Не забывайте, что с тех пор, как вы улетели, население Земли удвоилось.

— Я знаю, — сказал Коффин более резко, чем намеревался.

— Но войдемте же.

Вульф взял его под руку и повел с террасы. Они вошли в комнату старинного стиля с широкими окнами, массивной мебелью и панелями из дерева, возможно, настоящего, с полками, уставленными большими и маленькими книгами, и несколькими потрескавшимися от времени картинами, написанными маслом.

Жена коммерсанта, скромная женщина лет пятидесяти, поклонилась гостю и вернулась на кухню. Неужели она действительно сама готовила? Коффин был, непонятно почему, тронут.

— Пожалуйста, садитесь, — Вульф указал на обшарпанный отвратительный стул. — Это антиквариат, но еще весьма функциональный. Если, конечно, вы не предпочитаете современную моду сидеть, скрестив ноги, на подушке. Даже Стражи начинают полагать, что это элегантно.

Конский волос заскрипел под тяжестью тела.

— Курите?

— Нет, благодарю, — звездолетчику показалось, что его тон стал теперь слишком чопорным, и он попытался объяснить свой отказ: — Для людей нашей профессии эта привычка не характерна. Соотношение курящих и некурящих в межзвездном полете составляет примерно один к десяти.

Он вдруг запнулся.

— Извините, я не хотел касаться узкопрофессиональных тем.

— О, мне это было бы очень интересно. Именно поэтому я и пригласил вас сюда, заинтригованный вашей лекцией.

Вульф вынул для себя сигару из ящичка:

— Вина?

Коффин согласился на стаканчик сухого шерри. Вино было настоящее и, без сомнения, баснословно дорогое. Было своего рода кошунством угощать им человека с таким непритязательным вкусом, как у Коффина. Однако, как сказано в писании, безосновательная снисходительность к себе — это грех.

Он посмотрел на Вульфа.

Коммерсант был большим, тучным, но все еще энергичным для своего среднего возраста человеком. Широкое лицо его носило странный отпечаток какой-то отстраненности, как будто одна часть его существа, отчужденная от мира, предавалась исключительно созерцанию. На нем был официальный хитон, впрочем, надетый поверх пижамы, на ногах Коффин заметил тапочки.

Вульф сел, отхлебнул вина, выпустил кольцо дыма и сказал:

— Позор для нас, что так мало людей слушали вашу лекцию, Первый Офицер. Она была чрезвычайно интересной.

— Я не слишком блестящий оратор, — не без основания признался Коффин.

— Но чего стоит одна тема! Подумать только: планета в системе Эпсилон Эридана, пригодная к заселению!

Коффин почувствовал, как в нем поднимается тяжелая волна гнева. Прежде, чем он смог остановить ее, язык уже выпалил:

— Вы, наверное, уже тысячный, кто повторяет эту чушь. К вашему сведению, эту систему уже посещали несколько десятков лет назад, и ни одной планеты, сколько-нибудь пригодной для жизни, там не оказалось. Я-то думал, вы действительно слушали мою лекцию.

— Просто вылетело из головы. В наше время астронавтика редко является предметом разговора. Извините, — сказано это было больше из вежливости.

Коффин опустил голову, щеки его горели.

— Нет, это я должен просить у вас прощения, сэр. Я проявил несдержанность и невоспитанность.

— Забудьте об этом, — сказал Вульф. — Я думаю, мне понятно, почему вы так напряжены. Сколько времени прошло с тех пор, как вы улетели? Восемьдесят семь лет, из них пять, плюс время космических вахт, вы провели, бодрствуя. Это была вершина вашей карьеры, то, что дано испытать лишь немногим. И вот вы вернулись. Ваш дом исчез, ваши родственники рассеялись кто куда, люди и большая часть всего остального изменились почти до неузнаваемости. И, что хуже всего, никому до этого нет дела. Вы предлагаете им новый мир — пригодную для жизни планету, которую человечество мечтало обнаружить в течение двухсот лет космических исследований, — а они зевают вам в лицо или же начинают насмехаться над вами.

Некоторое время Коффин сидел молча, вертя в руках стакан с шерри. Это был высокий человек с лицом пьяного янки и первой сединой в волосах. Он все еще отдавал предпочтение облегающему мундиру и черным брюкам с острыми, как нож, стрелками и золотыми пуговицами, на которых красовался американский орел. Такая униформа была до смешного устаревшей, даже для работника космической службы.

— Ну, почему, — произнес он наконец, с трудом подбирая слова. — Я ожидал... Э... встретить другой мир... после своего

возвращения. Это естественно. Но я как-то не предполагал, что мир изменится именно в эту сторону. Мы, я и мои люди, как и все другие звездолетчики, мы знали, что выбрали особый путь в жизни. Но мы служили людям, а это все равно что служить Богу. Мы ожидали, что вернемся в общество астронавтики или, по крайней мере, в свою собственную нацию астронавтов, которая возникнет наряду с другими нациями, — вы понимаете? Но оказалось, что общество, наоборот, вырождается.

Вульф кивнул.

— Пока еще это понятно немногим, Первый Офицер, — сказал он, — но космонавтика увядает.

— Почему? — пробормотал Коффин. — Что мы такого сделали, почему все обернулось против нас?

— Мы съели наши ресурсы с той же непринужденностью, с какой увеличивали население. Поэтому Четыре Всадника выехали на предсказанные им дороги. Исследование космоса становится слишком дорогим.

— Но заменители — новые сплавы, алюминий — все еще должны быть в изобилии, и потом, термоядерная энергия, термоионическая конверсия, диэлектрическое аккумулирование...

— О, да, — Вульф пустил колечко дыма. — Хотя это неважно. Теоретически мы можем накопить неограниченное количество сплавов. Но где их применять? Легкие металлы и пластмассы подходят не везде, и вам все равно потребуется металл. Аппараты потребуют топлива. Ну, бедную руду можно обогатить, органику можно синтезировать и так далее. Но это обходится все дороже. Да и то, что производится, с каждым годом становится все дефицитнее: население растет. Конечно, сейчас уже нет и намека на равное распределение. Если бы мы попытались его ввести, всем пришлось бы опуститься до Нижнего уровня. Вместо этого богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. Обычная история: Египет, Вавилон, Рим, Индия, Китай, а теперь уже вся Земля. Так что честные Стражи (а таковых больше, чем вам, может быть, показалось) чувствуют себя не вправе тратить миллионы, которые могут пойти на смягчение, насколько возможно, страданий нищенствующих Граждан, на пустые исследования. А нечестные Стражи даже не взяли на себя труд послать эти исследования к черту.

Коффин был поражен. Он мрачно посмотрел на своего собеседника.

— Я слышал упоминание о чем-то под названием... э... конституционализм, — медленно сказал он. — Вы тоже признаете их доктрину?

— Более или менее, — уклончиво ответил Вульф. — Хотя это слишком витиеватое название для очень простой вещи — видеть мир таким, какой он есть, и вести себя соответственно. Энкер никогда не давал своей системе какого-то особого названия. Но Лэад грешил цветистостью выражений, и, — он замолчал, затянулся с осторожно-

стью бережливого человека, помнящего, сколько стоит табак, и резюмировал: — вероятно, вы сами, Первый Офицер, не в меньшей степени конституционалист, чем любой нормальный человек.

— Прошу прощения, нет. Из всего, что я слышал, выходит, что быть язычником — значит проповедовать языческую веру.

— Но это не вера. В этом все и дело. Мы — последние, кто еще держится против поднимающегося прилива Религии. Массы, а в последнее время и некоторые Высшие, делают поворот от мистицизма и марихуаны к более удобному псевдосуществованию. Я предпочитаю жить в мире реальности.

Коффин сделал гримасу. Он видел эти мерзости. На месте стоявшей на берегу моря белой церквушки, где раньше молился его отец, теперь торчал какой-то ухмыляющийся идол.

Он решил сменить тему.

— Но неужели лидеры не понимают, что космические исследования — это единственный способ избежать экономической ловушки? Если ресурсы Земли истощатся, в нашем распоряжении будет целая галактика.

— Пока что они не очень помогают Земле, — сказал Вульф. — Взять хотя бы проблему девятилетней транспортировки минералов с ближайшей звезды, да еще с таким соотношением, как один к девяти. Или сколько, по-вашему, понадобится кораблей, чтобы перевезти на другую планету земное население быстрее, чем оно восполняется на Земле?

Добро бы Растум был раем — а ведь вы сами признаете, что у этой планеты много недостатков с точки зрения человека и не слишком много людей могло бы прижиться там.

— Но все равно, традиция должна сохраняться, — возразил Коффин. — Разве одна лишь мысль о том, что существует колония, куда может скрыться человек, считающий жизнь на Земле невыносимой, разве одна эта мысль сама по себе не является утешением?

— Нет, — резко сказал Вульф. — Подневольный наемный Гражданин иногда, особенно на Нижнем уровне, настоящий раб, несмотря на маскарадную болтовню о контракте. Он не может себе позволить такой роскоши. И с чего это вдруг государство станет оплачивать ему еду? Это не уменьшит число ртов на планете, это лишь сделает государство еще беднее, так что толку наполнять эти рты? Да и сам Гражданин, как правило, в этом не заинтересован. Неужели вы думаете, что невежественное, суеверное дитя толпы, улиц и машин сможет выжить, обрабатывая незнакомую почву чужого мира? Неужели вы действительно полагаете, что ему захочется хотя бы попробовать? — Он махнул рукой. — Что же касается образованных людей и технократов, тех, которые могли бы на деле осуществить этот проект, то зачем это нужно им? Им и здесь хорошо.

— Да, я сам уже начал это понимать, — кивнул Коффин.

Широкое лицо Вульфа расплылось в ухмылке.

— А теперь представим, что эта колония каким-то образом все же сформировалась. Вам самому хотелось бы там жить?

— Боже правый, ну, нет! — Коффин резко выпрямился.

— Ну, почему же нет, раз вам так хочется, чтобы она была основана?

— Потому что... потому что я звездолетчик. Моя жизнь — это межзвездные исследования, а не фермерство и не работа в шахте. На Растуме сменилось бы немало поколений, прежде чем там появились бы свои звездолеты. Колонистам придется сначала заняться массой других дел.

Я думаю, такая колония принесла бы пользу всему человечеству, из корыстных целей я надеялся, что она возродит интерес к космическим полетам. Но это уже за пределами моей работы.

— То-то и оно. А я вот торговец полотном. И мой сосед Израэль Стейн полагает, что космические изыскания — это великолепное предприятие, хотя сам он преподает музыку. Мой друг Джон О'Мэлли занимается химией, и, исходя из специфики его работы, он был бы, безусловно, полезен на новой планете. Он иногда ловит жемчуг и однажды потратил накопленное за несколько лет на какую-то охотничью поездку, но его жена лелеет честолюбивые планы в отношении их детей. Есть и другие, кто привык к комфорту, каким бы сомнительным он ни был. Некоторые просто трусят. Другим кажется, что они пустили слишком глубокие корни. Причина может быть какой угодно. Они могут заинтересоваться вашей идеей, даже посочувствовать ей, но предпочтут предоставить ее выполнение кому-нибудь другому. И даже если вам удастся найти горстку людей, которые будут способны и пожелают лететь, их все же будет слишком мало, чтобы оправдать финансовые затраты на путешествие. «Квод эрат демон страндум» — что и требовалось доказать.

— Кажется, вы правы, — Коффин неподвижным взглядом смотрел на свой пустой стакан.

— Да я уже и сам начал об этом догадываться, — сказал он спустя некоторое время, и в его неторопливых словах чувствовалась тоска. — Мне дали понять, что моя профессия отмирает. Но это единственное, на что я гожусь. А самое главное — это единственное, что подошло бы моим детям, если они у меня когда-нибудь будут. Ведь мне придется выбирать жену из этого общества. Больше мне нигде не удалось обнаружить приличной семейной жизни... — он вдруг замолчал.

— Я знаю, — безжалостно усмехнулся Вульф. — Вы хотите извиниться. Да бросьте. Времена меняются, и вы попали не в свое время. Я не стану ни акцентировать тот факт, что моя старшая дочь — любовница Стража, ни поражать вас тем, что меня это ни в малейшей степени не волнует. Просто за последние несколько месяцев на Земле произошли гораздо более значительные перемены, которые я действительно не одобряю, и о них я хотел поговорить, когда пригласил вас сюда.

Коффин поднял глаза:

— Что?

Вульф, как петух, вытянул шею в сторону кухни и сказал:

— Мне кажется, обед почти готов. Идемте, Первый Офицер, — он вновь взял гостя под руку. — Ваша лекция была восхитительно сухой и богатой фактами, но мне хотелось услышать еще чуть более детальное описание. Что за планета Растум, какое оборудование понадобилось бы для основания колонии, какого минимального размера, материальные затраты... в общем, все. Я полагаю, вам приятнее будет говорить на узкопрофессиональные темы, чем вести пустые вежливые разговоры. Так воспользуемся же случаем!

3

Даже среди его пламенных поклонников было немало таких, которые удивились бы, узнав, что Торвальд Энкер был все еще жив. Известно было, что он родился сто лет назад и что он никогда не был достаточно богат, чтобы позволить себе квалифицированную медицинскую помощь. Это объяснялось тем, что он скорее посадил бы около себя умного нищего и позволил бы ему задавать вопросы, чем принял бы за ту же самую услугу хорошую плату от богатого молодого олуха. Поэтому казалось естественным, что ему пора уже было умереть.

Его трактаты поддерживали это убеждение. Главному его опусу, который все еще вызывал споры, было уже шестьдесят лет. Последняя книга, маленький сборник эссе, была напечатана двадцать лет назад и тоже была своего рода анахронизмом, потому что стиль ее был так легок, а мысль так отточена, словно на Земле все еще были две или три страны, где речь свободна. С тех пор он жил в своем крошечном домике в Согги-Фиорде, избегая известности, которой он никогда не добивался. Уголок, где он жил, был похож на фрагмент прежнего мира. Здесь немногочисленной группе людей приходилось существовать за счет собственных усилий, здесь люди неторопливо говорили на прекрасном языке и заботились о том, чтобы их дети получили образование. По нескольку часов в день Энкер преподавал в начальной школе, а взамен получал пищу и уход за домом. Остальное время он делил между садом и своей последней книгой.

Однажды утром в начале лета, когда на розах еще сверкали капельки росы, он вошел в свой коттедж. Этому дому с красной черепичной крышей и увитыми плющом стенами было несколько веков. Из его окон открывался вид на сотни метров вниз, где господствовали ветер, солнце, и взгляду представлялись кустик диких цветов, одинокое деревце, скала и отражающиеся в фиорде облака. Иногда мимо окна плавно пролетала чайка.

Энкер сел за письменный стол. Некоторое время он отдыхал, опершись подбородком в ладонь. Подъем был длинный, от самой

кромки воды, и ему пришлось несколько раз останавливаться, чтобы передохнуть. Высокое худое тело стало таким хрупким, что Энкеру казалось, он чувствует, как солнце пронизывает его насквозь. Но зато ему хватало короткого сна, и, когда наступят белые ночи, — кто это написал, что в это время небо подобно белым розам? — он спустится к фиорду.

Ну, что ж... Он вздохнул, откинул со лба непослушную прядь волос и превратился в писателя. На самом верху большой груды корреспонденции лежало письмо от молодого Хираямы. Оно не было слишком мастерски написано, но все-таки оно было написано, в нем чувствовалось горячее желание высказаться, и это было главное. Энкер не имел ничего против видеофона как такового, но не пользовался им, и не только из боязни, что тот будет постоянно прерывать ход его мыслей. Молодых людей надо заставлять писать, если они хотят установить с ним контакт, потому что письмо играет такую же большую роль для воспитания дисциплины мышления, как и речь, а может быть, и еще более важную, но повсюду умение писать постепенно утрачивается.

Его пальцы застучали по клавишам машинки.

«Мой дорогой Сабуро, спасибо Вам за Ваше доверие ко мне. Однако я боюсь, что Вы ошиблись адресом. Своей репутацией я обязан главным образом тому, что подражал Сократу. Чем больше я размышляю, тем больше убеждаюсь, что пробным камнем является основной вопрос теории познания. Откуда мы знаем то, что знаем, и что это такое, наши знания? Этот вопрос иногда вызывает некоторые озарения. Хотя я далеко не уверен в том, что озарения имеют много общего с познанием.

Однако я попытаюсь дать точные ответы на поставленные Вами вопросы, принимая во внимание то, что истинные ответы — это те, которые человек для себя находит сам. Но помните, что это мнение человека, который далек от современной реальности. Я думаю, в перспективе это принесет пользу, но я смотрю из прошлой реальности, которая стала теперь совсем чуждой, из соленой воды и рябин, из огромных зимних ночей, на живой человеческий мир. Без сомнения, Вы гораздо более компетентны, чем я, во всем, что касается трактовки его практических деталей.

Таким образом, я, во-первых, не советую Вам посвящать всю свою жизнь философии или фундаментальным научным изысканиям. Время имеет искривления, и Вам ничего не останется, как просто повторить то, что сказали и сделали другие.

Утверждая так, я исхожу не из шпенглеровского учения о мастерстве древней цивилизации, а из трезвого высказывания Донна о том, что ни один человек не может быть островом, то есть он не может быть изолированным. Если бы Вы не были так талантливы, Вы не смогли бы работать в одиночку: всегда необходимо «перекрестное опыление» между людьми, обладающими одинаковыми интересами, необходима особая атмосфера творчества, иначе незаурядность

утрачивает свое значение. Без сомнения, всегда существует особый биологический потенциал, будь то эра Перикла или Ренессанс: генетическая статистика гарантирует это. Но тогда социальные условия должны определять масштаб реализации этого потенциала, а также основные формы его выражения. Я надеюсь, что Вы не сочтете меня старым брюзгой, если я выражу мнение, что современная эпоха так же универсально скучна и бессодержательна, как Рим во времена Коммодуса. Такое, к сожалению, случается.

Но — позвольте — Вы откровенно спрашиваете, можно ли что-нибудь сделать, чтобы изменить настоящее положение дел. Честно Вам признаюсь — я в это никогда не верил. Теоретические пути, может быть, и есть, если вообще теоретически возможно превратить зиму в лето, ускорив вращение планеты на орбите. Но осуществлению этого мешают практические ограничения. Да это, в общем-то, и хорошо, что смертным с их смертными мечтами не дано властвовать над судьбой.

Вы, однако, кажется, считаете, что я был когда-то активным политиком, основателем конституционалистического движения. Это широко распространенное заблуждение. Я не имею к этому никакого отношения и даже никогда не встречался с Лэадом. (Тем не менее я сделал вывод, что он довольно загадочная личность. О прошлом его никто ничего не знает, появился он неизвестно откуда — по-видимому, его родители были людьми Нижнего уровня, — потом стал известным и через десяток лет бесследно исчез. Может быть, убит?) Он с пониманием и энтузиазмом читал мои работы, но не делал попыток познакомиться лично. По его утверждению, он только прикладывал мои принципы к конкретным ситуациям. Его феноменальный взлет произошел сразу же после подавления Североамериканского восстания и уничтожения последней претензии на независимость американского правительства. Раздавленная, отчаявшаяся социо-экономико-этническая группа пошла за лидером, который сфокусировал их зачаточные верования и предложил им свод жизненных правил. Фактически эти правила сводились к традиционным добродетелям, таким как терпение, храбрость, бережливость, трудолюбие, переплетенным с научным рационализмом, но если это ободрило их, я польщен, что Лэад действовал моим именем.

Однако я не вижу перспективы для них. Слишком уж значителен упадок. И сейчас, я слышал, хозяева решили уничтожить конституционализм как угрозу для статус кво.

Делается это очень умно, под видом бесплатного обучения, но это приведет к тому, что следующее поколение будет поглощено всеобщей толпой. Слава Богу, в нашем бедном районе нет частных привилегированных школ.

Если мы не можем переделать существующий строй, можем ли мы в таком случае спастись? Американцы в прежние времена сказали бы: подите к черту! Монашеские ордена послеримского периода, феодальной Индии и Китая, а также Японии с успехом овладели

искусством выживания, и я замечаю, что их современный эквивалент с каждым десятилетием становится все более весомым. Я лично тоже избрал для себя этот путь, хотя и предпочитаю быть отшельником, а не трупом, изъеденным червями. Такой ответ огорчает меня самого, Сабуро, но это, по-моему, единственно возможный ответ.

Когда-то был предложен и другой выход: христианам нужно оставить Город Разрушения.

Америка приняла немало беглецов: пуритан, квакеров, католиков, мормонов. А сегодня новой и еще более великолепной Америкой стали звезды.

Но, боюсь, наш век — не самый подходящий для бегства. Я имею в виду плохую приспособляемость земных поселенцев к окружающей среде других планет. А могущественное общество, отделившее их от себя, как должного ожидает от них расширения колоний и освоения новых пространств. Умирающие цивилизации не способны экспортировать свои основы. Да и самим основам нет никакого смысла отрываться. Лично мне хотелось бы провести остаток дней на этой новой планете Растум, хотя здесь мои корни, но кто отправится туда со мной?

Так что, Сабуро, нам остается только терпеливо ждать, пока...»

Руки Энкера соскользнули с клавиш. Боль в груди, казалось, разверзла настежь. Он с трудом встал, пытаясь ухватиться за воздух. Может быть, это было механическое движение тела. В гаснущем сознании возникла мысль, что у него есть, может быть, еще миг, чтобы увидеть фиорд и небо.

И он успел сказать себе со странным чувством благодарной радости: обещанная три тысячи лет назад смерть, Одиссей, придет к тебе из моря, и на ней будет маска нежности.

4

Все знали, что Комиссар Свобода отстранил от себя своего сына Яна. Однако он не издал приказа о его аресте, не причинил ему ни малейшего беспокойства, поэтому возможность примирения в конечном счете не исключалась. Это фактически, хотя и не официально, вернуло бы молодому Гражданину статус Стража. Поэтому лучше было оставаться все же его другом, чем становиться врагом.

В силу этих обстоятельств Ян Свобода никак не мог понять, обязан ли он служебным ростом самому себе или же какому-нибудь осторожному чиновнику из Министерства Океанических Минералов.

Он даже не мог бы с уверенностью сказать, кто из его друзей, за исключением немногих, на самом деле были таковыми. Ни попытки исподволь выяснить это, ни прямые вопросы, которые он задавал время от времени, ни к чему не приводили. И Ян ожесточился.

Узнав о новом отцовском декрете, касающемся образования, Ян произнес тираду, вызвавшую огонек зависти в глазах его друзей-кон-

ституционалистов. Они тоже не прочь были бы сделать подобные замечания, но не могли себе этого позволить, потому что не были сыновьями Комиссаров. Их попытки протестовать встретили такое противодействие, что оставалось только приспособливаться. В конце концов, это были представители образованного, состоятельного, прагматически настроенного класса, у них оставалась возможность обучать детей дома или даже нанимать репетиторов.

Итак, новая система вступила в действие. Прошел год.

Как-то ненастным вечером Ян Свобода вел аэрокар на посадку к своему дому. С запада наступали огромные серые волны, которые с грохотом проносились между кессонами. Пена и брызги от них залетали на крышу. Небо медленно двигалось, низкое и косматое. Видимость была настолько ограничена, что невозможно было разглядеть ни одного дома вокруг.

Ян подумал, что это его вполне устраивает. Морские дома были очень дорогими, и хотя он получал большое жалованье, этот дом был единственным, что он мог себе позволить, потому что конституционалисты обычно вели очень скромную жизнь. Несмотря на это, он испытывал финансовые затруднения. Но где еще можно спастись от суматохи, создаваемой всякими уродами?

Его машина коснулась колесами главной палубы, дверь гаража открылась и закрылась за ним, и он выбрался из кабины в свое обособленное безмолвие. Послышался слабый шелест — это заработали балансировочные установки, гидростабilizаторы, воздушные кондиционеры, электростанция; громче, хотя тоже приглушенно, стало доноситься завывание ветра, спорившего с океаном.

Ян почувствовал внезапное желание выйти и ощутить на лице влажный воздух.

Эти идиоты сегодня в министерстве, неужели они не понимают, что используемая сейчас система ионного обмена совершенно неэффективна при горячем обогащении и что даже небольшое базовое исследование могло бы привести к решению, которое...

Свобода стукнул узловатым кулаком по машине. Бесплезно. Он не знал, с кем именно надо бороться. С таким же успехом можно было носить воду решетом.

Ян вздохнул и пошел на кухню.

Он был среднего роста, довольно стройный, темноволосый, с высокими скулами, крючковатым носом и глубокой, преждевременной морщинкой между бровей.

— Здравствуй, дорогой, — жена поцеловала его. Затем добавила: — Ах, ощущение такое, как будто целуешь каменную стену. Что случилось?

— То же, что и обычно, — пробурчал Свобода.

Он прислушался к поразительной тишине.

— Где дети?

— Джосселина звонила с материка и сказала, что хочет провести этот вечер с какой-то своей подругой. Я ей разрешила.

Свобода остановился и долго смотрел на жену. Джудит сделала шаг назад.

— Да что случилось?

— Что случилось? — Ян заговорил, все повышая и повышая голос. — А ты знаешь, что вчера мы с ней застряли на середине теоремы о согласованном планировании? У меня сложилось такое впечатление, что она совершенно не в состоянии понять, о чем там идет речь. И это не удивительно, если в школе у нее целыми днями одно домоводство или еще какая-нибудь ерунда вроде этого, как будто единственная цель ее жизни — стать игрушкой богача или женой нищего. И разве можно ожидать, что она когда-нибудь научится правильно мыслить, если даже не знает, каковы функции языка? Клянусь жабами рогатыми! К завтрашнему вечеру она забудет все, что я вдолбил ей вчера!

Свобода почувствовал, что его голос сорвался на крик. Он замолчал, сглотнул и попытался оценить ситуацию объективно.

— Извини, я не должен был так взрываться. Но ты не знаешь.

— Может, и знаю, — медленно произнесла Джудит.

— Что? — Свобода, собравшийся выйти из кухни, развернулся на каблуках.

Джудит собралась с духом и сказала:

— В жизни существует не только одна дисциплина. Подумай сам: здоровые юнцы проводят в школе на материке четыре дня в неделю по шесть часов каждый день. Там они встречаются с местными детьми, которые затевают различные игры, экскурсии и вечеринки во внеурочное время. Так разве можно ожидать, что после этого наши дети вернутся сюда, где нет ни одного их сверстника, ничего, кроме твоих лекций и книг?

— Но мы же катаемся на лодке, — возразил ошеломленный Ян. — Мы ныряем, ловим рыбу... ездим в гости. У Локейберов мальчишка — ровесник Дэвида, а у Де Сметов...

— Мы встречаемся с этими людьми от силы раз в месяц, — перебила Джудит. — Все друзья Джози и Дэви живут на материке.

— Целая куча друзей, — огрызнулся Свобода. — У кого осталась Джози?

Джудит заколебалась.

— Так у кого же?

— Она не сказала.

Ян кивнул, почувствовав, как шея вдруг перестала гнуться.

— Я так и думал. Конечно, мы ведь старомодные чудачки. Мы не одобрили бы того, что четырнадцатилетняя девочка ходит на невинные маленькие вечера, где курят марихуану. Если они еще запланировали только это.

Он вновь перешел на крик.

— Ну, это в последний раз! На подобные просьбы впредь будет следовать категорический отказ, и пусть их драгоценная общественная жизнь катится к дьяволу!

Джудит закусила дрожащую нижнюю губу. Она отвела взгляд и тихо сказала:

— Прошлый год все было несколько иначе...

— Разумеется. Тогда у нас была своя школа. Не было никакой необходимости в дополнительных домашних занятиях, потому что во время уроков дети занимались чем положено. С одноклассниками тоже все было в порядке: это были дети нашего круга, с нормальным поведением и разумными символами престижа. Но что же мы теперь можем сделать?

Свобода провел рукой по глазам. Голова трещала. Джудит подошла к нему и потерлась щекой о его грудь.

— Не принимай это так близко к сердцу, дорогой, — прошептала она. — Вспомни, о чем всегда говорил Лэад: добивайтесь взаимодействия с неизбежным.

— Ты упускаешь из виду, что он подразумевал под словом «взаимодействие», — мрачно отозвался Свобода. — Он имел в виду, что неизбежное надо использовать наподобие того, как дзюдоист использует атаку своего противника. Мы забываем его совет, все из нас забывают, а его уже нет с нами.

Некоторое время они молчали, и Джудит прижималась к груди мужа.

Ян, казалось, вновь увидел ореол былой славы Лэада: он скользнул взглядом куда-то за пределы комнаты и тихо сказал:

— Ты не знаешь, как все это было. Ты была еще слишком мала и присоединилась к движению после смерти Лэада. Я сам был всего лишь ребенком, но помню, как мой отец насмеялся над ним. Однако я слышал, что этот человек говорил, и по видео, и в натуре, и уже тогда я знал. Не то чтобы я действительно понимал. Но я знал, что существует высокий человек с красивым голосом, вселяющий надежду в сердца людей, чьи родные погибли под развалинами разбомбленных домов. Мне кажется, потом, когда я начал изучать теорию конституционализма, я пытался вернуть то прежнее чувство... А мой отец только насмеялся над ним, но сделать ничего не смог! — Ян умолк. — Извини, дорогая. Я тебе рассказывал об этом сотню раз.

— А Лэад умер, — вздохнула Джудит.

Вновь охваченный внезапным гневом, Свобода выпалил то, что прежде никогда не говорил жене:

— Убит! Я в этом уверен. Но не просто кем-нибудь из Братства, случайно встреченным на темной улице, — нет, я слышал слово там, намек здесь, что мой отец имел с Лэадом конфиденциальную беседу: Лэад к тому времени стал слишком большой величиной. Я бросил отцу обвинение в том, что это он убрал Лэада. Он ухмыльнулся и не стал этого отрицать. Именно тогда я порвал с ним. А теперь он пытается убить и дело Лэада!

Ян высвободился из объятий жены и ринулся вон из кухни, вихрем пролетел через столовую и гостиную к выходу. Он надеялся, что дыхание бури охладит кипевшую в нем кровь.

В гостиной сидел, скрестив ноги, Дэвид. Он слегка покачивался, глаза его были полужакрыты.

Свобода резко остановился. Сын его не замечал.

— Что ты делаешь? — наконец спросил Ян.

Личность девяти лет от роду повернулась с внезапным изумлением, словно пробудившись ото сна.

— О, хэлло, сэр...

— Я спрашиваю, что ты делаешь? — взорвался Свобода.

Веки Дэвида снова опустились. Он казался ужасным хитрецом.

— Домашние задания, — пробормотал он наконец.

— Какое, к черту, домашнее задание? И с каких это пор этот тупоголовый негодяй, именуемый учителем, начал предъявлять требования к твоему интеллекту?

— Мы должны тренироваться, сэр.

— Прекрати морочить мне голову! — Свобода подошел к мальчику, встал над ним, уперев кулаки в бока, и посмотрел на него сверху вниз. — В чем тренироваться?

На лице Дэвида появилось мятежное выражение, но потом он, видимо, решил, что лучше не связываться.

— Эл... эл... элементарная настройка. Сначала надо освоить технику. Чтобы добиться фак... фактического навыка, нужны годы.

— Настройка? Навыки? — у Свободы снова появилось чувство, что он носит воду решетом. — Объясни, как ты это понимаешь. Настройка на что?

Дэвид покраснел:

— На Невыразимое Все.

Это был вызов.

— Но постой, — сказал Свобода, с трудом пытаясь сохранять спокойствие. — Ты ходишь в светскую школу — по закону. Там ведь вас не учат религии, не так ли? — он говорил и сам надеялся на это.

Если государство вдруг начало бы покровительствовать какому-то одному из миллиона культов и вероучений в ущерб всем остальным, это было бы гарантией беспорядков — что могло бы превратиться в клин для...

— О, нет, сэр. Это факт. Мистер Це объяснил.

Свобода сел рядом с сыном на пол.

— Что это за факт? Научный?

— Нет. Это не совсем так. Ты сам мне говорил, что наука не может дать ответы на все.

— Не может дать ответ, — механически поправил Свобода. — Согласен. Утверждать обратное все равно, что утверждать, будто открытие структурных данных есть совокупный итог жизненного опыта людей, а это самоочевидный абсурд.

Свобода почувствовал удовлетворение от четкости своей речи. Здесь было какое-то детское заблуждение, которое можно было рассеять разумной беседой. Глядя вниз на кудрявую каштановую голову, Свобода вдруг почувствовал, как его окатила волна нежности.

Ему хотелось взьерошить сыну волосы и позвать его на веранду поиграть в догонялки. Однако... — В обычном употреблении, — объяснил он, — слово «факт» служит для обозначения эмпирических данных и тщательно проверенных теорий. Это Невыразимое Все — явная метафора. Как если бы ты сказал, что наелся по уши. Это просто выражение, а не факт. Ты, должно быть, имеешь в виду, что вы проходите что-то по эстетике: почему на картину приятно смотреть и так далее.

— О, нет, сэр, — Дэвид энергично взмахнул рукой. — Это правда. Правда, которая выше науки.

— Но тогда ты говоришь о религии!

— Нет, сэр. Мистер Це рассказывал нам об этом. Старшие ребята в нашей школе уже в этой, ну, немного в настройке. Я хочу сказать, что это упражнение еще не дает осо... осо... осознания Всего. Ты становишься Всем. Не каждый день я имею в виду...

Свобода снова встал. Дэвид уставился на него. Отец дрожащим голосом сказал:

— Что это еще за чушь? Что означают слова «Все» и «Настройка»? Какова структура этой идентификации, которая, по сути дела, все равно что идентификация чередующихся четвергов? Продолжай! Ты владеешь основами семантики в достаточной мере, чтобы суметь все объяснить. По крайней мере, ты можешь дать мне понять, где кончается ясность и начинаются мнимые ощущения. Продолжай же!

Дэвид тоже вскочил. Кулаки его были сжаты, в глазах светилось что-то, похожее на ненависть.

— Это не значит ничего, — закричал он. — Ты не знаешь! Мистер Це говорит, что ты не знаешь! Он говорит, что эта игра со словами и оп... определениями, логика, все это просто чушь. Эта старая наука нереальна. Ты тянешь меня назад со своей старой логикой, и... и... и большие ребята смеются надо мной! Я не хочу учить твою старую семантику! Я не хочу! Я не буду!

Свобода с минуту смотрела на него. Потом опять прошел на кухню.

— Я уезжаю, — сказал он. — Не жди меня.

Дверь гаража с шумом закрылась за ним.

Через несколько минут Джудит услышала, как его машина вырвалась в бурю.

5

Терон Вульф покачал головой.

— Тч-тч-тч, — с укором поцокал он языком. — Вспыльчивость, вспыльчивость.

— Только не говори мне, что сердиться — значит проявлять незрелость, — уныло сказал Ян Свобода. — Энкер никогда не писал

ничего такого. Это Лэад однажды сказал, что не сердиться в скверных ситуациях — ненормально.

— Согласен, — отозвался Вульф. — И нет сомнения, что ты дал неплохой выход своим эмоциям, прилетев на материк, ворвавшись в однокомнатную квартирку бедного маленького Це и избив его на глазах его жены и детей. Однако я не понимаю, чего ты этим добился. Пошли, надо отсюда выбираться.

Они вышли из тюрьмы. Почтительный полицейский с поклоном открыл для них дверцу машины Вульфа:

— Извините нас за ошибку, — сказал он.

— Все в порядке, — ответил Вульф. — Вы были обязаны арестовать его, он ведь устроил кое-что похлеще, чем обычный скандал на Нижнем уровне; и кроме того, вы же не знали, что он — сын Комиссара Психологии (Свобода устало скривил губы). Но вы хорошо сделали, что позвонили мне по его настоянию.

— Не желаете ли вы предъявить какие-нибудь обвинения против субъекта Це? — спросил офицер. — Мы уж примем меры, сэр.

— Нет, — ответил Свобода.

— Ты даже мог бы послать ему цветов, Ян, — предложил Вульф. — Он всего лишь наемник, выполняющий то, что ему прикажут.

— А кто заставил его стать наемником? — рявкнул Свобода. — Мне уже надоело это хныканье: не вини меня, вини систему. Никакой системы нет — есть люди, которые делают либо хорошее, либо плохое.

Великолепный, как Юпитер, Вульф первым занял место в машине. Затем он включил контроль, аэрокар прошелестел по взлетной полосе и поднялся в воздух. Ночь все еще не кончилась, и по-прежнему дул ветер. Огни Верхнего уровня, похожие на драгоценную паутину, призрачно сияли над крошечной тьмой Нижнего уровня.

Висевшая над восточным горизонтом горбушка Луны посылала мерцающие лучи, которые отражались от черной поверхности бессонной Атлантики.

— Я распорядился, чтобы твою машину отогнали ко мне домой, и послал Джудит записку, чтобы она не волновалась, — сказал Вульф. — Может быть, не стоит тебе сейчас заваливаться домой и будить ее? Поедем лучше ко мне и проведем завтрашний выходной вместе. Тебе нужно прийти в себя.

— Хорошо, — бросил Свобода.

Вульф перевел автопилот на «круиз», протянул Свободе сигарету и достал еще одну для себя. Когда он затянулся, красный отсвет сигареты обрисовал его профиль на фоне темноты — бородатый Будда с легкой улыбкой Мефистофеля.

— Послушай, — сказал он, — ты всегда относился к вспыльчивым натурам, но, по крайней мере, старался быть уравновешенным. Иначе ты не стал бы конституционалистом. Давай подойдем к

ситуации объективно. Почему тебя волнует, кем станут твои дети? Я не сомневаюсь, что ты хочешь сделать их счастливыми. Но почему их счастье должно быть похоже на твое?

— Давай не будем забираться в дебри гедонизма, — сказал Свобода с усталым раздражением. — Я хочу, чтобы мои дети стали настоящими людьми.

— Другими словами, не только личностям, но и носителями определенной культуры. Но культурам личностей присущ инстинкт самосохранения, — пробормотал Вульф. — Очень хорошо. Согласен с тобой. Наша личная культура, твоя и моя, особое значение придает умственным способностям — может быть, даже чересчур большое значение, если это касается человека, обладающего безупречным здоровьем. Тем не менее мы считаем, что выбрали самый лучший образ жизни. Наша культура поглощается другой, новой, которая возвеличивает неопределенные подсознательные и внутренние функции организма. Мы становимся похожи на еврейских фанатиков, английских пуритан, русских староверов — на любую секту, пытающуюся восстановить определенные основы, которые, как чувствуют члены этой секты, начали расшатываться. (А на самом деле, как и все другие, мы создаем нечто совершенно новое, но давай не будем накидывать узду на твои прекрасные, хотя и питаемые самонадеянностью, устремления, углубляясь в анализ.) Подобно им, мы вступаем во все более острое противоречие с окружающим нас обществом. В то же время наше учение становится популярным среди людей какого-то определенного класса и распространяется по всему миру. Это, в свою очередь, настораживает приверженцев существующего порядка. Они начинают действовать, чтобы ослабить наше влияние. Мы реагируем в ответ. Разногласия усиливаются...

— Ну и что? — нетерпеливо перебил его Свобода.

— А то, — ответил Вульф, — что я не представляю себе, каким образом мы можем избежать обострения конфликта, при котором физическое насилие станет самым действенным методом. Но я лично против того, чтобы бедные учителя, не имеющие никаких дурных намерений, попадали в больницы.

Свобода порывисто выпрямился.

— Уж не имеешь ли ты в виду еще одно восстание? — воскликнул он.

— Во всяком случае, не такое, как последнее, потерпевшее полное фиаско, — сказал Вульф. — Зачем нам разделять участь староверов? Мы должны взять в качестве аналога Содружество Пуритан. Нам потребуется терпение, да и осторожность, друг мой. Организация — вот что нам необходимо. Не обязательно соблюдать разные формальности, главное — мы должны научиться действовать как единое целое, как группа. Достичь этого будет несложно: ты не единственный, кого новая школьная система приводит в негодование. Будучи объединены в организацию, мы сможем дать почувствовать нашу силу. Например, можно устраивать бойкоты, давать взятки

должностным лицам, и, пожалуйста, не падай в обморок, если я скажу, что Нижний уровень может в изобилии предоставить убийц по очень сходным ценам.

— Понятно, — голос Свободы звучал уже несколько спокойнее. — Давление. Да. Возможно, нам удастся хотя бы восстановить наши школы, если не удастся нечто большее.

— Давление, однако, вызовет ответное давление. Это вынудит нас еще больше усилить свой нажим. Возможно, и даже весьма вероятно, что в итоге начнется война.

— Что? Нет!

— Или государственный переворот. Но все-таки гражданская война наиболее вероятна. А поскольку некоторые офицеры армии и полиции уже присоединились к конституционализму и мы можем надеяться завербовать еще, то у нас есть шанс выиграть. Если, конечно, мы будем действовать осторожно. Такое дело нельзя искусственно подгонять. Но... мы могли бы начать потихоньку запасать оружие.

Свобода вновь пришел в раздражение. Он видел на улицах мертвецов, когда был еще ребенком. На сей раз дело могло бы дойти даже до смертоносной силы ядерной бомбы или до искусственной чумы. И можно ли будет потом что-нибудь восстановить на этом усовершенствованном шарике?

— Мы должны найти другой выход, — прошептал он. — Мы не должны позволить, чтобы дело зашло так далеко.

— Возможно, нам просто придется избрать этот путь, — сказал Вульф. — Так или иначе, нужно чем-нибудь пригрозить. В противном случае мы вынуждены будем просто отправиться к протцам.

Вульф посмотрел на профиль сидевшего рядом с ним человека, четко вырисовывающийся на фоне звездного неба. Буквально у него на глазах он каменел в решимости, которая могла впоследствии превратиться в фанатизм. Вульф чуть было не прочел вслух мысли Яна Свободы, но сумел вовремя сдержать себя.

6

Комиссар Свобода посмотрел на часы.

— Убирайтесь, — сказал он. — Проваливайте все.

Удивленные охранники повиновались. Только Айязу остался, как всегда, ему не нужно было ничего говорить. Некоторое время в большом зале не было слышно ни слова.

— Ваш сын сейчас придет, да? — спросил японец.

— Через пять минут, — ответил Свобода, — он будет точен, насколько я его знаю. Но вообще-то времена меняются, а мы не разговаривали с ним уже целую сотню лет.

Он почувствовал, что уголок его рта нервно подергивается. Этот

проклятый тик никак не хотел успокаиваться, чтоб ему провалиться до седьмого круга Дантова ада! Ну, перестань же, ну, пожалуйста! Похожий на карлика человек выбрался из кресла и захромал через весь зал к прозрачной стене.

Внизу мерцали нагретые купола башен и стальные магистрали, но в бледном небе царила зима, и морозное солнце казалось ужасно далеким. Затянулась в этом году зима. Свобода сомневался, кончится ли она вообще когда-нибудь.

Правда, время года не имело большого значения, если жизнь протекала в служебных помещениях. Но ему бы хотелось вновь увидеть, как цветет вишневый сад на крыше этого дома. Сам он никогда не позволял разводить на крыше зелень. Ему хотелось сохранить на земле хотя бы жалкие остатки естественной природы.

— Интересно, неужели в этом причина увядания технологической цивилизации? — вслух размышлял он. — Возможно, дело даже не в истощении ресурсов, не в бесконтрольной одержимости воспроизводства, не в падении грамотности и распространении мистицизма и тому подобном. Возможно, это всего лишь следствие, а настоящая причина заключается в коллективном бессознательном мятеже против всего этого металла и машин. Если мы возникли среди лесов, разве мы отважимся вырубить на Земле все деревья?

Айязу не ответил. Он привык к таким монологам своего хозяина, и его маленькие глазки были полны сочувствия.

— Если это так, — продолжал Свобода, — то тогда мои маневры, возможно, не служат никакой конечной цели. Но что поделаешь, мы — люди практические — не можем позволить себе тратить время на остановки и размышления.

Собственный сарказм привел его в несколько приподнятое расположение духа. Он вернулся, сел около своего стола и стал ждать, зажав между пальцами сигарету.

Едва пробило девять, дверь открылась, и вошел Ян. Первая мысль потрясенного Свободы была о Бернис.

О, Господи, он совсем забыл, что у мальчика глаза точно такие же, как у Бернис, а она уже шестнадцать лет как лежит в земле. Несколько секунд он сидел в полнейшей отрешенности.

— Итак? — холодно произнес Ян.

Свобода обхватил себя за худые плечи и сказал:

— Садись.

Ян пристроился на краешке стула и посмотрел на отца. Старый Свобода отметил, что сын похудел и стал более нервным, юношеская неуклюжесть его исчезла. Лицо над простым голубым мундиром застыло в строгой непреклонности.

— Куришь? — спросил Комиссар.

— Нет, — ответил Ян.

— Надеюсь, дома все в порядке? Твоя жена? Дети?

Про себя Комиссар подумал: «У большинства людей есть право

видеть своих внуков. Ах, перестань пускать сопли, консервированный Макиавелли!»

— Физически все здоровы, — сказал Ян. Голос его был подобен металлу. — Вы, Комиссар, человек занятой. Я не хочу отрывать у вас время по пустякам.

— Нет, безусловно, нет, — Свобода сунул в рот сигарету, вспомнил, что все еще держит в руке вторую сигарету и яростно смял ее.

Самообладание наконец вернулось к нему, и тон его стал сухим:

— Когда впервые возник вопрос о необходимости переговоров между мной и представителем новой Конституционалистической Ассоциации, мне казалось наиболее естественным встретиться с вашим президентом, мистером Вульфом. Возможно, кажется странным, что вместо него я выбрал тебя, ведь ты всего лишь мечтатель, состоящий членом вашего политического комитета.

Ян поджал губы:

— Я надеюсь, ты пригласил меня не для того, чтобы взывать к моим эмоциям.

— О, нет. Дело в том, что мы с Вульфом уже провели несколько бесед, — Свобода-старший хихикнул. — Ах-ах. Это удивило тебя, не так ли? Если б только я пришел к решению уничтожить твою организацию, я бы предоставил тебе возможность попсиховать по поводу этого факта. Но я скажу тебе правду: Вульф просто несколько раз говорил со мной по видеofону, осторожно зондируя почву по некоторым вопросам. Естественно, это побудило меня, в свою очередь, прозондировать нужную мне почву, но в итоге мы пришли к молчаливому соглашению.

Свобода оперся на локти, выпустил облако дыма и продолжал:

— Твоя организация была основана несколько месяцев тому назад. Конституционалисты всего мира тысячами вступали в нее. Однако при этом они преследовали разные цели. Одним нужна была трибуна, чтобы с нее изливать свои печали, другим, вне всякого сомнения, — революционное подполье, большинство же, вероятно, просто таило слабые надежды на взаимопомощь. Поскольку вы еще не приняли никакой четкой программы, никто из них пока не разочарован. Но сейчас настало время, когда ваш комитет либо должен выступить с определенным планом действий, либо стать свидетелем того, как ваши последователи возвращаются в изначальное студнеобразное состояние, — он сделал преднамеренную паузу.

— План у нас есть, — резко возразил Ян. — Раз уж ты так много знаешь, я скажу тебе, каков будет наш первый шаг. Мы собираемся подать официальное прошение об отмене твоего так называемого Декрета об образовании. Не скрою, что мы имеем определенное влияние на некоторых твоих коллег — Комиссаров. Если прошение не будет удовлетворено, мы примем более решительные меры.

— Экономическая блокада, — большая лысая голова Свободы закивала в такт его словам. — Бойкоты и замедление темпов работ.

Если это не поможет, то забастовки, замаскированные под массовые прошения об отставке. Следующее средство, без сомнения, гражданское неповиновение. Ну, а потом — о, да. Классический пример.

— Классический, потому что действенный, — сказал Ян.

Щеки его горели, и он вновь стал похож на мальчишку, вызвав в сердце Свободы шемящую боль, которая всегда сопровождала воспоминания.

— Не всегда, — вслух сказал он.

— Ты мог бы избавить нас от множества бед, отменив свой Декрет об образовании без промедления. В этом случае мы, возможно, согласились бы пойти на компромисс относительно некоторых других вопросов.

— О, но я не собираюсь.

Свобода молитвенно сложил руки, поднял глаза к небу и, держа сигарету в зубах, благочестиво забубнил, словно запел псалом:

— Общественные интересы требуют государственных школ.

Ян вскочил, ошетинившись:

— Тебе прекрасно известно, что это всего лишь ширма, чтобы легче было уничтожить нас!

— Вообще-то, — сказал Свобода, — я запланировал некоторые изменения в программе на следующий год. Время, которое отдано сейчас критическому анализу литературных произведений, будет использовано более целесообразно: мы заменим анализ механическим заучиванием. Ну, а потом, поскольку галлюциногены начинают выполнять все более важную социальную роль, практический курс с их надлежащим использованием...

— Ах, ты, сморчок! — взорвался Ян.

Он сделал стремительный выпад через стол. Айязу тут же оказался рядом с ним, хотя, казалось, не сделал ни одного шага, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние. Ребром ладони он ударил Яна по запястью. Другой рукой с негнущимися пальцами ткнул его в солнечное сплетение. Ян резко выдохнул и качнулся назад.

— Осторожнее, — предупредил Свобода.

Суставы его пальцев побелели, так сильно он сжал край стола.

— Я не причинил ему вреда, сэр, — заверил хозяина Айязу.

Он толкнул Яна в кресло и начал массировать его плечи и основание черепа.

— Через минуту он снова начнет дышать, — и добавил с плохо скрытой яростью: — Не следует так разговаривать с отцом.

— Насколько я понимаю, — заметил Свобода, — он, возможно, был прав.

Наконец остекленевшие глаза Яна стали нормальными. Однако еще некоторое время все молчали.

Свобода зажег другую сигарету и устался в пространство. Он хотел посмотреть на сына, ведь другого случая могло уже не представиться, но это нарушило бы его тактику.

Ян осел под нажимом огромного Айязу, потом мрачно уронил:

— Я не буду извиняться. Я надеюсь, ты не ждал ничего другого.

— Возможно, я вообще ничего не ждал, — Свобода сцепил пальцы и, положив на них подбородок, посмотрел на сына. — Безусловно, всем вашим действиям будет оказано сопротивление. И все же я лишь хочу подчеркнуть, что, даже если бы оно не было оказано, конфликт все равно бы усугублялся, правда, чуть медленнее, но с тем же самым конечным результатом. Ты так и не дал мне объяснить, почему ты, а не Вульф был выбран мною в качестве настоящего представителя вашей организации. Дело в том, что ты молод и горяч, поэтому больше подходишь на роль выразителя интересов грядущего поколения конституционалистов, чем более осторожный и менее внушаемый человек.

Экстремисты в вашей партии могли бы отвергнуть любой компромисс, предложенный Вульфом, просто потому, что он — Вульф, это очевидно. Но если план будет одобрен тобой, они прислушаются.

— Какое соглашение мы можем заключить? — огрызнулся Ян. — До тех пор, пока ты не вернешь нам детей...

— Пожалуйста, давай без сентиментальных оборотов. Позволь, я объясню тебе, в чем главная трудность. Ты и правительство — представители противоположных способов жизни, которые просто невозможно примирить. Когда-то, может быть, и была возможность сосуществования. Не исключено, что она вновь появится в будущем, когда разногласия перестанут казаться такими бесконечными. Но не теперь. Только представь себе, что мы действительно сдались, отменили Декрет об образовании и восстановили вашу систему частных школ. Для вас это будет победа, а для нас — поражение. Вашим завоеванием будет не только ближайшая цель, но также вера, поддержка, сила. Мы же все это теряем. Вы незамедлительно выдвинете новые требования, поскольку кроме школьной реформы у вас есть и другие поводы для недовольства. Получив назад свои школы, вы, чего доброго, захотите вернуть право на критику правительства и политических основ государства. Если вы добьетесь этого, вам понадобится право на публичную агитацию. Получив его, вы потребуете представительства в Комиссии Стражей. Затем... но, впрочем, нет нужды описывать все это в деталях. Мне кажется, лучше всего было бы решить вопрос сейчас, раз и навсегда, прежде чем вы станете слишком сильны. И поэтому вы зря надеетесь на поддержку со стороны моих коллег.

Ян рассвирепел:

— Если ты полагаешь, что последнее слово за тобой...

— О, нет. Мы уже обсудили средства, с помощью которых вы собираетесь осуществить свой нажим. Мне также прекрасно известны ваши возможности для накопления оружия, нейтрализации воинских частей и даже для применения силы. Некоторые Стражи предлагают немедленно арестовать ваш костяк. Но, увы, слишком уж важны ваши персоны. Представь, какая возникнет суматоха, если каждый

четвертый из технического персонала в Министерстве Полезных Ископаемых или же в Министерстве Морских Культур внезапно исчезнет, не оставив как следует обученных преемников. Или если Вульфа вдруг уберут из его хитрой системы снабжения — где тогда половина дам Верхнего уровня будет доставать новые туалеты, чтобы затмевать другую половину? Кроме того, утверждение, будто мученичество — движущая сила для любого дела, есть не что иное, как трюизм. Непременно появится огромное количество юнцов, которые внезапно загорятся, увидев нечто большее, чем их собственные персоны, хотя раньше им было наплевать на вашу философию... Да, действуя так круто, мы могли бы спровоцировать ту самую войну, которую хотели предупредить.

Свобода откинулся назад, смотря прямо на сына. Он увидел, что тот наконец-то заглотил наживку: в глазах замешательство, рот полуоткрыт, замерла поднятая как бы в нерешительности рука — то ли для защиты, то ли для молитвы, то ли для выражения благодарности.

— Возможен один компромисс, — сказал Комиссар.

— Какой? — голос Яна был едва слышен.

— Растум. Вторая планета Эпсилон Эридана.

— Новая планета? — Ян резко вскинул голову. — Но...

— Если бы наиболее недовольные конституционалисты покинули Землю добровольно, подготовив себе замену персонала и так далее, исчезла бы необходимость давления. После этого мы бы снова вернулись к школьному вопросу и решили бы его в пользу ваших единомышленников, оставшихся на Земле, но и без ущерба для себя. И даже если б мы не сделали этого, вы бы все равно отделались от нас. А мы отделались бы от наиболее упрямых элементов вашей оппозиции. Успешные ваши действия принесли бы славу всей Комиссии, подтолкнули бы нас к исследованию космоса и, таким образом, вполне заслужили бы нашу поддержку и поощрение. Что же касается необходимых для этого немалых расходов, вы располагаете ценным имуществом, которое невозможно будет взять с собой, так что, продав его, вы сможете достать средства для осуществления этого проекта. В истории много таких примеров. Массачусетс, Мэриленд, Пенсильвания пользовались поддержкой правительства, хотя оно было враждебным к провозглашенным в этих штатах идеалам и стремилось избавиться от идеалистов. Почему бы нам не повторить этот спектакль?

— Но двадцать световых лет, — прошептал Ян. — Мы больше никогда не увидим Землю.

— Да, вам придется пожертвовать многим, — согласился Свобода. — Но взамен вы избежите риска быть физически уничтоженными или поглощенными моими дьявольскими планами.

Он пожал плечами:

— Конечно, если твой морской дом, обогреваемый лучистой

энергией, более важен, чем твоя философия, тогда непременно оставайся дома.

Ян тряхнул головой, словно его опять ударили.

— Посоветуйся с Вульфом, — сказал Свобода. — Он знает о моем предложении, тем более что эту идею он сам же мне и подsunул.

— Что?! — глаза, точно такие же, как у Бернис, выразили неподдельное удивление.

— Я же тебе уже говорил, что Вульф — это не какой-нибудь пожиратель огня, — рассмеялся Свобода. — Я предполагаю, что он взвесил возможность ниспровержения правительства и сделал для этого кое-какие предварительные приготовления. Но мне кажется, это никогда не было для него самоцелью. Он просто хотел показать товар лицом, делая это для тех, чей энтузиазм было необходимо подхлестнуть. Он стремился занять позицию, выгодную для торга... чтобы заставить нас послать вас на Растум.

Он увидел, что его слова произвели нужный ему эффект. Узнав о том, что сам Вульф, руководитель, позволял себе закулисные действия, Ян будет меньше опасаться подвоха в любом достигнутом соглашении.

— Мне придется поговорить с ним, — Ян встал. Его охватила внезапная дрожь. — Со всеми поговорить. Нам нужно будет подумать... До свидания.

Он повернулся и, спотыкаясь, пошел к двери.

— До свидания, мой мальчик, — сказал Свобода.

Он сомневался, что Ян его услышал. Дверь закрылась.

Свобода долго сидел, не двигаясь. Сигарета, зажатая между кончиками пальцев, сгорела до самого конца и обожгла его. Он выругался, бросил ее в пепельницу-аннигилятор и с трудом поднялся. Разбитая нога снова начала дьявольски болеть.

Айязу скользнул вокруг стола. Свобода оперся о его руку, словно о ствол дерева, и зашагал к прозрачной стене, чтобы увидеть сверкание океана.

— Ваш сын вернется, да? — спросил Айязу.

— Не думаю.

— Вы хотите, чтобы они улетели на ту планету?

— Да, так оно и будет. За годы работы я хорошо изучил свой аппарат.

Солнце снаружи было бледным, но его свет ослепил Свободу, и он потерял глаза кулаком. Потом сказал вслух ясным, но раздражающе нетвердым голосом:

— Старик Чернильный был человеком в определенном смысле образованным. Он, бывало, заявлял, что главная аксиома в человеческой геометрии, — это то, что прямая не является кратчайшим расстоянием между двумя точками. Фактически, прямых линий вообще не существует. Я понял, что он был прав.

— Это вы про свой план, сэр? — в голосе Айязу слышалось больше участия, чем разумного интереса.

— Угу. Книги Энкера, а также мой собственный здравый смысл подсказали мне, что в обозримом будущем у Земли нет никаких надежд.

Может быть, через тысячу лет, когда разрушение остановит упадок, что-то и начнет здесь развиваться, но моему сыну от этого будет мало пользы. Мне бы хотелось, чтобы он унес отсюда ноги, пока еще есть время. В новый мир, чтобы начать все сначала. Но нельзя же отправлять его одного. Нужно сделать так, чтобы там образовалась колония. А колонисты должны быть людьми здоровыми, независимыми, талантливыми и изъявить собственную волю для полета туда: люди другого типа там просто не выживут.

Я готов держать пари, что планета, пригодная к заселению, будет обнаружена, но я не могу поручиться, что она будет очень гостеприимной...

Может возникнуть вопрос: почему эти люди должны покинуть Землю? Ведь цивилизация загнила еще не настолько, чтобы не оставить им шанса с успехом позаботиться о себе и здесь, на Земле.

Поэтому необходимо создать на Земле препятствие, которое не смогли бы преодолеть ни сила, ни разум.

Каким должно быть это препятствие? Так вот, в самой природе конфликтов между различными культурами заложена их неразрешимость. Когда сталкиваются две аксиомы, логика бессильна. Поэтому я основал внутри Федерации конкурентное общество. Это было несложно. Здесь, в Северной Америке, умирающая культура совсем недавно пыталась отстоять свои права с помощью восстания, но потерпела поражение, и все-таки она еще была жива. Необходимо было придать ей новый дух и указать новое направление. За основу я взял философию Энкера. А в качестве исполнителя привлек Лзада, блестящего актера, у которого были хорошие мозги, но не было совести. Он обходился мне недешево, но был человеком преданным, поскольку я дал ему ясно понять, чем он рискует.

Когда он сделал то, что от него требовалось, я отправил его на пенсию — с другим лицом, с другим именем и с щедрым содержанием. Четыре года тому назад он умер от пьянства.

Конечно, всегда существовали подозрения, что именно я убил Лзада. Это была первая раздражающая рана, за ней последовали и другие.

Свобода помнил, как его сын в ярости ушел из дома и не вернулся. Он вздохнул. Невозможно было предвидеть все до мелочей. Может быть, хоть внуки Бернис вырастут свободными, если их не поглотит Растум.

— В конце концов, — продолжал он, — мои конституционалисты оказались благодаря моим стараниям в таком положении, что их же собственный хитрец Вульф вынужден был попытаться заставить меня помочь им эмигрировать. Я думаю, теперь главное позади. Мы с тобой перевалили через гору и теперь можем спокойно смотреть,

как наш вагон катится вниз по склону. А у подножия этой горы — звезды.

— Поедьте на юг, — неловко предложил Айязу. — Там вы сможете посмотреть на его новое солнце.

— Я думаю, что меня уже не будет в живых, когда он доберется туда, — сказал Свобода.

Он пожевал губу, затем выпрямился и заковылял прочь от окна.

— Пойдем. Нанесем визит какому-нибудь коллеге Комиссару и нахамим ему.

Часть 2. ГОРЯЩИЙ МОСТ

1

Послание нес электронный голос самого мощного сжато-излучающего коротковолнового передатчика, который был в распоряжении людей. Математики и инженеры сделали все, чтобы сигнал пошел в нужном направлении. Оставалось лишь надеяться, что карандаш, блуждавший по карте звездного неба, указал точную цель. Ведь расстояния на этой карте измерялись световыми неделями, и малейшая ошибка могла привести к чудовищным отклонениям.

Однако случилось так, что попытка оказалась удачной. Офицер связи Анастас Мардикян смонтировал свой приемник после того, как прекратилось ускорение, — нечто огромное, окружившее флагманский корабль «Скиталец» наподобие паутины. Затем он настроил его на широкий диапазон и, словно надеясь на что-то, оставил включенным.

Радиоволна прошла сквозь него, слабая и призрачная в результате дисперсии, дважды удлинленная согласно эффекту Доплера, разбитая космическими шумами так, что даже хитроумная система фильтров и усилителей смогла сделать ее едва различимой.

Но этого было достаточно.

Мардикян помчался на капитанский мостик. Он был молод, и за несколько месяцев триумф первого космического путешествия для него еще не утратил своего блеска.

— Сэр, — крикнул он. — Сигнал... Только я повернул ручку... сигнал с Земли!

Капитан флотилии Джошуа Коффин вздрогнул. Поскольку они находились в невесомости, это движение сбросило его с палубы. Он мастерски вернулся в прежнее положение, овладел собой и строго сказал:

— Если вы до сих пор не запомнили правила внутреннего распорядка, то неделя, проведенная в одиночной камере, возможно, даст вам шанс заучить их наизусть.

— Я... но, сэр, — Мардикян замолчал.

Его униформа отбрасывала на металл и пластик причудливые

радужные тени. Коффин был единственным из членов экипажа, кто остался верен черному мундиру звездолетчика, давно вышедшему из моды.

— Но, сэр, — опять начал Мардикян, — весточка с Земли!

— Только дежурный офицер имеет право заходить на мостик без разрешения, — напомнил ему Коффин. — Если вам требуется что-то срочно сообщить, в вашем распоряжении имеется интерком.

— Я думал... — пробормотал Мардикян. Он замолчал, затем, с трудом овладев собой, сказал: — Извините, сэр, — и в глазах у него сверкал гнев.

Коффин некоторое время спокойно висел, разглядывая смуглого юношу в сверкающем костюме.

«Забудь про это, — сказал он сам себе. — Времена меняются. Как звездолетчик он вполне хорош для своего времени — такой же легкомысленный, суеверный и болтливый, как и все остальные. К тому же болтают они между собой на языках, которых я не понимаю. Однако хорошо еще, что хоть какие-то рекруты есть, и, дай Бог, чтобы они были, пока я жив».

Холимайер, дежурный офицер, был высокий белобрысый уроженец Ланкашира, но глаза у него были чисто азиатские. Все трое молчали, слышалось только тяжелое дыхание Мардикяна. Звезды заполнили находившуюся на носу корабля обзорную рубку, теснясь в тяжелой ночной тьме.

Коффин вздохнул.

— Так и быть, — сказал он. — На этот раз я вас прощаю.

В конце концов, послание с Земли действительно было событием. Радио еще работало, когда они были между Солнцем и Альфой Центавра, но только благодаря очень сложному специальному оборудованию. Указать местонахождение горстки кораблей, движущихся с полусветовой скоростью, и сделать это настолько точно, что даже сравнительно маленький приемник Мардикяна смог поймать волну, — да, у парня была довольно уважительная причина для телячьей радости.

— Что это был за сигнал? — осведомился Коффин.

Он полагал, что это всего лишь текущая служебная трансляция, контрольный сигнал, посланный для того, чтобы через много лет инженеры совсем другого поколения могли поинтересоваться у возвратившихся звездолетчиков, принимали ли они эту передачу. Если, конечно, к тому времени на Земле еще останутся инженеры. Но вместо того чтобы подтвердить его мысль, Мардикян выпалил:

— Старый Свобода умер. Новым Комиссаром Психологии назначен Томас... Томсон... было плохо слышно... но, короче, он вроде бы симпатизирует конституционалистам. Он аннулировал Декрет об образовании, обещал с большим уважением относиться к провинциальным нравам... Идите, послушайте сами, сэр!

Сам того не желая, Коффин присвистнул.

— Но ведь именно этот декрет был причиной для основания колонии на Эридане, — сказал он.

В тишине рубки его слова прозвучали уныло и глупо.

— По-видимому, теперь необходимость в основании этой колонии отпала, — заметил Холимайер. Он произносил слова с каким-то не свойственным англичанину присвистом, который Коффин ненавидел, потому что он напоминал ему шипение змеи. — Но каким образом мы сможем сообщить об этом трем тысячам будущих колонистов, погруженным в глубокий сон?

— А разве мы должны это делать? — Коффин, сам не зная почему — еще не зная, — почувствовал, что мозг цепенеет от страха. — Мы взялись доставить их на Растум. Не получив с Земли никаких точных приказаний, можем ли мы допустить хотя бы мысль об изменении планов... тем более что провести общее голосование невозможно? Лучше всего, во избежание возможных неприятностей, даже не упоминать...

Он внезапно замолчал. Лицо Мардикяна превратилось в маску страха.

— Но, сэр!.. — проблеял связист.

Коффин почувствовал озноб.

— Вы уже проболтались? — спросил он.

— Да, — прошептал Мардикян. — Я встретил Конрада Де Смита, он перешел на наш корабль, чтобы взять какие-то запчасти и... Я никогда не думал...

— Уж это точно! — прорычал Коффин.

2

Во флотилии было пятнадцать кораблей — более половины всех звездолетов, которыми располагало человечество. Добраться до Эпсилон Эридана и вернуться обратно они могли не раньше чем через 82 земных года. Но правительство не обращало на это внимания. Оно даже не поскупилось на речи и музыку при отправке колонистов. «После чего, — думал Коффин, — оно, без сомнения, ухмыльнулось и возблагодарило своих многочисленных языческих богов за то, что с этим делом наконец-то покончено».

— Но теперь, — пробормотал он, — все меняется.

Коффин празднично сидел в общем зале «Скитальца», ожидая начала конференции. Строгость окружавших его стен нарушалась несколькими картинами. Коффин прежде настаивал, чтобы на стены ничего не вешали (кому было интересно разглядывать, например, фотографию лодки, в которой маленький Джошуа катался по массачусетскому заливу сияющим летом?), но даже власть капитана флотилии — теоретически абсолютная — имела границы. По край-

ней мере, обошлось без непристойных изображений девиц с голыми задницами. Хотя, если признаться честно, он не был уверен, что не предпочел бы подобные плакаты тому, что было перед ним: мазки кистью по рисовой бумаге, какое-то подобие дерева, классическая идеограмма... Он решительно не понимал новое поколение.

Шкипер «Скитальца» Нильс Киви олицетворял для Коффина дыхание Земли: маленький, энергичный финн сопровождал Коффина в первом полете на Эпсилон Эридана. Их нельзя было назвать друзьями, поскольку у адмирала вообще не было друзей, но молодость их пришлась на одно и то же десятилетие.

«Фактически, — подумал Коффин, — большинство из нас, звездолетчиков, анахронизм. Только Голдберг, Ямато или Перейра, ну, может быть, еще несколько человек из тех, что летят сейчас с нами, не стали бы делать удивленные глаза, упомяни я об умершем артисте или спой я старую песню. Но они сейчас в глубоком сне. Мы отстоим сейчас нашу годовую вахту, а потом нас поместят в саркофаги, и возможность поговорить с этими людьми у меня появится только после окончания полета».

— Возможно, это было бы забавно, — задумчиво произнес Киви.

— Что? — спросил Коффин.

— Снова побродить по Высокогорью Америки, половить рыбу в речке Эмперер и разыскать наш старый лагерь, — сказал Киви. — Несмотря на то что нам пришлось вкалывать, иногда даже с риском для жизни, на этом Растуме, все-таки бывали у нас и там приятные минуты.

Коффина поразило, что Киви думал почти о том же, что и он.

— Да, — согласился адмирал, вспоминая странные дикие рассветы на краю расселины. — Это были прекрасные пять лет.

Киви вздохнул:

— На этот раз все иначе, — сказал он. — Возможно, мне не захочется туда возвращаться. Тогда мы были первооткрывателями, мы ходили там, где до нас не ступала человеческая нога. Колонисты полны надежд. Мы для них лишь транспортники.

Коффин пожал плечами. Он и раньше слышал подобные жалобы, еще до отправки, и потом, во время полета, они тоже были нередки. Люди, которым, как здесь, приходится подолгу находиться вместе, должны научиться терпеливо выносить однообразие друг друга.

— Мы должны принимать то, что нам дали, и быть благодарными, — заметил он.

— На этот раз, — сказал Киви, — меня мучает беспокойство: а вдруг я вернусь домой и обнаружу, что моей профессии более не существует? Никаких космических полетов. Если это случится, то я отказываюсь выражать благодарность.

— Прости его, Господи, — попросил Коффин своего Бога, который редко прощал. — Тяжело видеть, как основу твоей жизни разъедает коррозия.

Глаза Киви загорелись, но это была лишь короткая вспышка.

— Конечно, — сказал он, — если мы действительно откажемся от этого полета и отправимся немедленно домой, мы еще можем успеть. Может быть, тогда еще будет организовано несколько экспедиций к новым звездам, и нам удастся попасть в их списки.

Коффин весь напрягся. Он вновь не мог понять, почему на него опять нашло: на сей раз накатила злость.

— Я не позволю бросить дело, которое мы обязались выполнить, — отрезал он.

— Ой, да бросьте вы, — сказал Киви. — Подойдем к этому вопросу с рациональной точки зрения. Я не знаю, что за причина заставила вас взяться за этот противный круиз. У вас достаточно высокое звание, чтобы аннулировать соглашение, кроме вас, никто не имеет на это права. Но вы, так же как и я, помешаны на исследованиях. Если б Земле не было до нас дела, она не побеспокоилась бы пригласить нас обратно. Так пользуйтесь случаем, пока есть возможность. — И Киви предупредил ответ адмирала, взглянул на настенные часы: — Пора начинать конференцию.

Он включил межкорабельный коммутатор.

Телевизионная панель, разделенная на четырнадцать секций — по одной на каждый сопровождающий корабль, — ожила. Из каждой секции смотрели одно или два лица. Команды, которые состояли только из спящих сменных групп или снабженцев, были представлены капитанами кораблей. Те же, на борту которых находились колонисты, выдвинули от своего лица, наряду со шкипером, по одному гражданскому представителю.

Коффин по очереди взгляделся в каждое изображение.

Звездолетчиков он знал. Все они принадлежали к обществу, и даже у тех, кто родился гораздо позднее его, было много общего с ним. Всем им была присуща необходимая минимальная дисциплина мысли и тела, у всех была одна главная мечта, которой подчинялись все остальные мелочи жизни, — новые горизонты под новыми солнцами. Однако они не позволяли себе увлекаться поэтикой: слишком много работы.

Колонисты — это нечто совсем другое. С ними у Коффина тоже было кое-что общее. Подавляющее большинство из них были уроженцами Северной Америки, они привыкли научно мыслить и, так же как он, не доверяли правительству. Но лишь немногие из конституционалистов исповедовали какую-нибудь религию, а те, кто имел веру, были католиками, иудеями, буддистами или адептами совсем уж диковинных учений. Все они были заражены присущим этой эре духом себялюбия. В их «Завете» было написано, что личная мораль не подчиняется никаким законам и что свобода речи не ограничивается, если эта речь не содержит клеветы. Иногда Коффин думал, что будет рад расстаться с ними.

— Все готовы? — начал он. — Хорошо, тогда приступим к делу. Очень жаль, что офицер связи так необдуманно проболтался. Тем самым он расстроил осиное гнездо... — Коффин заметил, что

последнее выражение поняли лишь очень немногие. — Он вызвал недовольство, которое угрожает осуществлению всего проекта. Нам придется это обсудить.

Конрад Де Смет, колонист с «Разведчика», ехидно улыбнулся.

— Вы, вероятно, просто скрыли бы от нас этот факт? — спросил он.

— Это упростило бы дело, — придушенным голосом ответил Коффин.

— Другими словами, — сказал Де Смет, — вы лучше нас самих знаете, чего мы хотим. Именно от такой самонадеянности мы и стремились убежать, покидая Землю. Никто не имеет права скрывать информацию, касающуюся общественных интересов.

Низкий голос с призывом смеха произнес через накидку:

— А вы еще обвиняете адмирала Коффина в том, что он якобы молится!

Глаза уроженца Новой Англии обратились к ней. Хотя взгляд Коффина не мог проникнуть через бесформенную накидку и маску, которая скрывала выведенную из состояния сна женщину, Коффин узнал ее: они встречались на Земле при подготовке к этой экспедиции. Женщину звали Тереза Дилени. Услышать сейчас ее голос было все равно что вспомнить бабье лето на поросшей лесом горной вершине сто лет назад.

Его губы непроизвольно сложились в подобие улыбки.

— Спасибо, — сказал он. — А вы, мистер Де Смет, конечно, знаете, чего хотят спящие колонисты? Разве у вас есть право решать за них? А мы ведь не можем разбудить их, даже взрослых, чтобы проголосовать. Нам всем просто не хватит места. Кроме того, регенераторы не смогут выработать сразу такое количество кислорода. Вот почему мне казалось, что лучше всего было бы никому ничего не говорить до тех пор, пока мы не прилетим на Растум. Тогда желающие могли бы, я думаю, вернуться обратно вместе с флотилией, — предложил он.

— Мы могли бы будить их по несколько человек за один раз, давать им проголосовать и вновь усыплять, — предложила Тереза Дилени.

— Это заняло бы недели, — сказал Коффин. — К тому же вам, как никому другому, должно быть известно, что метаболизм нелегко остановить, но очень просто возбудить.

— Если бы вы могли видеть мое лицо, — ответила она, слегка усмехнувшись, — я бы изобразила на нем «Аминь». Мне так надоело возиться с инертным человеческим телом... М-да... Хорошо еще, что пришлось иметь дело только с женщинами и девушками. Потому что если б надо было делать массаж и уколы мужчинам, я дала бы обет целомудрия.

Коффин покраснел, тут же прокляв свое смущение, и понадеялся, что она не заметила этого на телеэкране. Зато он увидел, как ухмыльнулся Киви. Проклятый Киви!

Молодая колонистка прошла еще по поводу того, как он должен вести себя, чтобы уберечься от гомосексуальных тенденций.

Коффин отчаянно старался найти подходящее слово для своего ответа. У этих людей совершенно отсутствовало чувство стыда. Здесь, в великой ночи Господа, они осмеливаются говорить такие вещи, которые должны были бы вызвать сверканье молний, а ему приходится сидеть и слушать.

Киви наконец великодушно вмешался:

— Как бы там ни было, ваше предложение относительно нескольких человек зараз не имеет смысла. За те недели, что нам для этого потребуются, критический период пройдет.

— А что это за период? — послышался женский голос.

— Разве вы не знаете? — спросил удивленный Коффин.

— Будем считать, что этот период уже наступил, — перебила его Тереза. Вновь, как бывало, Коффин почувствовал восхищение перед ее решительностью. Она прорывалась сквозь всякую чепуху с поспешностью мужчины и с практичностью женщины. — Исходя из этого, если мы в течение двух месяцев не повернем назад, нам будет лучше лететь на Растум. Итак, голосование исключено. Мы могли бы разбудить несколько человек, но и тех, что уже приведены в сознание, вполне достаточно для статистического анализа.

Коффин кивнул. На корабле Терезы пять женщин несли очередную годовую вахту, наблюдая за состоянием 295 человек, жизненные процессы которых были временно приостановлены. За все время путешествия только 120 человек не будут подвергаться повторной стимуляции, чтобы отстоять вахту. Эти сто двадцать человек — дети. Таким же было соотношение и на девяти других кораблях, на борту которых имелись колонисты. Общее число членов экипажей достигало 1620, из которых по очереди дежурило одновременно 45 человек. Поэтому не так уж важно, будет ли жребий брошен двумя процентами или четырьмя-пятью.

— Давайте еще раз вспомним, что это было за послание, — сказал Коффин. — Декрет об образовании, который противостоял вашему, конституционалистическому образу жизни, отменен. На Земле теперь вы были бы не в худшем положении, чем прежде, но и не в лучшем, хотя в послании содержится намек на дальнейшие уступки в будущем. Вас приглашают. Это все. Других сообщений не поступало. На мой взгляд, этих данных явно недостаточно для того, чтобы на их основании принять такое рискованное решение.

— Продолжать полет — решение гораздо более рискованное, — возразил Де Смет. Он наклонился вперед, и его грузная фигура заполнила весь экран. Голос звучал жестко и сурово. — Мы люди знающие, материально хорошо обеспеченные. Я даже могу взять на себя смелость заявить, что Земля нуждается в нас, особенно в тех, кто имеет технические специальности. Согласно вашему же собственному утверждению, Растум — это мрачная и страшная

планета. Многим из нас суждено там погибнуть. Почему же нам не вернуться домой, раз есть такая возможность?

— Домой, — прошептал кто-то.

Это слово, робко влившееся в тишину, заполнило ее до краев и расплескалось повсюду. Коффин сидел, прислушиваясь к голосу своего корабля, и даже в шуме механизмов ему скоро стала слышаться частая пульсация: домой, домой, домой...

А у него дома не было. Отцовскую церквушку снесли и поставили на ее месте восточный храм; леса, где прежде пылал октябрь, вырубили, чтобы на их месте вытянулось еще одно шупальце города; гавань обнесли забором, собираясь строить там планктонную ферму. Ему остались только холодная надежда неба да еще корабль.

Молодой мужчина сказал, словно обращаясь к самому себе:

— У меня там осталась девушка.

— А у меня была своя собственная подводная лодка, — отозвался другой. — Я, бывало, опускался на глубину в окрестностях Большого Барьерного Рифа и, принимая воздушные пузыри за жемчужины, частенько гонялся за ними или же просто болтался на поверхности. Вы не можете себе представить, какой голубой может быть вода. А на Растуме, говорят, спускаться вниз с горных плато нельзя.

— Но в нашем распоряжении была бы целая планета, — возразила Тереза Дилени.

Какой-то человек с благородной внешностью ученого ответил на это:

— Дорогая моя, может быть, как раз в этом-то вся и беда. Три тысячи человек, включая детей, в совершенной изоляции от всего остального человечества. Можем ли мы надеяться, что нам удастся создать цивилизацию? Или хотя бы поддерживать ту, что есть?

— Вся беда, папаша, — съязвил офицер рядом с ним, — состоит для тебя в том, что на Растуме нет средневековых манускриптов.

— Да, — согласился ученый, — я всегда полагал, что важнее всего научить детей пользоваться своим разумом. Однако если это можно сделать на Земле... В конце концов, много ли шансов на то, что первые поколения Растума будут иметь возможность и время размышлять?

— Будут ли вообще на Растуме следующие поколения?

— Сила тяжести на четверть больше земной — Боже! Я лишь теперь начинаю это понимать.

— Синтетика, год за годом одна синтетика, до тех пор пока мы не создадим среду обитания. На Земле хоть иногда перепадали бифштексы.

— Моя мама не смогла лететь. Она слишком слаба. Но она заплатила за десятки лет своего сна, отдала все свои сбережения в надежде, что я вернусь.

— Я проектировал небоскребы. А на Растуме, пока я буду жив, вряд ли построят нечто большее, чем бревенчатую избу.

— Вы помните, как светит луна над Большим Каньоном?

— А помните Девятую Бетховена в Концертном зале Федерации?
— А эту маленькую смешную старую таверну на Среднем уровне, где мы пили пиво и пели немецкие песенки?

— А помните?..

Тереза Дилени крикнула, заглушая все голоса:

— Именем Энкера! О чем вы думаете? Зачем же мы вызвались лететь?

Шум стал стихать, но не сразу, и Коффин, в нетерпении стукнув кулаком по столу, призвал к порядку. Он посмотрел прямо туда, где под маской скрывались глаза Терезы, и сказал:

— Благодарю вас, мисс Дилени. Я уже ожидал, что сейчас кто-нибудь даст волю слезам.

Одна из девушек действительно всхлипнула под маской.

— Чарльз Локейбер, представитель колонистов с «Курьера», кивнул:

— Да, это настоящий удар по нашей целеустремленности. Если б я чувствовал, что этому посланию можно доверять, я сам, возможно, проголосовал бы за возвращение.

— Что? — квадратная голова Де Смета вынырнула из плеч.

Локейбер печально улыбнулся:

— Правительство с каждым годом становилось все деспотичнее, — сказал он. — Оно было не прочь избавиться от нас навсегда. Но теперь, возможно, оно об этом пожалело, не потому, что со временем мы могли стать угрозой, а потому, что мы были бы губительным примером — там наверху, на звездном небе. Или просто потому, что мы были бы — и все. Я не могу ничего утверждать, но, вполне возможно, правительство решило, что мертвые мы безопаснее, и хочет заманить нас в ловушку. Для диктаторского режима это вполне характерно.

— Из всех фантазий... — задыхаясь, произнес неизвестный женский голос.

— Не таких уж бесосновательных, как ты, возможно, думаешь, дорогая, — перебила ее Тереза. — Я читала кое-что из истории — я имею в виду не те насквозь процenzурованные книжонки, которые сейчас называются учебниками по истории. Я не исключаю возможности, что Чарльз прав. Но есть и другая возможность, не менее опасная. Пусть даже послание вполне искреннее. Но будет ли оно все еще соответствовать действительности, когда мы вернемся назад? Вспомните, сколько времени это займет. И даже если бы мы могли вернуться к завтрашнему вечеру, где гарантия, что нашим детям или внукам не придется страдать от тех же самых бед, от которых страдали мы, и что у них будет шанс освободиться подобно нам, улетев на другую планету?

— Значит, вы голосуете за продолжение полета? — спросил Локейбер.

— Да.

— Умница, девочка. Я с тобой.

Киви поднял руку. Коффин дал ему слово.

— Мне кажется, команда тоже имеет право голоса, — сказал он.

— Что? — Де Смет побагровел.

Некоторое время он не в силах был вымолвить ни одного слова и только издавал какое-то кудахтанье, затем наконец взял себя в руки:

— Неужели вы всерьез полагаете, что имеете право оставить нас в этом подобии зла, а сами затем вернетесь на Землю?

— Откровенно говоря, — улыбнулся Киви, — я полагаю, что команда предпочла бы вернуться сразу. Лично я — без всяких сомнений.

— Я уже объяснял вам, как недаленовидно это было бы с вашей стороны, — вмешался Коффин. — Космические полеты всегда были невыгодны с финансовой стороны. Они всегда оставались лишь научными достижениями, чем-то нематериальным, если хотите. До тех пор, пока у людей не появится практическая заинтересованность в них, полетов не будет. Успешное развитие колонии на Растуме станет стимулом для возрождения космического флота.

— Это ваше личное мнение, — сказал Киви.

— Я надеюсь, вы не забыли, — заметил с глубоким сарказмом молодой мужчина, — что каждая секунда, которую мы проводим в спорах, означает удаление от дома на сто пятьдесят тысяч километров?

— Не дергайся, — успокоил его Локейбер. — Какое бы решение мы ни приняли, все равно твоя девушка превратится в старую каргу еще до того, как ты достигнешь Земли.

Де Смет все еще бросался на Киви.

— Ты, вшивый извозчик, если ты думаешь, что можешь поступать с нами как с пешками...

Киви в ответ огрызнулся:

— Если ты не будешь выбирать выражения, жирный болван, я сейчас приду на твой корабль и запихну эти слова в твою же собственную глотку.

— К порядку! — воскликнул Коффин. — К порядку!

Вторя ему, Тереза крикнула:

— Пожалуйста... ради жизни всех нас... разве вы не знаете, где мы находимся? Всего лишь тонкая стенка в несколько сантиметров отделяет нас от пустоты! Пожалуйста, не надо ссориться, иначе мы никогда не увидим больше вообще никакой планеты!

Но в голосе девушки не слышно было ни слез, ни мольбы. Как ни странно, он был подобен голосу матери и образумил грызущихся мужчин быстрее, чем окрик Коффина.

Наконец адмирал сказал:

— Пока достаточно. Все слишком взволнованы, чтобы принять разумное решение. Прения откладываются на четыре вахты, то есть на шестнадцать часов. Обсудите проблему со своими товарищами,

выспитесь и представьте согласованное решение на следующем собрании.

— Шестнадцать часов? — взвизгнул кто-то. — А вы отдасте себе отчет, какое расстояние это добавит?

— Ну вот что. Всем, кому хочется поспорить, я могу предложить тюремную камеру. Все!

Он выключил экран.

Киви, немного успокоившийся, доверительно ему улыбнулся.

— Такое обещание почти всегда действует успокаивающе, нет?

Коффин рванулся из-за стола.

— Я ухожу, — сказал он. Собственный голос показался ему грубым и незнакомым. — Займитесь своими делами.

Никогда прежде не чувствовал он себя таким одиноким, даже в ту ночь, когда умер отец. «О, Великий Боже, твой глас направлял Моисея в пустыне, яви же сейчас волю свою». Но Бог молчал...

3

Облачившись в скафандр, Коффин на секунду задержался в воздушном шлюзе, прежде чем выйти в открытый космос. Двадцать пять лет в космосе — целая эпоха, если учесть еще время, которое он провел погруженным в сон. Но до сих пор бездна мироздания вызывала в нем чувство благоговейного страха. Бесконечная тьма сверкала и переливалась: везде звезды и звезды, до яркого водопада Млечного Пути, и дальше — другие галактики.

Глядя вдаль, сквозь паутину радиоустановок, Коффин почувствовал себя затерянным в этом огромном абсолютном безмолвии. Но он знал, что на самом деле эта пустота пылала и грохотала, смертоносные энергии взбалтывали потоки газа и пыли, более тяжелой, чем планеты, Вселенная содрогалась в схватках, рождая новые солнца. Подумав об этом, он вдруг поймал себя на ужасной мысли: «Я — не что иное, как я» — и покрылся холодным потом.

Такую картину человек мог наблюдать только в пределах Солнечной системы. Полеты с полусветовой скоростью позволяли людям проникать дальше в просторы космоса, но за это приходилось платить дорогой ценой: человеческое сознание часто не выдерживало, оно разлеталось в клочья, и тогда очередного безумца усыпляли и запикивали в саркофаг. Помраченный разум вновь рисовал небо, звезды, толпой бегущие навстречу кораблю, который наконец погружался в облако доплеровской адской тоски.

На траверзе сверкали созвездия. Коффин вглядывался в темноту в направлении кормы. Солнце все еще было самой яркой точкой на небе, но приобрело какой-то зловещий красный оттенок, словно оно уже состарилось и блудный сын, вернувшись издалека, должен был обнаружить свой дом, погребенным под коркой льда.

«Кто такой человек, чтобы Ты, Великий Боже, заботился о нем?»

Подумав так, Коффин всегда успокаивался. Ведь создатель Солнца сотворил также и эту плоть, атом за атомом, а в самом конце, вероятно, решил, что душа стоит ада. Коффин никогда не понимал, как его коллеги-атеисты могли выносить открытый космос.

Итак...

Он нацелился на корпус соседнего корабля и выстрелил из своего упругого маленького арбалета. Позади магнитной стрелы размотался светлый леер.

Коффин проверил его надежность с привычной тщательностью, потом, держась на него, двинулся вперед и вскоре достиг другого корабля. Рывком освободив стрелу, он зарядил арбалет и выстрелил снова. Так он двигался от одного медленно вращавшегося корабля к другому, пока не добрался до «Пионера».

Неуклюжие, безобразные очертания «Пионера» напоминали стену, ограждающую звезды. Коффин проплыл мимо ионных труб, которые сейчас были холодными. Их скелетообразная структура выглядела такой хрупкой, что трудно было поверить, будто именно они вышвыривали наружу оголенные атомы с полусветовой скоростью.

Чудовищные резервуары громоздились вокруг корабля. На каждую тонну массы, летевшей к Эпсилон Эридана, даже со скидкой на замедление хода, приходилось девять тонн топлива. Пройдут месяцы, прежде чем они смогут на Растуме запасти достаточно реактивного материала для полета домой. Тем временем часть команды, не занятая этим делом, могла бы помочь колонистам устроиться. Если колония будет основываться...

Коффин добрался до переднего шлюза и нажал «звонок». Наружная створка открылась, и он проскользнул внутрь.

Первый Офицер Карамшан встретил его и помог снять скафандр. Другой дежурный офицер нашел какой-то предлог, чтобы не присутствовать при церемонии встречи, однообразие которой в космосе действовало так же угнетающе, как расстояние и космический холод.

— Что привело вас к нам, сэр?

Коффин напустил на себя строгость. Стараясь скрыть смущение, он сказал нарочито грубым тоном:

— Мне необходимо видеть мисс Дилени.

— Конечно... Но зачем вам было приходиться самому? Я имею в виду... телесвязь...

— Мне нужно встретиться с ней лично! — рявкнул Коффин.

Офицер попятился назад, ожидая взбучки.

Коффин не обращал на него внимания.

— Положение критическое, — сухо сказал он. — Пожалуйста, вызовите ее по интеркому и подготовьте условия для конфиденциальной беседы.

— Почему... почему... Да, сэр. Я сейчас. Подождите, пожалуйста,

здесь... я имею в виду... да, сэр! — Карамшан бросился вдоль по коридору.

Коффин мрачно улыбнулся. Он мог понять смущение этого человека. Установленные им же самим правила, касающиеся женщин, были строги, а сейчас он сам нарушал их.

«Вся беда в том, — подумал он, — что никто не знает, нужны ли эти правила». До сих пор в космических полетах участвовало довольно мало женщин, да и летали только в пределах Солнечной системы на отдельных кораблях. Поэтому случая для межзвездного романа еще не представлялось. Тем не менее нельзя было требовать, чтобы мужчины, несущие годовую вахту, не проявляли излишней нежности к колониесткам (или наоборот!). Да и приведение в чувство произвольно перемешанных мужчин и женщин таило в себе не меньшую опасность.

Коффин, обдумав все это еще перед полетом, счел за лучшее будить мужей и жен в разное время.

Для обычного мужчины сознавать, что всего лишь в нескольких метрах от него лежит женщина, — мучение. Ужасно видеть ее, скрытую накидкой, во время телеконференций (кто знает, может быть, маски лишь усугубляли страдания, подталкивая воображение?). Не соблазн ли взломать опечатанные двери жилых помещений и холодильных секций, заставлял членов команды, несущих вахту на женских кораблях, возвращаться на свои собственные корабли, чтобы поесть и отдохнуть.

Сейчас, в ожидании Терезы, Коффин подумал сам о себе: «Благодари Господа, что он надоумил тебя сделать так, и надейся, что Сатана немногого добьется, когда все будут разбужены на Растуме».

Коффин напряг мышцы. «Никакие правила не помогли бы, если бы в нас врезался большой метеорит, — напомнил он сам себе. — А происшедшее еще опаснее столкновения. Так что плевать, кто что подумает».

Вернулся Карамшин и, отдав честь, сказал, задыхаясь:

— Мисс Дилени встретится с вами, капитан. Сюда, пожалуйста.

— Благодарю.

Коффин последовал за ним к главному отсеку корабля. Ключи от его двери имели только женщины. Но сейчас дверь была открыта настежь.

Коффин заторопился и, разлетевшись, ударился о дальнюю стенку и отскочил от нее, как пробка.

Тереза расхохоталась. Она закрыла дверь и заперла ее на ключ.

— Это чтобы не вводить в искушение, — сказала она. — Несчастные праведники! Прошу, адмирал.

Он повернулся, почти боясь этого момента. Высокую фигуру скрывал мешковатый комбинезон, но накидки уже не было.

На его взгляд, Терезу нельзя было назвать красавицей: курносый нос, квадратный подбородок. К тому же она была в том возрасте,

когда незамужняя женщина уже считается старой девой. Но ему нравилась ее улыбка.

— Я... — он не знал, как начать.

— Идемте за мной.

Она провела его по короткому коридору, выложенному плитками с искусственной гравитацией.

— Я предупредила остальных женщин, чтобы они не появлялись. Так что можете не бояться.

Они остановились перед дверьми небольшой спальни, отделенной перегородкой.

В полет разрешалось брать очень мало личных вещей, но Терезе удалось сделать свою комнату уютной. Рисунки на стене, в том числе портрет Шекспира, несколько томов Энкера, микропроигрыватель. На дисках Коффин прочел имена Баха, Бетховена и Рихарда Штрауса — композиторов, чьи творения можно было слушать бесконечно.

Тереза взялась руками за пиллерс и, кивнув, внезапно посерьезнела.

— Так что за дело у вас ко мне, адмирал?

Опершись на локти, Коффин сцепил руки замком и, укрыв за ними нижнюю половину лица, уставился на свои пальцы. Они непроизвольно сжимались и разжимались.

— Я сам хотел бы знать ответ на этот вопрос, — глухо произнес он, с трудом выталкивая из себя фразы. — Я никогда прежде не сталкивался с подобной проблемой. Если бы дело касалось только мужчин, мне кажется, я смог бы справиться с ней. Но сейчас речь идет еще о женщинах и детях.

— И поэтому вы хотите знать точку зрения женщины. Оказывается, вы мудрее, чем я думала. Но почему вы обратились именно ко мне?

Коффин заставил себя смотреть ей прямо в глаза.

— Вы кажетесь мне самой здравомыслящей женщиной из тех, кто сейчас бодрствует.

— Неужели? — Тереза рассмеялась. — Комплимент очень лестный, но почему бы вам не произнести его своим парадным твердым голосом и в придачу не посмотреть на меня своим свирепым взглядом? Чувствуйте себя непринужденно, адмирал.

Тереза по-петушину вздернула голову и, наклонив ее слегка набок, рассматривала Коффина.

— У меня к вам тоже есть вопрос. Некоторые из женщин не понимают, в чем заключается проблема. Я пыталась им объяснить, но ведь на Земле я была всего лишь офицером флота и никогда не отличалась математическими способностями, поэтому, боюсь, здорово напутала. Вы не могли бы рассказать об этом подходчивее?

— Вы имеете в виду вопрос одновременности?

— Некоторые из них называют это «вопросом о невозможности возвращения».

— Чепуха! Удаляясь от Солнца, мы набирали ускорение при силе тяжести, равной единице. Хотя была возможность увеличить ускорение, мы боялись это сделать, потому что огромное количество оборудования на борту кораблей слишком хрупко. Например, холодильные саркофаги могли расплющиться и погубить лежащих внутри людей, если бы мы увеличили ускорение хотя бы в полтора раза.

Чтобы достичь максимальной скорости, нам потребовалось около трех месяцев. За это время мы едва покрыли расстояние в полтора световых месяца. Теперь нам предстоит лететь с такой скоростью почти сорок лет. Я имею в виду космическое время. Согласно парадоксу относительности времени, для летящих на кораблях флотилии пройдет тридцать пять лет. Но разница не ахти какая. В конце путешествия три месяца займет торможение при той же самой силе тяжести, что и вначале, и спустя полтора световых месяца мы войдем в систему Эпсилон Эридана с относительно низкой скоростью.

Наш межзвездный маршрут был рассчитан с большой тщательностью, но кто поручится, что в итоге в анналы астрономических обществ не будет внесена отметка о еще одной ошибке.

К тому же нам придется маневрировать, выходя на орбиту вокруг Растума, посылать туда и обратно транспортные планетарные суда. Для этого мы везем туда запас реактивной массы, который позволит нам изменить скорость примерно на тысячу километров в секунду, когда мы прибудем к месту назначения.

Теперь представьте себе, что, достигнув максимальной скорости, мы решили немедленно поворачивать назад. Нам пришлось бы тормозить при той же самой силе тяжести.

К тому времени, когда мы получили бы относительную передышку и смогли бы выйти на финишную прямую, нам оставалось бы до Солнца четверть светового года, а общее время нашего пребывания в космосе составило бы год (космический, конечно).

Чтобы преодолеть эти три световых месяца при скорости тысяча километров в секунду, понадобилось бы около семидесяти двух лет.

Но согласно разработанному плану весь путь, включая год стоянки на Растуме и возвращение на Землю, должен был занять всего лишь около восьмидесяти трех лет!

Таким образом, вполне очевидно, что камнем преткновения является время. Получается, что мы доберемся до дома быстрее, если будем придерживаться первоначального плана. Критический момент наступает через восемь месяцев полета при максимальной скорости или, что то же самое, через неполных четырнадцать месяцев после старта с Земли. Сейчас до этого критического момента осталась всего пара месяцев. Если мы немедленно повернем назад, нам все равно не добраться до Земли раньше чем через семьдесят шесть лет. Каждый день промедления прибавляет месяцы к обратному пути. Поэтому неудивительно, что все спорят от нетерпения!

— Понятно, — сказала Тереза. — Те, кто хочет вернуться назад,

бояться, что за это добавочное время та Земля, которую они знали, исчезнет, изменится до неузнаваемости. Но неужели они не понимают, что это уже произошло?

— Может быть, они боятся это понять, — заметил Коффин.

— Вы продолжаете удивлять меня, адмирал, — улыбнулась Тереза. — Вы проявляете нечто, похожее на человеческое сочувствие.

В каком-то дальнем уголке сознания Коффина возникла мысль: «Вы тоже проявили немало сострадания, заставив меня говорить на безопасную, отвлеченную тему». Теперь он мог сидеть расслабившись, спокойно смотреть ей в лицо и говорить с ней как с другом.

— Меня озадачивает то, — продолжал Коффин, — что вообще нашлись желающие вернуться назад, не говоря уж о том, как велико их количество. Если б мы сию же минуту повернули на Землю, мы сэкономили бы только около семи лет. Почему просто не долететь до Растума, а там уже решить, что делать дальше?

— Я думаю, это невозможно, — сказала Тереза. — Видите ли, ни один здравомыслящий человек не имеет желания быть пионером. Проводить исследования — да, колонизировать богатую страну, разведав и сведя к минимуму все опасности, — да, но не рисковать своей жизнью, будущим целой своей расы на такой полной загадок планете, как эта. Проект заселения Растума была выходом из неразрешимого конфликта. Но если этого конфликта больше не существует...

— Но... вы и Локейбер... Вы ведь высказали предположение, что конфликт по-прежнему есть, что Земля, в лучшем случае, предлагает передышку.

— И все же большинство людей предпочитают думать иначе. А почему бы и нет?

— Хорошо, — сказал Коффин. — Но я уверен, что многие из тех, кто сейчас находится в саркофагах, согласились бы с вами и проголосовали бы за Растум. Почему бы нам сначала не доставить их туда? Мне кажется, это было бы более справедливо. А те, кто не захочет остаться, смогут вернуться вместе с флотилией.

— Нет, — качнула головой Тереза, и ее стриженные волосы взлетели широкой волной, отсвечивая красным деревом. — Я знакома с вашим докладом о Растуме. Горстка людей не выживет там. Три тысячи и то не ахти как много. Каким бы ни было решение, оно должно относиться ко всем.

— Я боялся прийти к такому же выводу, — устало сказал Коффин, — но вижу, что это неизбежно. О'кей, но почему они не хотят хотя бы осмотреть Растум, а уж затем проголосовать? Если трусов окажется большинство, они, возможно, поймут, какую берут на себя ответственность, и примут честное решение.

— Опять же нет. И я отвечу вам почему, адмирал. Я хорошо знаю Конрада Де Смита и остальных. Они хорошие люди. Вы неправы, называя их трусами. Они вполне искренне верят, что

благоразумнее будет вернуться. Вероятно, еще не отдавая себе в том отчета, они чувствуют, что, если мы прилетим на Растум, общее голосование сложится не в их пользу.

Я видела фотографии, адмирал. Возможно, Растум — планета суровая и опасная, но настолько красивая, что я не могу дожидаться момента, когда увижу ее наяву. Там простор, свобода, не отравленный ничем воздух. Мы вспомним там все, что нам было ненавистно на Земле; мы ужаснемся необходимости вновь погрузиться в сон; мы более трезво, чем сейчас, когда уже по горло сыты космосом, оценим ту пропасть времени, которая легла между нами и Землей, и взвесим свои шансы обнаружить там по возвращении терпимую ситуацию.

Кроме повышенной гравитации, которая не принесет, я думаю, нам особых хлопот, пока мы не начнем заниматься тяжелым физическим трудом, никакие неудобства Растума не смогут нас испугать. В то же время неудобства космического полета и трудности жизни на Земле все еще будут живы в памяти. Многие изменяют свое решение и проголосуют за то, чтобы остаться. Возможно, таких будет большинство. Де Смет это знает. Поэтому он не хочет рисковать. Он боится, что и сам попадется на удочку Растума!

Коффин задумчиво пробормотал:

— Всего несколько дней торможения — и оставшейся реактивной массы хватит только на то, чтобы вернуться назад, к Солнцу.

— Об этом Де Смет тоже знает, — сказала Тереза. — Адмирал, вы вправе принять волевое решение и настоять на нем. Человеку вашего склада это по плечу. Но, может быть, вы забыли о том, как иногда людям хочется, как многие из нас уповают на то, что кто-то или что-то придет и скажет, что делать. Решение отправиться на Растум было выстрадано. Даже подвергнувшись жестокому гнету людям трудно расстаться с Землей. Теперь, когда есть возможность исправить прежнее решение, вернуться к безопасности и комфорту — хотя существует несомненный риск, что ко времени нашего возвращения Земля уже будет небезопасной и неудобной, — нас вынуждают снова ломать голову над этим вопросом. Это попытка, адмирал! Де Смет и его сторонники — люди в определенном смысле сильные. Они заставят нас сделать необратимое, и как можно быстрее, просто потому, что оно необратимо. Как только мы повернем назад, ситуация выйдет из-под нашего контроля и можно будет уже ни о чем не думать.

Коффин посмотрел на девушку с удивлением:

— Но вы, кажется, абсолютно спокойны?

— Я сделала свой выбор еще на Земле, — ответила Тереза, — и не вижу причин менять решение.

— А как остальные женщины? — спросил Коффин, вновь ухватившись за спасительную неисчерпаемую тему.

— Большинство, конечно, хотят вернуться, — она сказала это с мягкостью, скрывавшей осуждение. — Они полетели только потому,

что этого хотели их мужья. Женщины слишком практичны для того, чтобы их интересовала философия, научные исследования или что-либо еще, кроме их семей.

— А вы? — не без ехидства спросил Коффин.

Тереза в ответ лишь пожала плечами.

— У меня нет семьи, адмирал. В то же время что-то, возможно чувство юмора, всегда позволяло мне относиться к этому вполне спокойно и не делать из этого трагедии.

Затем с усмешкой она спросила:

— А вас почему волнуют наши проблемы?

— Почему? — он почувствовал, что заикается. — Почему... П-п-потому, что я несу ответственность...

— Ах, да. И к тому же вы потратили годы на пропаганду колонизации Растума. А потом вы взялись за это неблагодарное дело — командование колониальным флотом, хотя вполне могли бы заниматься своей непосредственной работой — исследованием звезд, на которые еще не ступала нога человека. Должно быть, Растум для вас — глубокий символ... Не бойтесь. Я не буду вдаваться в анализ. Я и сама полагала, что эта колония имеет огромное значение. Если человечество проворонит этот шанс, у него, возможно, уже никогда не будет другого. Но это только предположение.

Почему это имеет такое большое значение для меня? Не потому ли, что затрагивает какие-то внутренние основы? Давайте смотреть фактам в лицо, адмирал. Никто из нас не равнодушен к этому вопросу. Нам необходимо, чтобы колония была основана.

Тереза сделала паузу, рассмеялась, и щеки ее слегка покраснели.

— О, Боже, да я просто болтушка, не правда ли? Извините. Давайте вернемся к нашему делу.

— Я думаю, — неровным голосом сказал Коффин, — что благодаря вам я теперь понимаю, в чем тут сложность.

Тереза села и приготовилась слушать.

Коффин уперся ногой в пиллерс, чтобы поддерживать тело в наклонном положении, и начал мягко ударять кулаком правой руки в ладонь левой.

— Да, это волнующий вопрос, да поможет нам Бог, — начал он, за его словами постепенно стали вырисовываться контуры какой-то идеи. — Логика здесь совершенно бессильна.

Одни так мечтают попасть на Растум и обрести там свободу — или что еще они надеются там найти, — что за эту возможность они готовы поставить на карту свою жизнь, жизнь своих жен и детей. Другие отправились в полет неохотно, вопреки инстинкту самосохранения, и теперь, когда им кажется, что появилась возможность к отступлению, нечто такое, что может послужить для них оправданием, они будут бороться с любым, кто попытается помешать им. Да. Ужасная ситуация.

Так или иначе, в ближайшие дни необходимо принять решение. Факты скрыть не удастся. Каждый спящий будет разбужен и приведен

в нормальное состояние одним из тех, кто сейчас бодрствует. Год за годом известие будет передаваться различными конгломератам звездолетчиков и колонистов. Какое бы решение ни было принято, часть из них придет в ярость от того, что это было сделано без их согласия. Нет, ярость — это еще мягко сказано. Куда бы мы ни направились — вперед или назад, — мы неминуемо нанесем удар по эмоциональной основе людей.

А межзвездное пространство может сломать даже сильных духом... Сколько времени пройдет, прежде чем роковое число недовольных, слабаков и психопатов соберется вместе во время очередной вахты? Что тогда произойдет? Ангелы небесные, спасите нас, или мы погубили!

Коффин вздохнул.

— Извините, — пробормотал он. — Я не должен был...

— Давать выход своим чувствам? А почему бы нет? — спокойно сказала Тереза. — Неужели лучше было бы и дальше изображать из себя ледышку, пока в один прекрасный день вам не пришла бы в голову идея застрелиться?

— Видите ли, — страдальческим голосом произнес Коффин, — я несу ответственность. Мужчины, и женщины, и дети... Но я буду спать. Если б я рисковал бодрствовать в течение всего полета, я просто сошел бы с ума: организм не может выдержать этого. Я буду спать и ничего не смогу поделаться, но ведь корабли были поручены мне!

Коффина охватила дрожь. Тереза взяла обе его руки в свои. В течение долгого времени никто из них не проронил ни слова.

4

Покинув «Пионер», Коффин почувствовал странную опустошенность, словно грудь его была открыта, а сердце и легкие вынуты. Но его ум работал с четкостью машины, и за это он был благодарен Терезе. Она помогла ему разобраться в ситуации. В том, что он узнал, не было ничего утешительного, но, не узнай он этого, — экспедиция была бы обречена на гибель.

Или нет?

Теперь Коффин был в состоянии хладнокровно взвесить все шансы — и в случае продолжения полета на Растум, и в случае возвращения назад. При любом исходе, до тех пор пока вероятность выживания не будет измерена в процентах, разногласия будут ужасными.

Без сомнения, на чьей бы стороне ни оказался перевес, нет ни малейшего шанса, что капитану не придется вмешаться, хотя этого ему как раз меньше всего хотелось.

Но как этого избежать?

Продвигаясь к «Скитальцу», Коффин смотрел на сеть радиоантенн, выставшую по мере того, как он приближался к кораблю,

пока наконец она совсем не заслонила искаженный Млечный Путь, который словно запутался в ней. Трудно было поверить, что именно эта тонкая паутина, вызвала к жизни ад. Перед торможением ее пришлось бы демонтировать. Тут уж никто ничего не смог бы поделать. Но теперь уже поздно.

«Если бы я только знал!»

Или если б кто-то на Земле — негодяй, добропорядочный глупец, кто бы он ни был, — пославший первое сообщение... если б только он послал бы и другое: «Не обращайтесь внимания на предыдущий сигнал. Декрет об образовании все еще в силе».

Но нет. Такого не бывает. Человеку всегда приходится бороться, не полагаясь на везение.

Коффин вздохнул и, тяжело ступая, вошел в шлюз флагманского корабля.

Мардикян помог ему, и, когда Коффин снял свой заиндевевший скафандр, он увидел, что губы у юноши дрожат. Несколько часов превратились для Мардикяна в годы.

На нем была белая медицинская униформа. Чтобы нарушить тягостное молчание, Коффин произнес первое, что пришло в голову:

— Я вижу, вы собираетесь на дежурство у саркофагов.

— Да, сэр. — Он что-то пробормотал и добавил: — Моя очередь.

Пока они складывали скафандр, тот ужасно шуршал, и можно было ничего не говорить.

— Скоро нам снова потребуется этанол, адмирал, — вдруг выпалил отчаянным голосом Мардикян.

— Зачем? — проворчал Коффин.

Он часто мечтал о том, чтобы можно было обойтись без этого препарата. Ключ от шкафа, где стоял бочонок с этим веществом, был только у одного него.

Некоторые командиры позволяли себе во время полетов принимать его небольшими дозами и утверждали, что за словами Коффина о возможном риске просто скрывается суеверие.

«Какого дьявола что-то может случиться на межзвездной орбите? Единственная причина, почему не все спят, — это то, что автоматы, наблюдающие за спящими, могут перестараться при массаже. Можно и пропустить рюмочку-другую грога, вернувшись с вахты, не так ли? О, да успокойся, успокойся, чертов святоша. Слава Богу, что мне не приходилось летать под твоим командованием».

— Фиксаж гаммагенов... и так далее... сэр, — запинаясь, ответил Мардикян. — Мистер Холимайер... сделает официальную заявку, как всегда.

— О'кей, — Коффин посмотрел в лицо радисту, уловил испуг в его глазах и сухо спросил: — Я полагаю, сообщений больше не было?

— С Земли? Нет... нет, сэр. Я... я никак не мог предполагать... мы сейчас около зо-з-зоны ограниченного приема... Я думаю, это почти чудо, сэр, что мы поймали сигнал. Конечно, еще раз мы едва бы смогли его принять, — слова Мардикяна звучали все тише.

Коффин продолжал пристально смотреть на него. Наконец он сказал:

— Досталось вам от них, да?

— Что?

— От таких, как Локейбер, которые хотели бы продолжить полет. Им очень хотелось бы, чтобы у вас в свое время хватило ума держать язык за зубами, по крайней мере, до тех пор, пока вы не получили бы указаний от меня. А другие, такие как Де Смет, придерживаются иной точки зрения. Однако это сомнительное удовольствие — находиться в самом центре грозы, пусть вы и видите ее только на телеэкранах, не так ли?

— Так точно, сэр...

Коффин отвернулся. Для чего опять мучить парня? Что сделано, того не вернешь.

И чем меньше будет тех, кто осознал всю опасность сложившейся ситуации и тем самым подверг себя ещё более тяжелому стрессу, тем меньше будет эта опасность.

— Избегайте принимать участие в спорах, — приказал Коффин. — А самое главное — не позволяйте себе постоянно думать о случившемся. Ни к чему, кроме нервного срыва, это не приведет. Можете быть свободны.

Мардикян, с трудом сдерживая слезы, пошел на корму.

Коффин медленно поплыл через все пространство корабля. Судно слегка подрагивало.

Время его дежурства еще не наступило, а видеть кого бы то ни было ему не хотелось. Нужно было хоть немного поесть, но при одной мысли об этом навигатор почувствовал приступ тошноты. Уснуть тоже не помешало бы, но бесполезно даже пытаться. Сколько времени он пробыл у Терезы, пока она вносила ясность в его мысли и, как могла, старалась успокоить? Пару часов. Через четырнадцать часов или даже раньше он должен будет вновь предстать перед командой и колонистами. А пока все бодрствующие пребывали в возбуждении.

Коффин устало подумал, что на Земле выбор между возвращением назад и продвижением вперед не подвел бы людей так близко к черте безумия, если б даже дело касалось таких же промежутков времени. Но Земля была давно обита.

Может быть, несколько веков назад, когда горстка неуклюжих парусников с трудом тащилась вперед через необъятные океанские просторы и не было уверенности в том, что когда-нибудь она достигнет «края света», подобные дилеммы тоже возникали. Разве матросы Колумба не собирались поднять мятеж? Но даже неизученные и заселенные монстрами — порождениями людских суеверий — земли не казались такими страшными, как космос, да и каравелла была чем-то гораздо более обыденным по сравнению с космическим кораблем.

Медикам во все века было известно, насколько быстро утрата стимула внешней среды приводит к галлюцинациям. Длжащееся месяц

за месяцем заточение в ограниченном, стерильном, окруженном вакуумом пространстве корабля начинало влиять на человеческое сознание так же, как могло бы влиять на него плавание с завязанными глазами в бассейне, наполненном теплой водой.

Сознание никогда не подвергалось бы такому быстрому разрушению, находишься человек в открытом океане, где спасают солнце и луна, ветер и дождь, бесконечное чередование волн, надежда поймать рыбу или увидеть остров. Поэтому бытовало мнение, что к концу года, проведенного на вахте, человек не совсем в своем уме. Если такому ослабленному сознанию дать неподходящую для размышления тему...

Коффин очнулся и с удивлением обнаружил, что забрел к радиорубке.

Он открыл дверь и вошел. Это было уютное помещение, одну стену которого занимала панель электронного контроля, переливавшаяся разноцветными огоньками. Все остальное пространство заполняли полки с инструментами, тестерами, запчастями, наполовину собранными узлами. Флот мог обойтись без профессионального радиста: любой звездолетчик легко справился бы с необходимыми элементарными операциями, а каждый офицер имел основательную подготовку по электронике, — но Мардикян был добросовестным и полезным работником. Плохо только, что он был всего лишь человеком.

Коффин оттолкнулся и подплыл к главному приемнику. Между катушками медленно вращалась лента, регистрируя все то, что улавливала «паутина». Коффин взглянул на укрепленную зажимами доску. Полчаса назад Мардикян написал на ней: «Сигналов не поступало. С пленки все стер и поставил ее заново. 15.30». Может быть, с тех пор появилось что-то новое?..

Коффин щелкнул выключателем. Пленка быстро пробежала через блок воспроизведения, и Коффин услышал только космические шумы — ничего похожего на упорядоченную передачу, которая могла бы означать код или речь и донести какую-то информацию.

Если б только...

Коффин вдруг застыл. Он долго плавал среди аппаратуры, и глаза его выражали не больше, чем многочисленные светящиеся лампы. Только быстрое прерывистое дыхание говорило о том, что он существо одушевленное.

«О, Великий Боже, помоги мне сделать то, что будет справедливо! Но что такое справедливость? Я должен был бы бороться с твоим ангелом, чтобы узнать это. Но у меня нет времени. Боже, не гневайся на меня, ведь у меня нет времени».

Душевные муки утихли немного, и Коффин принялся за дело.

До собрания оставалось четырнадцать часов. Сигнал, который мог бы повлиять на решение, должен быть получен прежде, чем оно состоится. Но это не должно случиться ни слишком рано, ни слишком

поздно, иначе результат будет подобен временной отсрочке приговора.

Каково должно быть содержание сообщения?

Что там говорилось в первом послании? К счастью, текст его отпечатался в сознании Коффина. Это было приглашение вернуться и обсудить спорные вопросы.

Коффин закрепился в кресле перед тайпером и начал компоновать предложения, вычеркивая одни слова и подбирая другие, опять вычеркивая, и так снова и снова. Текст должен быть обязательно кратким, чтобы исключить опасность неправильной интерпретации, и абсолютно правдоподобным. Простое отрицание первого сообщения не годится. Это было бы слишком уж кстати. И подозрение, раз за разом возникающее в сознании во время годовой вахты, могло так же губительно повлиять на психику, как и уверенность в предательстве. Поэтому...

Однако флотилия приближается к точке одновременности, надо действовать быстро.

«Планы колонизации отменяются. Экспедиции приказано, повторяем, приказано вернуться на Землю. Декрет об образовании отменен (человек, передающий сообщение с Земли, не может быть уверен в том, что первый сигнал достиг цели), через должные каналы будет позволено подать прошение о дальнейших уступках. Напоминаем конституционалистам, что их главный долг — предоставить свои знания в распоряжение общества».

Может быть, это сгодится?

Коффин перечитал то, что у него получилось.

Текст не противоречил первому посланию, только вместо предложения в нем содержался приказ, как будто кто-то становился все безумнее час от часу (а ведь образ правительства, захваченного хаосом, не очень привлекателен, не так ли?). Выражение «должные каналы» намекало на то, что речь на Земле подконтрольна и что бюрократия может возобновить школьную реформу, когда ей заблагорассудится.

Напыщенная заключительная фраза должна была подействовать раздражающе на людей, которые отвернулись от того земного общества, каким оно стало к моменту отлета колонистов.

Может быть, стоило бы еще подумать, но... И Коффин закончил работу. Он с удивлением обнаружил, что прошло целых два часа. Уже? На корабле было очень тихо. Слишком тихо. В голову навигатора вдруг пришла мысль, от которой его бросило в дрожь: в любой момент кто-нибудь мог войти и застать его здесь.

Пленка была рассчитана на сутки, но обычно записи проверяли и стирали ненужное через каждые шесть-восемь часов. Коффин решил записать свой голос с таким расчетом, чтобы «сигнал» был принят через семь часов. Мардикян к тому времени закончит дежурство возле саркофагов, но, вероятно, пойдет еще вздремнуть.

Поэтому он не будет проверять пленку раньше, чем перед самым началом собрания.

Коффин решил воспользоваться вспомогательным магнитофоном. Он должен был записать свой голос так, чтобы его было абсолютно невозможно узнать. И, естественно, вся запись должна быть очень неразборчивой, с внезапными ослаблениями и усилениями звучания, с огромным количеством помех — с визгом, скрежетом и надтреснутыми голосами звезд.

Включим этот модулятор, увеличим частоту колебаний и посмотрим, где же тут нужный уровень, какие величины нужны для того, чтобы...

— Что вы делаете?

Коффин резко повернулся, сердце его тяжело стучало.

В проеме двери маячил Мардикян. Когда он увидел, что самозванец не кто иной, как сам адмирал, в его глазах появились недоумение и испуг.

— Что случилось, сэр?

— Вы ведь на вахте, — еле слышно проговорил Коффин. — Дежурите возле саркофагов.

— Сейчас перерыв для чая, сэр. Я подумал, что я проверю и... — юноша оттолкнулся и вплыл в рубку.

Парящий на фоне измерительных приборов и транзисторов, он показался Коффину каким-то футуристическим святым. Но на смуглом юном лице блестели капельки пота, стекая, они маленькими шариками медленно дрейфовали по направлению к вентиляционной решетке.

— Убирайся отсюда! — хрипло выдохнул Коффин и тут же поправился: — Нет, я не то хотел сказать. Оставайтесь на месте!

— Но...

Адмирал мог поручиться за то, что прочел мысли Мардикяна: «Если старик по воле судьбы ополоумел от космоса, то что же теперь будет с нами?»

Вслух же связист сказал:

— Да, сэр.

Коффин облизнул пересохшие губы.

— Все в порядке, — сказал он, — вы вошли слишком неожиданно, а нервы сейчас у всех на пределе. Вот почему я накричал на вас.

— Из-з-звините, сэр.

— Есть еще кто-нибудь поблизости?

— Нет, сэр, все на дежурстве, или...

«Я не должен был спрашивать его об этом! — с опозданием подумал Коффин, увидев, как изменилось лицо Мардикяна. — Теперь он осознал, что мы с ним наедине».

— Все в порядке, сынок, — повторил адмирал, но звук его голоса был похож на звук пилы, вгрызающейся в кость. — У меня возник небольшой план, и я здесь... Э... обдумываю его и... Э...

— Да, сэр. Конечно.

«Успокоить его и удержать, пока дело не будет сделано. Потом увидеть Киви. Пусть принимает на себя ответственность. Я не хочу этого! Я не хочу быть главным шкипером, когда между мной и небом больше никого нет. Это слишком. Это может раздавить человека в лепешку».

Загнанный взгляд Мардикяна начал блуждать по комнате. Наконец он заметил магнитофон и черновики, которые Коффин еще не уничтожил.

Воцарилось молчание.

— Ну вот, — сказал наконец Коффин. — Теперь вы знаете.

— Да, сэр, — голос Мардикяна был еле слышен.

— Я собираюсь записать это на ленту приемника.

— Б-б... Да, сэр.

Успокойсь его тут! Ноздри Мардикяна трепетали от ужаса.

— Видите ли, — голос Коффина дребезжал, — это должно выглядеть, как на самом деле. Только так можно заставить их опомниться. Получив такое послание, они с еще большим единодушием, чем раньше, будут стремиться попасть на Растум. Что же касается меня, то я буду возражать. Я скажу, что мне приказано повернуть назад, и что я не хочу наживать себе неприятности. В конце концов я позволю уговорить себя продолжить полет, но сделаю это очень неохотно. Так что никто не заподозрит меня в обмане.

Мардикян беззвучно шевелил губами. Коффин видел, что он близок к истерике.

— Это необходимо, — сказал адмирал и упрекнул себя в излишней суровости тона. Хотя, возможно, этого юношу не смог бы убедить даже самый искусный оратор. Откуда человеку, не такому закаленному, как он сам, знать, что такое нервный стресс? — Мы должны держать это в секрете, вы и я, иначе...

Что толку было говорить? Неопытному юноше было гораздо легче поверить в то, что кто-то, в данном случае Коффин, свихнулся, чем осмыслить последствия постепенного разрушения человеческой психики месяцами одиночества и тоски.

— Да, сэр, — прошептал Мардикян. — Конечно, сэр.

«Даже если он понял то, что от него требуется, — подумал Коффин, — он может проговориться во сне. Или я сам проговорюсь».

Тут он вспомнил, что один из всей флотилии обладает привилегией иметь отдельную комнату.

Он аккуратно разложил по полкам все приборы, которыми пользовался, и оглянулся.

Мардикян попятился назад, выпучив глаза.

— Нет, — прошептал связист. — Нет. Пожалуйста.

Он уже готов был закричать, но не успел. Коффин ребром ладони ударил его по шее. Мардикян согнулся пополам, и Коффин, сжав его ногами и одной рукой, кулаком другой руки нанес ему несколько быстрых ударов в солнечное сплетение.

Мардикян оседал в воздухе, как человек, идущий ко дну. Коффин

быстро протащил его по коридору до помещения медслужбы. Там он открыл бочку со спиртом, отлил немного, добавил гипосульфит и необходимое количество воды, размешал и сделал инъекцию. Хорошо еще, что во всем флоте не было ни одного профессионального психиатра. Если с кем-то случался срыв, его просто усыпляли и держали в таком состоянии до возвращения на Землю, где отправляли в больницу.

Коффин проволока парня почти до самого шлюза и крикнул. С капитанского мостика появился Холимайер.

— Он начал бредить, а потом набросился на меня, — пропыхтел адмирал. — Пришлось дать ему отпор.

Мардикяна привели в сознание для контроля, но, поскольку он лишь бессвязно что-то бормотал, ему дали снотворное. Двоим было поручено уложить его в саркофаг. Коффин сказал, что должен проверить, не повредил ли офицер связи какое-нибудь оборудование, и вернулся в радиорубку.

5

Тереза Дилени ждала его. Она ничего не сказала, а прямо повела капитана в свою комнату.

— Итак, — сказал Коффин, и у него перехватило дыхание, — согласно единодушно принятому решению мы продолжаем путь к Растуму. Разве вы не рады?

— Я была рада, — спокойно ответила девушка, — до настоящего момента, когда увидела, что вы расстроены. Я сомневаюсь, что вы действительно беспокоитесь по поводу возможных неприятностей на Земле. Вы имеете полное право не подчиняться подобным приказам, если обстоятельства служат для этого оправданием. Так в чем же дело?

Коффин уставился в пространство позади нее.

— Я не должен был сюда приходить, — сказал он. — Но мне необходимо с кем-нибудь поговорить, а понять меня можете только вы. Согласны ли вы уделить мне несколько минут? Больше я вас не потревожу.

— До тех пор, пока мы не прилетим на Растум? — улыбка Терезы выражала сочувствие. — И к тому же вы не доставляете мне никакого беспокойства.

Выждав немного, она спросила:

— Что вы хотели мне сказать, адмирал?

Коффин все рассказал ей в коротких и жестких выражениях.

Девушка слегка побледнела.

— Малыш был действительно мертвецки пьян, а они даже не знали об этом, проводя процедуру усыпления? — спросила она. — Это ужасный риск. Он может умереть.

— Я знаю, — сказал Коффин, закрыв глаза.

Тереза опустила голову ему на плечо.

— Я считаю, что вы сделали единственно возможное, — мягко сказала она. — И если даже существовал какой-то лучший выход, у вас не было времени, чтобы его найти.

Закрыв лицо ладонью и отвернувшись от Терезы, Коффин тихо произнес:

— Если вы не донесете на меня, а я знаю, что вы этого не сделаете, значит, вы тоже нарушите один из своих собственных принципов: полная информация, свободное обсуждение и решение. Не так ли?

— Тереза вздохнула:

— Наверное, так. Но разве принципы не имеют определенных границ? Если утверждать это, то как можно проповедовать свободу воли, доброту, гуманизм?..

— Я не должен был говорить вам об этом.

— Я рада, что вы сказали.

Затем с внезапным оживлением, словно стараясь убежать от какой-то мысли, Тереза проговорила:

— Если Мардикян останется жив, как мы с вами надеемся, правда станет известна, когда флот вернется на Землю. Поэтому нам придется придумать для вас какое-то оправдание. Или вы сошлетесь на необходимость?

— Не имеет значения, — адмирал поднял голову, его голос обрел обычную твердость. — Я не собираюсь всю жизнь уклоняться от ответственности. Пусть они через восемьдесят лет решат так, как им захочется. Я к тому времени уже буду осужден.

— Что? — девушка сделала шаг назад, возможно, для того, чтобы лучше видеть осунувшееся лицо Коффина. — Не хотите ли вы сказать, что останетесь на Растуме? Но это совсем не обязательно! Мы можем...

— Лжец... чем-то похож на убийцу... Я не достоин быть командиром корабля, — у Коффина перехватило дыхание. — Да и, в конце концов, космических полетов, возможно, больше не будет, а зачем мне еще возвращаться домой?

Коффин рывком высвободился из-под руки Терезы и пошел к двери. Она смотрела ему вслед.

Может быть, проводить его? Нет, ключ остался в замке, вделанном в переборку. Поэтому никакого повода, чтобы последовать за ним, у нее нет.

— Ты не одинок, Джошуа, — хотела крикнуть Тереза. — Рядом с тобой — все мы. Время всегда подобно мосту, горящему у нас за спиной.

Сам по себе случай был смешной и нелепый. Повреждение можно было исправить в течение недели или около того. Ничто не пострадало, разве что самолюбие.

Но все случилось в том самом месте, и оттого капитан флота Нильс Киви взглянул на свои приборы и помертвел.

— Боже праведный!

В окружающем металле все еще чувствовалась вибрация, вызванная толчком. После прекращения ионного потока невесомость вызвала такое ощущение, словно его сбросили со скалы.

Он услышал, как с воем вырывается воздух и как лязгает металл автоматически закрываемой пробитой секции. Ничего этого он не стал наносить на информационную ленту. Все его внимание сейчас было сосредоточено на стрелке датчика радиации.

Секунду Киви висел так, прежде чем к нему вернулась способность мыслить. Он ухватился за пиллерс и, оттолкнувшись от него, подобрался к контрольному щитку. Нажал на кнопку интеркома и, перейдя с хриплого шепота на рев, произнес:

— Всем покинуть корабль!

Давно ему не приходилось выполнять подобных упражнений, но адреналин, выбрасываемый в кровь, заставил тело забиться от ужаса и автоматически совершить все необходимые движения с ловкостью и проворством. Одна рука сняла с автопилота катушку с информационной лентой и сунула ее в карман комбинезона. (Киви даже вспомнил — где-то он читал о том, — что в древние времена капитан тонущего корабля всегда брал с собой вахтенный журнал.) Он сильно оттолкнулся ногой от амортизирующего стула и стрелой взмыл к двери, ведущей на капитанский мостик, корректируя направление движения с помощью шлепков руками по стене. Очутившись в коридоре, Киви понесся с такой скоростью, что поручни, за которые он цеплялся, начали сливаться у него перед глазами.

Остальные, покинув дежурные посты, присоединились к нему — дюжина мужчин с лицами, застывшими от страха. Некоторые уже забрались в транспортную капсулу, которая должна была послужить их спасению. Киви слышал, как завывали ее генераторы, набирая мощность. Он завис сбоку, чтобы дать остальным добраться через соединенные друг с другом шлюзы. Последним был инженер Абдул Варанг. Киви последовал за ним, на ходу спрашивая:

— Вы знаете, что случилось? Впечатление такое, будто что-то вывело из строя реактор.

— Какой-то тяжелый объект. Он прорвался через палубу из-за трюма, влетел в моторный отсек и, пробив борт, ушел.

Варанг казался взбешенным:

— Наверняка это плохо прикрепленный груз.

— Колонист?

— Свобода? Не знаю. Мы ждем его? Возможно, он убил нас.

Киви кивнул.

— Всем приготовиться, — скомандовал он, хотя все и так уже заняли свои места.

Варанг поспешил на корму, чтобы принять под свое попечение силовой агрегат от человека, у которого хватило ума его запустить.

Киви отправился в кабину пилота, которая находилась впереди пассажирского салона. Пальцы его летали, приводя в порядок скафандр. Каждое мгновение, что он с ним возился, смерть просачивалась сквозь его тело.

— Проведите переключку, — скомандовал капитан и, прислушиваясь к именам, отметил, что все были в сборе.

Он сел, пристегнулся и стукнул кулаком по кнопкам шлюзового контроля. Створки корабля начали закрываться.

Но прежде чем они закрылись, внутрь проскочил еще один человек. Раздался его вопль:

— Вы что, собрались оставить меня здесь?

Киви, который знал английский, холодно ответил:

— А почему бы и нет? Насколько нам известно, вы могли уже быть мертвы. Во всяком случае, должны были вовремя сориентироваться. Вы в ответе за все, что случилось.

— Что? — Ян Свобода вплыл в боковой отсек корабля как неуклюжая, безумная рыба. Глаза людей, сидевших в салоне, пристально смотрели на него. — Я в ответе? — сдавленно произнес он. — Как вы, самоуверенные ослы, самолично решили, что...

Киви нажал кнопку пуска. Транспортная капсула отделилась от корабля. Специальные приспособления отшвырнули меньшее судно от большего. Киви не стал останавливаться, чтобы осмотреться. Когда ты в центре ада, главное — выбраться из него, не важно, в каком направлении. Он просто опустил ручной рычаг управления до отказа.

Корабль загрохотал и подпрыгнул. Ускорение отшвырнуло Свободу назад. Он так ударился о пластиковую переборку пассажирского салона, что пробил ее. Теперь он лежал, прижатый к полу, и его лицо напоминало кровавую маску.

«Интересно, — подумал Киви, — свернул ли я тебе шею?»

Капитан если и не был уверен, то надеялся, что это так.

2

Коридоры «Курьера» были наполнены гулом встревоженных голосов тех, чей корабль потерпел аварию. Однако следом за Киви, пробиравшимся по направлению к лазарету, катилась волна почтительного молчания. Мало веселого — быть капитаном, потерявшим корабль. Но с тех пор как старый Коффин так удивил всех,

подав рапорт об отставке, чтобы присоединиться к колонистам, Нильс Киви принял командование над флотилией. И вот теперь он оказался без флагманского корабля: «Скиталец», возглавлявший эскадру из четырнадцати судов, был безвозвратно потерян. Звездолетчики могли обойтись и без него, потому что после высадки пассажиров на Растуме на кораблях будет достаточно свободного места. Но впереди было еще более сорока лет полета — с Эпсилон Эридана назад к Солнцу. Во время несения годовой вахты что угодно могло превратиться в навязчивую идею, разрушить психику и даже погубить человека. И потеря флагманского корабля была, безусловно, дурным знаком.

Киви со злостью подавил свои мысли. Это был невысокий коренастый человек с высокими скулами и слегка раскосыми голубыми глазами прибалта. Обычно он был весел, разговорчив и щеголеват. Однако сейчас все отравляла предстоящая встреча с Яном Свободой.

Киви остановился возле двери, тонкой, как и все внутренние двери корабля, толкнул ее и вошел в уютную комнату, совмещавшую в себе приемную с кабинетом врача. Позади этой комнаты находился лазарет, и как раз сейчас навстречу Киви оттуда вышел человек. Они столкнулись и отлетели в стороны. На какое-то мгновение Киви неподвижно повис в воздухе, уставившись на этого человека, как на привидение. Когда он наконец обрел дар речи, слова его прозвучали совершенно по-идиотски:

— Но ведь вы же на Растуме.

Джудит Свобода потрясла головой. От этого движения ее волосы рассыпались и образовали коричневое облако, окружившее ее лицо и плечи и отливавшее красноватым блеском, когда на него падал свет. На ней был простой комбинезон, который хотя и казался в невесомости мешковатым, но все же не скрывал полностью очертаний стройного тела.

— Я узнала о происшествии и о том, что Ян ранен, — сказала она. — Сообщение пришло с последним транспортным судном, высадившим колонистов. Конечно же, я сразу вернулась.

Киви всегда нравились низкие женские голоса, такие как у Джудит, хотя нельзя было сказать, что он знал много женщин. Навигатор придал своему голосу суровость:

— Кто был пилотом? Вы заставили его нарушить четыре разных предписания.

— Имейте сердце, — взмолилась Джудит.

Хотя английский был все еще достаточно распространен среди космонавтов и Киви бегло говорил на нем, он все же не сразу понял идиому, которую употребила женщина.

— Ян мой муж, — продолжала она. — Что же еще могла я сделать, как не вернуться к нему?

— Так, — Киви уставился на микрокартотеку медицинских справок. — Так. Значит, вы только что видели его. Как он?

— Лучше, чем я думала. Скоро он будет в состоянии встать...

Встать! Лечь! — вдруг громко сказала Джудит. — Какая разница в космосе? — И потом поспешно добавила: — Почему вы взлетали так быстро, Нильс? Ян сказал, что вы даже не дали ему времени, чтобы пристегнуться.

Киви вздохнул неожиданно устало:

— Вы тоже готовы меня за это расстрелять? Когда ваш муж в первый раз очнулся, он в достаточно ярких выражениях оценил мой поступок. Избавьте меня от дальнейших излишаний.

— Ян находился в состоянии чудовищного напряжения, — возразила Джудит. — А потом получил еще такой шок и травму... Пожалуйста, не сердитесь на него, если он будет несдержан.

Киви, очень удивившись, дернул головой и посмотрел на Джудит.

— А вы разве не считаете меня виновным?

— Я уверена, что у вас была уважительная причина, — она улыбнулась, но улыбка вышла кривой. — Только я никак не могу догадаться, что бы это могло быть.

Киви мысленно вернулся к тем дням и ночам, которые он провел на Растуме. Он познакомился с Джудит во время совместной работы космонавтов и колонистов. Он видел ее, запачканную смазкой, с гаечным ключом в руке, когда она помогала монтировать трактор. Он видел ее под зеленой листвой при холодном пронзительном свете луны Сухраб.

«Да, — подумал капитан, — она позволила бы найти для себя оправдание любому человеку, даже звездолетчику».

Затем он сказал, тяжело роняя слова:

— Мы находились в зоне радиации. У нас не было времени на промедление, ни одной секунды.

— Уровень радиации был сильным? Это правда?

— Возможно, я слишком поспешил.

Он должен был произнести эти слова. Вспоминая все заново, Киви не мог найти полного логического оправдания своей поспешности, потому что мог бы оставить Свободу на мертвом корабле или убить его из бластера. Он чувствовал только прилив ненависти к человеку, погубившему его корабль. К тому же Свобода был мужем Джудит и отцом ее детей.

Внутри у капитана снова все закипело.

— В конце концов, — сухо сказал он, — если бы не его небрежность, ничего бы вообще не случилось.

Лицо Джудит напряглось.

— Он действительно виноват? Он сказал, что вы сами разрешили ему работать с грузом.

Киви почувствовал, что краснеет.

— Так оно и было. Но разве я мог предположить, что он собирается отвязать груз такой массы...

— Вы могли бы точно выяснить, что именно он собирается делать. Откуда ему было знать, что может возникнуть такая опасность?

— Я полагал, что у него достаточно здравого смысла. Оказалось, что я ошибался.

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга. В комнате стало очень тихо. Киви казалось, что он физически ощущает пустоту корабля: пустые трюмы, пустые баки; судно было похоже на скорлупу, запущенную на орбиту вокруг Растума. «Так же и я», — подумал Киви. Потом он вспомнил ночи на Высокогорье Америки, когда огни костров высвечивали лицо этой женщины на фоне грандиозной, наполненной шорохами темноты. Однажды он был с ней наедине в течение нескольких часов, когда они отправились в поход вдоль реки Эмперер, пытаясь отыскать дикий фруктовый сад, обнаруженный им во время первой экспедиции, около 90 лет назад. В этом походе не было ничего особенного, только солнечный свет, искрящаяся вода, бегущая мимо них, мелькание птиц и животных. Они даже почти не разговаривали. Но Киви не мог забыть этот день.

— Извините, — сказал наконец капитан. — Безусловно, мы оба виноваты.

— Спасибо, — Джудит пожала ему руку, задержав ее между своими ладонями. Потом она спросила: — Так что же случилось? Я совершенно запуталась. Пилот с транспортного судна сказал одно, Ян — другое, но оба они упоминали ядовитые зоны, насчет которых мне ничего не ясно. Вы хоть сами-то знаете, что в действительности произошло?

— Полагаю, что да. Мне придется обследовать брошенное судно, но уже сейчас все кажется достаточно понятным, — на лице Киви появилась гримаса. — Я должен объяснить?

— Нет, вы не должны, конечно, но просто мне бы этого хотелось.

— Хорошо...

Приблизившись к Растуму, флотилия вышла на орбиту, достаточно удаленную от радиационных зон Ван-Аллена и основного пояса метеоритных попаданий. Тяжелые, но в то же время хрупкие межзвездные корабли с ионными двигателями никогда не приземлялись. Сначала команда, а затем колонисты были разбужены и отправлены на Высокогорье Америки в транспортных судах — прочных и маленьких, с выдвигаемыми крыльями, которые приводились в движение, скорее, с помощью тепловых, чем электрических двигателей. Поскольку доставка груза была более трудоемким процессом, корабли один за другим перешли на низкую орбиту — чуть выше окружающей планеты атмосферы, где разгружать их было удобнее и быстрее. Для этой работы потребовалось привлечь часть космонавтов; другая часть экипажа, высадившаяся на Растуме, занималась очисткой радиоактивных масс для обратного полета; остальные же — их было большинство — получили приказ помочь колонистам основывать поселок.

Но несколько колонистов были вынуждены находиться на борту кораблей. Большинство грузов были непривычны для астронавтов: горнодобывающее, сельскохозяйственное, химическое оборудование.

Оно не вмещалось в стандартную тару из-за своих размеров и по той же причине не влезало ни в какие амортизирующие защитные приспособления. Оборудование надо было грузить на транспортные суда по частям, под наблюдением специалистов. Иначе могло случиться так, что какие-нибудь детали из термопластика уложили бы рядом с тепловым щитом, или установки из кристаллических образцов как-нибудь неловко задели бы и они бы разрушились, или... А с Земли никаких запчастей ожидать не приходилось.

Поскольку Ян Свобода был инженером, его назначили одним из таких грузораспределителей. Когда «Скиталец» начал переходить с высокой орбиты на низкую, он попросил разрешения начать приготовления для выгрузки прямо во время торможения. Киви, заинтересованный, так же как и Свобода, в скорейшем окончании этой нудной работы, согласился.

«Скиталец» с помощью гиростата развернулся так, чтобы ионный поток препятствовал его движению по орбите. Остановленный таким образом, он затем начал спиральный спуск вниз, двигаясь на безопасной скорости. Вскоре корабль приблизился к экваториальной плоскости, где транспортные суда могли с наибольшей отдачей использовать вращение планеты. Ему оставалось только пройти через самую гущу ядовитых зон.

Как и любая другая планета с магнитным полем, Растум был окружен высокоэнергетическими частицами, которые образовывали вокруг него кольца на различных расстояниях от центра планеты. Когда «Скиталец» проходил через одно из таких колец, Киви заметил, что, несмотря на защитные экраны, включенные на полную мощность, радиация все-таки проникала внутрь корабля небольшими дозами. В этом, конечно, не было ничего страшного до тех пор, пока детекторы не предупредили о появлении метеорита, траектория полета которого пересекала путь корабля.

В течение нескольких секунд автопилот должен был перевести корабль на пятикратное ускорение и убрать его с дороги метеорита. Прозвучал предупредительный свисток. У каждого было достаточно времени, чтобы упасть ничком и схватиться за что-нибудь неподвижное. В космосе не слишком часто встречаются метеориты, достаточно большие, чтобы из-за них стоило совершать такой маневр, но и не так редко, особенно поблизости от планет, чтобы команда была не готова к подобным случаям.

Однако именно в этот момент Ян Свобода освободил от привязи предмет, висевший более тонны, — часть атомного генератора. Он хотел освободить проход, чтобы разобрать на части остальное. Теперь эту деталь поддерживал только легкий алюминиевый каркас. Когда корабль резко набрал скорость, она сорвалась с этого каркаса, пробила тонкую заднюю палубу, отскочила от щита, закрывающего камеру зажигания, и проделала в стене машинного отделения огромную дыру, через которую в корабль насмешливо заглянули звезды.

Никто из людей не пострадал. Разрушение не было таким уж

непоправимым. Однако оно затронуло большую часть оборудования, предназначенного для постройки термоядерной электростанции. Поскольку такой случай не был предусмотрен и соответствующие меры предосторожности не были приняты перед стартом с Земли, произошла мгновенная реакция слияния. Батарей не выдержали, поскольку они могли обслуживать только внутреннюю электрическую систему.

Корабль внезапно наполнился излучением.

В транспортном судне не было места для антирадиационной аппаратуры. Единственное, для чего он был пригоден, — это как можно быстрее вывезти команду, чтобы она не получила серьезной дозы облучения. Покинутый «Скиталец» остался плавать на орбите. Невидимые и неслышные, потоки радиации бурлили в его корпусе.

— Понимаю, — кивнула Джудит. И вновь при этом движении ее волосы сделали волнообразное движение. — Спасибо.

В горле Киви пересохло больше, чем при обычном коротком разговоре, занявшем несколько минут.

— Рад был служить, — пробормотал он.

— Что вы собираетесь теперь делать?

— Я... — Киви сжал губы. — Ничего. Не беспокойтесь.

— Вы пришли, чтобы проведать Яна? Я собиралась устроиться где-нибудь на корабле, пока у меня не будет возможности вернуться назад со следующим транспортным судном. Я уверена, что Ян был бы рад, если бы вы... — ее голос вдруг стих.

Свобода довольно грубо вел себя по отношению к капитану, когда они все вместе работали в лагере на Растуме.

Киви ядовито улыбнулся.

— Безусловно.

И тут он с изумлением осознал, что сам не понимает, зачем пришел сюда. Может быть, затем, чтобы избавиться от отчаяния, выместив злобу на раненом? Киви боялся, что именно эта или подобная ей идея привела его сюда, и понимал, что поддался он ей почти сознательно. Но почему? Свобода был угрюмым, вспыльчивым, неразговорчивым человеком, но не более неприятным, чем любой другой из его собратьев-конституционалистов. Как лидер их движения, он помогал осуществлению проекта колонизации, и, хотя никто из астронавтов не горел желанием взяться за выполнение этого задания, все же работа есть работа, и ее надо выполнять, а не ворчать.

— Я... да, я хотел его проведать, — соврал Киви, — и... и посоветоваться с ним.

— Ну так вы вполне можете это сделать! — послышался внезапно чей-то голос.

Киви обогнул пиллерс, за который держался, и посмотрел на дверь лазарета. Она была открыта, и в проеме парил Свобода.

На нем была больничная пижама, лицо почти целиком скрывали

бинты. Каркас шины мог двигаться вокруг его сломанной левой ключицы, давая ему некоторую возможность пользоваться рукой.

— Ян! — закричала Джудит. — Сейчас же вернись в постель!

Свобода прорычал:

— Какая может быть постель в невесомости, кроме сбруи, которая только удерживает на одном месте, чтобы тебя ненароком куда-нибудь не сдуло? Я услышал, как вы разговариваете.

Свобода из-под своей белой маски впился глазами в капитана.

— О'кей, я здесь. Говорите же, что вы хотели сказать.

— Врач... — запротестовала Джудит.

— Я не подчиняюсь его приказам, — отрезал Свобода. — Я сам знаю, сколько мне положено двигаться.

— Ян, — умоляла жена, — пожалуйста...

— Какую степень вежливости я должен проявить к человеку, который пытался меня убить?

— Таковую же, как сейчас! — рывкнул Киви.

И тут же подумал, что в этот момент наверняка рот Свободы, скрытый под повязкой, скривила саркастическая усмешка.

— Ну, продолжайте, — хмыкнул Свобода. — Я сейчас не в состоянии с вами драться. Или, может быть, вы, будучи капитаном, просто арестуете меня? Продолжайте же, делайте то, зачем вы пришли.

Джудит побледнела как полотно.

— Прекрати, Ян, — сказала она. — Это нечестно, называть человека трусом, если он не нападает на тебя, и бахвальство — если нападает.

Снова наступила тишина. Прошла целая минута, прежде чем Киви осознал, что, не отрываясь, смотрит на Джудит.

Наконец Свобода жестко сказал:

— Хорошо. Согласен. Я думаю, мы можем обсудить практическую проблему без вспышек раздражения. Можно ли починить корабль?

Киви оторвал взгляд от Джудит.

— Не думаю, — ответил он.

— Ну тогда нельзя ли приступить к разгрузке? Я все еще в состоянии присмотреть за этим, хотя, возможно, мне понадобится помощник.

— Разгружать? — Киви с трудом отвлекся от своих мыслей. — Что вы имеете в виду? «Скиталец» находится в опасной зоне. Его нельзя разгружать.

— Минуточку! — Свобода ухватился за дверную раму. Суставы его пальцев побелели. — На корабле находится оборудование, необходимое для колонии.

— Колонии придется обойтись без него, — сказал Киви. Его опять охватил гнев, холодный и ровный.

— Что? Вы что... Нет, это невозможно! Должен же быть какой-нибудь способ достать оборудование с корабля.

Киви пожал плечами.

— Мы, конечно, проведем осмотр. Но надежды очень мало. Поверьте мне, Свобода, для меня потеря «Скитальца» — такая же катастрофа, как для вас — потеря груза.

Свобода истерично затряс обмотанной головой:

— О, нет! Это не так. Нам до конца своих дней придется жить на Растуме. Если у нас не будет этого оборудования, то мы долго не протянем. А вы возвращаетесь на Землю.

— До Земли очень далеко, — сказал Киви.

3

«Кочевник» отдыхал. Его двигатели издавали едва слышный гул. Свобода чувствовал, как тихо стучит под его ногами настил капитанского мостика. Возвращение хотя бы небольшой доли собственного веса казалось чудом.

Киви из своего кресла взглянул на контрольный экран.

— Он здесь, — сказал капитан. — Вы смотрите, а я подведу корабль вплотную к борту.

— Какое ускорение вы собираетесь использовать? — ехидно спросил Свобода.

Киви разразился лающим смехом:

— Не больше половины g . Можете не пристегиваться.

Он вновь сосредоточил все свое внимание на корабле, нажимая на кнопки, отдавая команды по интеркому.

Огромная махина «Кочевника» двигалась в основном под управлением автопилота, даже совершая такие маневры, как этот. Киви достаточно было только приказать ему:

— Иди вон к тому объекту.

Подавив внутреннее сопротивление, Свобода склонился к обзорному экрану.

При наибольшем увеличении «Скиталец» казался почти игрушкой, но быстро вырастал в размерах. Корабль описывал круг за кругом, оставаясь в одной и той же плоскости.

Тени и резкие пятна света гонялись друг за другом по его неуклюжему безобразному корпусу. И Свободе пришло в голову, что даже обтекаемые очертания транспортных судов тоже чем-то ему неприятны. Боже, поскорее бы снова оказаться на Растуме и увидеть, как последнее транспортное судно уходит в небо!

Что же касается пресловутой красоты космоса, то Свобода считал, что ее просто переоценивают. Правда, звезды представляли довольно притягательное зрелище, отбрасывая сквозь полнейшую тьму холодные немигающие лучи. Но, не затуманенные атмосферой, они были слишком многочисленны. Только профессионал смог бы различить созвездия в этой мешанине. И теперь, на расстоянии двух

третьих астрономической единицы, Эпсилон Эридаана превратилась из звезды в солнце.

Голос Киви, всегда раздражавший Свободу, вывел его из раздумий:

— Вы заметили деталь, послужившую причиной аварии? Она должна вращаться по орбите неподалеку от корабля.

— Нет, еще не заметил. Может, она каким-то образом разрушилась?

Свобода покосился на экран. Будь проклята эта чертова нерассеиваемая иллюминация безвоздушного пространства! Пейзаж на экране был просто дикой смесью тьмы и яркого света.

— Я надеюсь, что хотя бы часть оборудования можно будет спасти и, после того как мы откроем в лагере механическую мастерскую, можно будет восстановить.

— Боюсь, вы настроены слишком оптимистически. Груз потерян целиком и полностью.

Свобода повернулся к Киви. До сего момента он не совсем понимал, на чем основывается такой глубокий пессимизм капитана. А может быть, просто боялся понять? Теперь же он осознал весь ужас положения. И единственное, что он мог, — это ответить на его слова слабым голосом:

— Не будьте смешным. Почему нельзя перенести груз на этот корабль? И почему бы нам для этого не остановить «Скитальца»?

— Потому что магнитное поле планеты концентрирует энергетически заряженные частицы слоями, а орбита «Скитальца» по воле случая находится на расстоянии примерно 11 600 километров от центра Растума, и это как раз самая середина наиболее плотной зоны радиации, — с великолепным сарказмом сказал Киви. — Человек не успеет пробыть на «Скитальце» и двух дней, как получит смертельную дозу облучения.

— Ради Бога! — взорвался Свобода и, подняв левую руку, почувствовал, как сломанную, скрепленную металлическими лубками ключицу пронзила острая боль. — Дайте мне ясный ответ! Наш радиационный экран простирается на несколько километров от корпуса корабля. Если мы подойдем к самому борту «Скитальца», разве он не попадет в поле нашей защиты?

— Послушайте, — сказал Киви. Свобода не мог понять, что скрывается за его интонацией, то ли с трудом сдерживаемое раздражение, то ли насмешка. — Я полагаю, вы знаете, что радиационный экран использует магнитно-гидравлический принцип. Генератор улавливает заряженные частицы и отбрасывает их в сторону от корабля. Но частицы в поясе Ван-Аллена обладают особо мощным энергетическим потенциалом, поэтому защититься от них довольно сложно. Большинству из этих частиц удастся проникнуть далеко в глубь защитного поля, которое, подчиняясь закону обратной прогрессии, значительно снижает свою напряженность с удалением

от корпуса корабля. Таким образом, чем дальше от корабля, тем больше концентрация неуловленных частиц.

Если мы подойдем вплотную к «Скитальцу», то любой, кто ступит на его борт, попадет в зону такой концентрации частиц, что в течение четырех дней получит смертельную дозу облучения. Эта зона будет располагаться в пределах борта «Кочевника» и центральной оси «Скитальца». То есть я хочу сказать, что пятьдесят процентов человечества погибли бы от лучевой болезни, подвергнувшись четырехдневному облучению такой мощности. А в той половине «Скитальца», которая находится по другую сторону от центральной оси, облучение сможет убить человека всего лишь за два с половиной дня! Понимаете вы теперь?

— Э-э... нет, — сказал Свобода. — Людям не обязательно работать непрерывно. Можно делать вылазки по несколько часов за раз. Или нельзя?

— Нет, — Киви покачал головой, бросил взгляд на контрольный щиток и нажал на какую-то кнопку. — Даже если не принимать во внимание радиацию, все равно тут ничего нельзя сделать. Вспомните, силовой экран — это пульсирующее магнитное поле огромной мощности. Оно подвержено таким колебаниям, что не может быть использовано внутри корабля, который оно защищает. Но если накрыть этим экраном покинутый корабль... Ничего более сложного, чем термическая горелка, использовать будет нельзя. Разумеется, не может быть и речи ни о какой электронике, а электрические инструменты, видимо, придется применять только частично. Но поскольку поврежденные приборы в основном электронные, то каким образом мы сможем их починить, настроить и проверить? Как мы должны привести в действие сами инструменты для всех этих операций?

С отчаянием в голосе Свобода сказал:

— Но тогда почему бы нам не взять «Скитальца» на буксир? Нам ведь только нужно вывести его из этой зоны, и потом можно будет работать на нем, не подвергаясь никакому риску. На сколько нужно сократить для этого радиус орбиты? На 500 километров? На 2000 километров?

— Если бы мы попытались это сделать, мы бы лишились и второго корабля, — резко ответил Киви. — Звездолеты не приспособлены для буксировки. Мощный поток превратил бы «Скитальца» в пыль. Если же попробовать толкать его, то достаточно будет малейшего нарушения равновесия, чтобы корабли столкнулись и смялись в лепешку.

— Мы могли бы соединить их параллельно друг другу с помощью брусев. Может быть, даже присоединить к «Скитальцу» два корабля — по одному с каждой его стороны.

— Все ваши идеи слишком надуманны. При соотношении массы 9:1 межзвездный корабль вряд ли можно сравнить с бульдозером. Он развивает только среднюю мощность против направленных вдоль его

оси сил, а против боковых сил — и того меньше. Выполняя роль буксиров, корабли с мясом вырвали бы нервюры из своих боков. Я, правда, сам обдумывал эту идею, понимаете, и сделал некоторые расчеты, так что я располагаю цифрами, доказывающими, что такой вариант невозможен.

— Но транспортные суда...

— Да, они покрепче. Пара этих машин могла бы справиться с такой задачей. Но ведь нужно, чтобы ими кто-то управлял. На расстоянии этими лоханками, построенными на скорую руку, управлять невозможно. А как нам защитить людей от радиации? На транспортных судах ведь нет генераторов, чтобы создать противорадиационную защиту. Можно, конечно, послать за ними корабль, чтобы он, следуя на сравнительно близком расстоянии, обеспечил защиту, хотя бы слабую, но достаточную для того, чтобы человек в течение десяти минут мог находиться на борту без ущерба для здоровья. Но в таком случае защитное поле выведет из строя электронные системы транспортных судов. Так что это тоже отпадает. А теперь — заткнитесь!

Киви сосредоточился на маневре сближения со «Скитальцем», словно это был его кровный враг. Свобода сердито молчал, прислушиваясь к невнятным звукам, издаваемым кораблем: к шуму моторов, генераторов, воздуходувок. Эхом отдававшиеся по кораблю, они резонировали в длинных коридорах. Свобода вдруг представил, что его заживо проглотила какая-то гигантская рыба и теперь он слышит, как происходит обмен веществ в ее организме.

Он с трудом подавил желание вырваться оттуда.

Чтобы прийти в себя, Свобода стал думать о том, что снаружи только пустота, что солнце похоже на паяльную лампу, а тени — на милостыню. Реакция организма, не приученного к свободному раскованному полету и постоянно меняющимся ускорениям, превратила для него работу грузораспределителя в длительное мучение. Спасали его главным образом таблетки от тошноты, но они же перебивали аппетит, и слабость, вызванная плохим питанием, усугубила перенесенные недавно шок и кровопотерю. Если бы Киви только знал, как трудно сдерживать каждый натянутый нерв и не застонать, он, может быть, не был бы таким злым. Но Свобода скорее бы проклял себя, чем обратился к финну с жалобами.

Внезапно Свобода почувствовал странную усталость, словно заново пережив полет с Земли сюда — не только год изнурительной вахты, но и период заторможенный жизнедеятельности, четыре десятилетия во тьме.

Он не заметил ни легкого удара при соприкосновении с покинутым кораблем, ни возобновления свободного полета, ни сотрясения корпуса «Кочевника» при закреплении абордажных крюков. Он отстегнулся прежде, чем до него дошел смысл слов капитана:

— ...и пока вы тут будете ждать, я прошу вас ничего не трогать. Понятно?

— А? — Свобода смотрел на Киви, разинув рот. — Куда вы уходите?

— Надеть скафандр и осмотреть повреждения. А вы, вероятно, полагали, что я собрался на турнир по игре в блошки?

— Но радиация...

— Экран «Кочевника» обеспечит мне защиту от радиации, достаточную для работы в течение часа или двух.

— О, ну... подождите же. Я тоже пойду. Я хочу осмотреть груз.

— Нет, оставайтесь здесь. Вы уже хватанули порядочную дозу во время аварии.

— Вы тоже. Пошлите тогда кого-нибудь из членов команды, кто не был тогда на «Скитальце».

Киви расправил плечи.

— Я — капитан, — бросил он и покинул мостик.

Свобода не пытался последовать за ним. Слабость все еще не отпускала его. Он вдруг вяло подумал о том, что Киви ведь не женат. Очень немногие из астронавтов имели жен. А поскольку Джудит хотела завести еще детей... Лучше воздержаться от добавочного излучения.

«Зачем тогда я вообще полетел с ними? — с удивлением подумал Свобода. — Я мог бы остаться вместе с ней на «Курьере»... Нет. Я должен убедиться в том, что Киви сделал все возможное».

Для командующего было бы вполне естественным бросить груз. Зачем рисковать ради каких-то проклятых колонистов? Перед мысленным взором Свободы проходил эпизод за эпизодом их устройства в лагере, когда между колонистами и астронавтами, получившими приказ помогать им, постоянно вспыхивали ссоры. Вспашка земли, рубка леса, литье стали, бурение колодцев были неподходящей работой для астронавтов. Но больше всего их оскорбляло то, что они, космические разведчики, должны были подчиняться этим презренным самодовольным болванам. Не удивительно поэтому, что самое пустяковое разногласие могло вывести человека из себя.

Пока еще дело не зашло дальше простых кулачных боев, но Свобода был уверен, что Киви мучают те же ночные кошмары, что и его самого: в дело пошли ножи и ружья, речка Эмперер окрасилась в алый цвет.

Свобода подумал, что, конечно, нет разумного объяснения тому, что заставляет этих людей совершать подобные полеты снова, снова и снова, и всякий раз возвращаться на Землю, которая с каждым десятилетием становится все более чужой. Астронавты были исследователями, и их духовные ценности были абсолютно иными, нежели духовные ценности конституционалистов, которые заставили флот тащиться на Растум только лишь из-за того, что их не устраивали некоторые действия правительства, а это, по мнению

звездолетчиков, было просто смешно. Поэтому они, естественно, и не могли поладить с колонистами. Эти две группы людей принадлежали к двум разным цивилизациям.

Свобода посмотрел на экран. Соединенные вместе, «Скиталец» и «Кочевник» образовали новый объект со своей собственной угловой скоростью и инерционными постоянными.

Сложное по траектории вращение изменилось, хотя по-прежнему было слишком замедленным, чтобы можно было хоть немного почувствовать свой вес. Сейчас башня капитанского мостика была повернута прямо к Растуму.

Планета приближалась к полуфазе. Ее щит раскинулся по небу на шестьдесят четыре градуса, и стал напоминать огромный нечеткий круг, темная половина которого обрамлялась огненным ободом солнечного света, преломленного атмосферой, а дневная сторона сверкала так, что затмевала даже звезды. Края планеты были затуманены, но Свобода различил призрачные знамена зари, широко развернувшиеся прямо под ночным нимбом. На освещенной солнцем стороне преобладал синий цвет в спектре от бирюзового до опалового. Планету опоясывали облака белого, нежно-розового и серого оттенков. Под ними едва угадывались пара континентов — коричнево-грязно-зеленые пятна. Он вспомнил, как стоял там, прижатый к земле постоянной сильной гравитацией, и с наслаждением подставлял лицо порывам ветра. Растум показался ему таким прекрасным, что он едва сдерживал слезы.

Свобода напомнил себе, что поверхность была занята преимущественно непроходимыми лесами, холодными пустынями, крутыми скалами, на которые невозможно было взобраться; что там проносились ураганы, дожди, снегопады и засухи; что природа Растума была враждебной по отношению к людям — ядовитые растения, дикие звери. Три тысячи смельчаков не выжили бы там без машин и научных приборов.

Тем не менее он продолжал смотреть на планету, подобно какому-то новоявленному Люциферу. Корабли, быстро двигавшиеся по орбите и совершившие полный оборот за два часа сорок три минуты, вскоре перенесли Свободу к дневной стороне. Солнце чуть не ослепило его, сфокусировавшись в одной точке на искривленной поверхности океана. Он прищурился, пытаясь рассмотреть подробно. Да, вон тот континент — Роксана. Дети находились сейчас там.

— Вы все еще надеетесь? — раздался сзади него голос Киви.

Свобода оглянулся.

От напряжения он выпустил ручку своего сиденья и, оторвавшись от него, поплыл куда-то вбок. Он постыдно засучил ногами, завис между полом и потолком и висел там до тех пор, пока Киви не подтащил его обратно.

— Ну? — спросил Свобода визгливо.

— Бесполезно, — ответил Киви, отводя взгляд. — Ничего нельзя

сделать. Разрушения слишком обширны, чтобы установить там какие-то временные приспособления. Этот корабль потерян.

— Но ради всего святого! Ведь вы же человек! Мне плевать на этот чертов корабль! Но груз оттуда достать необходимо. Вы что — хотите нас убить?

— Я не хочу убивать людей, находящихся у меня в подчинении, — Киви хмуро смотрел на легкую пену Млечного Пути. — Неужели именно этот груз играет для вас решающую роль? Что в нем такого важного?

— Все. Атомный генератор. Часть лаборатории синтеза. Биометрическая аппаратура...

— А без этого разве нельзя обойтись?

— Растум — это не Земля! Из здешних животных и растений лишь немногие годятся в пищу. Земные растения не приживутся без экологической и химической подготовки. Возможно, здесь есть специфические болезни, а если нет, так появятся, как только местные вирусы начнут мутировать, а у нас против них не будет никакого иммунитета, переданного поколениями. Мы не сможем добывать и очищать полезные ископаемые в нужных нам количествах, если у нас не будет мощного оборудования, которому требуется ядерный генератор.

— Вы можете сами построить то, что вам необходимо.

— Нет, не можем. Что прикажете нам есть, носить и использовать в качестве инструментов до того, как это будет сделано? Мы и так взяли с собой лишь самый необходимый минимум оборудования, — Свобода покачал головой. — У меня двое детей, вам это известно. Я не собираюсь подвергать их жизнь большей опасности, чем это было предусмотрено первоначальным планом.

Киви вздохнул:

— Ну, что ж, тогда скажите мне, каким образом мы сможем вернуть хоть сколь-нибудь значительную часть груза. Я вас слушаю.

— Но разве это не очевидно? Силовой экран нашего корабля обеспечит достаточную защиту, чтобы человек смог работать на борту «Скитальца» несколько часов, разгружая оборудование вручную и перенося его сюда. Если каждый член команды примет участие в этой работе в течение хотя бы, ну, скажем, четырех часов, то этого будет достаточно, чтобы спасти все.

Киви покачал головой.

— Сомневаюсь. Да, в моей команде тысяча шестьсот парней, да еще каких, но мне кажется, чтобы перенести груз вручную, потребуется больше, чем тысяча шестьсот раз по четыре человеко-часа. И даже если это не так, я не могу приказывать моим людям сделать это. Сами понимаете, что для нашей жизни груз не так же важен. Учитывая, что радиация имеет свойство накапливаться и что человек, ступив на борт «Скитальца», получит гораздо больше рентген, чем допустимо, даже при самых оптимальных условиях, я не имею права нарушить устав и приказывать людям подвергнуть себя ненужному

риску. Все, что я могу сделать, — это послать добровольцев. Но я вас уверяю, что таковых не найдется, поскольку речь идет об интересах ваших землекопов.

Свобода устался на Киви. Ему казалось, что все это он видит в кошмарном сне. Он и капитан все время что-то говорили друг другу, но каждый из них никак не мог понять своего собеседника.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Мы, колонисты, сами перенесем груз сюда.

Киви громко рассмеялся, но смех его был невеселым.

— Неужели вы всерьез так думаете? Человеку без соответствующей подготовки потребуется на это столько времени, что радиация убьет его прежде, чем он успеет только начать!

Капитан пристально посмотрел на своего пассажира. На какой-то короткий миг в его глазах появилась теплота.

— Для меня это тоже нелегко, — добавил он спокойно. — С каждым поколением на Земле становится все меньше кораблей. Я потерял еще один. Лучше бы мне потерять обе руки.

Немного помолчав, Киви продолжил:

— Ну, что ж, я предлагаю вам спуститься на Растум и обсудить положение с вашими друзьями. Они должны решить, стоит ли им теперь здесь оставаться. Желаящие могут вернуться на Землю вместе с флотом. Мы попробуем разместить их на оставшихся кораблях, увеличив время вахт и сократив таким образом необходимое число саркофагов.

— Но желающими будут все! — закричал Свобода. — Несколько человек, которые достаточно упрямы, чтобы остаться, будет слишком мало, чтобы они выжили в таких условиях. Только что вы приговорили к смерти колонию на Растуме, а вместе с колонией — все, во что верили колонисты. Значит, все было ни к чему.

— Мне очень жаль, — сказал финн.

Он втиснулся в пилотское кресло и пристегнул ремни.

— Возвращаемся к «Курьеру», — произнес он в интерком. — Приготовиться к отлету от мертвого корабля и к развитию максимального ускорения.

Пальцы Киви чуть помедлили над пультом управления корабля.

— Существует еще одна причина, Свобода, — сказал он. — Даже если бы мои люди согласились разгружать для вас этот корабль, хотя я уверен, что они на это не пойдут, — все равно я бы им не разрешил.

Свобода сжался, как от боли. Слишком много ударов обрушилось на него в последнее время.

— Почему? — спросил он.

— Потому, что эта работа заставила бы нас проторчать здесь еще несколько недель, — ответил Киви. — Только несколько человек одновременно смогли бы находиться на борту «Скитальца». Остальные слонялись бы без дела на других кораблях или внизу, на планете. И то, и другое чревато опасными последствиями.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Свобода.

— Одно дело, когда экспедиция к какой-нибудь звезде состоит из одних мужчин, — Киви внезапно охрип. — Другое дело, когда мужской экипаж смешивается с тысячей зрелых женщин, ни одна из которых не может принадлежать астронавту. Из-за чего, по-вашему, та вражда и драки, свидетелем которых вы стали? И далек ли тот час, когда одна такая вот драка закончится смертельным исходом?

А если уж это не вызовет бунта, тогда я не знаю, что вообще может его вызвать. И тем не менее я не могу принудить своих людей болтаться на орбите неделю за неделей, в то время как они могут спуститься на землю.

Вы говорите мне, что у вас дети. Да толкуй вы об этом хоть целый день каждому члену команды в отдельности — это никого не взволнует. Ведь дети — те же люди, что и взрослые, с той лишь разницей, что некоторые склонны их обожествлять без всякого на то основания. Когда речь идет о личной жизни взрослого, то любой здравомыслящий человек скажет вам, что тут не до деточек. Да и вы сами признайтесь честно: если бы возник вопрос о спасении жизни либо вашей жены, либо ваших детей — кого бы вы предпочли?

— Но при чем тут... — Свобода сердито передернул плечами.

— А все-таки?

— Я оставил бы жену, — опустив голову, сказал Свобода.

— Вот видите! У нас впереди долгий путь домой. Я не хочу начинать его с помешавшейся командой.

Свобода пристегнулся, хотя корабль набирал ускорение довольно плавно. Впервые за все время он начал понимать, что Киви тоже имел право быть в чем-то неблагоразумным. Он устался прямо перед собой, словно хотел наяву увидеть ядовитый дождь или услышать, как он шелестит, ударяясь о защитный экран. Натиск невидимой смерти отражалось невидимое оружие...

Нет, его разум мог воспринять это, но чувства его восставали. Все, что они сейчас, после слов капитана, требовали — это немедленно найти Джудит, держать ее около себя, пусть даже небо извергает молнии, и никуда не отпускать.

Смутившись, он попытался отвлечься от мыслей о жене и начал вспоминать законы физики. Электроны и протоны нельзя считать несуществующими только потому, что их нельзя увидеть. Можно ведь наблюдать их след, проложенный среди скопления туч, или их запись на фотопластинке... Магнитные поля — тоже самая настоящая реальность. Сильный магнит может вырвать нож из рук человека и при этом поранить его, если он подойдет слишком близко к магнитным полюсам. Планетарный магнетизм способен повернуть иглу и указать таким образом, где находится родная планета.

И если уж на то пошло, кто когда-нибудь видел, или слышал, или измерял эмоции? Но тем не менее любовь, ненависть, страх руководили людьми, устремившимися навстречу звездам, где их настигло отчаяние. Человеческое тело, такое большое, одна

невесомая мысль может заставить ходить, стелая, туда и сюда, пока такая же невидимая мысль его не остановит. Если бы только мысль с такой же легкостью могла остановить корабль в его движении по орбите! Но мысль все-таки нельзя сравнивать с магнитным полем.

Или можно?

Свобода соскочил со своего сиденья, ударившись левой рукой о подголовник. Его окатила волна боли, и он вскрикнул. Киви обернулся и рывкнул:

— В чем дело?

С трудом сдерживая слезы, Свобода сказал:

— Мне кажется, я нашел выход. Я нашел выход...

— Это займет много времени? — спросил Киви, на которого сообщение Свободы, казалось, не произвело никакого впечатления.

— Мо... мо... может быть...

— Тогда забудьте об этом.

— Но клянусь Иудой в аду! — Свобода потрогал свою ключицу.

Шина, кажется, была цела. Боль отступила. Она, подобно приливу, накатывала и снова утихала. Свобода дождался минуты, когда мысли его прояснились, и с трудом выдохнул:

— Вы можете хотя бы выслушать меня? Мы могли бы спасти и корабль тоже!

— А взамен рисковать потерять человек двадцать убитыми во время драк и мятежа? Нет.

Голова Киви была высоко поднята, лицо абсолютно бесстрастно.

— Я уже говорил вам, что трения между двумя нашими группами стали опасны. Я просто не знаю, как дожидаться момента, когда остальные корабли будут разгружены, а наши баки наполнены. Потом мы сразу отправляемся! Я не проведу ни одного лишнего дня в этом проклятом Богом месте.

— Но корабль... вы говорили...

— Я знаю. Вернуться назад, потеряв корабль, — это значит сильно подпортить свою репутацию. Возможно, меня отстранят от командования. Но я не фанатик, Свобода. Вы готовы пожертвовать даже жизнью Джудит, лишь бы остаться верным своей странной философии. Но в конечном счете что это такое, как не утверждение вашей личной бессмертной значимости? А я не хочу, чтобы люди получали травмы, а может быть, даже и умирали во имя того, чтобы мой послужной список был безупречным. Я собираюсь доставить домой всю без исключения команду, если не весь флот. И если колонисты решат все бросить и вернуться домой — что они и сделают, как мне кажется, — тогда, клянусь небом, я окажу им эту услугу! — Вращая голубыми, прозрачными, как у слепого, глазами, Киви вдруг закричал: — Убирайтесь отсюда! Я не желаю выслушивать ваши сумасшедшие планы! Выметайтесь с мостика и оставьте меня в покое!

На корабле уединиться было еще сложнее, чем на Растуме. Потерпев множество неудач в своих поисках, Свобода и Джудит, наконец, перестали искать место, где они смогли бы побыть вдвоем. Членам экипажа доставляло явное удовольствие не разрешать им занять на время ту или другую секцию. Они вернулись на полубак и сели на указанную им койку за занавесками.

Время от времени их разговор прерывался громким стуком фишек о магнитный стол и невнятным бормотанием.

В полумраке тесного помещения Свобода сумел разглядеть, что глаза Джудит покраснели, а вокруг них залегли темные тени. Она была так же измотана, как и он сам. Свобода не мог помочь ей и от этого жестоко страдал.

— Но неужели он даже не выслушал тебя? — спросила Джудит. — Я не могу этого понять.

— О, да, — вздохнул Свобода. — Он взорвался и велел мне убираться с мостика, я уже тебе говорил. Но еще до того, как мы вернулись сюда, на «Курьер», он достаточно остыл, чтобы выслушать меня, когда я на этом настоял. У меня было немного времени до этого разговора, я сделал некоторые грубые расчеты, и с их помощью сумел ему доказать, что мой план вполне мог бы сработать.

Джудит все еще не спрашивала его, что же это за план, и это было вполне в ее духе. Как большинство женщин, ее больше интересовала реальность, абстракции она оставляла мужу. Свобода часто думал о том, что она согласилась лететь на Растум не столько из-за своих идей, сколько из-за него, и, сам того не сознавая, был очень рад этому.

Джудит с недоумением спросила:

— И все-таки он отказался от твоего плана?

— Да. Он выслушал меня, согласился, что идея практична, но заявил, что она неосуществима. Когда я начал спорить, он снова вышел из себя и разорался.

— Но это так не похоже на Нильса! — пробормотала Джудит.

Лицо Свободы перекошилось.

— Разве ваши отношения так близки, что ты называешь его по имени?

— Но я думала, ты знаешь... — Джудит немного помолчала. — Нет, скорее всего, нет. Ты всегда был таким деловым, когда мы работали в лагере, и держался так холодно с ним и с другими астронавтами. Я никогда не понимала, в чем тут дело. Он был очень добр ко мне и к детям. Они с Дэйви были просто неразлучны. Он познакомил Дэйви с местным лесом, с охотничьими трюками и ловушками, которыми пользовался еще во время первой экспедиции, — Джудит потеряла глаза. — Вот почему я не могу понять его теперешнего поведения.

Свободе было ясно, в чем тут дело и почему Киви старался

завязать дружбу с их сыном, хотя — он был абсолютно уверен в этом — капитан был совершенно равнодушен к детям. Но чутье подсказывало ему, что Джудит не должна об этом знать, и потому он сказал:

— Видишь ли, Киви сейчас тоже ужасно напряжен. Потеря корабля была для него тяжелым ударом.

— Тогда он тем более должен быть заинтересован в спасении «Скитальца».

— Угу. Но он, в общем-то, прав, утверждая, что моя идея, будучи простой и элегантной... — Свобода криво ухмыльнулся, — потребует все же немало времени для осуществления. При этом работа найдется лишь для нескольких членов команды. Остальным придется бездельничать до тех пор, пока не будут разгружены последние корабли и баки не будут наполнены до отказа. Безусловно, Сатана найдет применение праздным рукам.

— Разве нельзя их усыпить? Ведь на обратном пути все равно придется это сделать.

— Нет, боюсь, что нет. Мой план предусматривает маневрирование на высоких скоростях и рывки с максимальным ускорением. Саркофаги слишком хрупкие, чтобы выдержать это. А чтобы быстро провести операцию, понадобятся все корабли, иначе это затянется на неопределенно долгий срок... Нет, большинству команды понадобится ждать на Растуме. Киви прав. Это может кончиться катастрофой. Он считает, что в данном случае цель не оправдывает средства. Я с ним согласен.

По лицу Джудит промелькнула тень.

— Странно. Уже... — она внезапно замолчала.

— Что? — резко спросил Свобода.

— Ничего.

Он схватил ее запястья и сжал так, что она поморщилась.

— Говори! Я имею право все знать.

— Я уже сказала — ничего. Ко мне приставал один человек... один из астронавтов... несколько дней назад, в лагере. Но, право же, ничего не случилось. Я крикнула, и тут же прибежал Чарли Локейбер. Астронавт сразу ушел. Даже драки не было.

Свобода стиснул зубы, а потом грубо сказал:

— Надо было разбить два отдельных лагеря, не допускать никаких контактов и не разрешать колонисткам ходить поодиночке.

— Но это ужасно. Эти люди так помогли нам. Они...

Свобода вздохнул:

— Ну, детали мы обсудим позже. К какому бы решению мы ни пришли, выполнить его будет нелегко. Я одобряю желание Киви избавить свою команду от подобных унижений. Он должен заботиться об их моральном облике и состоянии в течение всего долгого пути домой.

— И поэтому ты считаешь, что лучше обречь наших детей на

заведомую гибель, чем подвергнуть риску нескольких человек из команды?

— Не говори мне о детях! — взорвался Свобода. — Десяток здоровых мужчин и женщин смогут породить целое поколение себе подобных. К тому же мне нужны свои собственные дети, а не те щенки, которые отравлены чуждой мне моралью и связаны со мной лишь тем, что носят мою фамилию. В этом я тоже абсолютно согласен с капитаном.

— Понятно, — Джудит покачала головой. — И все-таки ты неправ, Ян. Дело не только в этом. Забота о команде — прежде всего, я согласна. Но ведь нельзя сказать, что Нильс нас ненавидит. Ты знаешь его только с дурной стороны. Но уверяю тебя, Киви всегда был очень добр ко мне. Он просто из кожи вон лез, чтобы мне угодить. Капитан не может бросить нас здесь, зная, что мы погибнем. Он на это не способен.

Свобода некоторое время пристально смотрел на жену. Она не была красавицей в общепринятом смысле, но все же это была Джудит, и в этом заключалось самое главное. И вдруг у Свободы шевельнулась какая-то смутная мысль.

— Ты в этом уверена? — спросил он.

— Да. Как ни в чем другом.

— О'кей. Тогда я постараюсь проследить за логикой Киви. Он не верит в то, что мы останемся здесь без оборудования, и полагает, что мы вернемся с ним на Землю. Поэтому ясно, что убийцей его назвать нельзя. Возможно, он даже считает, что поступает так ради нашего же блага. Ведь совершенно ясно, что в первые годы освоения Растума многие из нас погибнут независимо от того, какое у нас будет оборудование.

— Да, он, видимо, так и думает. Он всегда считал, что бессмысленно даже пытаться освоить эту планету, — на лице Джудит появилась слабая улыбка. — Что ж, безусловно, пройдут десятилетия, прежде чем мы сможем построить свой собственный звездолет.

— Причина не только в этом, — Свобода посмотрел на жену и выдержал взгляд до тех пор, пока она не заерзала от смущения.

И тут мысль, промелькнувшая у него несколько минут назад, окончательно оформилась.

Он даже не мог себе представить, что способен чувствовать к человеку такую жалость, какую он почувствовал к Киви сейчас, когда понял, на что надеется капитан.

— Так, значит, мы должны вернуться? — прошептала Джудит.

Не сводя с нее глаз, Свобода рассеянно ответил:

— Я думаю, большинство проголосует за это.

— Но меньшинство ведь тоже не сможет остаться здесь, да? — щеки Джудит покраснели, и она опустила глаза, чтобы избежать его взгляда. — Если возвращаться, так всем.

— А ты сама как на это смотришь?

— Я... о... конечно, мне очень жаль, Ян. Все это так... так

неприятно. Мы ведь все продали, чтобы оплатить этот полет, и теперь нам придется вернуться нищими на Землю, полную чужаков. К тому же ты так мечтал об этой планете.

— Но все-таки ты не будешь уита горем, не правда ли?

— Что ты хочешь этим сказать? — Джудит сердито вскинула голову. — Прекрати паять на меня!

Свобода стиснул зубы. Он не мог сейчас все объяснить. Если кто-нибудь из сидевших за занавеской понимал по-английски, то их наверняка подслушивали. Поэтому начать сейчас осуществление своего плана означало обречь его на провал. К тому же он не собирался раскрывать его Джудит ни при каких обстоятельствах. Нащупав слабое место капитана, он, Свобода, должен приложить все усилия, чтобы забыть о том, что он узнал, а не использовать свои знания против несчастного астронавта.

Однако Джудит ждала ответа, поэтому Свободе поневоле пришлось продолжить. Он уже совсем подошел к задуманному, как почувствовал, что его уверенность в себе пошатнулась.

Взяв руки жены в свои, Свобода сказал:

— Джудит, я хочу тебя кое о чем попросить. Это самое тяжелое из всего, что ты когда-либо делала для меня, хотя ты уже сделала даже больше, чем я того заслуживаю.

Джудит вновь напряглась, хотя по ее лицу блуждала неуверенная улыбка.

— Чего же ты хочешь?

— Каким бы ни был исход голосования — даже если все проголосуют за возвращение, — я прошу тебя остаться со мной на Растуме.

Дыхание Джудит участилось. Свобода почувствовал, как похолодели ее пальцы.

— Только не подумай, что я сошел с ума, — взмолился он. — Мы сможем выжить. Я клянусь тебе. Пусть дети отправятся на Землю, мне нет до них дела. Общество, каким бы оно ни было, позаботится о детях. А у нас с тобой будут другие дети, действительно наши, родные нам не только по крови, но и по духу...

— Т-ты всегда говорил...

— Да, старая пословица. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

— Прекрасный лозунг, — отрезала Джудит. — Нет. Я не остаюсь.

Свобода сделал последнюю ставку.

— Что бы ни случилось, — сказал он, — я остаюсь.

Он сидел совершенно спокойно, и, наконец, Джудит бросилась к нему в объятия.

— Я тоже, — прошептала она.

Свобода обнимал ее, мысленно посылая к чертям всех подслушивающих астронавтов.

Некоторое время они говорили о том, что будут делать, если

действительно окажутся на Высокогорье Америки одни. Но вскоре Джудит, нервно рассмеявшись, переменяла тему разговора:

— Но, может быть, нам и не придется заботиться обо всем этом? Надо попробовать уговорить Нильса спасти «Скитальца».

— Прямо говорить ему об этом нельзя, — сказал Свобода. — Он лишь ответит, что надо быть благоразумным, попросит тебя замолчать и предложит вернуться на Землю.

— А все-таки в чем состоит твой план спасения, Ян?

— О, вот в чем.

Свобода улыбнулся, но его улыбка была не видна под бинтами.

— Это очень просто и напрашивается само собой. Без сомнения, не догадываясь об этом я, это пришло бы в голову еще кому-нибудь. Ты знаешь, как возникают пояса Ван-Аллена? Ну, планетарное магнитное поле относительно слабо в любой взятой точке, но простирается на гигантское расстояние и таким образом задерживает эти частицы. Защитный экран космического корабля не может распространяться на такие расстояния, поэтому он должен обладать огромной мощностью. Силы, которые отклоняют быстро движущийся ион с его пути, да еще на расстоянии нескольких километров от их источника, должны быть громадны. Такие силы может создать только термоядерный генератор.

«Скиталец» — это, по сути дела, металлический объект, нагруженный другими металлическими объектами. То есть проводник. Если поместить проводник в движущееся магнитное поле, или наоборот, то возникает электродвижущая сила, значение которой зависит от скорости движения и напряженности поля. Помнишь школьный опыт, когда магнитную пластинку роняли между полюсами сильного магнита? Как только она попадала в поле, скорость ее падения уменьшалась. Причиной этого было то, что пластинка пересекала силовые линии, а это вызывало в меди вихревые токи. Энергия падения пластинки превращалась из скорости в электричество, то есть в теплоту.

— О! — воскликнула Джудит. — Конечно.

— Понимаешь? Мы будем посылать один за другим корабли к «Скитальцу», чтобы они прошли мимо него как можно быстрее и как можно ближе. Это вполне достижимо с помощью автопилота при использовании расчетов гиперболической траектории, перпендикулярной к орбите «Скитальца». Я полагаю, что тридцати — сорока километров в секунду можно будет достичь без особых затруднений. Таким образом... их магнитные поля остановят «Скитальца». Утратив энергию, он перейдет на более низкую орбиту. И после необходимого числа таких операций он в конце концов окажется в достаточно безопасном районе, чтобы бригада ремонтников смогла там работать, не рискуя жизнью.

— Ну, что ж, это прекрасная идея. А что будет с другими кораблями?

— О, они тоже затормозят. Третий закон Ньютона. Но мимо

«Скитальца» они пройдут в свободном полете, так что заметной деформации не возникнет. К тому же торможение их продлится недолго. Мы наполним баки кораблей и увеличим таким образом их массу в девять раз. Баки «Скитальца» почти все пусты... И все-таки мы не можем искусственно ускорять этот процесс. Вихревые токи выделяют тепло, которое должно рассеиваться. «Скиталец» может просто-напросто расплавиться.

— От тепла можно избавиться очень просто, — предложила Джудит. — На одном из кораблей надо установить насос, и все время обливать «Скитальца» водой. Она испарится и унесет с собой тепло.

— Умница, девочка. Я тоже об этом думал. Возможно, есть и другие способы, еще лучшие. Но вся штука в том, что мы не можем спасти «Скитальца», пока Киви...

За занавесками послышался чей-то голос, который с сильным акцентом произнес:

— Пожалссста, миимтер и мииммим Шифобота зайтти ф каютту каппитана.

Джудит вздрогнула:

— Что?

— Я так и знал, — сказал Свобода. — Кто-то нас подслушал и успел донести. Я просто счастлив. Ну, что ж, зато все выясним до конца.

Взявшись за руки, они пошли по коридору. Сердце Свободы учащенно билось. Постучав в дверь капитанской каюты, они услышали грубый голос:

— Входите.

Свобода пропустил вперед Джудит, затем вошел сам и закрыл за собой дверь.

Каюта капитана, которая, как и все помещения корабля, одновременно была и приемной, и спальней, отличалась маленькими размерами. Она была забита книжными и музыкальными катушками, но во всем остальном походила на строгую, даже аскетическую, монашескую келью. Киви сидел за магнитной доской, установленной на тонких ножках, которая служила ему столом.

Капитан посмотрел на Свободу и Джудит, и взгляд его стал холодным и пустым.

— Что это еще за чушь с вашим решением остаться? — без всяких предисловий требовательно спросил он.

— Это наше личное дело, — ответил Свобода.

— Может быть, лично ваше. Вы можете оставить свои кости на Растуме, если хотите. Но ваша жена? — лицо Киви обратилось к Джудит. — Он не имеет права приказывать вам умереть. Я предлагаю вам свою защиту.

Джудит прижалась к мужу.

— Никто меня не заставляет, — прошептала она.

— Но вы же сумасшедшие! — закричал Киви. — Вся эта затея была просто азартной игрой, поазартнее, чем игра в кости. Но теперь,

когда груз «Скитальца» потерян, риск настолько увеличился, что большинство ваших людей наверняка решат вернуться. А это уже не оставляет ни малейшей надежды для тех, кто захочет испытать судьбу в одиночку.

— Позвольте нам самим делать выводы, — сказал Свобода.

Киви взмахнул рукой в воздухе, словно пытаясь его ударить.

— Джудит, — сказал он, — вы не понимаете, что это значит.

Джудит вскинула голову:

— Зато я понимаю и помню свой брачный обет.

Киви как-то весь обмяк.

— Но ведь я же не чудовище, — жалобно сказал он. — Я просто хочу избавить свою команду от бед, возможно, даже от убийства. Вот почему я не могу принять спасательных планов, рассчитанных на долгое время.

«Но это только одна из причин», — подумал Свобода.

— Я с большим удовольствием доставлю ваших людей домой, — сказал Киви. — И, кроме того, у меня есть деньги. Я помогу вам и вашей семье, Джудит, начать заново жизнь на Земле. Для чего деньги холостяку?

— Нет, — твердо сказал Свобода. — Прения закончены. Вы не можете заставить нас покинуть Растум. Если вы попытаетесь арестовать нас, то тогда уж конфликт между нашими группами наверняка выльется во что-то серьезное!

— Не говори таким тоном, Ян, — в глазах Джудит стояли слезы. Но вот они покатились по ее лицу, упали и поплыли к вентиляционной решетке, как маленькие звездочки. — Нильс желает нам добра.

Свобода сказал с намеренной жестокостью:

— Не сомневаюсь. Итак, храните верность своей статистике, Киви. Не подвергайте свою команду какой бы то ни было опасности. Пусть на Растуме не образуется никакой колонии. В худшем случае это будет стоить жизни всего двоим.

Увидев, как исказилось лицо Киви, как задрожали его губы, Свобода понял, что победил. Итак, его план удался! Он поставил капитана, влюбленного в его жену, в безвыходное положение. Киви стало ясно, что он не заставит Джудит вернуться на Землю, где он мог бы рассчитывать на ее взаимность. А оставить ее на Растуме вдвоем со Свободой и тем самым обречь ее на смерть было выше его сил.

Все, что затем последовало, подтвердило безошибочность расчета Свободы.

Капитана бил озноб. Он повернулся к Джудит, потом отвернулся от нее, потом повернулся вновь.

— Вы знаете, что я не могу этого допустить, — сказал он. — Хорошо, мы спасем «Скитальца». А теперь пожалуйста, оставьте меня одного.

Сейчас Свобода многое отдал бы за то, чтобы не произносить тех последних своих слов, которые были абсолютно не нужны.

Часть 4. МЕЛЬНИЦА БОГОВ

1

— Ня-а-а, ня-а-а!

— Пошел прочь от меня, говнюк, отвали от меня. Ты воняешь!

— Точняк, он воняет. А знаешь, почему? Потому что его вырастили в резервуаре с жидким удобрением.

— Эй, Дэнни, которая твоя сестра? Эта что ли, вон та корова, твоя сестра, а, Дэнни?

Ян Свобода хлопнул ладонью по контрольной панели.

— Эй вы, — прикрикнул он. — Успокойтесь! Сядьте.

— Уберите этого навозника Дэнни к чертям собачьим, — сказал Пэт О'Мэлли. — Я не желаю, чтобы рядом со мной торчала эта жирная скотина, которую вырастили в резервуаре.

— Ня-а-а! — сказал Фрэнк Де Смет, вклеив бедняге подзатыльник.

Дэнни Коффин свалился на четвереньки в боковой проход. Фрэнк и Пэт соскочили со своих мест и начали его тузить.

— Я сказал хватит! — Свобода снова стукнул по панели с такой силой, что она затрещала. — В следующий раз я вмажу по чьей-то заднице.

Он привстал и оглянулся. Мальчишки притихли и вернулись на свои места.

Свобода несколько раз по установленной очереди приходилось пилотировать школьный аэробус, и он завоевал у детей репутацию зануды. Но это служило ему защитой.

Дети в общем-то не были такими уж плохими, но Свобода вез их из школы, где им приходилось немало работать, домой, где им приходилось работать еще больше. Конечно, они должны были где-то выпустить пар, а где же еще, как не по дороге домой? Но Свобода предпочитал не допускать этого, пока старая мышеловка была в воздухе.

— Это очень низко — дразнить бедного Дэнни, — сказала Мэри Локейбер, девочка в накрахмаленной кофточке, с длинными локонами, похожими на темный шелк. — Он ведь не виноват, что его пришлось выращивать в резервуаре.

— Вы тоже не больно задавайтесь, — мрачно сказал Свобода. — Вас самих вырастили в резервуаре. Он, правда, называется материнским чревом, а не экзогенетическим аппаратом. Но на днях ваши родители возьмут своего собственного экзогенетического ребенка, и он будет ничем не хуже вас, — он немного помедлил. — Разве что не такой везучий, как вы. О'кей, пристегнитесь.

Дэнни Коффин сел на свое место рядом с Фрэнком Де Сметом, высморкался и вытер нос. Это был мальчик небольшого роста, с широким лицом и прямыми темными волосами: его хромосомы несли в себе наследство Востока. После начала учебного года он повел себя очень спокойно. Когда другие приставали к нему, он предпочитал не давать сдачи, а защищаться.

«Надо будет сказать о нем Сабуро, — подумал Свобода. Хирояма, его коллега по работе, преподавал в старших классах дзюдо. — Небольшой специальный инструктаж помог бы бедному парню завоевать уважение... А может быть, и нет. При гравитации, которая в четверть больше земной, Растум — неподходящее место для бездумного применения таких приемов».

Свобода почувствовал озноб. Не так давно он видел, как с крыши упал человек. Ребра его пронзили легкие, а таз был разбит вдребезги. На Земле бедняга отделался бы, самое большее, сломанной ногой.

Свобода нажал на кнопки контроля. Роторы стали перемалывать воздух, и аэробус тяжело двинулся вверх. Вскоре оставшаяся внизу школа превратилась в скопление покрытых дерном крыш с грязным пятном игрового поля посередине. Поселок Анкер — несколько дюжин деревянных домов — тоже уменьшился на глазах и стал похож на пятно на пересечении трех ярких линий. В этом месте реки Свифт и Смоки, сбегавшие с гор Кентавра на западе, сливались и образовывали Эмперер. Весь остальной пейзаж — сплошная зелень со слабым отблеском металлической голубизны. То тут, то там мелькали клочки лесов и светлые пятна полей, где фермеры пытались вырастить пшеницу и рожь. К северу пейзаж, занятый сплошными лесами, становился все более мрачным; к югу он переходил в возвышенность, которая становилась все круче и каменистее, пока, наконец, не превращалась в цепь Геркулесовых гор, стеной закрывавших горизонт.

Приближался день осеннего равноденствия, когда шестидесятидвухчасовые сутки Растума почти поровну делились на день и ночь. К полудню солнце поднималось над Кентавром и окрашивало в розовый цвет его снежные вершины, прятавшие свои плечи в благодатной тьме. На землю ложились гигантские тени. Оно было слишком большим, это солнце, слишком ярким и слишком оранжевым. К тому же оно слишком медленно ползло по чересчур тусклому небу.

Или, может быть, так только казалось колонистам, которые выросли на Земле. Новое поколение, представители которого, первоклассники, сидели сейчас у Свободы в аэробусе, считали все это вполне нормальным. Для них «Земля» была всего лишь словом, всего лишь термином из истории, связанным с другим термином — «звезда», которую взрослые называли «Сол». Прожив на Растуме семнадцать лет — нет, черт побери, десять земных лет — Свобода заметил, что воспоминания о родной планете постепенно начали стираться в памяти.

— Ня-а-а, учительский любимчик. Ты уже наябедничал, а? Ну, подожди, доберусь я до тебя завтра.

— Прекрати, Фрэнк, — крикнул Свобода.

Мальчишка Де Смет поперхнулся и уставился на него. В густом воздухе Высокогорья Америки, плотность которого почти в два раза превышала плотность земного на уровне моря, звуки передавались так чисто и ясно, что дети никак не могли привыкнуть к способности старших отделять звук от шума. Однако для всех, кто родился на Земле, эта способность была второй натурой, и Свобода прекрасно слышал шепот не только Де Смета, но и других детей.

В зеркало заднего обзора он видел, что Дэнни с трудом сдержался, но все-таки не ответил обидчику. Темная узкая одежда мальчика выделяла его среди других детей так же, как и его статус — первый в школе экзоген. Остальные школьники тоже носили строгую одежду — по земному обычаю — но колонисты все-таки ввели некоторое разнообразие цветов и фасонов. Старый Джошуа Коффин, наверное, считал, что это — такой же грех, как и счастье. Свободе иногда приходила в голову мысль, не Коффины ли первыми предложили ввести обязательную экзогенетику из-за того, что Тереза не смогла доносить ребенка, а может, просто Джошуа захотел ввести еще одну обязанность для колонистов. Естественно, после того, как закон был принят, Тереза каким-то образом продолжала беременеть — обычный случай. И в результате Дэнни вместо того, чтобы получить несколько партнеров по играм дома, получил лишь целый выводок конкурентов.

Бедный парень. Но вмешиваться в это никто не имел права. Поскольку он, видимо, неспособен был обижаться, его приемные родители могли воспитывать его так, как находили нужным, без вмешательства официальных и частных любителей совать нос в чужие дела.

«Однако, — подумал Свобода, — можно все-таки посоветоваться с Сабуро. Хотя бы попробовать».

Свобода сосредоточился на пилотировании. Каждый день маршрут менялся — три учебных периода по пять часов в каждом распределились так, чтобы время перевозок выпадало на самые подходящие часы. Приходилось определять дорогу с помощью сложной системы ориентиров на местности и быть всегда готовым к движению воздушных масс. При таком движении даже легкий порыв ветра мог нанести аэробусу сильный удар.

Уже в который раз где-то на уровне подкормки Свобода подумал о взаимосвязанности вещей. Говоря о том, что «нет таких вопросов, которые не относились бы к какому-нибудь делу», Торвальд Энкер был прав. Примеры, предоставленные Растумом, подтверждали его слова. Например, связь между экологией и школьными аэробусами. Поскольку среди животных и растений, имевшихся на плато, лишь немногие были съедобны, колонистам пришлось выращивать зерновые культуры, привезенные с Земли. Но экология для поддержки этих

зерновых еще не полностью была создана (взять хотя бы то, что на Растуме имелся вирус, который нападал на нитрогенфиксирующую бактерию, необходимую земным бобовым), и потому урожаи были плохими, людям приходилось обрабатывать огромные площади, чтобы получить хотя бы необходимое количество зерна. Большинству колонистов пришлось стать фермерами и поселиться обособленно от других, посередине обширных земельных владений. Это, в свою очередь, сделало их зависимыми от воздушного транспорта — все еще настолько дефицитного и дорогого, что он находился только в общественном распоряжении — чтобы они могли совершать поездки на расстояния, недоступные людям. Особенно это касалось перевозок детей в школу и обратно. А следствием этого было то, что возникла необходимость ввести обязательное поочередное пилотирование школьных аэробусов, к которому привлекались люди вроде Свободы, не занимающиеся фермерством. Ну, а это начинало обострять конфликт между профессиональными слоями.

Свободу постоянно мучил вопрос: не забыта ли уже та свобода, ради которой они, по их словам, прилетели сюда.

Каким бы ни был маршрут, Дэнни всегда покидал аэробус последним. Коффины жили дальше всех, у края Расселины. Когда Свобода посадил аэробус на их посадочную полосу, Дэнни прошел мимо него к выходу, не сказав ни слова.

Тереза Коффин, увидев приземляющийся аэробус, вышла на крыльцо. В руках она держала ребенка, а другой, который только что начал ходить, повис у нее на юбке. Заходящее солнце окрасило ее волосы в яркий медный цвет. Она ухитрилась приветливо помахать рукой и крикнула:

— Хэлло! Может быть, зайдете на чашку чая?

— Нет, спасибо, — ответил Свобода, высунувшись из окна. — Джудит уже ждет меня.

Тереза улыбнулась:

— Готовитесь к свадьбе?

— Да, — кивнул Свобода, рассматривая голый двор с утоптанной землей, на котором не росло ничего, кроме ошипанного дуба. — Она по уши завязла встряпне, шитье и еще Бог знает в чем. Я обещал помочь передвинуть до ужина мебель.

— Да, передайте ей, что я привезу вечером те пирожные, что обещала, следующим аэробусом до Стейнлейк Ройял. Я хотела бы испечь побольше, но... — Тереза сделала какой-то кривой жест. У Коффина сейчас было уже пятеро детей, включая Дэнни, да шестой на подходе.

— Спасибо, вы нам очень помогли. Хотя не стоило беспокоиться из-за такого пустяка.

— Как, мистер Свобода! Свадьба вашей дочери!

— Конечно, конечно. Разумеется, я рад, что Джосселина подцепила такого славного парня, как Колин Локейбер, и мне хочется, чтобы все было, как положено, и так далее. Однако

устраивать на этой планете торжественную церемонию, имитирующую земную свадьбу в семье среднего уровня, во время осеннего сбора урожая и прочее... — Свобода пожал плечами. — Это уж чересчур.

Сойдя по ступенькам, Тереза приблизилась к нему. Ее лицо, покрытое морщинами и почти такое же обветренное, как и его собственное, помрачнело.

— Вы ошибаетесь, — сказала она. — Вероятно, вы просто не очень любите свою дочь. Кроме того, при теперешнем положении дел вряд ли что-нибудь сможет так подбодрить людей, как свадьба.

Свобода подумал о Джосселине, Дэвиде, о родившемся на Растуме Антоне и экзогенном младенце Гейле, стараясь не вспоминать о маленькой могиле позади своего фруктового сада. Ему и Джудит еще повезло. Большинство семей потеряло больше. И потери эти еще будут. Впереди их ждут и еще один Год Болезней, и еще один ураган «Тихий день», и еще Бог знает, что их ждет впереди. Без сомнения, это был обыкновенный естественный отбор, в результате которого с течением времени появится раса более здоровых и одаренных людей, чем те, каких когда-либо знала Земля. Но в волосах Джудит заблестели седые пряди, как и в его собственных. Он все еще был в расцвете сил, но горы постепенно начали казаться ему все более крутыми.

— Да, — сказал Свобода. — Вы, безусловно, правы. Я согласен: необходимо время от времени устраивать праздники. Я вовсе не хотел быть похожим на... — он чуть было не сказал: «на вашего мужа», но вовремя удержался и надеялся, что Тереза ничего не заметила. — Так или иначе, — закончил он поспешно, — мне пора. Пока.

Тереза снова улыбнулась:

— До вечера. Я буду что-нибудь около 39.00 по нашему времени.

«Она, наверно, ждет не дождется этой поездки к нам, — подумал Свобода. — Хоть сбежит отсюда на час-другой».

Свободе вдруг стало так ее жалко, что он даже забыл о Дэнни.

2

Подобно большинству поселенческих домов, этот дом был построен из грубо отесанных бревен, скрепленных стальными скобами, чтобы противостоять могучим ветрам. На случай шторма в нем был подвал. Длинный и низкий, прохладный летом и теплый зимой, дом не был примитивным. Электроэнергия поступала с атомной электростанции в Анкере, но в доме был и солнечный коллектор, который накапливал энергию — источник тепла и света — в подземной системе с супергорячей водой. Но в то время как электричества было достаточно, электроприборов не хватало. Поэтому большая часть дома была отведена под мастерскую, и троим мальчикам приходилось спать в одной комнате. По мнению их отца, такие условия для Нижнего уровня на Земле были бы роскошью.

— Но ведь раньше мы жили не на Нижнем уровне, — сказал как-то Дэнни, впервые обидевшись, когда к ним с Ахабом поместили еще и Этана.

— За это ты должен благодарить справедливого и милосердного Господа, — ответил ему Джошуа Коффин. — Ты всегда должен быть благодарен ему за то, что тебя не было на свете в первые несколько лет освоения Растума, когда мы жили в палатках и землянках и нас заливали дожди. Я видел, как умирали мужчины, да женщины и дети тоже, лежа в грязной воде, а по их лицам хлестал дождь, какого не бывало на Земле.

— Ну, это было так давно, — возразил Дэнни.

Его приемный отец сжал губы.

— Если ты думаешь, что у взрослых есть время для постройки дополнительной комнаты всякий раз, когда на свет появляется новое отродье, то я научу тебя думать по-другому, — прошипел он. — Во время очередного периода работы по дому ты будешь доить всех коров.

— Джошуа! — взмолилась мать. — Ведь он всего лишь ребенок!

— Ему уже пять земных лет, — отрезал отец.

На этом споры закончились. Дэнни действительно стал думать по-другому.

Он любил коров — они были такие теплые, добрые, от них исходил запах лета, но их было слишком много. Прежде чем он успел закончить работу и почувствовать, как онемели пальцы, подошел отец, хлопнул его по плечу, пробормотал что-то вроде:

— Ладно, все же это было слишком, — и поспешно вышел из коровника.

Позднее Дэнни, который никак не мог уснуть из-за боли в руках, встал, чтобы выпить воды. В конце темного коридора виднелась освещенная гостиная, где сидели отец и мать. Отец, казалось, был чем-то расстроен. Мать расчесывала волосы. С тех пор Дэнни всегда сомневался в том, что мать искренне вступилась за него.

И вот теперь ему приходилось заниматься в школе. Лучше бы его заставили каждый день доить всех коров. Он попросил об этом отца, в первый раз вернувшись домой из школы, где ребята на переменах кричали:

— Вонючка, вонючка, вырос в резервуаре, как жирный поросенок.

Дэнни не сказал об этом родителям, потому что это было слишком ужасным, но заплакал. Отец велел ему прекратить заниматься ерундой и вести себя, как подобает мужчине.

Мать, видимо, спросила учительницу, в чем дело. Миссис Антропулос знала, что дети дразнят Дэнни, и велела им не делать этого, но они лишь стали еще больше насмехаться над ним. «Подожди, я доберусь до тебя завтра», — прошептал ему Фрэнк Де Смет. Позади школьного игрового поля был сарай...

Один раз, когда Дэнни вернулся домой в слезах, мать собрала кое-что для ленча, и они вдвоем отправились на вершину Галочьей

горы. Там они сели на большие камни, которые, как часто воображал Дэнни, были притащены сюда гигантами, и стали смотреть на дом и постройки, на зелено-голубое пастбище с гулявшими по нему овцами, похожими на мохнатых жуков, на ржаное поле, где отцовский трактор вздымал за собой тучи пыли, и на Расселину, которая была краем света.

Легкий ветер растрепал волосы матери и заставил деревья зашуметь, вторя ее голосу. Она говорила тихо и медленно, так же, как говорила однажды с отцом после его очередной долгой прогулки в одиночку.

— Да, Дэнни, ты не такой, как все. Но различие это вовсе не плохое. Когда ты станешь постарше, ты будешь гордиться этим. Ты — первый экзоген на Растуме! Будут и другие, подобные тебе, их будет много, но мы очень рады, что первый — именно ты! И ты нам нужен, Дэнни.

Но когда Дэнни спросил, каким образом появляются экзогены, мать отвела взгляд и сцепила пальцы.

— Когда ты узнаешь о наследственности, то все поймешь. Сейчас ты еще слишком мал. И именно для того, чтобы все узнать, ты и ходишь в школу. Там ты получишь знания, необходимые для жизни на Растуме, поймешь, почему мы поселились на этой планете и почему мы никогда не должны забывать о Земле и о ее людях... Дэнни, они дразнят тебя только потому, что тоже не понимают, как все это происходит. Непонятное всегда чуть-чуть пугает, но сами они об этом не догадываются. А ты не очень-то помогаешь им это понять.

Ты должен постараться быть более общительным и дружелюбным. Не задавай слишком много вопросов учительнице. Принимай участие в их играх, а не уклоняйся, и... о, я не знаю. Мы прилетели на Растум именно для того, чтобы сохранить за собой право быть не такими, как все. Я полагаю, нет нужды начинать заново старый круг, доказывая тебе, что необходимо приспособиться просто потому, что так более удобно.

Эти слова были удивительно похожи на то, что временами говорил отец, и потому пикник сразу же разонравился Дэнни, и вскоре они вернулись домой.

Позднее он узнал об экзогенных резервуарах гораздо больше. На звездолетах не было места, чтобы захватить с собой живой скот, и вместо самих животных на Растум повезли их семена — отцовские и материнские. Они были настолько малы, что можно было взять их достаточное количество, чтобы потом получить миллионы животных — коров, свиней, овец, собак, лошадей и так далее. В течение долгих лет полета и позднее, уже на Высокогорье Америки, семена сохранялись живыми с помощью тех же средств, которые использовались для усыпления людей.

После того как колонисты достаточно освоились на Растуме и были готовы заняться скотоводством, биотехники соединили материн-

ские и отцовские семена и выращивали их в резервуарах до тех пор, пока те не превратились в настоящих маленьких животных.

Недавно их класс во время занятий по биологии посетил биолaborаторию в Анкере, где им показали эти резервуары. Дежурный лаборант объяснил, однако, что этот метод уже больше не используется, потому что животные выросли и сами стали производить потомство. Он сказал также, что некоторые виды животных вообще было решено не разводить, но семена их бережно хранятся на случай, если эти виды вдруг понадобятся. После этого он показал им картинки, где были изображены некоторые из этих животных: змеи, слоны, мангусты, жабы, божьи коровки и другие.

Так что Дэнни теперь был хорошо знаком с экзогенетикой. Кроме того, он понял, что дети вырастают внутри своих матерей так же, как телята внутри коров, после того как их отцы отдавали им свои отцовские семена. Только... не все дети вырастали таким образом.

Некоторых выращивали в резервуарах. В таких же резервуарах, в каких выращивали животных. Дэнни был среди них первым. Почему? Когда он спросил об этом, то ему сказали, что общество нуждается в различных типах людей, но он не совсем это понял. И почему каждые муж и жена должны были иметь по крайней мере одного экзогенного ребенка?

Однажды Дэнни случайно услышал, как молодой мистер Лассаль жаловался отцу на этот закон, когда они вместе работали на молотилке. Отец тогда ужасно разозлился и сказал:

— У вас есть хоть какое-нибудь понятие об общественном долге?

Получалось, что отец и мать, видимо, вырастили Дэнни таким образом потому, что их обязывал к этому закон. Сестер и братьев Дэнни они родили сами, значит, им просто хотелось родить: Ахаба, Этана, Элизабет, Надежду и теперь еще одного, которого они зачали и который должен был появиться на свет через несколько недель. Дэнни же был совсем другим. Он был общественным долгом.

Некоторые люди относились к нему хорошо. Например, миссис Свобода. Дети тоже не всегда проявляли к Дэнни неприязнь.

Чаще всего они просто сторонились его, а он — их. Но время от времени кто-то из мальчиков колотил его, как сегодня. Аэробус запоздал на несколько минут, и, пока дети ждали его, делать было нечего. Вот Фрэнк и начал поддразнивать Дэнни, а тот стал, в свою очередь, дразнить его и в конце концов большинство ребят присоединились к Фрэнку, чтобы принять участие в травле Дэнни.

Мальчик вытер нос кулаком, надеясь, что мать не заметит. Она разговаривала с мистером Свободой и даже не сказала Дэнни «Хэлло». Может быть, она просто не заметила его. А может быть, не хотела замечать. Дэнни проскользнул мимо нее в дом, чтобы снять школьную форму и надеть рабочую одежду, хотя время для работы по дому еще не наступило.

Ахаб лежал на кровати в комнате, где жили мальчики. Он был

младше Дэнни почти на год. (По земному времени на 139 дней. На Растуме обычно пользовались местным календарем, но земной год служил для измерения возраста человека и для определения дат некоторых праздников, например Рождества. Дэнни часто думал об этом могущественном и таинственном земном годе, шествовавшем сквозь зиму, лето, весну и осень.) Ахаб был стройным мальчиком с каштановыми волосами, как и все остальные «настоящие дети Коффинов».

— Привет, — сказал Дэнни с надеждой в голосе.

— Когда отец придет домой, он тебе покажет, — вместо приветствия заявил Ахаб.

Сердце Дэнни упало.

— Но я ничего не сделал!

— Ты ничего не сделал, — эхом отозвался Ахаб. — Как же, ты не закрыл ворота в северном загоне, а там как-никак шестьсот овец. Мама сказала, что ворота были открыты.

— Я закрывал! Я правда закрывал! Я всегда закрываю ворота, когда загоняю овец туда. Как раз перед тем, как поехать в школу.

— Мама сказала, что ворота были открыты. Туда могла забраться дикая кошка. Может быть, она туда уже забралась. А, может быть, прячется в лесу и собирается таскать овец до тех пор, пока отец ее не пристрелит. А ты сам — безмозглая вонючая овца! — круглое лицо Ахаба было злым.

С тех пор, как Ахаб и Этан узнали, что их старший брат — экзоген (хотя неизвестно, что для них означало это слово, потому что они были еще маленькими), они стали использовать это против Дэнни, потому что он был старше и сильнее, а мать всегда относилась к нему лучше, чем к остальным.

Им даже не приходило в голову, насколько лучше относился к ним отец.

— Нет! — закричал Дэнни и выбежал из комнаты. Мать уже вернулась в дом и меняла пеленки маленькой Надежде. — Мама, это неправда, неправда. Я знаю, что закрыл ворота. Я это точно знаю!

Мать обернулась.

— В самом деле?

— Я знаю!

— Дэнни, дорогой, — мягко сказала Тереза, — всегда помни о том, как важно быть объективным. «Объективность» — длинное слово, но одной из причин нашего бегства на эту планету было то, что на Земле люди забыли его и в результате стали бедными, несчастными и потеряли свободу.

Мать положила малышку на диван, села на корточки, опустила руки на плечи Дэнни и посмотрела ему в глаза.

— Быть объективным — значит стараться говорить всегда правду, — сказала она. — Особенно важно быть правдивым с самим собой. Это самое трудное, но и самое необходимое.

— Я на самом деле закрыл ворота. Я всегда их закрываю. Я знаю, в диких лесах есть хищные звери. Я никогда об этом не забываю.

— Дорогой мой, но ворота ведь не могли открыться сами. Ты был последним, кто заходил туда передо мной. Я поняла, что произошло. Тебе не нравится школа, и ты так задумался об этом, что забыл закрыть ворота. Я знаю, что ты не нарочно оставил их открытыми. Но не надо стараться скрыть правду.

Дэнни проглотил слезы. Отец говорил, что он уже слишком большой, чтобы плакать, как грудной малыш... как Этан.

— М-м-может быть, и в самом деле так было. Прости меня.

— Ну, вот, хороший мальчик, — мать взвешивала ему волосы. — Я не сержусь на тебя. Я только хочу, чтобы ты понял, что совершил ошибку. Мы хотим, чтобы люди на Растуме не привыкали лгать сами себе. Я очень рада, что ты сознался.

— Т-ты скажешь отцу?

Тереза закусила губу.

— Я не знаю, как заставить остальных держать язык за зубами, — сказала она, обращаясь, казалось, больше к себе, чем к Дэнни. Затем она отрывисто сказала: — Неважно. Я ему все объясню. Тебя действительно нельзя в этом винить.

— Ты всегда... — Дэнни не смог закончить свою мысль, но высвободился из-под ее рук и вернулся в свою комнату.

Она всегда говорила, что Дэнни не виноват, а отец никогда ей не верил.

— Скоро тебе покажут, — сказал Ахаб.

Дэнни не обратил на него внимания. Для Ахаба это было хуже, чем если бы Дэнни его ударил.

— Ня-а-а, ня-а-а, ня-а-а, скоро ты получишь, старый экзоген! — пропел он снова.

Дэнни переоделся и снова прошел через холл в гостиную. Ахаб не пошел за ним.

— Мама, можно мне погулять?

Глаза Терезы потемнели.

— Опять? Мне бы не хотелось, чтобы ты так часто гулял один. Я думала, — она тепло улыбнулась, — что, может быть, после ужина, когда я поеду к Свободе, я могла бы отпустить тебя к Гонзалесам, поиграть с Педро.

— Ой, нет. Педро любит играть в детские игры. Я и один хорошо погуляю, мама, честно. Смотри, я надел браслет.

Дэнни поднял руку. На его запястье мерцало металлическое кольцо с кнопками. Отец сказал ему, что это — транзисторный радиопередатчик, и, если Дэнни потеряется или с ним что-нибудь случится, любой взрослый сможет отыскать его по радиосигналу.

Все это отец объяснил ему, как всегда все усложняя. Мог бы просто сказать, что Дэнни должен носить браслет, чтобы его могли найти. Он уже два раза терялся, и его вскоре находили. После этого отец поил его горячим какао и рассказывал сказки про короля Артура.

Сегодня Дэнни особенно хотелось куда-нибудь уйти.

— Ну, что ж... хорошо, — сказала мать. — Только не забудь, что через час мы должны задавать корм и поить. А потом мне нужно будет печь пирожные для свадьбы мисс Свободы. Ты не хотел бы мне помочь?

— Э-э-э... — Дэнни не хотел ее обижать, но такие занятия считал делом девочек. — Нет, спасибо, мне не хочется. Пока.

Дэнни прошел мимо коровника, перелез через деревянную ограду клеверного луга и пошел через разбросанные тут и там рожицы, по высокой траве на восток — к своему любимому месту на обочине Расселины, которая была краем света.

3

До сих пор на Высокогорье Америки не было никакого формального правительства. Все возникавшие вопросы решались с помощью дискуссий по телетрансляции. Они тоже были весьма редки, поскольку большинства традиционных обязанностей правительства на Растуме просто не было — например, внутренней и внешней обороны — или ими занимались добровольные общества. Со временем социальная структура превратилась бы в более развитую, но для этого ее эволюция должна была проходить очень органично в рамках конституционалистической философии. По крайней мере, так надеялись колонисты.

Однако необходимо было выбрать кого-то, кто учреждал бы законы, председательствовал на диспутах, следил за такими общественными службами, как медицина и образование, и собирал бы для них налоги. Таким человеком на Растуме был мэр — официальное лицо, избиравшееся каждые семь лет (4.01 земных года), если общество по какой-либо причине не лишало его вотума доверия раньше этого срока.

До сих пор этот пост бессменно занимал Терон Вульф. Его кабинет находился на втором этаже библиотеки и выходил окнами на реку Свифт, которая струилась под деревянным мостом, отливая зеленью. Сейчас, безлунной ночью, река была не видна, но Вульф слышал ее журчание через раскрытое окно. После наступления темноты на плато быстро холодало, поэтому казалось, что вместе с плеском воды в окно врывается ее леденящий холод.

Джошуа Коффин плотнее запахнул свою кожаную куртку, Вульф, огромная фигура которого казалась еще более мощной в свободном шерстяном свитере и брюках от комбинезона, искоса взглянул на окно.

— Закройте, если хотите, — предложил он.

Коффин поморщился.

— Честно говоря, я предпочел бы лучше мерзнуть, чем дышать вашим дымом.

Вульф посмотрел на зажатую в пальцах дешевую сигару.

— Ничего, потерпите немного, — сказал он. — Мы выращиваем табак всего лишь третий сезон. Я знаю, что у него не слишком приятный и слишком резкий запах, но после стольких лет воздержания... Погодите немного — мы попробуем изменить состав почвы, вывести другой сорт или еще что-нибудь сделать.

— Мне кажется, что лучше было бы сосредоточить усилия на улучшении сортов пшеницы. — Коффин сжал губы. — Но я пришел к вам по другому делу. Вы знаете, по какому.

— У вас пропал мальчик. Мне очень жаль.

— И никто не хочет искать его.

— О, что вы говорите! Но мне сообщили, что...

— Да, да, да. Мои соседи обыскали всю округу вчера ночью и сегодня днем. Но теперь они бросили поиски.

Коффин ударил костлявым кулаком по своему колену, обтянутому темной материей.

— Они отказываются искать.

Вульф провел рукой по поредевшим волосам и водрузил на нос старомодные очки. Единственный в Анкере оптик до сих пор еще не начал производство контактных линз. Он сделал глубокую затяжку, прежде чем ответить, а потом сказал:

— Если, как вы говорите, ищейки потеряли его след на краю Расселины и никому не удалось поймать ни одного сигнала браслета...

Голос Коффина стал таким же суровым, как и выражение его лица. Он повернул голову, вглядываясь в темноту.

— Я допускаю возможность, что собаки потеряли след еще раньше. Там так сыро, что запах смывается, вероятно, в течение нескольких часов. Но браслет не мог выйти из строя ни при каких обстоятельствах.

— Даже если — извините меня за такое предположение, — даже если мальчик углубился в лес и на него напала дикая кошка? Она могла проглотить браслет, и желудочная кислота...

— Это смешно! — Коффин откинул седую голову назад. Глаза его словно запали, оказавшись в тени. — Последний большой хищник в этом районе был убит около пяти лет назад. А если бы кто-то и забрел сюда из диких лесов, то собаки бы это почувствовали. Они бы подняли такой вой, что разбудили бы даже Лазаря. И я не вижу ни одной правдоподобной причины порчи передатчика. Его детали заключены в металлическую оболочку, которая, в свою очередь, покрыта тефлоном. Работает он от солнечной энергии. Внутри него есть специальное приспособление, превращающее любое случайное излучение в разборчивый радиосигнал. Ночью он питается от микроемкостей, в которых за день накапливается энергия. Портативный локатор передает радиоволны в радиусе десяти километров.

— Можете не рассказывать, — участливо сказал Вульф. — У меня самого есть внуки, — он почесал бороду. — Как тогда вы все это объясняете?

— Я считаю, что, прежде чем обнаружили его отсутствие, он ушел от дома более чем на десять километров и находился на таком расстоянии все время, пока его искали. — Коффин ткнул в мэра пальцем. — И поскольку мы обыскали плато в радиусе шестидесяти километров, это означает, что он спустился в Расселину. Моя жена говорит, что он часто сидел около нее и о чем-то мечтал.

— Я знаю Дэнни, — сказал Вульф, который знал всех. — Коэффициент умственного развития у него несколько выше, чем следовало бы, и он достаточно благоразумен. Я уверен, что вы его предупреждали.

— И не раз. — Коффин отвел взгляд, скрестил руки и вновь посмотрел на Вульфа. — Жена сказала мне, что, когда он уходил, он был очень расстроен. Другие дети издевались над ним, и, поскольку он забыл закрыть ворота, он... он боялся, что я рассержусь, когда узнаю об этом, вернувшись с поля. Раз уж он часто мечтал об этой заоблачной стране, — Коффин больше не в силах был продолжать.

— Да, это звучит правдоподобно, — Вульф покосился на дым, выпущенный изо рта, и добавил: — По правде говоря, я уже связался по видеофону с некоторыми из ваших соседей. Они объяснили мне, почему не хотят спускаться слишком далеко по этим скалам. Риск ужасно велик, особенно сейчас, во время сбора урожая. Если дожди уничтожат зерно в полях, колонии придется пережить голодную зиму.

— Я готов пожертвовать своей жизнью и урожаем, — Коффин внезапно замолчал. Его впалые щеки залила краска. — Простите меня, — пробормотал он. — Это мой главный порок — духовная спесь. Я обращаюсь к вам, мэр, как... как отец.

— Избавьте меня от сантиментов, — холодно сказал Вульф.

— Как вам будет угодно. Я только собираюсь выполнить свой долг по отношению к мальчику, и мне кажется, что я еще не сделал ничего, что выходило бы за рамки этого долга. Какая формулировка вас устроит?

— Ну а чего вы хотите от меня?

— Воздушные средства...

— Боюсь, что это невозможно. Вы знаете, какова сила воздушных потоков в облаках, а уж о давлении и говорить пока не приходится. Ни один из наших дряхлых аэробусов, которые еще не разваливаются только потому, что их части все время скручивают сверхпрочной проволокой, не выдержал бы. Правда, у нас есть несколько мощных аэрокаров, но их некому пилотировать. Ведь, поселившись здесь, мы почти не летаем, разве что в самых необходимых случаях. Мы разучились летать, и если б мы рискнули взяться за пилотирование аэрокаров, то непременно шарахнулись бы пузом о горные вершины. Это касается и наших постоянных водителей аэробусов. Я уже говорил об этом с некоторыми из них. Они сказали, что, если придется лететь на высоте не более десяти километров над горными склонами, им неизбежно придется

спуститься до уровня моря. А ведь лететь им надо примерно на этой высоте. Может быть, О'Мэлли, Гершкович или Ван Цорн еще смогли бы продемонстрировать такое фигурное пилотирование, но их, как нарочно, нет, они разведывают медные месторождения в Искандрии. А это, как вам известно, на другой стороне планеты, вне пределов досягаемости любой радиоустановки или летательного аппарата, которые есть у нас здесь. Правда, наш передатчик смог бы послать сигнал на такое расстояние, но их приемники не смогут его поймать, разве что чисто случайно, в результате какого-нибудь необычного каприза погоды.

— Я знаю! — почти крикнул Коффин, перебив быструю, гладкую, продуманную речь Вульфа. — Вы думаете, что я не учел всех деталей. Конечно, участвующие в поисках должны будут идти пешком. Я сам готов к этому. Но я понимаю, что искать в одиночку — самоубийство. Может быть, вы смогли бы убедить кого-нибудь присоединиться ко мне? — И добавил с явным отвращением: — Искусства убеждения вам не занимать.

— Для двоих это тоже было бы равносильно самоубийству, — сказал Вульф, удивившись меньше, чем ожидал Коффин.

— Люди уже спускались на несколько километров вниз по Расселине, даже ниже облаков, и благополучно вернулись.

— Осторожно двигаясь вдоль самых безопасных тропинок. А ведь вы кинулись бы в любом направлении, если бы поймали сигнал. — Вульф нахмурился. — Прошу меня простить, Джошуа, но мальчик, по-видимому, мертв. Если он и в самом деле спустился слишком низко, — а уклон Расселины настолько крут, что десять километров спуска по прямой удалили бы его как минимум на пять километров вниз от края, — если он сделал это, значит, воздух убил его.

— Нет, на глубине пяти километров от края давление таково, что может вызвать у людей различную степень отравления углекислотой. Но Даниэль более выносливый, чем обычные люди. Например, он никогда не начинал зевать в душной комнате. В любом случае отравление на этом уровне еще не смертельно, и азотного опьянения тоже не наблюдается.

— Ну, а что, если он спустился еще ниже? Вспомните: с приближением к уровню моря давление возрастает. Как только Дэнни начал слабеть и чувствовать головокружение, он наверняка покатился ниже и упал. Вряд ли он смог бы влезть обратно. И потом — еда. Сейчас он должен был бы испытывать такие муки голода, что смерть была бы для него избавлением.

Коффин так же мрачно ответил:

— Мальчика хватились около ста часов назад. Плюс еще сто часов, пока его найдут. В его возрасте этого времени недостаточно, чтобы умереть с голоду. Я уверен, что он помнит мой запрет есть плоды местных растений. Я молю Бога, чтобы у него хватило ума сесть, ждать и экономить силы, когда он понял, что потерялся. Имею я на это право?

В комнате стало тихо, слышался только шум реки. Потом на лесоскладе завизжала циркулярная пила.

По обычному распорядку жизни на Растуме люди отдыхали по десять-одиннадцать часов, а затем около двадцати часов работали. Анкер спал. Но этот неожиданный звук в ночи заставил Коффина вздрогнуть, а Вульфа отвлек от его мыслей.

— Я давно наблюдал за Дэнни, — сказал мэр.

И действительно, он подробно изучал все характеристики Даниэля Коффина — генетические, школьные, медицинские, а также неофициальные, то есть просто-напросто слухи. В сущности, под ненавязчивым наблюдением Вульфа находились абсолютно все в колонии.

— Я ожидал, что вы придете ко мне с этим предложением. И если я отнесся к нему несколько холодно, то только потому, что хотел проверить, искренне ли вы хотите найти Дэнни.

— Если бы это было не так, я бы не пришел.

Вульф многозначительно поднял брови, но ответил только:

— Я пытался найти хотя бы двух человек для такой экспедиции. Фермеры все до одного отказались, ссылаясь на уборку урожая и на огромный риск для жизни. Они считают, что их главный долг — сохранить себя для семьи. Тем более вы, если говорить откровенно, не завоевали большой симпатии среди колонистов. Но я думаю, можно обратиться к тем, кто не занимается фермерством. Начать хоть бы с Яна Свободы.

— С рудокопа? — Коффин поскреб длинный подбородок. — Я его плохо знаю. Хотя моя жена дружит с его супругой.

— Эта мысль пришла мне в голову как раз перед вашим приходом. При этом я имел в виду главным образом местонахождение его разработок. Он сейчас копает на северном плече плато и достиг уже глубины в три километра. Он привык к повышенному давлению, а это очень кстати, и к работе в условиях большой облачности, что еще более кстати.

Вульф покачал головой, и по его лысому черепу заскользили световые блики.

— Мы так мало знаем о Растуме, — задумчиво сказал он. — Первая экспедиция не прошла дальше исследования поверхности данной конкретной возвышенности на данном конкретном континенте. А мы, колонисты, были слишком заняты проблемами устройства и выживания, чтобы позволить себе еще и дополнительные исследования. Я помню, как бойко, бывало, рассказывали на Земле астронавты о той или другой планете, словно говорили о каком-то большом городе, а ведь любая планета — это целый огромный мир! Специальное образование Свободы, годы его опыта смогут вписать целый параграф в многотомный труд по географии Растума, который когда-нибудь будет создан.

— Что вы объясняется мне очевидное? — проскрипел Коффин.

— О'кей, — мощная фигура Вульфа поднялась из-за стола и с

удивительной легкостью двинулась к двери. — Возле дома стоит мой служебный аэрокар. Едем к Свободе.

4

Когда Вульф посадил машину, в небе вставала внешняя луна Ракш. Находясь в перигее и будучи видна почти полностью, она казалась вдвое больше по угловому диаметру, чем Луна, видимая с Земли, и напоминала крапчатый диск цвета меди. Ее свет обрисовывал далекие снежные вершины и заставлял сверкать изморозь на траве. Ракш медленно, очень медленно двигалась с запада. Чтобы завершить видимый с Растума оборот, ей требовалось 53 часа — почти в два раза больше, чем время ее обращения на орбите вокруг Растума, — и тогда можно было заметить, как она меняется в размерах и переходит в другую фазу, оставаясь висеть в небе.

Малютка Сухраб тоже появлялась с запада, но пересекала небо в южном направлении слишком низко и слишком быстро, чтобы человек мог ее заметить. Казалось бы, при таком двойном освещении звезды должны быть едва видны, но густой воздух лишь слегка затуманивал их. Кроме системы Эридана, которая, впрочем, не была видна с Высокогорья Америки, в ночном небе можно было отыскать созвездия Ориона, Дракона, Большой Медведицы, Кассиопеи — те самые, к которым привыкли земляне. Но профессиональный астроном отметил бы некоторое их искажение. Даже само Солнце оказывалось прямо над Волопасом, когда его можно было разглядеть в часы затмения Ракша. Двадцать световых лет — сорок лет полета, но в масштабах Галактики это был пустяк.

Выйдя из аэрокара, Коффин пожегся от холода. Под сиянием Ракша дыхание превращалось в белый пар. Свет, падавший из окон дома на сад, казался холодным и призрачным. Он окаймлял серебром длинные листья дуба и отбрасывал на замерзший пруд тень пихтовой рощицы. Среди ветвей этой рощицы, подобно фонарю гоблинов, висело гнездо цветастого феникса, покинутое осенью, но все еще мерцавшее от облепившей его светящейся древесной губки.

Крыло дома, в котором горел свет, голубело сквозь деревья. Оттуда доносилась трель поющей ящерицы, сверхъестественная, как некая трехтактная старинная шотландская мелодия. Ветер, медленный и тяжелый, шелестел сухими листьями, но этот звук не был похож ни на октябрьское шуршание листвы в Новой Англии, ни на что-либо другое, что можно было услышать на Земле.

Тем не менее в отличие от весны и лета, когда буйная природа Растума наполняла ночи голосами, трелями и кваканьем, сейчас было тихо. Только гулко отдавались шаги по промерзшей почве. Неожиданно для самого себя Коффин почувствовал прилив какой-то благодарности, когда дверь дома распахнулась, и оттуда хлынули тепло и свет.

— Что ж, входите, — сказала Джудит. — Правда, я не ожидала...

— Ян дома? — спросил Вульф.

— Нет, он в шахте, — Джудит внимательно посмотрела на них, и вдруг ее взгляд застыл, а от лица отлила кровь. — Я вызову его, — сказала она тихо.

Пока Джудит настраивала видеофон, Коффин присел на краешек стула. Вульф, чувствующий себя более непринужденно, устроился на диване, который застонал под его тяжестью.

Гостиная была более просторной, чем обычно в домах колонистов, и своими грубыми потолочными балками, каменным очагом и тропичными ковриками пробудила у Коффина щемящее воспоминание. Закусив губу, он напомнил себе, что подобных комнат на Земле давно уже нет. Теперь, когда с помощью доступного всем фотопринтера можно было снимать копии нормальных размеров с микроматериалов, начала возрождаться традиция личных библиотек. В гостиной Свободы было много полок, заставленных книгами, хотя выбор авторов отличался заметным своеобразием: Омар Хайям, Рабле и Кейбелл стояли на полке, предназначенной для детских книг.

В комнату заглянула Джудит.

— Ян сказал, что постарается вернуться как можно быстрее, — сообщила она. — Ему самому придется останавливать авточерпак, потому что Сабуро работает в забое. Там что-то случилось с компьютером копательного механизма, — поколебавшись, она спросила: — Могу я предложить вам чаю?

— Нет, спасибо, — ответил Коффин.

— Непременно, непременно, — сказал Вульф. — И если у вас случайно завалюсь несколько ваших знаменитых вишневых бисквитов...

Джудит ответила Вульфу скорее благодарной, чем любезной улыбкой.

— Ну, конечно, — сказала она и вышла на кухню.

Вульф протянул руку к ближайшей книжной полке. Вытащил оттуда какую-то книгу и зажег очередную сигару.

— Мне кажется, что я так никогда и не пойму Дилана Томаса, — сказал он. — Но мне нравится его стиль, и вообще, я сомневаюсь, хотел ли он сам, чтобы его понимали.

Коффин расправил плечи и уставился в стену.

Вскоре вернулась Джудит, держа в руках поднос.

Вульф громко причмокнул.

— Великолепно! — объявил он. — Дорогая моя, вам принадлежит честь быть первой женщиной на Растуме, возродившей истинное искусство приготовления чая. Помимо того, что чайные листья приобретают на Растуме особый цвет, приходится еще учитывать и разницу в температуре кипения воды. Какой смесью вы пользуетесь? Или это секрет?

— Нет, — рассеянно произнесла Джудит. — Я напишу вам рецепт... извините за беспорядок. Знаете, свадебные приготовления...

Торжество состоится завтра, после восхода солнца. Но, конечно, это указано в ваших приглашениях... — она внезапно замолчала. — Извините, мистер Коффин.

— Ерунда, — отозвался Коффин, почувствовав, что сказал что-то не то, но никак не мог найти нужных слов, чтобы исправить неприятное впечатление.

Джудит сделала вид, что не заметила этого:

— Я поддерживаю контакт с Терезой, — сказала она. — Коснись меня, мне кажется, я не смогла бы перенести случившееся с таким мужеством, как она.

— Если уж этому суждено было случиться, — сказал Коффин, — то надо было благодарить Бога, что произошло это не с настоящим ребенком.

Джудит покраснела от возмущения.

— Неужели вы думаете, — сказала она, — что для нее есть какая-нибудь разница?

— Нет, простите меня.

Коффин потер глаза большим и указательными пальцами.

— Я настолько устал, что не соображаю, что говорю. Не поймите меня превратно. Я намерен продолжать поиски до тех пор, пока... по крайней мере, пока мы не выясним, что случилось.

Джудит бросила быстрый взгляд на Вульфа.

— Если Дэнни мертв, — сказала она нетвердым голосом, — я думаю, вы должны как можно быстрее дать Терезе возможность взять еще одного экзогенного ребенка.

— Если она захочет, — возразил мэр. — Дэнни достиг обязательного минимального возраста, и она больше не обязана иметь в семье экзогенов.

— В глубине души Тереза этого хочет. Я ее знаю. Если она не попросит об этом, заставьте ее. Она должна убедиться, что ее... что ее попытка была удачной.

— Вы тоже так думаете, Джошуа? — осведомился Вульф.

Взгляд Коффина стал сухим. Эти люди обсуждали его личные дела. Но у них не было злого умысла, и Коффин не осмелился обидеть жену Яна Свободы.

— В любом случае, — выдал он из себя с трудом, — я знаю, принять такое решение — наш долг.

— К черту долг! — вспыхнула Джудит.

Усталость дала себя знать, и бывшая привычка старого холостяка-астронома относиться к женщине как к большому ребенку взяла верх. Коффин сказал:

— Разве вы не понимаете? Три тысячи колонистов не располагают достаточным для обеспечения сохранности рода фондом генов. Тем более на новой планете, где необходимо максимальное разнообразие типов людей, чтобы раса смогла приспособиться к новым условиям в течение минимального числа поколений.

Эзогены, после того как их произведут, возьмут на воспитание

и вырастят до зрелого возраста, со временем будут насчитывать миллион дополнительных предков будущего человечества планеты Растум. Они просто необходимы.

— Уверяю вас, Джудит получила неплохое образование.

— О, конечно. Я не... я имел в виду... — Коффин сжал кулаки. — Простите меня, миссис Свобода.

— Ничего, — сказала она, — но в голосе ее не было теплоты.

Коффин не верил, что эта вспышка раздражения со стороны Джудит была вызвана его ложным шагом. Но тогда чем же? Тем, что он назвал экзогенных детей «долгом»? Но разве это было не так?

Молчание слишком затянулось, поэтому Коффин вздохнул с облегчением, услышав, что приехал Ян Свобода. Звук его аэрокара был похож на затихающий вой, постепенно переходящий в тонкое урчание по мере того, как машина снижалась. Предусмотрев необходимость транспортировки, Свобода построил свой дом по-соседству с рудным месторождением, между своей шахтой и сталеплавильным заводом в Анкере.

Вой возобновился, но вскоре затих совсем, когда машина вновь взлетела и удалилась.

В комнату величественно вошел Свобода. Его штаны были заляпаны маслом, а куртка покрыта красными пятнами железяка.

— Здравствуйте, — резко сказал он.

Коффин встал. Их рукопожатие было коротким.

— Мистер Свобода...

— Я слышал о вашем мальчике. Это очень печально. Я бы прилетел и сам помог в поисках, но Иззи Штайн сказала мне, что ваши соседи обшарили все, что было можно.

— Да. Они смогли бы это сделать, если бы хотели, — и Коффин высказал Свободе все, о чем недавно рассказывал Вульффу.

Свобода посмотрел сначала на жену, потом на мэра, потом снова на жену.

Она стояла, закрыв ладонью рот, и смотрела на него расширенными глазами. Выражение же лица самого Свободы оставалось абсолютно равнодушным, когда он спросил без всякого выражения:

— Так, значит, вы хотите, чтобы я спустился с вами в Расселину? Но если мальчик ушел туда, значит, он уже мертв. Простите, что я выразился так жестоко, но ведь это правда.

— Вы уверены? — спросил Коффин. — Хорошо, конечно, сидеть дома и рассуждать, что все равно уже его не спасти.

— Но... — Свобода засунул руки в карманы, уперся взглядом в пол, а потом вновь поднял глаза. По скулам у него заходили желваки. — Будем честными до конца, — предложил он. — Я считаю, что вероятность найти мальчика живым ничтожно мала, в то время как возможность потерять убитыми или ранеными несколько человек из группы поиска довольно велика. Для Растума, где каждая пара рук на вес золота, это было бы большой потерей.

Коффин почувствовал, как внутри него поднимается ярость.

— Да, мистер Свобода, вы остаетесь честным не только до конца, но даже, я бы сказал, до крайности.

— Ваш сарказм весьма не похож на ту позицию, которую вы занимали в Год Болезней, утверждая, что мы не должны заваливать могилы умерших камнями, чтобы не тратить на это лишние силы. А ведь вы прекрасно знали, что в таком случае твари, питающиеся падалью, разроют могилы и сожрут останки людей.

— Тогда мы испытывали гораздо больший недостаток в рабочей силе. К тому же мертвым было все равно.

— Но их семьям было не все равно. И ради Бога, почему вы решили обратиться именно ко мне? Я занят.

— Приготовлениями к свадьбе! — фыркнул Коффин.

— Ее можно отложить... если ты непременно должен идти, — прошептала Джудит.

Свобода подошел к ней, взял ее за руки и мягко спросил:

— Ты считаешь, я должен?

— Я не знаю. Это тебе решать, Ян. — Джудит высвободила свои руки. — У меня для этого не хватит смелости.

Она быстро выскочила из комнаты. Мужчины слышали, как она пробежала через холл к спальне.

Свобода рванулсЯ было за ней, но остановился и повернулся к гостям.

— Я остаюсь при своем мнении, — сухо сказал он. — Хотел бы я знать, осмелится ли кто-нибудь назвать меня трусом?

— Я думаю, ты должен пересмотреть свое решение, Ян, — вмешался молчавший до сих пор Вульф.

— Ты? — удивленно воскликнул Свобода.

— Вы? — почти одновременно со Свободой крикнул Коффин.

Оба воззрились на дородную фигуру посреди дивана. Тот самый мэр, который голосовал против каменных насыпей на могилах в памятный страшный год, который отговорил фермеров от истребления рогатых жучков, поскольку более целесообразно было нести потери в урожае по известной людям причине, чем заставить будущие поколения страдать от непредсказуемых последствий возможного нарушения экологического баланса: тот мэр, который шантажировал Гонзалеса, чтобы тот отказался от своего непрактичного плана запрудить речку Смоки, пригрозив ему судебным процессом; который удержал молодого Тригниса от постройки завода стиральных машин, ибо — как он чувствовал — она потребовала бы слишком много ресурсов из тех, что имелись тогда в распоряжении колонистов, и удержал тем, что просто-напросто выиграл весь капитал Тригниса в астрономический покер. Этот самый мэр теперь хотел, чтобы Свобода наплевал на себя и свою семью и отправился на поиски какого-то мальчишки, который, скорее всего, был давно мертв.

— Я не думаю, что твои шансы на успех были бы так уж ничтожно малы, — добавил Вульф.

Свобода взъерошил волосы, у корней их заблестел пот.

— Я не хочу сказать, что надо вообще отказываться от поисков, — возразил он. — Но если бы я был уверен, что есть хоть какая-то надежда найти Дэнни живым, я бы, конечно, сам принял в них участие. Однако такой надежды нет. К тому же у меня жена, а двое моих детей еще совсем маленькие. Поэтому — нет. Мне чертовски жаль. Я знаю, что долгое время не смогу спать спокойно, но в Расселину я спускаться не буду. Я не имею на это права.

Коффин заставил себя произнести:

— Если вы именно так смотрите на это, мне придется признать, что вы поступаете по совести, — усталость навалилась ему на плечи, как стальная болванка. — Пойдемте, мистер Вульф.

Мэр поднялся.

— Мне бы хотелось переговорить с Яном наедине, если никто не возражает, — сказал он, взяв хозяина за руку и направившись в холл.

Когда дверь за ними закрылась, Коффин вновь бессильно опустился на стул. Ноги, казалось, отказывались держать его. О, Боже, если бы опять очутиться в космосе. Голова бывшего астронавта упала на спинку стула, и он закрыл глаза, чувствуя в них жжение от бессонницы.

Слух Коффина был немного острее, чем слух обычного человека. Услышав через закрытую дверь голос Вульфа, он попытался встать и отойти подальше, чтобы ничего не слышать, но воля и силы покинули его. Ему было все равно. Он услышал, как мэр сказал:

— Ян, ты должен это сделать. Мне очень жаль, что придется отложить свадьбу твоей дочери, и еще больше жаль подвергать твою жизнь опасности, но так уж получилось, черт побери, что ты сейчас практически единственный человек, который может спасти этого мальчишку или хотя бы найти его тело и вернуться живым. Это должен сделать именно ты.

— Но я этого делать не буду, — сердито возразил Свобода. — Никто не может меня заставить. Общество не имеет права предъявлять личности то или иное требование, если только дело не касается прямой и очевидной угрозы для самого общества. В данном случае такой угрозы нет.

— Однако твоя репутация...

— Нонсенс. Ты сам прекрасно понимаешь, что с моим решением согласятся все жители Высокогорья. — Свобода начал терять контроль над собой. — Ради Бога, Терон! Брось ты это дело. Мы прошли вместе такой долгий путь... с того времени, когда впервые начали подготовку людей на Земле к полету сюда... Ты не станешь нарушать нашу дружбу теперь, не правда ли?

— Конечно, нет. Я имел в виду репутацию, которую ты, по моему мнению, заслуживаешь: репутацию героя. Мне бы хотелось, чтобы ты ее добился. Помимо удовлетворенного самолюбия и радости, которую такая репутация доставит твоей семье, она может быть полезной и в другом смысле. При нашем недостатке рабочей силы

босс, который не нуждается в помощниках, станет очень популярным. Ты же сам говорил мне, что хочешь расширить свое предприятие.

— Но только не такой ценой. Терон, ответ прежний: нет, и не заставляй меня повторять тебе его еще раз, поскольку мне это неприятно. Возвращайся домой.

Вульф вздохнул:

— Ян, сейчас слишком долго объяснять, но мне совершенно необходимо, чтобы ты завоевал популярность среди колонистов. Поэтому я вынужден применить насилие, хотя шантаж не всегда доставляет мне удовольствие.

— Что такое?

— Мне известно кое-что о тебе, Хельге Дальквист и об одном маленьком приключении однажды ночью прошлым летом.

— Ч... ч... что? Ты лжешь!

— Спокойно, сынок. Информация, которую я получаю, остается у меня в голове, чаще всего. Но иногда она помогает мне добиться того, что я считаю необходимым. Конечно, мне страшно не хотелось бы огорчать твою жену...

— Ах ты, паршивый, жирный слизняк! Ты же прекрасно знаешь, что все это ничего не значило! Джудит мне дороже всего на свете, а тогда мы с Хельгой просто оба были пьяны, и... и... ее муж тоже ничего не должен знать. Если ты ему расскажешь, то для него это будет еще больнее, чем для Джудит. Тебе это известно? Он хороший парень. Мне потом было стыдно перед ним даже больше, чем перед моей женой, хотя они оба ничего не знают. Это был всего лишь чертов рефлекс... Хельга и я... Ты будешь держать свою слюнявую пасть закрытой!

— Безусловно, если ты попытаешься спасти Дэнни.

Коффин снова попробовал встать. На сей раз ему это удалось. Он не должен был слышать этот разговор. Бывший капитан подошел к окну и остановил взгляд на ненавистном ему пейзаже. Он ненавидел Растум, презирал Свободу и ощущал всю тяжесть своей собственной вины.

Позади открылась дверь, и вошел Свобода. На ходу он разговаривал с Вульфом, и его голос показался Коффину почти веселым, что окончательно сбило его с толку.

— ...и спасибо. Ты, оказывается, натуральный шпион, но меня это обстоятельство не слишком расстраивает. — Свобода сделал паузу. — Я буду у вас за час до рассвета, мистер Коффин.

5

На востоке плато под названием «Высокогорье Америки» не имело пологого склона, как с других сторон, а обрывалось с неприступной крутизной. Километр за километром тянулись ряды отвесных скал высотой в несколько сот метров, переходивших внизу в каменистые

склоны, которые, в свою очередь, обрывались рядом глубоких пропастей, и так далее до того уровня, где облака закрывали более низкие ступени. Среди скал была только небольшая трещина, которую сотни миллионов лет размыли до глубокой расселины и по которой мог, соблюдая известную осторожность, спуститься человек. Лишь немногие пытались сделать это, да и то не заходили слишком далеко вниз. При выходе на поверхность плато расселина достигала ширины в пять километров.

Уходя косо вниз, она расширялась еще больше. Свобода много раз видел эту грандиозную картину, но сейчас, раздвинув ветви кустарника цвета киновари и глядя вниз, он вновь ощутил чувство благоговения.

Над головой, словно грандиозная сверкающая арка, высилось рассветное небо, пурпурное на западе, где над горбом Кентавра мерцало несколько последних звездочек, ярко-синее в зените, к которому приблизилась находящаяся на ущербе Ракш, и почти белое на востоке. Горный массив под ногами был сумрачной, застывшей громадой; вершины деревьев, освещенные солнцем, искрились от инея. Серо-голубая скала с красными и желтыми прожилками минералов, с пятнами кустарника, умудрившегося каким-то образом зацепиться за нее корнями, уходила из-под ног Свободы все ниже и ниже, к склону в виде крыла, падающего вниз. Впереди был лишь холодный воздух, ничего более, но вот глаза различили утес, возвышавшийся с противоположного края, и фантастически замысловатые тени, отбрасываемые на его поверхность первыми солнечными лучами.

Возле утеса парила какая-то хищная птица размером с земного кондора. Ее оперение было похоже на сверкающую сталь.

— Сюда, — позвал Коффин.

В утренней тишине его голос был слишком громким и неприятным. Из-под его ног выскочило несколько камешков, которые, брэнча и подскакивая, покатались к обрыву и, достигнув края, полетели вниз.

Свобода тащился сзади. Рюкзак на плечах и ружье, колотившее по бедру, казалось, начали уже его перевешивать. Подобно Коффину, Свобода был одет по-походному: на нем были свитер и штаны из плотной шерстяной ткани зеленого цвета, сшитые Джудит, а его рюкзаку и спальному мешку позавидовал бы сам Дэниэль Буні. Первая экспедиция, а затем наиболее отважные из колонистов разработали определенную систему подготовки к подобным путешествиям.

Но вся беда была в том, что эта система подходила только для прогулок по плато. Первопроходцы лишь мельком заглянули в леса ниже слоя облачности, испугались и вернулись назад. Слишком уж много дел было у них наверху, чтобы отрывать время на освоение территорий, где человек едва мог дышать. В прошлом году Джон О'Мэлли спустился на аэрокаре до уровня моря и вернулся назад,

отделавшись лишь жестокой головной болью. Однако выдержать такую концентрацию азота и углекислого газа было под силу далеко не каждому. Сам О'Мэлли не был уверен, что смог бы остаться в живых, проведи он там несколько дней.

И вот теперь Дэнни... Лицо Свободы перекосилось. Ему не хотелось наткнуться на труп мальчика. Если даже его не изгрызли пожиратели падали и не склевали вороны, все равно он уже, вероятно, начал разлагаться.

— Вот, — сказал Коффин, — собаки потеряли его след здесь.

Свобода присмотрелся внимательней. Они достигли середины ущелья. Усыпанное галькой, оно круто уходило вниз, а его наклонные края поднимались, образуя скалы. Далеко внизу, едва различимые глазом, плыли облака.

Раньше, рассматривая Расселину, Свобода никогда не обращал внимания на облака. Они были для него не чем иным, как просто белизной далеко внизу, под его ногами. Теперь же они находились не просто внизу — они были впереди на том пути, который предстояло пройти в поисках Дэнни.

Отсюда можно было увидеть полукруг Эпсилон Эридана, ослепительно сверкавший на востоке над равниной, которая, казалось, была покрыта снегом. Через нее ползли голубые тени длиной в несколько километров. Постепенно каньон начал наполняться туманом, расплывавшимся по всей его ширине и напоминавшим седую стену, верх которой исчезал в золотистой дымке.

Свобода перевел дыхание. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он в последний раз видел рассвет над Расселиной. Это сказочное зрелище напоминало ему о том, сколько еще прекрасного было на этой планете: летние леса, Элвенвильские водопады, Королевское озеро утром — цвета опала, а вечером — цвета аметиста, переливающиеся отражения двух лун в реке Эмперер...

Несмотря ни на что, Свобода был счастлив, что прилетел на Растум. И поэтому ему хотелось жить и жить, а не окончить свои дни в Расселине.

— Даниэль часто сидел вон на той скале, заросшей ликоподом, — показал Коффин. — Я думаю, именно здесь у него и появились эти дикие фантазии о заоблачной стране. Во всяком случае, когда он был еще маленьким, он часто выдумывал всякие такие небылицы. Естественно, я всегда относился к ним неодобрительно.

— Почему? — спросил Свобода.

— Что? — заморгал Коффин. — Почему не одобрял? Но ведь все это — я имею в виду все, что он придумывал, — ведь это же неправда! Вы, как конституционалист...

— Энкер никогда не считал ложью фантазию и шутку, — сухо сказал Свобода, с трудом сдерживая раздражение. — Однако мы здесь не для того, чтобы вести дискуссию по вопросам воспитания. Вы когда-нибудь спускались туда раньше?

Коффин кивнул продолговатой головой.

— Я детально изучил километра два и спускался вчера на эту глубину дважды. Дальше, — он пожал плечами, — придется разведывать по ходу дела.

С этими словами Коффин вынул из кармана браслет и положил его на скалу, с которой Дэнни любовался золотой дымкой. Радиосигналы, издаваемые браслетом, позволят им найти обратную дорогу и помогут ориентироваться.

— Ну, что ж, идемте.

Он начал спускаться по дну ущелья. Свобода последовал за ним. Туман накрыл их, словно воды реки, солнца вновь не стало видно. Поднятые нагревающимся воздухом клочья тумана будут еще несколько часов висеть на плато.

Люди не могли ждать так долго. В любом случае им пришлось бы пройти сквозь подобную мглу. Нагреваемый больше, чем Земля, и имеющий большую поверхность океана Растум обладал почти всегда одинаковым облачным слоем в атмосфере. Возвышенности, поверхность которых была выше этого слоя, представляли собой особую климатическую зону, умеренно засушливую.

Высокогорье Америки было удачно расположено довольно далеко от более высоких геологических образований Кентавра и Геркулеса и, таким образом, на нем было больше влаги. Согласно скудной информации о природе Растума облачный слой — это граница двух совершенно различных жизненных зон.

Свобода сосредоточил все свое внимание на спуске. Камни под его подошвами переворачивались и выскакивали из-под ног с дьявольской ловкостью. Поперек тропы сползали тяжелые кучи гальки, вокруг громоздились скалы, приходилось пробиваться через заросли колючего кустарника и скользить вниз по крутым обрывам. Воздух, казалось, смыкался все плотнее, пока Свобода, наконец, не пробрался сквозь влажную клубящуюся серую стену к тому месту, где впереди, словно тень, маячил Коффин, а слева и справа, едва различимые, видны были горные вершины, похожие на призраков в капюшонах.

После долгого молчания Свобода крикнул:

— Локатор поймал какие-нибудь следы?

Коффин автоматически взглянул на черную коробочку, прикрепленную к его рюкзаку. Настроенная на длину волны браслета Дэнни поисковая антенна крутилась на своем шарнире.

— Разумеется, нет, — ответил он. — Ведь мы даже не дошли до того места, где я был вчера. Если появится сигнал, я дам вам знать, не волнуйтесь.

— Я прошу не разговаривать со мной таким тоном, — оборвал его Свобода, — раз уж вы хотите, чтобы я вам помог.

— Помощь нужна не мне, а Дэнни.

— Сейчас не время для сантиментов, тем более для таких запоздалых.

Коффин резко остановился и обернулся. На секунду из тумана выступили его злое лицо и сжатые кулаки. У Свободы замерло сердце.

«Может, лучше извиниться?» — подумал он.

— Дай мне силы, Господи, — произнес Коффин и, повернувшись, пошел дальше.

«Только не перед этим педантом», — решил Свобода.

По мере того как они продвигались вперед, в ушах у них гудели все более сильные и быстрые ветры, швырявшие в них клочья тумана, однако бессильные полностью его развеять. Почва становилась все более влажной и, наконец, заблестела в густых сумерках. По камням бежали ручейки воды, между скал повсюду текли ручьи, на расстоянии нескольких метров друг от друга били родники. Громкий звенящий шум водопадов был слышен даже с вершин утесов, невидимых в мутных испарениях.

Но растений больше нигде не было. Двое мужчин, казалось, были здесь единственными живыми существами.

— Подождите минутку, — вдруг сказал Свобода.

— Что случилось? — голос Коффина звучал приглушенно во влажной атмосфере.

— Мы приближаемся к слою облачности. Вы когда-нибудь были там?

— Нет. И что из того?

— А то, что моя шахта находится, благодарение Богу, чуть выше этого уровня. Но иногда в силу тех или иных причин мне приходилось спускаться на такую глубину или чуть ниже. Кроме того, существует мнение других исследователей, спускавшихся на этот уровень еще до меня. Мы вступаем в опасную зону.

— Кого в ней бояться? Эта зона мертвая.

— Не совсем. Но как бы то ни было, идти будет очень скользко, ветры здесь просто ужасные, уклон тропы еще круче, а видимость никудышная. Я думаю, мы должны заранее продумать план спуска. К тому же пора отдохнуть и перекусить.

— А тем временем Дэнни, возможно, умирает?

— Раскиньте своими мозгами. Сможем ли мы ему помочь, если выдохнемся раньше времени? — Свобода присел на корточки и снял рюкзаки.

Через минуту Коффин нехотя, проклиная про себя задержку, присоединился к нему. Они постелили на землю кусок плснки, чтобы можно было сесть, разломали плитку шоколада и зажгли под чайником термическую капсулу.

Вообще-то здешнюю воду, равно как и воду самого вонючего низинного болота, можно было не кипятить. Несколько местных болезней, которым были подвержены люди, вызывали микробы, обитавшие исключительно в воздухе. Это была хорошая сторона природы Растума, плохая же заключалась в том, что лишь ничтожная доля местной растительности была пригодна в пищу. С животными дело обстояло лучше, поскольку человеческий желудок справлялся с

большей частью экзотического белка, но ни одно из местных животных не могло полностью утолить голод, а большинство было так же ядовито, как и растения.

К недостаткам Растума относилось и то, что некоторые из местных хищников находили человеческое мясо очень приятным на вкус.

— В поясе облачности обычно сильна водная эрозия, — сказал Свобода. — Скалы там рыхлые и могут крошиться. Я думаю, нам следует надеть шиповки и связаться веревкой, — он вздохнул. — Не обижайтесь, но я бы не прочь иметь более опытного в альпинизме партнера, чем вы.

— Вы могли бы привлечь к поискам Хирояму, разве нет?

— Я не стал этого делать. Если бы я его попросил, он бы пошел со мной, но я не стал. Я вообще ему ничего не говорил.

Коффин стиснул челюсти. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь воем и свистом ветра, а также звуками падающей и журчащей воды.

Едва справившись с собой, Коффин равнодушно спросил:

— Почему? Чем больше людей участвуют в поиске и чем искуснее они в альпинизме, тем больше надежды на успех.

— Да. Но у Сабуро тоже есть семья. И если мне не суждено вернуться, он продолжит работу на шахте и тем самым будет кормить мою семью.

— Члены вашей семьи в состоянии работать сами. Рабочие руки на этой планете нужны повсюду.

— Я не желаю, чтобы Джудит где-то работала. То же самое касается и моих детей — я имею в виду моих собственных детей, которые еще не подросли.

— Это интересно. Я чувствую, что вы считаете меня главным виновником происшедшего и всячески стараетесь подчеркнуть, что я не любил Дэнни, а между тем вы никогда не скрывали неприязни к своим старшим детям.

— Я полагаю, вы не настолько глупы, что вам нужно объяснять, в чем тут причина. Да, я считаю истинно родными только младших детей, потому что я создал их по своему образу и подобию. И я намерен сделать все, чтобы у них было беззаботное детство.

— Другими словами, вы хотите, чтобы они росли паразитами?

— Клянусь Богом! — Свобода привстал. — Либо вы возьмете свои слова обратно, либо я немедленно возвращаюсь домой.

— Вы не можете этого сделать, — ядовито прошептал Коффин.

— Какого черта!

— Вспомните разговор с мэром Вульфом. Скажите еще спасибо, что ваш грех не был наказан более жестоко.

— Ах ты, чертов святоша! Ты, оказывается, еще и подслушивать умеешь! А ну-ка, приготовь свои кулаки! Давай, поднимайся, пока я не двинул как следует по твоему тощему пузу!

Коффин покачал головой.

— Нет. Тут не место для драк.

Вокруг клубился туман, образуя водовороты и завихрения. Чайник закипел, и Коффин высыпал в него заварку. Свобода, стоя над своим противником, тяжело дышал.

Внезапно Коффин опустил голову, и краска стыда залила его лицо.

— Извините, — пробормотал он. — Я нечаянно услышал ваш разговор. Я просто непроизвольно прислушался. Но это не мое дело. Я буду, разумеется, молчать об услышанном и вообще не должен был говорить об этом. Обещаю, что это никогда не повторится.

Свобода закурил, снова опустился на корточки и молчал до тех пор, пока чай не заварился и в его руках не очутилась полная чашка. Затем, не глядя на Коффина, он сказал:

— Хорошо, я согласен, что это не место для ссоры. Но никогда не называйте мою семью семьей паразитов. Неужели женщину-вдову, на плечах которой домашнее хозяйство и дети, можно назвать паразиткой?

— Но... — запротестовал было Коффин.

— И неужели паразитами можно назвать детей, которые учатся в школе? — вновь перебил его Свобода.

— Полагаю, нет, — сказал Коффин, но в голосе его не чувствовалось особой искренности.

— Конфликт между нами можно назвать конфликтом квазикультур, — заметил Свобода, пытаясь улыбнуться и разрядить обстановку. — Вы, фермеры, всегда пребываете в дурных отношениях с нами, предпринимателями, потому что нам тоже нужны машины, а их все еще не хватает. Однако есть еще и значительное различие в наших жизненных позициях, которое со временем углубляется. Я считаю, что это неизбежно. Люди с научным складом ума непроизвольно стремились избрать для себя работу, не связанную с сельским хозяйством. По своей сути они, как мне кажется, более прагматичны и гедонистичны. Я часто слышу, как хозяева ферм и ранчо сетуют на то, что Высокогорье Америки превращается в еще одну механизированную и пролетаризированную Землю.

— Это как раз одна из причин, по которым я выбрал фермерство, несмотря на мою прежнюю профессию, — согласно кивнул Коффин.

Свобода устремил неподвижный взгляд в ветреную мглу.

— Нам не придется беспокоиться об этом в течение нескольких столетий, — сказал он. — Даже если в этот процесс будет вовлечен весь мир.

— Но мир пока еще нам и не принадлежит, — заметил Коффин. — В нашем распоряжении пока лишь возвышенности, многие из которых пустынные. Но через несколько поколений мы их заселим. А что потом? Нам нельзя допустить того, что случилось на Земле. Наша культура должна избежать той ловушки, в которую попались культура человечества на нашей родной планете.

— Да, я и раньше слышал такие рассуждения. Что касается меня,

то я лично не представляю себе, каким образом вы сможете заставить эволюцию культуры идти по вашему кругу, не утрачивая при этом свободы, ради которой мы и прилетели сюда.

— Может быть, вы правы. Хотя, на мой взгляд, вы опасно переоцениваете свободу. Но мне так кажется, вероятно, потому, что я никогда не был конституционалистом. Я убежден, что для свободы нужен простор. Как может человек стать хотя бы индивидуальностью, если ему некуда даже пойти, чтобы побыть наедине со своим Господом? А Высокогорье Америки через столетие-другое перестанет быть просторным.

— Когда-нибудь появятся люди, которые смогут жить на уровне моря. Природа позаботится о выведении такой породы путем естественного отбора.

— Спустя тысячелетия? Тогда это уже не будет иметь большого смысла. Ваше свободолобие, мой индивидуализм (они ведь далеко не идентичны) к тому времени давно угаснут, — взгляд Коффина обратился туда же, куда и взгляд Свободы, — в мокрую пустоту впереди. — Однако мне хотелось бы знать, что ждет людей там, внизу.

— Там может быть все что угодно.

— Э... Мне помнится, недавно вы сказали, что в облачном слое есть какие-то формы жизни, — Коффин, видимо, хотел сменить тему разговора.

Свобода был не против.

— Разве вы не слышали о пылепланктоне? Вообще-то, вряд ли, потому что он редко поднимается на такую высоту. О нем известно очень немного, только то, что он состоит из крошечных организмов — растительных, животных и промежуточных, — которые находятся во взвешенном состоянии внутри постоянных границ какого-то одного облачного слоя. У меня на этот счет есть своя теория, согласно которой ветер сдувает разные мелкие частички с поверхности скал, а плотный воздух приносит их на этот уровень, где обильная влага растворяет некоторые неорганические вещества. На Земле, я думаю, такое вряд ли могло бы случиться, но здесь, где имеются толстые постоянные напластования и где атмосфера в состоянии удерживать довольно большие капли влаги, в облаках образуется заметная концентрация ионов минералов. И, конечно, там же есть углекислый газ и — не удивительно — обильный солнечный свет. Моя гипотеза заключается в том, что эти микроскопические живые организмы мутировали таким образом, что приспособились питаться этим малокалорийным минеральным супом. С течением времени они научатся потреблять все новые виды ионов минералов и так далее.

Но, как вы сами понимаете, эта живая прослойка очень незначительна. Я был бы удивлен, если бы оказалось, что она занимает больше места в кубометре воздуха, чем десятая доля семечка чертополоха. И тем не менее — это жизнь.

Существуют здесь и гигантские формы, по объему, а может быть,

и по весу больше человека, которые пасутся на этих планктонных полях.

— Вы имеете в виду воздушных дельфинов? Я что-то слышал о них.

— Они встречаются нечасто. За несколько лет мне удалось мельком увидеть лишь несколько штук. Собственно говоря, буквально вчера один из них вертелся около шахты. Но их редкость объясняется именно тем, что они питаются планктоном. Я наблюдал за ними в бинокль. По форме они напоминают толстую сигару и двигаются, видимо, с помощью органа, работающего по принципу реактивного двигателя. На этот счет у меня также есть собственное мнение: они держатся в воздухе благодаря тому, что заполняют большой наружный пузырь биологически выработанным водородом; питаются они, всасывая воздух и задерживая планктон, а просеянный воздух выбрасывают, создавая таким образом толчок и продвигаясь вперед. Эти создания медлительны, глупы и безопасны, но чертовски интересны. Мне бы хотелось вскрыть хотя бы одного и посмотреть, что у него внутри.

Коффин кивнул:

— Хотя средняя плотность планктонной прослойки сравнительно низка, воздушные завихрения должны создавать локальные концентрации. Кроме того, в таких местах, как это, где восходящие потоки обычно движутся вдоль голых скал, облака должны быть более насыщены минеральными частицами и, следовательно, могут прокормить большее количество микроорганизмов. Возможно, именно это и привлекает дельфинов, — немного поколебавшись, он спросил: — Как вы думаете, вредно ли для человека дышать насыщенным планктоном воздухом?

— Лично я бы не советовал этим злоупотреблять, — ответил Свобода, — потому что это может окончиться силикозом. Но пройти сквозь планктонные слои можно без ущерба для здоровья, поскольку это займет сравнительно мало времени. Предыдущие исследователи ничуть не пострадали. Есть, правда, предположение, что некоторые ингредиенты этого слоя содержат такие химические вещества, из-за которых в будущем десятилетии возникнет эпидемия рака легких. Кто знает? Но я в этом сомневаюсь.

Коффин пожал плечами:

— В будущем десятилетии у нас уже будет множество лекарств от рака легких. — Осушив свою чашку, он предложил: — Может, пойдем?

Свобода заставил его подождать еще полчаса, пока он буквально не задымился от злости. Затем они надели шиповки, перепаковали рюкзаки и привязались друг к другу веревкой.

Свобода пошел впереди, ощупью пробираясь по неизвестному им обоим спуску, который с каждым шагом все круче нырял в невидимые скалы. Туман буквально облепил их; ручейки сливались в единый

поток, параллельно которому людям приходилось прокладывать свой путь.

Вода в этом потоке была серо-зеленой от минеральной пыли, холодной, шумной и покрытой белыми гребешками из-за той бешеной скорости, с какой она устремлялась вниз.

Вскоре Свобода потерял счет времени. Для него уже не существовало ничего, кроме усталости в плечах и коленях, противно прилипающей одежды, ударов ветра, скользкой тропы под ногами и сырости в носу. Но он еще не забыл, о чем рассказывали альпинисты-исследователи. У них тогда не было возможности и средств, чтобы составить точную карту, но они отметили все возможные ориентиры на местности. В том месте, где поток падал в глубокую пропасть, надо было свернуть в сторону и идти вдоль уступа... и разве не слышал он уже шума тех водопадов, гремящих и ревущих в облаках?

Да. Подойдя к этому месту, Свобода сделал знак остановиться. Прямо перед ним пропитанная влагой, порожденная скалами земля обрывалась, и дальше нельзя было разглядеть ничего, кроме тумана, как будто он стоял на краю Джиннунгагана. Слева от Свободы поток стремительно пронесился по этому обрыву и пропадал из виду; и только шум, пробивавшийся снизу сквозь порывы ветра, доказывал, что поток не исчезал в гуще тумана.

Справа, смутный и огромный, виднелся мыс, выступавший за край скалы, словно сторожевая башня, примыкающая к внешней стене замка какого-нибудь титана.

Скала была щербатой и покрытой рубцами от эрозии. Уступ, скользивший вниз и постепенно пропадавший из виду, мог навести на след. Под этим узким уступом мыс абсолютно невозможно было разглядеть. Но исследователи приблизительно измерили его высоту с помощью эхолота — сто пятьдесят метров. Неужели это на самом деле так?

Свобода указал на уступ.

— Это единственный путь, по которому можно двигаться дальше. Ваш радиолокатор, я думаю, все еще ничего не уловил? Значит, ребенок, видимо, пошел вон туда. Он не может оказаться в Расселине позади нас или сбоку, потому что всю эту территорию мы проверили в радиусе десяти километров. Разве что у него не работает браслет.

— Совершенно ни к чему тратить время на объяснение очевидного, — пробурчал Коффин.

Оглянувшись и посмотрев на осунувшееся лицо Коффина, Свобода решил на этот раз не проявлять своего возмущения и мягко сказал:

— Такой дальний переход наверняка не был трудным для полного энергии мальчика, который к тому же шел налегке. Я могу представить, как он забрался в такую даль, пытаясь проникнуть в волшебную страну. Ведь он считал, что всегда сможет отыскать обратную дорогу, если захочет. Но когда он дошел до этого места...

— Он мог пойти дальше из простого упрямства.

— Сомневаюсь. Послушайте, к этому времени он должен был пройти весь тот путь, который проделали мы, а этого достаточно, чтобы успокоиться после нервного стресса. Гораздо больше его должны были волновать голод и холод. А впереди этот длинный, трудный, явно опасный путь. Кроме того, — и это самое главное — к тому времени уже должна была наступить ночь. Я полагаю, Дэнни был еще достаточно мал, чтобы предвидеть, что закат застанет его именно здесь, но он, без сомнения, мог понять, что если он пойдет вдоль уступа, то ему не удастся быстро и легко вернуться.

— Так почему же он все-таки пошел туда? Право, я должен признаться, что ваши слова меня озадачили. Он... он ведь неплохой мальчик, поверьте мне. По крайней мере, Терезу он любит, если уж даже ему наплевать на...

— Нет, все равно я не могу понять.

Свобода нашел в себе мужество сказать вслух то, что не решался сказать Коффин:

— Если он все-таки отважился вступить на карниз, поскользнулся и упал... До дна здесь далеко. Его браслет мог разбиться о камни при падении.

Коффин промолчал.

— В таком случае мы никогда его не найдем, — закончил Свобода.

— Но, может быть, он все-таки прошел по тропе? — придушенно прошептал Коффин.

— В темноте? И с такой скоростью, что сейчас уже находится на расстоянии более десяти километров от этого места? Но ведь даже при идеальных условиях это равносильно тому, чтобы пройти тридцать километров по ровной дороге. Нет, вы меня извините, но надо думать головой. Дэнни лежит у подножия этой скалы. — Помолчав, Свобода добавил: — Смерть должна была наступить мгновенно.

— И все-таки нет доказательств, что это именно так, — сказал Коффин. — У нас достаточно запасов, чтобы продолжать поиски до наступления темноты, а утром отправиться обратно. Мы должны сделать все, что в наших силах.

«Какого черта я должен рисковать свернуть себе шею? — подумал Свобода. — Чтобы успокоить твою совесть, которая вдруг возмутилась, когда ты понял, что плохо обращался с мальчишкой? Я не вижу другой причины продолжать эту комедию. Кроме Терона и его грязного шантажа». Свобода задохнулся от гнева.

Помолчав еще немного, он сказал:

— О'кей.

Его инструктаж по технике спуска был кратким и презрительно-насмешливым.

Они отошли от скалы и начали спускаться по уступу. Вскоре водопады скрылись из глаз и шум их падения заглушила густая серая пелена, но сконденсированная влага струилась по утесу и каплями

стекала на карниз. Иногда уступ был довольно широк, чтобы по нему можно было идти вполне нормально, а иногда сужался настолько, что людям приходилось перемещаться боком, вцепившись в скалу и прижимаясь к ней всем телом. Теперь они могли остановиться перекусить только после того, как достигнут нижнего склона, а Свобода из доклада исследователей помнил, что на это потребуется несколько часов.

Он пожалел, что не настоял на ленче прежде, чем они вступили на эту тропу. В припадке ярости он тогда совсем забыл про еду, и вот теперь в его желудке раздавалось постоянное урчание.

Свобода начал уже чувствовать легкую слабость и вынужден был отгонять от себя страх, что не удержится на скале, если у него zakружится голова или внезапно резко подует ветер.

Не удержаться и упасть. Десять или пятнадцать секунд сознания, что ты уже практически мертв, — и потом вечное забвение после того, как твое тело превратится в лепешку. Как Дэнни, который ощутил ужас, когда воздух пронесся мимо него со свистом и пронзительным воплем.

Свобода повернулся.

Вопль повторился снова. Внезапно налетевшие на него птицы, цветом, оперением и формой изогнутого острого клюва напоминавшие земного кондора, издавали своими глотками ужасающие крики. Их чудовищные крылья в длину были не меньше восемнадцати дюймов. Они набросились на людей так стремительно, что у тех даже не было времени достать оружие.

Острые когти с силой ударили Свободу в грудь. Изогнутый клюв уцепился за рюкзак и потащил его со скалы. Свобода покачнулся от удара и сорвался с уступа.

Коффин с трудом удержался на скале, уцепившись за нее что было сил; шипы его ботинок впились в трещины уступа. Он как можно сильнее надавил на подошвы, и крошечные крючки, высунувшиеся из специальных пазов, надежно закрепили его на скале.

Свобода своим весом перетягивал его, и Коффин попытался отклонить свое тело назад и принять устойчивое положение. Тем временем его атаковала вторая птица. Коффин прикрылся одной рукой, чтобы защитить глаза. Одновременно другой рукой он каким-то образом умудрился достать пистолет и выстрелил вслепую.

Птица пронзительно заверещала. Пуля с мягкой головкой прошла навывлет сквозь ее большое тело. Прежде чем упасть, эта тварь успела здорово шархнуть Коффина крылом по голове. Ее напарница тем временем отцепилась от Свободы и кружила вокруг него, намереваясь предпринять новую атаку.

Свободе удалось достать свое оружие. У него слишком кружилась голова, чтобы он мог стрелять метко, но, переведя пистолет на автоматическую стрельбу, он облил окружающий его воздух свинцом.

Две огромных туши, обливаясь кровью и разрывая облака, начали падать вниз.

Несколько минут спустя Свобода, собравшись с силами, уцепился за веревку и, упираясь ногами в скалу, вскарабкался на уступ.

Коффин, послуживший Свободе живым якорем, был в полубес-сознательном состоянии — так отразилось на нем все происшедшее. Свобода отцепил его шиповки от съемных подошв и уложил на тропе, подсунув под голову рюкзак.

На левой щеке Коффина была глубокая рана, а на правом виске — кровоподтек величиной с ладонь. Свобода пострадал чуть меньше. Толстый свитер предохранил его от острых когтей, а рюкзак принял на себя удар клюва хищника, хотя в результате и то, и другое оказалось разорванным в клочья. Увидев это, Свобода содрогнулся.

Когда Коффин пришел в себя, Свобода дал ему стимулирующую таблетку и принял полтаблетки сам. Лишь после этого оба почувствовали, что снова могут разговаривать.

— Что это была за чертовщина? — слабым голосом спросил Коффин.

— Какие-то хищные птицы, о которых мы прежде ничего не знали, — предположил Свобода.

Он был занят тем, что отдирал подошвы шиповок Коффина от поверхности уступа, хотя это давалось ему с трудом, а затем засовывал аварийные крючки в специально сделанные для них пазы, преодолевая сопротивление проворачивающихся пластичных пружин. Ему не хотелось говорить об этом кошмарном происшествии.

— Еще и раньше было замечено, что воздушные формы жизни в подоблачном пространстве имеют тенденцию укрупняться. Барометрическое давление здесь больше, поэтому оно их и поддерживает, понимаете?

— Но, я думал... что облака... это граница...

— Да, как правило, так и есть. Но, видимо, гигантские пернатые хищники время от времени поднимаются и на такую высоту. Мне кажется, что они охотятся на тех дельфинов, о которых я вам рассказывал. Для них это была бы хорошая добыча. Мы тоже, очевидно, показались им соблазнительными. Внизу, на привычной для них высоте, где их крылья действуют должным образом, они наверняка привыкли охотиться на животных размерами не меньше, чем мы с вами. Здесь они не смогли бы поднять нас вверх. Но если бы им удалось сбросить нас со скалы и мы упали бы на дно, их цель была бы достигнута.

Коффин закрыл лицо руками.

— О, Господи, — пробормотал он, — они были похожи на чудовищ из Апокалипсиса.

— Теперь уже можно не бояться. От этих двух мы отделались, а другие, я думаю, вряд ли появятся. Не может быть, чтобы птицы этого вида часто поднимались на такую высоту или залетали сюда большими стаями, иначе их кто-нибудь заметил бы. — Свобода прикрепил шипованные подошвы к ботинкам Коффина. — Достаточ-

но ли вы хорошо себя чувствуете, чтобы идти? У вас ведь нет вывиха или чего-нибудь подобного?

Коффин поднялся и осторожно ощупал себя.

— Все в порядке. Есть ушибы, но в целом — ничего страшного.

— Тогда нам лучше двинуться, — сказал Свобода, пытаясь обойти Коффина.

— Эй! — рявкнул тот. — Куда это вы пошли?

— Назад. Куда же еще? Не хотите же вы сказать, что мы должны продолжать спуск, когда...

Коффин с такой силой схватил Свободу за запястье, что от его пальцев остались следы.

— Нет, — сказал он.

Звук его голоса был похож на звук упавшего камня.

— Но послушайте же, во имя Энкера! Эти птицы, они наверняка и вчера были здесь, и теперь мы знаем, что случилось с Дэнни.

— Нет, не знаем. Даже если они убили его, то браслет должен был остаться невредим.

— Совсем не обязательно. Если Дэнни, увидев их, испугался, побежал по уступу и сорвался вниз, то браслет мог разбиться о скалу.

— Если, если, если! Повторяю еще раз: мы идем вперед!

Свобода посмотрел Коффину в глаза и увидел там непреклонность фанатика. Тогда он повернулся и с ненавистью прошипел:

— О'кей.

6

У подножия утеса облаков не было — они остались наверху, а Расселина слилась с общим горным пейзажем.

На самом деле она и дальше устремлялась вниз, к равнинам побережья, но направление горных вершин и долин, хребтов и ущелий было незаметно для идущего человека. Это объяснялось тем, что верхняя граница леса сливалась с облаками, в которые упирались искривленные маленькие деревца, и вскоре лес окружал его со всех сторон.

Он мог проверить степень своего снижения с помощью барометра-анероида или учитывая быстроту, с которой деревья становились выше, росла температура воздуха и увеличивалось ощущение духоты. С некоторых точек на лугу видны были горные вершины, которые, возвышаясь над деревьями, казались ужасно далекими. Самые высокие из них бесследно исчезали в небе. Можно было заметить, что реки отличались здесь очень быстрым течением и очень глубокими руслами. Но, главным образом, вокруг был один лишь лес.

Если бы мальчик пошел дальше, то через несколько минут он, без сомнения, заблудился бы. Спасатели повесили на дерево еще один радиомаяк, проверили компас и шагомер и пошли дальше по спирали,

словно это хоть сколько-нибудь увеличивало их слабую надежду наткнуться на что-либо в этой дикой заросшей местности.

Наконец, они вынуждены были остановиться, чтобы поужинать и поспать. Поскольку погода, к счастью, пока не угрожала дождем, все их действия на привале свелись к тому, чтобы разогреть немного пищи и надуть спальные мешки. Поставив защитную камеру на бревно так, чтобы она укрывала их защитными лучами, люди улеглись спать в свои мешки, и вскоре Свобода провалился в небытие.

Проснулся он от какого-то жужжания. На минуту сбитый с толку он подумал, что звук исходит от защитной камеры, но затем понял, что это был всего-навсего звонок его наручных часов.

Вставать не хотелось. Хотя накануне Свобода здорово устал, спал он плохо. Все мускулы ныли, голова трещала, а в мозгу застыли полузабытые кошмары. Он с трудом разлепил тяжелые веки. Во рту от жажды был какой-то отвратительный привкус.

— Вот, — Коффин протянул ему флягу.

Он был уже одет. Одежда бывшего астронавта была вся измята, подбородок зарос щетиной, а мясо, казалось, отделилось от костей. Но двигался он с лихорадочной энергией, а в его голосе звучало возбуждение:

— Придите же в себя поскорее. Я хочу вам кое-что показать.

Свобода вдоволь напился, плеснул себе в лицо водой и выполз из мешка. Его легкие едва справлялись со своей работой. Согласно барометру они сейчас находились под давлением пяти земных атмосфер. Поскольку углекислый газ был тяжелее, чем кислород или азот, градиент его плотности должен был быть еще больше. Свобода попытался настроить барометр на индуктирование гипервентиляции, но это не помогло ему избавиться от головной боли и добиться ясности сознания.

Одевшись, он подошел к Коффину, сидевшему на земле рядом с портативной подставкой, на которой были разложены несколько пробирок и миниатюрная электронная коробочка с четырьмя индикаторными шкалами. Перед ним на земле вместе с несколькими ампулами лежали какой-то желтый яйцообразный фрукт, пригоршня красных ягод, мягкий на вид клубень и несколько разновидностей орехов. Свобода, как ни старался, не мог понять выражения его лица: надежда, страстное желание, благодарность, страх?

— Что это такое? — поинтересовался он.

— Аппарат для проверки пищи. Неужели вы никогда его не видели?

— Видел, но несколько другой. Я всегда представлял его себе в виде того лабораторного грузовика, в котором разъезжает Лей, изучая растительные и животные образцы. Хотя я вообще редко задумываюсь над этим вопросом.

Коффин рассеянно кивнул, не отрывая взгляда от аппарата. Затем он заговорил, объясняя и всем известные истины, и некоторые неизвестные Свободе факты, причем речь его была настолько

торопливой и сбивчивой, что Свобода понял: Коффин абсолютно не контролирует ее, сосредоточившись на чем-то другом.

— Нет, вам это ни к чему. Агротехнические данные о флоре и фауне в долине Эмперер были получены еще первой экспедицией. Лей продолжил эту работу, исследуя пустыню, верхние горные районы и другие континенты, а также немногочисленные образцы, которые приносили исследователи нижнеземелья. С помощью других специалистов он выделил несколько основных пород. Удивительно, как это вы не слышали о результатах его работы, пусть даже вы специализируетесь совсем в другой отрасли. Я знаю, что у каждого своя забота и что каждый старается развить свою собственную сферу деятельности в этих чужеродных условиях. Но поскольку у нас нет пока возможности издавать научный бюллетень, то, может быть, необходимо проводить хотя бы периодические собрания, как вы считаете?

Однако в любом случае выводы Лея сделаны совсем недавно. В свое время вы о них еще услышите, поскольку они представляют интерес буквально для всех. Он доказал то, что вполне можно было предвидеть: на Растуме нет бесконечной цепи опасных соединений. Здесь обнаружены химические серии, похожие на крахмал и сахар, содержащиеся в земных растениях. Теоретические расчеты недавно дали Лею возможность сделать некоторые предсказания, пока не подтвержденные фактами. Например, он обнаружил, что листья не всех местных растений содержат никотин, иначе он противодействовал бы ферменту, который, как известно, очень важен для растумского фотосинтеза.

Проводя свои исследования, Лей разработал этот портативный проверочный аппарат с высокой точностью результатов. Любой животный или растительный образец, который пройдет проверку на этом аппарате, можно употреблять в пищу и быть при этом почти на сто процентов уверенным, что он съедобен. Возможно, в нем не окажется всех необходимых нам витаминов и тому подобного, но он способен будет в течение долгого времени поддерживать жизнь человека. Лей снабдил меня и еще несколько фермеров, изъявивших желание поэкспериментировать с местными растениями, такими аппаратами. Вскоре он собирается организовать экспедицию в нижнеземелье, чтобы выполнить широкую программу проверки. А вышло так, что мы с вами немного опередили его в этом плане.

— Вы хотите сказать...

До затуманенного сознания Свободы наконец стал доходить какой-то смысл всех этих слов. Он на ощупь, словно в потемках, пытался добраться до самого важного. — Вы хотите сказать, что вы проверили всю эту дрянь в то время, когда вам положено было спать?

— Я никогда много не сплю. И я взял с собой этот аппарат, потому что... по некоторым причинам... Лей хочет форсировать эту экспедицию. Верхнеземелье и нижнеземелье — это разные экологические зоны. Он изучил несколько попавших к нему из нижнеземелья

образцов и пришел к выводу, что там должно быть много других, пригодных в пищу. Я начинаю думать, что он был прав. Вот эти образцы я собрал в радиусе ста метров вокруг лагеря. Все они съедобны, — Коффин низко склонил коротко остриженную голову и пробормотал: — Благодарю тебя, о Создатель.

Непроизвольно раскрыв рот от удивления, Свобода, наконец, спросил:

— Вы уверены?

— Два часа назад я попробовал их и пока что чувствую себя нормально. Да и на вкус они очень даже недурны, — Коффин улыбнулся. От этого лицо его приобрело еще более неприятное выражение, и тем не менее это была улыбка. — Сейчас осень, и в лесу должно быть много таких плодов. Конечно, мне попадались и ядовитые, но они очень напоминают уже известные нам высокоземельные сорта. Это можно было определить даже по листьям.

— Клянусь Иудой-попрыгунчиком, — у Свободы подкосились ноги. — Вы их пробовали...

Но Коффин выглядел на удивление безмятежным:

— Проверка показала, что все эти штуки вполне могут стать деликатесами. Но чтобы удостовериться в этом, я должен был проверить их сам. И если с Божьей помощью мы найдем Дэнни живым, значит, они действительно съедобны.

— Но... если вы начнете загибаться... Я не смогу вытащить вас отсюда. Вы умрете!

Коффин не обратил на его слова никакого внимания.

— Вы ведь поняли, что я хочу сказать, не правда ли? — простодушно спросил он. — К тому времени, когда Дэнни добрался сюда, он, должно быть, умирал с голоду. К тому же он еще маленький. Наверняка он позабыл все мои запреты и что-нибудь сорвал с дерева. Но я думаю... я надеюсь. Господь должен был надоумить его не рвать те фрукты, которые по виду напоминают ему известные ядовитые плоды. Вместо этого он должен был съесть что-либо из того, что лежит здесь передо мной. Если я не отравился, значит, и он не должен был отравиться ими. И... теперь мы с вами можем не беспокоиться о запасах пищи. Мы будем собирать ее здесь и продолжать поиски несколько дней.

— Вы в своем уме? — выдохнул Свобода.

Коффин принялся демонстрировать аппарат.

— Почему бы вам не перекусить, пока я буду собираться? — мягко спросил он.

— Послушайте минутку. Слушайте меня. Я продержусь до темноты, наших запасов хватит на это время. Но потом на ночь мы сделаем привал...

— Но зачем? У нас ведь есть фонари. Ночью тоже можно искать, хотя, конечно, двигаться придется медленнее, чем днем.

— Конечно, медленнее. Потому что довериться вашему Богу эпохи неолита — все равно что заранее обречь себя на смерть, сломав

ногу из-за падения в логово какого-нибудь зверя! — взорвался Свобода. — Завтра на рассвете я поворачиваю обратно!

Коффин покраснел, но воздержался от ответного оскорбления.

Через некоторое время он сказал:

— Давайте не будем сейчас спорить на эту тему. Может быть, мы найдем его еще до заката. Ну же, подкрепитесь немного.

Завтрак прошел в молчании. Пытаясь отвлечься от головной боли, нитья в мышцах и расслабиться хоть немного, чтобы не изнурять себя постоянным напряжением, Свобода стал смотреть на лесные заросли.

Несмотря на высокое давление, он не мог отрицать, что пейзаж вокруг выглядит величественно. Они с Коффином сидели на небольшом лугу, где легкий ветерок колыхал зелено-голубые волны травы. Тут и там виднелись плотные кусты с гроздьями рубиновых ягод. Деревья вокруг поляны были высокие и густые. Одно из деревьев напоминало земной дуб — хотя это была сущая чепуха, — а ствол его был покрыт чем-то наподобие зеленого мха. Другое дерево было похоже на можжевельник, но с темно-красной корой. Третье было стройным и белым, его венчала крона, состоящая из замысловатых кружевных листьев. Между стволами виднелся подлесок — примитивные растения, чья листва напоминала бахрому на тонких и гибких стеблях.

Когда пролетал ветерок или пробегало какое-нибудь животное, из леса струился тихий шепот. Ветви, переплелись в высокие арки, под которыми сгушалась темнота, но и здесь бушевали яркие краски: стволы деревьев до самой земли были покрыты светящимся мхом пурпурного и золотого цветов.

Небо над головой было молочно-белым. Плотная атмосфера рассеивала солнечный свет и лишала возможности определить местоположение солнца, да и теней здесь тоже не было. Но все-таки света вполне хватало, и после нескольких лет, проведенных в ослепительном солнечном сиянии Высокогорья Америки, он казался очень мягким и успокаивающим. Несколько дождевых туч скользило под постоянным слоем облачности. Но так было не всегда, в облаках часто возникали разрывы, сквозь которые виднелась великолепная синева. Ветер дремал в ветвях деревьев.

«Вот бы еще воздух был нормальным!» — подумал Свобода.

Если Коффин не ошибся в своих опытах и местные низнелезные сорта растений и породы животных были скорее полезны, чем вредны для человека, значит, людям на Растуме суждено было подвергнуться двойным танталовым мукам. Безусловно, поселившись здесь, человек все равно вынужден был бы дополнять свою пищу некоторыми земными видами растений, но их понадобилось бы не так уж и много. Пшеницы и картофеля, которые должны были хорошо прижиться в здешних условиях, было бы, пожалуй, достаточно. Остальное человек мог бы взять у местной природы... Но проклятая атмосфера делала это невозможным.

Свобода украдкой взглянул на Коффина. Его долговязая фигура, казалось, была наполнена такой энергией, какой он раньше никогда не замечал: на худом лице лежала печать сосредоточенности. Без сомнения, собственное открытие казалось ему особой Божьей милостью, может быть, каким-то тайным знаком, что у него есть шанс оправдаться перед своей совестью за то, что он был главной причиной побега Дэнни. Интересно, сколько времени он будет бродить вокруг, прежде чем удостоверится, что Дэнни мертв и лежит где-то у подножия этой скалы? До тех пор, пока кто-либо из нас тоже не отправится на тот свет? На Растуме это займет не слишком много времени, если человек находится посреди хаоса неизвестных жизненных форм и отравляет свой организм каждым глотком воздуха.

«Я не останусь здесь, внизу, наедине с этим помешанным», — Свобода прикоснулся к оружию у себя на поясе и покосился на пистолет Коффина.

Внезапно к Свободе пришло решение. Сейчас, когда до заката осталось двадцать с небольшим часов, не было нужды затевать ссору. Но завтра утром или сегодня вечером, если этот придурок будет настаивать на продолжении поисков, его надо будет как-то разоружить и доставить домой под дулом пистолета.

«Интересно, как на это отреагирует Тереза? Будет ли она мне благодарна? Или уж хотя бы простит меня?»

Свобода погасил окурок сигареты и сказал:

— Пошли.

7

Кризис наступил в полдень.

Они уже утратили чувство времени и, глядя то и дело на часы, рассеянно замечали, что стрелки опять сменили положение. Им все чаще приходилось делать передышки, но лишь для того, чтобы лечь неподвижно, уставившись в небо. Такие передышки не давали никакого отдыха. Один или два раза они немного перекусили и проглотили по чашке чая, едва ли отдавая себе отчет в своих действиях. Чем больше они уставали, тем меньше им хотелось есть.

Коффин понимал, что именно это и есть наркоз. Чтобы оформить мысль в сознании, мозг вынужден был долго искать слова, а затем выуживать их одно за другим из затуманенной памяти. Слишком много углекислого газа. А теперь и азота становится слишком много. Добавочный кислород не дает ощутимой помощи. Легкие саднит. Вероятно, они уже устали до предела.

Бог не хотел больше помогать. То, что плоды оказались съедобными, не было никакой милостью. Хотя тогда казалось, что это именно так и что он, спасший в пустыне израильских детей от голодной смерти, не даст Дэнни умереть. Но, пробираясь сквозь стену выющихся лиан и упав в какой-то колючий куст, Коффин понял, что

находка еды была простым приказом. Раз уж Господь дал возможность подробно обыскать этот адский котел, его слуга Джошуа должен был это сделать как следует.

«Нет, я еще не сошел с ума. А может, уже сошел? Допустить мысль, что Господь собирается переделывать планету или начать создавать ее заново пять миллиардов лет спустя и лишь для того, чтобы наказать всего лишь одного человека — меня! Я только хочу исполнить свой долг.

О, Тереза, если б ты была рядом и могла меня успокоить!»

Но глаза, руки и голос Терезы были где-то за облаками в ужасной дали. Вокруг был только этот лес, который заманил его в ловушку, да воздух, жалобно хрипевший в его пересохшей глотке. Только жара, и жажда, и боль, и резкие чужеродные запахи, и какое-то ползучее растение, которое так запутало его ноги, что он упал, врезавшись в дерево.

Где-то кричала птица или животное, хотя, скорее, это был не крик, а отрывистый смех.

Коффин тряхнул головой, пытаясь разогнать туман в голове. Это было ошибкой. Макушка его черепа, казалось, отлетела в сторону. Коффин подумал, не проглотить ли еще одну таблетку аспирина. Пожалуй, нет, надо их экономить.

Внезапно, как вспышка молнии, его озарила мысль: какими странными бывают иногда повороты жизни! Если бы не то послание, переданное флоту с Земли, он, возможно, все еще был бы астронавтом. В этот самый момент он мог бы стоять вместе с Нильсом Киви под каким-нибудь новым солнцем, в девственно чистом мире. А может быть, и нет, конечно. Возможно, Земля окончательно отказалась от содержания звездных кораблей, и они болтались теперь, всеми покинутые, возле планеты, на которой перестали рождаться любознательные люди. Но Коффину хотелось верить, что его старые друзья все еще занимаются своим ремеслом. Мысль об этом, приходившая ему, бывало, в голову после того, как он целый день дышал пылью на своем тракторе, была сомнительным удовольствием. «Но тогда я не смог бы жениться на Терезе», — подумал Коффин. И вдруг эта банальная идея, над которой он размышлял ежедневно с тех пор, как отрекся от своих надежд, повернулась к нему новой стороной. Мысль о том, что Тереза была не просто утешительным призом, так поразила Коффина, что он остановился, задыхаясь. Если б у него была возможность повернуть время вспять и исправить то, что он сделал когда-то, он бы отказался от этого.

— Что случилось? — пробурчал Свобода.

Коффин оглянулся. Лицо Свободы, обрамленное темными волосами, обросшее щетиной, потное и изможденное, казалось, дрожало в мареве жары и безмолвия, на фоне зелено-голубых листьев.

— Ничего, — сказал Коффин.

— Я думаю, нам лучше изменить направление, — Свобода

показал на компас, прикрепленный у пояса, — если мы хотим придерживаться спирали.

— Не сейчас, — возразил Коффин.

— Но почему?

Коффину не хотелось пускаться в объяснения. Он повернулся и, шатаясь, побрел вперед. Он был слишком занят переоценкой собственных ценностей, чтобы болтать. Но долго удивляться он все равно не смог, потому что у него для этого просто не было сил. Теперь он размышлял над самым важным вопросом: как вернуть Терезе Дэнни. Заблудившийся и испуганный мальчик, скорее, предпочел спуститься дальше, чем идти в обход. Поэтому Коффин считал, что лучше идти по прямой, чем описывать круги по спирали. Действительно ли все было так? Об этом приходилось лишь гадать. Господь никогда не осуждал человека за неверную догадку. Или, может быть, он сможет простить его, Коффина, ради Терезы? В своей жизни он никогда не ставил конечной цели избежать адского костра Джонатана Эдвардса, он просто всегда старался быть честным и порядочным.

Людам это не всегда удавалось, а ему, Джошуа Коффину, удавалось в меньшей степени, чем другим. Но он старался — иногда, и своим детям пытался внушить те же идеалы. Для них это было необходимо не ради самих идеалов, а ради дополнительной силы на этой жестокой планете. Нет, неверно, Растум не был жестоким. Он просто был слишком большим. И Тереза так часто повторяла ему, что одной честности здесь мало. Мало было здесь выжить. Необходимо было еще быть добрым. Бог знал, как добра к нему Тереза — добрее, чем он того заслуживал, добрее всего в те ночи, когда к нему возвращалось ощущение его вины. Он был слишком требовательным, потому что его одолевал страх. Маленькие грязные руки, теребившие его одежду, не были его долгом. Вернее, это, конечно, был долг, но долг и радость — вполне совместимые вещи. Коффин всегда это понимал. Его долг капитана корабля был одновременно источником радости. Но когда дело коснулось людей, он понял это только долгое время спустя — только сейчас, и это было не в счет. Чтобы эта мысль, наконец, дошла до его сознания, ему пришлось спуститься в этот густой и безмолвный лес.

Кажется, у буддистов было что-то про жизнь, которую можно прожить за секунду, сбросив с себя бремя прошлого или будущего. Коффин всегда высмеивал это как попытку самооправдания. Но здесь, сейчас, он до известной степени понимал, как труден был этот путь. И так ли уж он отличался от христианского «перерождения»?

Мысли Коффина окончательно смешались и пропали. Не осталось ничего, кроме запутанного леса.

Наконец, они вышли в каньон.

Коффин так привык продираться сквозь густой подлесок и перелезать через бревна, что, почувствовав внезапное отсутствие препятствий, бессильно опустился на одно колено. От боли на глазах

у него выступили слезы, но зато наступило и некоторое просветление сознания. Сбоку раздавалось тяжелое дыхание Свободы, которое смешивалось со стонами ветра, пронесившегося под низким небом.

Отсюда гористая местность так круто уходила вниз, что откос плато больше походил на скалу. На ее вершине стеной стоял лес, а на склонах с выветрившейся почвой росла лишь трава да несколько чахлых деревьев.

Повсюду была разбросана галька, и утесы возносили свои обглоданные непогодой вершины к ободу этой необъятной скалы. Противоположная сторона, удаленная километров на двадцать, была значительно ниже, казалась призрачной и слегка голубоватой. Края ущелья, находившиеся так далеко, выглядели расплывчатыми. У Коффина было такое ощущение, что ущелье это достигает чудовищной глубины, раскалывая на куски целые горные массивы, но даже приблизительно определить его размеры было невозможно. Ему показалось, что где-то далеко внизу сверкнула река, но он не мог поручиться, что это не обман зрения. Слишком уж много горных вершин и обрывов, слишком большое расстояние было между краем скалы и дном этой пропасти.

Коффин знал, что должен с благоговением взирать на это творение Господа, но не чувствовал ничего, кроме головокружения и чудовищного давления, от которого, казалось, вот-вот лопнут глаза.

Он сел рядом со Свободой. Каждое движение давалось с величайшим трудом. Руки и ноги стали свинцовыми.

Свобода зажег сигарету. Последней, еще не затуманенной частью своего сознания Коффин подумал: «Лучше бы он не отравлял себя лишний раз. Уж очень он хороший парень».

— Еще одна Расселина, — пустым голосом произнес Свобода. — Под правильным углом к той, по которой мы спускались.

— И мы — первые представители рода человеческого, увидевшие ее, — отозвался Коффин, жалея о том, что слишком уж он жалок сейчас, чтобы произносить такие высокие слова.

На Свободу, видимо, напало такое же отупение.

— Да, мы зашли дальше, чем предыдущая земельная экспедиция, и к тому же исследователи, даже имея запас кислорода, никогда не спускались в этом направлении. Хотя в других местах они встретили много таких же провалов. Их, наверное, породил какой-нибудь тектонический процесс. Планета, которая плотнее Земли, вряд ли обладает похожей геологией. Горы здесь, безусловно, гораздо выше.

— Эта пропасть не такая отвесная, как Расселина, — услышал Коффин свой собственный ответ. — На склонах даже держится почва, как вы, вероятно, заметили. Но, конечно, она шире и глубже.

— Потому что топография этой местности чуть менее вертикальная. — Свобода выдохнул дым, закашлялся и выплюнул сигарету. — Проклятье! Я не могу курить в таком воздухе. И какого черта вы тут бормочете? О чем?

— Да так, ни о чем.

Коффин откинулся назад и прислонился к рюкзаку. Ветер так быстро просушил его мокрую от пота одежду, что вскоре ему стало уже не жарко, а холодно. Лес проснулся и загудел от порывов ветра. Его скорость была не очень велика, но высокое давление превращало ее чуть ли не в скорость урагана.

Сила ветра пригодится, когда люди, наконец, смогут спуститься с горных плато. Но когда это будет? Наверняка не раньше, чем через несколько поколений. Мельницы богов работают медленно, но зато перемалывают доброту — в порошок. Хотя нет, не всегда медленно. Мельницы наступивших на Земле перемен мололи быстрее, чем это было необходимо, чтобы динозавры успели приспособиться к изменившемуся климату; быстрее, чем наука и техника могли развиваться, чтобы поддержать культуру растущего населения Земли. Растум тоже был подобен гигантскому жернову, который крутился и крутился среди звезд, перемалывая в пыль людей, ибо Господь раскаивался в том, что сотворил человека...

— Ну, что ж, — сказал Свобода, — едва ли он полез в эту яму, так что нам лучше сменить направление поиска.

Эти слова были для Коффина таким приятным барьером, отгородившим его от полуреального кошмара, что их смысл не сразу дошел до него.

— А?

Свобода хмуро посмотрел на него:

— Клянусь небом, вы похожи на живого мертвеца. Мне кажется, вы не протянете даже до вечера.

Коффин попытался сесть прямо.

— Нет, нет. Я выдержу, — хрипло сказал он. — Но что вы предлагаете? Насчет нашего дела, — заботливо добавил он, боясь, как бы Свобода не понял его вопроса превратно. Разговаривать было нестерпимо тяжело.

В голове возникали какие-то обрывки мыслей: «Песок в легких. Я больше не могу думать. Он тоже. Но я смогу уйти, даже если мой мозг отключится. Не уверен, что Свобода тоже сможет или захочет».

— Я хотел предложить вам двигаться по краю этого каньона в южном направлении до наступления темноты, а завтра утром срезать по прямой обратный путь к Расселине. Таким образом мы описали бы большой треугольник.

— А что если пойти на север? Северное направление тоже надо проверить.

— Если вам так хочется, мы, конечно, можем пойти не в южном, а в северном направлении. Можно даже бросить жребий. Но идти одновременно на север и на юг невозможно. Мы должны покинуть этот уровень не позднее завтрашнего утра, потому что оставаться здесь дольше слишком опасно. А мы не имеем права рисковать, потому что нас ждут наши семьи.

— Но Дэнни ведь не умер, — умоляющим голосом проговорил Коффин. — Мы не можем бросить его здесь.

— Послушайте, — сказал Свобода.

Он сел, скрестив ноги, провел рукой по волосам и начал говорить, сопровождая свои слова усиленной жестикуляцией.

«Все его попытки что-то доказать объясняются обыкновенным страхом и потому не сводятся ни к чему, кроме пустой болтовни», — подумал Коффин.

— Допустим, мальчик действительно не сорвался вместе с водопадом с этого утеса. Допустим, он добрался до леса, не съел там ничего ядовитого и не умер с голоду из боязни съесть что-нибудь. Допустим, он не утонул в каком-нибудь пруду, его не ужалила гигантская ядовитая пчела из тех, которых мы с вами здесь видели, и на него не напал какой-нибудь местный хищник.

Сделать такие допущения можно только с огромной натяжкой — с такой, ради которой не стоит двум взрослым мужчинам жертвовать своими жизнями, но я согласен принять их во имя истины. Пусть все было так. Что ж потом оставалось ему делать? Как мне кажется, он должен был попытаться отыскать обратную дорогу, но при этом уходил все дальше и дальше в лес, плутал все больше и постепенно спускался все ниже по склону горы. Но тогда, я думаю, вам понятно, как должен был на него подействовать местный воздух? Я и то едва могу шевелиться. А если бы я дышал этой гадостью три или четыре дня, я был бы не способен больше ни на что, кроме как лечь и отдать концы. А Дэнни ведь был ребенком. Обмен веществ у детей более усиленный, легкие более восприимчивы к высокому давлению, а сопротивляемость мышц гораздо слабее. Коффин, он мертв.

— Нет.

Свобода бил кулаком по земле до тех пор, пока не успокоился.

— Будь по-вашему, — ветер разбрасывал его слова и уносил их прочь. — Я обещал потворствовать вашей прихоти и прихоти Вульфа, но до известных пределов — только до завтрашнего утра, когда мы повернем обратно. И поставим на этом точку. Ясно?

— В нашем распоряжении еще часть ночи, — упрямо твердил Коффин. — Неужели вы сможете спокойно сидеть возле костра целых тридцать часов, зная, что Дэнни в этот момент, быть может...

— Хватит! Заткнитесь, пока я не придушил вас вашим же ремнем!

Их глаза встретились. Рот Свободы сжался в одну тонкую линию. Коффин почувствовал, как последние ощущения собственной правоты покидают его. Теперь не осталось ничего, кроме сожаления, что он не может предотвратить то, что должно было случиться дальше. На несколько секунд это чувство пересилило даже головную боль. Коффин с трудом поднялся на ноги. Ветер ударил ему в спину, заставляя отклоняться назад, чтобы не упасть, а потом, казалось, специально усилил свои порывы, пытаясь подтолкнуть Коффина к южному краю каньона. Свобода продолжал сидеть.

«Прости меня, — мысленно произнес Коффин. — Джудит всегда была добра к Терезе. Прости меня, Ян».

Он схватился за пистолет.

— О, нет, ты не сделаешь этого! — Свобода встал на колени и бросился вперед. Сцепившись, они стали кататься по земле.

Свобода сумел ухватиться за рукоятку пистолета Коффина, но в это время тот ударил его кулаком левой руки по голове. Удар пришелся по самой макушке и не причинил Свободе большого вреда, зато костяшки пальцев Коффина пронзила острая боль.

Свобода всем телом навалился на противника, упершись правым плечом ему в подбородок. Пригвоздив его к земле, Свобода выволовил обе руки и начал вырывать оружие из рук Коффина.

Бывший астронавт колотил Свободу по бокам и по спине своими полуразбитыми кулаками, но тот не обращал на это никакого внимания. Перед глазами у Коффина плавали черные круги.

«Я стар, я стар», — билась у него в голове одна мысль.

Ему никак не удавалось дотянуться до своей правой руки, в которой был зажат пистолет, потому что мешал рюкзак на спине наседавшего Свободы. В ушах его раздавался какой-то крик, и он не мог понять — то ли это ветер, то ли галлюцинация, предшествующая обмороку.

Внезапно его левая рука наткнулась на что-то твердое. Пальцы нащупали выпуклую рукоятку. Едва ли отдавая себе отчет в своих действиях, Коффин вытащил из кобуры пистолет Свободы и ударил им своего противника по виску. Свобода выругался, выпустил из рук пистолет Коффина и схватился за свой. Тем временем Коффин освободившейся правой рукой ударил его за ухом.

Свобода сразу осел, перестав цепляться за пистолет. Коффин разжал его руки и выбрался из-под него. Теперь они лежали рядом, уткнувшись лицами в смесь травы и земли. Какая-то птица с перепончатыми крыльями низко кружила над ними, пытаясь выяснить, в чем дело.

Ощущение оружия, зажатого в руке, заставило Коффина очнуться первым. Он отполз на безопасное расстояние, а потом сумел даже встать.

К тому времени Свобода тоже пришел в себя и сел. Лицо его было белым, как мел, по шее струилась кровь. Он молча уставился на Коффина и смотрел на него так долго, что тот испугался, не нанес ли он ему какого-нибудь серьезного повреждения.

— С вами все в порядке? — прошептал он.

Его слова должен был унести порыв ветра, но Свобода, видимо, понял, что он хотел спросить, и ответил:

— Да. Мне кажется, что так. А как вы?

— Я даже не ушибся. Нисколько. — Дула пистолетов опустились.

Свобода хотел было встать, но Коффин тут же направил на него оружие:

— Не двигайтесь!

— Вы что — спятили? — прошипел Свобода.

— Нет. Я вынужден так поступить, хотя и не надеюсь, что вы когда-нибудь сможете простить меня. Когда мы вернемся домой, можете подать на меня официальную жалобу. Я выдам вам любую компенсацию, какая будет в моих силах. Но неужели вы не понимаете: Дэнни нужно найти во что бы то ни стало. А вы хотите прекратить поиски.

Исчерпав все свои силы, Коффин замолчал.

— Да мы так никогда не попадем домой, — сказал Свобода. — Вы сошли с ума. Поймите же это наконец. Дайте сюда оружие.

— Нет, — Коффин не мог оторвать взгляда от крови на голове Свободы. И от седых прядей. Свобода тоже начал седеть.

«Мы одного рода, вы и я, — хотелось сказать Коффину. — Мне понятны ваш страх, одиночество и усталость, ваши воспоминания о молодости и удивление от того, что молодость — лишь воспоминание, ваша затухающая надежда на хотя бы еще одну надежду перед неизбежным. Мне тоже все это знакомо. Почему же тогда мы ненавидим друг друга?»

Но он не мог этого сказать.

— Чего вы хотите? — спросил Свобода. — Сколько еще времени мы должны здесь проболтаться, прежде чем вы поверите, что мальчик мертв?

— Еще несколько дней, — умоляюще простонал Коффин. Ему хотелось заплакать, и слезы стояли в его глазах, но он давно забыл, как это делается. — Я не могу сказать точно, сколько именно. Это мы потом решим. Позже.

Свобода, не двигаясь, продолжал смотреть на него. Летучая тварь с крыльями птеродактиля негодуя заверещала над ними: пора бы, мол, и окочуриться, чего же вы медлите? Наконец Свобода отцепил от пояса флягу, умылся, а потом долго пил.

— Должен признаться, я сам завтра собирался отобрать у вас оружие, — сказал он, и лицо его исказилось гримасой.

— Должен ли я связать вас, прежде чем усну? — вздохнул Коффин.

— Вы способны даже и на это? Ведь я сильнее вас. Попробуйте отложить оружие и связать меня — увидите, что получится.

Коффин снова почувствовал приступ злобы.

— Есть и другой способ. Вы под моим руководством сделаете скользкие узлы, а потом сами в них заберетесь. А теперь вперед!

Свобода пошел на юг. Коффин следовал за ним на безопасном расстоянии. Поиски в этом направлении давали чуть больше надежд на успех, чем если бы они пошли на север. Дэнни, вероятно, избрал такой путь, при котором ветер дует в спину, если он вообще дошел досюда. И если эта летучая тварь не прилетела сюда напрямую от его растерзанного трупа. Нет! Нельзя было допускать такие мысли.

По краю ущелья идти было легче, чем по лесу, и скоро Коффин

даже выработал определенный ритм шагов. Его сознание не воспринимало больше боль, жажду, голод и издевательство ветра. Ему нужны были только ноги, оружие и глаза: один — чтобы следить за краем пропасти, а другой — за Свободой. Сквозь пелену сознания он отмечал, как часто запинаясь и как медленно разливаются по небу сумерки, но ни то, ни другое он не воспринимал как нечто реальное. Он сам был чем-то нереальным, он не существовал, ни сейчас, ни прежде; не существовало ничего, кроме поиска.

До тех пор, пока антенна его радиолокатора не замерла, явно повернувшись в каком-то определенном направлении.

8

К тому времени, когда они прошли по краю каньона около десяти километров и спустились при этом более чем на километр, до высоты уровня моря оставалось не так уж много.

Сознание было настолько затуманено, что боль в теле уже почти не ощущалась. Они шли, то и дело подскальзываясь и спотыкаясь, падали, перекатывались через голову, поднимались вновь и вновь и тупо смотрели на кровь, выступавшую из ран от порезов о камни.

В один из таких моментов Коффин спросил:

— Интересно, похоже ли это на опьянение?

— Немного, — ответил Свобода, пытаясь сделать линию горизонта перед своими глазами устойчивой.

Но горизонт все время оказывался над ним, напоминая стену, обнесенную светящимися крепостными валами, нижнюю часть которых начинала затемнять приближающаяся ночь. Какой идиотизм — быть ниже линии горизонта.

— Почему люди пьют? — Коффин схватился за голову руками, словно боялся, что она сейчас улетит.

— Я не пью, — Свобода слышал, как звук его голоса отражается от стен каньона — голос пророка, колокол, огромный как мир. — Не очень часто... только глоток, другой... — он не договорил, поскольку у него опять закружилась голова. Он упал на колени, и Коффин, подойдя, поддерживал его, пока его не стошнило.

Наконец измученные люди вышли к скале, выступавшей из травы и подставлявшей ветру свои бока — примерно тридцать метров серого камня — подобно какому-то языческому монолиту. Высоко в небе парил гигантский кондор, и вечерний свет ложился отблесками на его крылья. Миновав скалу, они заметили, что антенна локатора повернулась назад.

Коффин остановился.

— Вы можете рассмотреть шкалу? — спросил он. — У меня перед глазами сплошные круги.

Свобода вплотную приблизил шкалу прибора к глазам, но стрелка была видна словно сквозь бегущую воду. Всякий раз, когда

он пытался разглядеть, куда она показывает, эта воображаемая вода покрывалась рябью. Шкала была близко, дьявольски близко, подобная белой планете, на поверхности которой отражалась Тайна. Потом она удалялась в бесконечные дали. От нее исходило какое-то лихорадочное гудение, заполнявшее Вселенную, стены которой рушились, выпуская Галактики в никуда.

Но Свобода не отступал. Он лег и стал ждать, словно кот возле мышиной норы. Наконец, как он и предвидел, рябь на миг успокоилась. Свобода воспользовался этой секундой, которой оказалось достаточно, чтобы увидеть, что стрелка указывает прямо вверх. Дэнни был там.

Свобода с криками побежал за скалу. Ее основание имело в окружности около семидесяти метров и было скрыто среди нагромождения камней. Когда он, обогнув скалу, подбежал к Коффину, то оставшихся у него сил хватило лишь на то, чтобы сесть, хватая ртом воздух, и указать на вершину.

— Он там, наверху? — спросил Коффин, и потом еще долгое время сидел и тупо твердил: — Он там, наверху? Он там, наверху?

Наконец, немного отдышавшись, Свобода достал последние стимулирующие таблетки. Они уже приняли этих таблеток столько, что сердца едва не выскакивали у них из груди, а эта последняя доза чуть не разорвала их на части. Но зато головы немного прояснились, дав людям возможность говорить связно и даже чуть-чуть подумать. Они кричали и стреляли из пистолетов, но им не ответил никто, кроме ветра. В небе над их головами по-прежнему кружил кондор.

Коффин поднес к глазам бинокль и посмотрел вверх. Через минуту, не сказав ни слова, он передал его Свободе. Плечи его поникли. Сильный бинокль, приблизив вершину скалы, одновременно сыграл роль защитных очков в угасающем свете солнца, и Свобода разглядел, что через край скалы свешивается какая-то подстилка из веток, травы и сучьев.

— Гнездо, — сказал Свобода.

Его охватил ужас.

— Должно быть, оно принадлежит вон той птице наверху, — слабым голосом сказал Коффин. — Мы, наверно, спугнули ее, когда подошли к скале.

— Значит, — Свобода не смог продолжать и удивился, когда Коффин сам произнес вслух его мысль.

— Птица убила Дэнни или нашла его уже мертвым где-нибудь в окрестностях. В гнезде лежат его останки.

В сумерках лицо Коффина была похоже на расплывчатое пятно, но Свобода заметил его протянутую руку.

— Ян, — сказал Коффин срывающимся голосом, — простите, что я угрожал вам оружием. Простите меня за все.

— Ерунда. — Свобода взял протянутую ему руку, и они не разжимали рукопожатия несколько минут.

— Ну, что ж, — наконец произнес Коффин. — Мы уже ничего

не в силах сделать. Может быть, когда О'Мэлли вернется из Искандрии, он согласится слетать сюда на аэрокаре и посмотреть, не осталось ли чего-нибудь для захоронения.

— Я боюсь, что к тому времени ничего не останется, если местные птицы периодически очищают свои гнезда, как это делают их сородичи на Высокогорье.

— Это не имеет значения. Теперь уже все равно. Конечно, ради Терезы мне бы хотелось, чтобы я смог его похоронить. Но Господь и так воскресит его в последний судный день, — в этих словах было мало утешения, и Коффин, отвернувшись, добавил: — Сейчас нам лучше подумать о том, как добраться до края каньона перед наступлением темноты. Долго оставаться на этом уровне нельзя. Я чувствую, что снова начинаю пьянеть.

Свобода смотрел, как Коффин, сутулясь, спотыкается о камни, и вдруг, сам не понимая, что именно заставляет его это делать, сказал:

— Нет, подождите.

— Э? — по-стариковски отозвался Коффин.

— Раз уж мы забрались в такую даль, надо довести дело до конца. По этой скале, я думаю, можно забраться.

Коффин покачал головой.

— Я не смогу. Я едва стою на ногах.

Свобода скинул рюкзак на землю и присел возле него на корточки.

— Я полезу, — сказал он. — Я моложе, и у меня еще осталась капля энергии. Я смогу добраться до вершины и спуститься назад всего за полчаса или даже меньше. Так что у нас еще останется время, чтобы вернуться в каньон до темноты. Эти тучи настолько рассеивают свет, что сумерки длятся часами.

— Нет, Ян. Вы не должны. Джудит...

— Где эта поганая веревка?

— Ян, подождите хотя бы до завтра, — Коффин взял его за плечо. — Мы вернемся сюда завтра утром.

— Я уже говорил вам: до завтра здесь уже, возможно, ничего не останется. Во всяком случае, гарантий у нас нет. Ну-ка прикрепите этот фонарь мне на запястье. Где эти дурацкие шиповки?

Только поднявшись уже на несколько метров, Свобода начал думать, зачем все-таки это нужно? Безусловно, в этом не было никакого смысла!

В сгуставшихся сумерках он едва видел шершавую поверхность, по которой поднимался, кроме небольшого круга, высвечиваемого фонарем. Спуститься будет нетрудно: он воткнет в скалу разрывную шашку, перекинет через нее веревку и соскользнет вниз. Можно будет даже спустить все гнездо с его содержимым. Но подъем был опасен. Снизу он не заметил, как сильно скала была подточена эрозией. На ее шероховатой поверхности тут и там встречались выемки, за которые можно было зацепиться, но мягкий камень

крошился под весом Свободы. Но эта сторона была единственной, по которой еще можно было взобраться. Со всех других сторон от скалы отвалились, раскрошившись, многочисленные куски. Они образовали кучи обломков у подножья и оставили наверху рубцы, по которым не смог бы забраться даже лунатик. Если кусок скалы весом в несколько тонн оторвется, когда до вершины останется метров десять или двадцать, то это будет концом Яна Свободы.

А чего ради? Чтобы найти там несколько костей? Этим костям уже было ничего не нужно, в том числе и он, Ян Свобода. Зато он был нужен Джудит и детям. Его детям, а не чьим-то подкидышам.

Он почувствовал, что выпуклость, за которую он ухватился, ослабла под его рукой. Он разжал пальцы и услышал, как оторвавшийся кусок, то и дело ударяясь о скалу, полетел вниз. Под ногами была темнота.

Пока он полз вверх, ночь поглотила основание скалы, накрыла Коффина, затопила галечно-травяной покров земли; теперь она гналась за ним. Неужели вершина скалы тоже погрузилась во тьму? Или так казалось из-за подступившего головокружения?

Свобода посмотрел на камень в нескольких сантиметрах от своего носа. Он был покрыт рябью. Голова загудела, но Свобода продолжал взбираться вверх только потому, что тащиться вверх было легче, чем шевелить мозгами.

Наконец он вздохнул с облегчением, потому что на высоте в два человеческих роста над его головой скала немного светлела и становилась менее отвесной.

Возможно, до вершины отсюда оставалось не более двух-трех метров, но могло оказаться и так, что до нее еще было не ближе, чем до Ракш. У Свободы были как раз две шашки. Они не дадут ему свалиться в пропасть.

Он вновь прилип к скале. Ветер просвистел у него в ушах и еще больше вдавил его в камень. Наконец его нервы успокоились достаточно для того, чтобы он смог открыть глаза. «Кажется, все обошлось...» Эта мысль принесла такое облегчение, что в эту минуту Свобода простил Коффина за то, что тот пригрозил ему оружием. Но дальше он уже лезть не мог.

Вытащив из-за пояса шашку, он тщательно выбрал место — еще раз лететь со скалы, как тогда, когда на них напали птицы, Свободе не хотелось — и нажал кнопку.

В этом спрессованном воздухе детонация была подобна раскату грома. Если бы не шиповки, Свобода непременно свалился бы. Усилием воли он перестал обращать внимание на гул в голове и крепко привязал веревку к металлическому стержню. Сейчас он по-пожарному спустится вниз, отдохнет пару минут, и они отправятся в долгий путь туда, где давление снижается настолько, что человек способен там уснуть.

О, Боже! Как он будет спать! Наверное, не хватит и двадцати часов, чтобы выспаться как следует.

— Отец...

Свобода вздрогнул.

— Нет, — быстро пробормотал он, — не может быть, чтобы дело зашло так далеко. Мне это не показалось. Мне лишь почудилось, что показалось.

— Отец? Отец!

Из гнезда высовывался Дэнни.

На фоне фиолетового неба, где обитали только птицы, его лицо казалось поразительно белым. Луч фонаря осветил его худую, исцарапанную и грязную фигурку, подбитый глаз, засохшую под носом кровь, лохмотья, оставшиеся от его рубашки. И тем не менее это был Дэнни Коффин, который смотрел вниз и звал своего отца.

Свобода начал кричать. Дэнни заплакал и попытался сползти вниз. Свобода, чертыхаясь, велел ему влезть обратно.

— Сумасшедший, проклятый идиот, ты что, не видишь, что это всего лишь рубец? Ты сейчас свалишься и свернешь свою глупую башку! Что случилось, черт побери? Как ты попал туда?

Плач Дэнни длился недолго, потому что все слезы он давно уже выплакал. Начав говорить, он вскоре замолчал, сморкаясь, сопя и икая. Но по мере того как он продолжал свой рассказ, его слабый голос становился отчетливее, чем голос Свободы, а его ответы были более вразумительны, чем вопросы, на которые он отвечал.

Как и предполагали взрослые, он спустился в Расселину, намереваясь убежать из дома. Это намерение улетучилось, как только ему пришлось спуститься сквозь слой облачности. Когда озябший, промокший и голодный он вышел к водопаду и заметил, что наступает ночь, он был готов вернуться и вытерпеть наказание. Но на него напали две огромные птицы, и он побежал по уступу. По воле providения туман, ветер и быстро подступающая темнота помешали птицам преследовать его. Но вернуться назад он уже не отважился, потому что боялся, что они караулят его у входа на уступ. Поэтому он продолжал спускаться, продвигаясь на ощупь на четвереньках, пока не иссякли все силы. Уснув ненадолго, он затем продолжал спуск, и так, забываясь коротким сном, просыпаясь и снова продвигаясь вперед, Дэнни через какое-то время, показавшееся ему вечностью, вышел в лес, окружавший вершину каньона. На рассвете, который и застал его в этом лесу, он понял, что окончательно заблудился и что скоро умрет с голоду. Несмотря на то, что он не забыл запреты отца, он не мог удержаться, чтобы не съесть несколько плодов и ягод, которые были непохожи на известные ему ядовитые сорта. Убедившись, что они вполне безопасны, он решил питаться исключительно ими до тех пор, пока отец не найдет его. Но чтобы найти другие такие же плоды, ему надо было двигаться. Спал он в дуплах деревьев и в местах, где не было колючек, а пил из ручья.

Однажды, когда ему никак не удавалось найти воду, он пришел к этому ущелью, надеясь, что здесь есть река. Но тут его заметило какое-то большое животное с клыками и погналось за ним. Он

подбежал к этой скале и полез вверх. Да, она осыпалась у него под ногами; он вовремя зацепился за трещину и лишь поэтому не упал. Отвалившиеся от скалы куски отпугнули животное, но Дэнни оказался в ловушке. Изможденный, он уснул так крепко, что, вероятно, не слышал ни криков, ни выстрелов внизу. Но разорвавшаяся рядом шашка разбудила его.

— Нет, мистер Свобода, голова у меня не болит, только немножко болит то место, которым я ударился. Мне ужасно хочется пить, но я не заболел, и со мной ничего не случилось. Пожалуйста, не могли бы вы помочь мне спуститься вниз, к отцу?

Словно во сне, Свобода вспомнил, что когда-то, где-то, от кого-то он слышал, будто Дэнни необычайно хорошо переносит углекислый газ. Видимо, это так и было, раз он смог выжить, находясь здесь так долго — целую земную неделю. Поначалу он сделал вполне естественную и простительную для ребенка ошибку, но, очутившись в лесу, вел себя не хуже любого взрослого. И даже лучше многих, окажись они на его месте.

«Да, гораздо лучше, — думал Свобода, на которого напало оцепенение. — Сознание Дэнни не помрачилось, не то что наше».

Конечно, во всем этом была и доля везения. К счастью Дэнни, кондора не было в гнезде, когда он забрался туда и уснул. Счастье, что хищник не вернулся с охоты раньше, чем люди подошли к скале и заставили его кружиться в воздухе, изучая, что это за новые странные животные. Если бы они ушли или если бы эта птичка решила, что они не опасны для нее, она бы опустила в свое гнездо. И убила бы мальчика.

— Пожалуйста, мистер Свобода! Отец ждет! Я знаю, что он ждет! Пожалуйста, мне так ужасно хочется пить, помогите мне!

Свобода стоял на крошечном скальном выступе, вцепившись в веревку. Внезапно он вспомнил о запасной шашке. Если б ему удалось выбросить ее вверх, так чтобы она закрепилась в камне точно над первой шашкой...

Нет. Отсюда такой бросок не получится, ведь он не может даже размахнуться как следует. Еще меньше шансов забросить шашку, лассо или что-либо другое, спустившись на землю.

Может быть, арбалет или катапульта? Нет. Где он возьмет материалы, чтобы изготовить эти приспособления за срок более короткий, чем тот, который потребуется на обратную дорогу домой за помощью? Ведь подходящая веревка не растет в готовом виде в лесу.

Кондор теперь летал гораздо ниже.

Свобода почувствовал, как внутри наподобие рвоты поднимается сознание полной беспомощности и поражения. Внутренний голос снова и снова повторял что-то похожее на молитву, обращенную к злему Богу, который подстроил все таким образом.

Конечно, можно притаиться и подождать, когда птица приблизится на расстояние выстрела. Но что потом? Мальчишку все равно не достать.

Даже если они немедленно отправятся домой, пойдут всю ночь без передышки — что физически невозможно — и вернутся на каком-нибудь летательном аппарате, сумев не разбиться на нем о скалы, даже если бы все это им удалось, прошло бы не меньше пятидесяти часов. А ребенок и так уже страдает от жажды. Вон какой у него голос сиплый.

Так что же лучше: смерть в когтях кондора или смерть от жажды?

— Пожалуйста, пожалуйста! Я жалею о том, что убежал. Я больше не буду так делать. Где мой отец?

Слова Дэнни перешли в сухой шелест. Мальчик свесился через край гнезда. Ветер развевал его волосы и клочки рубашки наподобие каких-то странных флагов.

Свободе казалось, что в голове у него кто-то крутит ручную мельницу, но сквозь ее шум он слышал царапанье, доносившееся снизу, и крики Коффина:

— Дэнни! Дэнни! — в приступе явного помешательства ему на ум теперь почему-то пришло имя «Абессалом».

Коффин не мог подняться — у него не было сил. Свобода тоже не мог больше подниматься. Дэнни не мог спуститься. Единственный, кто способен был двигаться — это кондор. Охваченный нетерпением, он все больше приближался к скале, выписывая длинные спирали, в нижней точке которых можно было разглядеть его клюв и серо-стальные крылья и услышать, как свистит в них воздух. Свобода слышал этот свист даже сквозь завывание ветра.

Наконец он понял, что надо делать. Возможно, существовал какой-нибудь более простой выход, более легкое средство спасения, но мозг Свободы был слишком затуманен, чтобы найти такое решение. Дэнни лежал неподвижно. Сейчас, когда последние лучи солнца погасли, его фигура напоминала темный бугор на фоне чуть более светлого силуэта скалы. Свободной рукой Свобода нащупал пистолет, возвращенный ему Коффином. Еще не успев его вытащить, он как-будто ощутил холодную тяжесть металла. Один короткий выстрел, одна милосердная пуля в этот бугор. И больше уже ничего будет не нужно. Их поиск будет окончен. Свобода сможет спуститься вниз.

Внизу, под ногами, была непроглядная тьма.

— Дэнни, — снова позвал Коффин. Галька у подножья скалы загремела, когда он снова сорвался вниз. — Ян, что же нам делать?

Свобода снял оружие с предохранителя, но все еще не стрелял. Он стоял, подставив лицо ветру и надеясь, что ядовитый дым выветрится из головы, но ему лишь засыпало пылью глаза — и больше ничего. Он слышал, как кондор подлетает все ближе. Вдруг огромная птица крикнула, и этот крик, похожий на звук охотничьего рога, отозвался в черных скалах эхом.

Свобода открыл глаза и увидел, что могучие крылья все еще высоко парят над каньоном.

«Почему птица все еще не убивает его? — дико подумал Свобода. — Почему бы вообще ей не убить всех нас? Она — частица

этой гармонии, она сильная и красивая, а мы — монстры, чужеземцы, пытающиеся отнять у нее дом. Лети сюда, вниз, хищнокрылый бог. Я отдам его тебе».

И вдруг Свобода нашел решение.

Он стоял на прежнем месте в окружении тьмы и ветра, перемалывая эту идею. Мысли были тяжелыми, как жернова. Он проворачивал и проворачивал их до тех пор, пока шум ветра не превратился в хлопанье огромных крыльев, а мельница не погрузилась в океан, полный соли. Когда он заговорил, ему показалось, что кто-то вторит ему шепотом среди крутящихся и мелющих жерновов.

— Дэнни! Дэнни, ты меня слышишь? Слушай! Ты не спишь? Я могу снять тебя вниз!

Луч фонаря выхватил из темноты маленькое исцарапанное лицо. Дэнни с трудом очнулся от полубоморока, вызванного истощением и отчаянием.

— Конечно, — пробормотал он. Потом добавил уже более отчетливо: — Вот здорово, вы наверху, сэр. Что мне надо делать?

— Слушай. Оба слушайте! — крикнул Свобода вниз. — Дэнни, ты должен быть храбрым. Ты ведь до сих пор вел себя как настоящий храбрец. Осталось еще немного, одна небольшая игра. Притворись мертвым. Вот что ты сделаешь. Притворись мертвым и дождись, когда кондор сядет около тебя на гнездо. Тогда хватай его за ноги. Хватай крепче и держись, пока он будет взлетать. Ты меня понял, Дэнни? Ты сможешь это сделать? — жернова застонали и лопнули.

Свободе показалось, что мальчик что-то ответил, но он не был в этом уверен. Он даже не мог сказать наверняка, понял ли его Коффин. Он погасил фонарь и застыл на месте в полной неподвижности.

Теперь птица снизилась настолько, что последние оставшиеся в вышине лучи уже не касались ее. На темно-пурпурном фоне неба крылья, которые, казалось, закрыли его целиком, были такими же темными, как и очертания скал. Неразличимый среди теней, Свобода вытащил пистолет. Он и сам едва видел оружие.

Птица издала крик вызова. Ответа не последовало.

Только сейчас, когда уже было слишком поздно, Свобода понял, что должен был объяснить свою идею более подробно. Теперь времени на это уже не было.

Птица опустилась на край гнезда, сложив крылья. Ее тень надвинулась на Дэнни, как тень какого-то гигантского горбуна.

Мальчик бросился вперед и ухватился за когтистые лапы.

Когда птица вскрикнула и снялась с гнезда, Свобода выстрелил, не целясь. Но птица снова вскрикнула. Дэнни повис в небе, качаясь, как язык колокола на ветру. По нему ручьем струилась кровь кондора.

Птица в последний раз попыталась подняться и сумела взлететь так высоко, что Свобода снова увидел отблеск света на ее крыльях. Но теперь их взмахи были гораздо слабее.

Кондор прекратил сопротивление и начал снижаться, погружаясь в темноту, чтобы сразиться с неведомым чудовищем.

Свобода заскользил по веревке вниз так быстро, что ободрал себе руки. Снизу послышалось два выстрела. Когда Свобода спустился, кондор был уже мертв. Коффин отбросил в сторону пистолет и фонарь.

— Дэнни, — простонал он. — Дэнни, сынок.

И они бросились друг другу в объятия.

9

Солнце пробивалось сквозь белые накрахмаленные занавески, отражалось в чаше с водой и плясало волнообразными отсветами на противоположной стене. В спальню проникал поток прохладного воздуха. Лужайка снаружи все еще оставалась зеленой, но деревья уже сменили свой наряд на алый с золотом, и Геркулесовы горы казались голубовато-туманными сквозь дымку, напоминавшую о земном бабьем лете.

На звонок Терона Вульфа дверь открыла Джудит. Свобода положил книгу на одеяло, увидев, что в спальню вошел мэр.

— Ну, — спросил Вульф, — как ты себя чувствуешь сегодня?

— Прекрасно, — буркнул Свобода. — Не понимаю, почему я должен здесь торчать. Мне ведь есть чем заняться, черт побери!

— Врач ясно сказал: постельный режим вплоть до завтрашнего дня, — строго напомнила ему Джудит. — От истощения не отделаешься смехом.

— Если тебя это утешит, я могу сообщить, что Джошуа прописали на целый день больше, чем тебе, да и то он не так расстраивается по этому поводу, — сказал Вульф, придавив своим широким задом стул и достав из кармана рубашки сигарету.

— Как Дэнни? — спросил Свобода.

— О, он вполне выздоровел и сейчас наслаждается лучшим периодом в своей жизни, — сказала Джудит. — Тереза постоянно извещает меня по почте, как у них дела. Прошу прощения, мэр, но я должна вернуться к своим заботам. Мы положительно намерены назначить эту пресловутую свадьбу на послезавтра, к тому времени, как Джош выздоровеет.

Когда дверь за ней закрылась, Вульф вытащил из-под пиджака плоскую бутылочку.

— Выдержано в деревянной бочке, — хрипло прошептал он. — Пока это — лучшее мое изделие.

Свобода принял подарок, не испытывая чрезмерного чувства благодарности. Он сказал:

— Я полагаю, ты явился, чтобы дать некоторые объяснения.

— Гм! Как пожелаешь. Хотя я не совсем понимаю, что именно надо объяснять. Вы с Джошем вернули ребенка домой. Так что вы

оба — герои. И хотя это не мое дело, мне кажется, что за время вашего похода Джош разрешил несколько личных проблем. До сего дня я никогда не видел его по-настоящему счастливым, — Вульф зажег сигарету и пустил нарочито большой клуб дыма, прежде чем добавить: — Тебя наверняка заинтересует медицинское заключение, данное после обследования Дэнни.

— А? — Свобода сел в кровати. — Ты говорил, что с ним все в порядке.

— Да, да. Он прошел тщательное обследование, и в результате оказалось, что его терпимость к большому атмосферному давлению гораздо выше обычной. Это фантастика. О, здесь нет ничего общего с этой чупухой о мутантах и суперменах. Просто он находится на одном из крайних концов нормальной кривой распределения. Но если он захочет, он вполне спокойно может жить на уровне моря. Мне кажется, — задумчиво продолжал Вульф, — именно поэтому он всегда так любил предаваться ярким мечтам о заоблачном мире. Спуск никогда не ассоциировался у него с дискомфортом, даже на уровне подсознания, в отличие от тех, кто когда-либо пытался спуститься с этого плато... Он, должно быть, заметил, что другие дети чувствовали себя плохо, когда заходили слишком далеко вниз по северному склону Высокогорья. А поскольку они сделали его отшельником, его воображение невольно обратилось к тому месту, которое было им недоступно.

Свобода сделал глоток из бутылки и передал ее Вульфу.

— Мне бы хотелось, чтобы на отношение детей к мальчику как-то повлияли. У него слишком много выдержки и ума, чтобы самому дать сдачи или огрызаться в ответ на оскорбления.

— О, это уже не проблема, — сказал Вульф. — Поскольку он выступил в роли Робинзона Крузо и сумел выжить там, где больше никто не выжил бы. Тереза говорит, что его одноклассники, затаив дыхание, слушают каждое его слово. Более того, я намерен оповестить всех о его неоспоримых достоинствах. Сейчас на всем Растуме нет человека, более значимого, чем он. Будем надеяться, что это не вскружит ему голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Пошевели мозгами, старик. Дэнни — первый уроженец Растума. Когда он вырастет, он сможет отправиться, куда захочет, и делать все, что захочет, на всей этой чертовой планете. Его потомки превзойдут численностью потомков любого из нас, поскольку они смогут гораздо лучше приспособиться к окружающей среде. Я надеюсь и жду, что среди других экзогенов окажется хотя бы несколько подобных ему. Спермо- и яйцедоноров подбирали с учетом такой возможности. Но даже если никто в этом поколении не сможет сравниться с Дэнни, он возьмет инициативу в свои руки. Задолго до того, как Высокогорье Америки будет перенаселено, появятся люди, осваивающие нижнеземелье. От имени всех остальных они не дадут умереть духу свободы.

Свобода медленно закивал.

— Понимаю. Если б не было столько других вопросов для размышления, я мог бы и сам догадаться об этом.

Вульф похлопал его по плечу.

— И ты, Ян, спас для нас это бесценное сокровище, — объявил он. — Даже если б твоего героизма было недостаточно, хотя его вполне хватает, значение твоего поступка для будущего сделает тебя самым популярным человеком на всей планете. Вытаскивай же свой счастливый билетик, малыш. Не хочешь ли ты стать очередным мэром? Не нужна ли тебе сотня умелых рабочих, чтобы открыть новую шахту? Только скажи — и все будет по-твоему. Так неужели ты не рад, что я заставил тебя сделать это?

Свобода отбросил руку Вульфа со своего плеча. На его лицо набежала тень гнева.

— Лучше не затрагивай эту тему, — сказал он.

— Почему, Ян? — Вульф поднял брови. — Неужели ты нисколько не рад?

— Ну... Я рад, что мальчишка был спасен и так далее. Я даже рад, что сам пошел туда. По крайней мере, есть что вспомнить. Но я абсолютно не нуждаюсь в этом дурацком общественном признании моих заслуг.

— Но ты уже заработал его. Волей-неволей ты его заработал, — Вульф провел пальцами по носу. — Тут уж ничего не поделаешь. Все Высокогорье Америки знает о твоём деянии. Разве Джудит не говорила тебе, на сколько звонков ей приходится отвечать? Как только ты встанешь на ноги, немедленно начнут приносить цветы и являться делегации.

— Слушай! — резко оборвал его Свобода. — Я знаю тебя, Терон. Ты хороший, умный, любезный, веселый, непосредственный сукин сын. Когда ты шантажом вынудил меня отправиться на поиски Дэнни, ты ничего не знал о его хромосомах. Единственное, что было тебе известно, это то, что Джош и я — обладатели ценных рабочих рук, особенно для экономики, страдающей от большой нехватки рабочей силы. А Дэнни был всего лишь мальчишкой, каких можно получить тысячи, используя экзогенный способ. Почему ты послал меня вниз?

— Ну, видишь ли, — Вульф поскреб бороду. — Обычный альтруизм. Человеческая порядочность. Я бы и сам пошел, не будь я таким старым и жирным.

Свобода выругался.

— Черта с два бы ты пошел, — добавил он затем. — У тебя на уме было что-то совсем другое. О'кей, ты руководил колонией лучше, чем это мог бы сделать кто-нибудь другой, насколько я понимаю. Нам не нужен был на месте руководителя добрый маленький гуманист. Нам требовался как раз такой безжалостный ублюдок, как ты. Поэтому Джош и я были пешками в твоих лапах. О'кей. Но я требую, чтобы ты объяснил, зачем тебе это было нужно.

Вульф внимательно разглядывал пепел от своей сигареты.

— Возможно, ты и в самом деле имеешь право знать, — сказал он наконец. — Но я надеюсь, что ты не станешь болтать. Вся беда в том, что причину объяснить довольно трудно. Я ее чувствую так же остро, как лезвие ножа. Но не могу подобрать нужных слов.

Свобода откинулся на подушки.

— Я жду, — напомнил он.

Вульф усмехнулся, закинул ногу на ногу и выпустил дым.

— Ну, что ж, — сказал он. — Вспомни о том, что соседи Джошуа согласны были помогать ему в поисках только на плато, где они были в безопасности. Однако все как один, отказывались спуститься в Расселину, хотя следы Дэнни явно вели туда. Предлог у всех был один: сезон уборки. Это следовало понимать так, что их драгоценный урожай был важнее, чем жизнь мальчика.

— Но... — Свобода покраснел. — Но... Если бы дожди погубили зерно, вся колония вынуждена была бы пережить голодный год.

— Это паршивенький аргумент. Что из того? Голодать бы никому не пришлось. Просто мы чуть-чуть потуже затянули бы пояса на один растумский год — то есть на восемь или девять земных месяцев. Неужели бы ты позволил своему собственному ребенку умереть в одиночестве, может быть, в невыносимых страданиях только для того, чтобы иметь в течение предстоящих восьми месяцев лишний кусок хлеба у себя на столе?

— Н-н-нет. Но здесь есть разница. Никто бы этого не допустил. Но я... если уж на то пошло, я стал бы спасать только своих младших детей.

— Ты думаешь, ты меня удивил? Я прекрасно знаю твою теорию о «своих» и «чужих», и, хотя многим, возможно, это показалось бы жестоким, я абсолютно с ней согласен. Однако в данном случае мальчишка был именно «свой», и, как оказалось, даже гораздо больше «свой», чем я предполагал. Теперь-то, я надеюсь, ты не станешь отрицать, что Дэнни относится именно к этой категории!

Ведь для чего мы прилетели на Растум? Правда, тогда я еще не знал, что все окажется именно так, и, не будь другой, гораздо более важной причины, я не позволил бы двум взрослым мужчинам рисковать своей драгоценной для общества жизнью ради ребенка — неполноценного человека, не способного еще даже произвести себе подобного. Основная же причина заключается в следующем. Теперь, когда борьба за начальное выживание позади, каждая семья все больше отделяется от остальных, замыкаясь в кругу своих собственных интересов. Если мы не будем добровольно помогать тем, кто попал в беду, то неизбежно в будущем понадобятся законы и полиция, чтобы заставлять нас делать это. Общество не может существовать без взаимопомощи.

И я решил искоренить эту тенденцию на Растуме. Случай был как раз весьма подходящий, правда, повторяю, я очень жалел, что рисковать приходится именно из-за ребенка, потому что тогда я не

знал еще, насколько он окажется нам полезен. Но за неимением другого пришлось воспользоваться этим.

Ведь не станешь же каждому в отдельности объяснять, что, чем больше будет граждан, добровольно выполняющих общественный долг, тем меньше мы будем нуждаться в правительстве и принудительных законах. И никогда мы не станем настолько ленивыми и безразличными, что позволим законам связать нас, когда наша бдительность ослабнет. Необходимо воспитывать традицию взаимопомощи. Нашими героями должны стать люди, которые не завоевали как можно больше, а наоборот, как можно больше отдали.

Вульф замолчал, раскрасневшийся и запыхавшийся.

— Прости меня, — закончил он. — Я не собирался читать тебе проповеди. Я хочу только, чтобы ты понял, что колонии необходима действенная психодинамическая символика. Слова для этого не годятся, поскольку они слишком неопределенны. Зачастую то, что начинается как социологическое наблюдение, превращается в конце концов в обычную догму.

Свобода ухмыльнулся:

— Ты сам не всегда преуспеваешь в своих добрых намерениях, Терон. Продолжай.

— Да в общем-то и продолжать больше нечего, — сказал Вульф. — Я давно ждал подобного случая. Теперь ты подал пример другим. По неизмеримо счастливой случайности твоя попытка завершилась эффектным успехом, что особенно подчеркнуло всю важность этого урока. Ручаюсь, что ты всем утер нос, и теперь колония, охваченная чувством стыда, сплотится, как никогда прежде. Я буду использовать это настроение, чтобы уговорить и других подавать такие же примеры. И, может быть, через несколько лет посеянные нами семена дадут всходы.

Вульф тяжело поднялся.

— Прости, Ян, что тебе пришлось стать козлом отпущения.

— Во все нет, — Свобода состроил гримасу. — Разве что — да простит меня Господь! — неужели ты имеешь в виду, что я теперь должен буду принять позу какого-нибудь чертова доблестного рыцаря?

— Боюсь, что так. Тем самым ты оказал бы нам неоценимую услугу. И самую трудную из всех, — Вульф хихикнул. — Мужайся. Но что бы ни думал о тебе мир, помни, что в самых глубоких из глубочайших уголков своей души ты нечестен. Я же, считай, забыл о той ночи с Хельгой.

Свобода рассмеялся вместе с ним. Вульф попрощался и вышел, но Ян не сразу вернулся к чтению. Еще долго он лежал и смотрел за окно, где на горизонте снежные вершины Геркулеса подпирали небо.

3 звёздный лис

Часть 1. КАПЕРСТВО И РЕПРЕССАЛИИ

ГЛАВА 1

...Король приказал бить в барабан, король приказал бить в барабан... — пел кто-то по-французски.

Гуннар Хейм остановился как вкопанный. Некоторое время он стоял, озираясь в поисках источника голоса, звучавшего в темноте.

Чтобы увидеть всех этих дам.

И первая, кого он увидел...

Голос, изрядно заглушаемый грохотом машин на берегу у доков, доносился откуда-то издалека. Но лишь один человек этой ночью в Сан-Франциско мог сотворить подобную пародию на эту злую старую балладу.

...очаровала его душу.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-та-та!

Хейм пошел на звук голоса. Он еще не утратил способности, когда нужно, двигаться быстро и бесшумно. Вскоре он услышал звон и сердитое дребезжание струн.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-та-та!

Справа от него темной стеной громоздились пакгаузы. В этот час, когда до рассвета оставалось не так уже много времени, город тускнел, утопая в тумане; лишь над крышами виднелась розовая дымка, да башни дворца на Ноб-Хилл светились гроздью далеких огней. Слева, словно лоснящийся в лунном свете дракон, лежала грузовая субмарина, но возле нее не было ни людей, ни роботов — портовых

грузчиков. Гавань, гладкая и блестящая, напоминала эбеновое дерево. Горы на восточном берегу, в нескольких километрах от порта, образовывали темный массив, усыпанный искусственными звездами. Настоящие звезды были довольно тусклыми — как и защитный спутник, быстро поднимавшийся над горизонтом, — словно все светила удалились от планеты, утратившей силу. Луна находилась в полупазе возле зенита. Сквозь сырой осенний воздух невозможно было различить светлое пятно Аполло-Сити на ее темной стороне.

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Кто эта прелестная дама?

И маркиз отвечал:

Сир, это моя жена.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та!

Хейм обогнул сарай у пирса и увидел менестреля. Тот сидел на пирсе лицом к воде, еще более жалкий и маленький, чем ожидал увидеть Хейм. Его пальцы с таким остервенением дергали двенадцать струн, словно он сражался с врагом, а лицо, освещенное луной, было мокро от слез. Хейм остановился в тени, у стены. Он не должен был прерывать песню. В Салуне Звездолетчиков сказали, что этот малый — пьяница и дикарь.

— И, истратив последний пенни, он заявил, что будет петь за выпивку, — сказал буфетчик. — Я ему объяснил, что у нас здесь ничего такого не принято. Тогда он заорал, что пел так на дюжине планет, а вся беда Земли в том, что его просто не хотят слушать. Я еще сказал, что через несколько минут по видео будет показан стриптиз и что завсегдатаи хотят именно этого, а не какой-то там чужеземной чепухи. Ну а он мне в ответ, что будет петь звездам или что-то вроде этого, бред душевнобольного, одним словом. Я и велел ему убираться, пока его не выкинули. Он ушел. Это было с час назад. Ваш друг, что ли?

— Возможно, — ответил Хейм.

— О, ну тогда вы могли бы пойти поискать его. Он может нарваться на неприятности. Не ровен час, его завывание привлечет охотников за легкой добычей.

Хейм кивнул и залпом допил вино. Секция Благополучия в любом большом городе была небезопасна для одиноких ночных прогулок. Даже полиция западных стран не предпринимала почти никаких попыток контролировать тех, кого еще до рождения заменили машины. Она ограничивалась тем, что удерживала это бешенство и никчемность в границах отведенного ему района, в достаточном удалении от домов тех людей, чьи способности были нужны обществу. Совершая вылазки в субпопуляцию лишних людей, Хейм всегда брал с собой станнер. И временами ему приходилось пускать его в ход.

Некоторые здесь, однако, его знали. Хейм сказал им, что он звездолетчик в отставке — что-либо, более близкое к правде, было бы просто неблагоприятно, — и вскоре его уже считали вполне подходящим в компании для выпивки и картежной игры, более свойским парнем, чем многие из космофлота, появлявшиеся и исчезающие перед их безразличным взором.

Хейм помахал рукой нескольким своим знакомым, одни из которых были грубыми дикарями, а другие давно упали духом, и вышел из бара.

Поскольку менестрель, должно быть, пошел к порту, Хейм тоже направился туда, постепенно ускоряя шаг. Сначала он не ставил себе целью непременно отыскать того парня, просто это был повод еще для одного путешествия по трущобам. Но по мере того как он шел, в его сознании вдруг стали вырисовываться возможные последствия встречи с «певцом».

И теперь, когда его поиски увенчались успехом, услышанная песня что-то затронула в нем, и он почувствовал, как участился пульс. Этот незнакомец, возможно, и в самом деле кое-что знал о происшествии среди тех созданий.

Королева заставила ее сделать букет
Из прекрасных цветов лилий.
И аромат этого букета убил маркиза.

Когда старая баллада, повествующая о тирании, предательстве и смерти, подошла к концу, у Хейма созрело решение.

Тра-та-та! Тра-та-та! Трата-та-та!

Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском воды и бесконечной пульсацией огромного мотора, называемого городом. Хейм сделал несколько шагов вперед.

— Добрый вечер! — сказал он.

Певец вздрогнул, сделал прерывистый вдох и повернулся; Хейм, улыбаясь, вытянул вперед руки ладонями вверх.

— Я не причиню вам зла, — сказал он. — Просто наслаждался вашим концертом. Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Менестрель ожесточенно протер глаза. Затем на тонком лице с заостренными чертами возник оценивающий взгляд. В таком месте, как это, трудно было сохранить невозмутимость при встрече с Гуннаром Хеймом. Рост последнего достигал почти двух метров, да и ширина плеч вполне ему соответствовала. Черты лица были грубоваты и просты. В красновато-каштановых волосах, несмотря на сравнительно молодой возраст — 45 лет, — блестела седина, бровь пересекал зигзагообразный застарелый шрам. Но одет Гуннар весьма прилично: плащ с высоким воротником и брюки, по последней моде

заправленные в мягкие полуботинки. Капюшон его плаща был откинут назад. По крайней мере, на первый взгляд, у Хейма не было оружия при себе.

— Что ж, — певец нервно передернул плечами, — здесь не частная территория. — По-английски он говорил быстро, но с большим акцентом, чем по-французски.

Хейм вытащил из кармана плоскую бутылку с виски:

— Не желаете ли со мной выпить, сэр?

Менестрель схватил бутылку. Смакуя каждый глоток, он сначала радостно вздохнул, потом сказал: — Простите мне мои дурные манеры, мне страшно хотелось выпить. — Он поднял бутылку. — Прозит, — снова отпил и вернул ее Хейму.

— Прозит, — Хейм сделал большой глоток и сел на камень причала, прислонившись к пирсу. Все выпитое сейчас и ранее бурлило в нем вместе с нарастающим возбуждением. Это была попытка сохранить расслабленное состояние.

Менестрель сел рядом с Хеймом.

— Так, значит, вы не американец? — спросил он. Голос его слегка дрожал: он явно старался изобразить спокойствие и безучастность, в то время как на его лице с высокими скулами стыли слезы.

— Вообще-то по натуре я американец, — ответил Хейм. — Мои родители были норвежцами. Но я родился на Гее, Тау Цети II.

— Что?

Лицо менестреля, как и надеялся Хейм, приняло выражение крайне заинтересованного человека. Он насторожился, выпрямился.

— Вы астронавт?

— Служил в военном флоте, лет пятнадцать назад. Мое имя — Гуннар Хейм.

— А я... Андре Вадаж. — Тонкие пальцы исчезли в рукопожатии Хейма. — Венгр, но последние десять лет я провел вне Земли.

— Да, я знаю, — мягко сказал Хейм. — Недавно я видел вас в программе новостей.

Вадаж скривил губы и сплюнул в воду.

— В интервью вы успели рассказать не слишком много, — закинул удочку Хейм.

— Да. Уж они-то постарались вовремя заткнуть мне глотку. — Вадаж расплылся в слащавой улыбке, изображая «их».

— Итак, вы музыкант, мистер Вадаж. С помощью любых подвернувшихся под руку способов вы прокладываете себе путь от звезды к звезде, неся колонистам и нелюдям песни Матери Земли. Это ведь так интересно, не правда ли?

Струны гитары жалобно вскинулись под гневным ударом.

— А вы хотели рассказать о Новой Европе, но они упорно отвлекали вас от этой темы. Интересно знать, почему?

— Они получили приказ. Он ваших драгоценных американских властей, под давлением нашей великой бравой Всемирной Федерации. Было уже слишком поздно отменить мое выступление,

поскольку оно было объявлено, но они решили заткнуть мне глотку, — Вадаж расхохотался, закинув голову. Его смех напоминал лай койота в лунную ночь. — Что я, параноик? И не кажется ли мне, что меня преследуют? Да, кажется! Но что, если заговор против меня и в самом деле существует? Тогда имеет ли значение, в своем ли я уме или нет?

— М-м-м. — Хейм потер подбородок, подавив в себе эмоции, готовые вырваться наружу. Он не относился к числу импульсивных людей. — С чего вы это взяли?

— Куинн сам признал это, когда я после упрекнул его. Он сказал, что студия может лишиться своей лицензии, если... э... прибежит к голословным заявлениям, которые могут смутить Федерацию в это трудное время. Не скажу, что я был слишком удивлен. Прибыв на Землю, я беседовал с разными официальными лицами, как гражданскими, так и военными. Самыми добрыми словами, которые я услышал от них, были слова о том, что я, должно быть, ошибаюсь. И при этом они понимали правоту моих доказательств. Они знали.

— А вы не пробовали обратиться к французам? Как мне кажется, они бы, пожалуй, скорее предприняли что-либо.

— Да! В Париже я не прошел дальше помощника заместителя министра. Мой рассказ так напугал его, что он ни в какую не хотел допустить меня к кому-нибудь повыше, кто мог бы поверить. Я отправился в Будапешт, где меня приняли родственники. Мой отец устроил мне встречу с самим министром иностранных дел. Тот был, по крайней мере, честен со мной. Венгрии, которая в любом случае не могла бы пойти против целой Федерации, не было дела до Новой Европы. Выйдя из его кабинета, я несколько часов бродил по улицам. Наконец, когда уже стемнело, я сел возле Статуи Свободы. Я смотрел на фигуры мучеников, умиравших у ее ног, и понимал, почему никто не станет меня слушать. И поэтому напился как свинья. — Вадаж потянулся за бутылкой. — С тех пор я почти всегда пьян.

«Теперь мы его спросим!» — словно молния, мелькнуло в голове Хейма. Он более не мог управлять своим голосом, и прежнего спокойствия в нем как не бывало. Но Вадаж не замечал этого.

— Насколько я понял, по тем крохам, которые все же прошли сквозь сито этой официальной цензуры, вы хотели рассказать о том, что люди на Новой Европе еще живы. Так?

— Совершенно верно, сэр. Они бежали в горы, все до одного.

— Оут Гаранс, — кивнул Хейм. Все, что ему оставалось делать — лишь кивнуть. — Для партизанской войны лучше места не найти. Куча укрытий, большинство из которых не отмечены на картах.

— Вы там были! — Вадаж опустил бутылку и уставился на Хейма.

— Весьма часто, когда служил во флоте. Это было излюбленное место для капремонта и космических отпусков. Я сам провел на Новой Европе четыре месяца подряд, залечивая вот это, — Хейм прикоснулся к шраму на лбу.

Вадаж пристально всмотрелся в лицо Хейма, освещенное пятнистым лунным светом:

— Работа алеронов?

— Нет. Это было более двадцати лет назад. Я заработал этот шрам, когда мы занимались ликвидацией Индо-германского конфликта на Лилит. Вы его, вероятно, не помните, поскольку еще слишком молоды. Стички с алеронами начались позднее.

В голосе Хейма слышалась растерянность. В данный момент возбуждение и гнев пересилили в нем воспоминания...

Красные крыши и крутые узкие улочки Бон Шанс, скользящие вдоль реки Карсак к Байи де Пешур, простирающей свой пурпур и золото до самого края света. Свободные дни, проводимые за перно в уличном кафе, красновато-коричневое солнце, которое хочется пить и пить, подобно тому, как от лакает молоко. А когда дело пошло на поправку — охотничьи вылазки в горы вместе с Джеквесом Буссардом и Тото Астьером... Отличные ребята, открытые души и честные сердца, немножко сумасшедшие, как и положено быть молодым людям. Мэдилон...

Хейм встряхнулся и резко спросил:

— Вам известно, кто был или является ответственным лицом?

— Полковник де Виньи из планетарной полиции. После того как мэрия подверглась бомбежке, он взял на себя командование и организовал эвакуацию.

— Уж не старик ли это Роберт де Виньи? Бог мой! Я его знал. — Пальцы Хейма сжались. — Да, раз так, стало быть, война действительно продолжается.

— Она не может продолжаться бесконечно, — пробормотал Вадаж. — Алеронам торопиться некуда, и в конце концов они выслежат всех по одиночке.

— Я тоже знаком с алеронами, — сказал Хейм.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на звезды. Не туда, где находилось солнце Аврора. Удаленное на сто пятьдесят световых лет, оно все равно недоступно глазу, к тому же оно принадлежит созвездию Феникс, закрытому от них горизонтом. Хейм не мог смотреть в глаза менестрелю, задавая ему последующие вопросы.

— Не встречалась ли вам некая Мэдилон Дюбуаз? Это ее девичья фамилия. Я думаю, она уже давно замужем.

— Нет, — пропитой голос Вадажа тотчас стал чистым и мягким. — Мне очень жаль, но я ее не встречал.

— Ну что ж... — сделав над собой усилие, Хейм равнодушно пожал плечами. — У вас для этого не было почти никаких шансов. Предполагалось, что численность людского населения на Новой Европе достигала полумиллиона. Кстати, каковы были... потери?

— Я слышал, будто Сюр д'Ивонн в долине Пейз д'Ор был разрушен ракетой. Или же... нет, я не верю в это. Сражения велись в основном в космосе, после того как флот алеронов уничтожил несколько кораблей из флота Федерации, оказавшихся поблизости.

Впоследствии они высадились в полном составе, поначалу в пустынных местностях, так что ничего, кроме пары рейдов с применением всего лишь лазеров и химических бомб, им сделать не удалось, почти все города успели к тому времени эвакуироваться. Разумеется, алероны продвигались быстро и предлагали им сдаться, но де Виньи отказался, и за ним пошло большинство, и в конце концов все оставшиеся присоединились к ним.

«Проклятье, — подумал Хейм, — придется и дальше делать вид, что меня все это не особенно волнует. По крайней мере до тех пор, пока я не узнаю больше».

— Как вам удалось оттуда выбраться? В выпусках новостей, упоминавших о вас, когда вы только что прилетели на Землю, почти ничего об этом не говорилось. Вероятно, намеренно.

Вадаж встряхнул бутылкой, и в ней забулькало.

— Когда произошло нападение, я был там, — сказал он снова осипшим голосом. — Французы реквизируют торговый корабль и послали его за помощью, но он был уничтожен, едва выбравшись за пределы атмосферы. И если бы не один рудокоп из наक्сов... — Он произнес это слово из языка расы нелюдей почти правильно. — Возможно, вы знаете, что не так давно между людьми и наксами было подписано соглашение, что последним разрешается добывать руду в Терра де Суд за арендную плату. Поэтому, находясь в такой дали, они ничего не видели и ничего не знали, и облачный покров над Гаранс держал их в полном неведении относительно происходивших событий. После переговоров по радио командующий алеронов разрешил наксам удалиться, и я возьму на себя смелость утверждать, что сделал он это, просто не желая вступать в конфликт сразу с двумя расами. Разумеется, их кораблю было запрещено брать пассажиров. Но еще до этого я как-то раз побывал там и завоевал их симпатии, особенно капитана, тем, что проявил интерес к их песням, а некоторые даже выучил. Поэтому он протащил меня на борт своего корабля и сумел перехитрить инспектора алеронов. Де Виньи надеялся, что я смогу доставить его послание, хм, хм! — Смех Вадажа перешел почти в истерический. Слезы хлынули из его глаз. — От наксав мне пришлось, по выражению тех, кто брал у меня интервью, «прокладывать себе путь любым подвернувшимся под руку способом». На это потребовалось время. И все, все оказалось ни к чему.

Снова взявшись за гитару, он ударил по струнам и запел низким голосом:

Прощай, моя милая, прощай, мое сердце,

Прощай, моя милая, прощай, мое сердце,

Прощай, моя надежда...

Хейм взял бутылку, потом резко поставил ее, так что она громко звякнула. Вскочив, он принялся ходить взад-вперед. Его тень то и дело падала на фигуру менестреля, плащ развевался за спиной, отражаясь в освещенной лунным светом воде.

— Нет, это невозможно! — воскликнул он по-норвежски.

— А? — глядя на него, растерянно заморгал Вадаж.

— Послушайте, вы сказали, у вас есть доказательства?

— Да. Я предлагал дать показания под наркозом. К тому же де Виньи снабдил меня письмами, фотографиями, целыми пакетами с микропленками. Но никто на Земле не желает признать эти материалы подлинными. Многие вообще не желают на них смотреть.

— А я желаю, — сказал Хейм. Кровь шумела у него в голове.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо. Можно прямо здесь, у меня все с собой. — Вадаж принялся рыться в складках своей одежды.

— Нет, подождем немного. Сейчас я поверю вам на слово. Все, что вы рассказали, вполне согласуется с другими фактами, которые мне удалось собрать.

— Значит, одного человека я все-таки убедил, — горько произнес Вадаж.

— Не только, — Хейм сделал глубокий вдох. — Слушай, друг, с искренним к тебе уважением — а я уважаю каждого, у кого только кишка не тонка, чтобы поступать так, как он считает нужным, — так вот, хочу тебе сообщить, что я не самозванный трубадур, похожий на косматого осла. Я босс и главный владелец «Хеймдаля».

— Фирмы по производству ядерных двигателей? — Вадаж одурело потряс головой. — Ноу. Нон. Найн. Нет. Вы не можете быть здесь. Я видел ваши двигатели в такой дали от дома... аж во владениях Риджель.

— Угу. Чертовски хорошие машины, а? Прежде чем обосноваться на Земле, я изучил все «за» и «против». Офицеры Военного Флота, уходящие в отставку и не желающие летать на «курицах», имеют почти сто процентов гарантии, что закончат свою карьеру среди безработных. Но в то же время я понимал, что те, кто первыми возьмутся за внедрение двухфазной контрольной системы, изобретенной алеронами, станут центром притяжения на рынке нашей расы и на рынках половины рас нелюдей. И... когда техническая разведка производила вскрытие корабля алеронов, захваченного нами в бою возле Акернара, я был на месте и не зевал. Мой отчим изъявил желание поддержать меня материально, рассчитывая, разумеется, на мою благодарность. И вот, сегодня, я, о, далеко не финансовый гигант, но кое-какие деньжата у меня имеются.

Кроме того, я продолжаю поддерживать связь со своими друзьями по Академии.

Сейчас некоторые из них уже адмиралы, мои идеи для них не пустой звук. К тому же я аккуратно плачу налоги в казну Партии сторонников Свободы Воли, что означает неизменное внимание к моему мнению со стороны Тваймена. И право же, это в его интересах!

— Нет! — голова с темными взъерошенными волосами все так же уныло качнулась из стороны в сторону. — Не могу поверить, что я наконец нашел кого-то.

— Брат мой, это так, — Хейм с силой ударил сжатой в кулак

одной рукой в ладонь другой. В его сознании промелькнуло мгновенное удивление собственной радости. Была ли она вызвана известием, что люди на Новой Европе еще были живы? Или открывавшейся перед ним, Гуннаром Хеймом, возможности лично устроить «короткое замыкание» проклятым алеронам? Или, может быть, просто внезапно возникшей целью в жизни, после пяти лет без Конни? Именно сейчас, как никогда остро, он ощутил всю пустоту и бессмысленность этих лет.

Неважно. Радость все росла и росла. Нагнувшись, Хейм одной рукой поднял Вадажа, другой бутылку.

— Прозит! — прокричал он Ориону-Охотнику и сделал такой глоток, что малютка Вадаж чуть не подавился от удивления.

— Фуу-уу! Пошли, Андре. Я знаю места, где мы можем отпраздновать это событие так, как нам захочется, черт возьми. Мы будем петь песни, и рассказывать сказки, и пить с заката до рассвета, а потом начнем работать. Так?

— Да-да... — Вадаж, все еще не опомнившийся от изумления, сунул гитару под мышку и заковылял в кильватере у Хейма. В бутылке все еще булькало, когда Хейм затянул «Голубые Ландскнехты», песню такую же печальную и яростную, как он сам. Вадаж повесил гитару на шею и принялся подыгрывать. После этого они спели вместе «Марсельезу», «Двух гренадеров», «Шкипера Булларда». К тому времени вокруг них собралось достаточно много столь же буйных компаньонов, и в конце концов они все вместе неплохо провели время.

ГЛАВА 2

Когда в Сан-Франциско было 17.00, в Вашингтоне шел уже восьмой час вечера. Но Гарольд Тваймен, старший сенатор из Калифорнии и лидер большинства среди представителей Соединенных Штатов в Парламенте Всемирной Федерации, был очень занятым человеком, так что его секретарша не могла устроить этот конфиденциальный телефонный разговор пораньше, тем более после столь необычайно короткого уведомления Хейма. Однако последнего это вполне устраивало, поскольку давало ему время прийти в себя после предыдущей ночи, не пользуясь при этом чрезмерным количеством наркотиков, а также позволяло передать наиболее важные дела на заводе «Хеймдаль» нужным людям и изучить материалы Вадажа. Венгр все еще спал в комнате для гостей. Его организм, выдержавший слишком много злоупотреблений, нуждался в хорошем отдыхе.

Незадолго до того, как часы показывали 17.00, Хейм решил, что в достаточной мере ознакомился с материалами, собранными Робертом де Виньи. Он выключил видео, потер глаза и вздохнул. Боль в разных частях тела все еще потихоньку грызла его. Когда-то — Боже, кажется, что это было совсем недавно! — он запросто вынес

бы двадцать таких попок и после этого еще был бы способен три или четыре раза кряду заняться любовью, а на следующее утро лететь хоть в другую Галактику.

«У меня теперь трудный возраст, — криво усмехнувшись, подумал он. — Я уже слишком стар для лечения препаратами антистарения... И для чего?

Ничего, клянусь сатаной! Просто в последнее время я немного засиделся дома. Стоит разок прошвырнуться по-настоящему — и, глядишь, этого брюшка, которое становится все заметнее, как не бывало».

Хейм втянул в себя живот, достал трубку и набил ее.

— Почему бы, в самом деле, не взять отпуск? — думал он. — Побродить по лесам и поохотиться. Он мог воспользоваться приглашением посетить игорный заповедник Яна Маквея в Британской Колумбии. Или отправиться на собственном катамаране на Гавайи, или отдохнуть на своей межпланетной яхте, полазить по Лунным Альпам, по марсианским горам. Земля была совершенно затоптана всеми этими вонючими толпами. Он мог также взять билет на межзвездный рейс. Он не был на своей родине, на Гее, с тех самых пор, как родители отправили его на Ставанджер, где можно было получить подходящее образование. За Ставанджером последовали Академия Гринлэнд, Флот Глубокого Космоса и Земля — дел всегда было по горло.

В памяти Хейма всплыла, обдав сердце болью, забытая картина: в небе, точно шар из красного золота, Тау Цети; горы, спускающиеся к самому морю, как в Норвегии. Но оканы на Гее были теплыми, зелеными, преследовали его странными запахами, которым не было названия в человеческом языке. Синдабаны — его веселые товарищи в мальчишеских играх — вместе с ним несутся к воде, и заваливаются кучей в пирогу, и поднимают парус, и скачут по волнам наперегонки с ветром; бивачный костер на острове, отблески пламени, выхватывающие из поющей ночной тьмы ветви даоды и покрытые мехом тоненькие фигурки друзей; и песни, и барабаны, и необыкновенные обряды, и... и...

«Нет, — Хейм разжег трубку и глубоко затянулся. — Когда я покинул Гею, мне было двенадцать лет. А теперь Па и Ма умерли, а мои синдабаны стали взрослыми членами племени, которое люди все еще пытаются понять, я нашел бы там лишь небольшую научную базу, ничем не отличающуюся от двух десятков других, виденных мной на разных планетах. Время — дорога с односторонним движением.

Кроме того, — его взгляд упал на микропленки, лежащие на столе, — здесь пока хватит работы».

За дверью кабинета раздались шаги. Желая хоть немного отвлечься, Хейм встал и пошел на этот звук. Он привел его в гостиную. Как он и предполагал, это его дочь вернулась домой и, как всегда, плюхнулась в кресло.

— Привет, Лиза, — сказал Хейм. — Как дела в школе?

— Так себе, — она нахмурилась и высунула язык. — Старый Эспиноза сказал, что мне придется переписать сочинение.

— Много ошибок? Что ж, если б ты только взялась наконец за дело и выучила...

— Ошибки не только в правописании. Хотя чего я не понимаю, так это с какой стати они делают из этого такую трагедию. Он сказал, что мои семантики — это нечто невообразимое! Старый зануда!

Хейм оперся о стену и, тыча в сторону Лизы чубуком своей трубки, сказал:

— Семантика — существительное единственного числа, да будет тебе известно. Твоя грамматика ничуть не лучше, чем орфография. И вообще, пытаться писать, или говорить, или думать, не зная принципов семантики, — все равно что пытаться танцевать, не научившись ходить. Боюсь, что мои симпатии в данный момент на стороне мистера Эспинозы.

— Но, папа! — заныла она. — Ты не понимаешь! Мне придется переделывать все с самого начала!

— Разумеется.

— Я не могу! — ее голубые глаза, такие же голубые, как у него — во всем остальном она до боли была похожа на Конни, — заволоклись дымкой, предвещавшей слезы.

— У меня свидание с Диком... Ой! — она сконфуженно зажала рукой рот.

— Дик? Ты имеешь в виду Ричарда Уолдберга?

Лиза отчаянно замотала головой.

— Лжешь, — прорычал Хейм. — Я достаточно часто повторял тебе, черт побери, что ты не должна встречаться с этой неотесанной деревенщиной!

— О, папа! П-п-просто это...

— Знаю. Возвышенные чувства. Я бы сказал, что в его лице Уолдберг-старший приобрел злобного озорника и неплохого ценителя, и любая девушка, которая свяжется с этой компанией, рано или поздно попадет в беду. А впрочем, ничего более опасного, чем беременность, ей не грозит.

Хейм почувствовал, что почти кричит. Он взял себя в руки и продолжал вежливо-приказным тоном:

— Проще говоря, это свидание не только непослушание с твоей стороны, но и предательство. Ты сделала это за моей спиной. Прекрасно, в течение недели ты будешь находиться под домашним арестом все время, проводимое вне школы. И завтра я должен увидеть твоё сочинение, написанное без ошибок.

— Я ненавижу тебя! — крикнула Лиза, выскочила из кресла и выбежала из комнаты. На мгновение перед Хеймом мелькнуло ее яркое платье, хрупкая фигурка и мягкие каштановые волосы, затем она исчезла. Он слышал, как она пнула дверь своей комнаты, словно желая заставить ее быстрее открыться.

— А что еще, по-твоему, я должен был сделать? — крикнул он ей вслед, но ответа, разумеется, не последовало. Хейм перестал курить, рывкнул на служанку, посмевающую войти с вопросом, и вышел на террасу, откуда открывался вид на Сан-Франциско.

В лучах закатного солнца город лежал холодный, подернутый дымкой. Отсюда, с Телеграфной горы, Хейму были видны шпили зданий и наземные магистрали, сверкающая вода и островки садов. Вот почему он выбрал это место после того, как Конни погибла в той бессмысленной катастрофе, когда столкнулись два флайера, а дом в графстве Мендосино стал слишком большим и безмолвным. В прошлом году, или около того, Лиза начала ныть, что этот район якобы недостаточно фешенебельный. Ну и пошла она к дьяволу.

Хейм вновь ощутил невыносимую тоску, охватывающую его всякий раз, когда он вспоминал о жене. У Лизы была своя жизнь, в которой не было места ему, ее отцу. Да это его и не особенно расстраивало.

Нет, непонимание между ними — всего лишь результат того, что у Лизы сейчас трудный возраст, четырнадцать лет. Только в этом должна быть причина. К тому же без матери... Вероятно, ему надо было жениться ради Лизы. Возможностей было хоть отбавляй. Но в большинстве случаев все оканчивалось, как... именно как случай... поскольку ни одна из женщин не была Конни. Или даже Мэдилон. Если только не считать Джосселин Лори, но она была безнадежно погружена в свое проклятое движение за мир, и вообще... А между тем он, возможно, совершал ошибку за ошибкой, в одиночку воспитывая Лизу. И во что теперь превратилось то маленькое трогательное существо с ямочками на щеках.

Хейм взглянул на часы и выругался. Давно пора было звонить Тваймену.

Вернувшись в кабинет, он подождал, пока секретарь соединит его с сенатором и подключит экранировку. Не в силах усидеть на месте, он расхаживал по кабинету, притрагиваясь руками к книгам, к настольному компьютеру, к своим сувенирам, захваченным с крейсера «Звездный Лис», которым он когда-то командовал. Тяжело было расставаться с кораблем. После женитьбы он еще в течение года мог служить в Военном Флоте. Но это не решило бы проблемы, да и по отношению к Конни было бы нечестно. Хейм погладил рукой фотографию жены, не решаясь дать ей ожить в его памяти.

— В конце концов, все образовалось, родная. Ты вполне стоила всего этого.

Раздался мелодичный звонок, и на вспыхнувшем экране появилось лицо секретаря.

— Сенатор на проводе, — сказал он.

Его изображение тотчас же сменилось изображением знакомой седой головы Тваймена. Хейм сел на краешек стула.

— Хелло, Гуннар, — сказал Тваймен. — Как жизнь?

— С переменным успехом, — ответил Хейм. — А у тебя?

— Представь себе состояние загнанной лошади — и ты меня поймешь. Конфликт с алеронами, сам знаешь.

— Угу, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

Тваймена, как показалось, это встревожило.

— Я не могу сказать слишком много.

— Почему?

— Ну... ну, пока что, по сути дела, говорить здесь особо нечего.

Их делегация находится здесь всего лишь третью неделю, если ты помнишь, так что никакие официальные дискуссии еще не проводились. Такова уж традиция дипломатии между различными расами. Приходится проделывать такую массу кропотливой работы по подготовке: проводить обмен информацией, семантические, ксенологические и даже эпистемологические исследования, прежде чем обе стороны смогут быть хоть наполовину уверены, что они говорят об одних и тех же вещах.

— Гарри, — сказал Хейм, — я не хуже тебя знаю, что все это — пустая болтовня. Неофициальные конференции благополучно проводятся и в данный момент. Когда Парламент встречается с алеронами, у вас — ребят, которые находятся в курсе дела, — все трюки заготовлены наперед. Аргументы расставлены в нужном порядке, голоса подсчитаны, так что остается лишь тушить свет и отправляться на ратификацию, решение вы уже вынесли.

— Ну... как... нельзя же ожидать, скажем, чтобы представители Империи Кении смогли понять нечто настолько сложное...

Хейм вновь разжег трубку.

— Как бы там ни было, что вы собираетесь делать?

— Извини, но я не могу этого сказать.

— Почему же? Разве не является наша Федерация «демократическим государством»? Разве не гарантирует ее Конституция свободного доступа к информации?

— Ты получишь всю информацию, какая тебе потребуется, — сухо сказал Тваймен, — когда мы начнем действовать на официальном уровне.

— Тогда будет слишком поздно, — вздохнул Хейм. — Неважно. Вы собираетесь уступить Новую Европу алеронам, не так ли?

— Я не могу...

— А это и не обязательно. Признаков, что так и будет, больше чем достаточно. Главы государств, уверяющие свои народы, что для паники нет причин, что мы не собираемся вступать в войну. Политики и комментаторы, осуждающие «экстремистов». Подавление любого намека на то, что может возникнуть вполне обоснованная причина для войны.

Тваймен рассвирепел:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я встречался с Андре Вадажем, — ответил Хейм.

— Кем? А, да. Этим авантюристом, который возомнил... Послушай, Гуннар, некоторая опасность войны действительно

существует. Я этого не отрицаю. В особенности Франция охвачена сейчас этим стремлением вооружаться, демонстрациями, забастовками, во время которых чернь буквально сдирает флаги Федерации и топчет их ногами. У нас и без того даж по горло, и не хватало еще, чтобы такие чокнутые, как этот Вадаж, мутили воду и еще больше раздували страсти.

— Он не чокнутый. К тому же его правоту подтверждает само прошлое алеронов. Спроси любого из Военного Флота.

— Именно так. — В голосе Тваймена послышалось упрямство. — По мере того как мы вторгаемся в сферу их интересов, число конфликтов неизбежно возрастает. И вправе ли ты их винить в этом? Они совершали круизы в районе Феникса уже тогда, когда люди еще только обживали пещеры. Он принадлежит им.

— Однако Новая Европа им не принадлежит. Ее открыли люди, и они же основали там колонию.

— Знаю, знаю. Звезд так много... Вся беда в том, что мы всегда были алчными. Мы забрались слишком далеко и слишком быстро.

— Звезд много, — согласился Хейм, — но планет, пригодных для заселения людьми, не такое уж великое множество. Они нам нужны.

— Алеронам тоже.

— Да? Какой же, интересно, им толк от планет человеческого типа? И даже если взять их в масштабах, подобных нашим, прежде чем мы начали осваивать эту область?

— Массовую колонизацию они восприняли как вызов себе, — ответил Тваймен. — Что стал бы делать ты на их месте, если бы чужая культура начала осваивать планетарные системы, удаленные от Солнца так же, как Аврора — от Эйта? — он откинулся назад. — О, не надо засорять мне мозги. Алероны не святые. Иногда даже они ведут себя как злодеи, по нашим понятиям. Но нам приходится быть с ними соседями в одном и том же космическом пространстве. Война немислима.

— Почему? — медленно спросил Хейм.

— Что? Гуннар, уж не свихнулся ли ты? А может, ты никогда не читал историю? И не видел кратеров? И не понимал, каким тревожным сигналом был Ядерный Обмен?

— Этот сигнал был настолько тревожным, что с тех пор человеческая раса не в состоянии подходить к данному вопросу рационально, — отозвался Хейм. — Но мне приходилось изучать объективные анализы. И даже ты должен признать, что Обмен и его последствия избавили нас от неких идеологических правлений.

— Межзвездная война могла бы «избавить» нас от Земли!

— Чепуха. Планета с такой космической защитой, как у нас, не может быть атакована извне ни одним ныне существующим флотом. Любой луч был бы погашен, любая ракета перехвачена, любой корабль уничтожен.

— В отношении Новой Европы это не так, — сказал Тваймен. Он злился все больше.

— Нет, разумеется, нет. У Новой Европы нет ни космической крепости, ни собственного флота. Ничего, кроме нескольких крейсеров, оказавшихся поблизости, когда нагрянула армада алеронов.

— Не будь смешным, Гуннар. Это была всего лишь очередная стычка, которая, правда, вышла из-под контроля.

— То же самое говорят и алероны, — пробормотал Хейм. — Если это и в самом деле правда, почему ни один, хотя бы один из наших кораблей не вернулся оттуда?

Тваймен проигнорировал этот вопрос.

Мы никогда не сможем точно узнать, кто сделал первый выстрел. Но можно быть уверенным в том, что алероны не стали бы атаковать Новую Европу ракетами, если бы наш корабль и командующий не попытались заманить их корабль вниз, в атмосферу, дабы сделать из них бифштекс, запеченный в тесте. Какая еще могла быть для этого мыслимая причина?

«Если Новая Европа и в самом деле была атакована ракетами, — подумал Хейм. — Но этого не было».

Чтобы справиться со своим негодованием, сенатор некоторое время помолчал, затем продолжал почти ласково:

— Весь этот эпизод в целом продемонстрировал, насколько невыносимой стала ситуация и насколько далеко все может зайти, если мы не остановимся, пока еще не поздно. И за что мы хотим сражаться? За несколько несчастных планеток? Единственное, что от нас требуется — это оставить в покое традиционную сферу влияния алеронов, и тогда вся остальная галактика будет открыта для нас. Драться из мести? Ну, разумеется, невозможно проигнорировать факт гибели полумиллиона человеческих существ, но остается также тот факт, что они все же мертвы. Я не хочу, чтобы за их жизнями последовали другие.

— О'кей, — так же спокойно ответил Хейм, — что вы собираетесь делать?

Тваймен пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

— Ты мой друг, и я могу рассчитывать на то, что ты не станешь болтать. И на то, что окажешь мне поддержку, когда, сам знаешь. Идет?

— Насчет секретности... ну... да. А вот насчет поддержки... Там видно будет. Продолжай.

— Детали все еще обсуждаются. Но в общем алероны предлагают нам за Новую Европу компенсацию. Вполне приличную. Кроме того, они были бы не против откупиться и от других наших интересов в Фениксе. Окончательно условия договора еще придется утвердить — вероятно, они не смогут заплатить все сразу, но проект выглядит неплохо. Если мы покинем эту сферу, они сделают то же самое в отношении околосолнечного пространства. Но, как ты, надеюсь, понимаешь, мы не собираемся возводить никаких стен. Мы будем обмениваться послами и миссиями культуры. В свое время будут обсуждены и условия торговли.

Ну вот. Тебя это удовлетворяет?

Хейм посмотрел в глаза человеку, который, как он когда-то считал, был честен сам с собой, и сказал:

— Нет.

— Почему нет? — как можно мягче спросил Тваймен.

— С точки зрения будущего ваш план не принимает во внимание натуру алеронов. Они будут уважать наши интересы в Солнечной системе ровно столько времени, сколько им потребуется для укрепления той области, которую вы сейчас собираетесь им уступить ни за что ни про что. Да-да, именно ни за что ни про что, потому что пока не заключен договор о торговле — а он, я полагаю, никогда не будет заключен, — каким образом сможем мы использовать всю ту валюту, которую они столь великодушно собираются нам всучить в качестве компенсации?

— Гуннар, я знаю, что несколько твоих друзей погибли от рук алеронов. И это вызвало у тебя манию преследования.

— Вся беда в том, Гарри, — позаимствовал Хейли мысли Вадажа, — что ты живешь словно во сне. Ты настолько поглощен идеей избежать войны, что все остальное совершенно не берешь во внимание. Даже честь.

— Что ты хочешь этим сказать? — требовательно спросил Тваймен.

— Новая Европа не была атакована ракетами. Колонисты не погибли. Они укрылись в горах и ждут, когда мы придем им на помощь.

— Доказательство лежит на моем столе.

— Ты имеешь ввиду документы, подделанные этим... бродягой?

— Документы не подделаны. И это можно доказать. Подписи, отпечатки пальцев, фотографии, да хотя бы коэффициенты изотопов в пленке, изготовленной на Новой Европе. Гарри, я никогда не думал, что ты сможешь продать полмиллиона людей.

— Я отрицаю, вот что я делаю, — ледяным тоном произнес Тваймен. — Вы фанатик, мистер Хейм, вот и все. Даже если бы то, что вы говорите, было правдой... как вы представляете себе спасение хотя бы одного человека на планете, которая оккупирована и имеет космическую охрану? Но это неправда. Я говорил с теми, кто остался в живых и кого алероны доставили сюда. Должно быть, вы сами видели их по стереовизору. Они подтверждают факт ракетной атаки.

— Хм. А ты помнишь, откуда они были?

— Из района Сюр д'Ивонн. Все остальные уничтожены.

— Это алероны так говорят, — возразил Хейм. — И спасенные тоже так считают. Все, кто так не считает, были отсортированы еще во время опроса. Я утверждаю, что Сюр д'Ивонн был единственным местом, куда ударила ядерная ракета. Я утверждаю также, что мы будем бороться, если таковым будет наш долг, и сможем победить. Только космическая война. Я не собираюсь нести чушь насчет «атаки неприступного Алерона», которую ваши дрессированные коммента-

торы неустанно вкладывают в наши умы, «умы экстремистов», к тому же Земля в не меньшей степени неприступна. Далее я утверждаю, что если мыотреагируем быстро и в полную силу, нам, вероятно, можно будет избежать войны, алероны пойдут на попятный. Они недостаточно сильны, чтобы задирать перед нами нос... пока. Наконец, я утверждаю, что если мы оставим в беде этих людей, которые верят в нас, то все, что алероны в конечном счете сделают с нами, будет вполне заслуженно, — он набил свою погасшую трубку. — Таково мое мнение, сенатор.

Тваймен, дрожа от ярости, ответил:

— Тогда мое слово, Хейм, будет таким: мы переросли этот вид саблезубого милитаризма, и я не собираюсь допускать, чтобы нас тащили назад, опять на тот же уровень. Если ты настолько ослеплен, что станешь разглашать все, рассказанное тебе мной в частной беседе, я тебя уничтожу. В течение года ты окажешься в районе Благоденствия или на исправлении.

— О, нет, — сказал Хейм. — Я всегда держу клятву. Факты сами скажут тебе. Мне достаточно лишь указать на них.

— Давай-давай, если тебе хочется лишиться денег и репутации. Ты станешь таким же посмешищем, как и остальная воинствующая толпа.

Ошеломленный Хейм криво усмехнулся. В течение последних недель, после новостей с Новой Европы, он видел, что сделали средства массовой информации с теми, кто говорил так же, как он говорил сейчас. Точнее говоря, с теми, кто пользовался влиянием и кого поэтому стоило опрокинуть. Простые люди, не имевшие отношения к политике, были не в счет. Ученые мужи попросту заявили, что всемирное мнение требует мира. Однако, прислушавшись к разговорам немалого числа людей, от инженеров и физиков до космических чернорабочих и механиков, высказывавших свое мнение, Хейм засомневался, что всемирное мнение было передано правильно. Но он не видел способа доказать это.

Может быть, провести голосование? Нет. В лучшем случае результаты напугали бы лишь несколько профессоров, которые быстро пришли бы к выводу, что оно было основано на ложных статистических данных, да несколько студентов этих профессоров, которые организовали бы демонстрацию, требуя осуждения монстра по фамилии Хейм.

Пропаганда? Лавирование? Общество Поля Риверы?.. Хейм слепо тряхнул головой и тяжело ссутулился.

Лицо Тваймена смягчилось.

— Прости, Гуннар, — сказал он. — Ты ведь знаешь, я по-прежнему твой друг. Независимо от того, куда пойдет очередное денежное пожертвование твоей компании. Звони в любое время. — Поколебавшись, он решил еще добавить «Пока» и исчез с экрана.

Хейм подошел к своему письменному столу, чтобы взять хранившуюся там бутылку. Пока он доставал ее, его взгляд упал на

модель «Звездного Лиса», которую ему подарил экипаж крейсера при уходе в отставку. Она была сделана из стали, оставшейся от боевого корабля алеронов, в который крейсер засадил атомную торпеду в бою у Акернара.

— Интересно, используют ли алероны наши подбитые корабли в качестве трофеев?

«Хм. Странно. Прежде я никогда не думал об этом. — Усевшись в кресло, Хейм положил ноги на стол и поднес бутылку к губам. — А почему бы мне не загнать в угол одну из их делегаций и не спросить у них об этом?»

Потом он чуть не захлебнулся виски и сплюнул; его ноги сползли со стола на пол, он даже не заметил этого. Последняя мысль слишком озадачила его. «Почему бы и нет?»

ГЛАВА 3

На потолке отражался слабый свет багрового карликового солнца, отбрасывавшего кроваво-красные блики на листья, побеги ползучих растений и медленно закрывавшиеся цветы. Там, где растения образовывали особенно густой полог, стояли кучей земные приборы: телефон, стереовизор, компьютер, диктофон, инфотрив, кубики обслуживания, аппарат для контроля окружающей среды — и все это являло собой крайне неуместное здесь зрелище. Тишина была столь же глубокой, как и пурпурные тени вокруг. Синби ждал, не двигаясь.

Камера декомпрессии завершила свой цикл, и Гуннар Хейм вышел наружу. Сухая разреженная атмосфера обожгла ему горло. Но он почти не заметил этого, настолько ошеломительными показались ему запахи. Он не мог определить, какой из них — сладкий, острый, едкий, мускусный — исходил от какого растения, множество которых росло от стены до стены, подымаясь до самого потолка и вновь спускаясь вниз водопадом голубовато-стальных листьев, там и сям взрывающихся фейерверком оранжевых, розовых, алых, черных и фиолетовых цветов. Пониженная гравитация, казалось, заставляла голову слегка кружиться, что было весьма неприятно и непривычно для Хейма. Пористый мох пружинил под ногами, точно резина. Было тепло, как в тропиках. Хейм чувствовал, как инфракрасные лучи нагревают кожу.

Он остановился и огляделся вокруг. Наконец его глаза привыкли к необычному освещению, какое могли бы дать тлеющие угли в догорающем камине. И все же детали очертаний, столь непривычных для Земли, он разглядел далеко не сразу.

— Имбак дистра? — произнес он. — Мой повелитель?

Его голос дрогнул в этом разреженном воздухе.

Синби рю Тарен, Властитель Интеллекта Сада Войны, адмирал флота и военный специалист Главной Комиссии Посредников, семенящими шажками выступил из-под своих деревьев.

— Добро пожаловать, сэр, — пропел он. — Так, значит, вы понимаете Высокую Речь?

Хейм сделал приветственный поклон, в этике алеронов означавший, что он, индивидуум высокого положения, приветствует дорогого индивидуума, занимающего иное, но равное по высоте положение.

— Нет, мой повелитель, о чем весьма сожалею. Лишь несколько фраз. Для любого представителя моей расы этот язык очень труден.

Прекрасный голос Синби охватывал музыкальный диапазон, до сих пор неведомый человеку.

— Не желаете ли присесть, капитан Хейм? Я могу распорядиться насчет чего-нибудь освежающего.

— Нет, благодарю, — сказал человек, поскольку не хотел терять определенного психологического преимущества, которое давал ему его рост, да и пить вино врага тоже было не в его привычках. Внутренне он был озадачен. Капитан Хейм? Откуда это было известно Синби? И сколь далеко простирались его знания?

Времени для наведения справок было достаточно, поскольку с момента запроса данной аудиенции прошло уже два дня. Но разве можно было предположить, что сверхповелитель алеронов так заинтересуется простым индивидуумом? Вполне возможно, что просьба Хейма была удовлетворена под нажимом Гарольда Тваймена, а не по какой-то иной причине. Сенатор твердо верил в полезность дискуссии между оппонентами. Любых дискуссий. «Мы можем сесть в лужу, но по крайней мере мы сделаем это осознанно» — таков был его негласный девиз.

— Надеюсь, ваше путешествие было приятным? — ханжеским голосом осведомился Синби.

— О... в общем, да, мой повелитель, особенно если учесть, что я обожаю тщательные обыски и путешествия с завязанными глазами.

— Весьма сожалею, но это вызвано необходимостью держать в тайне местонахождение нашей делегации, — кивнул Синби. — Ведь ваши фанатики...

Последнее было произнесено полуторатоновым глассандо, в котором звучало столько презрения, что Хейм и не подозревал о таких возможностях.

— Да, — Хейм с трудом взял себя в руки. — В вашей цивилизации массы лучше... контролируются.

Смех Синби рассыпался словно весенний дождь.

— Вы меткий стрелок, капитан.

Он приблизился, двигаясь точно неуклюжий кот.

— Вы не против прогуляться по моему лесу, пока мы с вами будем разговаривать? Возможно, вам не случилось попасть в небольшое число людей, которые когда-либо ступали на землю алеронов.

— Да, мой повелитель, сожалею, но не имел этого удовольствия. Синби остановился. Мгновение они рассматривали друг друга в

сумрачном свете. И Хейм в это время думал лишь о том, насколько красивы алероны.

Длинные ноги, слегка наклоненное тело высотой 150 сантиметров, грудь такая же сильная и талия такая же тонкая, как у борзой, хвост — противовес, находящийся в постоянном движении, иногда едва заметном, — все это вызывало невольное восхищение. Как сверкал лоснящийся мех, отражая крошечные блески света, как уверенно опирались о землю три длинных пальца обеих ног, как гордо поднята была тонкая шея. Мало кто из людей мог бы позволить себе одеться подобно Синби, в цельнокроеный покров из металлической сетки, закрепленный на шее, запястьях и лодыжках с помощью полированных медных застежек. Такой наряд слишком многое оставлял неприкрытым.

Но вот голова алерона могла кого угодно привести в замешательство. Меховой покров заканчивался на шее, и лицо Синби — цвета мрамора, с огромными глазами под изогнутыми бровями, с маленьким носом, ярко-красными губами, широкими скулами и узким подбородком — могло бы походить на лицо женщины. Правда, не совсем: различие было в одной детали, и эта деталь была людям не свойственна. Между остроконечными ушами Синби вдоль по спине и до половины хвоста струилась грива волос, густых и шелковистых, золотисто-медного цвета. Человек, который стал бы глядеть в это лицо слишком долго, рисковал забыть о прилагавшемся к нему теле.

«И мозге», — мысленно добавил Хейм.

Опустившаяся мигательная перепонка на миг скрыла изумрудный цвет кошачьих глаз с длинными ресницами. Он улыбнулся, продолжая приближаться к Хейму, и взял его за руку. Три двухсуставчатых и один большой палец сомкнулись в осторожном пожатии.

— Идемте, — пригласил алерон.

Хейм пошел рядом с ним в темноту под деревьями.

— Мой повелитель, — произнес он охрипшим голосом, — я не хочу отнимать у вас время. Давайте поговорим о деле.

— Быть по сему, капитан, — свободной рукой Синби ударил о фосфоресцирующую ветку.

— Я здесь по поводу новоевропейцев.

— По поводу мертвых, которых уже оплакали? Мы произвели репатриацию оставшихся в живых, и они, должно быть, давно в безопасности.

— Я имею в виду живых, которые остались на планете. А это почти все население Новой Европы.

— Ах-х-х, — выдохнул Синби.

— Сенатор Тваймен, должно быть, предупредил вас о том, что я подниму данный вопрос.

— Это так. Однако он заверил, что никто не верит вашему голословному утверждению.

— Большинство его сторонников просто не решается поверить в это. А те, кто поверил, не решаются действительно в этом признаться.

— Подобное обвинение могло бы подвергнуть опасности мирные переговоры.

Хейм не смог уловить, какая степень насмешливости прозвучала в замечании Синби. Споткнувшись в темноте о что-то невидимое, он выругался и с облегчением увидел, что они выходят из зарослей на небольшую лужайку, усыпанную цветами. Впереди возвышалась внутренняя стена, на которой были расположены полки с сотнями книг, не только длинные и узкие фолианты алеронов, но и многочисленные древние земные книги. Хейм не мог разобрать их названий. Соседняя комната алеронских апартаментов, в которую вел вход под аркой, тоже была ему не видна, но он слышал, что где-то рядом плещет фонтан.

Хейм остановился и, глядя прямо в лицо алерону, сказал:

— У меня есть доказательства, что Новая Европа не была полностью очищена от людей, конкретно говоря, они отступили в горы и продолжают сопротивление вашим оккупационным силам. Свидетельства этого находятся в надежном месте...

«Боже, не слишком ли мы мелодраматичны?» — подумал Хейм и продолжил:

— ...и я планировал опубликовать их. Что было бы, как вы справедливо заметили, несколько не ко времени для участников вашей конференции.

В глубине души он таил почти отчаянную надежду на то, что алерон недостаточно хорошо знаком с жизнью на Земле, чтобы понять, насколько безнадежна была эта угроза. Однако по лицу Синби понять это было невозможно. Все, что он себе позволил — это лишь невозмутимо приподнять уголки рта, а затем ответить:

— У меня такое впечатление, будто вы решили пойти по другому пути, капитан.

— Это зависит от вас, — отозвался Хейм. — Если вы репатрируете всех людей, оставшихся на Новой Европе, я отдам вам все вышеуказанные документы и не скажу более ни слова.

Синби отвернулся, сделав вид, будто его заинтересовал побег какого-то вьющегося растения. Лиана обвилась вокруг его руки и потянулась цветами к его лицу.

— Капитан, — пропел он наконец, — вы умный человек. Допустим, вы искренне верите в то, что говорите. Но даже если так, то каким образом мы могли бы заставить подойти к своим кораблям охваченных яростью людей, скрывающихся в горах?

— Они сражаются, поскольку ждут помощи. Если бы представитель французского правительства приказал им вернуться сюда, они бы подчинились. Переговоры можно провести с помощью радио.

— Но разве согласилась бы Франция действовать подобным образом?

— У нее бы не было выбора. Вы должны знать это лучше меня.

Вы знаете, что большинство в Федерации не желает отстаивать свои права на Новую Европу. Пожалуй, единственное, что могло бы спровоцировать вооруженный конфликт — это насилие над колонистами. Дайте им вернуться на Землю невредимыми — и вы одержите свою чертову победу.

— Возможно, — свет красноватой рябью скользнул по роскошной гриве Синби, когда тот кивнул в ответ на слова Хейма. Он по-прежнему не поднимал глаз от цветов. — Но после? — тихо пропел он. — После?

— Я знаю, — сказал Хейм. — Новоевропейцы были бы живым доказательством вашей лжи, лжи не только о них самих, но обо всем сражении. Доказательством того, что все произошло не потому, что какой-то воинствующий помешанный нажал на спусковой крючок, а потому, что ваше нападение было вами заранее подготовлено. — Хейм ощутил во рту какой-то мерзкий привкус и, сглотнув, продолжал:

— Что ж, почитайте земную историю, мой повелитель. Вы поймете, что мы, люди, относимся к подобным вещам не столь серьезно, сколь могли бы. Ложь считается нормальным явлением в дипломатии, и несколько потерянных кораблей, несколько убитых людей — все это мелочи жизни. Если хотите, эта ваша уступка только укрепит партию мира.

«Смотрите же, — скажут сторонники мира, — алероны не такие уж плохие, с ними можно иметь дело, наша политика спасла жизнь оставшимся на Новой Европе и помогла избежать дорогостоящей войны».

На этот раз женственное лицо повернулось, и несколько мгновений сияющие глаза смотрели на Хейма. Он почувствовал, как тяжело забилося сердце. Плеск фонтана, казалось, умолк, а горячая красноватая мгла сгустилась вокруг.

— Капитан, — пропел Синби таким низким голосом, что его почти не было слышно. — Эйт — древнее светило. Цивилизованные алероны возникли за миллион лет до вашей культуры. Мы не стремимся сделать свою империю слишком обширной, ибо это могло бы разрушить старый устоявшийся порядок, но наши Странники отправлялись в дальние скитания, а наши Умы размышляли. Возможно, в разнообразных проявлениях судьбы мы мудрее, чем какой-либо беспечный пришелец. Возможно, мы постигли вашу собственную сущность глубже, чем вы сами.

Я сказал «после». Это слово приобретает иной вес, если отзывается сквозь миллион лет. Я имел в виду не десятки лет, а поколения, века. Я смотрю далеко в будущее.

Пусть все, что вы говорили в пределах этих стен, будет правдой. Тогда признайте, что правдой является также и то, что алероны не могут доставить сюда полмиллиона индивидуумов, чтобы они пропитали свою расу ненавистью.

Если бы они сдались, все было бы иначе. Мы сообщили бы на

Землю, что эта битва была скорее случайной, чем спровоцированной, и что теперь мы должны иметь свою собственную сферу, где не будет никаких чужаков. Но те ваши колонисты, которые пожелали бы остаться, могли бы это сделать, если бы приняли подданство Алерона. Мы предложили бы провести инспекцию, с тем чтобы Земля смогла убедиться в том, что ее колонисты не подвергаются притеснениям. Поскольку столь небольшие владения, окруженные чужой территорией, не имеют особого значения, то алероны нашли бы способ осуществить их интеграцию в лоно своей цивилизации; способ этот не такой уж быстрый с точки зрения времени, очень тонкий, но в то же время вполне, вполне надежный.

Внутри этих стен я могу признать, что колонисты не пожелали сдаться. И даже если бы мы смогли захватить их живыми — а сделать это на планете, о которой идет речь, невозможно, — даже тогда они могли бы не принять подданство Алерона. А пленные, которые представляли бы собой просто постоянную опасность и вечно сохраняли бы надежду на то, что Земля их освободит, нам не нужны. Тем не менее, если бы Франция приказала им вернуться домой, они восприняли бы это как предательство тех, кто не сдался, и стали бы добиваться, чтобы в правительство Федерации вошли более смелые мужчины. Я смотрю в будущее и вижу, как они обвиняют сторонников миролюбивой политики — да, да, капитан, именно это, неуловимое и непостижимое, и движет вашу историю, вы относитесь именно к этому типу животных. Действительно, войны за возвращение Новой Европы могло бы и не быть. Ваши лидеры отлично понимают: что с возу упало, то пропало. Так, кажется, принято у вас говорить? Но когда возникает другой спорный вопрос... ах-ах.

«Так, значит, очередной спорный вопрос все же должен возникнуть, — подумал Хейм. — Ничего такого, о чем бы я уже не догадался, он не сказал. Однако хотелось бы знать, когда у них запланирован второй кризис. Возможно, я до него уже не доживу. Но Лиза, безусловно, станет его очевидцем». Когда он заговорил, собственный голос, бесстрастный и далекий, показался ему чужим, словно говорил не он, а кто-то другой:

— Значит, вы не собираетесь признать тот факт, что колонисты живы. И что вы станете делать? Постепенно вылавливать их?

— Я команду воздушными силами, капитан, а не наземными войсками, — к удивлению Хейма, ресницы Синби затрепетали, и он опустил взгляд на свои руки. Пальцы их плотно сжались. — Я и так уже сказал вам больше чем положено. Но если уж на то пошло, я не принадлежу к числу старых алеронов. Мой тип индивидуумов появился после того, как с Земли начали прилетать корабли чужаков. И... я был у Акернара. — Он поднял глаза. — Капитан «Звездного Лиса», пожмете ли вы мне на прощание руку по земному обычаю?

— Нет, — сказал Хейм. Повернувшись на каблуках, он зашагал в направлении камеры декомпрессии.

Сопровождавший его эскорт из рядовых Мирного Контроля развязал ему глаза и выпустил из официального флайера в порт Джонсон в Делаваре. Кружной маршрут, которым они летели, занял больше времени, чем ожидал Хейм. Свидание с Кокелином могло не состояться. Он поспешил вскочить в автобус, направлявшийся к гражданским гаражам; протолкавшись сквозь толпу у входа, он обнаружил, что всю дорогу придется стоять.

Его ярость утихла за те часы, что он сидел, слепой, во флайере, обмениваясь банальностями с честным молодым офицером из своей охраны («...Синоптики явно проворонили последний ураган, как по-вашему?... Да, с Новой Европой дела плохи, но в то же время мы переросли такие вещи, как империализм и месть, не так ли? В любом случае, галактика велика... Я так завидую вам, вы весь космос повидали. Нам, конечно, по долгу службы тоже приходится путешествовать, но разные уголки Земли и ее люди с каждым годом становятся все больше похожими друг на друга...») или погрузившись в свои собственные мысли. Хейм не надеялся достичь каких-то заметных результатов во время встречи с алероном. Эта попытка была простым выполнением долга.

Сумрачное настроение не покидало его.

«Не представляю, что мне удастся сделать в Париже», — думал он.

Мужчина в потрепанной одежде, без всякой причины настроенный весьма агрессивно, толкнул Хейма. Тот с большим трудом сдержался — он ненавидел скопища людей — и не стал отвечать взаимной грубостью. Нельзя было винить беднягу за то, что он враждебно относился к человеку в дорожной одежде, выдававшей в нем принадлежность к техноаристократии.

«Вот почему мы должны осваивать космос, — в тысячный раз сказал себе Хейм. — Простор. Возможность выбраться из этой ужасающей земной сутолоки, чувствовать себя свободно, быть самими собой, испробовать новые способы жить, работать, мыслить, творить, удивляться. На Новой Европе на каждого из полумиллиона людей приходилось больше счастья, чем когда-либо мог бы представить любой из десяти биллионов землян».

Что это в них такое: страх? инерция? отчаяние? Простое, старое как мир невежество? Что заставляет их проглотить эту болтовню, что вся остальная вселенная открыта для нас?

Потому что это пустая болтовня. Планет, пригодных для заселения, не так уж много. И большинство из них имеют своих разумных аборигенов; остальные же, большей частью, колонизированы другими. Хейм не хотел, чтобы его расу принудили к крайнему выражению безнравственности: отбирать у кого-то по праву принадлежащие ему владения.

Хотя вопрос с Фениксом имел еще более важную подоплеку.

Утрата мужества. История неоднократно доказывала, что уступка несправедливому требованию ради еще нескольких лет мира всегда была первым шагом по наклонной плоскости. Принятие весьма порочного принципа «сфер интересов». В космосе не должно быть никаких границ. И, разумеется, самодовольная глупость: категорический отказ ознакомиться с документами, доказывающими, каковы на деле намерения алеронов в отношении Земли; положительная готовность предоставить врагу время и ресурсы, необходимые ему для подготовки очередного вторжения.

Но что мог сделать со всем этим один человек?!

В гараже Хейм затребовал свой флайер, с беспокойством и раздражением подозревая, что Служба Движения делает все от нее зависящее, чтобы задержать его отлет. И в самом деле, прошло немало времени, прежде чем он с облегчением услышал звук двигателя своей машины. Сначала он включил ручное управление, чтобы ощутить удовлетворение от того, что наконец-то сам может что-то сделать, дабы поскорее убраться отсюда. Гравитроны его «Мунрейкера», сделанные по заказу, имели достаточную мощность, чтобы поднять его высоко в стратосферу. В остальном флайер ничем не отличался от других подобных машин. Хейм был абсолютно равнодушен к земным благам. Поручив автопилоту доставить его в Орли, он приготовил ужин и вырубился на пару часов.

Автопилот разбудил его «Увертюрой легкой кавалерии» и преподнес кофе. Надев чистую одежду — нечто официальное, с золотом по воротнику и вдоль брюк, — Хейм приготовился к выходу: флайер уже заходил на посадку. Мгновение он колебался, не взять ли с собой оружие, поскольку при нем был пакет Вадажа. Но нет, это могло возбудить больше недоверия, чем того стоило. Если здесь тоже ничего не выйдет, Хейм сомневался, будет ли иметь смысл дальнейшее проведение хлопот в отношении Новой Европы. Что тогда можно будет предпринять? Разве что напиться до поросычьего визга и отправиться в эмиграцию, на какую-нибудь особенно удивительную и удаленную планету.

Зайдя в канцелярию Доуэйна, он предъявил свою идентификационную карточку и получил разрешение на пребывание в течение тридцати дней. Франция, менее перенаселенная, чем большинство стран, весьма неохотно принимала чужаков. Но сейчас служащий буквально растаял, лишь только прочел имя Хейма.

— Ах, да, месье, мы предупреждены о том, что будем иметь счастье принимать вас. Машина к вашим услугам. Желает ли месье сделать распоряжение насчет багажа? Нет? Бьен, сюда, пожалуйста, и позвольте пожелать вам приятного путешествия.

Весьма ощутимый контраст по сравнению с тем, какой прием, должно быть, был оказан Андре Вадажу. Но ведь он всего лишь бродячий музыкант. А Гуннар Хейм возглавляет широко известный промышленный концерн и приходился пасынком Курту Вингейту, заседавшему в правлении «Дженераль Ньюклионис». Если Гуннар

Хейм просит разрешения на конфиденциальную беседу с Мишелем Кокелином и главой французского представительства во Всемирном Парламенте, что ж, разумеется, разумеется.

И тем не менее он выбился из расписания. Тваймен ударился в крайность, когда, решив угодить Хейму, устроил ему встречу с Синби. Но торговцы миром, без сомнения, послали своих агентов следить за ним, так что если не поторопиться, они могут найти способ воспрепятствовать его дальнейшему расследованию.

Машина въехала в Париж по земле. Голубые сумерки сгущались, превращаясь в ночь. Деревья вдоль бульваров роняли пожелтевшие листья, которые яркими брызгами осыпались на величавые старые стены Барона Хайсманна и шуршали под ногами хорошеньких девушек, прогуливавшихся под руку со своими кавалерами. Открытые кафе, как обычно в этот сезон, пустовали. Хейм был рад этому. Париж мог бы заставить его вспомнить о слишком многом.

Машина остановилась возле Кэ д'Орсэ, и Хейм вышел. Слышно было, как под пронизывающим холодным ветром плещется Сена, если не считать этого, вокруг было тихо. Шум большого города, казалось, здесь совершенно отсутствовал. Но свет, поднимавшийся в небо, скрывал звезды.

У входа стояли часовые. Их лица над хлопающими на ветру накидками застыли в напряжении. Вся Франция была сейчас в напряжении и ожесточении. По длинным коридорам, где в этот поздний час все еще работало немало людей, Хейма провели в приемную Кокелина. Министр отодвинул в сторону стопку бумаг, встал, чтобы поприветствовать гостя.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос был усталый, но по-английски этот человек говорил безупречно. Это было кстати, с годами Хейм почти совсем забыл французский язык. Кокелин жестом указал на потертое, но, судя по всему, очень удобное кресло рядом с собой.

— Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли сигарету?

— Нет, спасибо, я курю трубку.

Хейм вынул трубку из кармана.

— Я тоже, — Кокелин улыбнулся, собрав лицо в крупные морщины, затем сел и принялся набивать еще более древнюю, чем у Хейма, старую курительную трубку из корня эрики. Он был невысок, но мощного телосложения, с бесстрастным выражением лица, лысый, с высоким большим лбом и очень твердым взглядом карих глаз.

— Ну, мистер Хейм, чем могу быть для вас полезен?

— М-м... Это касается Новой Европы.

— Я так и думал, — улыбка исчезла.

— По моему мнению... — Хейму показалось, что это звучит слишком напыщенно. — Месье Кокелин, — снова начал он, — мне кажется, Земля должна сделать все необходимое, чтобы вернуть Новую Европу.

Раскурив трубку, Кокелин сантиметр за сантиметром осмотрел лицо своего собеседника.

— Благодарю вас за это, — произнес он наконец. — Мы здесь, во Франции, чувствовали себя одинокими в этом мнении.

— У меня с собой некоторые материалы, которые, возможно, могли бы пригодиться.

Кокелин едва заметно вздохнул:

— Будьте любезны, продолжайте.

Пока Хейм говорил, он сидел, сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, курил и неотрывно смотрел на своего собеседника. Лишь один раз он прервал его:

— Синби? Ах, да, я с ним знаком. Это тот, которого разместили в... Нет, пожалуй, не стоит говорить, официально считается, что мне это неизвестно. Продолжайте.

Когда Хейм закончил, Кокелин открыл пакет, достал несколько пленок, вставил их в проектор, стоящий у него в комнате. Тишина, казалось, готова была взорваться. Хейм пускал клубы дыма, смотрел через окно в темноту и слушал биение собственного сердца.

Наконец Кокелин пробормотал:

— Слухи об этом доходили до меня.

Меняя позу, Хейм зашевелился в кресле так, что оно застонало.

Наступила еще одна пауза, после чего Кокелин продолжал:

— Насколько я понимаю, вы и Вадаж готовы вступить в Легион Чести. Что бы ни случилось.

— А что должно случиться? — спросил Хейм. Челюсти ныли: так сильно он их сжал, сидя в ожидании приговора Кокелина.

Тот пожал плечами.

— Вероятно, ничего, — сказал он скучным голосом. — Они явно настроены купить то, что у них называется миром.

— О, да, вы ведь, должно быть, в курсе. Так что я могу сказать вам, что тоже знаю их план.

— Отдать алеронам Новую Европу? Хорошо, мы можем говорить открыто. Естественно, для меня это вопрос чести, не разглашать обсуждение вопроса и решения до тех пор, пока мои коллеги по комитету не будут в полном единодушии относительно этого вопроса, и если бы я нарушил данную мною клятву, это было бы с моей стороны весьма легкомысленным поступком с губительными политическими последствиями, поэтому я бесконечно рад заполучить в качестве собеседника по данному вопросу человека со стороны, — Кокелин провел рукой по глазам. — Но мы не так уж много можем сказать друг другу, нет?

— Ну почему же! — воскликнул Хейм. — Во время очередного официального заседания вы можете представить эти материалы Парламенту вместе с научными подтверждениями их подлинности. Вы можете спросить их, можно ли им рассчитывать на избрание после продажи стольких человеческих существ.

— Да, да, — Кокелин смотрел на свою трубку, в которой огонь то разгорался, то угасал. — Кое-кто скажет, что я лгу. Что мои доказательства подделаны, а мои ученые подкуплены. Остальные

скажут: «Увы, это ужасно, но — полмиллиона людей? Ведь несколько ракет, если бы они ударили по наиболее густонаселенным центральным частям Земли, могли бы уничтожить в двадцать раз, в сотню раз больше; к тому же мы не имеем права на территорию Феникса, и ничего не остается делать, как только подружиться с алеронами, иначе нам придется ожидать войны, которая продлится десятилетия — так что мы можем лишь сожалеть о наших людях, оставшихся там, но помочь им мы не в силах». — Он криво усмехнулся. — Полагаю, в их честь воздвигнут монумент. Принесенные в жертву миру.

— Но это же нелепо! Земля не может быть атакована. А если даже и может, значит, то же самое относится и к Алерону, и они не станут провоцировать это нападение, зная, что мы вдвое сильнее их. Одна флотилия хоть сейчас выживет их из системы Авроры.

— Половина Военного Флота была отозвана для защиты внутренних территорий. Другая половина рассредоточена вдоль спорной полосы и ведет наблюдение за флотом алеронов, который тоже курсирует в этом районе. Адмиралы, с которыми я советовался, не желают выделять флотилию для Авроры. Поскольку вам, должно быть, известно, месье, каждой из сторон совсем не обязательно иметь большое количество кораблей, когда одно-единственное судно с ядерным вооружением обладает такой разрушительной способностью.

— Стало быть, мы сидим сложа руки? — проскрипел Хейм. — Да, в данный момент даже один корабль мог бы... мог бы нанести серьезный урон противнику. Пока что у них наверняка нет больших сил в районе Авроры. Но дайте им год или два — и они сделают Новую Европу такой же неприступной, какой является Земля.

— Я знаю, — Кокелин обернулся вокруг на своем вращающемся кресле, положил руки на стол и втянул голову в плечи. — Я буду спорить. Но... сегодня я чувствую себя стариком, мистер Хейм.

— Бог мой, сэр! Если Федерация ни в какую не желает действовать, то как насчет самой Франции?

— Невозможно. Согласно Конституции, мы в качестве отдельной страны не вправе даже вести переговоры с какой-либо внеземной цивилизацией. Нам не разрешается иметь никакой вооруженной силы, никакой военной машины, кроме той, что не превышает уровня полиции. Это находится в компетенции только Властей Мирного Контроля.

— Да, да, да...

— Фактически... — Кокелин взглянул на Хейма. На одной щеке у него дергался мускул. — Теперь, когда я думаю о том, что вы мне принесли, об этих документах, я не знаю, стоит ли мне придавать их гласности.

— Что?!

— Подумайте сами. Франция и так достаточно взбудоражена. Стоит только допустить, чтобы стала известна вся правда, включая предательство, — и я не беру на себя смелость предсказывать, каковы

могут быть последствия. И, да, самой Федерации это повредит еще больше, чем Франции. Лояльность по отношению к Федерации следует ставить превыше всего. Земля слишком мала для национального суверенитета. А ядерное оружие слишком могущественно.

Хейм смотрел на склоненную голову, и бушевавшая в нем ярость, казалось, готова была разорвать его в клочья.

— Я сам полетел бы туда! — крикнул он.

— Это было бы пиратство, — вздохнул Кокелин.

— Нет... постойте, постойте, — Хейм вдруг все понял. Он вскочил. — Каперство! Когда-то давным-давно существовали военные корабли, принадлежавшие частным владельцам.

— Э, да вы, я вижу, кое-что читали по истории. — Кокелин немного ожил. Он сел прямее и вмиг насторожившимся взглядом оглядел огромную фигуру напротив. — Но я читал больше. Каперство было объявлено вне закона еще в девятнадцатом веке. И даже страны, не подписавшие этот пакт, соблюдали запрет, пока он не стал частью международного закона. Допустим, в Федеральной Конституции не упоминается столь архаический вопрос. И все же...

— То-то и оно! — взревел Хейм. Или это кричал демон, возникший в его голове?

— Нет, нет, стоит только пренебречь законом — и тут же появится стража Мирного Контроля. Я слишком старый и уставший человек — лично я, — чтобы предстать перед Всемирным Судом. Не говоря уже о трудностях практического характера. Франция сама по себе не может объявить войну. Франция не в состоянии производить ядерное оружие, — Кокелин печально усмехнулся. — В прошлом я юрист. Если бы в данном деле была... как это называется... хоть какая-нибудь лазейка, я, быть может, еще и попытался бы пролезть сквозь нее. Но увы...

Не дав ему закончить, Хейм сказал:

— Я могу достать оружие.

Кокелин подскочил на своем кресле.

— Где вы его возьмете? — от волнения он заговорил по-французски.

— Не на Земле. Я знаю одно такое место. Разве вы не понимаете: алеронам придется держать космическую защиту на орбите вокруг Новой Европы, иначе она не выдержит даже самой маленькой преднамеренной атаки. — Хейм теперь не сидел, развалился в кресле, а, навалившись на стол, придвинулся вплотную к собеседнику и тараторил, словно пулемет. — Новая Европа имеет лишь ограниченно развитую промышленность, поэтому алеронам придется большую часть оборудования доставлять со своей планеты. Длинная линия снабжения. Один космический пират, грабящий коммерческое судно, какое он будет иметь отношение к занимаемой ими сейчас торгашеской позиции? Какое он будет иметь отношение к нашим бедным, загнанным в ловушку людям? Один корабль!

— Но я уже говорил вам...

— Вы мне сказали, что это невозможно фактически и легально. Я могу доказать физическую возможность. А вы говорили, что когда-то были юристом.

— Но я уже говорил вам...

Кокелин поднялся, подошел к окну и посмотрел куда-то вдаль через Сену. Хейм принялся мерить шагами комнату, сотрясая пол. Мозг его бурлил от избытка планов, фактов, злости и надежды; давно уже он не испытывал такого прилива сил и энергии, с тех пор как стоял, широко расставив ноги, на своем капитанском мостике у Альфы Эридана.

Потом Кокелин повернулся. В тишине раздался его шепот.

— Была не была, — произнес он по-французски, вернулся к своему письменному столу и принялся барабанить по клавишам на инфотриве.

— Что еще вам там понадобилось? — спросил Хейм.

— Все детали того времени, когда еще не все страны вступили в Федерацию. Мусульманская Лига не сочла для себя возможным иметь с ней дело. Поэтому во время каких-либо беспорядков властям вменялось в обязанность защищать интересы Федерации в Африке.

Кокелин целиком погрузился в свою работу. Один раз, правда, он встретился взглядом с Хеймом. И тот увидел в глазах министра нечто новое: энтузиазм, задор, жажду жизни.

— Приношу вам сердечную благодарность, мой друг, — сказал Кокелин по-французски. — Быть может, всего лишь на одну ночь, но вы вернули мне молодость.

ГЛАВА 5

Андре Вадаж снял крышку с котелка, вдохнул великолепный аромат, перемешал содержимое и опустил крышку на место.

— Почти готово, — сказал он. — Пора мне сделать салат. Компоненты готовы?

Лиза Хейм покраснела.

— Я... боюсь, я не особенно хорошо умею резать огурцы и прочее, — ответила она.

— Плевать. — Вадаж вывалил хаотическую кучу зелени в большую чашу. — Для курсанта ты справилась нормально... Найди мне еще приправы, идет? Надо быть просто инженером, чтобы управляться с этой чертовой механизированной преисподней под названием «кухня». Бывало, я говорил, когда был маленьким и меня заставляли делать что-то на кухне: «Видно, мне все же хотят присвоить звание повара и мойщика бутылок младшего разряда. Контрольное задание: голова кролика с красными яблоками во рту и полевыми ягодами, желтыми и зелеными, вместо глаз. Все это с капустой и заварным кремом».

Лиза хихикнула, вспорхнула на стол и уселась там, болтая ногами и глядя на Вадажа со смущающей симпатией. У него и в мыслях не было добиваться расположения девушки, он просто пытался составить хорошую компанию дочери своего гостеприимного хозяина, пока тот отсутствовал. Вадаж уделил травам и специям даже больше внимания, чем это было необходимо.

— Моя мамаша научила меня испанской пословице, — заметил он. — Для приготовления салата нужны четыре человека: мот для масла, философ для приправ, скряга для уксуса и сумасшедший для взбивания.

Лиза снова хихикнула:

— А вы остроумный.

— Ну, начнем, пожалуй, — Вадаж принялся не спеша перемешивать салат, напевая:

Жил-был в Иерусалиме один богач,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Он носил цилиндр, одевался очень элегантно.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудлду.
Скинна-ма-ринки дудлду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Это тоже настоящая старинная песня? — спросила Лиза, когда Вадаж сделал паузу, чтобы передохнуть.

Он кивнул.

— Я просто обожаю ваши песни, — сказала она.

Вадаж поспешно продолжил:

Однажды у ворот его дома
Уселся один бродяга.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
На нем был надет котелок,
От которого остался один ободок,
И он болтался у него на шее.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Схватив сковородку и ложку, Лиза принялась отбивать ритм, подпевая Вадажу.

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудлду,
Скинна-ма-ринки дудлду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
И вот бедняк попросил кусочек хлеба
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Богач сказал: я пошлю за полицией.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг! — присоединился к их дуэту бас, подобный реву быка, и Гуннар Хейм ворвался в кухню.

Скинна-ма-ринки, дудлду.

— Папа!

— Гуннар!

— Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Хейм схватил Лизу со стола, подбросил к самому потолку, так что она чуть не пробила его головой, снова поймал и принялся кружить ее по комнате. Вадаж весело скакал вокруг них. Хейм еще раз пропел куплет, не выпуская из рук вконец обессиленную Лизу, которая теперь пронзительно визжала.

Теперь бедняк умер,

И его душа отправилась на небеса.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Теперь его душа в хороводе вместе с ангелами,

Пока часы не пробьют четверть двенадцатого.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— О, папа! — Лиза корчилась в приступе смеха.

— Добро пожаловать домой, — сказал Вадаж. — Вы выбрали весьма удачное время для возвращения.

— Однако что здесь происходит? — осведомился Хейм. — Для чего в прекрасно оборудованной кухне этот походный котелок? Вам что, автоматов мало?

— Видите ли, машины — весьма компетентные повара, но стать шеф-поваром ни одна из них никогда не сможет, — ответил Вадаж. — Я обещал вашей дочери гуляш, притом не ту лишенную вкуса и запаха липкую тушенку, а настоящий, приготовленный вручную гуляш, чтобы раз нюхнешь — и сутки чихаешь в свое удовольствие, столько там всяких специй.

— О, прекрасно! Только я, пожалуй, лучше...

— Ерунда. На всех хватит. Венгр, накрывая на стол, всегда умножает количество едоков на два. Если хотите, можете еще добавить к этому немного красного вина. Итак, еще раз, добро пожаловать домой, и рад видеть вас в таком хорошем настроении.

— На то есть причина, — Хейм потер свои огромные ручки и осканился улыбкой сытого тигра. — Да, кажется, я счастлив.

— А что случилось, папа? — спросила Лиза.

— Боюсь, я не могу этого сказать. Пока. — Заметив первые симптомы мятеха, он взял Лизу за подбородок и сказал: — Это для твоего же блага.

Она топнула ногой:

— Я не ребенок, ты это знаешь!

— А ну-ка, а ну-ка, — вмешался Вадаж. — Давайте не будем портить друг другу настроение. Лиза, надеюсь, ты не откажешь в любезности приготовить приборы? Мы будем ужинать по высшему разряду, Гуннар, в вашей солнечной комнате.

— Разумеется, — вздохнула она. — Если вы мне включите общий интерком, и звук, и изображение. Ну, пожалуйста, папа!

Хейм издал короткий смешок, прошел из кухни к центральной контрольной панели и разблокировал систему включения, автоматически задействовав в работу интерком. Теперь Лиза могла видеть и слышать все, что происходит здесь, из любой другой комнаты дома. Вслед ему донесся голос Вадажа:

Богач умер тоже.

Но ему повезло немного меньше.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Он не мог попасть на небеса,

А потому отправился в ад.

Глория, аллилуйя...

Вернувшись, Хейм спросил вполголоса, поскольку Лиза, должно быть, была начеку:

— Она не желает даже на секунду расстаться с тобой, а?

Прекрасно вылепленное лицо Вадажа стало печальным.

— Гуннар, я не собирался...

— О, что ты еще городишь! — Хейм хлопнул Вадажа по спине. — Ты представить себе не можешь, как я был бы рад, если бы она стала увиваться вокруг тебя, а не вокруг какой-то желторотой дряни. Кажется, фортуна наконец-то повернулась ко мне лицом.

Лицо венгра посветлело.

— Надеюсь, — сказал он, — это означает, что вам удалось придумать какой-нибудь особенно предательский способ вырвать наших друзей из лап алеронов.

— Шш! — выгнув большой палец, Хейм указал в сторону экрана интеркома. — Давай посмотрим, какое вино мне выбрать для твоего коронного блюда.

— Ха-ха, да тут целый список! Вы что, содержите отель?

— Нет, сказать по правде, моя жена пыталась сделать из меня знатока по части вин, но продвинулась в этом не слишком далеко. Я всегда не прочь выпить, но не обладаю особым вкусом. Так что, если не в компании, я обхожусь пивом и виски.

На экране появилось лицо Лизы, она смеялась и пела:

Дьявол ему сказал:

Это тебе не отель.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Это всего лишь простой и обычный ад,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Вадаж нажал большим пальцем на кончик носа, а остальные растопырил и пошевелил ими. Лиза высунула язык. Они оба улыбались, но шире всех улыбался Хейм. И ужин прошел в атмосфере такого веселья и ощущения домашнего очага, какого Хейм не помнил с тех пор, как умерла Конни. Впоследствии он не мог бы в точности вспомнить, о чем они говорили за столом, большей частью добродушно подтрунивали друг над другом и пели песни.

Лиза собрала приборы в кубик обслуживания и скромно удалилась к себе в спальню. Она даже поцеловала отца на прощание. Хейм и Вадаж спустились с антресоли вниз, в кабинет. Хейм закрыл двери, достал из ящика стола шотландское виски, а из холодильника лед и содовую, наполнил бокалы.

Вадаж взял бокал и чокнулся с Хеймом.

— И напутственный глас... — произнес тост менестрель. — Кто за Победу? Кто за Свободу? Кто за возвращение домой?

— Я выпью за это, — сказал Хейм и сделал большой глоток. — Откуда эти строчки?

— Они принадлежат некоему Г. К. Честертону, жившему пару веков назад. Вы не слышали о нем? А впрочем, конечно, на Земле больше не интересуются такими наивными вещами. Лишь в колониях люди настолько простодушны, что считают, будто победы возможны.

— Быть может, нам удастся и здесь изменить мнение по данному вопросу. — Хейм сел и достал трубку.

— Итак, — произнес Вадаж бесстрастным голосом, но по его тонким чертам прошел легкий трепет, — теперь приступим к делу. Что же все-таки произошло за те несколько дней, что я мучаюсь бездельем?

— Начну с самого начала, — сказал Хейм. Он не чувствовал ни малейшего угрызения совести, рассказывая о своем диалоге с Твайменом, поскольку собеседнику вполне можно было доверять. Его знакомство с Вадажем, хоть и короткое, было тем не менее весьма плодотворным.

Однако венгр не был удивлен.

— Я знал, что они не намерены возвращать Новую Европу, ведь никто не желал меня слушать.

— А мне удалось найти такого парня, который все же пожелал выслушать меня, — сказал Хейм и продолжал свой рассказ. По его окончании у Вадажа отвалилась челюсть, и раздавшийся при этом звук был достаточно громким, чтобы даже Хейм смог его расслышать.

— Каперство, Гуннар? Вы это серьезно?

— Абсолютно, черт побери. Так же настроен и Кокелин, и еще несколько человек, с которыми мы имели беседу. — Веселье Хейма исчезло. Он глубоко затынулся, выпустил мощные струи дыма через ноздри и сказал:

— Ситуация такова. Один торговый пират в районе Феникса может натворить столько разных дел, что это не пойдет ни в какое сравнение с его возможностями. Кроме срыва планов и расписаний, он свяжет немалое количество боевых кораблей, которым либо придется охотиться за ним, либо осуществлять конвой своих кораблей. В результате силы алеронов, потивостоящие нашим вдоль спорной полосы, уменьшатся, и равновесие нарушится в нашу пользу. И если тогда Земля проявит твердость, как в космосе, так и за столом переговоров (причем нам не придется быть особенно жестокими, не будет никаких крутых мер, по поводу которых могли бы поднять шум торговцы миром), всего лишь один хороший нажим Военного Флота, пока пират будет дразнить корабли алеронов, — и мы сможем заставить их вернуть нам Новую Европу. А также сделать, для разнообразия, несколько уступок нам.

— Возможно, возможно, — Вадаж по-прежнему оставался спокойным. — Но где вы достанете боевое судно?

— Куплю обычный корабль и переоснащу его, что же касается оружия, то я собираюсь вскоре отправить пару надежных людей на быстроходном судне, принадлежащем компании, к Строну. Слышали про такой?

— Приходилось. Ага! — Вадаж шелкнул пальцами. В его глазах загорелись огоньки.

— Да. Там-то и завершится работа по оснастке нашего корабля. А потом — вперед, к системе Авроры.

— Но... не превратитесь ли вы в пирата с точки зрения закона?

— Над этим пока еще работает Кокелин. Он говорит, что считает в принципе возможным придать всему этому легальный характер и в то же время воткнуть клин в задницу Тваймену и всей его дешевой банде. Но это непростая задача. Если корабль летает под «Веселым Роджером», то Кокелин не без основания будет считать, что Франция имеет право подвергнуть команду суду, признать ее виновной и вынести оправдательный приговор. Конечно, ребятам после этого, возможно, придется остаться на французской территории или вообще покинуть Землю и отправиться в какую-нибудь колонию, но они будут миллионерами, и Новая Европа, без сомнения, устроит им триумфальный прием.

— У меня нет времени думать об этом, — продолжал Хейм. — Мне придется просто идти вперед напролом и подвергнуть себя возможному аресту. Поскольку, как ты сам понимаешь, Кокелин и его сторонники во французском правительстве — или в любом другом, поскольку не все еще нации на Земле заимели заячьи души — действуют неофициально... Короче, согласно Конституции, ни одна страна не имеет права на военные приготовления. И если бы мы все же получили какую-то помощь из официальных источников, это означало бы конец всем надеждам на легализацию операции. Нам также следует воздержаться от набора экипажа в одной стране. И тем более во Франции.

В общем, все зависит от меня. Мне нужно найти корабль, купить его, провести переоснастку, запастись топливом, набрать экипаж и отправить его в космос — все это в течение двух месяцев, поскольку именно в это время запланировано начало официальных переговоров между Парламентом и делегацией алеронов, — лицо его стало унылым. — Придется забыть о том, что такое сон.

— Экипаж... — Вадаж нахмурился. — Непростая проблема. Сколько человек?

— Пожалуй, около сотни. Гораздо больше, чем нужно, но единственный способ финансирования данного предприятия — захват трофеев. А это значит, что нам потребуется абордажная команда. К тому же... все может случиться.

— Понятно. Желательно, чтобы эти сто человек были умелыми, надежными астронавтами, предпочтительно с опытом службы в Военном Флоте, поскольку это самое рискованное предприятие с тех пор, как Аргилус сопровождал ведьму Хелену. Где их взять? Хм, возможно, я знаю два-три места, где можно попытаться счастья.

— Я тоже. Надеюсь, ты понимаешь, что открыто вербовать людей в команду капера мы не можем. Если наша истинная цель не будет сохранена в тайне вплоть до последней миллисекунды, мы окажемся в кутузке настолько быстро, что призрак Эйнштейна непременно вернется, дабы посетить нас. Но мне кажется, с помощью самых обычных психологических тестов мы сможем проверить отношение интересующих нас людей к известной проблеме и таким образом узнать, кому можно доверить правду. Этих самых людей мы и найдем.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, — возразил Вадаж. — Я имею в виду, что сначала необходимо найти такого психолога, которому можно будет доверять!

— Угу. Я привлеку к этому делу Вингейта, моего отчима, и попрошу его кооптировать такого человека. Надо сказать, что мой приемный папаша — хитрый и умный старый плут, имеющий связи буквально повсюду, и если ты думаешь, что мы с тобой только одни недолюбливаем алеронов, то послушал бы ты его, когда он говорил о своем отношении к ним! — Хейм искоса посмотрел на модель «Звездного Лиса», сверкавшую в противоположном углу комнаты. — Я не думаю, что будет так уж трудно найти обычных астронавтов. После того как три года назад ассигнования на Военный Флот были урезаны, немало парней оказалось не у дел и, не желая дни напролет ковырять пальцем в носу, подали в отставку. Мы можем задействовать тех, кто вернулся на Землю. А вот подобрать капитана и главного инженера будет потруднее. Люди с такой квалификацией обычно не болтаются без дела.

— Капитана? Что вы имеете в виду, Гуннар? Вы и будете капитаном.

— Нет, — голова Хейма тяжело мотнулась.

От его недавней самонадеянности почти не осталось следа.

— Боюсь, что нет. Я бы хотел. Боже, как бы я этого хотел! Но

увы, мне приходится быть благоразумным. Космические корабли стоял недешево, как и топливо, а особенно оружие. По моим расчетам, мне придется ликвидировать все имеющиеся в наличии активы и, возможно, заложить остальное, чтобы снарядить такой корабль. А если я еще брошу дело на попечение кого-нибудь другого, «Хеймдаль» может разориться. Бог свидетель, у меня достаточно конкурентов, которые сделают все, что в их силах, чтобы фирма потерпела крах. А «Хеймдаль»... в общем, это нечто, созданное мною и Конни. Ее отец немного помогал нам материально, но она работала в конторе, я руководил фирмой в течение тех первых трудовых лет. «Хеймдаль» — единственная собственность, оставшаяся у меня в память о Конни, не считая дочери, конечно.

— Я понимаю, — сказал Вадаж. — К тому же у девушки нет матери, и вы не должны подвергать ее риску потерять еще и отца.

Хейм кивнул.

— Вы простите меня, если я полечу? — спросил Вадаж.

— О, да, Андре, я был бы свиньей, если бы стал удерживать тебя. Ты ведь даже имеешь офицерское звание: главный стюард, что, впрочем, означает в основном, что ты можешь состоять шеф-поваром. И ты привезешь мне еще несколько песен. Идет?

Вадаж не ответил. Он смотрел на друга, скованного цепями собственности и власти, и в голове у него проносились строчки:

Итак, мораль сей сказки такова:
Богатые не понимают шуток.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Мы все отправимся на небеса,
Потому что разбиваем холод и камень в сердцах.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Но ритм мелодии уже проник в его кровь, и, осознав, что сделал Хейм и что все это значит, Вадаж вскочил и принялся прыгать по кабинету, во весь голос распевая свою победную песню, так что она эхом отдавалась от стен:

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скина-ма-ринки, дуддлу!
Скина-ма-ринки, дуддлу!
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

ГЛАВА 6

Из газеты «Уорлдвик»:

«31 октября.

Гуннар Хейм, главный владелец американской фирмы «Хеймдаль Моторс», приобрел у компании «Бритиш Минералз» звездолет

«Ручей Балмахи». В коммерческих кругах эта сделка произвела настоящий фурор тем, как быстро она была завершена. Хейм предложил цену, против которой невозможно было устоять, но при этом поставил условие, что звездолет должен немедленно перейти в его владение.

Он заявил, что намерен снарядить экспедицию с целью поиска новых миров, пригодных для колонизации.

— Похоже, в Фениксе мы потеряли то, что принадлежало нам по праву, — сказал он в своем интервью Джону Филипсу, корреспонденту стереовидения. — Честно говоря, бездействие Земли в ответ на предпринятую алеронами атаку Новой Европы произвело на меня шокирующее и отталкивающее впечатление. Но здесь я бессилен что-либо сделать, кроме как попытаться найти для нас какое-нибудь новое место, которое, я надеюсь, у нас хватит мужества защитить.

Построенный в Глазго «Ручей Балмахи», по величине и мощи не уступающий военным кораблям, первоначально предназначался для разведки месторождений драгоценных металлов и руд. Однако пробные полеты показали, что найденные месторождения оказались недостаточно богатыми, чтобы окупить стоимость межзвездных перевозок, тем более что в самой Солнечной системе еще имеются действующие прииски. Таким образом, в течение четырех последних лет корабль находился на околоземной орбите.

Сэр Генри Шервин, председатель правления компании «Бритиш Минералз», сказал Филипсу:

— Мы очень рады избавиться от этого белого слона, но должен признаться, чувствую себя в связи с этим немного виноватым».

«7 ноября.

Сенатор США Гарольд Тваймен (Калифорния), высокопоставленный член Федеральной комиссии по предварительным переговорам, которые проводятся с алеронами, в четверг опубликовал заявление, опровергающее слухи о якобы готовящейся распродаже Новой Европы.

— Разумеется, мы уже ведем с ними деловые переговоры, — заявил он. — А это, кстати, процесс медленный и трудный. Алероны чужды нам по своей биологии и по своей культуре. В прошлом наши контакты с ними были очень редки, а те, что все же имелись, были большей частью враждебными. В противоборстве понимания не достигнешь. Несколько лучших ксенологов Земли работают день и ночь, пытаясь почерпнуть знания в тех глубинах, которые нам следовало постичь тридцать лет назад.

Но мы все же знаем, что кое в чем алероны сходны с людьми. Они тоже относятся к числу рациональных существ. И тоже хотят жить. Их древняя цивилизация, достигшая миллиона лет стабильного существования, могла бы многому нас научить. И, без сомнения, мы тоже могли бы научить их кое-чему. Однако ни та, ни другая сторона не сможет этого сделать до тех пор, пока мы

не разорвем порочный круг недоверия, соперничества, вражды и мести.

Вот почему Флот Глубокого Космоса получил приказ открывать огонь только в целях самозащиты. Вот почему мы не оказываем давления на правительство Алерона — если это действительно то, что мы понимаем под термином «правительство» — с тем, чтобы система Авроры была очищена от их присутствия. Вот почему мы и distinguished делегация не спешим в своей работе. Кстати, позволю себе напомнить, что данная делегация прибыла к нам по инициативе самих алеронов.

Согласно Конституции, только Парламент как таковой уполномочен вести переговоры с государствами нечеловеческих рас. Разумеется, Исполнительный Комитет обязан соблюдать данный закон, и он это сделает. Однако нельзя ожидать, чтобы такая обширная организация, как Парламент, стала заниматься кропотливой подготовкой к работе в столь сложном и запутанном деле. Это было поручено ее представителям, выбранным должным образом и в должное время. Мы надеемся, что через несколько недель мы будем готовы представить полный проект предварительного договора. К этому же времени мы сможем принять любое возможное возражение против его содержания. А пока столь пристальное внимание общественности только мешает нашей работе.

Но мы не собираемся — повторяю, не собираемся — действовать в ущерб любым жизненным интересам человеческой расы. Переговоры — процесс двусторонний и взаимный. Нам придется немного уступить, но взамен мы тоже получим уступку. Алероны это прекрасно понимают, быть может, даже лучше, чем некоторые представители нашей молодой самонадеянной расы. Я уверен, что в конечном счете все люди доброй воли поймут, что мы открыли новую и перспективную эру космической истории. Люди на Новой Европе погибли не напрасно».

«14 ноября.

Вице-адмирал в отставке Пит ван Риннеком, 68 лет, возвращаясь в понедельник вечером в свой особняк в Амстердаме, подвергся нападению шайки хулиганов численностью примерно в двадцать человек и получил тяжелые побои. Когда на место происшествия прибыла полиция, нападавшие разбежались с выкриками: «Поджигатель войны». По мнению очевидцев, это были люди разных национальностей. Ван Риннеком выступал в качестве прямого оппонента политике «потакания алеронам», как он это окрестил, и его перу принадлежит так называемая «Петиция мужественности», сторонники которой пытаются собрать миллиард подписей в пользу применения Землей политики силы, если это будет необходимо для возвращения Новой Европы. Большинство социологов считают, что подобная надежда — чистейшее безумие.

Состояние вице-адмирала внушает серьезные опасения.

Доктор Джонас Ио, основатель организации «Военные мира за мир», сделал в своем чикагском кабинете следующее заявление:

— Конечно, наша организация сожалеет о случившемся и надеется на скорое выздоровление адмирала ван Риннекома. Но давайте не будем кривить душой. Адмирал лишь сам почувствовал, каково оно, то насилие, которое он взялся защищать. Стоящий перед нами вопрос — это вопрос жизни и смерти. «ВММ» проголосует за жизнь. К несчастью, многие неинформированные люди решили дать выход своим эмоциям и теперь требуют крови, не думая о последствиях: «ВММ» существует для того, чтобы бороться с этой тенденцией, бороться за здравомыслие, чтобы нанести атавизму воинственности смертельный удар с помощью любых средств, которые для этого потребуются. Мы не собираемся урожать. Но предупреждаем: милитаристы, берегитесь!»

«21 ноября.

В прошлый вторник человечество всей Солнечной системы стало свидетелем беспрецедентного события. Синби рю Тарен, член пребывающей на Земле делегации алеронов, выступил по официальному стереовидению с ответами на вопросы, заданные ему кронпринцем Италии Умберто, представляющим Всемирную Федерацию.

Вопросы были выбраны из числа сорока миллионов, присланных людьми всего земного шара, и Синби ответил на дюжину из посланного списка. С мрачным юмором он заметил в последовавшем интервью:

— Тринадцать всегда считалось у нас несчастливым числом. Последним в нем был либо тот, кто предавал, либо тот, кто был убит.

В целом он повторил те заявления, которые уже были сделаны по поводу трагедии на Новой Европе.

— Как это произошло?

— Наши корабли находились на маневрах. Они действительно зашли в район Авроры, так как алероны не признают претензий человечества на суверенитет в Фениксе. Возможно, командующий земного корабля решил, что это атака, поскольку, честно признаемся, что прежде такие случаи бывали. Он атаковал нас огнем, мы ответили, сами не ожидая, что последствия будут столь губительны. Останки земного корабля вошли в атмосферу, совершая маневр с целью радиационной защиты. Дабы экипаж мог спастись, находившийся ближе всех отряд наших кораблей сбросил мегатонные ракеты. К несчастью, на ту часть континента, которую они называют Пейз д'Ор. На орбитальной высоте боеголовки разожгли огненный смерч. И он пронесся, сея смерть, от одного побережья до другого. Когда мы смогли приземлиться, нам не удалось найти живых, кроме нескольких человек в южном районе, куда тоже попала ракета. Мы передали их в руки

землян вместе с нашей искренней скорбью. Тем самым тринадцатым — предателем — был как раз тот капитан, который не подумал о людях Новой Европы, прежде чем стрелять по нашим кораблям.

— Почему алероны до сих пор сохраняют свое присутствие на Новой Европе?

— Смешение владений еще никогда не приводило ни к чему, кроме неприятностей. Люди то и дело вытесняли нас с планет, которые мы открыли тысячи лет назад и покой которых не был нарушен шумом машин и множества людей. И сказать по правде, мы часто испытывали желание силой очистить их от первых поселенцев. Расы, в течение тысячелетий поддерживавшие контакты с нами, за последнее время стали испытывать к нам неприязнь, смущенные тем, о чем рассказывали или что предлагали им люди. Мы лишились необходимых источников сырья. Из всего этого возникало напряжение, которое нередко переходило в прямые конфликты. Давно минули те времена, когда мы должны были бы положить конец всему этому.

— Почему алероны не разрешают визит на Новую Европу инспекционной комиссии с Земли?

— Насколько мы понимаем обычаи вашей культуры, такой шаг с нашей стороны был бы равносильен признанию в собственной слабости и неправоте. Кроме того, мы не можем пойти на риск шпионажа и исключить вероятность самоубийственного визита земных кораблей с контрабандными атомными бомбами на борту. Я не хочу сказать, что ваш Парламент когда-либо пошел бы на подобную авантюру, но в вашем обществе, в том числе и среди высшего командования, есть личности, рассуждающие иначе. Может быть, позже, когда будет достигнуто взаимопонимание...

«26 ноября.

«Алеромания», уже широко распространенная в Северной Америке, получила такой толчок от недавнего появления на стереовидении делегата Синби рю Тарена, что в течение последней недели она распространилась, словно эпидемия, среди подростков, принадлежащих к высшим слоям общества разных стран.

Эта лихорадка поразила также многих в районах Благополучия. Теперь девушки, которых природа наградила длинными волосами натуральных светлых оттенков, щеголяют ими перед своими сестрами, выставляющими очереди для того, чтобы купить парик и накладки из металлической сетки; то же самое относится и к их братьям. По-видимому, никакие дисциплинарные меры, предпринимаемые родителями или учителями, не в силах удержать детей от напевания каждого произносимого ими слова. Лишь наушники могут спасти от звучащего повсюду мяуканья в минорной тональности: „Алерон, Алерон“, — раздающегося по радио, стереовидению и с тейперных лент. Скользящий рэмбл алеронов вытеснил с танцплощадок даже популярный в последнее время виггл. В пятницу

в Лос-Анджелесе на большом экране в парке Ла Бреа демонстрировалась учебная программа, вторичный показ исторического интервью — полиции пришлось в течение трех часов утихомиривать разошедшихся учеников высшей школы.

С целью выяснить, является ли это простой причудой или довольно истеричным проявлением искреннего стремления планеты к миру, наши корреспонденты взяли интервью у нескольких типичных представителей молодого поколения всех стран. Вот некоторые из них:

Люси Томас, 16 лет, Миннеаполис:

— Я просто без ума от него. Даже когда сплю, я заново переживаю увиденное. Эти глаза! Они завораживают вас и одновременно заставляют таять. Ах-х-х!

Педро Фраго, 17 лет, Буэнос-Айрес:

— Они не могут быть существами мужского пола. Я ни за что в это не поверю.

Машико Исигава, 16 лет. Токио:

— Самураи и алероны поняли бы друг друга: такая красота, такая доблесть.

Симон Мбулу, 18 лет, Найроби:

— Конечно, они испугали меня. Но это составная часть чуда.

Георг де Рувси, 17 лет, Париж. Позволил себе высказать грубые угрозы:

— Не знаю, какая муха укусила всех этих молодых верблюдов. Но я скажу вот что. Если бы мы увидели какую-нибудь девицу в таком обличье, мы бы содрали с нее парик вместе с ее собственными волосами.

От делегатов, место пребывания которых по-прежнему остается в тайне, нам не удалось получить никаких комментариев по этому поводу».

«5 декабря.

Лиза Хейм, 14 лет, дочь промышленника и вдохновителя космических исследований Гуннара Хейма из Сан-Франциско, в среду исчезла при загадочных обстоятельствах. Попытки напасть на след девушки пока что ни к чему не привели, и у полиции имеются опасения, что она, возможно, была похищена с целью шантажа. Ее отец назначил награду в один миллион американских долларов «любому, кто поможет ее найти». Он также добавил, что готов увеличить сумму выкупа, если потребуется».

ГЛАВА 7

Утхг-а-К-Тхакв пригнул лицо как можно ниже, что удалось ему в весьма незначительной степени, и наставил обе пары своих хемосенсорных усиков прямо на лицо Хейма. В таком положении третий глаз на верхушке головы, позади дыхательного отверстия, был

виден человеку. Передние глаза, находившиеся по обе стороны от мясистых щупалец, устремили свой пристальный взгляд на Хейма. Из безгубого отверстия рта раздалось подобие хрюканья.

— Итак, ты говоришь, война. Нам, жителям Наквсы, мало что известно о войне.

Хейм отступил назад, поскольку дыхание этого существа было для человека столь же невыносимым, как запах гнилого болота. Но все равно ему приходилось смотреть вверх. Утхг-а-К-Тхакв возвышался над ним на двадцать сантиметров. В голове Хейма пронеслась мимолетная мысль:

«Быть может, в этом и заключается причина столь предубежденного отношения к наковсам?»

Обычным объяснением данного факта была их из ряда вон выходящая наружность. Утхг-а-К-Тхакв напоминал дельфина ядовитого желтого цвета с зелеными пятнами неправильной формы, чей хвост раздваивался, образуя две короткие ластообразные ноги. Бугры, выступавшие под сплюснутой головой, служили подобием плеч для рук, до смешного напоминавших человеческие, если не брать во внимание их величину и плавательные перепонки, проходящие от локтей до таза. За исключением мешка, свисавшего с единственного более-менее узкого места на всем теле, которое призвано было обозначать нечто вроде шеи, наковс был абсолютно гол и обладал явными признаками мужского пола. Психологи утверждали, будто людей оскорбляет как раз не отличие наковсов от их расы, а, напротив, именно то, что в некоторых аспектах они как бы были параллельны людям и в то же время отличались от них, словно являя собой грязную пародию на хомо сапиенс. Запах, слюнявость, склонность к отрыжке, признаки пола...

«Но они также космические путешественники, разведчики, колонисты, фрахтовщики, купцы, создающие нам сильную конкуренцию», — иронически подумал Хейм.

Лично его все эти пустяки никогда не смущали. Наквсы были хитры, но в среднем более нравственны, чем люди. Да и внешне их можно было считать весьма привлекательными, если взглянуть на это с функциональной точки зрения. А их личная жизнь никого не касалась. Тем не менее факт оставался фактом: большинство людей с негодованием отнеслось бы даже к идее пребывания в одном корабле с наковсами, не говоря уже о том, чтобы находиться у них в подчинении. А... Дейв Пеннойер был вполне компетентным капитаном, в отставку из Военного Флота он ушел в звании заместителя Командующего. Но Хейм не был уверен, что ему хватит твердости в экстремальных ситуациях, если таковые возникнут.

Отгнав от себя тревожные мысли, он сказал:

— Верно. Фактически, это круиз с целью грабежа. Ну так как, ты все еще заинтересован?

— Да. Разве ты забыл тот кошмар, из-за которого я так влип?

Хейм этого не забыл. Проследив распространение слухов вплоть

до их источника, он обнаружил его в нью-йоркских кварталах Благоденствия, что устрашающе действовало даже на него самого. Наквс, очутившийся на Земле, был подобен выброшенному на мель кораблю. Он был абсолютно беспомощен. Утхг-а-К-Тхакв прежде служил по договору техническим советником на звездолете с планеты, которую люди называли Калибан и наиболее передовое племя которой решило принять участие в космической игре. При входе в пределы Солнечной системы неопытный шкипер корабля столкнулся с астероидом и погубил свое судно. Оставшиеся в живых были доставлены на Землю звездолетами Военного Флота, и калибанитов отправили домой. Однако с наквсами Земля не вела прямой торговли, и, ввиду кризиса в Фениксе, где как раз и находились их владения, возвращение Утхг-а-К-Тхаква постоянно откладывалось.

«Проклятье, — думал Хейм. — Вместо того чтобы валять дурака с этим ублюдком алероном, Парламенту лучше следовало бы заняться выработкой соглашения о помощи пострадавшему астронавту».

— У нас нет возможности провести глубокую проверку твоего сознания, подобную той, что мы проводим с людьми, — прямо сказал Хейм. — Поэтому мне приходится полагаться лишь на твое обещание молчать. Я думаю, ты отлично понимаешь, что если передашь данную информацию куда следует, то вознаграждения за это тебе вполне хватит, чтобы купить возвращение домой.

Утхг-а-К-Тхакв что-то пробубльнул через свое дыхательное отверстие. Хейм не был уверен, означает ли это смех или выражение негодования:

— Я дал слово. К тому же эти алероны мне осточертели. Я не прочь подраться с ними. Кстати, часть добычи достанется и мне?

— О'кей. Таким образом, с этой минуты ты наш главный инженер, — сказал Хейм, а про себя добавил:

«Потому что корабль скоро должен стартовать, а кроме тебя мне негде взять кого-то, кто в случае нужды справился бы с ремонтом главного двигателя».

— Теперь обсудим детали.

Через интерком донесся голос служанки:

— Почта, сэр.

— Прошу прощения, — сказал Хейм. — Я сейчас вернусь. Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

Утхг-а-К-Тхакв что-то просвистел в ответ и взгромоздил свою скользкую тушу на диван. Хейм поспешно вышел.

Вадж сидел в гостиной с бутылкой в руке. Последние несколько дней он очень мало говорил и не спал ни единой ночи. В доме стояла тишина, словно в гробнице. Сперва в посетителях не было недостатка: полиция, друзья, Курт Вингейт и Гарольд Тваймен приехали одновременно и обмемались рукопожатием; из всех близких знакомых Хейма одна только Джосселин Лори не дала о себе знать. Все это в его памяти было словно расплывчатое пятно; он продолжал заниматься подготовкой корабля, полностью поглощавшей его

внимание, и даже не заметил, когда визиты прекратились. Времени не хватало, работать приходилось круглые сутки, так что Хейм волей-неволей прибегал к помощи допинга. Даже исчезновение Лизы отступило на второй план. Сегодня утром, взглянув на собственное отражение в зеркале, он заметил, что здорово похудел, но это обстоятельство оставило его абсолютно равнодушным.

— Наверняка обычная ерунда, — промямлил Вадаж по поводу только что полученной почты.

Хейм смахнул со стола кучу конвертов. Под ними оказалась плоская посылка. Он содрал с нее пластиковую обертку, и на него глянуло лицо Лизы. Это было звуковое письмо. Хейм нажал кнопку аниматора, и губы — точно такие же были у Конни — раскрылись.

— Пап, — произнес тихий голос, — Андре. Со мной все в порядке. Я имею в виду, что мне не причинили никакого вреда. Когда я стояла на остановке элвея, чтобы поехать домой, ко мне подошла женщина. Она сказала, что у нее ослабла магнитная застежка у лифчика, и попросила меня помочь застегнуть ее. Я никогда не думала, что кто-нибудь из высшего сословия может быть опасен. Она была прекрасно одета, говорила превосходным языком и все такое. Мы сели в машину и зашторили окна. Потом она выстрелила в меня из станнера. Очнувшись я уже здесь. Я не знаю, что это за место, здесь несколько комнат, окна всегда закрыты, при мне находятся две женщины. Они не делают ничего плохого, просто не выпускают меня отсюда. Они говорят, что это ради мира. Пожалуйста, сделай так, как они хотят.

Монотонность речи Лизы объяснялась, видимо, тем, что ей был сделан укол антифобика с целью предупреждения невроза страха. Но вдруг ее словно прорвало.

— Я так одинока! — выкрикнула она, а затем послышался плач.

На этом запись закончилась. Вадаж указал Хейму на записку, которая тоже находилась в посылке. Текст в ней был отпечатан, и Хейм, прищурившись, прочел:

«Мистер Хейм.

Вот уже несколько недель, как вы предоставили свое имя и влияние в помощь милитаристам. Вами фактически оплачены все объявления, содержащие лживое и провокационное утверждение того, что большинство населения Новой Европы будто бы осталось в живых. Теперь мы получили информацию о том, что вы замысляете более радикальные меры с целью подорвать мирные переговоры.

Если это правда, человечество не должно этого допустить. Во имя гуманизма мы не имеем права даже оставлять шанс на то, чтобы это стало правдой.

Ваша дочь будет содержаться в качестве заложницы ради вашего примерного поведения до тех пор, пока договор с алеронами не будет заключен, а также, если мы сочтем это необходимым, и в течение некоторого последующего времени. Если в этот период

вы публично признаетесь во лжи относительно Новой Европы и не станете больше ничего предпринимать, дочь вернется к вам.

Излишне предупреждать вас о том, что полиция ничего не знает и не должна знать о данном послании. Движение за мир повсюду имеет так много преданных сторонников, что, если вы все же обратитесь в полицию, нам это станет известно. В этом случае мы будем вынуждены наказать вас через вашу дочь. С другой стороны, если вы будете вести себя должным образом, то и впредь станете иногда получать от нее известия.

Искренне ваши сторонники мира и здравомысляя».

Хейм прочел письмо три или четыре раза, прежде чем его содержание дошло до его сознания. За суматохой последних дней он почти забыл об этом досадном происшествии и вообще не придавал ему большого значения, полагая, что похищение было совершено с целью вымогательства денег. Однако теперь дело принимало совсем иной оборот.

— Манера речи типична для Сан-Франциско, — сказал Вадаж. Он скомкал пластиковую обертку и швырнул ее об стену. — Хотя это ничего не значит.

— Боже милостивый, — Хейм, спотыкаясь, подошел к креслу, рухнул в него и устался в одну точку ничего не выражавшим взглядом. — Почему они не вышли прямо на меня?

— Именно так они и сделали, — возразил Вадаж.

— На меня лично!

— Вы были бы слишком рискованной мишенью для насилия. С молодой и доверчивой девушкой все гораздо проще.

У Хейма было такое чувство, что он сейчас заплачет от досады и бессилия. Но глаза его по-прежнему были сухими и горячими, словно угли.

— Что же делать? — прошептал он.

— Не знаю, — каким-то механическим голосом ответил Вадаж. — Очень много зависит от того, кто они. Очевидно, это не официальные лица. Правительству достаточно просто арестовать вас по какому-нибудь поводу.

— Значит, военные. Джонас Ио, — Хейм встал и направился к выходу.

— Куда вы? — Вадаж схватил его за руку. Но это было все равно что пытаться остановить лавину.

— Возьму оружие, — сказал Хейм, — и в Чикаго.

— Нет. Постойте. Да стой же, дурак чертов! Что вы можете сейчас сделать, кроме как спровоцировать убийство Лизы?

Хейм качнулся и остановился.

— Возможно, Ио знает об этом, а может — и нет, — сказал Вадаж. — Нет никаких сомнений в том, что конкретной информацией о ваших планах никто не располагает, иначе они просто подключили бы к этому Мирный Контроль. Быть может, похитители не имеют абсолютно ничего общего с военными. Страсти постоянно

накаляются. И этот тип людей, должно быть, ощущает потребность непременно изображать из себя героев драмы, нападать на прохожих на улицах, устраивать похищения, ублажать свои маленькие грязные «я», да, на Земле таких много даже в высших классах, и все они сходят с ума от собственной никчемности. Им все равно, какой лозунг избрать. «Мир» просто наиболее престижный.

Хейм вернулся, взял бутылку, трясущимися руками наполнил свой бокал.

— Они хотят убрать меня с дороги, — повторил он про себя. — Убрать с дороги. Убрать с дороги, — повторял он вполголоса. — Хоть убей, но я не вижу никакого выхода! — воскликнул он.

— Как?

— Лиза в руках фанатиков. Что бы ни случилось, они не перестанут меня ненавидеть. И они все время будут опасаться, что она сможет их узнать. Андре, помоги мне!

— У нас еще есть время, — огрызнулся Вадаж. — И лучше провести его с пользой, чем закатывать истерики.

Хейм поставил бокал и постарался собраться с мыслями.

«Прежде мне приходилось нести ответственность за жизнь людей, — подумал он, и в нем разом проснулись старые рефлексy командира. — Надо сконструировать точную теоретическую матрицу и выбрать курс с минимальными негативными потерями».

Его мозг заработал, словно компьютер.

— Спасибо, Андре, — сказал он.

— Может быть, насчет своих людей в полиции, это с их стороны просто блеф? — осведомился Вадаж.

— Не знаю, но лучше не рисковать.

— Тогда... мы откладываем экспедицию, отказываемся от того, что говорили о Новой Европе, и ждем?

— Возможно, это единственное, что нам остается, — голова у Хейма гудела. — Хотя я считаю, что это будет неверный шаг, даже если мы сделаем его ради спасения Лизы.

— Что же остается? Нанести ответный удар? Каким образом? А может, частные детективы смогли бы отыскать...

— А где искать? По всей планете? О, можно, конечно, попробовать, но... Нет, пока у меня не возникла эта идея с капером, я словно бы сражался с туманом, и вот теперь я снова в тумане и должен снова из него выбраться. Нужно что-то определенное, такое, о чем они не догадуются, пока не будет слишком поздно. Ты был прав: нет смысла угрожать Ио и даже, как мне кажется, обращаться к нему с просьбой. Единственное, что имеет для него значение — это выбранный ими курс. Если бы мы тоже могли этого придерживаться...

Хейм вдруг взревел так, что задрожали стены, а Вадаж едва не был сбит с ног, когда эта туша пронеслась мимо него к телефону.

— Вот дьявол, да в чем дело, Гуннар?

Хейм отпер один ящик письменного стола и вытащил оттуда свой личный телефонный справочник. Теперь в нем среди прочих номеров

был и закодированный номер неофициального телефона Мишеля Кокелина. Его пальцы нажали на кнопки.

На экране появился конфиденциальный секретарь:

— Бюро де... о, мистер Хейм!

— Прошу вас, соедините меня, пожалуйста, с министром, — сказал по-французски Хейм.

Несмотря на обстоятельства, Вадаж поморщился, услышав варварское произношение своего патрона, которое, по мнению последнего, было весьма сносным.

Секретарь взглянул на его выражение лица, подавил вздох и нажал на кнопку. Его изображение тотчас сменили усталые черты Кокелина.

— Гуннар! Что такое? Новости о вашей дочери?

Хейм рассказал ему обо всем, лицо Кокелина стало пепельно-серым.

— О, нет, — сказал он. — Это конец всему.

— Угу, — отозвался Хейм. — Лично я вижу лишь один реальный выход. Моя команда теперь уже набрана, ребята все что надо, хоть в огонь, хоть в воду. Вам известно место пребывания Синби?

— Вы что, с ума сошли? — запинаясь, проговорил Кокелин.

— Давайте мне все детали: точное место, как туда добраться, размещение охраны и сигнализации, — потребовал Хейм. — Я вытащу его оттуда. Если ничего не получится, я не стану впутывать в это дело вас. Я спасу Лизу или попытаюсь спасти ее, предоставив похитителям право выбора: либо я дискредитирую их и их движение, вылив на них всю грязь, в которой у меня не будет недостатка, либо я получаю Лизу назад, объявляю себя публично лжецом, и, дабы доказать свое раскаяние, кончаю жизнь самоубийством. Мы сможем устроить все так, что у них не будет сомнений в решительности моих намерений.

— Я не могу... Я...

— Для тебя это трудно, Мишель, я знаю, — сказал Хейм. — Но если ты мне не поможешь, что ж, тогда я связан по рукам и ногам, мне придется делать так, как они хотят. И полмиллиона людей на Новой Европе погибнут.

Кокелин облизал губы, выпрямился и спросил:

— Ну, предположим, я тебе скажу, Гуннар. И что дальше?

ГЛАВА 8

— Космическая яхта «Махаон», ГБ-327-РП, вызывает Джорджтаун, Остров Вознесения. Мы терпим бедствие. Джорджтаун, вы нас слышите? Отзовитесь, Джорджтаун.

Свист рассекаемого воздуха перешел в рев. Сквозь передний защитный экран мощной волной хлынул жар. Иллюминаторы на мостике, казалось, были охвачены пламенем, а экран радара словно

взбесился. Хейм покрепче затянул привязные ремни и сосредоточил все свое внимание на вырывавшемся из рук руле управления.

— «Махаон», я Гаррисон, — голос, говоривший по-английски, был едва слышен: волны Мазера с трудом пробивались сквозь ионизированный воздух, окутавший этот стальной метеорит. — Мы держим вас под контролем. Прием.

— Будьте готовы к аварийной посадке, — сказал Дейв Пенoyer. Его соломенные волосы слиплись в мокрые от пота пряди. — Прием.

— Здесь садиться нельзя. Остров временно закрыт для посещения. Прием.

Каждое слово, казалось, было окружено облаком статического электричества.

На корме запели двигатели. Силовые поля начали свою дикую пляску в гравитронах во всех четырех измерениях. Внутренние компенсаторы сохраняли стабильность, и то чудовищное торможение, которое заставило стонать корпус корабля, внутри почти не ощущалось. Но яхта быстро теряла скорость, пока, наконец, термальный эффект не пошел на убыль.

За стеклами иллюминаторов видение пылающего горна сменилось гигантской дугой Южного Атлантического побережья. Над Атлантикой, над ее сверкающей поверхностью были густо разбросаны облака. Линия горизонта была темно-голубой и постепенно переходила в черноту космоса.

— Какого еще черта нельзя? — заорал Пенoyer. — Прием.

— А что у вас случилось?

На этот раз слышимость была гораздо лучше.

— Когда мы вышли на суборбитальную скорость, что-то засвистело. У нас в хвосте дыра, и мы потеряли управление. Пока удастся сохранять контроль над главным двигателем. Я думаю, мы сможем сесть на Вознесении, но где именно — сказать трудно. Прием.

— Садитесь на воду, мы вышлем лодку.

— Ты что, старик, не слышал, что я сказал? У нас пробит корпус. Мы бы камнем пошли на дно. Может, скафандры и спасательные жилеты выручили бы нас, а может — и нет. Но в любом случае потеря яхты стоимостью в миллион фунтов не доставила бы лорду Понсонби особой радости. И если у нас есть хоть какой-то шанс спасти эту посудину, мы должны его использовать. Прием.

— Ну что ж... Не отключайтесь, я соединю вас с капитаном.

— Не надо. Нет времени! Не волнуйтесь. В Гаррисон мы не врежемся. Наш вектор нацелен на юг. Мы попытаемся дотянуть до одного из плато. Как только приземлимся, будем передавать вам сигнал, чтобы вы могли указать нам дорогу. Думаю, долго ждать вам не придется. Пожелайте нам удачи. Связь кончаю.

Пенoyer отключил радио и повернулся к Хейму.

— Ну, а теперь надо пошевеливаться, — прокричал он сквозь грохот. — Как только они перестанут нас слышать, сразу вышлют несколько вооруженных флайеров.

Хейм кивнул. За те мгновения, что длился этот разговор, «Конни» пулей пролетела все необходимое расстояние. Теперь она находилась в объятиях дикого темного ландшафта. Детекторы фиксировали металл и электричество — должно быть, берлога Синби была здесь. Между «Конни» и радарам Джорджтауна возвышался окутанный туманом пик Зеленой горы. Теперь уже не было необходимости использовать лишь главный двигатель. Самая рискованная часть дела осталась позади.

Хейм снова включил рулевое управление.

Яхта, завывая по-волчьи, описала дугу. В иллюминаторах показалась крохотная посадочная полоска, высеченная в вулкане. Хейм направил судно вниз, и оно провалилось в взметнувшийся фонтан пыли.

Стойки коснулись поверхности площадки. Хейм выключил двигатели и сбросил с себя ремни.

— Останешься за меня, Дейв, — сказал он и зашагал к главному шлюзу.

Вместе с ним прилетели, кроме Дейва, еще два десятка верных парней. Все они были в космическом снаряжении, и их оружие блестело в падавшем сверху свете ламп.

Хейм проклинал предохранительный клапан, из-за которого шлюз открывался с такой садиистой медлительностью. Снаружи просачивался свет полуденного солнца.

Хейм, не дожидаясь, пока аппарат выдвинется до конца, соскочил с нее и упал в оседавшую пыль.

Как и говорил Кокелин, в конце поля располагалось три здания, казарма на пятнадцать человек, ангар и укрывающий их купол. Четверо стоявших снаружи человек настолько растерялись, что забыли даже нацелить на Хейма свое оружие, еще двое, охранявшие мобильный транспортер ракеты типа ГТА, тоже разинули рты. Разумеется, им звонили из штаба Джорджтауна с приказами не стрелять, если они заметят какой-то летательный аппарат. Остальные люди отряда охраны выбегали из задней двери здания.

Хейм быстро сосчитал. Пока на виду были еще не все... Прихрамывая, он направился к ним.

— Аварийная посадка, — крикнул он на ходу. — Я увидел ваше поле...

Парень с нашивками лейтенанта Мирного Контроля, который, вероятно, был здесь за старшего, выглядел испуганным.

— Но... — он запнулся и затеребил свой воротник.

Хейм подошел ближе.

— В чем дело? — спросил он. — Почему мне не следовало садиться на ваше поле?

Он знал, что это весьма каверзный вопрос. Армией Мирного Контроля существование данной площадки никогда официально не признавалось.

Верховных лидеров алеронов, входивших в состав делегации,

нельзя было размещать вместе. У них это было не принято; если бы им не смогли обеспечить абсолютного уединения, они сочли бы это за оскорбление, а возможно, это даже представляло бы угрозу для их жизни. Поэтому пришлось разбросать их по всей Земле. Остров Вознесения был выбран весьма удачно. Район этот, если не считать маленького сооружения базы Полиции Мирного Океана, был абсолютно пустынным. Таким образом, отъезды и приезды инопланетянина оставались в тайне.

— Таков приказ, — уклончиво ответил лейтенант, скосив глаза на серебристое копьё яхты. — Я бы не сказал, что вы похожи на потерпевших серьёзную аварию.

Можно было подделать название и регистрационный номер «Конни», но с наружными повреждениями дело обстояло иначе. Из казармы вышли последние двое охранников. Хейм поднял руку и, повернувшись в сторону яхты, сказал:

— Пробоина с той стороны.

В следующее мгновение, опуская руку, он резко задвинул защитное стекло своего шлема.

Две фигуры у шлюза сделали шаг назад, и наружу высунулся ствол прятанной за ними газовой пушки. Из ее жерла под давлением в пятьдесят атмосфер хлынула струя анестезирующего аэрозоля.

Кое-кто из часовых открыл огонь. Хейм нырнул вниз, в пыль. Прямо у него перед глазами из скалы брызнули каменные крошки: пуля пролетела в каком-то миллиметре над головой. С гудением пронеслась мощная струя желтого аэрозоля. А парни из его экипажа уже бежали в конец поля со станнерами наизготовке. Никакого смертоносного оружия, Хейм скорее бы позволил убить себя, чем убить человека, выполняющего свой долг. Но в данном случае в атаку шли бойцы, выдавшие и не такие виды. Доводить дело до убийства не было никакой необходимости.

Короткая и яростная схватка закончилась. Хейм поднялся и что было сил бросился к куполу. Сзади бежали Цуккони и Люповец, таща за собой на гравипривязи таран. Медицинская команда «Конни» тем временем занялась оказанием помощи в необходимых пределах упавшим охранникам.

— Сюда, — произнес Хейм по внутренней связи. Цуккони и Люповец нацелили таран и включили мотор. Стальная болванка весом в 500 килограммов принялась методично долбить стенку купола. В усыпляющем тумане этот звук казался совершенно неуместным. Хейм прыгнул в пролом, в свет красного солнца.

За ним последовало еще человек двенадцать.

— Он где-то здесь, в этой каше, — сказал Хейм. — Рассредоточьтесь. До появления копов у нас есть минуты три.

Он нагнулся и бросился в джунгли. Хлестали ветки, разлетались лианы, под ногами захрустели опавшие цветы. Мелькнула какая-то тень...

— Синби! — Хейм рванулся вперед.

Зашипело испепеляющее пламя лазера. Хейм ощутил жар и увидел, как его защитная нагрудная пластина испаряется в сверкающем огне. В следующее мгновение он бросился на алерона и выбил оружие у него из рук.

«Близко подходить нельзя, — мелькнуло у Хейма в голове. — Он может обжечься о горячий металл».

Лицо Синби перекосила яростная ухмылка, и он захлестнул ноги Хейма своим хвостом. Хейм упал, но Синби не ослаблял захвата. В это время прибежали остальные, схватили свою добычу, предварительно отцепив ее хвост от своего командира, и поволокли по-лягушачьи поджавшего ноги Властителя Интеллекта Сада Войны к выходу. Очутившись снаружи и вдохнув дурманящие испарения, Синби впал в полную прострацию.

«Будем надеяться, что биомедики правы, утверждая, будто эта штука безвредна для него», — подумал Хейм.

Выбежав на поле, он моментально забыл разом все, о чем думал. В небе показались два флайера АМК. Словно стервятники, они дружно спикировали вниз, обстреливая отряд Хейма. Он увидел, как пунктирная линия взметаемых пулями фонтанчиков пыли приблизилась к нему, треск и свист раздался в наушниках.

— Откройте! — крикнул он. Горло невыносимо жгло. — Пусть они увидят, кого мы несем.

Флайеры взревели и стали набирать высоту.

— Они попытаются вывести из строя яхту, если мы не сможем быстро подняться.

Впереди была еще аппарель, казавшаяся сейчас чертовски крутой. Над Зеленой горой показалась эскадрилья. Хейм взобрался на аппарель и остановился. Мимо проскочили люди из группы захвата. Теперь Синби был на борту. И все остальные тоже. Один из флайеров нырнул вниз. Хейм услышал, как прямо по пятам за ним пули забарабанили о стальную поверхность аппарели.

Перебраться через комингс...

Кто-то моментально задраил шлюз. «Конни» встала на хвост и устремилась в небо.

Некоторое время Хейм лежал, не двигаясь. Наконец, подняв стекло шлема, он пошел на мостик. Пространство кругом сияло звездами, но Земля уже вновь начала их затенять.

— Прижимают нас книзу, а? — спросил он.

— Ага, — ответил Пенoyer. Напряжение предыдущих часов прошло, и его мальчишеское лицо было одной широкой улыбкой. — Надо поскорей убираться, пока они не прислали весь Военный Флот. Сейчас пробьем этот потолок и двинем за их радарный горизонт.

Вслед за тем яхта описала длинную дугу над атмосферой, идя при этом на достаточно хорошей скорости, чтобы опередить момент включения орбитальных детекторов Мирного Контроля, а после помчалась к обратной стороне планеты. Операция прошла без сучка,

без задоринки, что являлось для капера хорошей приметой. Если бы такая же удача сопутствовала «пиратам» и дальше, это было бы как раз то, что нужно.

Хейм повесил на место скафандр и погрузился в обычную рутину радиопереклички со всеми отсеками корабля. Это занятие полностью вернуло ему самообладание. Везде все было тип-топ, если не считать нескольких небольших выбоин, оставленных пулями на внешней обшивке. Когда Люповец доложил: «Пленник очнулся, сэр», Хейм почувствовал не волнение, а лишь прилив силы воли.

— Приведите его ко мне в каюту, — приказал он.

Яхта кралась сквозь ночь, постепенно снижаясь. Правильный расчет времени был очень важен. Русская Республика добродушно поплывала на Контроль Перемещений, как, впрочем, и на многое другое, а поэтому, если соблюдать осторожность, можно было после наступления темноты сесть где-нибудь в сибирской тундре абсолютно незамеченными. Хейм ощутил легкую вибрацию и понял, что «Конни» пошла на посадку. Когда урчание двигателя замолкло, наступившая тишина показалась чудовишной.

Двое охранников у каюты капитана подняли руки в приветственном салюте. Хейм вошел внутрь и закрыл дверь.

Синби стоял возле койки. Он был совершенно недвижим, лишь самый кончик его хвоста слегка подрагивал, да ветерок, создаваемый вентилятором, шевелил шелковистую гриву. Однако когда он увидел Хейма, на его красивом лице появилась улыбка, от которой кровь стыла в жилах.

— Ах-х-х, — промурлыкал он.

Хейм приветствовал его официальным салютом алеронов.

— Имбиак, прошу меня простить, — сказал он. — Я доведен до безумия.

— Должно быть, это так, — трелью зазвенело у него в ушах, — если вы надеетесь таким образом спровоцировать войну.

— Нет, я не на это надеялся. Что может лучше дискредитировать мои взгляды, чем подобный поступок? Просто мне нужна ваша помощь.

Зеленые глаза сузились.

— Довольно странный способ обратиться с просьбой, капитан.

— Другого не было. Послушайте. Напряжение между лагерями войны и мира на Земле достигло апогея, то и дело оно выливается в насилие. Несколько дней назад была похищена моя дочь. Я получил предупреждение, что, если не перейду на другую сторону, она будет убита.

— Сожалею. Тем не менее что я могу сделать?

— Не надо изображать сочувствие. Если бы я отступил, вам это явно было бы на руку. Так что не имело смысла просить у вас помощи. Да и вообще, что бы я ни предпринял, я не склонен верить в обещания. Мне нужно было заполучить рычаг управления. Я подкупил кое-кого из тех, кто знает о вашем местопребывании, нанял

эту шайку — и теперь мы позвоним главе организации агитаторов примирения.

Хвост Синби хлестнул по лодыжкам.

— Допустим, я отказываюсь, — прозвучал ответ.

— Тогда я вас убью, — со злобой сказал Хейм. — Не знаю, пугает это вас или нет, но на следующей неделе ваша делегация встречается с Парламентом. Лишившись военного эксперта, она окажется в невыгодном положении. Кроме того, дальнейшие переговоры вряд ли пойдут после той бучи, которую я могу поднять.

— Однако, капитан, разве нельзя допустить мысль, что вы собираетесь прекратить мое существование в любом случае, с тем, чтобы я не мог потом обвинить вас в шантаже?

— Нет. Дайте согласие помочь мне — и я вас отпущу. Зачем мне совершать убийство, последствия которого отзовутся на всей планете? Меня бы непременно нашли. Один только мой корабль был бы вполне достаточной ниточкой к разгадке подобного преступления, поскольку у меня нет алиби на время похищения.

— Тем не менее вы же так и не сказали, почему вы считаете, что я не стану выступать против вас с обвинением.

Хейм пожал плечами:

— Это было бы не в ваших интересах. Слишком грязная история всплыла бы при этом наружу. Безответственное похищение, организованное сторонниками войны, и т. д. Я бы предал гласности свои документы о Новой Европе. Я бы дал показания под неоскопом о нашем разговоре и о тех признаниях, которые вами были сделаны во время этого разговора. О, я бы дрался не на жизнь, а на смерть. Настроение у нас на Земле — вещь весьма тонко сбалансированная. Одного моего процесса, может быть, окажется вполне достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

Глаза Синби затянулись мигательной перепонкой. Он почесал подбородок тонкой рукой.

— Фактически, — продолжал Хейм, — лучше всего будет, если вы заявите в ОМК, что вас якобы похитила группа неизвестных с целью сорвать переговоры. Вы убедили их в том, что это похищение в первую очередь невыгодно им самим, и они вас отпустили. Затем вы настаиваете на том, чтобы наши власти полностью замяли это дело. Они с радостью сделают это, если вы захотите. Публичный скандал на данном этапе был бы весьма некстати.

Алерон по-прежнему был погружен в свои мысли.

— Синби, — сказал Хейм со всей мягкостью, на какую был способен. — Вы не понимаете людей. Мы так же чужды вам, как вы — нам. До сих пор вам удавалось без труда надувать нас. Но стоит появиться какому-нибудь новому фактору — и чего тогда будет стоить весь ваш план?

Пленка, закрывавшая глаза Синби, исчезла.

— Я не вижу при вас никакого оружия, — монотонно пропел алерон. — Если я откажусь помочь вам, как вы меня убьете?

— Вот этими руками.

В каюте раздался смех, похожий на звон колокольчика.

— Ну что ж, капитан «Звездного Лиса», давайте сюда ваш радиотелефон.

В Чикаго было позднее утро. Появившееся на экране лицо Джонаса Ио — лицо пуританина — выражало недовольство.

— Что вам нужно, Хейм?

— Вам известно о похищении моей дочери?

— Нет. Я хочу сказать, что выражаю свое сожаление, если не вам, то ей, но какое отношение все это может иметь ко мне? Я не располагаю никакой информацией.

— Мне сообщили, что похитители принадлежат к фракции сторонников мира. Подождите, я не обвиняю лично вас в участии в этом грязном деле. У каждой группы свой лидер. Но если вы потихоньку отдадите приказ о персональной проверке каждого из списка членов вашей организации, прямо или косвенно вам удастся выйти на них.

— Слушайте, вы, негодяй...

— Включайте свой магнитофон. Я хочу, чтобы вы записали и затем на досуге поразмыслили над тем, что скажет вам сейчас делегат Синби рю Тарен. — Несмотря на то что Хейм старался говорить спокойно, сердце его готово было выскочить из груди.

Алерон скользнул к экрану.

— Боже мой! — Ио чуть не задохнулся от изумления; выпучив глаза, он смотрел на инопланетянина.

— Капитан Хейм во имя чести обратился ко мне за помощью, — пропел Синби. — Нас связывают прошлое и будущее: однажды мы вместе участвовали в сражении. Кроме того, ни одна древняя раса не позволит себе испытать чашу позора. Если этот ребенок не будет возвращен, мы покинем вашу планету и вынуждены будем применить дезинфицирующее средство, каковым является война. Поэтому я приказываю вам подчиниться требованиям капитана Хейма.

— Б-б-боже мой... я... да! Немедленно!

Хейм выключил видеотелефон. Воздух со свистом вырвался из его легких, ладони были мокры от пота.

— С-с-спасибо, — заикаясь, произнес он. — Как только Вадаж даст мне знать о ее возвращении, мы начнем подниматься. Доставим вас поближе к городу.

Некоторое время Синби изучающе смотрел на него, прежде чем спросить:

— Вы играете в шахматы, капитан? Из всего, что создано на Земле, это, пожалуй, самое прекрасное. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы вы на время отвлеклись от всех этих проблем.

— Нет, благодарю, — сказал Хейм. — Мне известно ваше умение делать вечный шах. Вы все время будете выигрывать. Я лучше прослежу за тем, чтобы наши фальшивые опознавательные знаки были заменены на настоящие.

Он был рад выйти на зимний холод, ударивший снаружи.

Они уже почти закончили, когда в проеме воздушного шлюза, словно темное пятно на светлом фоне, возник Синби. Очень высоким голосом он произнес:

— Капитан, поторопитесь. Из вашего дома вас вызывает бродячий певец. Она доставлена.

Хейм быстро пошел в радиорубку и плотно закрыл за собой дверь.

С экрана видео на него смотрела Лиза.

— О, папа!

— С тобой все в порядке? — спросил Хейм.

— Да. Они... они не причинили мне никакого вреда. Только усыпили. Когда я проснулась, мы уже были здесь, в городе. Мне сказали, что дальше я должна добираться с помощью элвея. У меня все еще сильно кружилась голова, и я не обратила внимания на номера. Когда ты приедешь?

— Часа через два—три.

Лиза все еще находилась под влиянием наркотика, и речь ее была довольно вялой.

— Мне кажется, я знаю, как это случилось, пап. Прости меня, пожалуйста. В ту ночь ты и Андре говорили о нашем... ну, ты сам знаешь... в общем, ты забыл выключить общий интерком. Я все слышала из своей комнаты.

Хейм вспомнил, как загадочно она себя вела в течение двух последовавших затем недель, что называется «тише воды, ниже травы». Он приписал это ее желанию понравиться Вадажу. Теперь он полностью осознал всю свою беспечность, и этот удар был не из легких.

Вероятно, уловив мгновенную перемену в его лице, Лиза сказала:

— Не бойся. Я об этом никому не говорила. Честно. Только когда Дик и некоторые другие стали приставать ко мне, почему я не занимаюсь этим дурацким подражанием алеронам, я разозлилась и ответила им, что один человек стоит больше, чем сотня таких вырожденков, и что мой отец собирается это доказать. Больше я ничего не говорила. Но теперь мне ясно, что слухи дошли до кого-то, потому что эти женщины все время спрашивали меня, что я имела в виду. Я сказала, что просто наврала, и даже когда они обещали меня побить, я говорила то же самое, и, по-моему, они поверили, потому что так и не стали меня бить. Пожалуйста, не сходи с ума, папа.

— Ладно, — резко бросил Хейм. — Я просто получил по заслугам. Отправляйся в постель, я скоро приду.

Экран погас. Теперь Хейм мог облегченно вздохнуть.

Негромко заурчали двигатели, и «Конни» приземлилась в километре от Красного. Хейм помог Синби сойти на землю. Она была мерзлая и звенела под ногами. Из окон домов, стоящих на окраине, струился свет, сквозь мглу сияли зимние звезды.

— Вот, — Хейм неловко протянул Синби теплую накидку, — вам это будет не лишнее.

— Благодарю, — словно свирель пропела из-под серебрившихся на морозе локонов. — Когда за мной придут ваши власти, я все скажу так, как вы хотели. Это будет наиболее мудрым решением и для алеронов, и для меня, поскольку я не хочу, чтобы ваши страдания продолжились.

Хейм смотрел на снежный наст. Он сверкал, словно мех Синби.

— Прошу простить меня за мой поступок, — пробормотал он. — Не следовало обращаться с вами подобным образом.

— Я не держу на вас зла, — низким голосом пропел Синби. — Прощайте.

— До свидания. — На этот раз Гуннар Хейм пожал руку алерону.

Яхта снова взмыла вверх, вышла на орбиту и по стандартной траектории двинулась в направлении Порта Мохейв. Официально ее вылет был зарегистрирован как имеющий целью проверку загрузки межзвездного транспорта. Хейм с удивлением заметил, что не испытывал желания немедленно увидеть свою дочь.

А ведь вместе им оставалось быть совсем недолго. Корабль должен был стартовать через несколько дней, и он летел на нем в качестве капитана.

От прежнего решения остаться на Земле Хейм в конечном счете отказался. Зло стало настолько могущественным, что он побоялся бросить ему вызов, рассчитывая применить при этом только часть своих сил. А полную силу он мог обрести только лишь среди звезд, а не на этой большой планете.

Лизу он собирался оставить на попечение Вингейта. В этом случае она была бы в безопасности. Что же касается компании «Хеймдаль», то в отсутствие своего хозяина она могла развалиться, но могла и выжить. Все зависело от обстоятельств. Но в любом случае Вингейт не оставит Лизу без средств к существованию. Кроме того, не следовало сбрасывать со счетов и возможную крупную добычу.

Хейму хотелось смеяться.

«Может быть, я просто рационализирую эгоистичное, атавистическое желание взбудоражить преисподнюю. О'кей, ну и что с того? Значит, так тому и быть».

ГЛАВА 9

Они отмечали раннее Рождество. В гостиной сиротливо поблескивала огнями елка. О стекла барабанил дождь.

— Это так ужасно, — сказала Лиза, — что война неизбежна.

— Насчет неизбежности ты ошибаешься, — возразил Хейм. — Беды начнутся одна за другой, и мы будем все время в проигрыше, пока наконец они не загонят Землю в угол. А если уж загнать человеческую расу в угол, она будет сражаться, как бы напрасно это ни казалось. Так было всегда. Планета против планеты — это было бы настоящее светопреставление. Все, что нам требуется сейчас —

это просто дать им понять, что мы не позволим нами помыкать. После этого уже можно будет говорить с ними по-деловому. Космос достаточно просторен, чтобы вместить всех, если признавать право каждого на существование. — Он надел плащ. — Пора.

Они молча спустились вниз в гараж и заняли места во флайере: Хейм, Лиза, Вингейт, два мощных телохранителя, приставленных к девушке на время отсутствия отца, и Вадаж. Выскользнув из ворот гаража, флайер начал набирать высоту, пробивая себе дорогу сквозь бурю. Его корпус вздрагивал и резонировал. Но когда он поднялся в более высокие слои атмосферы, их окружило голубое спокойствие. Внизу, словно снежные горы, проплывали облака.

Вингейт достал сигару и закурил. Его лицо — лицо шелкунчика — смялось в гримасу недовольства. Наконец он пролаял:

— Не люблю я все эти проводы, ожидания, когда настает время расставаться и когда сидишь и не можешь придумать, что бы такое сказать. Давайте лучше посмотрим репортаж из дворца Парламента.

— Не стоит, — ответил Хейм. — Они предполагают провести целую неделю в предварительных дискуссиях, прежде чем пригласить делегацию алеронов. Каждому грошовому политику непременно хочется быть прослушанным хотя бы раз.

— Но согласно вчерашним новостям Франции по алфавитной жеребьевке достался номер где-то в самом начале. С минуты на минуту может начаться выступление Кокелина.

— Он... О, ну, ладно, — Хейм включил видео.

В Мехико-Сити времени было немного больше, но по залу Капитолия это было незаметно. Камера показала большие трибуны: лица, лица, лица, белые, желтые, коричневые, черные, чьи глаза были устремлены на подиум, с которого только что сошел оратор, представлявший Финляндию. Президент Фазиль стукнул молотком, в затаенной тишине этот звук походил на звук заколачивания в гроб гвоздя. Вингейт, слабо знакомый с испанским, повернул шкалу транслятора до отметки «английский».

— ...уважаемый оратор от лица Франции господин Мишель Кокелин.

Хейм включил автопилот и откинулся назад, чтобы удобнее было смотреть. Квадратная фигура с нарочитой медлительностью, словно насмехаясь, начала продвигаться между рядами.

Камера показала крупным планом лицо Кокелина, очень старое, но достойное быть отлитым в бронзе.

— Мистер Президент, высокочтимые делегаты, леди и джентльмены. Я не стану надолго задерживать ваше внимание. Миру известно об отношении Франции к вопросу о Новой Европе. Моя страна хочет, чтобы положение на планете стало ясным до конца, прежде чем будут начаты дискуссии по данному поводу. Поскольку для этого необходимо широкое обсуждение, я рекомендую повременить с оглашением моего заявления, пока distinguished делегаты не огласят свои.

— Вот видите? — сказал Хейм. — Он должен выиграть для нас время, чтобы мы внесли ясность в этот вопрос. Франции просто не повезло, что ее очередь выступать выпала так рано. Но Кокелин все уладит.

— И все-таки, пап, что он собирается сказать? — спросила Лиза. — Не может быть, чтобы он позволил обвинить вас в разбое.

Хейм ухмыльнулся:

— Поживем — увидим.

— Мистер Президент! — Камера развернулась и остановилась, нацелив свой объектив на Гарольда Тваймена. Тот вскочил на ноги и, казалось, был очень обозлен. — В таком важном деле уклонение от прав первенства должно быть одобрено голосованием.

Кокелин поднял брови.

— Я не понимаю, почему должны быть какие-то возражения против того, чтобы Франция уступила право первенства, — сказал он.

— Мистер Президент, уважаемые члены этого собрания, — с напором заговорил Тваймен. — Высокочтимый оратор от лица Франции предупредил нас, что намерен сделать сюрприз. Однако сейчас время для серьезного обсуждения, а не для дискуссионных трюков. Если мы окажемся втянутыми в дебаты, вызванные неожиданным заявлением, наша встреча с уважаемыми делегатами Алерона может вполне быть отложена еще на неделю. И так уже промедление было слишком долгим. Я настаиваю, чтобы собрание проголосовало за то, чтобы либо разрешить, либо не разрешить господину Кокелину играть нами.

— Мистер Президент...

Фазиль не дал Кокелину договорить. Он снова стукнул молотком и объявил:

— Председатель считает претензию обоснованной, хотя и изложенной с некоторой излишней горячностью. Желает ли кто-нибудь проголосовать за то, чтобы заявление французской делегации было отсрочено до тех пор, пока не закончат свои выступления представители других наций?

— Ого, — пробормотал Вадаж. — Не очень-то хорошо все это выглядит.

Хейм протянул руку и настроил автопилот на максимальную скорость. Жужжание двигателя увеличилось. Сквозь этот шум он услышал, как представитель Аргентины сказал:

— Я голосую за это.

Потом датчанин:

— Я поддерживаю.

— Проголосовано и поддержано.

— А что, если ему не разрешат? — заныла Лиза.

— Тогда нам пулей надо вылетать из района Венеры, — сказал Хейм.

Кокелин начал говорить в пользу голосования. Через несколько минут Вадаж прищелкнул языком и с восхищением сказал:

— Никогда не слышал ничего более красноречивого. Этот человек — артист.

— Хм, — хрюкнул Вингейт. — Может быть, он их терпеть не может.

— Само собой, — ничего не выражающим голосом сказал Хейм, — что он не надеется на выигрыш, каков бы этот выигрыш ни был.

Прения продолжались. Флайер оставил бурю позади и теперь летел над обширной холмистой местностью. Далеко на востоке сверкали вершины Сьерры.

«Однажды мы могли бы потерять всю эту красоту», — подумал Хейм.

Наконец показался космодром Мохейв. «Конни» скользнула вниз и приземлилась на просторном роле. Техосмотр машины, формальности проверки документов, долгий путь по бетонной полосе под палящим солнцем — быть может, это от света у Хейма так предательски защипало в глазах?

Они остановились у аппарели.

— Ну что же, — грубовато сказал Вингейт. — Нечего терять время. Да будет с вами Бог, — он разорвал рукопожатие.

Плачущая Лиза подошла к Хейму:

— Папа, папа, прости, это все из-за меня.

Хейм обнял ее и потрепал по волосам.

— Не бери в голову. Мы скоро вернемся. Вернемся богатыми, знаменитыми и расскажем миллион всяких историй. Будь умницей. Пока. — Он поцеловал ее в мокрую щеку.

— До встречи, — тихо сказал венгр. — Я привезу тебе новую песню.

Затем они поспешно взбежали вверх, постояли в створе шлюза и помахали на прощание рукой, пока аппарель не была полностью убрана, в следующий миг дверца закрылась перед ними.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм и повернулся на каблуках, — Ну что ж, поехали.

Яхта могла бы совершить прыжок прямо на орбиту. Правда, демонстрировать такую беспричинную поспешность было ни к чему. Поэтому Хейм поднимался постепенно, как и положено. Небо вокруг становилось все темнее, просыпались звезды, и наконец судно словно очутилось внутри огромного ларца с драгоценными камнями. Вадаж от нечего делать крутил ручки настройки аппаратуры связи. И неожиданно поймал репортаж из Мехико, передаваемый спутником.

Прения и голосование по внесенным предложениям подходили к концу. Результаты переключки возвестили ошеломляющее поражение.

— Мистер Президент, — прозвучал голос Кокелина, расплывчатый и тихий, как у насекомого. — В намерения Франции не входило

ничего, кроме обыкновенной учтивости. Поскольку мне рекомендовано огласить основное политическое заявление моей страны сегодня, я это сделаю. Однако позволю себе заметить, что время приближается к полудню, а я должен предупредить, уважаемый председатель, что мое выступление будет несколько пространным. В связи с этим я предлагаю сначала сделать перерыв для ленча.

— Президиум принимает данное предложение, — уступил Фазиль. — Заседание возобновится ровно в четырнадцать часов. — Молоток ударил по подставке.

— Артист, я же говорил, — рассмеялся Вадаж.

— Пара часов — это не так уж много, чтобы вывести корабль на нужную дорогу, да еще с новым экипажем, не успевшим привыкнуть к обстановке, — напомнил ему Хейм.

В поле зрения появились очертания огромной торпеды, которая росла на глазах по мере того, как яхта приближалась к ней, и наконец полностью закрыла носовые иллюминаторы. Пока что корабль не был замаскирован, и яростное солнце ослепительно сверкало на его суровой экипировке. Системы двигателей, кольца, орудийные башни, открытые крышки люков отбрасывали длинные тени на металлические бока.

— Яхта «Конни» вызывает крейсер «Лис-2». Мы на подходе. Приготовьтесь. Отбой.

Вингейт был против изменения названия корабля.

— Я понимаю, что для тебя означала твоя команда, Гуннар, — говорил он. — Но ты рискуешь навлечь на себя лишние неприятности, если откажешься от названия, присвоенного кораблю Флотом.

— Именно это я и сделаю, — ответил Хейм. — Насколько я знаю, лисы пока еще относятся к общественной собственности. Кроме того, мне ужасно хочется утереть кое-кому нос, показав, чем должен заниматься Военный Флот. И чем он, фактически, хочет заниматься.

Четвертый створ был открыт специально для него. Хейм поставил туда яхту — размером она была как раз со вспомогательный корабль — и с трудом дождался, когда воздушные насосы поднимут давление. В коридорах позади раздавался суматошный шум и металлический лягз. На корабле имелось достаточно опытных людей, на которых можно было положиться, но Гуннар ужасно жалел, что у него не было времени для пробного рейса.

На капитанском мостике его приветствовал Первый Офицер Пенонер:

— Добро пожаловать, сэр.

До этого момента воспоминания об одиночестве, на которое обречен каждый капитан, еще не просыпались в душе Хейма.

— Вот полное расписание нарядов. Работа идет полным ходом. Расчетное время ускорения — 23 часа по Гринвичу.

— От этой цифры надо отнять по меньшей мере час, — сказал Хейм.

— Сэр?

— Вы меня слышали, — Хейм сел и бегло просмотрел руководство по подготовке корабля. — Например, вот здесь. Бортинженеру вовсе не обязательно еще раз проверять компенсаторы внутреннего поля. Если они окажутся в неисправности, наше ускорение не сможет превысить полутора единиц. Тогда, перейдя в режим свободного полета, мы приведем их в порядок, хотя придется немного поработать в невесомости. Хотя это все еще весьма гипотетично. С какой стати здесь должны быть какие-то неполадки? Бортинженер у нас — парень что надо. Пусть-ка лучше сразу приступит к настройке импульсных систем. Чем точнее будет выполнена эта работа, тем быстрее мы сможем развивать ускорение.

— Да-да, сэр, — Пенюйер с заметной неохотой включил интерком и вызвал Утхг-а-К-Тхаква. Хейм продолжал листать руководства, выискивая, что бы еще урезать.

И в конце концов, как бы само по себе, дело было сделано — манера действовать, вполне типичная для человека. В 21.45 завывла сирена, раздались звуки команды, во фьюжн-генераторах вспыхнули атомы, и гравиполя окружили корабль. Медленно, плавно, с утробным ворчанием, которое не столько действовало на слух, сколько ощущалось внутренней вибрацией в организмах людей, «Лис-2» покинул орбиту Земли.

Хейм стоял на мостике и смотрел, как удаляется его мир. Земля все еще господствовала в небе, огромная и бесконечно прекрасная, с облаками и морями в сапфировой оправе атмосферы. По мере того как корабль огибал планету, его взору представляли континенты во мраке ночи или в сиянии дня: Африка, колыбель человечества; Азия, где человек впервые перестал быть просто дикарем; Европа, где он отбросил думы и обратился к звездам; Австралия, обетованная земля; Антарктида, край героев, но Хейм был счастлив, что, прежде чем корабль устремился к звездам, ему довелось увидеть Америку, страну, первой издавшей закон о свободе человека.

Сомнения и страхи, даже тоска по дому теперь исчезли. Он принял на себя ответственность — и радость бурлила внутри.

Через некоторое время Пенюйер доложил:

— Согласно показаниям приборов, режим работы всех систем удовлетворительный.

— Очень хорошо, так держать. — Нажав кнопку интеркома, Хейм вызвал камбуз:

— Андре? Не могли бы там некоторое время обойтись без тебя? А, ну и прекрасно... О'кей, шагай на мостик. И захвати с собой гитару. Возможно, она потребуется.

В голосе венгра послышалась тревога:

— Капитан, вы слушали репортаж из зала Парламента?

— Э... нет. Слишком был занят. Ах, черт! Там ведь уже прошло больше часа с тех пор, как они все начали по-новой, так?

— Да, мы поймали луч, передаваемый на Марс. Я смотрел репортаж и... в общем, отсрочки Кокелину не дали. Он пытался тянуть как мог, с помощью длинного вступления, но председатель предложил ему держаться ближе к теме. Тогда он попробовал представить доказательства касательно Новой Европы, кто-то возразил, и они решили провести голосование, чтобы определить, уместно ли это в данный момент. Голосование еще не закончилось, но уже ясно, что большинство против.

— Ого! — эта новость не испугала и не поколебала Хейма — ведь сегодня он вновь принял командование кораблем, призванным защитить интересы Земли, — но кровь в его жилах побежала быстрее, побуждая к немедленному действию.

— Мистер Пенойер, — приказал он. — Дайте сигнал к максимальному ускорению и направьте всех, кого только можно, к аварийным системам.

Помощник удалился, вытаращив глаза, однако немедленно и беспрекословно повиновался.

— Радисты, перекиньте сигнал этой дискуссии на наш стереовизор, — продолжал Хейм. — Мистер Вадаж, пройдите, пожалуйста, на мостик. — Он невесело усмехнулся. — Да, и захватите все же гитару.

— Что случилось, сэр? — спросил наконец обеспокоенный Пенойер.

— Скоро увидишь, — ответил Хейм. — Франция вот-вот швырнет бомбу во всю эту машину. Мы планировали увести «Лиса» к этому времени достаточно далеко. Ну, а теперь нам будет нужна удача, как быают нужны ум и красота.

Экран вспыхнул, изобразил какое-то смутное движение, усилившийся гул двигателей почти совсем заглушил голос Кокелина. Земля все уменьшалась, теряясь среди звезд, и все ближе придвигался шербатый лик Луны.

— ...это собрание решило не уступать моей стране ни единого сантиметра. Как хотите, леди и джентльмены, я собирался преподнести вам это постепенно, поскольку удар в лучшем случае будет не из легких. Теперь вы будете вынуждены слушать меня, независимо от того, готовы ли вы к этому или нет.

Камера давала изображение таким крупным планом, что лицо Кокелина заняло собой весь экран.

— Паршивый трюк, — подумал Хейм. О, если только он не стал жертвой невольного самообмана, на этот раз дешевый прием операторов не достиг своей цели. Вместо того чтобы подчеркивать все недостатки — бородавки, прыщи, волосинки, морщины, — экран показал гнев и несокрушимую силу. Словно подтверждая, что Хейму это не показалось, в следующее мгновение изображение отодвинулось

назад, представив Кокелина маленьким, перебирающим на кафедре бумаги.

— Мистер Президент, досточтимые делегаты...

Звуковой перевод лишь отчасти передавал интонации голоса Кокелина, обычно мягкого, но теперь ставшего похожим на сухую и невыразительную декламацию прокурора, излагающего технические детали.

— Федерация была основана и существует до сих пор для того, чтобы покончить с тотальной анархией, преобладавшей ранее среди наций, и подчинить их закону, который служит всеобщему благу. Теперь закон не может существовать без соблюдения равной справедливости. Популярность того или иного довода не должна приниматься во внимание. Относящимся к делу следует считать лишь то, что законно. Исходя из этого, я от лица Франции уполномочен сделать следующее заявление:

1. Конституция запрещает каждой нации, входящей в состав Франции, иметь вооруженные силы численностью выше полицейского уровня или каким-либо образом нарушать территориальный суверенитет любой нации. Для проведения в жизнь данного закона Организация Мирного Контроля облечена исключительной военной властью. Она имеет право и должна принять те меры, которые необходимы для пресечения актов агрессии, в том числе и тогда, когда подобные акты осуществляются заговорщиками. Индивидуумы, несущие перед законом ответственность за противоправные действия, должны быть арестованы и представлены перед лицом Всемирного Суда.

2. Военный Флот, как часть Организации Мирного Контроля, использовался за пределами Солнечной системы лишь для выполнения сравнительно небольших акций по подавлению мятежей и бунтов или по защите жизни и собственности людей на удаленных планетах. Уполномочив Флот на подобные действия и заключая соглашения с разными чужаками, Федерация тем самым признала положение, предусматривающее в первую очередь соблюдение интересов инопланетных сообществ, положение, которое было традиционным среди правительств на Земле во времена, предшествующие Конституции. Таким образом, Земля в целом — это суверенное государство с законной прерогативой самозащиты.

3. Совершив нападение на Новую Европу и проводя ее последовательную оккупацию, алероны совершили акт территориальной агрессии.

4. Если Алерон не считается суверенным государством, ведение с ним переговоров незаконно, и ОМК следует принять военные действия против того, что не может рассматриваться иначе как бандитизм.

Зал загудел. Фазиль ударил молотком по столу. Кокелин ждал с сардонической улыбкой на губах. Когда порядок был восстановлен, оратор от лица Франции продолжил:

— Вполне очевидно, что данная ассамблея считает Алерон таким же суверенным государством, как и Земля. Исходя из этого:

5. Если Алерон действительно полноправное государство со всеми законными правами и обязанностями, тогда, согласно преамбуле Конституции, он принадлежит к семье наций. В этом случае он должен быть: а) обязанным воздерживаться от территориальной агрессии под угрозой военной санкции, либо б) не обязанным это делать, поскольку он не является членом Федерации.

6. В первом случае Алерон автоматически подвергается военным санкциям со стороны Организации Мирного Контроля. Однако и во втором случае ОМК тоже предписывается, согласно Конституции и прошлым прецедентам, охранять интересы отдельных людей и государств, входящих в состав Федерации. Еще раз подчеркиваю — эта обязанность возложена на ОМК. Не на данную высокочтимую ассамблею, не на Всемирный Суд, а на ОМК, действия которой в зависимости от обстоятельств должны носить военный характер.

7. В соответствии с вышеизложенным в настоящее время в любом случае между Алероном и Всемирной Федерацией возникает состояние войны.

Все смешалось в невообразимом хаосе.

Вошел Вадаж. Некоторое время он смотрел на экран, показывавший сотни людей, вскочивших с мест и издававших возмущенные или приветственные крики. Потом пробормотал:

— А здесь нет какого-нибудь слабого места?

— Нет, — отозвался Хейм. — Вспомни дело Мусульманской Лиги. Кроме того, я перечитал заново Конституцию, и там все сказано вполне ясно. Конечно, наше счастье, что она была написана до того, как мы встретились с инопланетянами, не уступающими нам по развитию. — Он повернулся к помощнику: — Как радар?

— О? О... о, да. По правому борту на высоте около 10 000 км, вектор примерно тот же, что и у нас.

— Проклятье! Должно быть, это одно из соединений Военного Флота, вызванного для обороны Земли. Ну что ж, поживем — увидим.

Хейм, не обращая внимания на бесновавшуюся толпу на экране, смотрел на холодное спокойствие Млечного Пути, думая о том, что хотя бы это должно сохраниться.

Каким-то образом тишину все же удалось восстановить. Кокелин терпеливо дождался этого момента, взял в руки другой листок с отпечатанным на нем текстом и продолжал тем же сухим тоном:

8. В случае территориальной агрессии какого-либо государства, члены Федерации обязаны оказывать ОМК любую посильную помощь во имя Федерации.

9. В понимании Франции это подразумевает неотъемлемую обязанность оказать военную помощь колонистам Новой Европы. Однако член Федерации не имеет права на производство или владение ядерным оружием.

10. Подобного запрета не существует для отдельных индивидуумов, которые вне Солнечной системы могут иметь такое оружие для собственных нужд при условии, что не допустят его проникновения в пределы системы.

11. Не существует также закона, запрещающего любому государству — члену Федерации проявлять одностороннюю инициативу по предоставлению свободы действий частной военной экспедиции, которая берет на себя все связанные с этим расходы. Мы допускаем, что они, эти частные предприниматели, должны формально считаться гражданами страны, под флагом которой они выступают, и что это, возможно, противоречит национальному закону о разоружении. Мы допускаем также, что окончательно выдача каперских свидетельств и свидетельств, санкционирующих репрессалии, была запрещена Парижской Декларацией 1956 года. Однако, в то время как данная Декларация связывает тех, кто под ней подписался, она не распространяется на Федерацию в целом, поскольку она не подписывала данный документ и поскольку ее членами являются такие страны, как, например, США, которые тоже под ней не подписывались. А мы уже убедились, на основе вышеизложенного, что Федерация — это суверенное государство, обладающее всеми правами и обязанностями, которых она должна четко и ясно придерживаться.

12. Таким образом, Федерация имеет ничем не ограниченное право на выдачу каперских свидетельств, санкционирующих репрессалии.

13. Исходя из этого, а также согласно параграфам 7, 8 и 9, Франция имеет право и обязана выдавать каперские свидетельства и свидетельства, санкционирующие репрессалии, во имя Федерации.

Именно так Франция и поступила.

Стереовизор пищал — слабее и слабее с каждой минутой, — по мере того как «Лис-2» наращивал ускорение и все быстрее удалялся от Земли. В то время как луч, направленный на Марс, ослаб и пропал, заваруха в Капитолии все еще продолжалась.

Пенойер сказал:

— Ну и ну! Что же теперь будет?

— Бесконечные споры, — ответил Хейм. — Кокелин будет драться за каждую запяточку. Между тем ничего нельзя поделить с проявлением мягкотелости по отношению к алеронам. Будем надеяться, что люди, не лишенные мозгов, поймут, что Кокелин выиграл начало сражения, сплотятся вокруг него и... Я не знаю.

— Но что будет с нами?

— Возможно, нам удастся удрать, прежде чем кто-нибудь догадается, о каком французском предпринимателе шла речь. Конечно, официально они не имеют права задерживать нас без санкции Министерства Военного Флота, а вам хорошо известно,

сколько времени уходит на получение такой санкции. Но ядерный снаряд — это своего рода итог, и тот, кто его выпустит, приобретет в лице членов Суда могущественных друзей.

Вадаж настроил гитару и негромко запел:

Морген рот, морген рот...

Хейм долго не мог понять, что это такое, пока не вспомнил старый-престарый кавалерийский марш австрийцев:

Утро красное, утро красное,
Засияешь ли ты мне, мертвому?
Скоро трубы затрубят,
И я должен буду пойти на смерть,
Я и несколько моих верных друзей.

Но песня эта была не из категории грустных, ее пели хором отряды молодых веселых людей, которые скакали верхом на резвых конях, и солнце ярко освещало их знамена и пики.

Хейм громко рассмеялся:

— Эй! Идея! Речь Кокелина состояла ровно из тринадцати пунктов. Интересно, случайность это или нет?

Никто не отозвался, кроме струн. Хейм погрузился в собственные мысли... Конни, Мэдилон, Джосселин... Земля и Луна остались далеко позади.

Раздавшийся внезапно голос буквально подбросил их вверх:

— ПСА-СИ «Нептун» вызывает крейсер «Лис-2». Подойдите ближе, «Лис-2».

— Господи Иисусе, — прошептал Пенюер. — Бласт-корабль.

Хейм проверил показания радара:

— Идет курсом, параллельным нашему. И собирается переходить на перехват. К тому же говорят с нами по-английски, хотя у нас французские опознавательные знаки. Стало быть, они знают...

Закусив губу, он сел за передатчик.

— «Лис-2» вызывает «Нептун», — сказал он. — Слышим вас. На связи капитан. Каковы ваши намерения? Отбой.

— На связи капитан контр-адмирал Чинг-Кво, командир «Нептуна». Сбросьте ускорение и будьте готовы принять на борт наших людей. Отбой.

У Хейма засосало под ложечкой.

— Что это значит? — выпалил он. — У нас есть разрешение на полет. Отбой.

— Вы подозреваетесь в незаконных намерениях. Вам приказано вернуться на орбиту Земли. Отбой.

— У вас есть предписание Министерства? Отбой.

— Я покажу вам документ, удостоверяющий мои полномочия, когда ступлю к вам на борт, капитан. Отбой.

— Если у вас этого документа нет, то окажется, что я напрасно потерял время. Установите видеоконтакт и покажите мне его. В противном случае я не обязан повиноваться вам. Отбой.

— Капитан, — сказал Чинг-Кво. — У меня есть приказ. Если вы откажетесь следовать инструкции, я буду вынужден открыть по вам огонь. Отбой.

Взгляд Хейма блуждал среди звезд.

«Нет-нет! Только не это! Еще час — и мы были бы уже далеко! Один час».

Внезапно словно пламя охватило его.

— Ваша взяла, адмирал, — ответил он. Собственный голос показался ему чужим. — Я уступаю, хотя и против своей воли. Дайте хотя бы время на вычисление, и мы пойдем вам навстречу. Отбой и конец связи.

Он рывком выключил передатчик и нажал кнопку связи с машинным отделением.

— Капитан вызывает главного инженера, — сказал он. — Ты меня слышишь?

— Слышу, — рыкнул Утхг-а-К-Тхакв, — все нормально.

— Не тут-то было. Кто-то выпустил черта из бутылки. Возле нас болтается бласт-корабль и обещает обстрелять, если мы не остановимся и не сдадимся. Приготовься к переходу на ускорение Маха.

— Капитан! — завопил Пенoyer. — Вы что, собираетесь так глубоко забираться в солнечное поле?

— Если синхронизатор в порядке, это осуществимо, — сказал Хейм. — Ну, а если нет... тогда мы просто станем мертвецами, не более того. Утхг-а-К-Тхакв, как ты думаешь, не слабо нам повернуть этот трюк?

— Гвуррру! Что за вопрос!

— Ты сам осматривал двигатели, — продолжал Хейм, — и я тебе доверяю.

За его спиной зазвенела гитара Вадажа.

Мгновение интерком передавал только пульсацию механизмов. Затем раздался голос Утхг-а-К-Тхаква:

— Капитан, я не Бог. Но мне кажется, у нас есть неплохой шанс. И я доверяю тебе.

Хейм включил общий интерком.

— Слушайте все, — произнес он на фоне музыкального сопровождения Вадажа. — Немедленно приготовиться к ускорению Маха.

Пенoyer сжал кулаки:

— Да, сэр.

Гудение на корме все нарастало, пока не превратилось в гул, напоминающий порывы шквального ветра и шум огромных волн. Пространство искривилось. В иллюминаторах танцевали звезды.

Ключ к этому феномену был подобран в далеком прошлом Эрнстом Махом из Австрии. Нет ничего, что существовало бы

изолированно. Инерция не имеет никакого значения без инерциальной системы координат, которой должна являться вся вселенная. Эйнштейн доказал, что инерционная и гравитационная массы — это одно и то же. Но что касается самих по себе этих явлений... Гравитационную можно рассматривать как выравнивание искривленного пространства. Тогда инерция — это индукционное влияние на массу космического гравиполя. Если гравитроны вашего корабля способны прогибать пространство — не в той незначительной мере, которая необходима только для взлета и короткого броска, а по замкнутой кривой, — то ускоряющая его сила не встречает никакого сопротивления. Теоретически вы можете двигаться с любой скоростью. Границ больше не существует.

«Нептун» выстрелил. Недолет в миллион километров. Адмирал корабля бросился к приборам. Так и есть, его надежда не оправдалась: возможно, этому помешали силы, порожденные чудовищным смещением координат здесь, где все подчиняло себе Солнце. На приборах никаких показаний: ни обломков, ни следов — ничего, кроме завывания протонов, отброшенных дугообразной волной, поднятой обгоняющим свет кораблем. Адмирал не осмелился его преследовать.

Хейм выпрямился и расслабился.

— Ну что ж, — сказал он. — Дело сделано.

Но ликование, бушевавшее в нем, невозможно было выразить никакими словами. Что же касается Вадажа, то он что было мочи вопил:

Глория, Глория, аллилуйя!

Глория, Глория, аллилуйя!

Ну вот мы и на воле!

Часть 2. ПОРТ-АРСЕНАЛ

ГЛАВА 1

Когда прибыл корабль с Земли, Гуннар Хейм торговался с посыльным из ядерного арсенала. «Аэри Требогир», от имени которого говорил Ро, мог продать оружие, но при этом он ставил некоторые условия.

Изобилующая свистящими и шипящими звуками речь инопланетянина звучала в наушниках и тут же переводилась Грегорисом Куманодисом:

— ...ракета развивает такую скорость, поскольку пусковой толчок ей дают гравитроны ее собственного корабля.

Хейму хотелось изобразить сомнение, наподобие того, какое, бывало, проявляли раньше при покупке лошади, и задумчиво почесать в затылке или что-то в этом роде. Но в данных обстоятельствах это выглядело бы глупо. Проклятый скафандр! Как жаль, что его нельзя снять. Хейм стоял на специальной платформе,

поддерживавшей его вес в нормальном состоянии; но даже его двухметровое тело, которому он во время полета вернул первоклассную форму, ощущало тяжесть скафандра, который ему приходилось на себе таскать. Сначала он не собирался выходить из корабля, рассчитывая установить наружную стереосвязь из «Конни» и таким образом встретиться с представителями Строна, но Куманодис отговорил его от этого.

— Они отнесутся к вас с большим уважением, если вы посетите их лично, — сказал грек. — Это, разумеется, иррационально, однако они придают большое значение физической силе. А те, к кому они проникаются уважением, устаиваются и лучшего обращения.

— Итак, — Хейм, прищурившись, взглянул на ослепительное голубое солнце, — я вижу некоторые преимущества. Однако, будучи ограничен в маневренности, я превращусь в подсадную утку.

Куманодис передал его возражение на языке, распространенном на территории от Кимретских высот до Железного моря. Ро развел руками в жесте, на удивление похожем на человеческий.

— Утрата маневренности — это еще не самое страшное, поскольку для стрельбы требуются лишь доли секунды. После этого корабль вновь мгновенно приобретает полную силу в маневре. Для надежности необходимо осуществить синхронизацию системы с двигателем комплектом, но сделать необходимые изменения на вашем корабле, я думаю, будет не так уж сложно.

Хейм непроизвольно посмотрел на небо; где-то за этим пурпурным сводом, за этими голубовато-ледяными облаками вращался на орбите вокруг Строна «Лис-2», а грузовые ракеты совершали рейсы туда и обратно со своим смертоносным грузом, и люди вместе с инопланетянами ползали по крейсеру, словно муравьи, вместе делая одно дело: подготавливая корабль к войне. Теперь уже осталось не много. И Хейм каждой своей клеточкой рвался в небо. Ведь каждый новый день, проведенный им здесь, означал, что алероны стали еще сильнее, а судьба людей на Новой Европе еще безнадежнее.

И все же единственный капер, совершающий рейды в Фениксе, был ужасно одинок. Поэтому если появлялась любая возможность, даже самая микроскопическая, получить для него какие-то преимущества, его капитан не имел права упускать эту возможность. Такую, например, как утверждал Ро, можно изготовить в «Аэри Требогир». Предложение было заманчивое...

Четыре когтистых пальца, расположенных по всей окружности ладони, снова пришли в движение.

— Несколько дней. Точнее сказать нельзя, поскольку наши технологи недостаточно хорошо знакомы с судами вашего класса. Могут ли я сделать капитану предложение, чтобы он послал своего высокочтимого главного инженера для обсуждения некоторых деталей с нашими технологами?

— М-м-м... — Хейм задумался. Его взгляд перешел с Ро на

Гальвета, который бесстрастно ждал, не коснется ли разговор Ложи. Но бласт-ружье неподвижно покоилось в руках наблюдателя. Если на лице Гальвета и появилось какое-то выражение, то это была просто сонливость, при которой его желтые глаза то и дело устало закрывались. Таким образом, человеку невозможно было понять, какие мысли бродят в узких головах стронов.

Трудно даже было отличить одного строна от другого. Различия не бросались в глаза из-за своей абсолютной чужеродности. Оба — и Ро, и Гальвет — достигали в длину около трех метров, но половину этой величины составлял толстый хвост, имевший на конце нечто вроде рулевой стойки, на двойной спирали которой покоилось безногое туловище. Килевая кость выступала вперед словно нос корабля. Лицо представляло собой острую морду с клыками, наподобие волчьих, и маленькими круглыми ушами. Оно здорово напоминало маску, и это впечатление создавалось не столько темной полосой, проходящей через глаза, сколько ноздрями, спрятанными под подбородком. Сероватая поросль — не шерсть и не перья, а нечто среднее между ними — покрывала всю поверхность тела. Одежды никакой не было, кроме двух поясов с кармашками, идущих крест-накрест от плеча до талии. И на все это ложилась тень от двух гигантских, как у археоптерикса, крыльев семи метров в размахе.

Если приглядеться повнимательнее, различия можно было заметить. Главным было то, что Гальвет отличался некоторой худобой, а его покров имел серебристый оттенок, что было равнозначно седине. А Ро все еще был в полном расцвете сил, свойственном молодости. Кроме того, Гальвет носил нечто вроде упряжки с золотым орнаментом, которая была отличительным знаком Ложи, в то время как Ро имел черно-красную татуировку с геометрическим рисунком, такую же, как и другие жители Требогира.

Хейм повернулся к Куманодису.

— Ну, а что ты думаешь? — спросил он.

Тучный переводчик пожал плечами:

— Я не специалист в этих вопросах.

— Но, черт побери, ведь ты и Янг провели здесь пару месяцев. Так должны же вы были заметить, кто компетентен в таких делах и кому можно верить, а кому — нет.

— А, вы насчет этого! Разумеется. Правитель Требогира не грабитель. У него доброе имя. И с ним можно иметь дело.

— О'кей, — Хейм пришел к решению. — Тогда скажи этому посланнику, что его предложение меня заинтересовало. Я вызову с «Лиса» бортинженера при первой же возможности — сейчас он занят, поскольку должен проконтролировать работу подрядчиков из «Хест Венливэйн», устанавливающих компьютеры по управлению работой огневых установок, — и тогда мы приедем к ним в «Аэри» и на месте обсудим все дальнейшие детали.

— Вы не должны быть столь прямолинейны, — сказал Куманодис. — Члены Ложи есть Члены Ложи, но все они разные. Например,

в Ложе Гнезда цветистые фразы любят не меньше, чем в Японии или где-нибудь в арабских странах.

С этими словами он повернулся к посланнику и, старательно подбирая слова, начал передавать сказанное Хеймом в своей интерпретации.

Внезапно сквозь ветер, шуршавший красной листвою низкорослого леса, окружавшего космопорт, сквозь шум прибоя в километре от них пробился жалобный вой. Он все нарастал, превращаясь в громopodobный рев, воздух раскололся, и на бетонное поле и на здания из шлаковых блоков упала тень. Все подняли вверх головы.

На поле опускался закругленный цилиндр. Бело-голубые отсветы на его металлической поверхности были такими ослепительными, что Хейм отвернулся. Но он узнал эту конструкцию и почувствовал, как дрогнуло сердце.

— Звездолет! Земной конструкции... Что происходит?

— Я... не... знаю.

Лицо Куманодиса с большим носом приобрело багровый оттенок, это было заметно даже сквозь темное стекло шлема.

— Мне никто ничего не говорил. Гальвет! — он повернулся к сторону и нервно выпалил свой вопрос.

Член Ложи нехотя промямлил что-то в ответ.

— Он говорит, что не придавал этому значения и не знал, что это интересует нас, — перевел Куманодис.

— Проклятье, — чертыхнулся Хейм. — Но ведь он же знает об алеронском кризисе! И наверняка получил какую-нибудь писанину о наших неладах с собственным правительством. Ложа, должно быть, остановила этот корабль для инспекции не далее как вчера. Почему же нас не предупредили?

— Никогда нельзя знать наверняка, насколько хорошо понимают нас страны, — ответил Куманодис. — На их взгляд смешно, что мы не смогли вооружиться дома и затем отправиться когда и куда захотим. Кроме того, эти люди не могут иметь при себе какого-нибудь серьезного оружия, иначе им не позволили бы совершить здесь посадку.

— У них может быть ручное оружие, — огрызнулся Хейм. — У нас оно есть. Постарайся отделаться от этих ублюдков как можно быстрее, Грег, и возвращайся на корабль. Я пока предупрежу наших ребят.

Он быстро зашагал через платформу к посадочной аппарели и взбежал по ней наверх к воздушному шлюзу. Там он был вынужден стоять, кипящая в ожидании, пока сменится атмосфера, и сам он не подвергнется декомпрессии. При мысли о том, что все достигнутое таким трудом может пойти насмарку, Хеймом вновь овладела слепая ярость, которая, как он полагал, осталась на Земле. За те две недели, которые необходимы были «Лису» для преодоления пути в сотню с лишним световых лет к этой звезде, или за те три недели, которые последовали за первыми двумя и в течение которых корабль

переоснащался, могло произойти все что угодно. Партия Мира могла одержать победу, и его каперское предприятие могло быть объявлено вне закона.

— Конечно, — снова и снова говорил он себе. — Этот корабль не принадлежит Военному Флоту Федерации. Просто маленькое гражданское судно. Но строны не позволяют никаким военным кораблям, кроме собственных, курсировать возле их планет. Если это судно просто доставило мне официальный приказ вернуться домой... Что ж, хорошо, тогда встает вопрос: что в этом случае делать? Продолжать делать то, что намечено, — уже в качестве пирата? От этого будет мало толку. Вся идея заключалась в том, чтобы создать такую ситуацию, из которой Земля могла бы извлечь пользу. Если Земля отказывается от этого шанса и отрекается от нас, нам остается одна возможность: стать всего лишь источником неприятностей для алеронов, и то до тех пор, пока нас не загонят в угол и не прикончат. Я больше никогда не увижу Землю.

Он словно бы вновь увидел планету, где встретил свою единственную неповторимую любовь и был счастлив.

Но, может быть, что-то удалось бы даже пирату. Был ведь когда-то Дрейк Золотая Рука... Правда, тогда были иные времена и люди не отличались такой феноменальной трусостью.

Дверь открылась. Хейм вошел внутрь яхты, которая теперь исполняла роль вспомогательного судна при звездолете, и снял шлем.

Андре Вадаж был на мостике. Тонкое смуглое лицо менестреля было обращено к иллюминатору; сквозь стекло был виден чужой корабль, приближавшийся в искаженных гравитронами лучах света. Когда шаги Хейма прогрохотали по палубе, он не оглянулся, только сказал ничего не выражающим голосом:

— Я приказал членам экипажа находиться в боевой готовности и принес из вашей каюты вашу лучшую винтовку.

— Молодцом! — Хейм положил оружие на сгиб локтя. Его массивность, твердость и красивая форма словно придавали уверенность. Это была циклическая винтовка тридцатого калибра системы Браунинг, способная выпускать сорок пуль в минуту в любой атмосфере или при отсутствии оной, гордость коллекции Хейма. Вадаж, в расстегнутом скафандре с открытым шлемом, сидел возле лазерного орудия.

— Я не совсем уверен, — заметил венгр. — Смогут ли шесть человек сделать что-нибудь, если кто-то попытается атаковать нас. В этом кораблике их, как минимум, раз в пять больше.

Мы можем продержаться, пока не прибудет помощь с «Лиса», — сказал Хейм. — А там у нас в общей сложности около сотни человек. Это в том случае, если Ложа не остановит сражение.

— О, в этом я сомневаюсь, — пробормотал Вадаж с легкой улыбкой. — Их прекрасный космопорт вряд ли пострадает, к тому же, судя по тому, что я слышал о странах, препятствовать кровопролитию — не в их правилах.

Он указал на несколько крылатых теней, круживших на фоне туч над западной оконечностью Острова Орлинг.

— Они с удовольствием посмотрят этот спектакль.

Хейм приказал радисту связаться с «Лисом». На это потребовалось некоторое время. Луч должен был пройти через наземную станцию и пару ретрансляционных спутников. Янг находился на орбите в качестве переводчика при рабочих отрядах землян и стронов, а радисты плохо знали местный язык. Пришелец должен был опуститься с минуты на минуту.

— Это просто моя мнительность, — попытался успокоить себя Хейм. — Но, с другой стороны, зачем сюда лететь земному кораблю, если не в связи с моей авантюрой?

Торговать? Да, время от времени торговые корабли действительно наведывались сюда с Земли, Наквсы или какой-нибудь другой планеты, имеющей космический флот. Вот почему производители оружия на Строне готовы принять от меня кредиты моей Федерации. Но уж, конечно, не сейчас, когда алеронский кризис близок к взрыву.

Вадаж тихонько насвистывал «Бою-Дан-юб» — самое подходящее время! А впрочем, он, быть может, просто хотел вспомнить, пока у него еще есть такая возможность...

Земля, корпус яхты и тело Хейма в последний раз вздрогнули, когда стойки неизвестного корабля коснулись бетонной полосы. Его тень, упавшая на «Конни», целиком поглотила яхту. Через интерком Хейм слышал крепкие словечки, отпускаемые членами его экипажа, бормотание радиста, сидящего у передатчика, и гудение ядерного двигателя, приведенного в состояние готовности. Вентилятор обвевал прохладным воздухом его лицо, покрытое капельками пота. Когда на мостике появился Куманодис, Хейм повернулся к нему с поспешностью, обнаруживавшей все его напряжение.

— Ну? Ты что-нибудь узнал? — рявкнул он.

Грек с облегчением вздохнул:

— Мне кажется, все в порядке, сэр. Насколько я понял Гальвета, они хотят побыть здесь некоторое время, осмотреться и кое-что узнать. Короче говоря, ксенологическая экспедиция.

— На эту планету? — недоверчиво спросил Хейм.

— Ну, в конце концов, мы сейчас находимся в Гидре, — заметил Вадаж. — А вся эта заваруха происходит в Фениксе. Отсюда вполне приличное расстояние.

— От Эйта не дальше, чем Альфа Эридана, — возразил Хейм, — где у нас состоялась самая крупная заваруха с алеронами. И это было много лет назад. Они расползлись по всему этому сектору. Кроме того, на организацию экспедиции нужно время. Почему же мы ничего не слышали о ней на Земле?

— Мы были слишком заняты, — сухо ответил Вадаж и подошел к радиотелефону. — Может быть, стоит попробовать связаться с ними?

— Что?.. О, да, разумеется.

Хейм мысленно чертыхнулся, что забыл о такой простой акции.

Связь установилась сразу.

— МДС «Поиск», США, — произнес мягкий молодой голос. — Капитан занят, сэр, но я могу соединить вас с доктором Брэгдоном. Он возглавляет научную бригаду.

Облегчение, испытанное Хеймом, было подобно удару. Он буквально осел в своем скафандре.

— Так, значит, вы здесь лишь для того, чтобы проводить исследования?

— Да, сэр. Экспедиция Гавайского университета по согласованию с Научно-исследовательским филиалом Федерации. Один момент, пожалуйста, — экран замерцал, и на нем появилось изображение каюты корабля, до отказа забитой книгами разных форматов. Человек на переднем плане тоже был молод, этакий здоровяк с темными волосами и крупными чертами лица.

— С вами говорит Виктор Брэгдон, — сказал он, и вдруг его челюсть отвисла. — Бог мой! Так это вы, Гуннар Хейм.

Капитан капера не ответил. Он сам был слишком ошеломлен. Женщина, стоящая позади Брэгдона, наклонилась над его плечом и встретила взглядом с широко раскрытыми глазами Хейма. Она была высокого роста, простой серой костюм на молнии плотно облегал сильную женственную фигуру.

Лицо ее тоже привлекало внимание не столько заурядной миловидностью, сколько выражавшейся в нем силой: прямой нос, широкий рот, высокие скулы и лоб, обрамленный вьющимися каштановыми волосами. Несколько лет назад это лицо не давало ему заснуть. Когда он увидел имя Джосселин Лори в заголовке листовки, выпущенной организацией «Военные мира за мир», старая боль ожила в нем, и он с еще большим рвением продолжил свои приготовления к войне.

Ошеломление первых минут прошло, уступив место подозрению. Хейм почувствовал, как напряглись его мышцы.

— Что вы здесь делаете? — выкрикнул он.

ГЛАВА 2

Впоследствии Хейм с грустной иронией вспоминал о своей осторожности. Не прошло еще и часа со времени приземления «Поиска», как он поднял яхту, ссылаясь на срочную необходимость своего присутствия на борту «Лиса-2». Однако Куманодис вызвался остаться на борту прилетевшего корабля, дабы нанести визит вежливости.

Хейм знал, что грек выполнил большую работу по заключению предварительных договоров на Строне. Удастся ли ему столь же успешно достичь взаимопонимания со своими собратьями-землянами, было неизвестно, но у Хейма не было другого выбора. Остаться должен был либо Куманодис, либо Янг, единственные, кто бегло

говорил на местном языке и поэтому мог пользоваться лазерной линией космопорта, гарантирующей защиту от подслушивания.

По прошествии двух вахт от Куманодиса поступило донесение:

— С ними все в порядке, шкипер. Меня провели по всему кораблю, и я имел возможность поговорить с каждым. В экипаже у них пять человек, плюс капитан, его помощник и бортинженер. Все они самые обычные служащие, подписавшие контракт на этот круиз, как подписались бы на любой другой исследовательский полет. Тут не спутаешь. Или надо быть слишком хорошим артистом. Но такие работают на стереовидении, а не в космосе.

— Им вовсе не обязательно играть, — сказал Хейм. — Достаточно надеть на себя ничего не выражающую маску.

— Но эти парни совсем не такие. Они обступили меня и буквально засыпали вопросами о нашей экспедиции. В целом они считают, что наша идея чертовски удачна. Двое из них даже изъявили желание к нам присоединиться.

— Угу. Это меня не удивляет. Простые люди часто проявляют больше здравого смысла, чем представители интеллектуальной элиты. К числу последних относится кто-нибудь из офицеров?

— Да, инженер. Что касается капитана Гутьерца и Первого Офицера... В общем, они были непроницаемы, как метеориты. Я до сих пор не знаю, что у них на уме. Возможно, они воспринимают нас негативно, полагая, что война — это дело регулярного Военного Флота. Но я постарался доказать оправданность нашей экспедиции. Упомянул ее бескорыстные цели, официальные документы, подтверждающие ее законность, и т. д.

— А как насчет ученых?

— Разношерстная команда. Мне кажется, Брэгдон и мисс Лори — единственные, кто когда-либо бывал за пределами Солнечной системы. Среди них есть ксенолог, семантик, глоссаналитик, биолог и полдюжины аспирантов в качестве помощников. Насколько я понял, прежде никто из них не бывал на Строне.

— Странно.

— Чарли Янг и я тоже впервые попали сюда лишь тогда, когда вы нас послали, босс. Они сделали то же самое, что и мы, опирались на имевшуюся информацию и по дороге выучили основной язык с помощью РНА-электро. Этот прибор кого угодно натаскает за каких-нибудь две-три недели. Как бы там ни было, я могу вам с уверенностью сказать, что людей этого типа можно не опасаться. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них, кроме Брэгдона, умел обращаться с ручным или любым другим оружием. Мы и наши убеждения их не очень волнуют, так что взаимоотношения между нами все равно были бы слегка натянуты, даже если бы по отношению к ним не было проявлено никакой грубости. Но они не представляют для нас никакой угрозы.

— Это можно сказать про всех? — спросил Хейм, вдруг ощутив странный упадок духа.

— Нет. Забавно, но и мистер Брэгдон, и мисс Лори весьма дружелюбны. Он один раз заметил, что не согласен с вашими идеями, но очень уважает вас за мужество, а она сказала, что надеется вскоре снова увидиться с вами. Может быть, вы все же нанесете им визит.

— Да, — мягко ответил Хейм. — О, да.

Через час «Конни» уже набирала скорость, возвращаясь с орбиты к планете.

Сидя на мостике, Хейм слушал гудение двигателей яхты и биение собственного сердца в такт мелодии «фламенко» исполняемой Вадажем. Некоторое время оба молчали, не отрывая глаз от иллюминатора.

Строн, диаметр которого в два с половиной раза, а масса — в девять с половиной раз больше земной, гигантским шаром катился среди непроглядной тьмы. Моря сияли благородной голубизной; континенты, испещренные пятнами белоснежных облачных скоплений, были коричневато-желтыми или цвета киновари. Вдоль линии горизонта атмосфера образовывала неистовый яркий обод; и над всем этим, озаренное горячим солнцем класса F5, струилось свечение, превращавшееся возле полюсов в огромное знамя зари, взметнувшееся высоко вверх, в космос. Позади виднелись две луны, сиявшие леденистым светом, а еще дальше мерцали странные созвездия.

— Когда я вижу что-нибудь наподобие этого, — пробормотал Хейм, — я всегда удивляюсь.

Вадаж перестал играть и, по-птичьи наклонив голову, взглянул на него.

— Чему удивляешься?

— Какого черта мы теряем время на то, чтобы ненавидеть и убивать, когда мы можем потратить его на... А, не имеет значения. — Хейм достал свою трубку. — Все это только служит поводом для раздоров.

Вадаж пристально смотрел на него.

— Я уже изучил тебя достаточно хорошо, Гуннар, — сказал он. — Ты не подходишь для роли Гамлета. Что случилось на самом деле?

— Ничего!

— А, прости, если я сую нос не в свои дела, но успех всего этого предприятия зависит от тебя. Причиной для расстройства послужило появление леди, не так ли?

— Я был всего лишь удивлен, не больше. Когда-то мы были друзьями. — Хейм принялся старательно набивать трубку. Но твердый взгляд венгра заставил его продолжить. — Несколько лет тому назад мы с женой довольно часто общались с четой Лори. Незадолго до смерти Конни они улетели на Уранию, в систему Эпсилон-Инди, чтобы оборудовать в тамошней колонии фабрику по изготовлению станков. Должно быть, дела там пошли не очень хорошо, потому что в прошлом году она вернулась оттуда, будучи уже в разводе с мужем. Конфликт с алеронами находился уже в

серьезной стадии, хотя еще не дошло до нападения на Новую Европу, и она стала активно участвовать в движении за мир. У нее совсем не было свободного времени: постоянные разъезды, митинги, собрания... Поэтому мы виделись всего несколько раз, да и то мельком, на больших официальных встречах, где любят много и без толку болтать. Я... э... почти не сомневался, что она не захочет говорить со мной теперь, после того, что я сделал.

— И теперь приятно удивлен, а? Она действительно привлекательна. Тебе это особенно должно быть заметно.

— Что ты хочешь этим сказать? — огрызнулся Хейм.

— О... — улыбка Вадажа была обезоруживающей. — Не стоит слишком пристально присматриваться к интимной жизни своего ближнего. Однако, Гуннар, хотя ты был слишком занят, я чувствую, что ты совершаешь ошибку, не... как бы это сказать... в общем, не подготавливая себя к длительному путешествию в исключительно мужском обществе.

Хейм ухмыльнулся ему в ответ:

— Мне и так стоило немалого труда сочинять всякие небылицы в оправдание твоих отлучек. Как я могу сказать, что их герой занят любовными похождениями?

— Тише! — Вадаж стал красным, как помидор, и принялся радостно дергать струны на гитаре.

«Однако в его словах есть доля правды, — подумав, решил Хейм. — Я мог бы... Конни поняла бы меня. Так же, как когда-то поняла в отношении Джосселин. Одному Богу известно, сколько с тех пор могло быть других женщин... Может быть, я слишком много думал о Мэдилон, оставшейся на Новой Европе. Проклятая глупость. О... не знаю, все перепуталось».

Не совсем уверенно он нажал кнопку на ее двери. Она открыла, когда еще не стих звон колокольчика.

— Гуннар, — сказала она и взяла обе его руки в свои. — Я так рада, что ты смог прийти.

— С твоей стороны было мило меня пригласить, — сказал он.

— Ерунда, когда два старых друга встречаются вновь на полпути между домом и Южным Крестом, что еще они могут сделать, кроме как устроить небольшой пир наедине? Ну, входи же...

Дверь за ним закрылась. Он огляделся. Ее каюта была большая и комфортабельная, и Джосселин еще сумела сделать ее уютной. Хейм узнал некоторые вещицы из ее бывшего дома в Сан-Франциско: репродукции Матисса и Хиросиги, несколько потрепанных томиков Катулла, Йетса, Тагора, Пастернака и Мозуник-Лопенса, флейта... Когда-то ему нравилось слушать, как она на ней играет. Были здесь и сувениры из системы Эпсилон-Инди, не столько с Урании, сколько с застывшего Нового Марса. Затем его внимание вновь переключилось на хозяйку, и он замер. На Джосселин было «электрическое» голубое

платье и массивное серебряное ожерелье, какие носят на Геане. Ее туалет был и скромным, и ошеломляющим. Или так просто казалось, поскольку под ним легко угадывались знакомые линии.

«Очнись, парень», — сказал сам себе Хейм, а вслух произнес:

— Ты не изменилась.

— Лгунишка. Однако благодарю. — Ее глаза задержались на нем. — А вот ты изменился. Усталый, сердитый человек.

— Ну почему же, нет, сейчас я чувствую себя счастливее, чем...

Она не дала ему договорить, отпустив его руки и направившись к столу, на котором стояли бутылки и лед.

— Давай чего-нибудь выпьем, — сказал она. — Насколько я помню, ты любишь шотландское виски. А вот еще глинтвейн.

— Как? Ведь ты всегда предпочитала легкие вина?

— Видишь ли, Вик... ну, ты, конечно, понял — доктор Брэгдон... он разделяет твои вкусы и любезно предоставил в наше распоряжение свой бар.

Она начала разливать вино. Мгновение бульканье льющегося вина было единственным звуком во всей вселенной.

«Черт меня подери, какое я имею право ревновать?» — подумал Хейм и тут же нарушил молчание:

— Я не совсем понял, что ты тут делаешь вместе с ним.

— Официально я секретарь при экспедиции. Определенные навыки этой работы я получила еще до замужества, а затем постепенно утратила их, вступив в ряды «Движения за мир». Потом они сновагодились мне на других планетах, включая планеты, где для жизни требуется специальное снаряжение. Мне приходилось довольно часто бывать на Новом Марсе — якобы для того, чтобы сопровождать геологоразведчиков с Эдгара, а на самом деле — просто чтобы куда-нибудь убраться... Но это неважно. Все это в прошлом. Когда я услышала об этой экспедиции, то подала заявление с просьбой об участии и, к своему удивлению, получила положительный ответ. Наверное, потому что по-настоящему соответствующие этой должности люди боялись оказаться в такой близости от большого коварного Алерона и отчасти потому, что я смогу справиться с этим.

Она подала ему бокал и подняла свой.

— Добро пожаловать на борт нашего корабля, Гуннар, и давай выпьем за прежние дни.

Они молча чокнулись бокалами.

— За те дни, когда жизнь была проста и прекрасна, — добавила Джосселин. Сделав глоток шабли, она снова произнесла тост, на этот раз с вызовом: — А теперь за будущее, за то, что мы сделаем его таким же.

— Что ж, будем надеяться.

Уголки его губ приподнялись. Джосселин всегда любила чересчур все драматизировать, но ему, с его флегматичностью, это даже нравилось.

— Садись, — взмахом руки она указала ему на кресло, но он сел на стул. Джосселин усмехнулась и, опустившись в кресло, принимающее форму тела, расслабилась.

— Ну, а теперь, — сказала она, — Расскажи мне о себе.

— Разве ты еще не насытилась сообщениями обо мне в печати?

— Да уж, недостатка в них не было. — Она прищелкнула языком. — Вся Солнечная система пришла в волнение. Половина требовала повесить тебя и бросить на Францию водородную бомбу за содействие твоей авантюре. Остальные... — От ее юмора не осталось и следа. — Я не знала, что ваша политика имеет столько сторонников среди населения. Твой шаг как бы слил их всех воедино, спаял в одно целое.

Усилив воли подавив вспыхнувшие эмоции, Хейм сказал:

— Честно говоря, именно на это я и рассчитывал. Один решительный жест, чтобы пробиться сквозь эту чертову путаницу... О'кей, ты можешь выставить меня вон.

— Нет, Гуннар, никогда. — Она наклонилась и легко похлопала его по руке.

— Я считаю, что ты неправ, ужасно неправ, но я никогда не сомневалась в честности твоих намерений.

— То же самое я мог бы сказать о тебе, разумеется. Хотелось бы мне, чтобы это относилось и к некоторым из твоих союзников. Да и из моих тоже, что греха таить. Не могу сказать также, чтобы я питал особую любовь к некоторым довольно мерзким фанатикам.

— Я тоже. Военные... Я покинула их организацию, когда они начали открыто аплодировать насилию.

— Они пытались шантажировать меня через мою дочь, — сказал Хейм.

— О, Гуннар! — Она сжала его пальцы. — А я даже не навестила тебя за все это время. Постоянно было столько дел... Сначала это «Движение за мир», потом полет на Венеру, а когда я вернулась и узнала обо всем, уже все закончилось и ты улетел. Но... это ты серьезно? Неужели люди Ио и в самом деле...

— Я все уладил, — сказал он. — Давай больше не будем об этом говорить. Нам приходится держать это в секрете. Я рад, Джосс, что ты порвала с ними.

— С ними, но не с тем, что они представляли из себя в самом начале, — уточнила она. В ее продолговатых карих глазах внезапно блеснули слезы. Хейм не мог понять, чем они вызваны. — Еще одна причина разрыва — мое постоянное желание покинуть Землю. Все превратилось в такую отвратительную мешанину... Где ни начини искать, нигде не найдешь ответа на вопрос: что такое «хорошо», а что такое «плохо».

Она перевела дух и продолжала с чудесной искренностью:

— Но неужели ты не видишь, какой вред принесла Франция? Все вроде бы говорило за то, что конфликт с алеронами можно было уладить мирным путем. Теперь сторонники мира объединились в

легальную организацию, и это единственное, что они могут сделать, чтобы не дать экстремистам получить контроль над Парламентом. Делегация Алерона заявила, что она больше не собирается ждать, и отбыла домой. Нам придется посылать за ними, когда мы найдем выход из этого тупика.

— Или пуститься за ними в погоню, если этот выход приведет туда, куда рассчитываю я, — сказал Хейм. — Вы не можете, не хотите видеть одной простой вещи, а именно: алероны не собираются заключать настоящий мир. Они хотят, чтобы Земля вообще убралась из космоса.

— Но почему? — с мольбой в голосе спросила Джосселин. — В этом же нет никакого смысла!

Хейм нахмурился, глядя в бокал.

— Готов признать, что это кажется довольно странным. Для них это имеет смысл, но они думают не так, как мы. Взгляни на перечень их дел, а не их красных слов, с тех пор как мы впервые столкнулись с ними. Включая доказательства, подтверждающие, что они намеренно напали на Новую Европу и намеренно осуществляют свои действия по уничтожению французской колонии на этой планете. Твоя фракция отрицает подлинность этих документов, но будь же честна сама с собой, Джосс.

— Ты тоже будь честен, Гуннар... Нет, посмотри на меня. Что может сделать один-единственный капер кроме того, как лишь еще больше обострить враждебность и усложнить ситуацию? Ведь ты же прекрасно понимаешь, что никто больше не последует твоему примеру. Пока что Франции и ее союзникам удастся удерживать Парламент от объявления твоей экспедиции вне закона. Но Министерство запретило все сделки по передаче кораблей в частные руки, и Франция не в силах устроить такой законодательный переворот, который отменил бы данный запрет. Ты погибнешь здесь, Гуннар, в одиночестве, ни за что ни про что.

— Я надеюсь, что во Флоте начнется движение, — сказал он. — Если, как ты выразилась, мне удастся обострить враждебность... Да, это мания величия. Просто надежда. Но мужчина обязан думать и делать то, что в его силах, даже если это не Бог весть что.

— Женщина тоже, — вздохнула она.

Затем, внезапно вскочив с кресла, взяла у Хейма бокал, чтобы снова наполнить его, и улыбнулась, с усилием, но без притворства.

— Хватит споров, давай остаток этого вечера будем сами собой. Мы так давно не виделись.

— Уж это точно. Мне хотелось тебя увидеть, и я собирался непременно это сделать после твоего возвращения на Землю, но мне думается, мы оба были слишком заняты. Да и случая вроде бы как-то не выпадало.

— Слишком заняты, потому что слишком глупы, — кивнула она в ответ. — Настоящие друзья, в лучшем случае, большая редкость. А ведь мы когда-то были таковыми, не правда ли?

— Правда, — сказал он, стараясь, как и Джосселин, не сворачивать с безопасной на первый взгляд дороги. — Помнишь нашу пирушку в Европе?

— Как я могу забыть? — Она бросила на него ответный взгляд и снова села, но на этот раз прямо, так что ее колени касались его.

— Эта смешная маленькая таверна в Амстердаме, где ты стучался головой о потолок всякий раз, когда вставал, и в конце концов тебе пришлось взять у полисмена напрокат его каску. И вы с Эдгаром все время орали что-то из Эдды, и... Но как вы оба были прекрасны, когда в предместьях Парижа мы, раздетые донага, любовались восходом солнца.

— Вы, женщины, были намного прекраснее, поверь мне, — сказал он, чувствуя себя немного неловко. Последовало молчание. — Мне очень жаль, что у вас с Эдгаром все так получилось, — наконец отважился нарушить тишину Хейм.

— Мы совершили ошибку, отправившись за пределы системы, — кивнула Джосселин. — К тому времени, когда мы поняли, как губительно действует на нервы окружающая обстановка, было уже слишком поздно. Сейчас он нашел себе очень хорошую жену.

— Ну что ж, это кое-что.

— А как насчет тебя, Гуннар? Это был такой ужас... Я о бедной Конни. Но ведь прошло уже пять лет, и неужели ты...

— Да, пять лет — и ничего, — сказал он. — Не знаю почему.

Она чуть-чуть отодвинулась и спросила очень мягко:

— Я не смею льстить себя надеждой, но не я ли была тому виной? Он покачал головой. Лицо его зарделось.

— Нет. С этим давно покончено. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Конечно. Ведь вечер нашего воссоединения должен пройти весело. Салют!

Снова зазвенели бокалы.

Она начала говорить о прошлом, он поддакивал и дополнял, банальность, присущая всякой дружбе: а ты помнишь, как бы там ни было, мы тоже, однажды, ты сказал, мы подумали, а помнишь, и потом там еще был, мы надеялись, а помнишь? И время, и слова, и пустые бокалы... И наконец как-то само собой вышло так, что она начала играть для него на флейте «О клер де ли Лун», «Гаудеамус игитур», «Сентябрь», «Геннандоа». Звуки мелодий, яркие и холодные, смешались в хороводе, кружили голову, и наконец Хейм перебрался в кресло и, откинувшись на его спинку, стал смотреть на блики света, отражавшиеся в волосах Джосселин и исчезающие затем в глубоких тенях внизу. Но когда она запела «Девушку из Скрайдострупа»...

Может быть, ее я должен был
Любить тогда,
Цветущей весной каменного века...

Флейта упала ей на колени, и Хейм увидел, что ее глаза закрылись, а губы задрожали.

— Нет, — сказала она. — Просто я не думала. Это ты научил меня, Гуннар.

Он сел и положил ставшую вдруг нежной руку на ее плечо.

— Забудь об этом, — сказал он. — Не надо было мне раскрывать свою пасть. Лучше было помалкивать. Но особого вреда ведь не было. Это было не более чем... не более чем одно из обычных увлечений. Конни не держала на тебя зла. Она очень умело и осторожно освободила меня от этого наваждения.

— Мне повезло меньше, — прошептала Джосселин.

Ошарашенный, он мог лишь произнести, запинаясь:

— Джосс, ведь ты сама не хотела продолжать!

— Я не смела. Но именно это было главной причиной, которая заставила меня уговорить Эдгара покинуть Землю. Я надеялась, Гуннар, что когда я вернусь... Почему мы были такими идиотами!

Потом она вдруг рассмеялась низким грудным смехом, подошла к нему и сказала:

— Но ведь еще не поздно, не так ли? Даже сейчас?

ГЛАВА 3

Период обращения Строна составлял восемнадцать часов. По прошествии семи таких дней Утхг-а-К-Тхакв закончил работу над компьютерами военного корабля и на грузовом судне прилетел в космопорт Орлинг.

Когда его огромная китообразная туша ввалилась в штурманскую рубку яхты, Андре Вадаж, ожидающий прилета бортинженера, невольно попятился назад.

«Фу! — подумал певец. — Старательности и способностей у него не отнимешь, но каждый раз приходится заново приспособливаться к этой болотной вони... Интересно, а как он относится к моему запаху?»

— Привет, Б. И., — поздоровался он с Утхг-а-К-Тхаквом, — надеюсь, вы еще не устали до смерти. Мы уже провели здесь слишком много времени.

— Да уж, — отвечал ему грохочущий, булькающий голос. — Мне все это надоело не меньше вашего. Остальное могут закончить без меня, и надеюсь, закончат одновременно с установкой этой спецкатапульты для ракет. Конечно, это при условии, что система работы стронов и в самом деле настолько хороша, насколько они ее расписывают.

— Именно вам и решать, так это или нет, — кивнул Вадаж.

Еще одной чертой, раздражавшей его в наксах, была их привычка торжественно констатировать очевидные вещи. В этом плане они почти не уступали людям.

— Ну-с, я позаботился о вашем питании здесь. Собирайтесь и ждите нас на платформе лифта снаружи через полчаса.

— Нас? Кто же отправится в это Гнездо?

— Вы, шкипер, разумеется, чтобы принимать решения, Грегорис Куманодис, чтобы переводить, и я... В общем, официально это касается и стюарда тоже, поскольку дополнительное вооружение повлияет на массу и объем груза. Но на самом деле мне все это надоело, и я страшно нуждаюсь в увеселительной прогулке. И потом, там будут еще двое с «Поиска», Виктор Брэгдон и Джосселин Лори.

— А они с какой стати?

— Какое-то вам известно, они здесь проводят ксенологические исследования. А сопровождая нас в деловом визите к местной важной персоне, они получают уникальную возможность понаблюдать здешние законы и обычаи в действии. Так что Брэгдон даже предложил одолжить нам один из своих флайеров, с условием, что мы возьмем их с собой. Фактически он не прочь был захватить еще несколько своих людей, но «гнездовики» ограничивают число посетителей за один раз. Мнительные твари. Как бы там ни было, имея флайер, мы можем использовать яхту для другой срочной работы и таким образом быстро завершим свое предприятие.

— Я чую. Нет, по-английски говорят «понимаю», — безразличным тоном отозвался Утхг-а-К-Тхакв. Он повернулся и зашлепал на своих перепончатых ногах по направлению к собственной каюте.

Вадаж задумчиво смотрел ему вслед, пока тот не исчез из вида.

«Интересно, доходят ли до него наши людские междоусобные ссоры и трения, — размышлял венгр. — Вероятно, нет. Он их, видимо, просто не воспринимает. Он, вероятно, считает, что отношения между Джосселин и Гуннаром — это сущая чепуха, если, конечно, он вообще их заметил.

И, возможно, он будет прав. По крайней мере пока это выражается лишь в частых отлучках Гуннара с нашей посудины. На данном этапе они еще не приносят особого вреда. Среди парней в экипаже уже ходят слухи, но, судя по интонации разговоров, это просто хорошая зависть. Что же касается меня самого, то я меньше всего склонен завидовать другу, если ему удалось ухватить кусочек счастья. Тогда почему же, черт возьми, это не дает мне покоя?»

Он отогнал от себя тревогу и нажал кнопку на радиофонной приставке. Из салона «Поиска» на него глянуло лицо человека среднего возраста, по виду напоминавшего ученого.

— Добрый вечер, доктор Тауни, — бодрым голосом произнес Вадаж. — Не будете ли вы столь добры напомнить капитану Хейму, что до нашего отлета осталось полчаса.

— Пусть сам себе напомнит, — огрызнулся глоссаналитик.

— Неужели ваша неприязнь к цели нашего пребывания здесь столь велика, что вы не хотите сказать человеку двух слов по интеркому? — Вадаж злобно посмотрел на него. — Тогда будьте добры, напомните об этом мадам Лори.

Тауни покраснел и выключил связь. Должно быть, он действительно страдает архаичными предрассудками. Вадаж усмехнулся и, насмистывая, пошел заканчивать приготовления в дорогу.

— Мальбрук в поход собрался...

А тем временем на борту «Поиска» Хейм посмотрел на висевшие на шпангоуте часы, потянулся и сказал:

— Пожалуй, пора.

Джосселин положила одну руку ему на голову, другой взяла за подбородок и, повернув к себе его некрасивое лицо с тяжелым подбородком, спросила:

— А надо ли?

Тревога в ее глазах отозвалась в нем болью. Он попытался рассмеяться.

— Как, отменить путешествие и лишить Виктора уникальных материалов? Он бы нам этого никогда не простил.

— Он был бы почти так же счастлив, как и я. Потому что гораздо важнее всего этого то, что ты... что ты вышел наконец из своего лунатического состояния, Гуннар.

— Дорогая моя, — ответил он. — Единственное, что портило иногда эти прекрасные часы, проведенные вместе, были твои периодические попытки незаметно заставить меня отказаться от задуманного мною предприятия. Но это сделать ты не сможешь. Как говорили в старину китайцы: «Почему бы тебе не расслабиться и не начать вкушать наслаждение?» — Он прикоснулся губами к ее губам.

Она встала с постели и прошла в противоположный угол каюты.

— Если бы я снова стала молодой, — с горечью сказала она, — возможно, мне бы это удалось.

— А? Нет. А теперь послушай...

— Я слушаю.

Она остановилась около туалетного столика и медленно провела руками по щекам, по груди и бокам.

— О, для сорока трех лет я сохранилась неплохо. Но никуда не денешься от этих «гусиных лапок» в уголках глаз и от появившегося второго подбородка, да и вообще, без одежды я проигрываю. В течение последних дней ты... ты вел себя хорошо, Гуннар... ты был добр. Но я заметила, что ты старался ничем не связать себя.

Хейм поднялся, в два шага преодолел разделявшее их расстояние и остановился возле Джосселин, возвышаясь подобно огромной башне. Что делать дальше, он не знал.

— А как я мог это сделать? — наконец решился спросить он. — Я представления не имею, что может случиться с нами во время полета. И не имею права что-либо обещать или...

— Ты мог бы пообещать чисто условно, — сказала Джосселин. На мгновение ее отчаяние прошло, или она сумела подавить его. Ее лицо приняло загадочное выражение, голос стал бесстрастным.

— Ты мог бы сказать так: «Если я вернусь домой живым, то сделаю то-то, если ты согласишься».

Он не знал, что ответить. Она вздохнула и отвернулась. Голова ее поникла.

— Что ж, давай одеваться, — сказала она.

Двигаясь совершенно механически, Хейм натянул тонкий комбинезон, служивший поддевкой под скафандр. В голове у него была такая пустота, словно в ней воцарился полный вакуум.

«О'кей, так чего же я хочу? — думал он. — Много ли из того, что я чувствовал и чувствую до сих пор, было подлинным, а что было просто ностальгией по прошлому, вызванной одиночеством и выведшей меня из равновесия? Не представляю».

Однако его смущение длилось недолго, поскольку менее всего Хейму нужен был самоанализ. Он отогнал от себя все вопросы, чтобы затем изучить их на досуге, а вместе с ними и все обусловленные ими эмоции. На переднем плане его сознания осталось чувство нежности к Джосселин, смешанное с сожалением, что он причинил ей боль, и смутное желание что-либо предпринять в связи с этим; но над всеми этими мыслями преобладало желание удалиться побыстрее. Он и так уже чересчур долго прохлаждается на этом острове. Необходимость лететь на Требогир вполне оправдывала это его стремление.

— Давай, поехали, — сказал он, снова повеселев, и игриво шлепнул свою пассию по круглому задку. — Прогулка должна быть неплохая.

Джосселин повернулась. Ее глаза и губы выражали печаль.

— Гуннар... — Она вынуждена была опустить глаза, и теперь стояла так перед ним, сцепив руки. — Ты действительно не считаешь меня... в лучшем случае, дурой, а в худшем — предателем... из-за того, что я не хочу войны... не так ли?

— Только этого еще не хватало! — воскликнул Хейм, отшатнувшись назад. — Когда это я подал тебе такую идею?

Джосселин сразу как-то успокоилась и приободрилась.

Хейм взял ее за локти и мягко встряхнул.

— Ты дуреха, если думаешь, что я когда-либо так считал, — сказал он. — Джосс, я ведь тоже хочу, чтобы войны не было, и верю, что демонстрация силы сейчас — так сказать, предупредительный лязг зубов — может предотвратить фатальный исход в будущем. Это все. О'кей, у тебя иное мнение. Я его уважаю и уважаю тебя. Я что, заставлял тебя думать по-другому? Пожалуйста, скажи. Может быть, в этом моя вина?

— Нет, ничего. — Она выпрямилась. — Просто я глупая, — добавила она механически. — Пожалуй, нам пора.

Они молча спустились вниз. У шкафчика возле эллинга стоял Виктор Брэгдон и натягивал скафандр.

— Эй, привет, — окликнул он их. — А я уже начал волноваться, не задержало ли вас что-нибудь. Во время прошлой вахты один из ваших людей доставил сюда ваше снаряжение, Гуннар. Весьма кстати. Здесь мы бы вам, пожалуй, не нашли подходящего размера.

Хейм облачился в жесткий скафандр, застегнул все молнии, надел перчатки и ботинки с упорами для лодыжек, обращая внимание на застежки. Если кислород внутри смешается с водородом снаружи, он мгновенно превратится в факел. Конечно, во флайере можно было и не надевать полного снаряжения, это была лишь предосторожность, но Хейму слишком часто приходилось видеть, как иногда мало нужно, чтобы свести на нет все меры безопасности. Подсоединяя шлем к резервуарам с воздухом под высоким давлением и к рециркулятору, он опустил на плечи снаряжение, но оставил клапаны закрытыми, а забрало шлема — открытым. Теперь пояс с пищевыми и медицинскими тубами, фляга, емкость для отходов... Но никакого оружия, поскольку в Гнездо с ним не пустят...

Хейм заметил, что Джосселин никак не может справиться со скафандром, и поспешил на помощь.

— Он такой тяжелый, — пожаловалась она.

— Ну уж, ведь точно такой же ты носила на Новом Марсе, — сказал Хейм.

— Да, но там сила тяжести вполовину меньше земной.

— Ну, тогда еще радуйся, что мы не подвергнемся полному воздействию гравитации Строна, — добродушно сказал Брэгдон, наклоняясь, чтобы поднять походную сумку.

— Что там у вас? — спросил Хейм.

— Дополнительное оборудование для съемок. Вспомнил в последнюю минуту. Но вы не беспокойтесь. Полевое аварийное снаряжение уже на борту и дважды проверено.

Направляясь к входному шлюзу, Брэгдон по-прежнему улыбался, намеренно повернувшись к Джосселин и демонстрируя свой орлиный профиль. Хейму стало смешно.

Эллинг для шлюпки напоминал пещеру. Дополнительное место, специально оставленное здесь для отдыха, сейчас занимали три атмосферных флайера, предназначенных для работы на планетах класса «Юпитер», и один из них в данный момент был на вылете, совершая предварительный картографический рейс. Люди прошли сквозь шлюз флайера, пристегнулись ремнями. Брэгдон сел за пульт управления и связался с вахтенным. Из шлюпочной камеры откачали воздух, заполнили ее атмосферой Строна и открыли внешние двери. Взревел мощный двигатель, и флайер взлетел.

Затем он вновь опустился, чтобы взять на борт Вадажа, Куманодиса и Утхг-а-К-Тхаква. В своем скафандре наивс выглядел еще более неуклюжим — словно дельфин в караульной будке, — зато эта будка почти скрывала его аромат. Брэгдон в последний раз проверил приборы и вновь поднял машину в небо.

— Я волнуюсь, как мальчишка, — сказал он. — В первый раз увижу по-настоящему эту планету.

— Что ж, вполне можете считать себя туристом, — отозвался Куманодис. — Плохой погоды не предвидится. Хотя, конечно, во

время шторма мы в любом случае должны будем сделать посадку. Шторма здесь свирепые.

— В самом деле? Я полагал, что в атмосфере такой высокой плотности скорость ветров должна быть невелика.

— Атмосфера Строна не такая уж плотная. На уровне моря она всего лишь в три раза превышает земное давление, что во многом объясняется здешней силой тяжести. Кроме того, не забывайте о водяных парах, которые, поднимаясь вверх, порождают грозы. Да еще такой чертовский избыток солнечной энергии.

— Что? — Джосселин бросила удивленный взгляд в направлении кормы, откуда можно было видеть утреннее солнце. Находясь вполовину ближе к Строну, чем Солнце к Земле, диск медного светила имел несколько меньший диаметр в угловых единицах, и, хотя оно сверкало почти вдвое ярче, отбрасывая кругом холодный голубоватый свет, его суммарное излучение немного уступало солнечному. — Нет, этого не может быть. Строн получает всего лишь... сколько же?... На двадцать процентов больше радиации, чем Земля.

— Но ты забываешь, какая доля в ней принадлежит ультрафиолету, — напомнил Хейм. — И это при отсутствии свободного кислорода, способного создать озоновый барьер.

— Да, для колонии нудистов такое место вряд ли подошло бы, — сказал Вадаж. — Того, кто не задохнется здесь от водорода, гелия и азота и кого не отравят метан и аммиак, того ультрафиолет поджарит наподобие бифштекса.

— Бррр! Но до чего же здесь все-таки красиво!

Джосселин прижалась носом к иллюминатору возле своего кресла и стала смотреть вниз.

Они уже поднялись на большую высоту, и Орлинг исчез вдали. Посреди моря цвета индиго возвышался остров: берега обсидианово-черные, поверхность рябит разными оттенками красного цвета, образуемых растительностью. В последний раз сверкнула антенна радара космопорта, затем и этот блестящий храм исчез из вида, и осталось лишь смутное пятно, парившее на западе под скопищем кучевых облаков. Где-то на пределе зрения, за несколько километров, виднелся клин летевшей по своим неведомым делам стаи стронов.

Как будто стараясь избавиться от какой-то мысли, Джосселин указала на них и спросила:

— Прошу простить мою тупость, но как они умудряются летать? Разве существа, дышащие водородом, не должны обладать менее активным обменом веществ, чем те, которые дышат кислородом? Неужели здешнего атмосферного давления достаточно, чтобы они могли преодолеть гравитацию, почти вдвое превышающую земную?

— Их кости подобны птичьим, — объяснил Куманодис.

— Что же касается вопроса энергии, — добавил Хейм, — то водород действительно дает меньше энергии, на грамм-молекулу, чем кислород, вступая в реакцию с углеводными соединениями. Но в

клетках легких стронов огромное количество водородных молекул. Кроме того, их ферментные системы весьма эффективны. И... посудите сама. Растения Строна синтезируют воду и метан для получения свободного водорода и углеводов. Животные существуют, совершая обратный процесс. Только лишь подвергаясь такому мощному потоку ультрафиолета, растения создают соединения более богатые энергией, чем что-либо на Земле.

— Мне кажется, я поняла, — Джосселин вновь погрузилась в свои мысли.

Остров исчез за широким горизонтом. Они летели над тьмой цвета красного вина, пока наконец вдали не показался материк. Там громоздились горы, ярус за ярусом, красные внизу от покрывавшей их растительности и серые от неровных теней вверху. Солнце отражалось от далекого металлического пятнышка. Хейм настроил оптику своего иллюминатора и иллюминатора Джосселин на полное увеличение. Пятнышко стало флайером уродливой неземной конструкции, который патрулировал над скоплением башен из оплавленного камня, прилепившимся к пропасти в километре над кромкой прибора.

— Карниз Радемира, — сказал Хейм. — Пожалуй, лучше взять чуть южнее, Вик. Мне говорили, что мы его несколько раздражаем, и не исключено, что у него вдруг возникнет желание на нас напасть.

Брэгдон подрегулировал автопилот:

— А почему?

— Когда Чарли Янг и я прибыли сюда для предварительных переговоров, он хотел продать нам боеголовки, — пояснил Кумандис. — Но Гнездо Крейгана предложило нам более выгодную цену.

Брэгдон покачал головой.

— Ей-Богу. Не понимаю я эту культуру, — сказал он. — Анархия и атомная энергия. Вещи абсолютно несовместимые.

— Что? — встрепенулся в своем кресле Вадаж. — На Строне есть настоящая литература, — медленно сказал он. — Неужели вы ничего не читали из нее?

— О, разумеется, разумеется, — поспешно ответил Брэгдон. — Но это какая-то галиматья. Никакой научной основы. Моя полевая практика проходила в страшной спешке. Но несмотря на беспокойную обстановку в этом секторе, Исследовательский Центр счел необходимым безотлагательно собрать достоверную информацию о сообществах, проживающих в границах данного сектора, точнее, о тех из них, которые имеют выход в космос.

— Если уж быть до конца точным, то стронов причислить к последним нельзя, — возразил Хейм. — Конечно, у них развита астронавтика, но все ее достижения используются в целях планетарной защиты. Они охотно торгуют с посетителями, но сами торговых партнеров никогда не ищут.

— Когда-нибудь начнут. Слушайте-ка, — Брэгдон повернулся и посмотрел на остальных. — Вот прекрасная возможность убить

время. Почему бы вам не изложить свою версию сложившейся здесь ситуации? Я, конечно, читал об этом, но если кто-то формирует свой вариант, это весьма полезно.

Вадаж сощурил глаза и ничего не сказал. Хейма занимала главным образом рука Джосселин, лежавшая на его руке. Он подумал, что она непроизвольно продолжает просить его. О чем? О том, чтобы устранить разделяющую их преграду? Хейм откинулся назад, переместив основную тяжесть своего снаряжения на спинку и подлокотники, и сказал:

— Я не специалист, но насколько я понимаю, строны — это большая редкость, строго плотоядная разумная раса. Как вам известно, обычно плотоядные животные специализируются в совершенствовании именно физических, а не умственных способностей. Однажды я разговаривал с парнем, который здесь побывал и немного прошвырнулся по планете. Он сказал, что заметил кое-где окаменевшие обнаженные породы, которые давали повод предполагать, что когда-то давным-давно этот континент подвергся нашествию родственных стронам, но более крупных биологических видов. Быть может, предкам стронов, чтобы спастись, пришлось пойти по пути совершенствования интеллекта... Я не знаю. Как бы это ни происходило, в итоге возникла раса с мощными хищническими инстинктами, но лишенная признака стадности. Основное социальное звено — это... э... нечто вроде семьи. Большой семьи с системой парных браков, настолько сложной, что никому из людей еще не удавалось ее понять, плюс слуги со своими собственными женскими особями и детенышами; но доминирует в патриархальном семейном укладе по-прежнему крупный самец.

Флайер попал в полосу дождя. Хейм выглянул в иллюминатор. Они уже пересекали горный хребет. На западе он увидел гряду, переходившую в красновато-коричневую равнину Тревожных Земель.

— Не думаю, чтобы это привело к развитию, намного превосходящему стадию первобытной дикости, — заметил Брэгдон.

— На Строне им все же удалось на время достичь такого развития. Каким образом, я не знаю. И вообще, знал ли кто-нибудь доподлинно, что такое эволюция? Быть может, стронам помогло то, что у них есть крылья и они более подвижны, чем мы. Со временем у них возникла общепланетарная индустрия, и они не распались на отдельные федерации. Изобрели научную методологию и пошли экспонентной кривой открытий вверх, вплоть до ядерных двигателей.

— Я думаю, — прохрюкал Утхг-а-К-Тхакв, — эти нации были построены на захватнических войнах и рабстве. Это неестественно, и отсюда их нестабильность.

Хейм удивленно взглянул на его физиономию со свисающими шупальцами и продолжал:

— Возможно. Сейчас имеется один стабилизирующий фактор. Мужские особи у стронов гораздо темпераментнее мужчин-землян в

течение периода половой активности, но по достижении «пожилого» возраста они претерпевают большие эндокринные изменения, чем мы. Во всех других отношениях они остаются по-прежнему сильными, однако, теряют как половой инстинкт, так и свою воинственность, и предпочитают тихо и спокойно жить дома. Мне кажется, это и послужило механизмом выживания, поскольку женские особи и детеныши, находясь в Гнезде, имели охрану в лице «пожилых» самцов, в то время как молодые охотились и воевали. В плане влияния на цивилизацию можно предположить, что этот фактор позволил ей, в некотором смысле, созреть. Старших принято уважать и прислушиваться к их мнению, принимая во внимание их жизненный опыт.

Тем не менее промышленное общество разлетелось на куски во время ядерной войны. Накопленные знания и даже большая часть материальных ценностей не были утрачены, однако организация — увы. Повсеместно страны вернулись назад, к этим баронским Гнездам. Сочетая одновременно производство на основе автоматизации и возрождение так называемых «Больших Охотничьих Игр», каждое такое сообщество находится чертовски близко к полной независимости. Никто уже больше не желает никаких замысловатых социальных структур. Настоящая жизнь устраивает их как нельзя лучше.

— А как насчет Ложи? — спросила Джосселин.

— А, да. Через некоторое время возникла необходимость в избрании какой-то центральной группы, чтобы она могла решать спорные дела между Гнездами, осуществлять контакты с иными мирами. Ложа образовалась, я полагаю, как квазирелигиозная организация, хотя я ни черта не смыслю в символизме. Лидерами ее являются старые самцы. Наиболее активная работа поручается тем, кого мы могли бы назвать новообращенными и служаками, младшими помощниками и тому подобное, то есть тем, кто нанимается туда в поисках приключений и наложниц, а также в надежде когда-нибудь быть допущенным к полному посвящению. Такой механизм работает безотказно.

— В человеческом обществе он бы не сработал, — сказал Вадаж.

— Да, — отозвался Куманодис, — но эти ребята — не люди.

— Вот, пожалуй, и все, что мне известно, — подытожил Хейм. — Я уверен, что не сообщил ничего такого, что невозможно было бы найти в книгах и журналах.

Он снова выглянул наружу. Внизу быстро скользила прерия. Вот на фоне однообразной растительности мелькнуло стадо несущихся животных и вновь пропало из виду. На востоке постепенно таяли последние различные горные вершины. В течение довольно долгого промежутка времени все молчали. Хейм потом просто поразился, осознав, как долго все сидели, погрузившись в свои мысли, прежде чем Брэгдон нарушил тишину:

— Кажется, я не понимаю одного. Вполне очевидно, что каждое

Гнездо содержит ядерный арсенал и оборудование для военного производства. С какой целью?

— Чтобы сразаться, — ответил Куманодис. — Иногда Ложа не может разрешить к обоюдному согласию тот или иной спорный вопрос, например, относительно территории, и тогда — ого-го! Дым коромыслом, как говорится. Да мы с вами, вероятно, еще увидим несколько кратеров.

— Но... нет. Такая вот разновидность безумия и сокрушила их цивилизацию.

— Последнюю фазу жизни их цивилизации, вы хотите сказать, — уточнил Хейм. — Не настолько она уязвима. Гнездо обычно находится под землей, а здания, расположенные на поверхности, почти невозможно взорвать. Радиация влияет на стронов неизмеримо меньше, чем на людей, поскольку они и в повседневной жизни получают немалые дозы, а против чрезмерных доз у них имеются медицинские средства, аналогичные нашим. Что же касается зажигательных бомб и тому подобного оружия, то в водородной атмосфере оно бесполезно. Фактически, до изобретения атомной энергии единственным способом расплавить металл было использование кратера вулкана, а вулканов на этой огромной планете с горячим ядром больше чем достаточно.

— Значит, у них нет никаких ограничений, — пробормотала Джосселин, — в том числе и на продажу оружия иножилителям, чтобы те с его помощью убивали других.

— Что-то мы слишком часто стали касаться этой темы, провались она... — проворчал Куманодис.

— Полегче, Грег, — предупредил Хейм. Лицо женщины было таким несчастным.

Куманодис поерзал в своем кресле, затем выглянул в иллюминатор и вдруг застыл.

— Эй, — воскликнул он.

— В чем дело? — спросил Брэгдон.

— Как по-вашему, куда мы летим?

— К «Аэри Требогир», куда же еще.

Грек привстал и указательным пальцем ткнул в иллюминатор. Над горизонтом, подобно привидению в своей обособленности, плавал белый конус. Равнина внизу спускалась под уклон в направлении ослепительно сверкавшей белой нитки, извиляющейся по долине, по которой бежали тени облаков.

— Что за черт! — взорвался Куманодис. — Ведь это же река Морх. Наверняка она. Карту знаю только я один! Там, где живет Требогир, в упор не видно никаких снежных пиков. Должно быть, мы находимся над нагорьем Кимрет, то есть в добрых пяти сотнях километров от того места, где должны быть!

На лбу Брэгдона выступил пот.

— Я действительно задал автопилоту кружной курс, чтобы лучше ознакомиться с окрестностями, — признался он.

— И не поставили нас в известность? — Куманодис рванулся с кресла, забыв о пристяжных ремнях.

— И как я, дурак, раньше не заметил, что солнце находится не с той стороны! Убирайся прочь от штурманского пульта. Я беру управление на себя.

Хейм перевел взгляд на Джосселин. Ее руки были сжаты в кулаки, она дышала тяжело и прерывисто.

Брэгдон быстро опустил руку в походную сумку, стоявшую рядом с его сиденьем. Когда он вновь ее поднял, Хейм увидел направленное на Куманодиса дуло лазерного пистолета.

— Сидеть! — приказал Брэгдон. — Первый, кто отстегнет ремни, будет тут же убит.

ГЛАВА 4

Покинув воздушный шлюз и оказавшись вне поля флайера, Хейм почувствовал чудовищный рывок, это тяготение Строна полностью вступило в свои права. Он напряг мышцы ног, чтобы не упасть, и выпрямился. Несмотря на то, что вес снаряжения был хорошо сбалансирован, тяжесть его была ужасной.

Джосселин ушла вперед, чтобы держать пленников под прицелом, пока они будут выходить. В скафандре она выглядела до абсурда непохожей на себя, и темное стекло шлема напоминало надетую на лицо маску. Хейм двинулся к ней.

— Стоять! — Несмотря на встроенные в шлем наушники, специально предназначенные для сведения на нет искажений передаваемого звука, ее голос был до жути незнакомым. Хейм остановился под дулом ее автомата. Это было оружие сорок пятого калибра, выпускавшее пули с мягким наконечником при низкой скорости, которые могли пробить скафандр или другую защиту.

Хейм сделал вдох, потом другой. Воздух внутри скафандра представлял собой рассчитанную композицию при давлении в три атмосферы, чтобы компенсировать наружное давление и снабжать переутомленные клетки кислородом. Его слова загрохотали в шлеме:

— Джосс, что значит весь этот фарс?

— Ты просто не можешь себе представить, как мне этого не хотелось, — сказала она нетвердым голосом. — Если бы ты послушал меня тогда, на корабле...

— Значит, с самого начала вся твоя цель заключалась в том, чтобы сорвать мой план, — бросил он.

— Да. Это необходимо было сделать. Неужели ты не понимаешь, необходимо! На переговоры с алеронами нет никакого шанса, потому что ты провоцируешь войну. Прежде чем покинуть Землю, их делегаты так и заявили официально.

— И вы им поверили? Может быть, расскажешь еще какую-нибудь сказку?

Она, казалось, не слышала. Слова лились из нее водопадом. Несмотря на все звуковые искажения, он слышал в ее голосе мольбу:

— В разведке Службы Мирного Контроля догадались, что вы направились сюда, чтобы достать оружие. Они не могли послать военный корабль. Строны не разрешили бы ему посадку. Фактически, Франция могла бы заблокировать любую информацию, любую официальную акцию. Но неофициальную... Мы снарядили эту экспедицию и бросились за вами в погоню. ОМК стало известно, что я твой старый друг, и меня вызвали на допрос. Я просила дать мне разрешение на участие в экспедиции. Я думала, я надеялась, что смогу убедить тебя.

— Удобно во всех отношениях, — резко прервал ее Хейм. — Вот как это называется.

— Моя попытка не удалась, — сказала она с безысходностью в голосе. — И тогда Вик решил, что теперь его черед действовать, и придумал эту поездку. Мы не собираемся причинять вам зло. Мы отвезем вас обратно на Землю. И больше ничего. Вам даже не будет предъявлено никаких обвинений.

— А вот я мог бы предъявить обвинение в шантаже и в насилии над нами.

— Как тебе будет угодно, — пробормотала она.

Безнадежность охватила Хейма.

— А что толку? Вы бы подыскиали такого судью, который сделал бы ваше наказание чисто условным.

Появился Вадаж, затем Куманодис, затем Утхг-а-К-Тхакв. Из уст грека непрерывно лилась ругань.

«Без капитана и бортинженера «Лису» придется отправляться домой побежденному прежде, чем он успел нанести хотя бы один удар в сражении», — подумал Хейм.

Он огляделся вокруг. Они приземлились на западном берегу реки Морх. Ее широкая сверкающая лента извивалась по песчаному пологому руслу, огражденному низким отвесным берегом. В нескольких километрах, освещаемые солнцем, виднелись горы Кимрет, казавшиеся вполне реальными сквозь голубовато-серую дымку воздуха и похожие на гигантский бастион, над которым возвышалась вулканическая вершина, увиденная ими издали. Земля под ногами была покрыта той упругой, похожей на мох красновато-желтой растительностью, которая в этом мире являлась эквивалентом травы. Над головой изгибалась арка темно-вишневого неба, по которому стремительно неслись гонимые ветром облака. Вдали показалась и вновь исчезла стая летучих существ, похожих на морских скатов.

— Куда нас затащили? И что теперь будет?

Вадаж незаметно придвинулся к Хейму, так что их шлемы соприкоснулись, и пробормотал:

— Только быстро: может быть, броситься на нее? Я не думаю, чтобы ее намерения были такими уж безобидными.

— Но мы же не в состоянии двигаться быстро, — ответил Хейм. — Хотя... Неужели ты действительно выстрелила бы в меня, Джосс?

Его сердце тяжело ухнуло, и он почувствовал, как мгновенно взмок от пота. Но прежде чем он собрался с силами, чтобы заставить себя хотя бы попытаться, из флайера уже вышел Брэгдон, и теперь больше не приходилось сомневаться, будет ли использован лазерный пистолет.

— Г'ворру! — пробулькал Утхг-а-К-Тхакв. — Вы забыли закрыть воздушный шлюз!

— Я знаю, — сказал Брэгдон. — Кроме того, я задал автопилоту определенную программу. Лучше всем лечь.

С этими словами он опустился на землю.

Флайер взвыл и прыгнул вперед. Блеск его металлического корпуса ослепил Хейма. Аппарат на секунду завис в сотне метров от поверхности, затем сделал петлю и нырнул вниз. Хейм инстинктивно упал на живот и прикрыл голову руками.

Флайер разбился неподалеку от них. На месте взрыва взметнулся столб яркого пламени. То и дело снова начинало грохотать, и Хейм слышал, как над его головой свистят осколки. Наконец не осталось ничего, кроме столба густого дыма и пыли, да эхо взрыва все еще раздавалось вдалеке, но скоро и его унесли порывы ветра.

Хейм с трудом снова поднялся на ноги. В голове все еще звенело. Остальные мужчины тоже встали. Джосселин осталась сидеть.

— Твою... душу... мать, — выдохнул Куманодис. — Что ты сделал?!

— Не беспокойтесь, — сказал Брэгдон. — Вскоре за нами придет другое транспортное средство. — Он сделал паузу. — Впрочем, я могу объяснить более подробно. Наша цель — парализовать вашу дьявольскую пиратскую затею, доставив вас обратно на Землю. Я разработал несколько различных вариантов осуществления данной задачи, но этот был наиболее простым.

Сейчас один из наших флайеров на вылете, и управляют им двое молодых людей, которым известно, что должно было произойти, а также приблизительно известно место, где я намеревался все это осуществить. Разбитый флайер они смогут заметить издалека. Они возьмут нас на борт, и мы все вернемся на «Поиск». Правда, придется полежать на полу, чтобы нас не было видно, и — мне очень жаль — вас придется связать. Как только мы попадем на корабль, вас отведут в специально подготовленную каюту. Джосселин и я тоже будем скрывать свое местопребывание. После того как от вас не поступит никаких сообщений, ваша команда начнет беспокоиться и искать вас. Разумеется, капитан Гутьерц окажет любую помощь, какая только понадобится. Потом они обнаружат место крушения — несчастный случай, все погибли. Вряд ли кто-либо обратит внимание на то, что на месте катастрофы нет останков людей. Но даже если так случится, это можно будет легко объяснить предположением, что мы покинули

данный район в отчаянной попытке найти помощь и вскоре погибли. В конце концов обе экспедиции, охваченные горем, вынуждены будут порознь вернуться домой.

— Вы уверены, что можете положиться на свою команду? — ледяным тоном спросил Вадаж.

— Они узнают правду не раньше, чем «Поиск» окажется в космосе, — сказал Брэгдон. — Капитан Гутьерц и Первый Офицер Герман уже в курсе. Я не думаю, чтобы люди подняли мятеж.

— Ты мерзкий ублюдок... — Куманодис двинулся к нему на негнувшихся ногах.

— Стоять! — предупредил Брэгдон. — Если понадобится, я выстрелю, не задумываясь. С другой стороны, если вы будете вести себя как полагается, вас доставят на Землю в целости и сохранности, после чего вы немедленно получите свободу.

Хейм пожал плечами:

— А вы уверены, что сможете помешать нам снарядить новую экспедицию? — осведомился Хейм.

— Разве вы забыли? Ваш корабль сейчас оснащен ядерным вооружением. Как только он войдет в пределы Солнечной системы, Армия Мирного Контроля, согласно закону, будет обязана конфисковать его. А куда еще кроме Солнечной системы могут отправиться ваши люди, лишившись своих командиров?

— На кого вы работаете, Брэгдон? — презрительно усмехнулся Хейм. — На алеронов?

— На человечество, — последовал гордый ответ. — Кстати, если хотите знать, никакой я не ксенолог, а всего лишь офицер Армии Мирного Контроля, находящийся в данный момент в отпуске, и меня за это разжалуют. Хотя то, что мне удалось, этого стоит. Организация «Военные мира за мир» позаботится о том, чтобы я не остался без работы.

— Так значит, это их рук дело, а? — фыркнул Куманодис. — Да. У них ведь есть свои люди и в правительстве.

Хейм обратился к Джосселин:

— Значит, ты лгала мне, когда говорила, что бросила эту работу?

— Пожалуйста, — ее шепот смешался с шумом ветра.

— Не мешало бы нам позаботиться о собственных удобствах на ближайшие несколько часов, — предложил Брэгдон. — Если мы этого не сделаем, гравитация нас вымотает до предела. Я говорю «часов», потому что вряд ли второй флайер прилетит раньше: мы не могли заранее рассчитать точное время аварии, а использовать радио было бы слишком большим риском. — Он повелительно взмахнул оружием. — Садитесь, а потом я.

Вадаж был так близко от Хейма, что только капитан услышал его тихий свист и заметил, как напрягся менестрель.

— Хей-хо, Роджер! — пробормотал венгр. — Лови первую луну.

— Что еще такое? — спросил требовательно Брэгдон, заметив напряжение на лицах пленников.

— В присутствии леди я этого переводить не буду, — ухмыльнулся Вадаж.

Хейма словно обожгло.

«Сленг астронавтов», — мелькнуло у него в голове. Что-то должно случиться. «Будь готов действовать в любую минуту». Пульс участился в предчувствии схватки.

— Вы, вообще, в своем уме? — продолжал Вадаж. — Мы не можем оставаться здесь.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся Брэгдон.

— Вблизи такой реки, как эта. Может быть внезапное наводнение. Нас опрокинет, скафандры порвутся, и мы будем мертвы, прежде чем нам удастся выбраться куда-нибудь повыше.

— Вы лжете.

— Нет-нет. Взгляните на эти горы. Подумайте. Густая атмосфера при сильной гравитации имеет высокий градиент плотности, а над линией снегов холод такой, что аммиак замерзает. Но около полудня все это снова разжигается и выливается в устья рек. Гравитация притягивает эти осадки с такой силой, что они, прежде чем испариться, проходят километров пятьдесят или даже больше. Так ведь, Грегорис? Ты сам мне об этом рассказывал.

— Именно так, — подтвердил Куманодис.

— Потому эта река и называется «Морх», что на местном языке означает «наводнение».

— Если это какой-то подвох... — начал Брэгдон.

«Ясно как день, что именно так, — промелькнуло в голове у Хейма. — Подобных феноменов здесь нет и в помине. Но для новичка эта сказка звучит довольно убедительно... Я надеюсь... как я на это надеюсь».

— Клянусь вам, что буду стрелять при первом же подозрении, — сказал Брэгдон.

Хейм начал удаляться от него.

— Стреляй, если хочешь, — огрызнулся он. — Уж лучше умереть от пули, чем захлебнуться в аммиачном потоке. Ты не сможешь помешать мне попробовать забраться на вершину этих холмов.

Его спина напряглась под прицелом лазерного пистолета. Но тут раздался крик Джосселин:

— Вик, не надо! Что в этом опасного?

— Я... думаю, ничего, кроме того, что это очень трудно, — уступил Брэгдон. — О'кей. Джосселин будет держать вас под прицелом. Если вы намерены сбежать, то как только вы окажетесь за гребнем, я особо возражать не стану. Вы не сможете уйти слишком далеко до прилета нашего флайера, а тогда мы вас быстро поймает. И даже в том случае, если вы где-нибудь спрячетесь, я не стану беспокоиться, поскольку Строн сам убьет вас.

Тяжело переставляя ноги, Хейм заковылял среди разбросанных там и сям скал, покуда не добрался до берега реки. Это была голая, твердая как железо земля, усеянная камнями, образовавшая

невысокую и не крутую, но трудно проходимую при таком притяжении возвышенность. Хейм принялся карабкаться вверх по склону. Он поддался под тяжестью его туши, земля и камни с шипением и стуком поползли из-под ног. Хейм потерял равновесие и упал на четвереньки. С трудом выпрямившись, он осторожно двинулся дальше. Вскоре пот уже заливал ему глаза, сердце бешено колотилось, и воздух обжигал горло. Затуманенным взором он видел тащившихся позади Вадажа и Куманодиса. Утхг-а-К-Тхакву это давалось более легко: он просто полз на животе, отталкиваясь широкими лапами и цепляясь за грунт мощными руками пловца. И все же шум дыхания наква перекрывал даже вой ветра.

Наконец они кое-как добрались до вершины. Хейм и бортинжер были первыми и помогли остальным, подав им руки. Они вползли на край холма и остановились, чтобы отдохнуть.

Хейм нащупал под рукой камень. Его пальцы сомкнулись.

Когда силы мало-помалу начали возвращаться, он увидел, что Брэгдон проделал почти половину пути. «Ученый» рационально расходовал время, делал частые длительные остановки, во время которых стоял, сжимая в руке пистолет и глядя на пленников. Джосселин дожидалась внизу. То и дело в нее летели песок и камешки, вырывавшиеся из-под ног Брэгдона, но она даже не пыталась увернуться. Ее фигура казалась черной на фоне ослепительного сияния голубого, словно молния, солнечного света; отражаясь от поверхности автомата, свет, казалось, плавился.

Вадаж опустился на колени между Хеймом и Куманодисом и сжал им руки. Никакого иного сигнала или объявления не требовалось. Хейм метнул свой камень. Мгновением позже просвистели камни, брошенные его товарищами. Получив ускорение в девятнадцать метров в секунду, эти снаряды летели, словно выпущенные из катапульты.

Хейм не знал, который из них попал в Брэгдона. Он видел, как тот пошатнулся и упал. В ту же секунду он и его друзья уже спускались обратно вниз.

Прыжок, скольжение, короткая пробежка, снова прыжок... При этом нужно удержаться в образующемся небольшом обвале и правильно рассчитать, куда перенести центр тяжести, как рыцарь на полном скаку.

В Джосселин ни один из камней не попал. Хейм видел, как она, оступившись, сделала шаг назад — медленно и неуклюже, — и со всей скоростью, на какую был способен, запрыгал вниз мимо сцепившихся Брэгдона и Куманодиса. Из-под его ног столбом летела пыль. Дважды он чуть было не упал. При той скорости, с какой он сейчас двигался, это могло кончиться очень плачевно: ничего не стоило, к примеру, свернуть себе шею. Однако ему каким-то чудом удавалось сохранить равновесие, и он продолжал нестись дальше, подобно лавине.

Наконец-то подножие холма! Теперь либо рухнуть за смертью, либо бежать быстрее, чем когда-либо бегал. Его тело было сейчас

взбунтовавшейся машиной, и Хейм изо всех сил старался снова подчинить его своей воле и затормозить, но инерция неумолимо влекла его вперед, все быстрее и быстрее. Каждый шаг отдавался болью в мышцах и костях, заставляя зубы выбивать барабанную дробь. Кровь гудела в ушах.

Во время этого сумасшедшего рывка Джосселин один раз выстрелила. Пуля пролетела мимо. Хейм видел, как оружие описало дугу для более точного прицела. Ни бояться, ни надеяться уже некогда. У него нет ничего, кроме скорости. Однако она столь велика, что здравомыслящему человеку воспринять ее очень трудно. Охваченная паникой и душевной мукой, Джосселин промедлила со вторым выстрелом. Это была всего лишь доля секунды. Если бы все это происходило на Земле, нападавший, вне всякого сомнения, все равно получил бы пулю в лоб. Но здесь, прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, Хейм пролетел мимо, выкинув в ее сторону руку. Выхватить автомат не удалось. Но его удар застал Джосселин врасплох, и ее оружие отлетело на несколько метров.

На горизонтальной местности Хейму наконец-то удалось притормозить, сначала до нормального бега, потом — до трусцы, а затем — до полной остановки. Он круто повернулся, но оказалось, что его удар не только выбил оружие из рук женщины, но и ее заставил упасть. Она еще только пыталась подняться. Хейм тяжело и шумно дышал, но услышал, что она плачет. Спотыкаясь, он побрел, чтобы поднять автомат.

Когда оружие оказалось в его руках, он оглянулся и посмотрел на остальных. Утхг-а-К-Тхакв сидел в куче щебня у подножия склона, видимо, не в силах подняться. Неподалеку от него стояли, полусогнувшись, двое. Один из них сжимал в руке лазер. Между ними без движения лежал третий, в разорванном и потемневшем скафандре.

Подняв автомат двумя руками, Хейм прицелился в эту группу и приготовился к стрельбе с двух рук.

— Андре! — позвал он охрипшим голосом. Его вдруг внезапно охватил ужас.

— Со мной все в порядке, — отозвался человек с оружием в руках. Его слова тотчас умчал ветер. — А вот Грегориса уже нет.

Хейм медленно потащился к ним. Сквозь запыленное стекло шлема погибшего ничего не было видно. Хейм с тоской подумал, что это и к лучшему. Луч лазера располосовал ткань скафандра и тело, после чего газы смешались и произошел взрыв. Все вокруг было забрызгано ярко-красной кровью.

Наквс вдруг издал какой-то звук, заунывный, похожий на вой.

— Г'ворру суха эктуруш, так вот это значит война? Мы такое дома — нет. Рахата, рахата.

— Должно быть, Брэгдон пришел в себя и выстрелил, когда Грегорис прыгнул на него, — мрачно сказал Вадаж. — От удара оружие выпало у него из рук. Я подобрал его и вернулся сюда, куда

они скатились вместе. Тем временем Б. И. прижимал его к земле, чтобы он не натворил еще чего-нибудь.

Хейм долго смотрел на Брэгдона. Наконец он механически спросил:

— Какие-нибудь серьезные травмы?

— Нет, — так же механически ответил Брэгдон. — По крайней мере, у меня все кости целы. Голова болит.

Он заковылял прочь, опустился на землю и лег, закрыв локтем стекло шлема.

— Я считал, что мы сможем обойтись без этого, — сказал Вадаж, глядя на погибшего.

— Да, могли бы, — отозвался Хейм. — Но на войне всякое случается. Он хлопнул менестреля по плечу и пошел к Джосселин. Пот стекал по телу и хлюпал в ботинках. Хейм ощущал в горле и в груди какое-то стеснение, ему хотелось закричать, но он не мог.

Джосселин отшатнулась назад, когда Хейм спросил, все ли с ней в порядке.

— Я не причину тебе зла, — сказал Хейм.

— Но я стреляла в тебя! — Ее голос был похож на голос испуганного ребенка.

— Это понарошку. — Он обнял ее и положил ее голову себе на грудь. Она зарыдала и долго не могла остановиться. Хейм терпеливо ждал, когда она успокоится, но делал это лишь из смутного чувства долга. Не то чтобы он возненавидел ее, нет, то место, где она была в нем, теперь занял странный вакуум, словно состоящий из пепла. Все его эмоции сейчас были связаны с погибшим другом, а разум заполнялся мыслями о том, что предстояло сделать.

Наконец он смог оставить Джосселин, когда она опустилась на землю и умолкла. Хейм пошел к разбитому флайеру. Его обломки и останки груза валялись кругом, создавая хаос. Хейм нашел неповрежденную лопатку и несколько мачете и захватил их с собой.

— Начинай копать, Брэгдон, — сказал он.

— Что? — дернулся лежавший.

— Мы не собираемся бросать Грега Куманодиса, даже не похоронив его. Глубокую могилу вырыть не удастся, но... Принимайся за работу. Кто-нибудь сменит тебя, когда ты устанешь.

Брэгдон медленно, сантиметр за сантиметром, поднимался с земли.

— Что вы натворили? — завопил он. — Я не убивал этого человека. Это вы, вы убили его, с вашей безумной попыткой... попыткой чего? Неужели вы думаете, что вам удастся отбиться от нашего флайера?

— Нет, — ответил Хейм. — Я не собираюсь дожидаться здесь, когда он прилетит.

— Но... но... но...

— Не тарахти. Займись-ка лучше делом. — Хейм дал ему лопатку, а сам продолжил разговор с Вадажем. Утхг-а-К-Тхакв вылез

из щелби, встряхнулся и принялся помогать Брэгдону, откидывая землю в сторону своими когтистыми руками, словно ковшами.

— Ты о чем-то думал или просто пытался вернуть самообладание? — спросил венгра Хейм.

— Нет, — ответил Вадаж. — Какие-то туманные мысли о... не знаю о чем, наверное, просто мои предки никогда не сдавались без борьбы.

— Садись и давай посмотрим на наши бумажки.

В каждом скафандре имелся карман, забитый картами и другой местной информацией. О Строне из них можно было узнать не слишком много. Хейм развернул карту того района, в котором они находились. Она затрепетала и зашевелилась на ветру. Хейм растелил ее у себя на коленях.

— Грег бы понял, что означают все эти символы. Но посмотри, — он провел пальцем по контуру. — Эти горы — граница Кимрет, а это — река Морх. Это нам точно известно. Теперь смотри: гора Лохан помечена как самая высокая в северной цепи. Фактически, ни один другой пик не превышает по высоте ее соседей. Стало быть, тот старый вулкан и есть Лохан. Тогда мы где-то здесь находимся.

— Да, — голос Вадажа немного ожил. — Это — Роша Венилвэйн на северном склоне Лохана. Около сотни километров по воздуху отсюда, как по-твоему? Я сомневаюсь, чтобы мы смогли выдержать такой длинный переход. Но если бы нам удалось добраться до дальних окрестностей, нас могли бы обнаружить патрульные машины с воздуха или кто-нибудь из охотников.

— Венилвэйн нас знает? — Хейм покачал головой. — Должен признать, что шанс очень слабый. Что это за районы, отделяющие нас от него? Ходячий лес, Машины-убийцы, Дым-Гора.

— Ну-ка, я попробую... — Вадаж пролистал ничтожно тоненькую записную книжечку. — Нет, никаких пояснений. Конечно, ведь это только схема с пометками Грегориаса и Чарльза, составленная ими на основе того, что они узнали за время общения с аборигенами. И наверняка они рассчитывали обработать информацию окончательно по возвращении домой. Так всегда делается.

— Я знаю. А Грега больше нет. Что ж, придется нам самим все это выяснять.

— А что с этими? — Вадаж указал на Брэгдона, с трудом ковыряющего землю. И на Джосселин, скрючившуюся в стороне.

— Боюсь, что придется взять с собой. С одной стороны, это озадачит и задержит на какое-то время их друзей, когда они никого не найдут здесь, а стало быть, даст нам время спрятаться. С другой стороны, нам нужна будет каждая добавочная пара рук, особенно когда мы доберемся до подножия гор.

— Постой, — Вадаж хлопнул ладонью по земле. — Гуннар, мы не сможем этого сделать. У нас есть воздушные рециркуляторы, но никакого запаса воды, кроме дневной нормы в этих флягах. Этого не хватит даже на то, чтобы развести порошкообразную пищу. А ты

прекрасно знаешь, что если мы сумеем проходить по десять километров в день, то это будет фантастическая скорость.

Хейм поймал себя на том, что криво усмехается в ответ.

— Разве тебе никогда не приходилось делать подобный трюк? Мы постоянно будем находиться вблизи от природных источников, посмотри на эти голубые линии на карте. Так что не составит особого труда наполнить фляги: перевести лазерный пистолет в режим широкого луча низкой интенсивности и выпарить аммиак.

— Расходуя при этом энергию батарей, — возразил Вадаж. — В таком случае, кроме твоей пушки, нам нечем будет при необходимости защититься.

— Ерунда, Андре, с местными тиграми у нас не будет проблем. Мы для них столь же непривлекательны в качестве закуски, сколь они были бы неинтересны для нас. Главный наш враг — гравитация, враг номер два — дефицит пищевых запасов и медицинских препаратов; может появиться враг номер три — плохая погода, если нам суждено в таковую попасть.

— М-м-м... — ну что ж, тебе виднее. И все-таки мне бы хотелось точно знать, что это за «Машины-убийцы». Но... да, конечно, мы попытаемся это узнать. Сказать по правде, ты так меня обнадежил, что я даже, кажется, чувствую в себе силы покопать.

У них было не слишком много времени, едва хватило на то, чтобы наскрести немного земли, засыпать ею погибшего и прослушать «Патер ностер» в исполнении Вадажа. Затем они отправились в путь.

ГЛАВА 5

Пять дней по календарю Строна? Шесть? Хейм точно не знал. Кошмар длился слишком долго.

Поначалу все шло неплохо. Местность очень плавно поднималась вверх, покрытая редким лесом, который помогал путникам прятаться от тех, кто высматривал их с воздуха, и в то же время продолжать путь. Все находились в довольно сносной физической форме. И что было уже совсем странно, броня их скафандров казалась почему-то эталоном легкости и компактности.

А между тем, вдобавок к весу скафандра и гравитации, каждый нес груз, превышавший его собственный вес на Земле. «Неплохо» означало в среднем чуть более одного километра в час. Затем местность пошла под уклон, и они очутились на склонах предгорий хребта Кимрет. Хуже всего было то, что к этому времени начали проявляться совокупные последствия нагрузки и перенапряжения. Это было не просто изнеможение. Не имея изолирующей палатки, они не могли ни на минуту снять скафандры. Рециркуляторы нейтрализовали летучие побочные продукты метаболизма, но мало-помалу ничтожный процент этих вредных веществ, всякий раз ускользавший от химической сорбции, стал нарастать. Зловоние и

зуд стали невыносимыми. Слишком много альдегидов, органической кислоты и другой дряни.

А высокая гравитация оказывала на сердце более тонкое и более пагубное влияние, чем простая перегрузка. Она приводила в полное расстройство хрупкий и точный баланс жидкостей в теле, баланс, выработанный за миллионы лет у существа, жившего на одной и той же планете меньшего размера. Плазма стала просачиваться сквозь стенки клеток. Кровь прилиwała к конечностям, и лодыжки опухали, в то время как мозг, лишенный тока крови, отказывался работать. На Строне этот процесс идет медленно, но идет.

Люди не протянули бы и трех дней, если бы в их аптечках не было медикаментов: граванола, кинестана, различных стимуляторов и обезболивающих. Однако лекарства вскоре должны были иссякнуть, и тогда останется, быть может, один день, в течение которого люди еще смогут идти дальше, прежде чем упасть и умереть.

«Чего ради все это, и стоит ли этого наша цель? — то и дело проскальзывала в голове Хейма неясная мысль. — Почему мы не вернулись домой? Теперь я уже не понимаю».

Мысли вновь смешались. Все остатки внимания надо уделить сизифову труду: поднять одну ногу, перенести ее вперед, опустить на землю, поднять другую ногу, перенести ее... Тем временем правое плечо пошло вниз, словно на него навалилась смертельная тяжесть.

«О, да, Джосселин», — вспомнил он как будто далекое прошлое. Все были вынуждены по очереди помогать ей двигаться вперед.

Джосселин споткнулась, и оба они едва не упали.

— Надо отдохнуть, — раздался ее нерешительный голос.

— Ты отдыхала всего десять минут назад... Пошли! — он грубо дернул за связывающую их импровизированную упряжь.

Пошатываясь и спотыкаясь, они продолжали путь в течение очередных пятидесяти минут. Когда они истекли, Вадаж окликнул: «Время!» Люди опустили на землю и легли, распластавшись на спине и тяжело дыша.

Наконец Хейм встал на колени. В глазах у него прояснилось, и в голове шумело не так сильно. Он даже каким-то краем сознания отметил, что окружающий пейзаж был великолепным.

К востоку горы, по которым он с таким трудом поднимался, резко устремлялись длинными хребтами и каньонами вниз, к необозримой подернутой дымкой долине. Мягкий свет вечернего солнца сменил их окраску — рыжевато-коричневую с каменными красными расплывчатыми пятнами в тех местах, где рос лес — на великолепный цвет тлеющего заката. Неподалеку ярко сверкал ручеек, извиваясь между валунами, чтобы потом разветвиться на несколько пенистых водопадиков, чей шум напоминал звон колокольчиков в неподвижном воздухе. Над образованными им озерками роились похожие на насекомых существа с радужными крылышками.

На западе горы высились черной громадой, освещаемой лучами заходящего солнца, которое словно бы зацепилось за их вершины.

Снежный пик Лохан, красотой и совершенством напоминавший Фудзи, поражал своей неземной зеленовато-голубой окраской на фоне фиолетового неба. Вокруг него скалы отбрасывали густые тени, скрывая от глаз Хейма то, что ждало его впереди. Но он мог различить лес, до которого было чуть больше километра. С помощью полевого бинокля он определил также, что лес этот довольно густой, с подлеском и зарослями кустарников. Но обходной путь был бы слишком велик: даже в бинокль не видно было ни северной, ни южной оконечности леса, в то время как ширина его могла оказаться совсем небольшой.

Вадаж тоже смотрел в ту сторону.

— Мне кажется, на сегодня хватит, — сказал он.

— Еще рано, — возразил Хейм.

— Но солнце вскоре скроется за этим высоким горизонтом. А мы чертовски устали, и к тому же завтра нам придется продираться через эту чащобу. Хороший отдых для нас все равно что хорошее капиталовложение, Гуннар.

«Черт, мы и так спим по девять часов из восемнадцати!» — подумал Хейм, взглянув на остальных, почти не видя их лиц. Он уже научился легко узнавать их по скафандрам. Джосселин уже отключилась. Утхг-а-К-Тхакв был похож на блин, растекавшийся по земле. Вадаж и Брэгдон сидели по-турецки, но согнув спины. В теле самого Хейма каждый нерв трепетал от страшного переутомления.

— Хорошо, — сказал он.

Есть особенно не хотелось, но он заставил себя развести водой немного порошка и протолкнуть эту кашу сквозь специальный шлюз для питания. Когда с этим было покончено, Хейм вытянулся на спине, насколько позволял рюкзак. Прошло некоторое время, прежде чем он осознал, что спать не хочется. Изнеможение, боль и шум в голове — да, все это было, но желание спать отсутствовало. Он не знал, что тому виной: переутомление или зуд давно небритого лица.

«Боже мой, Боже мой, чего только не отдал бы я за душ, чистое белье и свежий воздух!»

Он отогнал от себя эту мысль. Положение и так было тяжелым, и лишний психологический риск был ни к чему.

Рывком поднявшись, он сел и стал смотреть, как гаснет свет на горе Лохан. Небо темнело, возвещая о близости ночи, на нем уже загорелось несколько звезд, и почти в самом зените неподвижно застыл маленький полумесяц внешней луны.

— Вы тоже?

Хейм повернулся, чтоб разглядеть говорившего. Рука Гуннара произвольно потянулась к пистолету. Рядом был Брэгдон.

Тот насмешливо улыбнулся.

— Спокойно. Слишком надежно вы нас обезоружили, обезопасили.

И спустя мгновение добавил:

— Чтоб вам провалиться!

— А кто первый заварил эту кашу? — огрызнулся Хейм.

— Вы, еще тогда, в Солнечной системе. Я слышал, что, по мнению Иисуса, сама смерть является актом искупления. Быть может, когда мы умрем здесь, на Строне, вы частично искупите свою вину перед тем, кого нам пришлось здесь похоронить.

— Не я его застрелил, — процедил Хейм сквозь зубы.

— Данная ситуация возникла по вашей вине.

— Заткни свою глотку, пока я не дал тебе хорошего тычка.

— О, я не претендую на безгреховность. Я должен был организовать все более тщательно. Вся человеческая раса по уши погрязла в грехе.

— Прежде я уже слышал это высказывание, но я с ним не согласен. Человеческая раса — это не что иное, как агломерат отдельных видов. Индивидуум ответственен за свои персональные поступки.

— В том числе, и за такие, как организация частных войн? Говорю вам, Хейм, этот человек был бы сегодня жив, если бы вы оставались дома.

Хейм украдкой бросил взгляд сквозь мрак. Он не мог ни разглядеть лицо Брэгдона, ни разобраться в нюансах искаженного голоса.

— Но послушай, — сказал он, — я мог бы обвинить тебя в убийстве с целью вмешательства во внешнюю политику. Моя экспедиция носит легальный характер. И возможно, у нее даже больше сторонников, нежели противников. Мне страшно жаль Грега. Он был моим другом. Однако ему была известна вся степень риска, и он пошел на это добровольно. Умереть, сражаясь за стоящее дело, не самый худший способ смерти. Вы же слишком много на себя берете.

Брэгдон попятился назад:

— Хватит, молчите!

Хейм безжалостно продолжал долбить:

— Отчего вам не спится? Уж не Грег ли тревожит ваш сон? Не задумывались ли вы о том, что вашей шумливой породе ненависть придает больше сил, чем любовь? Не возникало ли у вас желание отрубить палец, нажимающий на спусковой крючок оружия, если оно нацелено на человека, пытавшегося сделать все что можно ради Земли? И хватит ли у вас сил назвать кого-нибудь убийцей?

— Подите вы к черту! — вскрикнул Брэгдон.

Он отполз на четвереньках от Хейма. В нескольких метрах он остановился, скрючился, и плечи его затряслись.

«Может быть, я был слишком жесток с ним, — подумал Хейм. — Он искренен... Плевать на это. Искренность — это одна из добродетелей, которую мы почему-то более всего склонны переоценивать».

Он снова прилег на мох и незаметно уснул.

Его разбудил восход, окрасивший гору Лохан в огненный цвет. С каждой зарей Хейм чувствовал себя все более закоченевшим, а

собственная голова казалась ему пустой, но отдых все же помогал продолжать движение, заставляя преодолевать нежелание принимать пищу, и каждое утро начиналось с холодного завтрака и с кипячения свежей порции воды.

Брэгдон молчал как рыба, да и другие не особенно много говорили. Но когда начался долгий путь по направлению к лесу — целый километр вверх по горе, Вадаж запел:

Снова бьет барабан, начинается война.

Снова бьет барабан, начинается война.

Эт-ри, эт-ра, ра-па-та-план,

Начинается война.

Допев до конца, он перешел к «Римини», «Маршу через Джорджию», «Британским гренадерам» и «Из Сиртиса в Цидонию». Хейм, Джосселин и даже Брэгдон подпевали ему задыхающимися голосами, и, может быть, Утхг-а-К-Тхакв находил какую-то поддержку в маршевых ритмах и знакомых образах Родины. Вскоре они добрались до леса, чувствуя себя гораздо лучше, нежели ожидали.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм.

— Ты ведь знаешь, это моя работа, — ответил венгр.

Прежде чем углубиться в лес, люди сделали короткий привал, во время которого Хейм более внимательно пригляделся к растительности. Издалека при свете восхода он видел, что лес пересекал горы неправильной линией, так четко ограниченной, словно он был искусственный. Поскольку северо-западный склон возвышался крутой стеной прямо над Хеймом, он заметил также странный маслянистый выброс почвы с этой стороны, огибавший склон и исчезающий за пределами зрения. Теперь же он находился слишком близко, чтобы увидеть что-либо, кроме самого барьера.

— Оказывается, не так уж много кустарников, — с удивлением заметил Хейм. — Всего лишь один вид. Что вы об этом думаете?

— Я не ксеноботаник, — пробурчал инженер.

Деревья были около четырех метров высотой. На Строне ничто не бывает слишком высоким. И толщиной они были не больше чем с человеческую руку. Но вдоль стволов, от корней до самой вершины, росли бесчисленные гибкие ветки, каждая из которых расщеплялась, в свою очередь, на множество побегов. Местами ветви переплетались так густо, что образовывали сплошную стену. Листья росли только на верхних ветках, но и те сплетались вверху в красноватую крышу, под которой подлесок казался черным, как ночь.

— Тут нам без мачете не обойтись, — сказал Хейм. — Однако терять прежний ритм передвижения нельзя. Кто-то один будет рубить, на первый взгляд это не очень тяжело, в то время как остальные будут отдыхать. Начну я.

Он крепко сжал в руке нож.

Вжик! Вжик! Дерево было мягким, с каждым взмахом ножа ветки

летели направо и налево. Мужчины сменялись каждый час, исключив из очереди Джосселин, и вскоре небольшой отряд углубился далеко в лес.

«А ведь прошла всего пара часов с тех пор, как рассвело», — ликовал про себя Хейм.

— Смени меня, Гуннар, — попросил Вадаж. — Я уже весь мокрый как мышь.

Хейм поднялся и пошел к венгру вдоль узкого прохода. В нем было жарко и тихо. Сквозь листья сочился густой багряный сумрак, и уже в нескольких шагах ничего не было видно. Кругом шелестели ветки, упруго сопротивляясь проходящему человеку. Хейм взмахнул мачете, и почувствовал, как вибрация передалась сначала ножу, затем запястью, потом — всему телу.

«Хм. Странно. Впечатление такое, будто зашевелилась вся эта переплетенная гуща».

Деревья вздрогнули и зашелестели. Однако ветра не было и в помине.

Джосселин взвизгнула.

Хейм резко обернулся. Вдоль его скафандра, извиваясь, наподобие змеи, ползла ветка. Что-то ударило его в спину. Он поднял мачете — и дюжина зеленых шупалец вцепилась ему в руку. Он рванулся и высвободил ее.

Гул землетрясения прокатился сквозь мрак. От толчка Хейм потерял равновесие и упал на одно колено. Удар отозвался в ноге острой болью. Дерево перед его глазами клонилось вниз. Нижние ветви растения, покрытые множеством отростков, коснулись земли и мгновенно зарылись в нее. Листья расцепились с треском, похожим на треск сучьев в горящем костре. Хейм успел мельком взглянуть на небо, но тут же стекло его шлема залепили ползущие по нему листья.

Хейм вскрикнул и взмахнул ножом. Вокруг него образовалось небольшое чистое пространство. Дерево высвобождало из земли свои корни. Тяжело вздыхая и вздрагивая, цепляясь за землю, оно неуклюже двинулось вперед.

Весь лес теперь был на марше. Поступь его не была быстрой — не быстрее, чем мог бы передвигаться на Строне человек, — но она была безостановочной. Хейм поднялся, с трудом продираясь сквозь ветви, но тут же снова упал на спутанный клубок зеленых шупалец. Сквозь скафандр и шлем он чувствовал их хлещущие удары. Пошатываясь, Хейм снова поднялся и попятился назад. Ствол дерева, укрепившись в горизонтальном положении, нанес ему удар прямо в живот. Хейм рыгнул и выронил мачете. Почти мгновенно нож исчез под зеленой массой, по мере того как ветви отрывались от земли, передвигаясь вперед, и вновь цеплялись за грунт. Хейм собрал все оставшиеся силы и бросился на них. Они сопротивлялись с демоническим упорством. Хейм сам не знал, как ему удалось высвободить клинок.

Сквозь треск и оглушительный шелест снова раздался крик

Джосселин, в котором слышался смертельный ужас. Хейм упал на колени, пригнулся как можно ниже и лихорадочно огляделся. Сквозь качающиеся, крениющиеся стволы, извивающиеся подобно змеям сучья, цепляющиеся ветви, мрак и раскаленные добела копыя солнечных лучей он увидел ее. Она лежала на земле, пригвожденная двумя деревьями. Еще мгновение — и они раздробят ей кости или изорвут в клочья скафандр.

Клинок взлетел в руке Хейма. Издав боевой клич, он ринулся к женщине, словно воин, прорубающийся сквозь ряды врагов. Стволы и ветви вдруг стали вопреки всему совершенно негнущимися, словно они имели мускулы, которые теперь напряглись. Нож отскакивал от них, как от плотной и упругой резины. Из разрезов струей била какая-то липкая жидкость.

— Гуннар, помощи! — снова раздался в этой каше крик Джосселин. Наконец, разрубив последние оплетавшие ее лианы, он наклонился и помог ей встать.

— С тобой все в порядке? — он вынужден кричать, чтобы его было слышно в этом адском шуме. Она прижалась к нему и всхлипнула. Еще одно дерево, наклонившись, потянулось к ним.

Хейм, отстранившись, что было сил встряхнул Джосселин за плечи и прокричал:

— Эй! Сюда! Ко мне!

Извиваясь, к ним подполз Утхг-а-К-Тхакв, расчищавший своим телом путь для Брэгдона. Следом за ними появился и Вадаж, который умело лавировал и довольно быстро двигался среди этого хаоса.

— Джосс — в середину, — скомандовал Хейм. — Остальные — спина к спине вокруг нее. Удрать от этой дряни мы не сможем, оставаться здесь тоже нельзя. Мы бы вскоре окончательно выдохлись, если бы пытались просто удержаться на ногах. Вперед.

Его клинок поймал солнечный луч и ослепительно вспыхнул в нем.

Все, что последовало за этим, было сплошной рубкой, упорной борьбой, лавированием и бегством от движущегося кошмара. Сознание Хейма обрело какую-то холодную ясность; он смотрел на происходящее, находил решение и выбирал способ его осуществить. Сила, поддерживавшая его, исходила из какого-то внутреннего источника. Это было больше, чем просто страх перед смертью. Что-то внутри него восставало против мысли о том, что его кости могут навсегда остаться здесь, разбросанные среди этих шагающих троллей.

Брэгдон сдался первым.

— Я... не могу... больше... это... поднять, — простонал он, падая на землю. Зеленые щупальцы сомкнулись вокруг одной из его ног.

Утхг-а-К-Тхакв освободил его.

— Ну, становись в середину, — сказал наквс, — я сам, а вы, Лори, поддерживайте его.

Прошла, казалось, целая вечность — и вот уже Вадаж опустил свое мачете.

— Прошу прощения. — Голос его был едва различим в этом шуме. — Идите дальше без меня.

— Нет! — сказал Хейм. — Либо мы все выберемся отсюда, либо никто.

— Разреши мне попробовать, — робко попросила Джосселин, передав Вадажа на попечение Брэгдона, который к тому времени уже немного пришел в себя. Она взяла у венгра его нож. Ее удары были несильными, она использовала орудие скорее как лом, но этого оказалось достаточно, чтобы можно было расчищать себе путь.

И... солнечный свет, чистое небо, мох возле священного пика Лохан. По инерции они прошли еще несколько метров, прежде чем рухнуть навзничь.

Через пару часов Хейм очнулся. Некоторое время он, прищурясь, глядел в небо, на облака, отыскивая среди них всякие причудливые формы, как, бывало, делал во времена своего детства на Гее. Когда сознание полностью вернулось к нему, он сел и вполголоса выругался.

Деревья все еще двигались мимо них. Однако Хейму казалось, что это движение значительно замедлилось. На северо-западе, в направлении, противоположном их маршу, виднелся след из взрыхленной земли. След этот уходил за пределы горизонта, но оттуда, покрывая его, уже появилось какое-то бледно-желтое пятно, это всходила новая поросль.

Утхг-а-К-Тхакв был единственным, кроме Хейма, кто тоже проснулся. Наквс подошел к нему и плюхнулся рядом.

— Ну что же, шкипер, теперь мы знаем, что такое «Ходячий Лес».

— Хорошо бы еще узнать, как это делается, — отозвался Хейм.

Отдых на время прояснил его сознание, и ответ вдруг возник как бы сам.

— Конечно, это лишь предположение, — сказал он через минуту, — но возможно, это происходит как-нибудь так: ультрафиолетовый солнечный свет делает химию растений дьявольски энергичной. Данному конкретному виду для роста необходимо нечто, быть может, какой-нибудь минерал. В тех местах, где геологические трещины обнажают его жилы, появляется лес.

— Вряд ли это минерал, — возразил Утхг-а-К-Тхакв. — Жизнь не может зависеть только от геологических случайностей.

— На большой планете геология играет роль намного более высокую, чем на планете земного типа, Б. И., — сказал Хейм. — Однако я согласен, что только на ее основе более-менее сложная экология вряд ли возникнет. Дай подумать... О'кей, скажем, существует некая бактерия, закладывающая основу для органической материи определенного вида в подходящих для этого условиях. Подобные отложения должны быть весьма многочисленны и встречаться почти повсеместно. Эти деревья, допустим, могут разбрасывать споры, способные веками лежать в спячке, дожидаясь случая прорасти. Хорошо. Затем они с чудовищной быстротой

поглощают питательную бактерию. Достигнув зрелости, такой «лесок» вынужден двигаться, поскольку почва под ним истощена. Репродуктивность слишком замедлена. Деревьям приходится передвигаться самим. Очевидно, стимулом к передвижению для них служит солнечный свет. Вспомни, они не шевелились до середины утра, а теперь, в полдень, начинают постепенно останавливаться.

— А что происходит, когда они съедают все отложения?

— Они погибают. Их останки уходят в почву. Постепенно все перерабатывается в необходимый для них продукт, и оставленные ими споры просыпаются. — Хейм скорчил гримасу. — Какого черта я пытаюсь изобразить из себя ученого?! Чтобы оправдать эту гадость? Я вынужден верить, что все это естественно.

— Мы прошли сквозь него и остались живы, — спокойно сказал Утхг-а-К-Тхакв, — разве этого недостаточно?

Хейм не ответил. Взгляд его обратился к западу, куда им еще предстояло идти. Видел ли он легкий султанчик тумана на нижних уступах Лохана? Расстояние было слишком большим, чтобы точно знать, что это не обман зрения. Но «Дым-Гора»? Что бы это ни было, беспокоиться об этом пока еще рано. Надо еще миновать район «Машин-убийц».

ГЛАВА 6

Еще два дня — двадцать километров. Если бы им пришлось идти не по ровному месту — пересекая плато у подножия Лохана, — им ни за что было бы не одолеть такое расстояние.

Это была мрачная усыпанная камнями местность, почти лишенная растительности, кроме редкого низкорослого желтоватого кустарника. Множество ручьев сбегало вниз, к Морху, и их журчание было единственным звуком, наполнявшим воздух. Лишь горы, окаймлявшие плато с трех сторон, да великолепный уносившийся высоко ввысь снежный пик оживляли пейзаж.

В первый вечер отряд расположился на ночлег, имея в поле зрения кратер. Его стекловидные стенки отсвечивали в лучах заходящего солнца красновато-коричневым цветом, похожим на запекшуюся кровь. Вадаж заметил, указывая на кратер:

— Я считал, что бесплодие данного района объясняется выщелачиванием почвы, которое было вызвано стекавшими сверху потоками. Теперь я вижу, что все как раз наоборот.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хейм безразлично.

— А то, что вся эта картина, как пить дать, оставлена хорошей бомбежкой. Должно быть, когда-то здесь находился большой индустриальный центр, который был уничтожен во время войны.

— И вы хотите, чтобы то же самое случилось на Земле! — впервые за два дня подал голос Брэгдон.

Хейм вздрогнул.

— Сколько еще можно объяснять? — сказал он, обращаясь больше к Джосселин, чем к Брэгдону. — Земля имеет космическую оборону. Ее невозможно атаковать, если только мы, попадая из одного кризиса в другой, не добьемся такого ухудшения дел, при котором обе стороны будут вынуждены построить флоты, достаточно большие, чтобы позволить себе потери при прорыве космической обороны. Все, чего я хочу — это устранить подобную возможность путем немедленного урегулирования конфликта между нами и алеронами. К несчастью, они не заинтересованы в разумном компромиссе. Поэтому наша задача — доказать им, что у них нет иной альтернативы.

— Бомбардировкой нельзя объяснить местного бесплодия, — прервал их Утхг-а-К-Тхакв. — Война здесь была три или четыре века назад по земному исчислению. Радиация давно исчезла. Восстановлению природы мешало что-то другое.

— О, к черту все это, — захныкала Джосселин. — Дайте поспать.

Хейм тоже лег. С каким-то смутным беспокойством он подумал о том, что надо бы назначить часового, но нет, все были так изнурены... С этой мыслью он забылся.

На следующий день люди увидели поодаль очертания двух металлических тел. Не было и речи о том, чтобы сделать крик и рассмотреть их поближе, да и вообще, им и без того было чем заняться, занять ту часть сознания, которую они еще в силах были отвлечь от более тяжелой работы по продвижению вперед. В поле зрения уже начала появляться оконечность плато. Между его краем и очередным уходящим вверх горным склоном была крутая насыпь, при ближайшем расстоянии оказавшаяся обсидиановыми утесами. Они тянулись вправо и влево, гладкие, блестящие, не очень высокие, но совершенно неприступные в условиях местной гравитации без специального снаряжения, которым отряд не располагал. Чтобы обойти их — если вообще существовало такое место, где они были более пологими — потребовалось бы несколько дней, а медикаментов, за счет которых люди еще были живы, не хватило бы на столь длительный переход.

Сплошная линия этого неприступного вала разрывалась лишь в середине охватываемого глазом участка. От подножия крутого откоса начиналась сплошная полоса плотного тумана, она поднималась на несколько километров вверх, похожая на гигантский белый столб; белые султаны, отрываясь от вершины столба, четко выделялись на фоне голубого цвета неба, и по мере того как люди приближались к этому месту, все явственнее был слышен грозный рев.

— Это, должно быть, «Дым-Гора», — сказал Вадаж. — Но что все это значит?

— Район... не знаю, как это сказать по-английски, — отозвался Утхг-а-К-Тхакв. — Пшейка. Земля внизу горячая, и вода выкипает.

— Гейзеры и горячие источники, — сказал Хейм и присвистнул. — Но я никогда не видел и не слышал, чтобы они достигали

таких размеров. По сравнению с этим Желтый Камень или Кузница Карлика — все равно что булькающий чайник. Сумеет ли мы здесь пройти?

— Должны. — Утхг-а-К-Тхакв наклонил голову так, чтобы все его три глаза могли смотреть сквозь стекло шлема. Привычные к туманам его планеты, они до некоторой степени способны были видеть в инфракрасном спектре.

— Да-да. Утесы размыты. Проход идет под уклон, хотя он очень неровный и повсюду хлещет вода.

— И все же слава Богу. Высокая гравитация означает низкий угол естественного откоса. А как только мы доберемся до лугов, что находятся по ту сторону, у нас появится шанс встретить охотников или патрульных из Роши. — Хейм выпрямился. — Мы прорвемся.

Чуть позже он заметил, как среди кустов блеснула третья металлическая фигура. На сей раз она была так близко к их предполагаемому пути, что Хейм слегка изменил курс, с тем, чтобы пройти мимо. К тому же им все равно не было точно известно, где лучше заходить во владения «Дым-Горы».

Объект выросал по мере того, как Хейм приближался к нему своим тяжелым шагом. Во время остановок Хейм обнаружил, что не может отвести взгляд со странного предмета. Когда же он наконец дотащился до того места, где стояло сооружение, ему захотелось убраться оттуда, и чем скорее, тем лучше.

— Древняя машина, — голос Вадажа был едва слышен из-за рева и шипения, доносившегося спереди. — Ее бросили после того, как упала бомба.

Процесс коррозии в местной атмосфере был очень замедленным. Краска облезла с металла, а тот, в свою очередь, заржавел, но все еще блестел в некоторых местах. Аппарат имел форму ящика около двух метров шириной и пяти высотой, верхушка которого была скошена по направлению к центральной оружейной башне. Можно было различить останки солнечной батареи вместе с радарной установкой. Несколько портов в корпусе и башне были закрыты, без всяких видимых признаков того, что их когда-либо открывали. Хейм раздвинул кусты и, посмотрев на основание машины, решил, что она передвигалась на воздушной подушке.

— Ничего себе дирижабль, — сказал он. — Насколько я понимаю, после войны эта телега опустилась на землю. В течение долгого времени в район Лохана нельзя было заходить. Те штуки, которые мы видели, должно быть, то же самое.

Джосселин вцепилась ему в руку.

— Идем отсюда, Гуннар! — умоляюще проговорила она. — Слишком уж это напоминает мертвые кости.

— Интересно бы знать, — заметил он, как всегда желая докопаться до истины, — почему металл бросили на произвол судьбы. Даже владея атомной энергией, аборигены на планете, лишенной огня, должны были бы бережно относиться к металлолому.

— Может быть, табу? — предположил Вадаж. — Вероятно, эти обломки ассоциируются в представлении местных с чем-то кошмарным.

— Вполне возможно, хотя у меня такое впечатление, будто строны оглядываются на свою войну с гораздо меньшим ужасом, нежели мы, когда вспоминаем наш Обмен, а ведь Земля еще легко отделалась. — Хейм поправил давившую на плечи систему воздушно-снабжения и рюкзака. — О'кей, пора двигаться дальше. Солнце уже низко, а меня что-то не привлекает перспектива ночевать среди призраков.

— Может быть, споешь нам что-нибудь, Андре? — попросила Джосселин. — Я бы тебя поддержала.

— Попробую. — Голос певца был усталым и разбитым, да к тому же нещадно искажался при попадании в атмосферу, но тем не менее он прокаркал:

Вдоль по дороге
К прекраснейшему Атти, ура, ура!

Помогая женщине идти, Хейм сначала не обратил внимания на слова. Но потом он внезапно осознал, что Вадаж поет вовсе не «Когда Джонни возвращается с победой домой», а суровую старую балладу ирландцев, — оригинал этой песни.

...где ноги, которые так быстро носили тебя,
Когда ты впервые взял ружье?
Да, теперь тебе уж больше не сплясать.
О, Джонни, тебя не узнать.
Враги со своими ружьями и барабанами,
И барабанами, и ружьями,
Чуть не убили тебя.
О Джонни, дорогой мой,
Ты стал теперь калекой,
Тебя не узнать!

Хейм взглянул на Брэгдона. Вся его фигура выражала упрямую мысль: «Откуда этим дьяволам знать, что такое война?»

Рука Хейма, обтянутая перчаткой, непроизвольно сжалась в кулак, когда он подумал: «Я знаю! И я должен похоронить ее!»

У тебя нет руки, у тебя нет ноги.
Ты — безглазое, безногое, бесплодное яйцо.
Останется только положить тебя в миску
На паперти просить милостыню.
О, Джонни, тебя не узнать.
С их ружьями и барабанами,
И барабанами, и ружьями...

Слышать такую песню в этой мертвой местности было не очень-то приятно, но, быть может, Андре не имел выбора. Какой бы призрак ни витал над адской машиной, чересчур медленно отступавшей назад, его он тоже не оставил равнодушным.

Все молча радовались изнеможению, которое заставило их уснуть этой ночью. Однако Хейму сон не принес облегчения. Его мучили тревожные сны, и несколько раз он просыпался... от какого-то шума. Может быть, в этом были повинны гейзеры? Нет, что-то металлическое: скрип, треск, жужжание... Воображение, ничего больше. Хейм снова погрузился во тьму.

Рассвет был сырым от тумана, который ветром приносило от находившейся в каких-то трех-четырех километрах «Дым-Горы». Белые испарения стлались над землей, так что буквально в десяти шагах все тонуло в серой дымке. Небо над головой походило на аметистовую чашу, а на снежную шапку Лохана было больно смотреть. Хейм протолкнул сквозь пищевой шлюз пригоршню концентратов и огляделся вокруг затуманенным взором.

— Где Джосс?

— Она ушла туда, — махнул рукой Вадаж. — М-м-м... пора бы ей уже вернуться назад, э?

— Пойду поищу ее, — вскинув на плечи рюкзак, Хейм заковылял в туман.

Вскоре он нашел ее, скрючившуюся в какой-то странной позе.

— В чем дело? — спросил Хейм.

Джосселин чуть заметно шевельнулась.

— Я не могу, — произнесла она тонким голосом.

— Чего не можешь?

— Пошевелиться. Не могу. Боль в каждом суставе, в каждой клетке. Идите дальше без меня. Вернетесь, когда найдете помощь. Я подожду.

Хейм опустил на четвереньки, стараясь равномерно распределить тяжесть на все четыре конечности.

— Ты должна идти с нами, — сказал он. — Мы не можем оставить тебя одну.

— Но разве со мной может случиться еще что-нибудь хуже этого? Да и вообще, не все ли равно?

Хейма охватили угрызения совести. Он обнял Джосселин и сказал как можно мягче:

— Джосс, я совершил ошибку, заставив тебя идти с нами. Надо было оставаться тебе, чтобы ты дождалась друзей... Но теперь поздно говорить об этом... И я не прошу у тебя прощения...

— Нет нужды, Гуннар. — Она склонила голову к нему на плечо.

— ...Но я еще раз повторяю, что ты должна сделать переход. Еще три или четыре дня.

При этом Хейм мысленно добавил:

«Дольше мы просто не протянем, потому что у нас кончатся все запасы».

Вслух же он продолжил:

— Потом можешь отдыхать, сколько тебе захочется.

— Отдыхать вечно, — выдохнула она. Капли стекла по стеклу ее шлема, словно слезы, но голос звучал почти безмятежно. — Когда-то я боялась смерти. Теперь она кажется мне прекрасной.

— Есть еще одна причина, вследствие которой ты не можешь оставаться здесь одна. Насколько мне известно, у тебя скоро должен начаться очередной цикл, так ведь? О'кей?

Он взял ее рюкзак и резервуар для отходов и закинул все это себе на спину.

— Гуннар! — запротестовала Джосселин. — Ты не можешь тащить еще и мою ношу!

— Да, к сожалению, твое дыхательное снаряжение я взять не могу. А остальное — какие-то несколько килограммов...

Новый вес придавил Хейма, словно глыба. Он с трудом поднялся и протянул Джосселин руки.

— Вставай! Алле ап!

Ветер сменил направление, и с севера послышался звук, который, как считал Хейм, почудился ему во сне. Лязг, грохот, стон — достаточно близко, чтобы перекрыть шум ветра.

— Что это? — пронзительно вскрикнула Джосселин.

— Не знаю. Давай пока не будем выяснять.

Хейм и сам почувствовал, как екнуло у него сердце, но затем с мрачным удовлетворением увидел, что Джосселин вскарабкалась на четвереньки, с трудом выпрямилась и пошла по направлению к лагерю.

Вадаж и Утхг-а-К-Тхакв тоже услышали странный шум и вглядывались в туманную мглу, тщетно пытаясь разглядеть его источник.

Брэгдон уже ковылял дальше, не дожидаясь остальных, погруженный в апатию, причиной которой была не только усталость. Все последовали за ним, воздержавшись от высказывания вслух предположений по поводу странного звука.

Солнце поднялось выше, и туман начал рассеиваться в его лучах. Водяные пары по-прежнему скрывали естественный проход между утесами, хотя наквс сказал, что может разглядеть некоторые детали наиболее близкой к берегу части. Люди видели только множество валунов — некоторые величиной с целый дом — и скалы поменьше, усеявшие последний километр перед началом подъема. Среди них бурлили горячие дымившиеся источники, превращая землю в грязь желтоватого, благодаря наличию серы, оттенка. В местах образования маленьких заводов этот оттенок менялся на красновато-зеленый, вероятно, здесь обитали какие-то микроорганизмы.

Грохот, преследовавший путешественников, усилился. Вадаж пытался запеть, но его никто не слушал, и вскоре он умолк. Люди шли вперед, тяжело дыша, пошатываясь, но делая остановки реже, чем им того хотелось бы.

Словно почувствовав что-то, Хейм внезапно обернулся и замер как вкопанный.

— О, небо! — выдохнул он, пораженный. Его спутники, услышав это восклицание, тоже остановились.

Между полосой тумана и ее источником видимость сохранялась на расстоянии около километра. И в конце этого отрезка появилась машина, подобная той, которую они обнаружили предыдущим днем. Но помятый, потрепанный бурями каркас детектора все еще возвышался над орудийной башней, а корпус двигался... медленно, неуклюже, с болтающимися сломанными деталями, с фыркающим и дергающимся воздуховодом, сотрясаясь и грохоча, но он двигался за ними по пятам.

Джосселин с трудом удержалась от крика. Брэгдон буквально отпрыгнул назад. В голосе его звучал панический страх.

— Что это?

Хейм подавил вспыхнувший на мгновение и в нем самом страх.

— Брошенный вездеход, — сказал он. — Какая-то разновидность робота-автомата. Еще не совсем вышел из строя.

— Но он нас преследует! — дрожащим голосом воскликнула Джосселин.

— Вероятно, заданная ему программа предусматривала патрулирование в пределах данной зоны, и если он засекал какое-либо живое существо, он должен был... — Безумная надежда возникла в сознании Хейма, хотя здравый смысл отказывался воспринимать эту идею как осуществимую.

— Возможно, нам представится возможность прокатиться.

— Сакв? — удивленно квакнул Утхг-а-К-Тхакв. — Куда прокатиться? На тот свет?

Однако через мгновение он задумчиво протянул:

— Да-а-а, это возможно. Или по крайней мере, если там все еще исправно радио, мы могли бы...

— Нет. — Шлем чуть не свалился с плеч Вадажа, так он затряс головой. — Я не доверяю этой штуке.

Хейм провел по губам вдруг одеревеневшим языком.

— Мне кажется, эта штука движется быстрее нас, — сказал он. — Так что нам все же придется решить этот вопрос.

Внезапно решение пришло само собой.

— Подождите здесь, я вернусь назад и посмотрю.

Вадаж и Джосселин одновременно схватили его за руки. Он рывком вырвал их, проскрежетав:

— Черт побери! Я пока еще капитан. Не мешайте мне. Это приказ.

И он пошел назад. Боль в мускулах прошла, сменившись странным покалыванием и онемением. Сознание было неестественно ясным, он видел каждый сучок и каждый листок на жидких кустах вокруг, ощущал, как его ноги ударяются о грунт и как эти удары отдаются в голень и в колено, чувствовал свои собственные

тошнотворные запахи, слышал, как за спиной гудят гейзеры. Земля казалась бесконечно далекой, воспоминанием о какой-то иной жизни или просто сном о чем-то нереальном.

«Я боюсь, — мелькнула мысль и словно бы повисла над пропастью, через которую невозможно было перекинуть мост. — Эта машина пугает меня больше, чем что-либо виденное мною раньше».

Он продолжал идти. Больше делать ничего не оставалось. Решетка детектора, хотя и рывками, но вращалась, сфокусировав на человеке невидимую и неосязаемую энергию. Робот изменил направление с целью пойти наперехват. Несколько броневых листов оторвались и хлопали при передвижении машины. За ними сияла чернота. Все тело металлического монстра было охвачено проказой разрушения.

«Сколько лет он уже блуждает по этим горам? Зачем?» — подумал Хейм.

Орудийная башня повернулась. Крышка порта начала было открываться, но застряла на полпути. Внутри машины что-то заскрежетало. В передней части корпуса открылся другой люк. Из него выдвинулось тупое дуло орудия, заговорил пулемет.

Хейм увидел, как, не долетев какую-то сотню метров, пули взбили фонтанчики серой пыли. Он резко повернулся и побежал. Чудовище зарычало. Раскачиваясь на неустойчивой воздушной подушке, оно бросилось в погоню за человеком. Орудие бесновалось еще минуту, прежде чем остановиться.

«Машины-убийцы! — билось в голове у Хейма в такт тяжелым шагам и учащенному дыханию. — Роботы, оставшиеся от охраны чего-то, что находилось на месте того кратера, который мы видели. Их цель заключалась в том, чтобы убивать все движущееся. Но после того как ракета поразила цель, остались одни роботы, выполнявшие свою программу до тех пор, пока не выходили из строя, и вот теперь их осталось всего несколько штук, но они по-прежнему бродят по этим пустошам, и сегодня один из них обнаружил нас».

Добежав до своих спутников, Хейм споткнулся и, мешком упав на землю, с минуту лежал, задыхаясь. Вадаж и Утхг-а-К-Тхакв помогли ему подняться.

Джосселин повисла у него на руке и заплакала.

— Я думала, что ты умер. Я думала, ты умер.

— Так и было бы, — сказал Вадаж, — но взрывчатка в снарядах испортилась... Берегись!

Открылся еще один портик, и еще одна обойма была расстреляна. Сквозь красный туман в глазах Хейм вдруг заметил лазерный проектор, а лазеры, как известно, не стареют. Он схватил Джосселин и отдернул ее назад, заслонив собой. Сверкающий луч был ярче солнца. Он ударил левее. Кусты превратились в головешки и задымались. Следуя какому-то сумасшедшему курсу, луч испарил небольшую речушку, затем выпалил в небо и, мигнув, угас.

— Механизм наведения, — произнес Утхг-а-К-Тхакв. Впервые

за все время голос его слегка дрогнул. — Износился так, что стал непригоден.

— Не настолько, чтобы промахнуться с близкого расстояния, — захныкал Брэгдон. — Он или пристрелит нас, или раздавит, или...

— Бежим!

Страх, охвативший Хейма в первое мгновение, прошел. Внутри он чувствовал какой-то странный холодный подъем. Это была не радость поединка с достойным противником, поскольку Хейм знал, насколько мизерным был его шанс. Это была полная боевая готовность всего организма. Решение словно бы выкристаллизовалось в его сознании, и он сказал:

— Не надо. Мы моментально выдохнемся. Эта гонка ведется шагом. Если мы сможем добраться до «Дым-Горы» или хотя бы до тех валунов прежде, чем туда долетят пули, у нас будет шанс спрятаться в укрытие. Нет, не сбрасывайте рюкзаки. Забрать их обратно нам не удастся. Пошли.

Они двинулись вперед.

— Может быть, спеть вам? — спросил Вадаж.

— Нет необходимости, — ответил Хейм.

— Я так и думал. Хорошо. Дыхание и в самом деле мне пригодится.

Хейм замыкал шествие. Сзади кашлял и стучал двигатель адской машины. Вновь и вновь Хейм вынужден был останавливаться и оглядываться, хотя изо всех сил пытался не делать этого. С каждым разом смерть оказывалась все ближе. Старый-престарый, разваливающийся, полуслепой и полупарализованный механизм, который никогда не был живым и в то же время все никак не мог умереть, трясся на остатках своей воздушной подушки чуть-чуть быстрее, чем мог передвигаться на Строне человек. Издаваемый им грохот был похож на бесконечную металлическую агонию. Один раз Хейм заметил, как на ходу от корпуса отвалился лист обшивки, в другой раз — как покосился воздуховод и чуть не свалился на громоздкий корпус. Но он все двигался дальше и дальше. А спасительные скалы впереди росли с такой медлительностью, как в ночном кошмаре.

Джосселин начала спотыкаться. Хейм догнал ее, чтобы поддержать. Возможно, изменение цели вызвало включение какого-то реле в испорченном компьютере, это неизвестно, только пулемет выплывал новую очередь. Несколько пуль просвистели совсем рядом.

Брэгдон последовал примеру Хейма, поддержав женщину с другой стороны.

— Давайте я помогу... — задыхаясь, произнес он. Джосселин оперлась на них обоих.

— Нам... нам не успеть, — сказал Брэгдон.

— Мы должны, — сухо отозвался Хейм, боясь, как бы к Джосселин не вернулось то безразличие, которое охватило ее утром.

— Мы могли бы дойти... может быть... если бы передвигались без остановок. Вы могли бы, но не я. И не она. Нам надо отдыхать.

В воздухе повисли словно недосказанные слова Брэгдона.

— А преследователь в отдыхе не нуждается.

— Давайте все в воду, вон возле тех скал, — сказал Вадаж. — Ложитесь и пригните головы как можно ниже. Тогда, быть может, этот гад не заметит нас.

Хейм посмотрел в ту сторону, куда указывал венгр. Чуть левее от них у мутного озерца виднелась россыпь камней. Ни один из них не превосходил по своей величине человека, но... Над головой просвистел легкий артиллерийский снаряд, орудийный залп эхом отозвался от недостижимых утесов. Снаряд попал в большой булыжник, расколол его, но не взорвался.

— Ну что ж, давайте попробуем, — согласился Хейм.

Шлепая по грязи, они добежали до озерца и легли животом вниз в неглубокую красноватую воду. Хейм предусмотрительно положил рядом с собой автомат, Вадаж — свой лазер. Такое оружие представляло собой довольно трогательное зрелище, будучи противопоставленным вооружению и размерам монстра. Но человеку свойственно с доверием относиться к средствам собственной защиты. Порыв ветра принес с собой водяную пыль «Дым-Горы» и бросил ее в лежащих людей. Хейм обер стекло своего шлема и осторожно вынул голову из-за камня.

Машина стояла, не двигаясь. Изнутри раздавалось какое-то ворчание, орудия поворачивались то вправо, то влево, детекторы вращались по всей сфере.

— Боже правый, — прошептал Вадаж. — Да она и впрямь нас потеряла.

— Вода охлаждает наши скафандры, снижая интенсивность инфракрасного излучения, — так же тихо отозвался Утхг-а-К-Тхакв. — Быть может, мы находимся ниже уровня лучей ее радара, а может, оптические системы вышли из строя. Или система памяти развалилась на части.

— Если бы только... Нет. — Хейм опустил автомат.

— О чем ты подумал? — напряженно спросила Джосселин.

— Да вот, как бы нейтрализовать то, что осталось от детекторной решетки. Это можно было бы сделать с помощью лазера, видите тот оголенный силовой кабель? Только вот проблема: как подобраться достаточно близко, чтобы это чучело не засекло тебя и не пристукнуло.

Возникшая было надежда на то, что машина бросит поиск и уйдет — надежда, от которой замирало сердце, — рухнула. Робот начал двигаться по спирали, продолжая вести наблюдение. Хейм мысленно просчитал этот курс и пробормотал:

— Должен оказаться здесь не позднее чем через полчаса. Однако сначала ему придется немного удалиться в противоположную сторону. При этом мы несколько выиграем в дистанции. Будьте готовы подняться, как только я дам команду.

— Нам не удастся это сделать, — запротестовал Брэгдон.

— Не так громко, идиот вы этакий. Откуда мне знать, не сохранились ли у этой твари еще и уши.

Словно в ответ на это, робот остановился. Мгновение он медлил, как бы прислушиваясь к жужжанию собственных систем. Решетки радаров сделали полный оборот, наклонились, застыли... И машина продолжила свой путь по спирали.

— Видал? — с отвращением сказал Вадаж. — Давай, Брэгдон, валяй дальше. Может быть, тебе еще удастся уничтожить нас.

Тот издал в ответ какой-то приглушенный звук.

— Не надо, — умоляюще произнесла Джосселин. — Пожалуйста.

Утхг-а-К-Тхакв еле заметно пошевелился.

— Я вот тут думал, — он рыгнул. — Вообще-то, мне тоже не верится, что мы сумеем добраться до укрытия. Но вот что интересно. Умеют ли машины-убийцы считать?

Вадаж удивленно уставился на него:

— Как это?

— По сути дела, терять нам нечего, — ответил наковс. — Давайте все сразу побегим, кроме одного, кто останется здесь с лазером. Если он сумеет подобраться к машине на расстояние в пределах досягаемости луча...

— Тогда этому дьяволу не составит никакого труда убить его, — закончил Хейм. Но надежда снова вспыхнула в нем.

«А почему бы и нет? — подумал он. — Что бы ни случилось, лучше умереть сражаясь. А быть может, еще удастся выжить».

— О'кей, — медленно произнес он вслух. — Давайте мне пистолет, и я преподнесу нашему другу приятный сюрприз.

— Нет, шкипер, — сказал Вадаж. — Я не герой, но...

— Разговорчики, — перебил Гуннар.

— Гуннар... — вырвалось у Джосселин.

Утхг-а-К-Тхакв выхватил пистолет из руки Вадажа.

— Сейчас не время для таких игр, — выкрикнул он. — Если бы не он, мы бы здесь сейчас не торчали, к тому же пользы от него — как это у вас говорится — как напиток от какого-то животного. Поэтому... — он бросил оружие Брэгдону. — Или, может быть, ты боишься?

— Дай сюда! — Хейм потянулся за пистолетом.

Брэгдон быстро отодвинулся.

— Эта штуковина там, — сказал он каким-то отсутствующим голосом. — Вот к чему ведет война. Подумай об этом, Хейм.

Барактаясь в воде и иле, Вадаж попытался дотянуться до него. Хейм увидел, что робот снова остановился, прислушиваясь.

— Проваливайте отсюда! — заорал Брэгдон. — Если вы этого не сделаете, я сам покажусь ему.

Машина, ломая кусты, не обращая внимания на ручьи и камни, устремилась прямо к ним.

Спорить было уже некогда. Брэгдон поперется вперед, как

круглый идиот, это уж точно. Хейм поднялся с громким чавканьем и всплеском.

— Все за мной! — крикнул он.

Одним рывком он вытащил Джосселин из озера, и они бросились бежать.

Впереди грохотала «Дым-Гора». Сзади хрипло фыркал двигатель и тарахтел пулемет. Водяной туман клубился перед глазами, оседая на стекла шлемов, слепил людей. Строн тянул их вниз, бросал им под ноги камни, месил грязь, чтобы ботинки увязали в ней. Хейм чувствовал, как бьется о ребра сердце. Он не мог бы сказать, кто из них кого больше поддерживал: он — Джосселин, или она — его. Сознание исчезло, остались только грохот, тяжесть и бесконечная головная боль.

Вадаж вскрикнул.

Хейм оперся спиной о валун и вскинул свой автомат. Но машина-охотник пока не собиралась атаковать.

Она была близко, ужасающе близко, когда крохотная по сравнению с ней фигурка Брэгдона появилась из засады. Человек подполз к железному чудовищу, встал, широко расставив ноги, прицелился и выстрелил.

Ослепительно сверкнул лазерный клинок. В том месте, где он прикоснулся к корпусу, раскаленный добела металл шипел и плавился. Не прекращая огня, Брэгдон повел оружием в сторону силового кабеля.

Нечто похожее на рев быка раздалось из металлических недр робота. Брэгдон стоял на прежнем месте, похожий на карлика рядом с его громадиной, и непрерывно вел огонь. В обшивке открылись все порты, которые еще в состоянии были открываться. Их орудия высунулись. Некоторые еще действовали. Хейм швырнул Джосселин на землю и сам бросился на нее сверху, прикрывая ее своим телом. Страшный луч ударил по валуну, у которого он только что стоял, превратив камень в пыль.

Брэгдон был недостижим для орудий, поскольку стоял в мертвой зоне. Машина, лязгнув, двинулась вперед. Брэгдон рассек силовой кабель детектора.

— Беги, Виктор! — заорал Вадаж. — В сторону с его пути, скорее!

Брэгдон повернулся и, споткнувшись, упал. Робот прошел прямо через него. И двинулся дальше, стреляя и стреляя — целый смерч из пуль, снарядов, лазерных лучей, ядовитых газов, — последний оргазм разрушения. Бесчувственная, безмозглая, лишенная будущего машина-убийца ковыляла теперь прямо на юг, поскольку судьбе было угодно, чтобы ее заклинило именно на этом направлении.

Хейм поднялся и побежал к Брэгдону.

«Может быть, с ним ничего не случилось, — с надеждой думал он. — Воздушная подушка распределяет вес по большой площади равномерно».

Брэгдон не шевелился. Хейм подбежал к нему и остановился.

Сквозь шум воды и грохот удаляющегося чудовища до него донесся слабый крик Джосселин:

— Я иду, Гуннар!

— Нет! — крикнул он в ответ. — Не надо!

В днище железного панциря были встроены острые лопасти. Должно быть, они двигались то вверх, то вниз, выравнивая землю. Хейм не хотел, чтобы Джосселин увидела то, что лежало теперь перед ним.

ГЛАВА 7

Из-под земли словно бы раздавался грохот барабана: это пары вырывались из сернистого конуса. Вверх ударила струя, образовав гигантский белый столб, увенчанный шапкой густой пены. Рядом с ним такой же столб вдруг начал опадать и затем пропал вовсе, но другие били повсюду, куда ни кинешь взгляд, среди нагромождения черных камней и непроглядных занавесей водяного тумана. Никаких видимых направлений. Хейм на ощупь пробирался в этом хаосе. Вода булькала под ногами, он вновь и вновь подскальзывался на мокрых камнях. Внутри скафандра тоже все было влажным, пот разъедал кожу.

— Странно, — подумал Хейм, с трудом отвлекая сознание от чудовищной усталости, сотрясавшей все тело, — странно, что легкие словно бы горят сухим огнем.

Он слышал тяжелое дыхание Джосселин, тащившейся рядом с ним. Половина его сил уходила на то, чтобы помогать ей идти. Больше он не слышал ничего, кроме звуков, издаваемых титаническими силами, бурлившими вокруг них. Впереди маячили внушительные очертания Утхг-а-К-Тхаква, прокладывавшего путь. Вадаж плелся в хвосте.

Постепенно стало смеркаться, по мере того как солнце садилось за горами, возвещая, что день, отмеченный возведением каменной пирамиды над новым погибшим, подходит к концу.

«Мы должны идти, — звучала в голове у Хейма идиотская фраза. — Должны идти. Должны идти. — А откуда-то из глубины сознания всплывало: — Зачем?»

Ради той борьбы, в которую он намеревался прежде вступить? Она утратила всякое значение. Единственная реальная борьба была здесь, сейчас, против этой жестокой планеты. Тогда, может быть, ради Лизы? Чтобы не оставлять ее круглой сиротой? Но не была ли она фактически таковой, даже тогда, когда они жили под одной крышей? И к тому же ему все равно суждено самой природой выполнить свой долг по отношению к тем, кто находится у него в подчинении. Это было уже ближе к цели, поскольку затрагивало что-то в его душе. Однако мог ли он считать себя теперь командиром,

если его бортинженер в этих адских условиях видел лучше и двигался увереннее, чем любой человек?

Скорее эти мысли развеялись, словно водяной дым гейзеров. Смерть принялась соблазнять Хейма обещаниями сна. Однако животный инстинкт не позволил ему клюнуть на эту приманку. Он выругался про себя и продолжал идти.

Впереди показался грязевой бассейн, на горизонтальной поверхности которого вздымались большие пузыри. Дальний берег его представлял собой нагромождение камней. Среди них хлестала вода, струи которой, попадая в бассейн, взрывались облаками пара.

Утхг-а-К-Тхакв жестом дал понять остальным, чтобы они подождали, а сам плюхнулся на брюхо и пополз вперед. Предательская минеральная корка могла в любой момент провалиться, и тот, кто упал бы в один из таких котлов, сварился бы заживо прежде, чем остальные успели бы вытащить его оттуда.

Джосселин, воспользовавшись остановкой, ничком легла на землю. Быть может, она уснула, а может, потеряла сознание — теперь между тем и другим особой разницы не было. Хейм и Вадаж остались стоять. Чтобы подняться снова, пришлось бы сделать слишком большое усилие.

Утхг-а-К-Тхакв, еле заметный среди облаков вокруг горной вершины, махнул рукой. Хейм и Вадаж взяли Джосселин за запястья и подняли ее. Капитан шел впереди, согнувшись, чтобы видеть в серой мягкой оседавшей пыли следы их проводника. Разгибался он лишь для того, чтобы, помогая себе руками и ногами, перебраться через высокие нагромождения камней. Часто небольшой кусочек «берега» отрывался и с глухим звуком падал в грязь. Лучше всего было идти здесь по одному, но эта мысль возникла в его голове с затуманенным сознанием не сразу. Малейший неосторожный шаг — и...

— Гуннар!

Он круто обернулся и чуть не попал в тот же самый небольшой обвал, в котором очутилась Джосселин.

Каким-то образом ему все же удалось удержаться на ногах, отскочив в сторону сквозь горячий туман. Камни выворачивались у него из-под ног, и тотчас в этом месте начинала струей бить вода. Для Хейма сейчас не существовало ничего, кроме необходимости удерживать Джосселин, не дать ей сползти в бурлящий котел вниз.

Она отчаянно молотила ногами и цеплялась руками за берег, увлекая за собой все больше камней, часть из которых обрушивалась прямо на нее.

Прыжками спускаясь вниз, Хейм добрался до края котла. Его ноги тотчас утонули в иле. Здесь еще было не слишком горячо. Но даже если бы было наоборот, он бы не заметил. Камни, скатившиеся вниз быстрее Джосселин и тотчас утонувшие, послужили опорой для ног. Хейм встал на них, постаравшись закрепить как можно лучше.

Камни рушились на него, вокруг него. Он схватился руками за воздушный циркулятор Джосселин и превратился в монолит.

Когда земля перестала сползать вниз, Хейм стряхнул с себя грязь и упал рядом с Джосс. Вадаж увидел, что угроза миновала, перестал торопиться и, двигаясь уже более осторожно, спустился к ним. Вскоре туда же подошел и Утхг-а-К-Тхакв.

Через несколько минут Хейм очнулся. Первое, что он осознал, придя в себя, был голос наковса, до жути напоминавший бульканье кипящего чайника:

— Для нас это большой урон. Сможем ли мы выжить без него?

— Джосс, — пробормотал Хейм, пытаясь подняться. Вадаж ему помог. Некоторое время он опирался на плечо венгра, пока силы частично не вернулись к нему.

— Г а л а И с т е н н е к! — раздалось сзади радостное восклицание. — Ты не ранен?

— Со мной все в порядке, — ответил Хейм. Собственный голос был чужим, тело казалось ему одной большой раной, кровь сочилась из ссадин. — А что с ней?

— Как минимум, сломана нога. — Пальцы Вадажа коснулись того места, где берцовая и бедренная кости образовывали странный угол. — Что еще, не знаю. Она без сознания.

— В скафандре у нее повреждений нет, — сказал Утхг-а-К-Тхакв.

«Первая нелепость, которую я от него услышал, — мелькнуло в голове у Хейма. — Если бы скафандр потерял герметичность, не было бы нужды беспокоиться о костях».

Он отодвинул Вадажа в сторону и нагнулся к Джосселин. Очистив от грязи стекло ее шлема, он смог рассмотреть в угасавшем свете солнца лицо женщины. Веки ее были сомкнуты, губы полуоткрыты. Кожа бледная и покрытая капельками пота. Хейм испугался, увидев, как ввалились ее щеки. Приложив наушник к ее микрофону, он едва смог засечь дыхание, частое и неглубокое.

Хейм медлил, стоя на коленях. Чтобы отсрочить принятие решения, он спросил:

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

— Камень вывернулся у нее из-под ноги, — ответил Вадаж. — Она покатилась вниз, и половина склона поехала за ней. Должно быть, почву дестабилизировал какой-нибудь недавний подземный толчок. Не могу понять, как тебе удалось так быстро добраться до низу и не упасть при этом.

— Какая разница! — резко ответил Хейм. — Она в шоке. Не знаю, вызвано ли это одним только переломом. Прежде всего, она очень ослабела. Могут оказаться и более тяжелые травмы, например, что-нибудь с позвоночником. Всякие передвижения сейчас опасны для нее.

— Что же тогда нам делать? — спросил инженер. Хейм понял, что командование вновь перешло к нему.

— Вы пойдете дальше вдвоем, — сказал он. — А я останусь с ней.

— Нет! — произвольно вырвалось у Вадажа.

В голосе Утхг-а-К-Тхаква слышались теперь лишь жалкие остатки его обычного педантизма.

— Ты не сможешь оказать ей никакой помощи, поскольку вы оба замурованы в своих скафандрах. А нам лишняя пара рук будет крайне необходима. Нам предстоит трудный переход.

— В таком состоянии, в каком я теперь нахожусь, я стал бы для вас скорее помехой, чем помощью, — сказал Хейм. — Да и ее нельзя оставлять одну. Вдруг обвал повторится, или уровень этого чертова болота поднимется?

— Капитан, она обречена. В бессознательном состоянии она не сможет принимать граванол. А без него, да еще в шоке, быстро наступит остановка сердца. Самое гуманное по отношению к ней — сейчас же открыть шлем.

Ярость и боль утраты поднялись в Хейме.

— Замолчи, ты, хладнокровный ублюдок! — заорал он. — Ты привел Брэгдона к гибели, и сделал это нарочно. Хватит с тебя и этого.

— Г'вурру, — всхлипнул навкс и отодвинулся от Хейма.

Злость исчезла, и вместо нее возникла пустота.

— Прости меня, Б. И., — понуро сказал Хейм. — Я совсем забыл, что твое мышление не такое, как у нас. Ты не желаешь ничего плохого. Просто инстинкты людей не столь практичны, как твои. — Он усмехнулся. — Однако, если хочешь быть практичным, не забудь, что у вас еще около часа, прежде чем станет совсем темно, так что не теряйте время. Идите.

Вадаж долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Если она умрет, что ты будешь делать?

— Похороню и буду ждать. Если сидеть не двигаясь, то можно растянуть запас воды из этих фляг на несколько дней. А лазер вы возьмите с собой, потому что вам без него не обойтись.

— А ты, значит, останешься совсем без защиты. Нет, это глупо.

— У меня останется автомат, если тебе от этого полегчает. А теперь идите. Мы еще похлещем вместе с вами пивка.

Вадаж сдался.

— Если не на корабле, — сказал он, — то в раю. Пока.

Они молча обменялись рукопожатием. Менестрель и инженер начали подъем. Неподалеку один из гейзеров выплюнул струю воды, по ветру поплыл пар, и их фигуры исчезли из вида.

Хейм устроился поудобнее.

«Ну вот тебе и возможность поспать», — подумал он. Но это желание, как назло, исчезло. Он проверил дыхание Джосселин — никаких изменений — и растянулся возле нее, положив свою руку в перчатке на ее руку.

Пока они таким образом отдыхали, в голове у него немного прояснилось. Совершенно спокойно, без малейшей примеси волнения или отчаяния он взвесил вероятность спасения. Она была невелика. Ну, а для Джосс, если отбросить в сторону иллюзии, эта вероятность вообще равнялась нулю. Для них троих — пятьдесят на пятьдесят.

Вадаж и инженер должны выйти из «Дым-Горы» примерно к вечеру следующего дня. Затем им потребуется еще два дня (допуская, что они, измотанные вконец, смогут в течение дня обойтись без допингов), чтобы пересечь высокогорные луга и добраться до замка Венилвэйн. До него все еще было очень далеко, но обитатели Роши очень часто забредали довольно далеко от дома в поисках добычи. Без сомнения, время от времени они даже летали над землей машин-убийц, направляясь к равнинам и морю.

— Хм, да, вот почему они до сих пор не тронули роботов. Даровая защита. Вот что значит идеология плотоядных.

Если бы они могли задержаться там, возможно, их обнаружили бы уже несколько дней назад. Но задержаться они не могли. Поэтому Джосс придется умереть в этом мокром аду, под солнцем, свет которого дойдет до Земли не раньше чем через столетие, до Земли, в чьих лесах она когда-то гуляла, в чьих лесах играла на флейте, пока он не напугал ее, начав нести разную чушь.

По мере того, как солнце постепенно угасало в тумане, Гуннар Хейм раздумывал над своей виной по отношению к этой женщине.

Это он заставил ее идти вместе с ними. Но сделал это только потому, что если б она осталась на месте «крушения», она предала бы его надежды, связанные с судьбой родной планеты.

— А ты уверен в этом, парень? — мысленно задавал он себе вопрос. — И вообще, откуда тебе точно знать, что выбранный тобою путь — это именно тот путь, который и нужен?

Подобная ситуация не возникла бы, если бы не заговор, участницей которого являлась Джосселин. Тем не менее заговор этот явился следствием осуществленных прежде им самим тайных проектов.

Хейм отступился от решения этой головоломки. Ответа не было, а он не относился к числу тех людей, которых всякая неясность способна довести до безумия. Он знал одно: если время, проведенное на борту «Поиска» и не вполне соответствовало тем мечтам, которые он когда-то похоронил, оставаясь верным памяти Конни, все равно это было больше, чем он заслуживал, и если Джосс умрет, этот свет навсегда останется в нем.

«Хлюп, хлюп», — раздавалось из грязевого котла внизу. Горячий родник забурился громче. Гейзер ревел в сгушавшейся темноте, рев этот эхом отдавался от невидимых стен, и струи воды били среди призрачных теней огромных валунов. Такая же тяжелая, как его собственное тело, опиравшееся о жесткое каменное ложе, на мир опустилась ночь.

Тьма немного рассеялась, когда взошла ближайшая луна, почти в полной своей фазе, круг которой превосходил по величине земную Луну, сверкая металлическим блеском. Хейм ненадолго задремал, потом проснулся и увидел ее прямо над собой. Диск окружало слабое свечение, следствие диффузии в верхних слоях туманов. Но большая часть неба была открыта, и можно было разглядеть звезды. Нижние

слои смога, мертвенно-белые, разливались по глубокому узкому ущелью «Дым-Горы».

Хейм сонными глазами пытался опознать отдельные солнца. Быть может, вот то, рядом с призрачной вершиной Лохана — Акернар? Если это так, то забавно смотреть отсюда на эмблему его давней победы.

«Интересно, не смотрит ли на него сейчас и Синби, — подумал Хейм. — Где бы он ни находился».

Однако лучше проверить состояние Джосс. С этим намерением Хейм оторвался от камней своим затекшим телом.

Но что это?

Что это?

То, что он увидел, поразило его, словно громом. Мгновение он не верил своим глазам. На фоне луны обрисовался длинный вытянутый клин...

Строны на пути домой, в Рощу?

Хейм стремительно вскочил:

— Хей! Хэлло! Вы, там, наверху, спускайтесь, помогите, помогите, помогите!

Собственный крик заполнил его шлем, заставив вибрировать барабанные перепонки. Обжег ему гортань и умолк в многометровом слое встревоженного шумом воздуха. Человек принялся махать руками, ясно понимая, что испарения, наполнявшие ущелье туманов, делали его невидимым с такой высоты, и увидел, как крылатые тени миновали лунный диск и исчезли в темноте. Какой-то звериный крик вырвался из горла Хейма, он проклинал всех богов вселенной, потом схватил автомат и принялся палить в небо.

Но этот тихий треск тоже был все равно что ничего. А из дула не показалось ни единой, даже малюсенькой, вспышки. Хейм поднял бесполезное оружие, способное лишь на то, чтобы убить Джосс, и швырнул его в грязь.

Рука его бессильно упала. Металлический лунный свет, казалось, пронзил ему череп, и он вдруг мгновенно застыл, превратившись весь в предельно ясное сознание, вырабатывавшее план действий.

Терять времени было нельзя. Эти крылья стремительны, как сам ветер. Хейм присел на корточках, отстегнул свою систему воздухообеспечения и, ставив ее со спины, положил перед собой. Клапан его шланга, подсоединявший систему к скафандру, открылся легко, но муфты что-то заедало. А у Хейма не было плоскогубцев. Вся его оставшаяся сила сосредоточилась в руках. Резьба подалась, и аппарат был отсоединен. Теперь в распоряжении Хейма остался лишь воздух, содержащийся внутри его скафандра. Рециркуляция зависела от давления из запасных резервуаров. Хейм расколол их клапаны. Земной воздух, находившийся в сжатом состоянии, получивший свободу, устремился вверх.

Теперь смесь надо было поджечь, но у Хейма не было лазера. Не обращая внимания на возможность рикошета шрапнели, он положил

дуло автомата на баллон и нажал спусковой крючок. Раздался взрыв и, одновременно с ним, — страшный гул. Смесь вздрогнула — и воздушный столб превратился в пылающий факел.

Его свет в сиянии луны был тускло-голубым. Хейм крепко держал резервуар системы одной рукой, другой размахивая в воздухе.

— Пожалуйста! — кричал он. — Пожалуйста, посмотрите сюда, она умрет, если вы этого не сделаете. — Какой-то дальней частью своего сознания он заметил, что плачет.

Огонь угас. Хейм нагнулся над шкалой давления, пытаясь разглядеть ее в безжалостном лунном свете. Ноль. Все.

Нет. Стоп, это был не чистый ноль. Оставалось еще три абсолютных атмосферы. Просто водород проникал внутрь быстрее, чем выходил наружу кислород. Взрывчатая смесь? Хейм подтянулся и, цепляясь за камни, положил резервуары за большой валун. Перегнувшись через него, он выстрелил прямо в опустевший баллон и бросился ничком на землю.

Пламя вновь вспыхнуло ярко-алым цветом, раздался яростный грохот, раскаты которого эхом прокатились по ущелью, визгливо запели разлетавшиеся во все стороны осколки камней, заскрежетали другие камни, принимая на себя этот град, и все стихло, словно ничего и не было. Хейм осторожно поднялся.

Бесконечная тишина обрушилась на него. Он сделал все, что мог. Теперь оставалось только ждать, а остаться в живых или умереть — как решит судьба. Он вернулся к Джосселин, послушал ее дыхание и лег рядом с ней.

— Я должен испытывать беспокойство, — смутно подумал он. — Но я его не испытываю. Значит ли это, что мой воздух уже отравлен?.. Нет, если не двигаться, я смогу протянуть еще час или около того. Просто я... вымотался до предела.

Взгляд его обратился к луне, мысли — к Конни. Он не верил в загробную жизнь, но сейчас у него было такое ощущение, словно Конни где-то совсем рядом.

— Эй, привет, — прошептал он.

И воздух вдруг запел, небесная бездна ринулась вниз на своих черных крыльях, и эти крылья, подобные крыльям летучей мыши, затмили луну. Сверкнуло оружие, стая сделала круг в поисках врага, блистая острыми клыками, и дьявольские тени опустились на землю.

Но, увидев открывшуюся перед ними картину, они повели себя вовсе не как дьяволы. Один из воинов что-то пролаял в миниатюрный передатчик, который имелся у него при себе. Не прошло и нескольких минут, как рядом опустился летательный аппарат, присланный из Роши. Джосселин с материнской заботой подняли и положили на носилки, а те, в свою очередь, погрузили в машину. Серый, как волк, Венилвэйн собственноручно подсоединил к скафандру Хейма кислородные резервуары. Флайер взмыл вверх и, словно копье, брошенное сильной рукой, устремился на восток, по направлению к Орлингу.

— Но... послушайте... янгир кетлеф... — Хейм прекратил свои жалкие попытки рассказать странам с помощью нескольких известных ему фраз об Андре и Б. И. Да это, в общем, было сейчас уже не столь важно. Скоро он будет на своей яхте, Янг переведет и передаст по радио все нужные сведения, и двое путников будут найдены не позднее чем на рассвете. Хейм уснул с улыбкой на губах.

ГЛАВА 8

В каюте было тихо. Кто-то, так, чтобы ей было видно, повесил на переборке новую картину: пляж, вероятно, на Таити. Волны сапфирового океана, отороченные кружевами пены, омывали белый песок. На переднем плане легкий земной ветерок колыхал пальмовые ветки.

В каюту вошел высокий человек, и Джосселин опустила книгу, которую держала перед собой. Лицо ее залил румянец.

— Гуннар, — произнесла она очень низким голосом. — Тебе не следовало вставать.

— Наш медик не будет против, если я проваляюсь в постели до конца своей жизни, — ответил Хейм. — Но пошел он к дьяволу. В конце концов, надо же мне было проститься с тобой перед твоим отъездом. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Конечно, слабость пока еще не прошла, но доктор Сильва говорит, что я быстро иду на поправку.

— Я знаю. Мы с ним беседовали. Ферментальная терапия — это просто чудо, а? — Хейм сделал паузу, придумывая, что бы еще сказать. Но ничего подходящего в голову не приходило. — Я рад.

— Да сядь же ты, идиот!

Хейм подтащил кресло к ее кровати и сел. Даже после полета во флайере он чувствовал ужасное головокружение. Должно быть, нужно, чтобы прошло еще несколько дней, прежде чем его силы полностью восстановятся. Висевший у него на бедре пистолет зацепился за натянутую консоль. Вполголоса выругавшись, он освободил оружие.

Джосселин не могла сдержать улыбки.

— Совсем не обязательно было брать это с собой. Никто не собирается тебя похищать.

— Что ж, надеюсь, что это так. Считай, что это для страховки. Ее улыбка угасла.

— Двое хороших парней погибли, остальные прошли через далеко не лучший эпизод в своей жизни. Мне жаль, что это случилось, но на войне всякое бывает и не стоит принимать это чересчур близко к сердцу.

Ее взгляд напоминал ему взгляд зверька, загнанного в ловушку.

— Ты мог бы предъявить обвинение в убийстве.

— Бог мой, — воскликнул он. — За какую же свинью ты меня

принимает! Мы все вместе вылетели в поле, наш двигатель заглох, после чего произошло крушение, во время которого один человек погиб, и, направившись в горы в поисках помощи, мы потеряли еще одного. Если твои люди будут придерживаться этой версии, то мои и подавно.

Тонкая рука украдкой придвинулась к его руке. Он взял ее. Карие глаза Джосселин взглянули на него. Оба молчали.

Когда Хейм почувствовал, что больше не выдержит, а нужные слова так и не пришли, он сказал:

— Вы стартуете на рассвете, так?

— Да. Ученые — те, которые не знали об истинной цели экспедиции, — хотели остаться. Но капитан Гутьерц отверг их предложение. Нам здесь больше делать нечего.

Вдруг она быстро спросила:

— Сколько вы здесь еще пробудете?

— Примерно в течение одной земной недели, пока не будут подогнаны новые ракетные установки. Конечно, мы еще потеряем время на то, чтобы выбраться из этой планетарной системы. Ложь придется выпроводить нас, и нам будет позволено вооружиться боеголовками лишь после того, как мы окажемся за пределами их зоны обороны. И все же я рассчитываю, что мы выйдем на финишную прямую не позднее чем через десять дней.

И снова пауза, вновь их взгляды встречаются и тут же расходятся.

— Что ты собираешься делать дома? — опять попытался нарушить тишину Хейм.

— Ждать тебя, — ответила она. — И молиться за тебя.

— Но... нет, послушай, а как же твоя политическая деятельность?

— Это уже не имеет значения. Но я не изменила своих взглядов... или изменила? Трудно сказать.

Свободной рукой она смущенно потерла лоб. От этого движения волосы шевельнулись, обнажив ссадину среди каштановых прядей.

— В принципе, я не считаю, что была не права, — продолжала она немного погодя. — Может быть, однако, что на деле это было именно так. Но это больше не имеет значения. Видишь ли, ты перевернул вселенную. Хейм, Земля доверила свою судьбу тебе.

— Нонсенс! — Его лицо зарделось. — Одному кораблю?

— Но капитаном которого являешься ты, Гуннар.

— Благодарю, но... но ты преувеличиваешь мои возможности и... Постой, Джосс, мне кажется, дома тебе все же будет чем заняться. Тамашние настроения могут зайти слишком далеко в противоположную сторону. Каждый, кто в своем уме, меньше всего на свете стремится к крестовому походу. Ты должна постоянно говорить им, напоминать, что в конце концов мирные переговоры состоятся, и чем разумнее мы будем на них себя вести, тем больше шансов будет на сохранение мира. О'кей?

Хейм видел, что дать ответ ей нелегко. Наконец она сказала:

— Ты прав, и я сделаю все, что будет в моих силах. Но разговоры о политике — это лишь уловка.

— Что ты этим хочешь сказать? — вскинулся Хейм.

Губы Джосселин вновь скривились в улыбке.

— Право же, Гуннар, я просто уверена, что ты боишься.

— Нет-нет, ничего подобного. Тебе надо отдыхать. Я, пожалуй, пойду.

— Сиди, — скомандовала она, ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья. Прикосновение было легким, но Хейму легче было бы разорвать якорную цепь.

Лицо Джосселин то бледнело, то вновь вспыхивало.

— Я должна объяснить, — вдруг сказала она с поразительной твердостью. — Насчет того, что произошло раньше.

По коже у Хейма пробежали мурашки.

— Да, я надеялась убедить тебя не вступать в борьбу, — сказала она. — Но потом поняла, что сюда вовлечено больше. Бесконечно больше.

— Угу... прошлое, без сомнения...

— Когда ты вернешься на Землю? — спросила она. — Что ты собираешься делать?

— Зажить спокойной тихой жизнью.

— А! Мне бы хотелось написать об этом книгу. А тем временем ты вернешься на Землю. — Голос ее стал еле слышен: — О, Боже, ты должен вернуться. — Она подняла голову. — Я тоже буду там.

Чтобы заговорить, Хейму потребовалось столько силы воли, что ее совсем не осталось, чтобы поднять глаза и посмотреть на Джосселин.

— Джосс, — начал он, медленно произнося слово за словом, — ты помнишь слишком многое. Я тоже. Когда-то был такой случай, который нам не следовало использовать. Потом мы встретились снова, будучи оба уже свободными и одинокими, и я подумал, что тот случай, может быть, повторится. Но он не повторился. Время не поставило на нас.

— Нет, это не так. Конечно, сначала я думала иначе. Наши случайные встречи после моего возвращения с Урании и политический барьер между нами... черт бы побрал всю эту политику! Я считала тебя просто привлекательным, да и то, в основном, это чувство казалось мне вызванным той дружбой, которую мы так и не стали возобновлять. По пути сюда я немного помечтала, но эти мечты выглядели просто как самые обычные бабьи прихоти. Чем ты мог ранить меня? — Она сделала паузу. — Оказывается, все же мог.

— Я пытался этого не делать, — с отчаянием произнес Хейм. — Ты слишком хороша для того, чтобы успокаивать тебя ложью.

Она выпустила его руку, уронив свою на одеяло:

— Значит, тебе все равно...

— Нет, нет, не все равно. Но неужели ты не понимаешь: я не

могу порвать с Конни, как ты порвала с Эдгаром. Когда она... помогала мне выпутаться из этой истории с тобой, нас это еще больше объединяло. Потом она умерла. Меня это словно подрезало под самый корень. И с тех пор, не отдавая себе отчета, я ищу корень такой же силы. Я трус, который боится связать себя с чем-то менее сильным, потому что потом на моем пути может встретиться еще кто-нибудь, и тогда... Это было бы нечестно по отношению к тебе.

Джосселин уже овладела собой.

— Ты уже вырос из веры в непреходящую страстную влюбленность, не так ли? Мы понимаем, что только действительность имеет значение в отношениях между двумя людьми. Если ты пытаешься предупредить меня о том, что сможешь когда-нибудь нарушить верность мне, то я обещаю, что не буду ревновать, если ты иногда немного погуляешь. При условии, что ты всегда будешь возвращаться.

— Я не хочу гулять. Дело не в физических причинах. Этого не хочет мой разум. Того единственного случая оказалось больше чем достаточно. И когда я услышал о Новой Европе, я вспомнил об одной девушке, которая сейчас там. Я был молод и глуп, и слово «привязанность» воспринимал очень игриво, что особенно плохо для космолетчика. Поэтому, когда мой отпуск закончился, я улетел, не взяв на себя никаких обязательств. В следующий раз, когда я там оказался, ее уже не было. Я колебался, раздумывая, искать ее или нет, и в конечном счете не стал этого делать, а вскоре получил пост слишком далеко от этой планеты. Теперь...

— Я поняла. Ты хочешь выяснить, что с ней.

— Я должен.

— Но это ведь было лет двадцать или более тому назад, не так ли?

Он кивнул:

— Я должен узнать, что с ней. И увидеть ее в безопасности, если она еще жива. Если не брать все это во внимание, то да, я, без сомнения, глупец.

Джосселин снова улыбнулась:

— Давай-давай. Меня это не особенно беспокоит.

Хейм поднялся:

— Ну, мне пора. Ни ты, ни я пока еще не годимся для волнующих сцен.

— Да. Я буду ждать, дорогой.

— Лучше не надо. Во всяком случае, не особенно серьезно. Одному дьяволу известно, что со мной будет. Может быть, я вообще не вернусь.

— Гуннар! — вскричала Джосселин, словно он ее ударил. — Никогда не говори так.

Он, как мог, постарался ее приободрить, поцеловал на прощание и вышел. На коротком обратном пути к своей яхте он выглянул из окна флайера. Стая стронов снималась со своей временной стоянки.

Свет солнца вдруг засверкал на их оружии. Хейм почувствовал, как сумятица и неразбериха внутри него уступили место облегчению — снова на свободе, снова хозяин своего корабля, — а драконоподобные тени поднялись уже тем временем высоко и вскоре исчезли из вида.

Часть 3. АДМИРАЛТЕЙСТВО

ГЛАВА 1

Строго говоря, Феникс — это созвездие в небе планет Солнечной системы, на полпути между плоскостью эклиптики и южным небесным полюсом. Поэтому ошибочно считать относящимся к Фениксу тот район космоса — удаленный на сто пятьдесят световых лет от Земли в том же направлении, — где расположены солнца Алерона и Новой Европы. Но поскольку каждая основанная землянами колония автоматически привлекает интерес и к соседним системам — как к местам туризма, источникам полезных ископаемых, торговли, научных исследований и захватнических войн, — этой обширной территории со смутно очерченными границами было присвоено общее название «Феникс». Вероятно, к таким вещам следовало бы относиться более взыскательно, однако это название прочно укоренилось в обиходе.

И, быть может, именно это название было, в конце концов, не столь уж далеко от истины. Согласно мифу, Феникс возрождался в огне. Ядерный двигатель позволил Ламонтану преодолеть гигантское расстояние до Авроры. Когда он увидел, что под этим солнцем есть мир, где могут поселиться люди, он поднял в его небесах трехцветный флаг Франции, словно пламя. Надежда ярким огнем горела в людях, направившихся на Новую Европу, освоенную тяжким трудом первооткрывателей и завещанную им. Потом явился боевой флот алеронов с адским огнем на борту.

С планеты взлетел какой-то корабль. Силы, пульсировавшие в его гравитронах, усиленные за счет использования космических полей, несли его вперед со все возрастающей скоростью. Когда Аврора осталась позади, искажений, вызванных массой звезды, стало гораздо меньше. Вскоре корабль должен был достичь точки, с точностью, рассчитанной приборами, начиная с которой можно было перейти в режим сверхсветового полета, полностью исключив индукционный эффект, известный под названием «инерция».

«Лис-2» засек корабль, когда тот находился на расстоянии в один миллион километров от него. Судно обнаружило себя наружными огнями и инфракрасным излучением, которые были уловлены сверхчувствительными радарными «Лиса». Кроме всего прочего, «Лис» еще «унюхал» нейтроны в его двигателях и приготовился, как хищник, к прыжку.

— Проклятье! — сказал Гуннар Хейм. — Мы должны были

засечь этого зверя несколько часов назад. Должно быть, они установили добавочное экранирование.

Первый Офицер Девид Пенoyer просмотрел ленты анализа данных:

— Похоже на транспортный корабль среднего тоннажа. По-моему, того же класса, что и «Эллей», который взяли в прошлом месяце. Если так, то у нас есть преимущество в скорости.

Хейм нетерпеливо топнул ногой. Его огромное тело совершило свободный полет по кривой к иллюминатору. За стеклом толпились бесчисленные звезды; вокруг бесконечной чистой тьмы струилась серебряная река Млечного Пути; из чудовищной дали, недоступной человеческому пониманию, поблескивали туманности и дальние галактики. У Хейма не было времени для восторженного созерцания. Он взглянул в иллюминатор глазами, которые вдруг стали льдисто-голубыми, как гигантское солнце, и сказал:

— Он достигнет предела Маха гораздо раньше, чем мы успеем развить более-менее подходящую скорость. Я знаю, что теоретически корабль может подойти к борту другого, идущего ускоренно, но это никогда еще не было осуществлено на практике, и я что-то не ощущаю желания попробовать. В лучшем случае это бы кончилось чересчур сильным возмущением межзвездного газа.

— Да, но... Капитан, нам вовсе не обязательно брать его в качестве трофея. Я имею в виду, что если нам просто набрать ускорение, то он окажется в пределах досягаемости. Тогда он либо вынужден будет перейти на ускорение Маха и, вероятно, разлетится на куски, либо ему придется подставлять свой борт нашим пушкам.

Тяжелые черты Хейма исказила гримаса.

— И он может предпочесть пойти на риск, нежели сдаться. Мне бы страшно не хотелось портить наш рекорд. Четыре месяца налетов на торговые суда, восемнадцать алеронских кораблей, и пока что нам никого не пришлось убивать. — Он взъерошил свою чалую шевелюру. — Если только... Постой!

Он развернулся и нажал кнопку интеркома.

— Капитан — главному инженеру. Слушай, ты можешь заставить гравитроны делать все, кроме мытья посуды. Не могли бы мы совершить небольшую Мах-пробежку отсюда?

Пенoyer беззвучно присвистнул.

— Весь вопрос в точной регулировке, шкипер, — прогреготал голос Утхг-а-К-Тхаква. — Когда мы покидали Солнечную систему, нам это удалось. Но теперь, после того как мы находимся в космосе столько времени без обслуживания...

— Я знаю. — Поблекший голубой костюм Хейма собрался в складки, когда он пожал плечами. На «Лисе» не носили униформу. — Хорошо, я думаю, нам и впрямь придется просто уничтожить их. Война — это не игра в блошки, — добавил он, главным образом, для себя.

— Один момент, пожалуйста.

Из интеркома раздался какой-то лязг.

«Должно быть, Б. И. считает на своем эквиваленте логарифмической линейки», — подумал он.

— Да. Я пересчитал предел безопасности. Он вполне достаточный.

— Отлично! — взревел Хейм, рискуя порвать барабанные перепонки Первого Офицера. — Ты слышал, Дейв?

Он ткнул Пенoyerа кулаком в спину.

Белокурый изящный Пенoyer перелетел через мостик, закашлялся и пролепетал:

— Да, сэр, очень хорошо.

— И дело даже не в том, что мы не хотим замарать себя, — продолжал ликовать Хейм. — Дело в деньгах. В этих прекрасных-распрекрасных трофейных денюжках.

«А как насчет экипажа, который должен доставить трофейный корабль на Землю? — напомнила Хейму деловая часть его сознания. — Мы чертовски близки к тому, что «Лис» останется фактически без личного состава. Еще несколько рейдов — и нам придется остановиться».

Хейма охватила ярость.

«Поэтому мы не станем продавать свой последний товар, а просто отправим к ним послание. Тот, кто захочет и дальше иметь долю в этом предприятии, может встретить нас у Строна, где мы будем пополнять свой арсенал. Располагая таким счетом в банке, который должен у меня сейчас быть, я смогу оплатить снаряжение еще для дюжины круизов. Мы не остановимся, пока нас не вышибут из космоса — или пока Федерация не перестанет ломать комедию и не начнет честную войну».

Хейм с головой ушел в приготовления. Когда прозвучал сигнал боевой тревоги, весь корабль словно встряхнулся от кормы до рубки управления.

«Хорошие все же у меня ребята», — вновь с теплотой подумал Хейм. Когда возникала необходимость решать, кто отведет очередной алеронский корабль домой, добровольцев никогда не находилось. И все с неохотой тащили жребий. И хотя каждый день, проведенный в системе Авроры на пути к Земле, означал немалый риск для жизни, каждому хотелось все-таки остаться на «Лисе», чтобы принимать участие в сражениях. Разумеется, оставшиеся получали и соответствующую добычу, но члены экипажа капера завербовались на корабль, где их привлекало нечто большее.

— Двигатели на полную мощность!

Если враг был настороже, он немедленно увидел бы на своих приборах, что другой корабль выходит на ту же орбиту. Радар был бесполезен на таких расстояниях, поскольку зарегистрированный им объект мог быть простым метеоритом, при условии, что он не начинал ускоряться.

— Внутреннее поле — до нормы!

Теперь на корабле снова царило земное притяжение.

— Поворотные векторы: крен на три румба, продольный крен на четыре с половиной румба, поворот двигателя двадцать румбов.

Звезды закружились в иллюминаторах.

— Ускорение — на максимум!

В компенсирующем поле, заполнявшем корпус изнутри, давление не ощущалось. Но двигатели взревели, как разъяренные звери.

— Приготовиться к Мах-ускорению! Внимание: 5, 4, 3, 2, 1!

Звездный свет задрожал, как если бы смотреть на него сквозь пелену струящейся воды, и снова стал неподвижен. На таком небольшом расстоянии фантастическое безынерционное ускорение не позволило достичь такой скорости, при которой в действие вступали абберация и эффект Доплера. Но удаленный диск Авроры отпрыгнул еще дальше.

— Мах-ускорение прекратить!

Электронный сигнал отдал приказ раньше, чем Хейм успел произнести его.

Компьютеры щебетали под руками Пенюера. «Лис» вернулся в обычное пространство гораздо ближе к противнику. Но последний все еще двигался со скоростью, превышающей кинетическую скорость капера, но теперь уже не составляло труда уравнивать векторы в пределах границы Маха.

— Орудие номер четыре, залп по курсу цели!

Ракета устремилась вперед. Среди созвездий блеснула мгновенная вспышка атомного огня.

— Радисты, дайте мне универсальную частоту, — скомандовал Хейм. Он почувствовал, что весь взмок от пота. Маневр, заключающийся в том, чтобы обойти противника с фланга, не был бы возможен, если бы не Утхг-а-К-Тхакв, нечеловеческая чувствительность которого при настройке гравитронной системы была единственной надеждой. А инженер мог и ошибиться. Но теперь Хейма переполняло не облегчение от миновавшей опасности, а самое настоящее ликование.

— Они в наших руках! Еще один залп!

Завыла сирена. Корабль содрогнулся. Сработала автоматика, раздался оглушительный лязг, затем последовали глухие удары.

— Боже мой, — крикнул Пенюер. — Они вооружены!

Иллюминаторы закрылись, чтобы не дать глазам людей ослепнуть от невыносимой яркости сверкающего вокруг огня. Рваные клочья атомов образовывали в вакууме нечто вроде дождя или снегопада и, закручиваемые в вихрь гипермагнитным полем корабля, уносились прочь, к звездам, предварительно плюнув в защитный экран судна жестким рентгеновским излучением. Метеоритные детекторы верещали всюду, засекая шрапнель, посылаемую со скоростью нескольких километров в секунду кассетными боеголовками. На то, чтобы испугаться, просто не было времени.

— Открыть заградительный огонь! — скомандовал Хейм артиллеристам. — Лазерное орудие номер три, посмотрите, не удастся ли вам повредить на их посудине кольца Маха?

Это элементарное решение было все, что он мог сейчас сделать. Да и его высококвалифицированный экипаж мог сделать немногим больше: просто передать этот приказ автоматике. Машины смерти были слишком проворны, слишком сильны по сравнению с человеческими возможностями. Лучи радаров нащупывали цель, компьютеры звякали, и ракеты врезались в летевшие навстречу боеголовки и уничтожали их, прежде чем те успевали нанести удар. Ослепительная энергия вырвалась из судна алеронов. Остановить ее, казалось, было невозможно. Но в то мгновение, когда она коснулась «Лиса», успев вызвать лишь минимальные повреждения, тяжелый лазер земного корабля плюнул в ответ. Лист боевой обшивки превратился в пар, луч проник внутрь, и вражеское орудие умолкло. Оставляя жженный след, лазер провел линию по корпусу алерона, нащупывая арматуру межзвездного двигателя. Это была мишень не из легких, если учитывать положение судна, двигавшегося с громадной скоростью. Но компьютеры решили эту задачу за какие-то миллисекунды. Корабль противника начал набирать ускорение, пытаясь вырваться. Через мгновение лазерный луч пронзал лишь пустоту. Но затем он безжалостно нашел свою мишень и сжег ее.

— Боевая рубка — капитану! Их Мах выведен из строя, сэр.

— Хорошо. Теперь, что бы ни случилось, он уже не бросится на нас с ускорением Маха, — ответил Хейм.

— Капитанский мостик — радиорубке, продолжайте искать контакт. Мостик — машинному отделению. Приготовиться к маневрированию.

Сражение закончилось. Оно было не слишком долгим. Диспропорция между наспех вооруженным купцом и крейсером, имевшим полное боевое вооружение, была слишком велика. Не смехотворна — поскольку единственной ракеты, взорвавшейся на достаточно близком расстоянии, было достаточно, чтобы убить экипаж «Лиса» одной лишь радиацией, если не чем-нибудь еще, — и все же эта разница была слишком велика. «Лис» отражал всякую угрозу тем, что концентрировал в своих арсеналах подавляющее количество гораздо более мощного оружия, нежели другие корабли в космосе. В иллюминаторах снова появились звезды.

— Фу-у, — устало вздохнул Пенoyer. — А ведь они чуть было не застали нас врасплох, а?

— Ясно, что именно на это они и рассчитывали, — кивнул Хейм. — Я думаю, что после сегодняшнего нам лучше быть готовыми к тому, что любой транспортный корабль без сопровождения сможет оказать нам сопротивление.

О тех, которые имели конвой, не стоило и говорить. Это подразумевалось само собой. Их было не слишком много, поскольку основная сила алеронов была рассредоточена в пограничных

областях, и лишь несколько боевых кораблей блуждали в глубинах космоса, охотясь на «Лиса». Его жертвой становились грузовые суда, доставлявшие оккупантам на Новой Европе все необходимое, чтобы сделать их победу необратимой.

Хотя Хейм только что побывал на краю гибели, он не ощущал запоздалого страха. Если бы его спросили об этом, он бы сказал, что судьба наградила его темпераментом флегматика. Но на самом деле причина была в другом: его внутреннее торжество не оставило места другим чувствам. Он вынужден был сдерживать себя, чтобы его голос звучал спокойно.

— Я не встревожен. Напротив, даже горд. В этом поединке мы проявили себя лучше, чем можно было ожидать, имея такую разношерстную команду.

— О, не знаю, сэр. Вы здорово вымуштровали нас. — Пенoyer вытащил сигарету. — Эти взрывы могли засечь. И кто знает, может быть, на место происшествия пришлют кого-нибудь покрупнее.

— Угу. Но мы не станем торчать здесь, любуясь окружающим пейзажем.

— А как насчет этой посуды? До Солнечной системы ей не добраться.

— Мы приткнем ее на орбите какой-нибудь малозаметной кометы, и на досуге починим... Э, да вот ответ на ваш вопрос.

Судовой экран осветился тускло-красным цветом. С него смотрел алерон.

— Какой-то важный чин, — определил Хейм, увидев прекрасное женственное лицо, блестящие золотые волосы и серебристый мех. Даже в минуту ярости и горя его речь напоминала звуки музыки, достойной Бетховена.

Хейм тряхнул головой:

— Прошу прощения, я не знаю вашей Высшей Речи. Будете ли вы так любезны говорить по-французски?

— Нет надобности, — пропел алерон. — В прекрасных звездных лугах, где мы находимся сейчас, язык Новой Европы не обязателен. «Мироэт» вынужден сдать вам, грабители.

Хейм рад был узнать, что наконец-то может вести переговоры по-английски, до сих пор ему встречались только двое говоривших по-испански, а с большинством приходилось объясняться либо по-французски, либо по-китайски. Во всех остальных случаях на помощь приходил язык жестов, причем в одной руке Хейму приходилось держать пистолет, чтобы было более понятно.

— Так вам, значит, известно, кто мы такие? — спросил Хейм.

— Сейчас всем известно о том, кто именует себя в честь стремительного животного с острыми зубами. Да лишит вас удача своего благословения, — монотонно пропел алерон.

— Благодарю. Теперь слушайте. Мы сейчас вышлем к вам abordажную команду. Ваш экипаж будет заключен под стражу, но мы никому не собираемся причинять зло, при условии, что нам не

будет оказано сопротивление. Более того, если у вас есть раненые... Нет? Хорошо. Вы будете доставлены в своем корабле на Землю и интернированы до конца войны.

Внутренне Хейм сомневался в этом. Земля была далеко, даже само Солнце невозможно было рассмотреть невооруженным глазом. У него не было способа получить какие-либо известия оттуда. Абордажная команда не могла вернуться и встретиться с кораблем, который сражался в одиночку против целой империи и чье спасение было лишь в непредсказуемом маневрировании в огромном космическом пространстве. Он предполагал, что Парламенту все же придется смириться с утверждением Франции, что Всемирная Федерация действительно находится в состоянии войны с алеронами и признать законность его экспедиции. В противном случае здесь уже сейчас были бы земные корабли — или, по крайней мере, представители Земли на захваченных им алеронских кораблях, — которые потребовали бы его возвращения домой.

Но за шесть месяцев, прошедших со времени их отлета, они не получили ни слова одобрения, никакой помощи, ничего. Им приходилось сражаться в одиночку. Последний пленный алерон, с которым ему довелось говорить, сказал, что два флота по-прежнему лишь любят друг на друга через границу, и Хейм этому поверил.

«Неужели они все еще не могут выйти из тупика, решая: начать войну или продолжать переговоры? — думал Хейм. — Неужели они никогда так и не поймут, что с врагом, который вбил себе в голову вышвырнуть нас из космоса, не может быть и речи о переговорах до тех пор, пока ты не докажешь, что в состоянии дать ему отпор? Боже милостивый! Со времени захвата Новой Европы прошел уже почти год!»

Черты лица на экране тронула печаль:

— Если бы нам дали хорошее вооружение, мы могли бы уничтожить вас. — Руки — тонкие, четырехпалые, двухсуставные, — словно ища утешения, ласкали одну из цветущих лиан, украшавших капитанский мостик. — Для вас, человеческих существ, механизм строил сам дьявол.

«Ого! Так, значит, этот корабль был переоснащен прямо на планете, — подумал Хейм. — Пришла ли эта идея кому-то в голову из находящихся там?»

— Прекратите ускорение и приготовьтесь к абордажу, — сказал он алерону.

Затем, выключив связь, он начал отдавать команды своему экипажу. Возможность какой-нибудь вероломной попытки не исключалась.

«Лис» должен был сохранять дистанцию и выслать катер. Хейм не прочь был бы и сам принять участие в прогулке на вражеский корабль, но долг обязывал его находиться на «Лисе». К тому же в желающих и без того не было недостатка.

«Как будто мальчишки, которые играют в пиратов... — подумал

Хейм. — Что ж, сокровища, которые они захватили, и впрямь сказочные».

«Мироэт» сам по себе вряд ли представлял интерес. Алеронам Новая Европа нужна была как сильная застава, но даже это не было главным. Главной была их цель отнять планету у людей и тем самым изгнать их из всего района Феникса. Грузы, посылаемые с Эйта на Аврору, были промышленными или военными, а потому представляли из себя большую ценность. Назад ничего важного не отправлялось: гарнизон Новой Европы должен был максимально использовать все полученное, чтобы наладить производство и запуск на орбиту тех защитных средств, которые должны были сделать планету фактически неуязвимой.

И все же корабли не всегда возвращались с Новой Европы пустыми. Часть добычи, захваченная Хеймом, озадачила его. Отправлялось ли это на Алерон из чистого любопытства, или в надежде продать это когда-нибудь на Земле, или... Какова бы ни была причина, его парни не долго раздумывали, когда захватили чуть ли не вагон шампанского.

Векторы были равными. Катера устремились вперед. Хейм опустил в кресло перед главным контрольным пунктом и наблюдал за ними, крошечными яркими осколками, до тех пор, пока их не поглотила тень огромного, похожего на акулу, цилиндра, охраняемого «Лисом». Однако мысли его в это время были далеко: он вспомнил Землю, ее величественные города и мягкие небеса, Лизу, которая, возможно, выросла и изменилась до неузнаваемости, Джосселин, которая все же не совсем еще ушла из его сердца, и потом снова Новую Европу, людей, покинувших свои дома и отправившихся навстречу неизвестности, и еще Мэдилон...

Загудел зуммер внутренней связи. Хейм включил изображение. На него глянуло круглое лицо Блюмерга, одетого в боевой скафандр. Шлем был открыт. Хейм не мог понять, почему Блюмерг такой красный, то ли благодаря красноватому свету внутри корабля, то ли по какой-то иной причине.

— Абордажный отряд докладывает, сэр. — Блюмерг даже заикался от нетерпения.

У Хейма тревожно дрогнуло сердце.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Ничего... Ситуация у нас под контролем... Но, сэр, у них на борту люди!

ГЛАВА 2

Короткий безынерционный полет вывел «Лиса» так далеко за пределы системы, что вероятность быть замеченным практически приближалась к нулю. Хейм оставил управление на попечение автоматов и объявил празднование в честь очередной победы.

Судовая столовая была полна людей. Из всей команды капера

осталось только двадцать пять человек, плюс дюжина новобранцев, и хотя столовая была рассчитана на сто мест, они заполнили ее своим криком, пением, звоном бокалов — словом, тем веселым шумом, от которого дрожали переборки. В одном углу благодушный и невозмутимый Утхг-а-К-Тхакв доставал шампанское, бутылку за бутылкой, из устроенного им самим холодильника, и, с пистолетным хлопком вышибая пробку, разливал на всех. Уже неплохо набравшись, артиллерист Мапуо Хаяши и стройный молодой колонист пустились в спор, что эффективнее: каратэ или приемы апачей. По столам стучали игральные кости, шелестели долговые расписки на добычу против обещаний пылких предложений девушек на планете в случае победы. Трио Ашанти — выпускников университета — исполняло боевой танец под аккомпанемент зрителей, барабанивших по кастрюлям и сковородкам. Андре Бадаж вскочил на стол и, с трудом удерживая равновесие, ударил по струнам гитары. Все больше и больше французов подпевало ему:

Это цветок, цветок прерий,
Это прекрасная роза Прованса.

Сначала Хейм от души смеялся над последней шуткой Джина Иррибарна, но потом музыка захватила его. Он вспомнил одну ночь в Бон Шанс, словно бы вновь оказался там. Вокруг сада высились крыши, черные под звездным небом, желтый свет из окон домов сливался со светом восходящей Дианы. Легкий ветерок шевелил ветви кустов, смешивая аромат роз и лилий с пряным запахом местных цветов. Ее рука лежала на его руке. Гравий похрустывал под ногами, когда они шли к летнему домику. А где-то кто-то играл на свирели, и нежная мелодия плыла в теплом воздухе, напоминая о Земле.

У Хейма защипало глаза. Он резко тряхнул головой.

Иррибарн пристально посмотрел на него. Новобранец был среднего роста, а потому рядом с Хеймом выглядел пигмеем, темноволосый, с удлинённой головой и правильными чертами лица. На нем все еще была та одежда, в которой его взяли в плен: зеленая куртка, мягкие ботинки, берет, засунутый за чешуйчатый кожаный пояс — униформа планетарной полиции, превратившаяся в форму бойца маки. На плечах поблескивали лейтенантские нашивки.

Иррибарн что-то спросил по-французски.

— А? — заморгал Хейм. Невообразимый шум вокруг, плохое знание французского языка и тот факт, что Новая Европа была уже на полпути к созданию своего собственного диалекта, были причиной того, что Хейм не понял вопроса.

— Вас что-то взволновало, — перевел свои слова Иррибарн. — В прежние времена планету посещало достаточное количество людей, говоривших по-английски, и жители города в той или иной степени владели этим языком.

— О... пустяки. Воспоминания. В свое время я провел на Новой

Европе несколько восхитительных отпусков. Но это было... черт побери, в последний раз я был там двадцать один год назад.

— Стало быть, вы думаете о чужаках, которые крадутся по улицам, где больше нет людей. Как мягко они крадутся, словно пантеры, вышедшие на охоту.

Иррибарн нахмурился, глядя в свой стакан, поднял его и конвульсивным жестом опрокинул в себя содержимое.

— Или, может быть, вы вспоминаете о какой-то девушке и гадаете, погибла она или прячется в лесах. Так?

— Давайте лучше снова наполним бокалы, — резко ответил Хейм.

Иррибарн положил свою руку на руку Хейма:

— Один момент, силъ ву пле. Население всей планеты составляет всего пятьсот тысяч человек. Городских жителей, с которыми вы, вероятно, встречались, намного меньше. Быть может, я знаю.

— Мэдилон Дюбуаз?

— Которая раньше жила в Бон Шанс? Ее отец врач? Ну да! Она вышла за моего собственного брата Пьера. Судя по последним сведениям, которые до меня дошли, они живы.

У Хейма потемнело в глазах. Он прислонился к переборке, хватая ртом воздух, попытался взять себя в руки, но не мог унять бешеного сердцебиения.

— Слава Богу, — выдохнул он наконец. С самого детства он не произносил слов, которые были бы столь близки к молитве.

Иррибарн не отводил от него пронизательного взгляда прищуренных карих глаз.

— А, это для вас так важно. Идемте, не лучше ли нам поговорить наедине?

— Хорошо, благодарю.

Хейм пошел впереди. Иррибарн едва успевал за ним. А люди, сидевшие за столами, положив руки друг другу на плечи, продолжали распевать веселые французские песни под аккомпанемент гитары Вадажа.

В каюте Хейма, казалось, и так была абсолютная тишина, а теперь она стала просто гнетущей. Иррибарн сел и с любопытством осмотрел опрятную небольшую комнату, среди обстановки которой были Шекспир, Берно и Киплинг в книжном варианте с потрепанными переплетами, микрокассеты с творениями менее маститых литераторов, портреты женщины и девушки.

— Ваша семья? — спросил Иррибарн по-французски.

— Да, хотя моя жена умерла. Дочь сейчас на Земле, у деда.

Хейм предложил гостю одну из оставшихся сигар, а себе принялся набивать трубку. Пальцы его слегка дрожали, и он не смотрел на собеседника.

— А что с вашей семьей?

— Все в порядке, спасибо. Конечно, так было две недели назад, когда был захвачен мой отряд.

Иррибарн закурил и откинулся назад, устраиваясь поудобнее. Хейм остался стоять.

— Как это случилось? У нас ведь фактически еще не было возможности поговорить как следует.

— Думаю, просто не повезло. На Кот Нотр-Дам есть урановая шахта. Как вам, вероятно, известно, на Новой Европе не так уж много урана, она не такая плотная планета, как Земля. Поэтому если бы шахту удалось взорвать, это был бы удар для алеронов. Мы взяли спортивную субмарину, которую нашли в Порт Августин, где горы спускаются прямо в море Драконов, и поплыли на ней. Мы знали, что единственное, чего нет у этих проклятых ублюдков — это оборудования для обнаружения субмарин. Надеюсь, вам понятно, почему: из-за засушливости их собственной планеты. Но шахта охранялась лучше, чем мы ожидали. Когда мы ночью всплыли, чтобы высадиться на берег, по нам ударил снаряд. Он оказался химическим, иначе я не смог бы сидеть здесь. Алероны намного предусмотрительней, они подождали и подобрали, так сказать, все, что выпало в осадок. После этого были разговоры о том, чтобы расстрелять нас в назидание другим или, того хуже, извлечь из нас информацию. Но об этом узнал новый верховный командующий и наложил свой запрет. Мне кажется, он прибыл на Новую Европу с заданием выследить вас, мой друг, так что своим спасением мы не только прямо, но и косвенно обязаны вам. Нас отправили на Алерон. Насколько мы поняли, предполагался обмен пленными.

— Понятно.

— Но вы это дело притормозили. Однако вам хотелось бы побольше узнать о Мэдилон, не так ли?

— Черт побери, я страшно не люблю касаться личных вопросов... О'кей, мы любили друг друга, когда я однажды из-за болезни пробыл на Новой Европе довольно долго. Наши отношения носили вполне невинный характер, уверяю вас. Настолько невинный, дьявол их дери, что это меня немного отпугивало и... Как бы там ни было, когда я прилетел туда в следующий раз, ее там уже не было.

— Все верно. Она перебралась в Шато Сент-Джеквес. Я всегда считал, что она попала к Пьеру... как бы это сказать... ну, рикошетом, что ли. То и дело она со смехом вспоминала об огромном норвежце, с которым была знакома до замужества. Такой смех, полувеселый, полупечальный, всегда следствие молодости. — Взгляд Иррибарна похолодел. — Пьер хороший муж. У них четверо детей.

Хейм вспыхнул.

— Не поймите меня превратно, — сказал он, пуская клубы дыма из своей трубки. — Я не мог бы жениться более удачно, чем женился. Это было просто... Она попала в беду, и я надеялся, что смогу помочь. Старая дружба, ничего больше.

Хейм сам поверил в правдивость своих слов. Несколько иных мыслей пронеслось у него в голове, но они были не настолько болезненны, чтобы их нельзя было похоронить. Сознания того, что

Мэдилон все эти годы жила счастливо, что она до сих пор жива, было вполне достаточно.

— К числу своих друзей вы теперь можете причислить и нас всех, — сердечно сказал Иррибарн. — А теперь скажите мне еще кое-что, прежде чем мы вернемся к праздничному столу. Я слышал, что ваш корабль — это частный капер, имеющий выданное Францией свидетельство. Но почему до сих пор медлит наш Боевой Флот? Когда он прибудет сюда?

«Боже, помоги мне, — подумал Хейм. — Я же хотел пощадить их чувства до завтра».

— Не знаю, — ответил он.

— Черт побери! — Иррибарн резко выпрямился. — Что это вы говорите?

Хейм медленно, словно клещами вытаскивая из себя слова, рассказал о том, что Флот Глубокого Космоса стоит на приколе с зачехленными орудиями, в то время как в Парламенте продолжают дебаты, и не исключено, что одни лишь пиратские набеги «Лиса» являются преградой для возобновления переговоров, которые для Алерона представляют собой лишь наиболее эффективную разновидность войны.

— Мы... мы... вы... и это астронавты... — Иррибарн с трудом овладел собой, сделал глубокий вдох и тихо сказал:

— Ваш корабль курсирует в системе Авроры. Неужели вам не удалось добыть никаких доказательств того, что мы живы?

— Я пытался, — ответил Хейм. Он ходил из угла в угол, нещадно дымя трубкой, стуча каблуками, заложив ненужные сейчас огромные руки за спину и стиснув их так, что побелели ногти. — Пленников, которые были отправлены на Землю в числе прочих трофеев, возможно, допросили. Сделать это нелегко. У алеронов реакции иные, чем у людей. Но кто-то мог все-таки выудить из них правду! Видимо, никто и не пытался.

Кроме того, я однажды прошел вблизи Новой Европы. Это не так уж трудно, если быть попроворнее. Большинство их защитных спутников все еще не оборудованы, и мы не заметили ни одного боевого корабля, который угрожал бы нам. Поэтому я сделал фотографии, весьма четкие, на которых видно, что разрушен только Сюр д'Ивонн, а над Гарансом никакого огненного смерча не было и в помине. Послал эти фотографии на Землю. Думаю, что кое-кого они убедили, но, видимо, все же не тех, кого надо бы. Не забудьте, что сейчас многие политические карьеры связаны с делом мира. Поэтому человек, который мог бы признаться в собственной неправоте и занять верную позицию, если бы дело касалось только его одного, будет испытывать колебание по поводу того, стоит ли тянуть за собой всю партию.

О, я уверен, что настроение общественного мнения на нашей стороне. Это началось еще тогда, когда мы только готовились к экспедиции. Вскоре после того, на Строне, где мы пополняли свои

арсеналы, я встретил несколько человек, только что приехавших с Земли. Они сказали, что идея дать отпор алеронам находит все больше сторонников. Но это было четыре месяца назад.

Хейм вынул трубку изо рта, остановился и продолжал более спокойно:

— Я догадываюсь, какой очередной аргумент выдвинула фракция примирения. «Да-да, — вероятно, сказали они, — возможно, новоевропейцы и в самом деле еще живы. Так разве их спасение не является сейчас самым важным? Посредством войны мы этого не добьемся. Алероны смогут уничтожить их, когда им только заблагорассудится. Нам придется отдать Новую Европу в обмен на жизнь находящихся там людей». Вероятно, подобные речи звучали в Парламенте и сегодня вечером.

Иррибарн уронил голову на грудь и что-то пробормотал по-французски. Потом вдруг резко сказал:

— Но они все равно погибнут. Неужели это непонятно? У нас осталось всего несколько недель.

— Что? — взревел Хейм. Его сердце тяжело ухнуло. — Неужели враг собирается выжечь вас?

«Сделать это не составляет никакого труда, — подумал он в ужасе. — Взорвать в один прекрасный день на орбите спутника тысячу или около того мегатонн — и большая часть континента утонет в огне. Мэдилон».

— Нет-нет, — сказал колонист. — Ресурсы планеты нужны им самим для укрепления защитной системы. Континентальная огненная буря или радиоактивное заражение слишком дорого обошлось бы им самим. А вот витамин С — другое дело.

Постепенно картина прояснилась. Ни на секунду не сомневаясь в том, что Земля поспешит им на помощь, жители расположенного на побережье Пейз д'Ж Экспо бежали в глубь материка, в леса и горы Оут Гаранс. Эта фактически неисследованная дикая местность была столь богата дичью и съедобными растениями, сколь богата ими была Северная Америка до появления там белого человека. Имея в своем распоряжении современную технику и не испытывая неудобств перенаселения, люди быстро обустроились. Вряд ли нашелся бы там человек, не имеющий охотничьего, рыбацкого и туристского снаряжения, равно как и флайера, способного летать на любые расстояния. Используя летный камуфляж и соблюдая осторожность, люди без особого труда прятали от алеронов разбросанные повсюду домики и летние коттеджи, и, конечно, обнаружить все пятьдесят тысяч этих строений было просто невозможно. Изредка, когда враги все же натыкались на какие-то жилища, их обитатели могли укрыться в палатке, в пещере или под навесом.

Портативные аккумуляторы, в равной степени способные использовать солнечный свет, ветер или бегущую воду, тоже относились к числу обычного, похожего на дорожное, снаряжения. Миниатюрные передатчики поддерживали коммуникационную сеть.

Подслушивание мало что давало противнику. Алероны располагали переводчиками с французского, но в силу своей собственной окостеневшей культуры, лишенной каких бы то ни было диалектов, не учли, что земляне станут переговариваться, к примеру, на наречии басков или каком-нибудь другом. Наиболее смелые из числа землян периодически делали набеги на врага, остальные просто прятались.

В силу того, что Новая Европа имеет небольшой наклон оси, в ее умеренной зоне преобладает мягкая и дождливая зима, даже на сравнительно больших высотах. Одним словом, люди, казалось бы, могли держаться бесконечно.

Однако они все же были не на Земле. Жизнь возникла и развивалась здесь сама по себе в течение двух или трех миллионов лет. Сходные условия привели к сходной химии. Человек мог получить из местной пищи почти все необходимое. Но сходство — это все же не идентичность. Кое-что на Новой Европе отсутствовало, особенно это касалось витамина С. Беглецы захватили с собой запас пилуль. Теперь этот запас подходил к концу. Алероны удерживали в своих руках фермерские земли, где росли земные растения, и города, где находились необходимые биохимические предприятия.

Цинга убивает медленно, начиная свою разрушительную работу с десен и перебираясь затем на мышцы, пищеварительные органы, кровь и кости. Чаше всего жертва умирает от какой-нибудь другой болезни, которой она уже не в силах сопротивляться. Однако, так или иначе, но человек умирает.

— И они знают об этом, — проскрежетал Иррибарн. — Эти дьяволы, они знают, в чем наша слабость. Им остается только ждать. — Он поднял кулак. — Неужели же мы не сможем пристыдить Землю и заставить ее действовать?

— Не знаю, — уныло отозвался Хейм. — Конечно, можно попробовать. Но... может быть, я шизофреник... но мне все чудятся эти бесконечные споры. «Ничего, кроме переговоров, пока мы не сделаем стимулирующих уступок». Я более чем уверен в том, что окажись «Лис» в Солнечной системе, ему уже не позволят снова покинуть ее. Закон, видите ли, предусматривает наличие ядерного оружия только на судах Армии Мирного Контроля, и это распространяется также на пусковые установки. А у нас есть и то, и другое. Формально сейчас мы владеем этим на законных правах, однако все будет иначе, когда мы окажемся в пространстве, принадлежащем Федерации.

— Но разве нельзя временно демонтировать боевое оборудование?

— На это ушли бы недели. Оно составляет единое целое с кораблем. Да и вообще, какая разница? Говорю вам, ваше появление на Земле могло бы стоить нам исхода войны. А это побудило бы алеронов начать переговоры и подготовку к новой агрессии. — Хейм снова подумал о Мэдилон. — Во всяком случае, так мне кажется. Быть может, я ошибаюсь.

- Нет, — мрачно сказал Иррибарн. — Вы правы.
- Возможно, это и впрямь единственный выход. Сдаться.

— Должно быть что-то еще! Я не такой фанатик, чтобы настаивать, зная, что женщинам и детям грозит смерть. Но риск умереть против шанса сохранить наши дома — да, это то, на что мы все сознательно пошли, когда организовали отряды маки.

Хейм сел, выбил трубку и принялся вертеть ее в руках, устремив неподвижный взгляд на модель своего первого корабля. Чувства его необъяснимым образом вдруг начали меняться. С него словно свалилась какая-то тяжесть, вызывая внутреннее движение сквозь мрак далекого и слабого, но придающего сил проблеска.

— Послушайте, — сказал он. — Давайте попытаемся продумать все до конца. «Лис» препятствует выходу Земли из состояния войны, отказываясь прекратить свои рейды. До тех пор пока мы здесь и сражаемся, люди на Земле, думающие точно так же, как мы, могут заявить, что алеронов учат уму-разуму безо всякого ущерба для налогоплательщиков. И — да-да — они могут ударить в барабаны пропаганды, представить нас в виде легендарных героев и расшевелить укоренившееся чувство стадности. Они не имеют политического влияния, способного заставить правительство отдать боевому флоту приказ к выступлению, но в их силах воспрепятствовать тому, чтобы нас отозвали назад. Я пришел к такому выводу на основе тех простых фактов, что флот по-прежнему не двигается с места, а нас не отзывают назад.

Разумеется, подобная ситуация весьма неустойчива. Я уверен, что она так долго удерживается потому, что Франция связала Парламент по рукам и ногам, предоставив ему решить вопрос, действительно ли Земля, согласно закону, находится в состоянии войны с алеронами. Выход из тупика должен быть найден в ближайшее время. Мы хотим склонить равновесие в свою сторону.

О'кей, один метод достижения данной цели — следовать установленному порядку и сделать достоянием гласности тот факт, что вы и другие новоевропейцы живы, — допустим, это стало известно — а также дать всем ясно понять, что вы не собираетесь сдаваться. Сделать это можно... дайте подумать... да. У нас есть «Мирозэт». Стоит его немного подлатать, и он сможет одолеть расстояние до Земли. Или же можно попытаться захватить еще один корабль. Однако мы сами останемся здесь. А на Землю пошлем не мужчин, а сотню женщин и детей. — Хейм с треском хлопнул ладонью по колену. — Вот какой довод будет самым лучшим!

У Иррибарна глаза чуть не вылезли из орбит.

— Вы что, рехнулись? Вы собираетесь сесть на Новую Европу?

— Космическая планетарная защита еще не приведена в готовность.

— Но... нет, у них есть несколько детекторных спутников, и боевые корабли на орбите, и...

— О, все это дело случая, — возразил Хейм. Чувство опасности

сейчас начисто у него отсутствовало. Все сомнения подавило нарастающее возбуждение. — «Лиса» мы оставим в космосе и большинство ваших людей тоже. Если попытка окажется неудачной, «Лис» сможет захватить другую добычу, и ваши люди полетят на Землю во вновь конфискованном корабле. Но мне кажется, у меня есть шанс посадить «Мироэт» и снова подняться. Чтобы точно рассчитать все, надо будет поработать с компьютерами, но я думаю, все это вполне осуществимо. Если же нет — что ж, надеюсь, вы не откажетесь принять меня в партизаны.

— Ах! — Иррибарн глубоко затанулся. — Разрешите задать вам вопрос: была бы эта идея для вас столь привлекательна, не обещая она вам шанса на встречу с Мэдилон?

Хейм чуть не поперхнулся.

— Пардон, — проблеял Иррибарн. — Я не хотел вас обидеть. Всего лишь старая дружба, как вы сказали. Верность — неплохое качество в людях.

Он протянул руку и встал.

— Идемте, — сказал он все еще довольно взволнованно. — До завтра мы больше ничего не сможем сделать. Давайте вернемся в кают-компанию.

ГЛАВА 3

«Лис» опускался, — с потушенными огнями, с заглушенными двигателями, с минимумом включенного оборудования, необходимого для поддержания жизни на корабле — опускался к обратной стороне луны Диана. Она не охранялась, а диаметр в 1275 километров служил надежным укрытием. Однако опасность все равно была. Отошедшее от «Лиса» грузовое судно могло быть замечено каким-нибудь бродячим алеронским кораблем, особенно в такой момент, когда оно сбрасывало ускорение, чтобы совершить посадку. Очутившись на неровной, лишенной атмосферы поверхности Дианы, экипаж грузовика спрятал судно в кратере потухшего вулкана, надел космические скафандры и вышел наружу. Их путешествие на полушарие Дианы, обращенное к планете, могло бы стать сюжетом для небольшой эпической поэмы, но сейчас достаточно будет лишь сказать, что люди выполнили свою задачу и вернулись назад. Рандеву с кораблем было слишком рискованным, чтобы действовать наугад. Люди погрузились в кратер и стали ждать.

Вскоре после этого гигантский метеорит врезался в атмосферу Новой Европы, оставив после себя пылающий след в ночном небе, и рухнул в океан дю Жестин в нескольких сотнях километров от побережья Гаранс. Небольшая приливная волна ударила в Байи де Пешур, вышвырнула корабли на сушу в Бон Шанс, промчалась по Буше дю Карсак — грохочущая линия с гребешками из белой пены, лоснящаяся черными цветами под звездами — и проникла в глубь

материка до самого притока реки Борде. Атмосфера словно бы взбесилась во всех детекторах алеронов.

Постепенно суматоха улеглась. Поднятые по тревоге флайеры вернулись на свои места. Вновь воцарилось ночное спокойствие.

Однако люди на борту «Мирозт» не дремали.

Когда пять тысяч тонн скальных пород, к которым был прицеплен корабль, вошли в атмосферу, он освободился от «привязи» и постепенно отстал. Но не на слишком большое расстояние. Необходимо было погасить громадную скорость, а работу двигателя при этом, несомненно, засекли бы. Но, используя метеорит в качестве экрана, можно было замаскироваться.

Радары не смогли бы засечь ионы, ударившие в поверхность камня и, отразившись назад, исчезающие в следе от падающего метеорита. Оптические и инфракрасные детекторы как бы ослепли в космической ауре, вызванной метеоритом. Точно нацеленные и настроенные детекторы, возможно, все-таки зарегистрировали что-либо не имевшее местного естественного происхождения. Но кто стал бы искать корабль посреди такого бешенства? Автопилот для подобных операций никогда не предусматривался, его просто не существовало. Все зависело сейчас от одного только Гуннара Хейма. Малейшее отклонение от узкой щели частичного вакуума — и он перестал бы существовать быстрее, чем успел бы об этом узнать. В своих действиях он руководствовался только датчиками температуры обшивки корабля и своей интуицией. Кроме того, он располагал еще расчетами компьютера, показывающими место и скорость корабля, все эти данные постоянно мелькали на экране дисплея. Хейм словно бы слился с кораблем воедино; его руки мелькали над компьютером с такой скоростью, что слились в одно расплывчатое пятно. Он не замечал ни накатывающейся волны жары, ни ударов и завываний, вызываемых турбулентностью — ничего, за исключением бури где-то глубоко внутри себя.

Его космос сузился до размеров огненной полосы, а его сознание — до единственной мысли: держать эту неуклюжую машину в кильватере снижающейся глыбы. Однажды, целую вечность назад, ему уже приходилось вести свою космическую яхту по опасной, как тогда казалось, траектории на Остров Вознесения. Но тогда это был вопрос умелого пилотирования легкого и быстро отзывающегося судна. Сегодня же Хейм был роботом, выполнявшим команды кружившихся в вихре электронов.

Нет, он представлял из себя нечто большее. Обработка данных, проходивших сквозь тончайшие детекторы чувств, принятие на этом основании верного решения, воля делали всю операцию возможной. Но все это происходило на бессознательном уровне, на уровне инстинкта. Для осмысления просто не было времени.

Все произошло в считанные минуты. Впрочем, живая материя не выдержала бы подобного напряжения более длительное время. Метеорит, чью скорость лишь слегка замедлила воздушная стена, в

которую он нырнул, ушел от корабля и врезался в море с такой силой, что всплеска воды не было — водная масса как бы раскололась. «Мироэт» в это время все еще был в нескольких километрах от поверхности планеты, замедлив свою скорость до того уровня, который еще мог выдержать металл. На ленте появилось слово «стоп», и Хейм хлопнул по выключателю. Рев двигателя прекратился и перешел в урчание, а потом наступила тишина.

Капитан проверил приборы.

— Все в порядке, — сказал он. Собственный голос показался ему каким-то чужим, и он мало-помалу начал приходить в себя.

— Мы находимся ниже линии горизонта Бон Шанс. Направление — на юго-запад. Как раз та траектория, на которую мы пытались выйти.

— Фу-у! — облегченно вздохнул Вадаж. Волосы облепили его продолговатое лицо с высокими скулами. Одежда промокла насквозь.

— Капитанский мостик — машинному отделению, — вызвал Хейм. — Докладывайте.

— Все в порядке, сэр, — раздался голос Диего Гонсалеса, третьего инженера на «Лисе». — Во всяком случае, настолько, насколько это вообще возможно. Правда, приборы напряжения корпуса показывают некоторую деформацию в двух листах носовой обшивки. Впрочем, ничего страшного. Может быть, пока включить охлаждение?

— Спрашивает так, словно ему нравится эта печка, — проворчал Джин Иррибарн. Жар исходил из каждой переборки.

— Включайте, — решил Хейм. — Если кто-то окажется достаточно близко, чтобы заметить аномалию, все равно будет уже слишком поздно.

Он не отрывал взгляда от пульта, но при этом ткнул указательным пальцем в сторону Вадажа.

— Показания радара?

— Чисто, — ответил венгр. — Похоже, что мы тут одни.

Это все, кто был на борту. Для благополучной посадки больше не требовалось, а в случае неудачи Хейм не хотел терять жизни людей, необходимых «Лису».

Гонсалес, например, был хорошим помощником в своем отделении, но Утхг-а-К-Тхакв и О'Хара вполне могли обойтись и без него. Вадаж являл пример умелого стюарда, да и как певец играл достаточно большую роль в поднятии духа у людей. Тем не менее его тоже нельзя было считать незаменимым на «Лисе». Чтобы управлять «Мироэтом», было достаточно одного колониста, и Иррибарн вызвался выполнить это опасное и почетное задание. Остальные должны были вернуться на Землю и рассказать там обо всем, в случае, если план не удастся. Что же касается самого Хейма...

— Вам нельзя, — протестовал Пенюер, когда обсуждались кандидатуры для десанта.

— Неужели? — усмехнулся Хейм.

— Но ведь вы же шкипер!

— Ты можешь справиться с этой работой ничуть не хуже меня, Дейв.

Пенойер покачал головой:

— Нет. Я все больше и больше убеждаюсь в этом. И дело даже не в том, что вся эта экспедиция была вашей идеей и вашим детищем. И не в том, как вы осуществляли все это — я имею в виду, как тактик, — хотя со времени лорда Нельсона вряд ли кому-либо еще удавалось что-нибудь подобное. Но черт побери, Гуннар, сэр, без вас мы перестанем быть сплоченным коллективом.

— Я чересчур прост, чтобы изображать из себя простака, — растягивая слова, произнес Хейм. — То, что ты сказал, возможно, и соответствует истине, особенно первая часть. У нас разношерстная команда, набранная по всей Земле, и каждый человек — это личность, обладающая своим собственным достоинством. Кроме того, еще эти предрассудки против наков. Мне пришлось несколько раз воспользоваться своей властью, чтобы пресечь это, помнишь? Однако теперь, после такого долгого совместного похода, когда столько пережито вместе, мы — настоящий экипаж. То, что называется «к о р а б л ь», черт побери. Б. И. столько раз проявлял себя молодцом, что среди нас не осталось ни одного, кто не свернул бы шею всякому, сказавшему про Б. И. что-нибудь плохое. А что касается тактики, Дейв, то половина трюков, которые мы провернули, — это твои идеи. Ты бы и без меня справился как надо.

— Ну... но... но почему именно вы, сэр? Почему вы должны отправляться вниз? Любой из нас, имеющий свидетельство пилота, мог бы сделать это, и благодарил бы судьбу за такой случай. Ваше решение кажется мне чертовски бессмысленным.

— Говорю тебе, смысл есть, — ответил Хейм. — Конец дискуссии.

Когда он начинал говорить подобным тоном, никто уже больше не решался спорить. Однако внутренне Хейм вовсе не был столь суров.

Мэдилон... Нет, нет, это нелепица. Быть может, правду говорят, что нельзя позабыть первую любовь.

Но приходят новые увлечения, и пока Конни была жива, Хейм редко вспоминал о Новой Европе. Кстати говоря, и встреча с Джосселин Лори на Строне тоже почти целиком ушла из его воспоминаний. Пока.

Нет сомнений, что его так заклонило на Мэдилон из-за... он сам не был вполне уверен, из-за чего. Быть может, это была просто глупая царапина, оставшаяся после ушедшей юности. Теперь она была уже женщиной средних лет, удачно вышла замуж и прибавила в весе, судя по тому, что рассказал о ней брат ее мужа. Разумеется, Хейму хотелось снова увидеться с нею и добродушно посмеяться над прежними глупостями. Но все, что от него требовалось, это проинструктировать пилота «Мироэт», с тем, чтобы он непременно захватил Иррибарнов в числе прочих эвакуированных.

«Б. И. пробуждал бы, что этого недостаточно, — подумал Хейм. — Здравый смысл имеет весьма ограниченное применение. Это нечто иное. Могло бы случиться много непредвиденных вещей. Я лично хочу быть в гуще событий».

Новый звук заполнил корпус — пронзительный звук рассекаемого воздуха, постепенно понижающийся до какого-то пустого гула, по мере того как «Мироэт» снижался, — это скорость корабля упала ниже звукового барьера. Хейм выглянул в передний иллюминатор. Внизу широко простирался океан: фосфоресцирующие волны от горизонта до горизонта. Вдали неясно вырисовывалась какая-то тень, и Вадаж сказал, что, судя по показаниям радара, это остров. Стало быть, они уже добрались до Айл дю Резвез, находящегося в конце полуострова Нотр-Дам. Хейм хотел, чтобы между кораблем и детекторными приборами, установленными, возможно, на урановой шахте дальше к северу, находился архипелаг. Тогда можно будет снова включить гравитроны. Для этого придется попотеть, алеронская баржа не была предназначена для аэродинамических маневров. Хейм приподнял нос корабля, включив тягу на минимум.

Гораздо предпочтительнее было сесть в океан де Ораж и двинуться на запад от Пейз д'Ж Экспо, пересекая незаселенные территории Терра Саваж, чтобы добраться до центральных гор континента. Но хотя космических метеоритов хоть отбавляй, их метеорит должен был удовлетворять многим требованиям. Он должен был быть большим, и все же не настолько, чтобы потребовалось много энергозатрат для перевода его на нужную орбиту, где к нему должен был подцепиться корабль; кроме того, он должен был двигаться после освобождения по вполне естественной траектории и упасть в один из океанов. В поисках такого метеорита можно было рыскать по системе Авроры вечно, так что пришлось удовлетвориться первым попавшимся более-менее подходящим «камушком». Тем временем полным ходом шла реконструкция «Мироэт»: свет, температурный режим, воздушные системы — все подгонялось под людей. Была отремонтирована система Маха, во внутренних помещениях уничтожались ползучие растения, аппаратура контроля заменялась на ту, что была привычна для землян. Капитанский мостик выглядел как после набега доисторических варваров.

Корабль падал все медленнее и ниже, океан словно бы поднялся, лизнув его бока. Вадаж, неуклюже обращаясь с приборами — обучали его этому наспех — внимательно обследовал небо. Рот его был полуоткрыт, словно он был готов в любую минуту произнести слово «огонь» для Иррибарна, занявшего пост у одной из оружейных башен. Но обнаружил он только ночь, неторопливые ветры да странные созвездия.

Невозможно было бы проделать подобный путь над населенными районами незамеченными. Но поверхность Новой Европы составляет семьдесят два процента поверхности Земли. Это целый мир. Сюр д'Ивонн был едва ли не единственным аванпостом на одном из

континентов — в то время как на другом такой заставой был Пейс д'Ж Экспо — и этот город был уничтожен. Алероны оккупировали Гаранс, где находились шахты и машины, всего лишь край безбрежного пространства. Поэтому им приходилось полагаться на разбросанные там и сям детекторные станции, совершающие регулярные облеты флайеры, а также на все еще незаконченную спутниковую систему. Поскольку их прилет остался незамеченным, Хейм получал преимущество в игре.

И тем не менее... осторожность и еще раз осторожность.

Когда архипелаг остался позади и корабль начал зарываться носом в воду, Хейм снова включил двигатель. Словно темный летучий кит, «Мироэт» перевернулся и неуклюже поплыл на запад. Мимо проплыл остров. Хейм разглядел прибой, набегающий на берег, затемненный деревьями, и представил себе, что слышит шелест их листьев и даже ощущает аромат субтропического леса. Видение было туманным, каким-то полуреальным — воистину, остров мечты.

«Человеческой мечты, — гневно подумал Хейм, — и больше ничьей».

Когда корабль пересекал море Драконов, все почувствовали себя как бы голыми на таком обширном открытом пространстве и при увеличенной скорости. Теперь направление изменилось: они двигались на северо-запад. Показалась Диана, почти в полной фазе. Этот спутник Новой Европы был меньше, чем Луна — его угловой диаметр составлял двадцать две минуты, — и менее яркий, но все же похожий на рыжевато-коричневый с голубыми отметинами рог изобилия, распадавшийся над морем металлические крылья.

Потом показался материк: горы, леса, а в отдалении — снежные вершины. Хейм взглянул на приборы, определяя высоту.

— Пожалуй, тебе стоит подежурить у радио, Джин, — сказал он. — Не хотелось бы, чтобы они, заметив нас, разбежались и попрятались. Куда мы направляемся?

— Лак-о-Нуагес, — ответил Иррибарн.

Хейм принялся изучать карту:

— Да, я вижу, это здесь. Большое высокогорное озеро. Не слишком ли это нарушает конспирацию, постоянный штаб?

— Укрытие здесь довольно надежное, в основном благодаря большой территории, постоянному туману и благодаря тому, что, если будет нападение, есть возможность укрыться в окрестных зарослях острова, — сказал Иррибарн.

В интеркомме раздались звуки его шагов, когда он вышел из орудийной башни, направляясь в радиорубку, а вслед за этим — торопливый говор на языке басков.

Земля внизу становилась все более неровной. Сбегавшие со снежных вершин реки, перескакивая через уступы и пенясь, устремлялись в глубокие долины и исчезали из вида, серебрясь, среди лесов. Потрявоженная птичья стая поднялась ввысь, когда над ней

проплыл корабль, не меньше миллиона пар крыльев заслонили небо. Вадаж ошарашенно присвистнул и что-то пробормотал по-венгерски.

— Раньше меня удивляло, сколько времени люди могут прятаться, да что там — просто оставаться живыми — в кустах. Однако эти существа, превышающие их численностью более чем в три раза, способны на это.

— Да, — хрюкнул Хейм. — Если бы не одно обстоятельство.

В поле зрения появилось озеро, широкая светлая полоса среди темнеющих деревьев, окруженная вдали горами, чьи ледники блестели в свете луны. Иррибарн передавал по радио инструкции. Хейм нашел указанное место, как раз напротив северного берега, и посадил корабль. Вода сомкнулась над ними, скрывая от посторонних глаз. Хейм услышал, как слегка скрипнули шпангоуты, и, ощутив, как неопишемое мягкое сопротивление прошло сквозь остов корабля, выключил двигатели. «Мироэт» лег на дно, удобно устроившись в иле.

Выключив внутреннее поле тяготения, Хейм обнаружил, что палуба заняла наклонное положение.

Сердце его ушло в пятки, но он только сказал:

— Давайте выбираться на берег.

Даже при 0.7 g попытка добраться до шлюза аварийного выхода, не упав при этом, была бы смехотворной.

Когда все четверо, связав одежду в узел и повесив его на шею, были готовы к выходу, Хейм задрал внутреннюю дверь и открыл наружную. Вода, холодная, как лед, хлынула внутрь. Хейм оттолкнулся от корабля по направлению к поверхности и поплыл как можно быстрее к берегу. Лунный свет блестел на ружьях людей, стоявших там в ожидании.

ГЛАВА 4

Палатка была довольно большая. А деревья, окружающие ее, еще выше. Их красновато-коричневые стволы завершались словно бы фонтаном из веток, листья которых образовали сплошной свод, закрывавший павильон и отбрасывавший на него холодноватые тени. Листва здесь имела тот зеленовато-золотистый оттенок, который был характерен для местной растительности и благодаря которому земля Гаранс и получила свое название. Но на ветру листва шелестела точно так же, как и на Земле. При очередном порыве ветра, когда в зеленом шатре образовались прорехи, Хейму удалось увидеть лежащее внизу озеро. Оно как-то тревожно блистало, вся его поверхность, насколько хватало глаз. То тут, то там виднелись покрытые лесом острова, и, не считая их, единственной сушей, видимой в этом направлении, была Сьерра, увенчанная белой короной. Кажущиеся издали голубыми, снежные вершины создавали своеобразный узор на фоне темно-синего неба.

С восхода Авроры прошло еще не так много времени. Восточные

горы по-прежнему были в тени, а западные лишь слегка окрасились в нежный оранжевый цвет. В таком состоянии они должны были побыть еще некоторое время. Для совершения одного оборота Новой Европе требуется более семидесяти пяти часов. Здешнее солнце не особенно отличалось от земного: на глаз яркое, причем цвет более близок к оранжевому, чем к желтому. Как-то на рассвете Хейм обнаружил Вадажа, всего покрытого росой, наблюдавшего за игрой света в тумане, клубившемся над озером. Венгр был не в состоянии вымолвить ни единого слова.

Это время было уже в прошлом, как и тот час, когда полковник Роберт де Виньи, в прошлом начальник планетарной полиции, а теперь некоронованный король маки, вернулся в штаб. Впрочем, вместо короны у него был берет. Вернулся он не из налета, а из экспедиции, предпринятой с целью найти несколько техников и организовать их переброску в «сторожку Равиньяк», где требовал ремонта главный гидроэлектрический генератор. Из такой вот незаметной скромной работы и складывалось великое дело выживания новоевропейцев. В прошлом было уже первое ликование воссоединения с Иррибарном, который считался пропавшим без вести, с Вадажем, отсутствовавшим в течение года, и с Хеймом, который последний раз побывал здесь целую вечность назад.

Де Виньи сказал что-то по-французски и сел за свой стол. Вадаж нашел стул, сел, низко пригнувшись, и уставился на собственные ботинки.

— Расскажи ему, Джин, — наконец пробормотал он. — Мой французский совсем выветрился за столь долгое отсутствие.

Де Виньи сжался, словно в ожидании удара. Он был сед и не слишком высок, но спина у него была прямая, как струна, а лицо могло бы принадлежать жителю Трои.

— Продолжайте, — сказал он по-французски совершенно бесцветным голосом. Баски с нетерпением ждали.

— Рассказывайте, — снова предложил де Виньи, но Иррибарн, казалось, не знал, с чего начать, столько накопилось разных новостей.

Когда он закончил свой рассказ, полковник по-прежнему хранил внешнее спокойствие. Только одна рука тихонько барабанила по столу.

— Итак, — сказал он совершенно спокойно, — Земля предала нас.

— Не вся Земля! — воскликнул Вадаж.

— Не вся, это верно, ведь вы же здесь, — маска постепенно исчезла с лица де Виньи, обнажив туго натянутые мускулы рта, две глубокие складки по обе стороны от седых щетинистых усов и пульсирующую жилку на шее. — И, насколько я понимаю, вы здорово рискуете. В чем состоит ваш план, капитан Хейм?

Теперь найти слова было гораздо проще. Хейм говорил по-английски, которым де Виньи владел в достаточной мере.

— Как я уже объяснил лейтенанту Иррибарну, Землю необходи-

мо убедить в двух вещах. Во-первых, что ваши люди живы, а во-вторых, что вы не согласитесь ни на какое примирение, если это будет сделано нечестно и будет стоить вам ваших домов. Что ж, те из ваших людей, которые сейчас находятся в космосе, на борту моего корабля, могли бы стать решающим доказательством первого пункта. Однако людям свойственно прихвастнуть и преувеличить, когда разговор зайдет о предполагаемой борьбе, в которой они могли бы участвовать, поэтому, объяви они о своем решении, о котором сказано в пункте два, их заявление просто-напросто могли бы оставить без внимания.

— И правильно бы сделали, — заметил де Виньи. — История знает немало примеров того, когда нации, объявившие, что будут сражаться до последнего человека, не выполняли свои клятвы. Тем более никогда не возникало вопроса о том, чтобы сражаться до последней женщины или до последнего ребенка. Если Земля в ближайшее время не придет нам на помощь, я, вне всякого сомнения, попытаюсь спасти людей, заключив с алеронами любую сделку, какую они только пожелают.

— Я как раз подхожу к этому, — сказал Хейм. — Если мы сумеем отправить на Землю часть ваших женщин и детей, для среднего землянина это прояснит все дело в целом как нельзя лучше. Они станут могущественной поддержкой той фракции, которая стремится именно к победе. Есть три способа воздействия на умы: старая банальная слезная мольба; живое доказательство того, что сопротивление алеронам вовсе не обязательно влечет за собой фатальное бедствие; и... право, женщина, заявляющая, что ее народ не желает сдаваться, обладает гораздо большей способностью к убеждению, нежели мужчина. Баланс мнений на Земле, на мой взгляд, весьма шаток. Возможно, одного только их появления будет достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

— В о з м о ж н о. Вы оперируете гипотезами, мсье капитан. Я же вынужден иметь дело с печальной действительностью, которая состоит в том, что все мы будем больны.

— Ну, а если они сообщат также, что вам ничего не грозит... что тогда?

Де Виньи сжал кулаки:

— Что вы предлагаете?

— Достать для вас необходимые витамины. Послушайте, разве неправда, что алероны испытывают немало затруднений в работе с вашими механизмами? И неужели вы не усугубили все это своими руками?

— Да. Но это вряд ли имеет значение, поскольку они разрываются сейчас на части, чтобы поскорее закончить космические укрепления, а я вообще выбил их из графика так, что они, надеюсь, еще не скоро очухаются. Мне кажется, если бы вы предложили оставить их в покое, а может быть, даже послали к ним несколько техников, они пошли бы на обмен. Дали бы вам нужные пилюли. Разумеется, вам бы пришлось прежде убедиться в том, что это

капсулы именно с витамином С, но это, должно быть, нетрудно будет сделать.

— Что? — вскипел Иррибарн. — Пойти на сделку с врагом?

— На войне это случается не так уж редко. — Де Виньи поскреб подбородок. — Честно говоря, именно такие условия я и собираюсь поставить в случае, если мы дойдем до полного отчаяния. Они поймут, что мы стараемся выиграть время в надежде на помощь с Земли. Но если они не в курсе того, что эта помощь в конце концов все же может прийти... Да. Почему бы им не использовать наиболее легкий способ избавиться от наших нападений? Они посчитают, что разобраться с нами можно будет и попозже... Разумеется, они могут потребовать безоговорочной капитуляции, настаивая на том, чтобы мы спустились в долины, где бы нас окружили и согнали в какой-нибудь загон.

— Если они этого потребуют, — сказал Хейм, — я думаю, мы могли бы попробовать захватить припасы, хранящиеся в пакгаузах, или даже промышленное оборудование. В совместной операции ваших бойцов и моего корабля. Или, если это вам кажется совсем уж невероятным... — он проглотил горечь. — Мы можем выложить такой козырь как мое обещание возвратиться домой.

— Око за око, — вздохнул де Виньи. — Это, разумеется, их бы устроило. Но давайте сначала попробуем сделать первое предложение, за которое не пришлось бы платить столь дорогой выкуп. Сделаем вид, что мы не имеем с вами никакой связи, а ваш корабль будем пока держать в резерве.

— О, кроме того, мы ведь должны еще отправить отсюда эвакуируемых, а для этого необходима внезапность.

Де Виньи пристально посмотрел на Хейма:

— Признаться, меня весьма удивляет ваша озабоченность судьбой сотни либо двух сотен женщин и детей. Лично я придаю им гораздо меньшее значение. Наше продолжительное пребывание здесь, как свободных людей, пожалуй, быстрее заставило бы Землю предпринять какие-то шаги. Однако... Двести спасенных есть все же двести спасенных, поэтому поступайте как хотите. Но как вы намереваетесь вывести эту неуклюжую посудину, перегруженную людьми, на предел Маха?

— «Лис» сделает сопроводительный рейс, стоит лишь дать ему сигнал.

— Что? Значит, он так близко, и его до сих пор не заметили? Что за чертовщина? И как вы устраиваете с ними лазерный контакт, если радары алеронов не могут его обнаружить?

— Мой инженер сейчас как раз объясняет вашим техникам всю эту систему. Давайте пока вернемся к тактическим вопросам. Отвлечение на технические детали заняло бы слишком много времени. Один хорошо вооруженный корабль, атакующий внезапно, способен создать такой бедлам, что чертям будет тошно. Как только «Мироэт» окажется в космосе, «Лис» будет сопровождать его до тех пор, пока он не выйдет на рубеж Мах-ускорения. Согласно всей

имеющейся у нас информации, выдаваемой приборами, захваченной в числе прочего документации, радиоперехватам, а также полученной одним парнем, который — дай ему срок — способен разобраться в любом языке, так вот, согласно этой информации, большая часть вражеского флота сейчас занята охотой на «Лиса» в системе Авроры и за ее пределами. Поэтому мы должны успеть уйти из опасной зоны прежде, чем они узнают, куда подтянуть силы, которые смогут противостоять «Лису».

Полковник нахмурился:

— На мой взгляд, вы жонглируете слишком многими неизвестными.

— На мой — тоже, — сухо сказал Хейм. — Но один способ прояснить некоторые из них очевиден. Позвольте мне отправиться вместе с вашей делегацией к алеронам. Они примут меня за одного из колонистов. Но я их знаю достаточно хорошо. Да это и не удивительно, столько лет мы с ними деремся. К тому же, как у любого профессионального астронавта, глаз у меня наметанный, чего они, конечно, ожидать не будут. Андре тоже должен пойти. Как поэт, он очень быстро схватывает суть психологии инопланетян. Между нами говоря, мы могли бы помочь вам не только совершить сделку на более выгодных условиях, но и получить немало полезной информации, на основе которой можно будет в дальнейшем строить наши специфические планы.

— М-м-м... Ну что ж... -- с минуту де Виньи напряженно думал, потом вдруг сказал: — Так и быть. Время дорого, так что не будем его терять. Итак, насколько я понял, план нашей деятельности выглядит следующим образом. Мы немедленно начинаем подготовку к эвакуации. В течение нескольких дней люди, выбранные для этой цели, будут доставлены сюда по одному или двое. Мы должны также собрать необходимый запас провианта, причем сделать это необходимо незаметно. Но мои люди смогут доставлять груз из леса к одной из ваших шлюзовых камер под водой, так что сверху ничего видно не будет.

Тем временем я устанавливаю радиокontakt с алеронами и прошу у них согласия на переговоры. Они, без сомнения, согласятся, тем более, что их новый шеф по операциям военного флота, согласно донесениям, кажется весьма любезным малым. Я думаю, что они будут готовы принять наших представителей уже завтра.

Если мы сможем достичь соглашения, предложив прекращение партизанской войны и, возможно, оказание технической помощи в обмен на витамины, — хорошо. Начнется реальное воплощение этого договора или нет — делегация возвращается сюда.

Потом ваш корабль атакует, чтобы дать возможность транспорту благополучно взлететь.

Затем, если нас снабдят витаминами, вы продолжаете свою игру в космосе сколько возможно. Если же нет и если нам не удастся похитить их, я вновь даю вызов по радио и предлагаю ваш выход из

игры в обмен на нужные нам витамины. На это-то они согласятся как пить дать.

В результате, большой или малой ценой, мы выиграем время, в течение которого, будем надеяться, Земля придет нам на помощь. Так?

Хейм кивнул и вытащил трубку.

— Идея именно такова, — сказал он.

Де Виньи расширил ноздри:

— Табак? Мы о нем уже почти забыли.

Хейм усмехнулся и бросил кисет на стол. Де Виньи позвонил в маленький колокольчик. У входа возник адъютант, рука поднята в приветствии.

— Найди мне трубку, — сказал он. — И, если капитан не возражает, можешь захватить одну для себя.

— Будет исполнено, мой полковник! — адъютант исчез.

— Ну что же, — де Виньи слегка расслабился. — Униженно благодарить не в моих правилах. Что может Новая Европа сделать для вас?

Хейм заметил полунасмешливый, полусочувственный взгляд Вадажа, покраснел и ответил, запинаясь:

— У меня есть на этой планете давний друг, который сейчас состоит в родстве с Джином Иррибарном. Это жена его брата. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы она и ее семья были в числе эвакуированных.

— Пьер не захочет улетать, если другие мужчины останутся, — мягко заметил баск.

— Но они, безусловно, придут сюда, если вы хотите, — продолжил де Виньи. Он вновь позвонил, вызвав другого адъютанта.

— Лейтенант, почему бы вам не отправиться вместе с майором Леграном в моем флайере? Его аппаратура позволяет связаться с любым уголком Оут Гаранса. Если вы сообщите оператору, где находятся ваш брат и его семья...

Когда с этим было покончено, он сказал, обращаясь к Хейму и Вадажу:

— Сегодня у меня дел будет хоть отбавляй, это ясно как божий день. Однако давайте отдохнем до ленча. Нам есть что рассказать друг другу.

Сказано — сделано.

К тому времени, когда пришла пора расставаться, Хейм и Вадаж были с полковником на короткой ноге. Уже совсем стемнело. Хотя в лагере вокруг озера было немало людей, их укрытия, разбросанные в разных местах и тщательно замаскированные, невозможно было заметить постороннему глазу. Вся деятельность тоже осуществлялась очень скрытно. Время от времени мимо пролетал флайер, вскоре терявшийся между стволами деревьев под лиственной крышей. В нескольких местах были установлены небольшие радары, на случай маловероятного появления алеронского судна. Инженеры не могли

доставить на корабль грузовой тубус до наступления ночи, разве что над озером повиснет туман, что случилось здесь нередко, и послужит надежным прикрытием. В одеянии, подходящем для этого момента, люди, чтобы скоротать время, рассказывали друг другу анекдоты, играли в карты, занимались мелкими хозяйственными делами. Всем хотелось поговорить с землянами, но те вскоре устали повторять одно и то же. Кроме того, начала сказываться и физическая усталость. Они уже были на ногах добрых восемнадцать часов.

Вадаж зевнул.

— Пошли в палатку, — предложил он. — У этой планеты очень неудобный период вращения. Приходится проводить во сне треть дневного времени и бодрствовать две трети ночного.

— Что ж, — отозвался Хейм. — Иначе она была бы непригодна для освоения.

— Как? Это еще почему?

— А ты не знаешь? Ну, слушай. Масса Новой Европы составляет лишь половину массы Земли и получает всего около восьми процентов солнечной радиации. Воздух давным-давно исчез бы здесь, если б не то обстоятельство, что потери атмосферы происходят, главным образом, вследствие взаимодействия магнитного поля с солнечным ветром. Даже звезда класса D5, такая, как Аврора, выбрасывает в пространство весьма немалое количество излучений. Но медленное вращение означает слабое магнитное поле.

— Стало быть, и за это мы должны благодарить Провидение, — задумавшись, сказал венгр.

— Хм! — фыркнул Хейм. — Тогда мы должны винить Провидение в том, что Венера удерживает слишком много атмосферы. Это просто вопрос физики. Чем меньше планета и чем ближе она к своему солнцу, тем меньше разница углового механического момента между внутренним и внешним сектором пылевого облака, из которого она образовалась. И, как следствие, тем медленнее вращение.

Вадаж хлопнул его по плечу:

— Не завидую я твоим философским способностям, мой друг. Господь милостив. Но нас подстерегает смертельная опасность: превратиться в педантов. Давай-ка вернемся к себе в палатку. Там у меня есть бутылка бренди, и...

Они уже подходили к палатке, пересекая луг, усыпанный огненными цветами, когда из-за деревьев выступил Джин Иррибарн.

— А, — воскликнул он. — Вот вы где. А я вас искал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Хейм.

Лейтенант сиял.

— Ваши друзья здесь, — он повернулся и позвал: — Э-эй!

Они вышли на открытое место, все шестеро. Кровь прилила к сердцу Хейма и отхлынула вновь. Облитые солнечным светом сумерки вихрем закрутились вокруг него.

Она робко приблизилась к нему. Походную одежду, выцветшую и бесформенную, сегодня сменило платье, захваченное в числе

прочего в лес и каким-то чудом сохранившееся. Легкое и белос, оно трепетало на ветру вокруг ее длинноногой стройной фигурки. Аврора обесцветила ее аккуратно заплетенные каштановые волосы, сделав их светлее кожи. Но они все-таки блестели, и одна прядь, выбившаяся над высоким лбом, мягко шевелилась на ветру, как живая. На Хейма смотрели глаза цвета фиалки.

— Мэдилон, — хрипло прокаркал он.

— Гуннар! — женщина взяла его за обе руки. — Мы так давно не виделись. Здравствуй.

Она говорила по-французски, но Хейм понимал ее.

— Я... — у него перехватило дыхание. Он расправил плечи. — Я был поражен, — с трудом говорил он, выдавливая из себя слова. — Твоя дочь так похожа на тебя.

— Прошу прощения? — Женщина не уловила смысла фразы, произнесенной на английском языке, от которого давно отвыкла.

Ее муж, копия Джина, но только в более старшем и мощном исполнении, перевел, пожимая руку Хейму. Мэдилон рассмеялась и что-то сказала дочери по-французски, из чего Хейм понял лишь последние слова:

— ...мой старый добрый друг Гуннар Хейм.

— Очень рада, мсье, — сказала Даниель Иррибарн.

Ее было едва слышно сквозь шум ветра, шелестевшего листвою и заставлявшего свет и тень исполнять замысловатые танцы. Пальцы девушки, маленькие и холодные, быстро выскользнули из руки Хейма.

Он несколько рассеянно ответил на приветствия подростков Джеквеса, Сесиль и Айвза. Мэдилон много говорила — в основном дружеские банальности, — а братья Иррибарны выполняли роль переводчиков. Все это время Хейм стоял и молчал. Попрощавшись и пообещав организовать настоящую встречу после сна, Мэдилон улыбнулась ему.

Хейм и Вадаж долго смотрели им вслед, прежде чем пройти к себе. Когда их поглотил лес, менестрель принялся насвистывать.

— Так, значит, это и есть образ твоей бывшей возлюбленной, та девушка? — спросил он.

— Более или менее, — ответил Хейм, вряд ли осознавая, что отвечает не себе, а кому-то другому. — Мне кажется, есть отличия. Память иногда проделывает с нами подобные шутки.

— Тем не менее и дураку было бы понятно, что ты имел в виду, когда... Прости меня, Гуннар, но позволь, я дам тебе совет: будь осторожен. Слишком много лет пролегло между вами и очень легко о них запнуться.

— Боже правый! — злобно взорвался Хейм. — За кого ты меня принимаешь. Я просто был ошарашен, ничего больше.

— Ну, если ты так уверен... Видишь ли, мне не хотелось бы...

— Заткнись. Давай лучше поищем твое бренди.

Хейм устремился вперед семимильными шагами.

ГЛАВА 5

День незаметно клонился к вечеру. Но жизнь по-прежнему бурлила в лагере на берегу озера, напоминая о том, что время было военное. На закате Хейм обнаружил, что они с Даниель сидят на мысу вдвоем.

Теперь у него не было прежней уверенности. Вслед за первой встречей состоялся «пир», настолько праздничный, насколько это было возможно, под навесом, сооруженным по соседству с флайером Иррибарна. Шампанское, которое Хейм предусмотрительно захватил на борт «Мироэт», лилось рекой, утопив в себе натянутость и неловкость первой встречи. Растянувшись на траве, все слушали, а многие и подпевали гитаре Вадажа. Но Хейм и Мэдилон держались несколько в стороне, пытаясь завести разговор, а ее старшая дочь молча сидела рядом.

О прошлом говорить, в принципе, было нечего. Хейм о нем не жалел, да и Мэдилон, как ему показалось, тоже. Встретившись сейчас вот так, они увидели, насколько далеко разошлись их пути; теперь лишь взгляд, улыбка, короткая усмешка могли преодолеть разделявшее их расстояние.

«Она в высшей степени достойный человек, — думал Хейм, — но она не Конни и даже не Джосселин. А я, если на то пошло, не Пьер».

Поэтому они ограничились лишь тем, что рассказали друг другу о том, как жили все это время. Ее жизнь была вполне тихой и спокойной, пока не пришли алероны. Пьер, инженер по профессии, занимался строительством плотин и электростанций, а она воспитывала детей. Потом настала очередь Хейма рассказать о себе, и незаметно для себя он начал приукрашивать факты своей биографии самым старательным образом. Получилось это естественно и непринужденно.

То и дело он ловил себя на том, что украдкой смотрит на Даниель.

Именно с этого момента в голове Хейма начиналась путаница. Он помнил, как компания начала понемногу распадаться. Лично он не хотел спать, хотя вино и шумело в голове, но тело требовало разминки. Он сказал что-то насчет того, чтобы пройтись. Пригласил ли он девушку пойти с ним, или же она сама попросилась, или Мэдилон, рассмеявшись своим грудным смехом, отослала их вместе, пошутив насчет того, что ему нужен гид? Говорили все, но отчасти из-за своего слабого французского, отчасти из-за шума в голове он не помнил точно, что именно кто говорил. Единственное, что он помнил точно, это что Мэдилон слегка толкнула их в сторону, где лес был особенно густым: его одной рукой, ее — другой.

Некоторое время до них еще доносилась песня Вадажа, но когда они вышли на берег озера, вокруг раздавался только плеск воды, шелест листьев и похожее на флейту пение какой-то птицы. Аврора садилась за западный горизонт на фоне огненно-золотистого скопления облаков. Длинные светлые тени протянулись от солнца к ним, словно расплавленные мосты над водой. Но на востоке уже

клубился туман, наступавший неторопливо, как и закат: топазовая стена, верхушка которой вздымалась знаменами цвета одуванчиков в небо, все еще по-дневному была светлой. Кожу слегка охлаждал ветерок.

Хейм заметил, что девушка обхватила себя руками.

— Вам холодно, мадемуазель? — спросил он по-французски, ужасно страшаясь мысли, что им придется вернуться. Даниель улыбнулась ему, прежде чем он успел снять с себя пиджак, вероятно, ее рассмешило его произношение. Хейм накинул пиджак ей на плечи. При этом его рука слегка коснулась ее шеи, он почувствовал, как напряглись ее мышцы, и поспешил отдернуть руку.

— Спасибо, — ее голос был слишком тонок для английского или норвежского, а поэтому родной язык в ее устах звучал как песня. — Но как же вы сами?

— Ничего. Все в порядке. (Проклятье! Имеет ли фраза «все в порядке» то значение, которое он хотел выразить?) Я... — он мучительно подыскивал слова. — Слишком стар и... (как это?) ...Слишком стар и слишком волосат, чтобы чувствовать холод.

— Вы не старый, мсье, — серьезно сказала она.

— Ха! — он сунул руки в карманы брюк. — А вам сколько лет? Девятнадцать? У меня есть дочь, которая... которую... она... у меня есть дочь, всего на несколько лет младше вас.

— Что ж... — она взяла себя за подбородок. Хейм подумал, как изящен овал ее лица, переходящий в нежный рот с чуть припухшими губами, и как зазорно торчит вверх ее вздернутый носик, на котором кое-где проступают веснушки. — Я знаю, что вы ровесник моей матери. Но вы выглядите моложе, а то, что вы сделали, было бы под силу далеко не каждому.

— Благодарю, благодарю. Пустяки.

— Мама была так взволнована, когда услышала о вас, — продолжала Даниель. — Мне кажется, папа даже слегка приревновал. Но теперь он полюбил вас.

— Твой отец — хороший человек.

Убогость собственного словарного запаса приводила Хейма в бешенство. «Что это за разговор, когда ты не можешь произнести ни одной фразы, выходящей за рамки школьной программы для первого класса?»

— Могу я вам задать один вопрос, мсье?

— Задавай какой угодно.

Непокорная прядь волос выбилась из ее прически.

— Я слышала, что мы — те, которые отправятся на Землю, — делаем это для того, чтобы просить помощи. Вы действительно считаете, что наша просьба будет иметь такое большое значение?

— Ну, э... видишь ли, нам необходимо было прилететь сюда. То есть мы теперь установили связь между вашими людьми и моими в космосе. А заодно мы сможем захватить отсюда часть людей.

Между бровями Даниель появилась озабоченная морщинка.

— Но я слышала разговор о том, насколько сложно было посадить такой большой корабль незаметно. Разве не лучше было бы воспользоваться каким-нибудь кораблем поменьше?

— Вы очень умны, мадемуазель, но...

Прежде чем он смог сконструировать фразу-прикрытие, она прикоснулась к его руке (как легко!) и сказала:

— Вы прилетели, рискуя жизнью, ради мамы. Разве не так?

— М-м-м... ну конечно, я думал о ней. Мы старые друзья.

Даниель улыбнулась:

— Старые возлюбленные, как я слышала. Не все еще рыцари перевелись, капитан. Сегодня я сидела возле вас, вместо того чтобы петь с другими, потому что вы так красиво смотрелись.

Сердце его подпрыгнуло, но затем он понял, что «вы» означало местоимение второго лица множественного числа. Он от всей души надеялся, что свет закатного солнца сделал незаметным краску, покрывшую его лицо.

— Мадемуазель, — сказал он, — ваша мать и я — друзья. Только друзья.

— О, конечно. Я понимаю. И все же это было так мило с вашей стороны, все, что вы для нас сделали. — Над его головой зажглась вечерняя звезда. — А теперь вы отвезете нас на Землю. Я мечтала об этом путешествии с самого детства.

Появилась превосходная возможность сказать, что скорее Земля должна бы сесть на задние лапки и просить ее о чем-то, а не наоборот. Но Хейм лишь неповоротливой глыбой возвышался над ней, пытаясь найти способ выразить это как-нибудь поэтичнее. Даниель вздохнула и отвернулась.

— Ваши люди тоже рыцари, — сказала она. — У них не было даже такой причины, как ваша, чтобы сражаться на Новой Европе. Кроме, может быть, мсье Вадажа.

— Нет, у Вадажа здесь никого нет, — ответил Хейм. — Он трубадур.

— Он так чудесно поет, — пробормотала Даниель. — Я слушала с удовольствием. Он венгр?

— По рождению. Сейчас у него нет дома.

«Андре, ты славный парень, но что-то мы говорим о тебе чересчур много», — подумал Хейм, а вслух продолжал:

— Когда вы прибудете на Землю, ты и твоя семья, пользуйтесь моим домом. Я приеду, когда смогу, и возьму вас в свой корабль.

Даниель захлопала в ладоши.

— О, чудесно! — весело щебетала она. — Ваша дочь и я, мы станем хорошими подругами. А потом, путешествие на боевом корабле... Какие победные песни мы будем распевать, возвращаясь домой!

— Ну... так... возвращаемся назад в лагерь? Скоро стемнеет.

В подобных обстоятельствах лучше всего проявить себя настоящим джентльменом, насколько это возможно.

Даниель закуталась в пиджак:

— Да, если хотите.

Хейм не был уверен, что она сказала с неохотой. Но поскольку она сразу же пошла, он не стал больше ничего говорить, и по дороге они обменялись лишь несколькими фразами.

Пикник и в самом деле подходил к концу. Хейм и Даниель вернулись как раз в тот момент, когда все уже желали друг другу доброй ночи. Когда девушка возвращала ему пиджак, Хейм отважился легонько сжать ей руку. Вадаж галантно поцеловал эту руку, напомнив придворного кавалера времен какого-нибудь Людовика.

Когда они возвращались к себе в голубых сумерках, наполненных шелестом листвы, менестрель сказал:

— Ах, ты все же счастливчик.

— О чем ты? — изумился Хейм.

— Покорить такую очаровательную девушку! О чем же еще.

— Ради Бога! — прорычал Хейм. — Нам просто хотелось немного размять ноги. Я пока еще не дошел до того, чтобы выкрадывать младенцев из колыбели.

— Не такой уж она младенец... Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Гуннар? Нет, постой, не стирай меня в порошок. Во всяком случае, не в очень мелкий. Я просто хочу сказать, что мадемуазель Иррибарн очень мила. Ты не будешь возражать, если я навещу ее?

— Какого черта я должен возражать? — огрызнулся обозленный Хейм. — Но запомни, что она дочь моего друга, а эти колониальные французы сохранили средневековые представления о нравственности и приличиях. Ты меня понял?

— Безусловно. Можно к этому больше не возвращаться.

Весь остаток пути Вадаж весело насвистывал, а забравшись в свой спальный мешок, тотчас безмятежно захрапел. Хейм же еще долго мучился, перед тем как заснуть.

Может быть, именно поэтому он поздно проснулся и обнаружил, что в палатке никого больше нет. Вероятно, Диего помогал саперам де Виньи, а Андре куда-то ушел.

Для партизан было нецелесообразно устанавливать постоянные часы приема пищи, и, судя по походной плитке, светившейся тусклым светом, завтрак был уже приготовлен. Хейм сварил себе кофе, разогрел кусок дичи и отрезал ломоть хлеба, испеченного в традициях старой, истинно французской кухни и не годившегося для нежных желудков. Потом он умылся, сбрил щетину, накинул кое-какую одежду и вышел наружу.

«Очевидно, для меня нет пока никаких сообщений, — подумал Хейм. — А если поступят, то мне передадут. Что-то тревожно на душе. Не искупаться ли?»

Он взял полотенце и пошел к озеру.

Диана была уже высоко. Свет, проникавший сквозь листву, превращался в колеблющийся сумбур черного и белого, среди

которого одиноко качался луч его фонаря. Воздух нагрелся, и туман рассеялся. Хейм слышал типичные для местного леса звуки: посвистывание, чирикание, кваканье, хлопанье, — и все же они чем-то отличались от земных. Когда он вышел на берег, озеро показалось ему сверкающим соболиным мехом, каждая «воронка» — маленькая волна — переливалась в лунном свете. Седые снежные вершины величаво возносились к бесчисленным звездным россыпям. Хейм вспомнил, как однажды на Строне он пытался разглядеть Аврору; теперь это не составляло труда, поскольку в здешнем небе она пылала огромной яркой звездой. Его триумф, состоявшийся приблизительно тогда, когда Даниэль еще только родилась...

Хейм разделся, оставил фонарь зажженным, чтобы не искать потом одежду, и зашел в воду. Она была холодная, но Хейму понадобилось меньше, чем обычно, волевого усилия, чтобы заставить себя целиком погрузиться в воду. Некоторое время он просто плескался, согреваясь, потом поплыл длинными спокойными взмахами. Лунный свет рябил на поверхности дорожки, остающейся позади него на воде. Легкий теплый ветерок ласкал его кожу, как пальцы девушки.

«Кажется, дела идут на лад, — подумал Хейм со все нараставшим удовлетворением. — У нас действительно есть неплохой шанс спасти эту планету. И если взамен, в числе прочего, я должен буду прервать свою пиратскую карьеру, что ж, зато я вернусь на Землю».

Звучала ли это мелодия внутри него, или какая-то птица запела в своем гнезде?

Нет. Птицы не играют на двенадцати струнах. Хейм улыбнулся и, поплыв вперед, старался двигаться как можно более бесшумно. Для надпочечников Андре будет очень полезно, если сзади его схватит холодная влажная рука, а чей-то голос завопит: «Бу-у-у».

Песня становилась все слышнее. На сей раз менестрель пел на немецком языке о прекрасной Розалин.

Когда песня закончилась, Хейм увидел сидевшего на бревнах Вадажа, темный силуэт которого вырисовывался на фоне неба. Он был не один.

Ясно различимый в ночной тишине, прозвучал голос девушки, вторившей певцу по-французски.

Вадаж рассмеялся, и они стали разговаривать. Из всего диалога Хейм уловил только, что речь шла о Гете, о красоте природы, о песнях...

Даниэль зябко повела плечами, и Вадаж, подняв с земли плащ, набросил его на них обоих, снова прошептав что-то по-французски, на что девушка, словно бы колеблясь, ответила:

— Да, но мои родители...

— Пф-ф! — фыркнул Вадаж и опять что-то затараторил.

Даниэль весело хихикнула.

— ...песню о любви, — разобрал Хейм последние слова Вадажа, прежде чем тот мягко тронул струны, и чарующие звуки музыки

слились с окружающим миром, превратились в неотъемлемую часть ночи, леса и воды. Голос певца вплетался в этот чудесный венок, делая его еще прекраснее. Даниель вздохнула и еще теснее прижалась к своему спутнику.

Хейм поплыл назад.

«Нет, — повторял он себе снова и снова. — Нет. Нельзя винить Андре в предательстве. Он ведь спрашивал моего разрешения».

Однако непонятная обида, сдавившая его горло, не проходила. Хейм больше не старался двигаться без шума, а рассекал воду с силой настоящего парохода.

«Он молод. А я гожусь ей в отцы. Но я упустил свой шанс. Я думал, все вернулось назад. Нет. Я был смешон. О, Конни, Конни!»

«Богом клянусь, — в ярости Хейм начал думать на языке своего детства. — Если он что-нибудь сделает... Я еще не слишком стар, чтобы свернуть шею такому вот шустряку».

«Однако какое мне до всего этого дело, черт побери!»

Он с шумом устремился из воды на берег и едва не содрал с себя кожу, яростно растираясь полотенцем. Натянув одежду, он, спотыкаясь, пошел через лес. В палатке еще осталась не совсем пустая бутылка.

Возле палатки его ждал какой-то человек. Хейм узнал одного из адъютантов де Виньи.

— Итак?

Офицер быстрым взмахом руки отдал честь:

— У меня есть сообщение для вас. Мсье полковник установил контакт с врагом. Они ждут делегацию в Бон Шанс, как только наступит рассвет.

— О'кей, доброй ночи.

— Но, мсье...

— Я знаю, нам нужно посоветоваться. Что ж, я приду, когда смогу. Времени у нас достаточно. Впереди целая ночь.

Хейм прошмыгнул мимо адъютанта в палатку и опустился на кровать, прикрыв полог, закрывавший вход.

ГЛАВА 6

Внизу, широкая и плодородная, простиралась долина Карсака. Можно было разглядеть фермы со службами, деревни, иногда — фабрику, окруженную садами. Но нигде ни одного человека. Земля была безлюдна, стада бродили сами по себе, поля заросли сорняками. Среди них струилась река, металлически поблескивая в лучах раннего солнца.

Выглянув из окна флайера, Хейм увидел эскорт, четыре алеронских военных аппарата. Затейливый, выполненный яркими веселыми красками рисунок на них не смягчал их очертаний, напоминавших баррикаду.

На безоружных новоевропейцев была нацелена по меньшей мере дюжина орудий.

«Из делегатов мы за полсекунды можем превратиться в пленников», — подумал Хейм, доставая трубку.

— Пardon, — подполковник Чарльз Наварра, возглавлявший группу парламентаров из восьми человек, слегка похлопал его по плечу. — Лучше спрячьте это, мсье. У нас в отряде маки давно не видели табака.

— Проклятье! Вы правы. Извините. — Хейм поднялся и сунул трубку в «бардачок».

— Они, кстати, не дураки, — Наварра придирчиво оглядел великана. — Может быть, с вами еще что-нибудь не так, капитан Альфонс Лафайет?

— Нет. Все остальное в порядке, — ответил Хейм по-английски. — Но давайте сойдем вниз последними. Вполне очевидно, что моя форма подобрана наспех, но для партизана это естественно. Я не похож на типичного колониста, но они, возможно, этого не заметят, а если и заметят, то это их не удивит.

— Что вы имеете в виду? — спросил другой офицер.

— Разве вы не знаете? — ответил Хейм. — У алеронов со временем вырабатывается стандартизированный тип индивидуума. С их точки зрения, все люди настолько разные, что отличия в размерах и цвете не имеют никакого значения. Кроме того, они не настолько хорошо знают французский, чтобы заметить мой акцент, тем более, что я постараюсь в основном держать язык за зубами. Последнее, думаю, нетрудно будет сделать, поскольку я принимаю участие в данной экспедиции лишь в надежде добыть некоторые разведывательные данные.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Наварра. — Но будьте при этом крайне осторожны.

Он наклонился к Вадажу, сидевшему сзади.

— И вы тоже, лейтенант Гастон Жерар.

— Напротив, — возразил менестрель. — Мне нужно как можно больше болтать и придуриваться, и, возможно, привести их в некоторое раздражение. По-другому невозможно исследовать внутренний мир инопланетян. Но вы не бойтесь. Все это продумано. Я всего лишь младший офицер, не заслуживающий особого внимания, а следовательно, и особого обращения со мной. — Он испытующе улыбнулся, глядя на Хейма. — Ты ведь можешь поручиться, что роль никчемного человека всегда прекрасно мне удастся, а, Гуннар?

Хейм что-то проворчал в ответ. Боль и удивление скользнули по лицу венгра. Когда его друг в первый раз обошелся с ним очень холодно, Вадаж приписал это приступу меланхолии. Теперь, когда он убедился в том, что неприязнь Хейма не прошла, у него не было возможности спросить у своего капитана в этой тесной, заполненной шумом кабине, что случилось.

Хейм почти в точности прочел мысли Вадажа. Вздохнув, он вернулся на свое сиденье впереди.

«Я глупец, эгоист, и вообще сукин сын, — думал он. — Но я не могу забыть Даниель, этот восход с каплями росы, словно бриллиантами, на ее волосах, и тот взгляд, который она подарила ему, когда мы прощались. Разве я не больше достоин такого взгляда?»

Он был рад прервать эти размышления, почувствовав, что флайер пошел на снижение.

Через увеличительное стекло иллюминатора, прежде чем оно опустилось до линии горизонта, Хейм увидел, что Бон Шанс несколько вырос за двадцать лет. Но все же это по-прежнему был небольшой городишко, примостившийся на материковом плече, вдающемся в море, городишко с окрашенными в мягкие цвета и оштукатуренными стенами и красными черепичными крышами, с доками, забитыми разными судами, и с вездесущими деревьями. Привезенные с Земли зеленый орех и тополь росли вперемежку с золотистыми «бальфлер» и «грацис». Гавань качалась и ослепительно сверкала, предместья полыхали множеством цветов, окружая город со всех сторон — совсем как в те времена, когда он гулял здесь рука об руку с Мэдилен.

Только... дороги были засыпаны опавшими листьями, дома глядели пустыми глазницами окон, в гавани гнили брошенные лодки, покрывались ржавчиной стоящие без дела машины, обычно сидевшие на башнях грачи вымерли или улетели, и вместо них в небе кружили на тонких крыльях «фукетты», высматривая добычу. Последним детищем людей, еще продолжавшим жить, был космопорт, находившийся в двадцати километрах от города вглубь материка.

Однако по его бетонным дорожкам двигались не люди и не их транспортные средства. Космические корабли, прибывавшие сюда с грузами, были построены не земными инженерами. Фабрики, которые они обслуживали, представляли собой вытянутые наподобие сфероида купола без окон, неестественно элегантные, несмотря на то, что это были всего лишь наспех собранные стандартные строения. Конвейеры, грузовые платформы, лифты были сделаны людьми, но пульты управления этими механизмами были приспособлены к мозгам, по-иному воспринимающим числа. Поля окружали казармы, сотни строений, простиравшихся вплоть до самых гор; сверху они выглядели как бронзовые цветки с раскрытыми лепестками. Среди них высились ракеты, которые были готовы к внезапному рывку, словно акулы перед нападением. На открытых площадках теснились вспомогательные суда. Среди них был вооруженный крейсер, чье рыло торчало на уровне кафедрального креста.

«Должно быть, он относится к классу линейных крейсеров планетарной обороны, — решил Хейм. — И если он один такой, значит, другие боевые корабли отсутствуют, неся патрульную службу. Возможно, это стоит запомнить».

— Не представляю, каким образом вы сможете использовать эту

информацию, — сказал Наварра. — Единственное такое судно обеспечивает полное превосходство в космосе и в воздухе, когда ему противостоят одни флайеры. А наши флайеры даже не военные.

— Тем не менее всегда полезно знать, что именно тебя ожидает. Кстати, вы уверены, что вся их сила сосредоточена здесь?

— Да, абсолютно уверен. В этом районе находится большинство нашего промышленного оборудования. Гарнизоны есть везде, на многих шахтах и заводах, равно как и посты наблюдения. Но наши разведчики сообщили, что их можно не принимать в расчет.

— Значит, на основании того, что алероны терпеть не могут толкучки, можно приблизительно определить общую цифру — давайте подумаем, — я бы сказал, что она составляет около пятидесяти тысяч. Безусловно, число военных не превышает пятой части этого количества. Большого для защиты им просто не нужно. Квалифицированные рабочие, те, кого мы без труда назвали бы инженерами, менеджерами и т. д., способны сражаться, но не обучены этому. Однако представители низшего класса алеронского общества, составляющие его большинство, воинственны по своей природе, это воспитывалось у них поколениями. Следовательно, причиной для беспокойства нам следует считать всего десять тысяч алеронов. Сколько у вас боеприпасов и боеспособных людей?

— Мы без труда могли бы набрать сотню тысяч, но однако, их уничтожат в тот самый момент, когда они выйдут из леса.

— Я знаю. От винтовки мало проку, если ей противостоят образцы космического и воздушного оружия, — невесело ухмыльнулся Хейм.

Флайер коснулся бетонной полосы в означенном месте и остановился. Его эскорт остался в воздухе. Наварра поднялся.

— Пошли, — коротко сказал он и направился к двери.

Снаружи их ожидало двадцать алеронов класса воинов, стоящие в ряд по обе стороны от выхода: поджарые, широкогрудые, волосы, ниспадающие из-под конических шлемов, заплетены в тугие косы, лица скорее некрасивые, но очень выразительные и совершенно бесстрастные. Длинные солнечные лучи, казалось, добела раскалили их чешуйчатые одежды. Они не вытащили из-за поясов своих кривых сабель и не наставили ружей на делегатов. Они стояли как вкопанные, как неживые статуи. Их офицер выступил вперед, опустил хвост и поклонился, слегка коснувшись кончиками пальцев земли, что являлось знаком уважения. Он был выше, чем остальные, и все-таки ниже среднего роста человека.

— Добро пожаловать, — сказал Наварра нарочито медленно, чтобы офицер понял его диалект. В сравнении со струившейся, подобно флюиду, ласкавшей слух речью алерона, его голос напоминал жесткую и шероховатую наждачную бумагу. — Мы готовы немедленно приступить к переговорам.

— Тем не менее прежде вам все же следует осмотреть свои апартаменты. Мы приготовили лучшее, что могли найти неподалеку

от резиденции Властителей Интеллекта Сада Войны. — Офицер издал прямо-таки соловьюную трель, отдавая какой-то приказ. Появилось несколько рабочих низшего класса. Они не соответствовали традиционному образу алерона, сложившемуся в сознании людей. Их одетые в черное тела были слишком массивны, черты лиц чересчур грубы, волосы слишком коротки, мех почти совсем не блестел, и в них не было и частицы того врожденного неосознанного высокомерия, которое отличало высшие слои их общества. Однако в них не было и раболепия, и они вовсе не были глупы. Миллионы лет истории, единственной реальной переменной в которой было, подобное ледниковому, сползание к все более и более унифицированному обществу, привели к тому, что сами алероны приспособились к осуществлению этого предназначения.

Если офицера можно было сравнить с пантерой, его солдат — со сторожевыми собаками, то эти были огромными горячими скакунами.

Играя отведенную роль помощника, Вадаж показал алеронам багаж делегации. Когда тщательная проверка была закончена, офицер что-то просвистел, воины окружили парламентариев и повели их через поле. Шли они вовсе не маршевым шагом, однако все их движения были синхронными, словно у частей одного и того же организма. Лучи Авроры били в контактные линзы, защищавшие глаза алеронов от ее яркого света, и превращали их в рубины.

По мере того как они шли, Хейм не переставал исподтишка стрелять глазами по сторонам. Других воинов почти нигде не было видно, во всяком случае, их было не много. Должно быть, некоторые заняты делами, выполняя те таинственные ритуалы, какими были для алеронов ниже пятого класса власти общение, разговоры, спортивные игры и молитва. Остальные, вероятно, на дежурстве возле ракет или в воздушном патрулировании.

Кругом сновали рабочие и контролеры, разгружая транспортеры, перенося металл из павильона плавильни и электрооборудование с завода в другое место, где оно устанавливалось на какое-нибудь орбитальное орудие. Их машины жужжали, лязгали, грохотали. Тем не менее на взгляд, а вернее, на слух человека, тишина стояла ужасная. Ни криков, ни разговоров, ни шуток или ругательств, только время от времени мелодичная команда, негромкое звучание записанной на пленку оркестровой музыки и мягкий топот тысяч ног.

Вадаж было не узнать, он оскалил зубы в какой-то непонятной усмешке и пробормотал по-французски Наварре что-то насчет патологической серьезности алеронов.

Хейм не мог поручиться наверняка, но ему показалось, что офицер бросил на Вадажа недоумевающий взгляд.

— Помолчите! — ответил Наварра.

«Однако Вадаж, вероятно, прав, — подумал Хейм. — Юмор — это результат определенного внутреннего искажения. А для того великого единства, каким является душа алерона, это кажется невозможным, немыслимым в прямом смысле этого слова.

Кроме... Да, делегаты, посланные на Землю, особенно адмирал Синби, проявляли некоторые признаки холодного остроумия. Но они принадлежали к самому высшему классу власти. Это предполагало отличие от остальных особей их вида, которые...»

Хейм отвлекся от этих размышлений и вновь вернулся к функции наблюдателя.

Наконец они остановились возле сооружения в нескольких сотнях метров от края поля. Внешне оно ничем не отличалось от других таких же зданий с множеством изгибов, стоящих вокруг. Однако изнутри все явно было недавно убрано, стены покрыты пластиком, а на полу виднелись следы в тех местах, где прежде находились клумбы для растений. Мебель, душевая, светильники земного типа, позаимствованные из брошенных новоевропейцами домов, были расставлены с геометрической точностью, которая — как, безусловно, считали алероны — импонировала людям.

— Сюда вам будут приносить пищу и питье, — пропел офицер. — Если вам захочется куда-нибудь пойти, часовые, стоящие у дверей, вас проводят.

— Я не вижу коммуникатора, — сказал Наварра.

— Его здесь нет, дабы вы не вели секретных переговоров с обитателями леса. Ваши охранники будут передавать ваши сообщения в пределах лагеря. Теперь мы должны открыть ваши емкости для вещей и осмотреть вашу одежду.

Трудно было понять, выражал или нет этот голос оскорбление, но Хейму показалось, что нет. Офицер просто констатировал факт.

— Очень хорошо, — сплюнул Наварра. — Мы подчинимся против своей воли, и это вам еще зачтется в числе прочего после того, как Земля одержит над вами победу.

Алерон даже не потрудился ответить. Обыск был до странного небрежным.

Никакой контрабанды обнаружить не удалось, поскольку оной не было вообще. Многие колонисты удивились, когда офицер сказал:

— Если вам будет угодно, мы сейчас же отправимся на поиски Властителей Интеллекта.

Основываясь на опыте своих прежних встреч с алеронами, Хейм не был расположен к этому. Высшие чины Алерона всегда проявляли большую гибкость, чем их земные партнеры. Имея за своими плечами столь консервативную цивилизацию, они могли себе это позволить.

— А... кто они такие? — спросил Наварра, проявляя признаки колебания и не зная, на что решиться.

— Они — имбиак планетарной и космической защиты, имеющие в своем подчинении главного инженера-оператора. Кроме того, им доверены хранилища информации и советов, — ответил офицер. — Вас устраивает? И соответствует или нет этому ваше собственное официальное положение?

— Я представляю здесь констебулярное правительство Новой Европы, — сказал Наварра. — А эти люди — мои эксперты, —

совершенно беспристрастно произнес он. — Но любое соглашение между нашими двумя сторонами, если оно будет достигнуто, должно быть ратифицировано нашими вышестоящими представителями.

И вновь на женственном лице, неуместном на этом звероподобном теле, мелькнуло выражение, которое можно было принять за растерянность.

— Так вы идете? — прозвучал мелодичный вопрос.

— А почему бы и нет? — сказал Наварра. — Прошу вас, господа, возьмите с собой свои бумаги. — Щелкнув каблуками, он направился к выходу.

Хейм и Вадаж подошли к двери одновременно. Менестрель поклонился.

— Только после вас, мой дорогой Альфонс, — сказал он. Хейм поколебался, не желая вступать в игру. Но делать было нечего, этикет необходимо соблюдать. Поэтому, склонив голову в ответном поклоне, он сказал:

— После вас, мой дорогой Гастон.

Их пререкания продолжались в течение нескольких секунд.

— Это какой-то ритуал? — спросил офицер.

— Один из наиболее древних. — Вадаж выскользнул наружу бок о бок с ним.

— Никогда прежде не замечал у вашей расы такой традиции, — произнес офицер.

— Ну что ж, если позволите, я расскажу... — Вадаж пустился в пространные объяснения.

«Свое дело он делает как надо», — нехотя вынужден был признать Хейм.

Чтобы отделаться от мыслей о Вадаже, он стал смотреть прямо перед собой на здание, к которому они приближались. В отличие от остальных, оно поднималось вверх одной высокой кривой, на вершине которой виднелся символ, похожий на древнекитайскую идеограмму. Стены были бронзовые, но не гладкие, а изборозжденные множеством микроскопических канавок, отчего все здание словно бы шевелилось, изумительно переливаясь всеми цветами радуги. Теперь Хейм понял, что музыка, которую они слышали на поле космопорта, передавалась отсюда, в диапазоне, неизвестном людям.

Часовых не было видно. Своих подчиненных алероны могли не опасаться. Стена расступилась, пропуская подошедших, и вновь сомкнулась за ними.

Декомпрессионной кабины здесь не было. Должно быть, хозяевам было удобнее самим приспосабливаться к тяжелой влажной атмосфере этой планеты, возможно, они это делали с помощью допингов. Холл постепенно уходил вверх, еле освещенный тусклым светом со сводчатого потолка. Пол устилал ковер из живого пушистого и мягкого мха, стены были сплошь покрыты фосфоресцирующими лианами и цветами, медленно качавшимися в такт музыке и насквозь пропитавшими воздух своим ароматом. Люди собрались в

одну плотную группу, словно так им было спокойнее. Среди призрачного молчания и призрачных теней они проследовали в зал заседаний, сопровождаемые своими охранниками.

Зал, в который они вошли, вздымался вверх гигантскими сводами, терявшимися в темноте, и среди этой темноты по-зимнему холодно и резко сверкали искусственные звезды. Интерьер представлял собой зыбкий, колышущийся лабиринт из шпалер, кустарников и цветов. Свет исходил лишь из фонтана посередине, малиновые воды которого поднимались вверх на пять метров из чаши, вырезанной в форме открытого рта, затем снова падали вниз и наполняли каждый уголок этих джунглей своим громким плеском и бульканьем. Когда Хейм обходил вокруг фонтана, ему показалось, будто в темноте над головой прошумели крылья.

Лорды-завоеватели уже стояли в ожидании, стоя опираясь на хвосты и когтистые лапы. В общей сложности их было полдюжины. Никаких знаков отличия или звания на них не было, но свет красиво блестел на одежде из металлической сетки, на глянцевых волосах и серебристом мехе. Ангельские лица были абсолютно спокойны.

Офицер преклонил перед ними колена, а воины опустили ружья. Было пропето несколько слов. Затем охранники отступили в темноту, и люди остались одни.

Один из властителей алерснов вдруг выгнул спину и зашипел, однако почти мгновенно справился с собой. Он сделал несколько мелких шажков вперед, так, чтобы его лицо хорошо было видно, и рассмеялся низким теплым смехом.

— Итак, капитан Гуннар Хейм, — промурлыкал он по-английски. — Странно, как судьба сводит нас вместе. Вы еще не забыли Синби рю Тарсена?

ГЛАВА 7

Вселенная Хейма с такой скоростью закружилась вокруг него, что он едва отдавал себе отчет в происходящем. Красноватая мгла наполнилась трелями, это алероны переговаривались между собой. Один из них ошетинился и выкрикнул какой-то приказ охране. Синби отменил этот приказ повелительным жестом. Сквозь шум в ушах и бешеный стук сердца Хейм слышал, как адмирал пробормотал:

— Вас следовало бы уничтожить, но этого не будет. Правда, мы не можем вас освободить, и теперь вы почетные военнопленные.

За этим последовали почести, и наконец людей отвели назад, в их апартаменты. Но Хейм остался.

Синби удалил всех военных предводителей и охранников, кроме четверых. К тому времени пот, покрывавший кожу Хейма, испарился, сердце колотилось уже не так сильно, и первый приступ всепоглощающего отчаяния прошел, уступив место суровой настороженности. Он молча ждал, сложив руки на груди.

Лорд алеронов, крадучись, приблизился к фонтану, на фоне которого его силуэт выделялся словно на фоне жидкого пламени. Некоторое время он играл цветущей лианой. Единственными звуками вокруг были музыка, звуки падающей воды и невидимых парящих в вышине крыльев. Наконец Синби произнес нараспев, мягко и не глядя на человека:

— Я прибыл сюда для того, чтобы охотиться на вас, охотника. Я лелеял надежду, что мы встретимся в космосе и выразим свою любовь друг другу посредством наших орудий. Что привело вас на эту скучную землю?

— Вы и в самом деле полагаете, что я отвечу? — проскрежетал Хейм.

— У наших с вами наций есть много общего. Сожалею, что я вынужден нарушить данное мною слово и взять вас в плен. Хотя ваше присутствие говорит о том, что эти переговоры — фикция.

— Отнюдь. Просто случилось так, что я смог принять в них участие. И вы не имеете права удерживать здесь новоевропейцев.

— Давайте не будем торговаться. И вы, и я выше этого. Если я освобожу остальных, они пошлют сообщение на ваш корабль. И не исключено, что он нападет. А у нас здесь нет ничего, кроме моего крейсера «Юбаллос». Не имея сведений о том, что случилось с вами — его душой, — «Лис» будет выжидать, а я тем временем выиграю время для того, чтобы вызвать сюда свою эскадру.

Хейм выпустил сквозь зубы воздух. Синби круто обернулся. Глаза его впились в человека, словно пронзающие лучи лазера.

— О чем это вы подумали?

— Ни о чем! — рявкнул в ответ Хейм.

Однако в голове у него с молниеносной скоростью пронеслось:

«Он считает, что я посадил «Лиса». Что ж, это вполне естественно. Не догадываясь о нашем трюке с метеоритом, он должен прийти к выводу, что только очень маленькое или очень быстрое судно могло проскользнуть мимо его охраны. А с какой стати мне было прилетать сюда на яхте? «Лис» мог бы произвести на поверхности чудовищные разрушения, мог бы уничтожить ракетами эту базу и обстрелять его флагман, находящийся в позиции лягушки, сидящей в болоте.

Не знаю, какую пользу можно извлечь из этой дезинформации, но извлечь нужно. Держи ухо остро, парень. Сейчас у тебя нет ничего, кроме твоих старых ржавых мозгов.

Синби некоторое время изучающе смотрел на Хейма.

— Я не отваживаюсь слишком долго ждать, прежде чем начать действовать, — пропел он. — А мои корабли далеко.

Хейм заставил себя сделать язвительное замечание:

— Практический предел лазерного луча составляет около двадцати миллионов километров. При этом погрешность в вычислении позиции корабля чересчур велика, не говоря уже об остальном. И нет никакой возможности зацепиться за ускоряющее судно до тех

пор, пока оно не окажется так близко, что вы сможете пустить в ход обыкновенный передатчик. Координаты корабля меняются слишком быстро, к тому же всегда может случиться нечто непредвиденное, например, какой-нибудь хитрый трюк с астероидом. Так сколько у вас соединений на известных орбитах в радиусе двадцати миллионов километров?

— Не надо меня оскорблять, — спокойно ответил Синби. Он величаво прошествовал к стене, раздвинул живой занавес из цветов и нажал на кнопки инфотрива. Машина защебетала и вытолкнула перфокарту. Адмирал склонился над символами.

— Крейсера «Айнисент» и «Севайдж» находятся в пределах досягаемости; остальные, не имея сведений, будут продолжать следовать своим курсом до тех пор, пока не вернутся один за другим в режим торможения и не обнаружат лишь пепел сражения.

— А каковы моменты тех двоих? — осведомился Хейм. Он сказал это в основном для того, чтобы не дать окрашенному в кровавый цвет безмолвию вновь воцариться. Оно раздражало его — правда не настолько, чтобы ему хотелось забивать свой мозг какими-то цифрами, — но тут Синби пропел по-английски все орбитальные данные и точные координаты обоих кораблей.

— Итак, я посылаю своих собратьев вызвать их сюда, — продолжал алерон. — При наибольшем ускорении, продолжительном и отрицательном, «Севайдж» совершает орбитальный облет вокруг Новой Европы за восемнадцать часов, а «Айнисент» — за двадцать три часа. Я не думаю, чтобы экипаж «Лиса» так скоро начал беспокоиться за вас. Когда все три корабля будут в воздухе, мы обыщем всю эту планету. Стоит вашему кораблю едва шевельнуться — и он немедленно будет уничтожен. Но если даже он затаится, все равно мы найдем его логово, расставив повсюду детекторы.

В голосе Синби не было и намека на угрозу. Он стал еще мягче, когда алерон сказал:

— Я говорю вам все это, лишь питая слабую надежду, что вы добровольно выдадите «Лиса». Этот корабль был слишком отважен, чтобы теперь погибнуть вот так, на суше, а не среди звезд.

Хейм крепко сжал губы и покачал головой.

— Что я могу предложить вам в обмен на добровольную капитуляцию? — печально спросил Синби. — Разве что вы согласитесь принять мою любовь и расположение?

— Какого черта? — воскликнул Хейм.

— Мы так одиноки, и вы, и я, — пропел Синби. В первый раз за все время в его голосе послышалась насмешка, когда он резко дернул хвостом в сторону воинов, стоявших с застывшими, ничего не выразившими лицами, полускрытых густыми сумерками.

— Вы думаете, у меня с ними много общего? — Синби скользнул ближе. Светотени причудливо переплетались на сверкающих локонах и волнующе прекрасном лице. Большие глаза алерона остановились на человеке.

— Стара наша планета Алерон, — пропел он. — Стара, стара. Слишком долговечны красные карликовые звезды, и поздно появляется жизнь в такой ничтожной радиации. Однажды мы появились, наша раса, на планете, где моря испарились, реки превратились в слабые ручейки среди пустыни, где не хватало воздуха, воды, металла, жизни; прошли неисчислимые поколения, а мы все влачили жалкое существование, медленно, очень медленно выбираясь из первобытной дикости. Ах, не скоро появилась у нас первая машина. Того, что вам удалось сделать за несколько веков, мы добились в течение десятков тысячелетий, и когда это было достигнуто, миллион лет тому назад, выжить сумело лишь одно общество, поглотившее все остальные, и машинная мощь дала ему возможность связать нас узами, разорвать которые невозможно. Странники отправились к звездам. Интеллектуалы совершили величайшие открытия, но все это вызвало лишь едва заметную рябь на поверхности цивилизации, корни которой уходят в вечность. Земля живет для непрерывно меняющихся целей. Алерон — для сохранения постоянства. Понимаешь ли ты это, Гуннар Хейм? Чувствуешь ли, насколько далеки вы от нас?

— Я... Вы имеете в виду...

Пальцы Синби коснулись запястья Хейма, словно легкое дыхание. Он почувствовал, как встали дыбом волоски на коже, и непроизвольно начал искать, за что бы ухватиться: мир вокруг внезапно покачнулся и поплыл перед глазами.

— Вообще-то... э... такие предположения высказывались. Точнее говоря, некоторые люди считают, что все действия алеронов по отношению к нам — это просто реакция на то, что мы угрожали вашей стабильности. Но в этом нет никакого смысла. Мы могли бы достичь компромисса, если единственное, чего вы хотите, — это чтобы вас оставили в покое. Вы же пытаетесь выдворить нас из космоса.

— Мы должны это сделать. Здравый смысл, благоразумие, логика — что это, по-вашему, такое, если не орудия единого наиболее древнего инстинкта? Если расы, менее могущественные, чем наша, изменяются, то это значит для нас не больше, чем простое размножение насекомых. Но вы, вы появились за какие-то десять или двадцать тысяч лет — почти мгновенно. Вы вышли из пещер с каменными топорами в руках, но они в мгновение ока превратились в оружие, способное потрясать планеты. Вы облетели близлежащие звезды, и теперь ваши мечты распространились уже на всю галактику, на весь космос. Этого мы потерпеть не можем! Инстинкт подсказывает, что нам грозит гибель, если мы допустим, чтобы наша планета превратилась в жалкий клочок, окруженный чужими владениями, беззащитный и отданный на милость покорителей галактики. А сами вы разве стали бы, разве смогли бы доверять расе, которая обрела могущество благодаря тому, что питалась и питается живыми существами, также имеющими мозг? Алероны больше не в состоянии доверять расе, алчные стремления которой не знают

пределов. Вас следует отбросить назад, к вашим планетам, а может быть, даже к вашим пещерам или вашей первобытной грязи.

Хейм стряхнул мягкую руку Синби со своего запястья, сжал кулаки и прорычал:

— И вы еще говорите о какой-то дружбе между нами и вами?

Синби твердо взглянул прямо в глаза, но в голосе его твердости не было.

— До сих пор, говоря «мы», я имел в виду всех алеронов. Но это безусловно не так. Когда впервые возникло ясное понимание вашей угрозы, стало ясно, что алеронам, у которых веками воспитывалась застойность сознания, превращавшая их в различные части единого механизма Конечного Общества, не устоять перед вами, теми, кто обладает гибким сознанием и не боится нового. Я принадлежу к тому классу, который был создан для того, чтобы мыслить и действовать как люди и в конечном итоге превзойти их.

Синби сцепил руки:

— Одиноки, одиноки!

Хейм смотрел на него, прекрасного и несчастного, и не находил слов.

Алерон вдруг спросил с необычной страстностью в голосе:

— Неужели вы не догадываетесь, насколько одиноким я должен себя чувствовать, я, чей образ мышления похож на человеческий так, как ничей другой, за исключением тех немногих, которые были созданы подобно мне? Знаете ли вы, каким счастьем для меня было побывать на Земле, встретиться там с умами, для которых тоже не существует горизонтов, погрузиться в ваши книги, музыку и такое живое искусство изображения? Бесплодны мы, Властители Интеллекта Сада Войны, мы не в силах произвести потомков, которые могли бы потревожить покой Алерона; но нам были даны силы жизни, чтобы наша воля и ярость достигли тех же вершин, что и ваши, и чтобы при нашей встрече эти силы помогли нам выстоять в испытаниях, которые знали те, кто выстоял при Фермопилах. Но... когда вы захватили меня, Гуннар Хейм, в тот раз, когда выкупили за меня свою дочь... потом я понял, что это тоже было испытанием.

Хейм сделал шаг назад. Дерзкая мысль пронзила его мозг и отзывалась жаркой вспышкой в каждом нервном окончании.

Синби рассмеялся. Хейму казалось, что в этом смехе прозвучало торжество.

— Не буду вас пугать, капитан. Я всего лишь хочу предложить вам что-либо на ваш выбор. — Затем, очень мягко:

— Дружба? Беседа? Совместное путешествие? Что больше вас устроит? Я не предлагаю вам предавать ваших людей. Мне достаточно лишь приказать — и ваши знания, ваши планы будут исторгнуты из вашего мозга, однако я никогда не пойду на это. Считайте, что вы — военнопленный и что никакого вреда не будет, если вы поделитесь своими сведениями с тем, кто взял вас в плен и мог бы стать вашим другом.

«Господи, — подумал Хейм. Звуки доходили до него словно через барьер огромного расстояния или лихорадки. — Дай мне немного времени, я смогу бы использовать его».

— Помните, — настойчиво продолжал Синби, — что власть моя на Алероне очень широка, и в один прекрасный момент я могу наложить запрет на преследование расы, воспитавшей вас, и тем самым спасти ее от гибели.

— Нет! — чисто рефлекторно отозвалось в мозгу у Хейма. — Я не хочу. Я не могу.

Синби протянул ему руку.

— Пожмите эту руку, как сделали однажды, — умоляюще произнес он. — Поклянитесь, что не попытаетесь бежать или предупредить своих собратьев. Тогда я не стану приставлять к вам охрану, и вы сможете свободно, как я сам, ходить по нашему лагерю и осматривать корабли.

— Нет! — взревел Хейм.

Синби отпрыгнул назад. Зубы его блеснули.

— Невелико же ваше уважение ко мне, — прошипел он.

— Я не могу дать вам честное слово, — сказал Хейм, а про себя подумал: «В любом случае нельзя давать ему прикидываться протестом. Может быть, еще есть какой-то шанс. Лучше погибнуть, чем...»

Какая-то мысль молнией сверкнула у него в голове и исчезла, прежде чем он успел понять, что же это было. Его сознание развернулось и бросилось в погоню, отчего кожа стала покрываться потом, а сердце бешено забилося в груди.

Тем не менее, несмотря на то что мускулы страшно напряглись, а комната приняла вид ночного кошмара, Хейм сухо сказал:

— Какой от этого будет толк? Я же знаю, что вы не дурак. За мной все равно стали бы присматривать, разве не так?

Если человека это могло бы рассердить, то Синби, напротив, смягчился и усмехнулся с довольным видом.

— Это правда. По крайней мере до тех пор, пока не был бы обезоружен «Лис». А вот впоследствии, когда мы лучше узнаем друг друга...

Хейм наконец поймал ускользнувшую от него мысль, и, когда осознал ее, это было равносильно удару. Взвешивать шансы было некогда. Вероятнее всего, они были абсолютно безнадежны, и ему предстояло погибнуть.

«Но надо хотя бы попробовать, — подумал он. — Немедленного заключения под стражу, кажется, не предвидится. Если будет ясно видно, что это не сработает, тогда я и пытаться не буду».

Облизнув сухим языком пересохшие губы, он откашлялся и сказал:

— Все равно никогда и ни при каких обстоятельствах я не смогу дать вам честное слово, Синби. Ваше мышление все же отличается от человеческого, иначе вы бы поняли почему.

Глаза алерона заволоклись мембранами. Золотистая голова поникла.

— Но в вашей истории повсеместно встречаются примеры взаимного уважения и восхищения между противниками, — прозвучал музыкальный протест.

— О, это да. Послушайте, я действительно буду рад пожать вам руку.

К удивлению самого Хейма, то, что он сказал, было правдой, и когда четыре тонких пальца легли в его ладонь, он не сразу выпустил их.

— Но я не могу вам сдаться даже на словах, — продолжил Хейм. — Мне кажется, этого не позволяют мне мои собственные инстинкты.

— Нет, но люди часто...

— Говорю вам, этого нельзя объяснить словами. Я не могу до конца прочувствовать то, что вы сказали насчет естественного страха алеронов перед людьми. Точно так же и вы не можете до конца понять, что я имею в виду. И все же вы дали мне некоторое грубое представление. Быть может, и я мог бы дать вам некоторое представление о том... в общем, о том, что должен чувствовать человек, если его народ потерял свой дом.

— Я слушаю.

— Но мне придется вам это показать. Символы и... У вас ведь, у алеронов, отсутствует религия в том понимании, в котором она имеется у людей, не так ли? Это лишь один вопрос из множества. Если бы я мог показать вам несколько вещей, которые вы могли бы увидеть и потрогать, и постарался бы объяснить, что они символизируют, может быть, тогда... Ну, так как? Съездим в Бон Шанс?

Синби сделал шаг назад. В мгновение ока он стал ужасно похож на кота.

Хейм насмешливо посмотрел на него.

— О, стало быть, вы боитесь, что я попытаюсь проделать какой-то трюк? Разумеется, возьмите с собой охрану. Или лучше не стоит беспокоиться, если вы боитесь. — Он полуразвернулся. — Пожалуй, я лучше вернусь к своим.

— Вы пытаетесь задеть мою гордость, — крикнул Синби.

— Еще чего! Я просто сказал: «Подите вы к черту», — больше ничего. Вся беда в том, что вы даже не знаете, что сделали на этой планете. Вы неспособны держать в голове такую информацию.

— Арван! — Хейм не смог бы с уверенностью сказать, гнев или что-то другое преобладало в этом взрыве.

— Я принимаю ваш вызов. Мы отправимся немедленно.

Волна внезапной слабости прошла сквозь Хейма.

«Вот так так! Стало быть, я и в самом деле начинаю разбираться в его психологии, — подумал он. — Андре и то не мог бы лучше справиться с этой задачей».

Почувствовав, что силы вновь вернулись к нему, Хейм сказал:

— Хорошо, — однако внутренне он трепетал. — Просто я хочу, чтобы вы поняли как можно больше. Как вы сами недавно заметили, вы смогли бы оказать большое влияние на ход войны между Землей и Алероном, если таковая когда-нибудь случится, и события примут неблагоприятный для нас оборот. Или если ваша сторона проиграет — а это может случиться, вы хорошо знаете: наш Военный Флот лучше вашего, если только у нас хватит мозгов его использовать как следует, — так вот, в этом случае мой голос тоже будет иметь кое-какой вес в решении дальнейшей участи Алерона. Давайте возьмем с собой Вадажа. Я уверен, что вы его помните.

— А, да-да, мне всегда казалось, что он неуместен в такой экспедиции, как ваша; какая от него может быть польза? И зачем он вам сейчас?

— Да я, вообще-то, не мастак говорить. Возможно, ему скорее удастся объяснить вам все как следует.

Про себя Хейм подумал:

«Он умеет говорить по-немецки и я тоже немного знаю этот язык. Синби знает английский, французский, без сомнения, испанский, но немецкий?»

Адмирал пожал плечами и отдал какой-то приказ. Один из воинов, подняв руку в салюте, повернулся и вышел, в то время как остальные последовали за Синби и Хеймом вниз по залу, в свет утреннего солнца, через поле к военному флайеру. По дороге Синби один раз остановился, чтобы защитить глаза от красного уголька солнца контактными линзами.

Вадаж и его охранники уже ждали их. Венгр казался маленьким, сгорбленным и совершенно павшим духом.

— Гуннар, — понуро спросил он. — Что все это значит?

Хейм объяснил. На мгновение Вадаж был озадачен. Потом надежда загорелась в его глазах.

— Какова бы ни была твоя идея, Гуннар, я с тобой, — сказал он и придал лицу бесстрастное выражение.

Полдюжины воинов заняли места в задней части флайера. Синби сел за пульт управления.

— Посадите машину на площади, — предложил Хейм. — А оттуда мы прогуляемся пешком.

— Станные у вас привычки, — высоким голосом пропел Синби. — Мы считали, что провели полное исследование и поняли вас, думали, что вы с вашими слабостями и недальновидностью у нас в руках, но тут появился «Лис». А теперь...

— Ваша проблема, сэр, состоит в том, что алероны любого конкретного класса, за исключением, разумеется, вашего, стереотипны, — сказал Вадаж. — А каждый человек — это сам себе закон.

Синби ничего ему не ответил. Флайер взлетел. Несколькими минутами позже он приземлился. Пассажиры вышли из машины.

Под огромным небом висела жуткая тишина. Опавшие листья

покрывали тротуары, заполнили сухой фонтан, где по-прежнему стояла скульптура Ламонтэня. Потрепанные непогодой рыночные палатки, опрокинутые столы и стулья уличных кафе, порванные маленькие зонтики и некогда такие веселые. Только собор возвышался все так же твердо и непоколебимо. Синби двинулся к нему.

— Нет, — сказал Хейм. — Давайте зайдем туда в последнюю очередь.

Он пошел по направлению к реке. Под ногами шуршали листья и мусор, шаги эхом отзывались от стен пустых домов.

— Разве вы не видите, что здесь не так? — спросил он. — Здесь жили люди.

— Теперь они отсюда изгнаны, — ответил Синби. — Пустой город наводит ужас на меня, алерона. И все же, Гуннар Хейм, этот город подобен... бабочке-однодневке. Неужели вашу неумную ярость вызвало лишь то, что людям пришлось покинуть место, на котором они не прожили еще и столетия?

— Со временем город бы расстроился, — сказал Вадаж.

Лицо Синби исказилось так, что стало безобразным.

На тротуаре лежала небольшая кучка костей. Хейм указал на нее со словами:

— Это была чья-то домашняя собака. Она повсюду следовала за своими божествами и ждала их, а однажды, не найдя нигде, умерла с голоду. Ваших рук дело.

— А вы питаетесь плотью, — отпарировал Синби.

В одном из домов тоскливо скрипела распахнутая дверь, качаясь на ветру, который дул от воды. Сквозь дверной проем можно было разглядеть большую часть внутренней обстановки, покрытой пылью и попорченной дождем. У порога валялись остатки тряпичной куклы. Хейм вдруг почувствовал, как к глазам подступили слезы.

Синби прикоснулся к его руке.

— Надеюсь, это вы мне не станете предъявлять как свидетельство нашей кровожадности, — сказал он.

Хейм продолжал идти вперед гигантскими шагами.

Вдали уже показалась набережная Эспранада. За ее узорчатой оградой устремлялись к гавани воды Карсака, широкие и ворчливые. Солнечный свет так ослепительно сверкал на их поверхности, что казалось, будто звук медной трубы воплотился в нечто зримое и осязаемое.

«Пора», — подумал Хейм. Кровь бешено застучала в его висках.

— Один из наших поэтов так сказал о том, что я имею в виду, — проговорил он медленно и продолжал по-немецки:

— Когда мы выйдем на берег реки и увидим справа от себя мост, тогда прыгаем вниз и плывем к нему.

Он не отважился взглянуть на Вадажа, чтобы увидеть, как тот прореагировал на его слова. Как во сне услышал он вопрос Синби, в голосе которого звучало некоторое смущение:

— Что означают эти слова?

Вадаж ответил абсолютно бесстрастно:

— Человек, достойный звания человека, никогда не теряет веры в себя, если только в нем не умерла человечность.

«Молодец!» — мысленно похвалил его Хейм. Но в основном все его внимание было сейчас сосредоточено на ружьях, нацеленных ему в спину.

Они пошли по набережной в западном направлении.

— И все же я не совсем понял, — прозвучала трель Синби, — алероны тоже не лишены чувства гордости и достоинства. Так в чем же разница?

Хейм почувствовал, что больше медлить нельзя. Момент, казалось, был довольно подходящим, во всяком случае, если попытка будет неудачной, все завершится вечной тьмой и концом страха.

Он остановился и облокотился на ограду.

— Разница, — сказал он, — объясняется в другом изречении того же поэта. — Он снова сказал по-немецки: — Я сейчас столкну этого типа в воду. После того прыгаем оба вниз.

Затем добавил алерону, переходя вновь на язык, понятный ему:

— Это... э... это трудно перевести. Но взгляните вниз, туда.

Вадаж присоединился к ним. Губы его тронула едва заметная улыбка, но он мрачно объяснил:

— Стихотворение основано на высказывании из Гераклита: «Дважды в одной реке не искупаешься».

— Об этом я читал, — Синби пожал плечами. — Столь ужасные мысли встречались довольно редко.

— Видите? — Хейм положил на плечо алерона руку и легонько подтолкнул его вперед, так что Синби теперь тоже стоял, перегнувшись через ограду. Текучая поверхность приковала к себе его взгляд, гипнотизируя.

— Вот там один из основных человеческих символов, — сказал Хейм. — Река, связанная с морем, сможет затопить огромные площади суши, если эту реку запрудить. Движение, сила, судьба, само время.

— На Алероне нам это неизвестно, — прошептал Синби. — В нашем мире есть одни только голые скалы.

Хейм сомкнул пальцы на его шее, а другой рукой оперся об ограду. Одно движение плечом — и, опрокинувшись через ограду, они вместе упали в реку.

ГЛАВА 8

Тяжелые ботинки тащили его вниз. Отпустив алерона, Хейм перекувыркнулся и вцепился ногтями в их застёжки. Свет из зеленого стал коричневым, а затем и вовсе исчез. Вода, холодная и тяжелая, била и переворачивала его снова и снова. Делой один... теперь второй... отчаянно отталкиваясь руками и ногами, он устремился

вверх. Легкие, казалось, готовы были разорваться. Преодолевая сопротивление воды, Хейм понемногу выпустил воздух через рот. Сознание начало затуманиваться.

— Ну, — подумал он. — Теперь либо дыхание, либо огненный луч.

Слегка высунув лицо из воды таким образом, чтобы только успеть набрать в легкие воздуха, Хейм краем глаза увидел набережную и снова ушел под воду.

Еще трижды он повторял этот маневр, прежде чем решить, что теперь он отплыл уже достаточно далеко, чтобы можно было рискнуть и посмотреть, где Вадаж. Стряхнув воду с волос и протерев глаза, Хейм поплыл австралийским кролем. Над одетыми в подкрашенный бетон берегами реки высились деревья, сквозь золотисто-зеленую листву которых просвечивали солнечные лучи. Иногда в поле зрения появлялись коньки крыш, но в основном над кронами деревьев сияло лишь бесконечное синее небо.

Вскоре неподалеку вынырнула из воды голова Вадажа. Хейм помахал ему рукой и поплыл дальше, пока не очутился под мостом. Это было все же хоть какое-то укрытие от преследователей. Ухватившись за опору, Хейм придал телу вертикальное положение. Через несколько секунд к нему присоединился и менестрель. Он тяжело дышал.

— Черт побери, Гуннар, ты несешься так, словно за тобой гонится сам дьявол!

— А разве нет? Хотя для нас большой плюс то, что алероны здесь не слишком-то хорошо видят. Контактные линзы спасают их глаза от слепящей яркости, но Аврора испускает гораздо меньше лучей, близких к инфракрасным, чем Эйт, а именно к этим лучам они наиболее чувствительны.

Хейм обнаружил, что подобные рассуждения на ученые темы действуют на него успокаивающе, поскольку превращают его из преследуемого животного в военного тактика.

— Тем не менее нам все же лучше держаться под водой как можно дольше. И к тому же порознь. Знаешь старый Кви де Коквилагео? Он все еще на месте. О'кей, встретимся под ним. Будем ждать в течение часа. Если за это время один из нас не появится, другой должен считать, что его напарник погорел.

Поскольку Вадаж выглядел более усталым, чем он сам, Хейм поплыл первым. Он двигался не спеша, отдаваясь на волю течения, и добрался до устья реки в довольно хорошей форме, настолько хорошей, что сумел даже почувствовать удивление, еще раз мысленно пережив свой побег. Потом он намеренно выкинул из головы все эти мысли и, прячась под доком, просто наслаждался игрой солнечных бликов на поверхности воды, зрелищем наклоненных мачт, ласковым прикосновением прохладных струй, шершавой поверхностью пирса, за который держался, характерным плеском маленьких волн о борта судов и разнообразием окраски их корпусов. Приподнятое настроение

уже начало было меняться, вытесняемое тревогой («проклятье, надо было рассказать Андре обо всем, что я знаю»), когда венгр наконец появился.

— А они не станут нас искать прежде всего именно здесь? — спросил Вадаж.

— Сомневаюсь, — ответил Хейм. — Не забудь, что они жители сухой планеты. Поэтому идея использовать воду для чего-либо кроме питья не может возникнуть у них так же естественно, как, допустим, у наковсов, которые из нее фактически не вылезают. Обрати внимание: они здесь ничего не тронули, хотя каботажный транспорт был бы весьма неплохим подспорьем для их воздушных грузовиков. Первым их предположением должно быть то, что мы как можно скорее постарались выбраться на берег, а поэтому наша задача сейчас — найти какую-нибудь лодку в рабочем состоянии.

— Ну, уж тут тебе выбирать. Я-то ведь прирожденный сухопутный житель.

— Что ж, зато я никогда не преуспевал в верховой езде, так что по части славы мы равны.

Хейм рискнул взобраться на причал, чтобы осмотреться. Он выбрал крепкое на вид прогулочное судно, типа гидрофойла, способное двигаться под водой, и трусцой двинулся к нему. Погрузившись под воду, оно будет недоступно любому из приборов, имеющихся у алеронов.

— А внутрь мы сможем попасть? — спросил из воды менестрель.

— Да, он не заперт. Яхтсмены доверяют друг другу.

Хейм отвязал швартовы, подтянул гидрофойл к понтону и, протянув руку, помог Вадажу взобраться на палубу. Они быстро спустились в кабину и задраили люк.

— А теперь займись радио, пока я проверю двигатель.

Год бездействия нанес судну не особенно большой ущерб. Более того, солнце зарядило его аккумуляторы до максимума. Правда, днище его порядком обросло, но это можно было пережить. Возбуждение охватило Хейма.

— Вообще-то, моя идея заключалась в том, чтобы попытаться найти коммуникатор в городе, передать сообщение в лагерь, а потом где-нибудь спрятаться в надежном месте и надеяться, что нас не станут искать или мы не умрем с голоду, — сказал он. — Но теперь, черт побери, мы сможем вернуться назад собственной персоной! По крайней мере, врагу будет сложно перехватить наше сообщение и послать в его источник самонаводящуюся ракету, если мы будем в море. Так что поехали.

Мотор запыхтел. Судно скользнуло прочь от суши. Вадаж озабоченно выглядывал из купола.

— Не понимаю, почему они не гонятся за нами как бешеные? — беспокойно пробормотал он.

— Я ведь тебе уже говорил, как все получилось. Просто они еще не догадались, что мы выберем этот путь. Кроме того, у них там

сейчас, наверное, суматоха, как в публичном доме по утрам в понедельник, после того, что я сотворил с Синби.

Тем не менее Хейм был рад оставить позади препятствия и погрузился в воду. Опустившись на максимально допустимую глубину, он задал автопилоту курс на юго-восток и принялся стягивать свою мокрую одежду.

Вадаж смотрел на него с благоговением.

— Гуннар, — сказал он голосом, в котором слышались слезы, — я напишу об этом балладу, и, даже если она не очень уагастся, ее все-таки будут петь и через тысячу лет. Потому что твое имя будет жить очень долго.

— О, челуха, Андре. Не заставляй мои уши краснеть.

— Нет, я просто говорю то, что есть. Однако неужели ты все заранее настолько продумал?

Хейм включил обогреватель, чтобы обсушиться. Воды океана, со всех сторон окружавшие судно — темно-зеленые, населенные множеством рыб причудливой формы, то и дело мелькавших поблизости, — эти воды должны были рассеять инфракрасное излучение. Хейма охватило непреодолимое чувство возвращения домой, словно он опять стал мальчишкой, проводящим все свободное время на морях Геи. На некоторое время это чувство вытеснило все остальные. Хрупкость и незавершенность его триумфа станет видна ему позже. Сейчас же он упивался им.

— Ничего я не придумал, — признался Хейм. — Идея возникла как бы сама собой, Синби до ужаса хотелось... чтобы мы стали друзьями, или что-то в этом роде. Я уговорил его посетить Бон Шанс, надеясь, что там, может быть, подвернется какой-нибудь случай, который можно будет использовать для побега. Мне пришло в голову, что, вероятно, никто из его банды не умеет плавать, поэтому набережная казалась самым подходящим местом, чтобы попытаться. Я попросил взять тебя с собой, потому что мы могли воспользоваться немецким у них под носом. А потом, я исходил из того, что если нас двое, то и шанс, что кто-то удерет, увеличивается вдвое.

С Вадажа всю почтительность как рукой сняло, лишь только он услышал про немецкий, и на его лице появилась схидагная ухмылка.

— Да уж, такого ужасающего «Цвайндойч» я в жизни не слышивал. Лингвистом тебе не быть.

Воспоминание больно ударило по самолюбию Хейма.

— Да уж, — сухо сказал он. Стараясь хотя бы ненадолго продлить миг своей искренней радости, он быстро продолжал: — Мы были уже там, когда я подумал, что если бы мне удалось столкнуть Синби в воду, охранники все бросились бы следом спасать его, так что некому было бы стрелять в нас с берега. Если ты не умеешь плавать, то это весьма веселенькая работенка, спасать еще одного такого же неумеющего.

— Так ты думаешь, он утонул?

— Ну, надеяться никому не воспрещается, — сказал Хейм с

меньшей долей равнодушия в голосе, чем ему хотелось бы. — Меня бы не удивило, если бы они потеряли по меньшей мере пару воинов, выживая Синби из воды, а его самого мы вряд ли видели в последний раз. Даже если он и в самом деле утонул, то они, вероятно, смогут доставить его в камеру оживления прежде, чем начнет разлагаться его мозг. В любом случае, до тех пор пока он не вернется в строй, врагу будет нелегко разобраться во всей этой путанице. И дело даже не в том, что без него они не смогут наладить организацию. Но в течение некоторого времени им просто не удастся найти верную ориентацию для своей деятельности, во всяком случае, в той ее части, которая касается нас. Это время мы используем для того, чтобы забраться подальше в море и вызвать на связь де Виньи.

— Ну... да, разумеется, они смогут выслать нам на помощь флайер.

Вадаж откинулся назад с улыбкой кота, сидящего возле клетки с ханарейкой.

— Прекрасная Даниель увидит меня еще раньше, чем она того ожидает. Но не слишком ли смело с моей стороны говорить, что она этого ожидает?

Гнев волной поднялся в Хейме.

— Чтоб тебя укусила бешеная собака, безмозглый тупица, — прорычал он. — Здесь тебе не пикник. Наше счастье, если нам удастся предотвратить катастрофу.

— Что... что... — Вадаж вздрогнул и побледнел. — Гуннар, что такого я сказал...

— Слушай меня, — Хейм трахнул кулаком по ручке кресла, в котором сидел. — Наша дилетантская попытка шпионажа сорвалась, и весь задуманный план пропал. Разве ты забыл, что наша миссия заключалась в том, чтобы договориться об условиях, которые спасли бы наших людей от авитаминоза? Теперь это исключено. Может быть, что-то можно будет предпринять позднее, но в ближайшее время наша задача — остаться в живых. Наш план эвакуации беженцев теперь тоже исключается. Синби пришел к выводу, что сам «Лис» находится на планете. Он вызвал крейсера на помощь своему флагману. Кто-нибудь из этих троих может заметить «Мироэт» на подъеме и разнести его в куски. Оставлять корабль в укромном месте тоже нельзя. Они сейчас повсюду разошлют воздушные патрули с мощными детекторами. Так что прекрасное убежище, которое предоставил нам де Виньи в Лак-о-Нуагес, тоже отпадает. И если уж на то пошло, при настоящем положении вещей, когда три вражеских корабля находятся в непосредственной близости, самому «Лису», похоже, угрожает смертельная опасность.

А ты жизнерадостный эгоистичный болван! Неужели ты думал, что я играл со смертью лишь ради того, чтобы мы могли удрать? На что бы мы тогда вообще годились? Главное — предупредить наших.

Все еще ворча, он повернулся к инерционной навигаторской панели. Нет, они еще не ушли далеко. Но, может быть, все же стоит

всплыть и — будь что будет — передать партизанам и экипажу «Мироэт» все, что ему известно в данный момент.

Судно пульсировало, словно живое. Обогреватель урчал, обдавая людей волнами тепла. В кабине пахло нефтью. За иллюминатором ничего не было видно.

— Эти корабли будут здесь в течение земного дня, — сказал Хейм. — «Лису» лучше отойти подальше в космос, а людям — поглубже в лес.

— Гуннар, — начал было Вадаж.

— О, помолчи!

Менестрель вспыхнул и, повысив голос, сказал:

— Нет, я не знаю, что я такого сделал, чтобы ты мог меня оскорблять, и если у тебя не хватает даже любезности сообщить мне об этом, то это твое дело. Однако я должен кое-что сказать тебе, капитан. Мы не сможем установить контакт с «Лисом» вовремя.

— Что? — резко обернулся Хейм и уставился на венгра.

— Может, ты подумаешь сам. Большая лазерная установка Диего находится возле озера. Но утро давно уже наступило, Диана почти в полной фазе. Теперь следующий ее восход будет, я думаю, не раньше чем через тридцать часов.

— Сатан... и... хельведе, — проговорил, задыхаясь, Хейм, в минуты сильного волнения всегда переходивший на свой родной язык. Силы покинули его. Во всем теле вдруг возникла боль, и он понял, что начал стареть.

Через некоторое время, в течение которого Хейм просто сидел, устремив в одну точку неподвижный взгляд, Вадаж робко сказал:

— Ты не такой человек, чтобы раскисать от этого. Если ты считаешь, что это столь важно, что ж, возможно, нам удастся поднять вверх «Мироэт». Его коммуникатор достанет до луны. Вражеские спутники засекут «Мироэт», а поблизости находится крейсер. Но ты сам говорил, что этот корабль потерян для нас в любом случае, так что он может сдаться. Для того чтобы сделать это, нам понадобится всего лишь три-четыре человека. Я буду одним из них.

Хейм вскочил с молниеносной быстротой, шарахнувшись головой о купол. Он посмотрел вверх и увидел над собой круг солнечного света, ослепительно сверкающий на поверхности океана.

— Здорово стукнулся? — спросил Вадаж.

— Клянусь небом... и преисподней... и всем, что посередине, — Хейм протянул руку, — Андре, я вел себя хуже всякой скотины. Просто возмнил себя таким подростком средних лет. Простишь ли ты меня?

Вадаж ответил крепким рукопожатием. В его глазах мелькнуло понимание.

— О, так вот в чем дело, — пробормотал он. — Молодая леди... Гуннар, она для меня ничего не значит. Просто человек, в обществе которого довольно приятно находиться. Я думал, и ты чувствуешь то же самое.

— Сомневаюсь, — проворчал Хейм. — Но это не имеет значения, у нас сейчас цель покрупнее. Послушай, я случайно узнал координаты орбит и стартовые позиции этих кораблей. Синби не видел причины, почему бы не сообщить их мне, когда я его попросил; мне кажется, я подсознательно следовал старому военному принципу: собирать каждый клочок информации, какой только будет возможно, независимо от того, есть или нет у тебя надежды когда-нибудь этой информацией воспользоваться. Ну, а мне еще известно, какого они класса, а стало быть, известны их потенциальные возможности. Исходя из этого, мы запросто вычислим их траектории. Положение цели можно будет определить в любой момент, с точностью, достаточной для ведения боя, но недостаточной для того, чтобы их наземные базы смогли передать им любое предупреждение. О'кей. Значит, одно преимущество, хоть и небольшое, у нас все же есть. Что еще?

Он принялся ходить — два шага до конца кабины, два — обратно, — ударяя кулаком в раскрытые ладони. На скулах у него выступили желваки. Вадаж скромно держался в стороне. На губах его снова появилась свойственная котам усмешка. Гуннар Хейм в подобном состоянии представлял для него привычное зрелище.

— Слушай! — капитан начал говорить, и по ходу дела как бы сам собой вырисовывался стройный план. — «Мироэт» — большой транспортник. Поэтому у него мощные двигатели. Будучи пустым, он, несмотря на свои габариты и неуклюжесть, может двигаться со скоростью управляемого снаряда, выпущенного чертями из преисподней. Мимо трех кораблей, патрулирующих на орбите, ему не проскочить, но в данный момент там находится всего лишь один из трех, а именно, личный флагман Синби «Юбалхо». Его орбита мне известна, и вероятность того, что он будет на вполне достаточном расстоянии в момент взлета «Мироэт», весьма велика. Разумеется, он может броситься в погоню и подойти так близко, что «Мироэт» не сможет увернуться от ракеты, но он знает, что где бы я ни был, «Лис» всегда находится где-то неподалеку, и флагману надо, в первую очередь, защищать свою базу от «Лиса», до тех пор пока не прибудет подкрепление, поэтому он не станет стрелять. Или, если расстояние будет достаточно велико, он примет транспортник за наш крейсер и не станет рисковать.

Итак, о'кей, при хорошем пилотировании «Мироэт» имеет отличный шанс ударить под самым носом у алеронов. И сможет послать восточку «Лису». Но потом... Что потом? Если «Лис» просто возьмет нас на борт, мы окажемся на том же самом месте, с которого начали. Нет, мы в худшем положении, чем алероны, потому что новоевропейцы и так давно уже находятся в очень подавленном моральном состоянии, а теперь они вообще запросто могут все бросить и окончить борьбу. Так, постой... дай подумать... Да! — взревел Хейм. — Почему бы и нет? Чем быстрее мы будем двигаться, тем лучше. Немедленно вызывай штаб на озере. Ты знаешь язык басков

или какой-нибудь другой, которого не знает алерон, но понимают люди де Виньи?

— Боюсь, что нет. И радиопередача, такая, которую должны провести мы, без сомнения, будет перехвачена. Могу использовать «Лишебем», если только это что-то дает.

— Может, и даст, хотя теперь они уже, наверное, его освоили... Хм. Нам надо придумать нечто двусмысленное для врагов, но понятное своим. Алеронам вовсе не обязательно знать, что это именно мы, и что мы передаем из подлодки. Пусть они считают, что это маки во флайере. А свои могут опознать нас по ссылкам на некоторые происшествия в лагере.

Мы скажем де Виньи, чтобы он немедленно отдал приказ о максимально возможном облегчении веса транспортника. От этого вреда не будет, поскольку алероны все равно знают, что у нас есть корабль на планете. Данное сообщение укрепит их в мысли, что он должен находиться в Оут Гаранс. В любом случае они начали бы искать прежде всего там. — Хейм потянул себя за подбородок. — Теперь... К сожалению, я ничего не могу больше передать, не выдавая себя. Придется доставить главные сведения лично. Стало быть, мы погрузимся сразу после того, как ты закончишь передачу, и направимся к месту встречи, где нас должен будет подобрать флайер. Но как обозначить это место, чтобы не обнаружить там потом врага с духовым оркестром и с ключами от города?

— Хм, хм. Дай-ка я взгляну на карту, — Вадаж вытащил из бардачка бумажный свиток и развернул его. — Наш радиус не слишком велик, если мы хотим, чтобы встреча состоялась поскорее. Эрго... да. Я скажу им... столько-то и столько-то километров от места... — он покраснел, указав на Флервилль, находящийся в глубине материка вниз по Кот Нотр-Дам, где, как сказала Даниель Иррибарн Андре Вадажу, есть один грот, который они должны осмотреть. — Это было незадолго до заката. Мы... э... сидели на развилке сучка высокого дерева и...

Хейм снова почувствовал укол в сердце, но не стал обращать на это внимание и рассмеялся:

— О'кей. Давай проверим по компьютеру, где мы находимся в данный момент.

Вадаж нахмурился.

— Мы рискуем, действуя в такой спешке, — сказал он. — Прежде всего не следует забывать, что мы всплываем, или, по крайней мере, поднимаемся до уровня поверхности воды, и передаем сильный сигнал так близко от вражеской базы.

— Это не займет много времени. Мы успеем снова погрузиться, прежде чем они вышлют флайер. Я допускаю возможность, что в данную конкретную минуту над нами как раз пролетает таковой, но вероятнее всего, нет.

— И все же остается еще проблема, как добраться до лагеря. Ведь чтобы встретить нас, новоевропейцам придется проделать долгий путь

по огромному пустому пространству, и это в дневное время, по краю драконова гнезда. И то же самое на обратном пути.

— Я знаю, — сказал Хейм, не отрывая взгляда от лежавшей у него на коленях карты. — Если бы у нас было больше времени, это можно было бы сделать с меньшим риском. Но сейчас мы вынуждены рисковать, иначе будет слишком поздно для чего бы то ни было. Мы застряли на этой орбите, Андре, так что теперь все равно, сколь близко к солнцу нам придется скользить.

ГЛАВА 9

— Капитанский мостик — боевым постам. Доложить готовность.

— Двигатель в порядке, — отозвался Диего Гонсалес.

— Главный радар в порядке, — сказал Вадаж.

— Орудийная башня один в порядке и готова взяться за дело, — произнес Джин Иррибарн.

Колонисты с остальных боевых постов присоединились к предыдущим докладам, и все это слилось в едином хоре.

«Полегче, парни, — подумал Хейм. — Если нам придется испробовать эти хлопущки в поединке с настоящим, действующим боевым кораблем, мы пропали».

— Приготовиться к подъему, — скомандовал Хейм. Неуклюже двигаясь в своем скафандре, он положил руки на пульт.

Озеро закипело. Волны захлестнули берега. Среди деревьев пронесся вздох, и «Мироэт» поднялся вверх. На мгновение его громадное тело заслонило собой солнце, потихоньку подползавшее к луне, и испуганные животные бросились по своим тропам в чащобу. Затем, плавно набирая скорость, корабль устремился в небо. Расколотый воздух долго еще грохотал. Даниель и Мэдилон Иррибарн зажали уши руками. Когда очертания корабля исчезли из вида, они бросились друг к другу в объятия.

— Радар, докладывайте! — рявкнул Хейм сквозь гул и вибрацию.

— Чисто, — сказал Вадаж.

Корабль поднимался все выше и выше. Оставшийся внизу мир стал крохотным, изогнулся в дугу, облака накрыли его курчавой шапкой, а океаны окрасили в синий цвет. Небо потемнело, блеснули звезды.

— Сигнал по общей волне, — раздался голос Вадажа. — Должно быть, нас заметили на «Юбалхо». Отвечать?

— Черт побери, нет, — ответил Хейм. — Все, что мне надо, — это его позиция и вектор.

В пустом корпусе «Мироэт» звук словно попадал в ловушку, отовсюду отдавался гулким эхом, так что от кормы и до правого борта прокатывался грохот. Хейм ощущал непрерывный звон и пульсацию в голове. Стекло его шлема дребезжало.

— Не могу его найти, — сообщил Вадаж. — Должно быть, он далеко.

«Но он нашел нас, — подумал Хейм. — Что ж, у него там есть детекторные операторы-профессионалы экстра-класса. А мне пришлось обойтись тем, что нашлось в лагере. Для набора специально обученных людей не было времени.

Должно быть, он так далеко, что ему пришлось бы некоторое время нас преследовать, набрав при этом скорость, превышающую возможную для его ракет. И он решит, что его долг — оставаться на месте. Если я ошибаюсь в первом или во втором, значит, мы подняли свой последний бокал».

Хейм ощутил вкус крови, горячей и солоноватой, и лишь тогда до него дошло, что он прикусил язык.

Все дальше и дальше. Новая Европа становилась все меньше среди теснящихся солнц. Мало-помалу в поле зрения возникла и выросла Диана.

— Капитан — радиорубке. Забудьте обо всем на свете. Наведите лазер и подключите меня к линии.

Хейм потянулся за лежащими на полках справочниками и навигационными таблицами.

— К тому времени, когда вы как следует разогреетесь, я подготовлю для вас все цифры.

«Если нас прежде не сотрут в порошок, — добавил он про себя. — Пожалуйста... только бы мне успеть. Большого я не прошу. Пожалуйста, «Лиса» нужно предупредить во что бы то ни стало». Он размотал ленту с вереницей цифр.

Вадаж в своей каморке, окруженный со всех сторон приборами, смотревшими на него, словно глаза троллей, торопливо нажимал клавиши. Он не был специалистом в этом деле, но компьютер космическими заранее запрограммировали для него: все, что ему теперь оставалось, — это вводить данные и нажимать повелительный «Enter». Одна из башен открылась в безвоздушное пространство. Из нее показалась скелетообразная головка передатчика, словно для того чтобы взглянуть на вселенную. Плотный пучок радиоволн устремился к Диане.

Здесь могли возникнуть различные неточности. Диана двигалась по орбите примерно в 200 000 км с другой стороны Новой Европы, а «Мироэт» еще больше расширял эту пропасть, так как его скорость неуклонно возрастала. Но компьютеру и контролируемому им двигателю такое было не впервой. Дисперсия волнового луча была достаточной для того, чтобы охватить весьма широкий сектор ко времени достижения им района, в котором находилась цель. Кроме того, этот луч обладал достаточной суммарной энергией, чтобы его амплитуда к тому времени все еще была выше уровня шума.

Маленький заброшенный лунный кратер, по виду обыкновенный камень среди тысячи таких же камней, но где-то на его склоне застыл сейчас в ожидании прибор, установленный людьми с «Лиса». Но вот

сигнал поступил. Прибор — обычный коротковолновый ретранслятор, каких полно на каждом космическом корабле, работающий на солнечной энергии, — усилил принятый сигнал и передал его в виде другого волнового луча следующему такому же объекту, расположенному высоко на зазубренном горном пике. Тот, в свою очередь, передал его следующему, и так далее, по цепочке, охватившей весь неровный пустынный лунный диск. В цепочке было не так уж много звеньев. Горизонт на уровне человеческого роста равен на Диане приблизительно трем километрам, а с горной вершины — гораздо больше, и последний транслятор достаточно было установить на самом краю того полушария, которое никогда не бывает обращено к Новой Европе.

Оттуда луч снова устремился ввысь, преодолев около 29 000 км от центра Дианы, где он уткнулся в «Лиса».

Главной проблемой при выборе места для засады перед прорывом на Новую Европу был такой вопрос: сможет ли космический корабль остаться незамеченным вблизи такой враждебной планеты, с которой пространство постоянно контролировали детекторы и вокруг которой несли боевое дежурство корабли? Если бы ему пришлось перейти в режим свободного полета, все системы работали бы в минимальном режиме, и эмиссия нейтрино была бы заметна только на очень небольшом расстоянии. Но глаза оптических, инфракрасных и радарных установок наверняка бы его засекли. Разве что между ними и планетой всегда находилась бы луна... Нет. Он не мог отважиться на то, чтобы опуститься и сидеть там на виду каждого, кто случайно окажется на достаточно близком расстоянии, когда на обратной стороне луны наступит день.

В любой системе, где имеются два тела, существуют три точки Лагранжа, в которых гравитация спутника сочетается с гравитацией планеты таким образом, что помещенный в данную точку большой объект все время будет оставаться на одном месте, на прямой, проходящей через оба космических тела. Правда, бывает, что иногда этот объект смещается со своего места, но «иногда» в биологическом времени — весьма нечастое явление. «Лис» спрятался в наиболее удаленной точке Лагранжа и двигался по орбите, надежно укрытой лунным диском, не прилагая для этого никаких усилий.

Подобный маневр никогда прежде не практиковался. Но если уж на то пошло, никому прежде не требовалось иметь под рукой боевой корабль так, чтобы об этом не знал противник, занявший территорию, которую ему не положено было занимать. Хейм подумал, что когда-нибудь это станет классическим примером из учебника, если ему суждено остаться в живых и похвастаться своим опытом.

— «Мироэт» — «Лису», — произнес он. — «Мироэт» — «Лису». Слушайте и запишите. Запишите. Капитан Хейм — исполняющему обязанности капитана Пенюйеру. Приготовиться к выполнению приказа.

Ответа не последовало и не могло последовать, кроме ответа для

Лак-о-Нуагес. Система, простая и сооруженная на скорую руку, была задумана в расчете на то, что он сможет вызвать оттуда своих людей. Если бы там что-то случилось, он узнал бы об этом лишь тогда, когда было бы уже слишком поздно. И сейчас он говорил в темноту и неизвестность.

— В силу непредвиденных обстоятельств мы были вынуждены взлететь без пассажиров. Погони за нами пока нет. Но мы располагаем чрезвычайно важными разведанными, на основе которых нами составлен новый план.

Первое: мы знаем, что на орбите вокруг Новой Европы находится всего лишь один крейсер. Остальные, кроме еще двух других, рассеяны за пределами досягаемости радиосигнала, и до их возвращения должно пройти еще немало времени. Судном, осуществляющим патрульную службу, является вражеский флагман «Юбалхо». Я не знаю точно, какого он класса, — посмотрите, может быть, найдете его в наших справочниках, — но, безусловно, он по меньшей мере в несколько раз превосходит «Лиса».

Второе: врагу стало известно, что мы побывали на планете, и он вызвал на подмогу два судна, находившиеся в пределах досягаемости радиосигнала. В настоящее время они движутся к планете. Первое уже должно начать переход в режим торможения. Это крейсер «Севайдж». Второе — крейсер «Айнисент». Проверьте и их по справочникам. Но мне кажется, это обычные алеронские корабли соответствующих классов. Баллистические данные приблизительно таковы...

Он перечислил цифры.

— Теперь третье: вероятно, враг принимает «Мироэт» за «Лиса». Он заметил нас, но с такого расстояния, на котором точное опознание должно быть затруднительным или невозможным, к тому же мы захватили его врасплох. Так что я думаю, что они полагают, будто «Лис» удирает, пока для этого есть благоприятные условия. Но они не смогут связаться с другими кораблями, пока те не приблизятся к планете, а Синби, безусловно, хочет иметь их под рукой.

Исходя из этого, мы имеем шанс взять их по одному. Теперь слушайте. На «Севайдж» не обращайтесь внимания. «Мироэт» в состоянии справиться с ним сам. Или, даже если меня постигнет неудача, это судно не представляет для вас особой угрозы. Более того, ядерные взрывы в космосе были бы замечены и заставили бы врага насторожиться, поэтому оставайтесь на месте, «Лис», и разработайте план перехвата «Айнисента». Он вашего появления не ожидает. Относительная скорость будет высокой. Если вы сумеете не упустить своего шанса, то у вас будет отличная возможность угостить его ракетой и отразить все ответные удары, если, конечно, у них будет время такие нанести.

После этого идите на подмогу к «Мироэту». Моя расчетная позиция и орбита на данный момент приблизительно таковы. — Снова вереница цифр. — Если «Мироэт» окажется уничтоженным,

действуйте дальше по своему усмотрению. Но не забудьте при этом, что Новая Европа будет охраняться только одним кораблем.

Хейм набрал в легкие побольше воздуха. Он был горячим и наэлектризованным.

— Повторяю все сначала, — сказал он. В конце третьего повтора он добавил:

— Основная ретрансляционная точка, кажется, уходит за горизонт Дианы. Я вынужден объявить конец передачи. Гуннар Хейм — Дейву Пенoyerу и экипажу «Лиса». Счастливой Охоты! Отбой!

Затем он откинулся в своем кресле, взглянул на звезды в направлении солнца и вспомнил о доме. «Мироэт» мало-помалу набирал скорость. Совсем незаметно, хотя по интеркому было произнесено немало отрывистых команд, подошел момент реверсирования, чтобы начать торможение. Необходимо было тщательно выверить свой вектор перед встречей с «Севайдж».

Хейм направился в салон, чтобы перекусить. Там он нашел Вадажа в компании маленького рыжеволосого колониста, с такой жадностью прихлебывавшего из своей чашки, словно он только что вернулся из марсианской пустыни.

— А, мой капитан, — радушно приветствовал его последний. — Я целую вечность не пил настоящего кофе. Гран мерси!

— Возможно, вскоре у вас не будет особого повода для благодарностей в мой адрес, — сказал Хейм.

Вадаж по-петушиному склонил набок голову.

— Не надо быть таким мрачным, Гун... сэр, — укоряюще сказал он. — Остальные абсолютно уверены в успехе.

— Видимо, я немного устал, — Хейм тяжело опустился на алеронское сиденье.

— Ничего, я тебя верну в нормальное состояние. Рюмочку «Гранд Данаис» или сандвич, а?

Не получив отрицательного ответа, Вадаж тотчас вскочил и отправился за едой. Когда он вернулся, за спиной у него висела гитара. Он уселся на стол, болтая ногами, и, ударив по струнам, запел:

Жил-был один богач в Иерусалиме,

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Сразу нахлынули воспоминания, и улыбка тронула губы Хейма, незаметно для себя он начал отбивать ритм, а вскоре его голос присоединился к двум другим голосам.

— Все в порядке! Кто сказал, что мы не сможем справиться с ними?

Возвращаясь на мостик, он чувствовал себя помолодевшим, и походка его была легкой, как у юноши.

Время пролетело незаметно, и вот уже звучит сигнал боевой тревоги. И в иллюминаторах появляется «Севайдж».

Руки, построившие этот корабль, не были человеческими руками. Но данная машина была предназначена для тех же самых целей и действовала по тем же законам физики, что и земные эсминцы. Маленький, изящный, пятнистый, как леопард (такая окраска была сделана для камуфляжа и термального контроля), и, как леопард, опасный и красивый, корабль этот настолько был похож на его старого «Звездного Лиса», что у Хейма на мгновение застыла рука.

— Честно ли убивать его таким способом?

Вполне разумная военная хитрость. Да. Он нажал кнопку интеркома.

— Капитанский мостик — радиорубке. Давайте сигнал бедствия.

«Мироэт» заговорил, не человеческим и не алеронским языком, а завывающими радиосигналами, которые, как давно было известно Военно-космической Разведке, предписывались алеронским уставом. Разумеется, капитан «Севайдж» (не был ли это его первый приказ?) велел попытаться установить связь. Ответа не последовало. Ловушка захлопнулась. Относительная скорость была невелика, но «Севайдж» весьма быстро вырос на глазах у Хейма.

Алерон, которого ни о чем не предупредили, не имел повода сомневаться в том, что перед ним одно из его собственных судов. Транспортник приближался к пределу Маха. Курс его был направлен точно к Эйту, но то же самое распространялось на все алеронские корабли, чтобы земной пират не смог вычислить их координаты. С кораблем что-то случилось. Должно быть, у него вышли из строя системы коммуникации. И офицер связи, видимо, наспех залатал передатчик, чтобы он смог хотя бы передать сигнал «SOS». Неполадки явно были не в двигателях, поскольку они работали вполне нормально. Тогда в чем же дело? Может быть, в установках противорадиационной защиты? Или в воздушных рециркуляторах? Во внутреннем поле тяготения? Многое было возможно. Ведь жизнь — ужасно хрупкая вещь, особенно здесь, где ей сроду не положено было быть.

Или... поскольку возможность его случайной встречи с военным кораблем посреди этой астрономической безбрежности была бесконечно мала... может быть, он должен доставить какое-то срочное сообщение? Что-то такое, что в силу некоторой причины нельзя было передать обычным путем? На алерона легла длинная холодная тень «Мироэта».

— Загерметизировать скафандры, — приказал Хейм. — Готовность номер один. — Опустив стекло собственного шлема, он все свое внимание сосредоточил на пилотировании. Краем сознания он тем не менее не упускал из вида двух угрожающих возможностей. Наиболее опасной из них, хотя и наименее вероятной, было то, что капитан вражеского судна заподозрит что-нибудь неладное и откроет огонь. Вторым, наихудшим вариантом было бы, если бы «Севайдж» продолжил свой путь на подмогу к Синби. «Мироэт» не смог бы развить такое же ускорение.

На мгновение у Хейма вдруг возникло какое-то странное чувство безысходности.

Радар... векторы... импульс... «Севайдж» развернулся и приступил к маневрированию для сближения.

Хейм выключил двигатели почти полностью, так что теперь они издавали только негромкий шепот. Корабли располагались уже почти параллельно друг другу, причем улану приходилось расходовать огромное количество энергии на торможение, в то время как транспортник находился почти в режиме свободного падения. Теперь они были неподвижны относительно друг друга, и разделял их лишь километр вакуума. Затем «Севайдж» с осторожностью начал приближаться к более крупному судну.

Хейм рванул рычаг аварийного ускорения. Со всей силой, на какую он был способен, «Мироэт» ринулся навстречу своей судьбе.

У алеронов уже не было времени ни выстрелить, ни увернуться. Корабли столкнулись. Страшный удар ревом прокатился по листам обшивки корпуса, распорол металл, швырнул алеронов, не пристегнутых ремнями, на пол и переборки с такой силой, что кости затрещали.

Броня космического корабля, даже космического военного судна, не слишком толста. Она может противостоять ударам микрометсоригов. Камни большого размера корабль может засечь и уклониться, но они редки. Но ничего не может защитить от ядерного оружия, если уж оно попадает в цель. «Мироэт» не обладал высокой скоростью, но масса его была огромна. И «Севайдж» был пробит насквозь. «Мироэт» тоже получил несколько пробоин в корпусе. Вырываясь наружу белым облачком, воздух быстро терялся среди бесконечности световых лет. Поврежденные корпуса сцепились, словно олени своими рогами. Аврора ослепительно освещала их внутренности. Бесчувственные звезды холодно взирали на все это из своей дали.

— Приготовиться к отражению атаки экипажа!

Хейм не был уверен, что коммуникатор его шлема довел команду до остальных. Скорее всего, нет. Все схемы были разрушены. Из поврежденного энергогенератора вышла наружу фьюжн-реакция. На корабле царилась тьма, невесомость и вакуум. Но это не имело значения. Его люди знали, что делать. Хейм отстегнул ремни и на ощупь начал пробираться к кормовой орудийной башне, которую заранеe выбрал для себя.

Большинство из команды алеронов, должно быть, погибли. Возможно, некоторые и выжили — те, кто был в скафандрах или в герметичных отсеках, — если они сумеют найти уцелевшее оружие и привести его в действие, они будут стрелять. Если нет — пойдут врукопашную. Непривычные к таким условиям, новоевропейцы могут отступить под натиском врага.

Контрольная панель лазера, возле которого занял позицию Хейм, имела свою собственную подсветку. Рукоятка рычага, индикаторы мерцали, словно огни сигнального костра. Хейм осмотрел цилиндр,

просвечивавший сквозь поврежденный глазок, понял, что лазер исправен. Он подавил легкий приступ тошноты, вызванный центробежными силами, выбросил из головы мысли о насмешливом торжестве холодных созвездий и начал высматривать врага. Сквозь страшное напряжение мелькнула мысль, что он стал основоположником нового тактического приема: тарана. Вообще-то, он не был таким уж новым. Его история уходила в глубь веков, к тем временам, когда люди впервые дерзнули оторваться от земли. И тут же воображение нарисовало впечатляющую картинку: Олаф Триггвасен на залитой кровью палубе «Длинной Змеи».

Нет. К черту. У него сейчас одна задача: остаться в живых до того момента, когда их подберет «Лис». А это должно произойти довольно скоро.

Раздался оружейный залп. Хейм увидел лишь, как луч отразился от стальной поверхности, и, прикрыв глаза, дождался, пока пройдет ослепление.

«Кто-то из наших. Я надеюсь», — подумал Хейм.

Мощная вибрация сотрясла корпус корабля и тело Хейма. Взрыв? Он не был в этом уверен. У алеронов могло бы хватить фантазии и фанатизма, чтобы уничтожить «Мироэт» вместе со своим кораблем, подорвав ядерную боеголовку. Вероятность была мала, поскольку им потребовались бы специальные инструменты, а найти их в такой каше было очень трудно. Но...

Что ж, умение ждать — одно из главных на войне.

Через балку перелезла одетая в скафандр фигура. На фоне звезд черный неземной силуэт казался каким-то нереальным, и только светлый ободок на шлеме, отбрасывавший блики, говорил о том, что это не мистика.

«Ну вот, стало быть, по крайней мере один остался в живых и теперь храбро попытается...» — подумал Хейм. Он прицелился и открыл огонь. На месте растерзанного тела взметнулся ствол пара, быстро исчезнувший в пространстве.

— Мне чертовски не хотелось это делать, — пробормотал Хейм, словно бы обращаясь к погибшему. — Но ты ведь мог бы притащить с собой какую-нибудь гадость, так-то вот.

Этот выстрел выдал его позицию. Вокруг него заплясал золотой луч, нащупывая цель. Хейм, скорчившись, укрылся за щитом. Невыносимо слепящая дорожка расплосовала металл буквально в нескольких сантиметрах от него. За первой последовало еще несколько таких молний, затем вражеский лазер угас.

— Молодчина! — Хейм перевел дух. — Молодчина, кто бы ты ни был.

Сражение длилось недолго. Без сомнения, алероны, если кто-то из них еще остался в живых, решили затаиться и ждать, что будет дальше. И все-таки необходимо было оставаться настороже.

В состоянии свободного полета, подобном сновидению, мышцы не уставали от неподвижности. Хейм позволил течению своих мыслей

самостоятельно выбрать русло. Земля. Конни, Джосселин... Новая Европа, Даниель... В жизни мужчины, как правило, не так уж много вещей, имеющих для него особое значение. Но те несколько значили ужасно много.

Прошло несколько часов.

Напряжение стало уже понемногу спадать, когда к месту сражения приблизился тонкий и изящный «Лис». Нельзя сказать, чтобы Хейм при виде его не почувствовал никакой радости (он появился — значит, он выиграл битву), но что-то внутри уже перегорело за эти часы ожидания, к тому же предстояла очень сложная стыковка. Хейму пришлось прокладывать себе путь к выходу сквозь тьму и развалины, потом посылать сигнал с помощью встроеного в шлем радио, чтобы тендер подошел на достаточное для прыжка расстояние, и когда это было сделано, он перешел на него и выпил маленько спиртного, чтобы нейтрализовать эффект воздействия радиации, которую он получил. Ну а потом — на борт крейсера...

Радостные восклицания и дружеские хлопки по спине, медвежий объятия и толкучка вокруг — это все воспринималось Хеймом из-за страшной усталости как нечто нереальное. Даже собственная победа не казалась уж настолько важной. Больше всего радовал его тот факт, что добрая дюжина алеронов осталась в живых и сдалась.

— Ну как, справились с «Айнисентом»? — спросил он Пенюйера.

— О, да, конечно. Обычный фокус-покус! Один магический пассаж — и эта кастрюля превратилась в облако изотопов. Что дальше, сэр?

— Ну... — Хейм потер глаза, в которые словно бы насыпали песок. — Твой барраж должны были заметить с Новой Европы. Теперь, когда с «Айнисентом» покончено, враг должен понять, чья взяла. Возможно, он догадался, что следующий на очереди «Севайдж», и тот теперь идет на перехват. Но скорее всего, он остался поблизости от базы. И даже если это не так, все равно он обязательно туда вернулся бы. Как думаешь, сможем мы задать перцу этому «Юбалхо»?

— Смотря как повезет, сэр, судя по имеющимся у нас данным, этот корабль более зубастый, чем наш. Хотя мы имеем преимущество в скорости и маневре. С помощью компьютера я составил несколько тактических моделей, которые дают нам почти сто процентов удачи. Но стоит ли рисковать? — сказал, нахмурившись, Пенюйер.

— Я думаю так, — сказал Хейм. — Если мы влипнем, что ж, будем считать, что наша сторона потеряет от этого не слишком много. С другой стороны, если мы выиграем, то Новая Европа — наша.

— Сэр?

— Без сомнения. Другой защиты, стоящей упоминания, у алеронов нет. Их наземные ракеты мы просто нейтрализуем из космоса. Потом мы обеспечим колонистам помощь с воздуха. Кстати, они уже готовят поход на побережье. Тебе известно не хуже, чем мне, что ни один флайер сроду не имел ни малейшего шанса на

поединок с космическим кораблем, имеющим ядерное оружие. Если алероны не сдадутся, мы просто вышибем их из воздушного пространства, а потом займемся наземными войсками. Но мне кажется, они капитулируют. Они ведь не дураки. И... тогда у нас будут заложники.

— Но... остальная часть их флота...

— Угу. Но по прошествии нескольких недель или месяцев они не станут возвращаться по одному. «Лис» вполне сможет преподнести им приятный сюрприз пыльным мешком из-за угла. Кроме того, все это время новоевропейцы будут работать не покладая рук, чтобы поскорее закончить систему космической обороны планеты. Вполне очевидно, что там осталось сделать не так уж много. Как только работа будет завершена, планета станет практически неприступной, что бы ни случилось с нами.

Ко всему прочему, довольно скоро к Новой Европе должен подойти очередной транспорт, разумеется, ничего не подозревающий. Мы его оприходуем и отправим на Землю часть новоевропейцев, как было запланировано с самого начала. Когда Земля узнает, что они не только живы и не только далеки от поражения и капитуляции, но еще и успешно выдерживают космическую осаду и ведут колоссальную работу по укреплению космической обороны... ну, если уж и тогда Земля не пошевелится, я отрекусь от человеческой расы.

Хейм выпрямился.

— Я не претендую на роль какого-то дурацкого героя, — подытожил он. — Главным образом, мне хочется вернуться домой, к своему старому кальяну и стоптанным шлепанцам. Ну, а как на твой взгляд, стоит попытаться использовать такой шанс?

Пенойер раздул ноздри.

— Клянусь... клянусь Юпитером, — запинаясь, произнес он. — Конечно, сэр.

— Очень хорошо, возьми курс на планету и позови меня, если что-нибудь случится.

Пошатываясь, Хейм прошел в свою каюту, повалился на койку и уснул как убитый.

Разбудил его Вадаж, который тряс его за плечо и вопил в самое ухо:

— Гуннар! Установлен контакт... с «Юбалхо»... встреча произойдет не позднее чем через полчаса.

Сон как рукой сняло, ушло все: усталость, страх, сомнения, даже злость. Шагая на мостик, Хейм чувствовал в себе такой прилив сил, какого не испытывал с тех пор, как умерла Конни. В иллюминаторах сияли звезды, такие огромные и яркие в кристальной темноте, что казалось, протяни руку — и дотронешься до них. Корабль тихо урчал и пульсировал, как живой. Люди стояли наготове возле орудий. Хейм почти физически ощущал единство с ними и с кораблем. Едва он успел занять свое командирское кресло, как из динамика зазвенел голос Синби:

— Капитан «Звездного Лиса», так, значит, я вновь приветствую

вас? Тяжелым был наш поединок. Ну, а как теперь, готовы ли вы его продолжить?

— Да, — ответил Хейм. — Мы идем к финишу и надеемся быть там первыми. Попытайтесь нас опередить.

Ответом был смех, подобный смеху Люцифера, который еще не повержен.

— Ну-ну, я благодарю тебя, брат мой. Пусть свершится то, что принесет с собой поток времени, плыть по течению которого — достаточно ужасная вещь... Я благодарю тебя за этот день.

— Ну что ж, я тоже говорю тебе спасибо, — сказал Хейм, а сам задумался с некоторым удивлением: «А ведь «спасибо» означает «спаси Бог».

— Мой капитан, — пропел Синби, — всего тебе доброго.

Радиопередатчик умолк. Молча, с погашенными огнями, два корабля двинулись к месту встречи.

ГЛАВА 10

Когда-то, давным-давно, на Новую Европу явился человек из Нормандии и построил себе дом на морских утесах. От того места поверхность понижалась постепенно широкими уступами с золотистыми деревьями, с зарослями трав и диких цветов, волнуемых ветром, а потом вдруг резко падала вниз крутым склоном; страна гор, подпирающих плечами небо, которое звенело голосами птиц, эхом глубоких лощин, плеском воды в озерах и водопадах, а на востоке расстилалась безбрежная соленая синева, прерываемая лишь линией горизонта. В те времена материалом для строительных работ ему могла служить только местная древесина и камень; он выбрал их за красоту. Конек крыши его дома составлял как бы единое целое с окружающим горным ландшафтом. Внутри дома были расположены просторные комнаты, обшитые резными деревянными панелями, большие каминь, а стропила были подтянуты так высоко, что зачастую терялись в тенях под потолком. Из широких окон открывался вид на землю, с которой дом составлял единое целое. На славу удалась постройка этому человеку, как всем, кто считает себя всего лишь маленьким звеном в цепочке поколений.

Из деревушки Бон Шанс превратилась в огромный город, протянувшийся на сотню километров к югу. Колонистов больше тянуло к долинам, чем к возвышенностям. Хотя при наличии воздушного транспорта добраться до этого места не составляло никакого труда, наследники человека ушли туда, где было богатство и люди. Дом долго стоял заброшенным, диким.

Но не особенно страдал при этом. Сильный и терпеливый, он ждал. И наконец пришло время, когда его терпение было вознаграждено по заслугам.

Контр-адмирал Моше Петерс, командующий бласт-кораблем

«Юпитер», Флот Глубокого Космоса Всемирной Земной Федерации, опустил позаимствованный на время флайер на посадочную площадку и вышел наружу. Свежий ветер раскачивал ветви деревьев в близлежащем саду, в небе бежали белые облака, а между ними просвечивали лучи солнца и, падая вниз, танцевали на волнующейся поверхности моря. Он шел медленно — человек небольшого роста, очень прямой в своей униформе, с орденскими планками на груди — и часто останавливался, чтобы полюбоваться открывающимся видом или каким-нибудь цветком.

Из дома, приветствуя его, вышел Гуннар Хейм, тоже в униформе. Но у него она была иная: серый китель с красным кантом вдоль брюк, с геральдическими лилиями на воротнике. Нависнув над гостем подобно готической колонне, он опустил лицо, сильно загоревшее за последнее время, приветливо улыбнулся, и маленькая рука утонула в его огромной лапище.

— Хэлло, Моше, рад снова видеть тебя! Сколько лет, сколько зим!

— Хэлло, — ответил Петерс.

Уязвленный такой холодностью гостя, Хейм выпустил руку и озадаченно спросил:

— Э... что-нибудь не так?

— Со мной все в порядке, благодарю. Чудесный у тебя дом.

— Ну, с ним еще придется повозиться, столько лет в запустении... Но мне он нравится. Хочешь, мы сперва осмотрим сад?

— Пожалуй.

Несколько мгновений Хейм постоял молча, потом вздохнул и сказал:

— О'кей, Моше. Видно, ты принял мое приглашение к обеду не ради того, чтобы просто поболтать со своим старым приятелем по Академии. Если у тебя есть какие-нибудь вопросы, может быть, лучше обсудить их сразу? Довольно скоро сюда придет еще кое-кто.

Петерс пристально взглянул на него карими глазами, таящими в себе боль, и сказал:

— Да, чем раньше мы покончим с этим, тем лучше.

Они принялись прогуливаться по зеленой траве лужайки.

— Постарайся взглянуть на вещи с моей стороны, — сказал он. — Благодаря тебе Земля начала действовать. Мы нанесли алеронам решительное поражение в пограничной зоне, и теперь они просят мира. Прекрасно. Я гордился тем, что знаю тебя. Я нажал на все кнопки, на какие только можно, чтобы добиться назначения на командование кораблем, официально посылаемого Землей с целью узнать, как идут дела на Новой Европе, какую помощь может оказать Земля в ее реконструкции, какой мемориал следует соорудить в память о погибших с обеих сторон, ибо победы достались недешево, Гуннар.

— И что, с твоими людьми недостаточно хорошо обошлись? — спросил Хейм.

— Да нет, — Петерс сделал резкий жест рукой, словно срубая кому-то голову. — Все члены экипажа, получавшие краткосрочный отпуск с корабля, едва добирались до грузового катера, так щедро их поили и кормили. Но... я дал разрешение на эти отпуска с величайшей неохотой, лишь потому, что мне не хотелось делать плохую ситуацию еще хуже. Когда мы подлетели к этой планете, опоясанной защитными установками — которые не собираются демонтировать, — нашему кораблю, кораблю Всемирного флота, указали, на какое расстояние он может подойти... Как ты думаешь, какие мысли могли возникнуть у человека, не один год прослужившего в Военном Флоте?

Хейм закусил губу.

— Да. Этот приказ вашему кораблю был ошибкой. Я выступил в совете против этого, но голосование решило иначе. Могу поклясться, что ни у кого и в мыслях не было нанести вам оскорбление. Просто большинство считает, что мы должны продемонстрировать свой суверенитет с самого начала. После того как данный прецедент будет воспринят как надо, мы успокоимся.

— Но почему?

Ярость окончательно ушла, не оставив Петерсу ничего, кроме боли и изумления.

— Эта фантастическая декларация независимости... Какие виды вооруженных сил имеются в вашем распоряжении? Ваш флот не может насчитывать больше боевых единиц, чем твой старый капер да, может быть, еще несколько трофейных кораблей. Ну, плюс еще полиция. Какую силу могут противопоставить нам полмиллиона людей?

— Уж не угрожаешь ли ты нам, Моше? — мягко спросил Хейм.

— Что? — взвизгнул Петерс и остановился, хватая ртом воздух. — Что ты имеешь в виду?

— Может быть, Земля собирается завоевать нас по примеру алеронов? Вам, конечно, это удалось бы. Пришлось бы потратить немало кораблей и денег, но в конечном счете это удалось бы.

— Нет... нет... Вы что, все здесь за время оккупации превратились в шизофреников?

Хейм покачал головой:

— Напротив, мы полагаемся на добрую волю и здравый смысл Земли. Мы ожидали, что вы будете протестовать, но в то же время мы знаем, что вы не станете применять силу. Тем более теперь, когда наши планеты совместно пролили столько крови.

— Но послушай. Если вы хотите получить национальный статус, что ж, это касается главным образом французского правительства. Но, судя по твоим словам, получается, что вы вообще покидаете Федерацию!

— Именно так, — подтвердил Хейм. — По крайней мере, юридически. Мы надеемся установить взаимоотношения с Землей в целом и всегда будем находиться в родстве, если можно так выразиться, с

Францией. Фактически, Президент считает, что Франция будет только «за» и отпустит нас с миром.

— М-м... Я боюсь, что он прав, — как-то угрюмо сказал Петерс. Он снова принялся ходить туда-сюда, двигаясь все еще весьма механически. — Франция все еще весьма холодно относится к Федерации. Она не станет выходить из нее сама, но будет рада, если вы сделаете это за нее, тем более, если ее интересы при этом не страдают.

— Она больше не станет точить зуб на Федерацию, — предсказал Хейм.

— Да, в свое время ты вырвался на свободу с той же целью?

Хейм пожал плечами:

— В определенной мере это, без сомнения, так. Конференция в Шато Сент-Джеквес была не что иное, как одна чудовищная эмоциональная сцена, поверь мне. Плебисцит выявил подавляющее большинство в пользу независимости. Но причиной тому была не только обида новоевропейцев на то, что Земля не пришла им на помощь в трудную минуту. Корни основных причин уходят в будущее.

— Де Виньи тоже пытался убедить меня в этом, — фыркнул Петерс.

— Что ж, давай теперь я попробую, только боюсь, мой язык не столь элегантен. Что такое Федерация? Нечто святое или просто орудие для достижения цели? На наш взгляд, как раз последнее, причем служить своей цели здесь она не может.

— Гуннар, Гуннар, неужели ты напрочь забыл всю историю? Известно ли тебе, что означал бы распад Федерации?

— Войну, — кивнул Хейм. — Но Федерация пока еще не собирается умирать. Несмотря на все свои недостатки, она имеет столь неоспоримые заслуги перед Землей, что отказ от нее невозможен, по крайней мере в ближайшем будущем. И все же Земля — это всего лишь одна планета. Ее можно облететь по орбите за девятнадцать минут. Нации живут в тесноте, словно сельди в бочке. Они вынуждены объединяться, чтобы не перебить друг друга. — Взгляд Хейма устремился куда-то вдаль. — Здесь у нас места побольше.

— Но...

— Вселенная слишком велика для каких бы то ни было шаблонов. Ни один человек не в состоянии постигнуть или проконтролировать ее, не говоря уже о правительстве. За доказательствами не надо далеко ходить. Нам пришлось пойти на обман, пришлось терзать и запугивать Федерацию, чтобы заставить ее сделать то, что — мы ясно видели это собственными глазами — было необходимо сделать. Потому что она этой необходимости не видела. Не в состоянии была увидеть. Если человек собирается освоить всю галактику, ему необходима свобода в выборе своих собственных путей, тех, которые, как подсказывает ему его прямой опыт, наиболее соответствуют его

обстоятельствам. И разве раса при этом не осознает всего своего потенциала? И разве есть иной путь, кроме как пробовать все и повсюду?

Хейм хлопнул Петерса по спине:

— Я знаю. Ты опасаясь, что в будущем могут возникнуть межзвездные войны, если планеты станут суверенными. Не беспокойся. Это же абсурд. За что будут бороться цельные, независимые в экономическом отношении, изолированные миры?

— Одна межзвездная война только что закончилась, — напомнил Петерс.

— Угу. Что или кто ее вызвал? Некто, не желавший дать человеческой расе развиваться так, как ей хочется. Моше, вместо того чтобы ставить себя в точку замерзания, вместо того чтобы превращаться в какое-то ничтожество и мелюзгу только из-за страха утратить контроль, давай изберем тактику, которая приведет к совершенно противоположным результатам. Давай выясним, сколько видов общества — человеческих и не человеческих — смогли бы обойтись без нацеленного на них полицейского ружья. Мне кажется, здесь вряд ли может быть какой-то предел.

— Ну... — Петерс покачал головой. — Может быть. Я надеюсь, что ты прав. Потому что связал нас по рукам и ногам, чтоб тебе пусто было.

Адмирал говорил без всякой злобы. Помолчав минуту, он добавил:

— Должен признаться, у меня немного отлегло от сердца, когда Президент де Виньи принес официальное извинение за то, что наш корабль держали на приличной дистанции.

— Я ведь тоже извинился, от себя лично, — низким голосом сказал Хейм.

— Хорошо! — Петерс протянул руку и коротко рассмеялся. — Принято и забыто, проклятый ты старый скандинав.

Хейм тоже облегченно улыбнулся.

— Отлично! — воскликнул он. — Пошли в дом и займемся подготовкой к пьянке. Боже, сколько нас ждет всевозможных историй и анекдотов!

Они вошли в гостиную и сели. Появилась служанка, сделала реверанс и остановилась в ожидании.

— Чем тебя угощать? — спросил Хейм. — Кое-какие деликатесы у нас здесь пока еще в дефиците и, разумеется, не хватает автоматов, так что приходится держать большой штат прислуги. Но что касается винных запасов, то в этом французам, как всегда, нет равных.

— Пожалуй, я бы выпил виски с содовой, — сказал Петерс.

— Я тоже. Здесь, на Новой Европе, мы и впрямь отвыкли от виски. Э... с Земли скоро придут караваны с грузами?

Петерс кивнул:

— Некоторые уже в пути. Парламент будет вне себя, когда я доложу о сделанном вами, и неизбежно возникнут разговоры об

эмбарго, но ты ведь знаешь, это ни к чему не приведет. Если мы не станем начинать военных действий, чтобы удержать вас против вашей воли, будет бессмысленно враждовать с вами путем мелких досаждений.

— Что еще раз подтверждает сказанное мной. — Хейм по-французски произнес служанке распоряжения относительно напитков.

— Пожалуйста, только не надо больше разговаривать на эту тему. Я ведь уже сказал, что принимаю это как свершившийся факт. — Петерс наклонился вперед. — Но могу я задать тебе один вопрос, Гуннар? Я понимаю причины, заставившие Новую Европу сделать то, что она сделала. Но ты лично... Ты мог бы вернуться домой, стать известным героем и миллиардером со своими трофейными богатствами. Вместо этого ты принял зде́шнее гражданство... нет, ради бога, они чудесные люди, но это не твой народ!

— Теперь мой, — спокойно ответил Хейм.

Вытащив трубку, он набил ее. Его речь продолжалась словно бы сама по себе:

— Как это обычно и бывает, мотивы здесь самые разные. Мне необходимо было оставаться здесь до конца войны. Сражаться пришлось много, а потом кто-то должен был налаживать космическую защиту. И... видишь ли... на Земле я был одинок. А здесь я нашел общую цель с людьми, с людьми в лучшем смысле этого слова. И в придачу — целый мир, просторный, открывающий бесконечные перспективы. В один прекрасный день, когда я почувствовал тоску по дому, на меня вдруг словно нашло озарение: а почему, собственно, я тоскую по Конни? Ее ведь уже нет на Земле и никогда больше не будет. Тогда зачем мне туда возвращаться? Чтобы покрываться плесенью среди своих долларов? Если моя дочь захочет сюда приехать, я буду рад. Не захочет — ее дело.

Итак, теперь я министр Космоса и Военного Флота Новой Европы. У нас не хватает рабочих рук, опыта, оборудования — буквально всего. Можешь назвать что угодно, и почти наверняка окажется, что нам этого не хватает. Но я вижу, как мы постепенно растем, день за днем. И в этом есть доля моего труда.

Он разжег трубку и выпустил клуб дыма.

— Я вовсе не собираюсь занимать место в правительстве дольше, чем это будет необходимо, — продолжал он. — Я хочу начать серию экспериментов с океаническими культурами и провести исследования других планет и астероидов этой системы, и основать свой торговый флот, и... черт побери, я просто не в состоянии перечислить все свои планы. Я не могу терять время, прежде чем снова стану лицом, не состоящим на государственной службе.

— Однако ты все же его теряешь, — заметил Петерс.

Хейм посмотрел в окно на море, солнце и небо.

— Что ж, — сказал он. — Это стоит того, чтобы принести некоторую жертву. Здесь затронуто больше, чем один только этот мир. Мы закладываем основу... — он сделал паузу в поисках

подходящего слова, — основу адмиралтейства. Или, иными словами, космического министерства. Которым будет управлять человек, которое будет охватывать всю Вселенную.

Вошла служанка с подносом. Хейм был рад этому, не только потому, что мог освежиться, но и потому, что это давало возможность сменить тему. Он был не из тех, кто любит поговорить на серьезные темы. Человек делал то, что должен был делать, этого было достаточно.

Девушка наклонила голову.

— К вам еще гости, мсье, — сказала она по-французски.

— Хорошо, — отозвался Хейм. — Должно быть, это Андре Вадаж с женой. Тебе они понравятся. Именно благодаря ему мы и вылезли из всей этой каши. Теперь он имеет возможность полностью ублажить свою любовь к простору, доставшуюся ему в наследство вместе с генами цыгана, на ранчо в Долине Борде площадью в 10 000 гектаров, при этом он по-прежнему остается певцом, равного которому нет во всей Солнечной системе.

— Я буду очень рад познакомиться, — сказал Петерс, проводив вышедшую служанку оценивающим взглядом. — Ты знаешь, Гуннар, — пробормотал он, — мне кажется, я нашел весьма вескую причину, объясняющую твое решение остаться здесь. Количество красивых девушек на Новой Европе просто ошеломляющее, и все они, по-моему, смотрят на тебя как на идола.

На глаза Хейма набежало мимолетное облачко.

— Боюсь, они здесь несколько иные, чем на Земле. О, ну что ж, — он поднял свой бокал.

— Скэл.

— Шалом.

Хейм и его гость встали, когда в гостиную вошла чета Вадаж.

— Бьенвену, — сказал Хейм, дружески пожал руку своему другу и поцеловал руку Даниель. Теперь он уже научился делать это только уважительно.

«Удивительно, — думал он, глядя на девушку, — как быстро заживает нанесенная ею рана. Жизнь — это, к сожалению, далеко не волшебная сказка, и в ней рыцарь, победивший дракона, не всегда получает в награду принцессу. Ну и что из того? Разве нашелся бы человек, пожелавший жить в мире, менее богатом и разнообразном, чем настоящий? Ты распоряжался собой, как кораблем — с дисциплинированностью, благоразумием и мужеством, — и в конце концов нашел свою гавань. К тому времени, когда ты, выполняя данное ей обещание, станешь крестным отцом ее первенца, тогда твои чувства к ней, вероятно, ничем уже не будут отличаться от чувств дяди по отношению к своей племяннице».

«Нет, — вдруг понял он, ощутив, как сердце внезапно забилося быстрее, — это произойдет даже раньше». Война кончилась. Он мог послать за Лизой. И почти не сомневался, что вместе с ней, или без нее, к нему прилетит Джосселин.

ГЕТТО

Монорельс высадил их на окраине Кит-тауна.

Вдали мерцали и переливались огни огромного города — красные, зеленые, золотые; огни металась меж стройных башен, отражаясь в низко висящем небе, здесь же царили тишина и ночь.

Кенри Шаун еще некоторое время постоял с остальными, неуверенно переминаясь с ноги на ногу и придумывая, что бы сказать. Все знали, что он собирается оставить космос, но у китян не принято было вмешиваться в личную жизнь других людей, и поэтому все молчали.

— Ну что ж, — в конце концов выдал он. — Еще увидимся.

— Конечно, — ответил Граф Кишна. — Мы проторчим на Земле несколько месяцев. — И после короткой паузы добавил: — В следующем рейсе нам будет очень не хватать тебя. Вот если бы ты... передумал, Кенри.

— Нет, — сказал Кенри. — Я остаюсь. Но все равно спасибо.

— Приходи в гости, — пригласил Граф. — Мы на днях как раз собирались устроить вечеринку и перекинуться в покер.

— Конечно. Конечно, приду.

Граф обнял Кенри за плечо одной рукой и слегка прижал к себе. Этот обычный для Кит-тауна жест заключал в себе больше, чем можно было выразить словами.

— Доброй ночи, — вслух сказал он.

— Доброй ночи. — Во тьме слова прозвучали чуть слышно. Они постояли еще мгновение: полдюжины мужчин в свободных синих куртках, мешковатых брюках и мягких туфлях — одежды для выхода в город. Все они забавно походили друг на друга: смуглолицые, невысокого роста и плотного сложения. Но больше всего их роднила

манера двигаться и особенное выражение лиц. Ведь за всю жизнь, проведенную среди звезд, они не видели ничего, кроме чужих странных миров.

Затем группа распалась, и каждый пошел в свою сторону. Кенри направился к отцу. Было довольно прохладно, северное полушарие вступало в осень; Кенри поежился и сунул руки в карманы.

Улицы Кит-тауна были просто узкими бетонными дорожками, не светящимися, а по старинке освещенными круглыми фонарями, бросавшими неясные блики на лужайки, деревья и на маленькие, похожие на землянки, домики, далеко отстоящие от дороги. Людей на улице почти не осталось: пожилой офицер, кажущийся очень суровым в своей накидке с капюшоном; молодая пара, медленно прогуливающаяся, взявшись за руки; стайка детей, резвящихся на траве, наполняющая воздух веселым смехом. Вполне возможно, некоторые из этих детишек родились лет сто назад и уже успели повидать миры, солнца которых неразличимы отсюда. Но родная планета всегда манила людей. Даже оказываясь на другом краю Галактики, они возвращались к шепчущим лесам и пенистым морям, к дождю, ветру и быстро несущимся тучам, через любые бездны пространства стремились они к своей матери-Земле.

Большинство домов-полушарий были темны. За ними присматривала автоматика, пока хозяева блуждали среди звезд. Кенри прошел мимо дома своего друга Джонга Эррифранса, подумав с грустью, увидятся ли они когда-нибудь. «Золотой Летун» вернется с Бетельгейзе не раньше чем через столетие, а к тому времени «Крылья» — его корабль — еще не возвратится из следующего рейса.

«Нет, постой-ка. Я ведь остаюсь. Я буду уже глубоким стариком, когда вернется Джонг, по-прежнему молодой и веселый, с гитарой за спиной и с улыбкой на губах».

В городке было всего-навсего несколько тысяч домиков, и большинство их обитателей постоянно отсутствовало. Сейчас вокруг Солнца кружили только «Крылья», «Летающее облако», «Могучий Варвар», «Богоматерь» и «Принцесса Карен» — их команды в общей сложности, включая и детей, насчитывали не более 1200 человек. Он еще раз прошептал тихонько архаичные, чудесные названия, смакуя на губах их волнующий привкус. Кит-таун и его обитатели были неизменны — иначе и быть не могло. Ведь если человек перемещается со скоростью света, то время для него идет так, что за десять лет отсутствия на Земле пролетает век... А здесь был дом, здесь человек был среди подобных себе, а не каким-то томми, который вынужден подобострастно кланяться и заискивать перед могущественными людьми Солнечной системы. Здесь человек оставался человеком и мог ходить с гордо поднятой головой. И неправда, хотя так говорят на Земле, будто они безродные, люди без собственной планеты, истории и привязанностей. Они были детьми родной планеты в большей степени, чем те, кто пережил ее лихорадочный расцвет, и войны, и закат...

— Добрый вечер, Кенри Шаун.

Он остановился, вырванный из задумчивости, и взглянул на молодую женщину. По ее длинным темным волосам и стройной фигуре струился бледный свет уличного фонаря.

— О... — спохватился он и поклонился. — Добрый вечер тебе, Тейя Баррин. Долго же мы не виделись. Года два, наверное, не меньше, а?

— Для меня время пролетело быстро, — ответила она. — «Могучий Варвар» прошлый раз летал к Веге. И мы крутимся на орбите уже целый месяц. А «Крылья», кажется, вернулись недели две назад, да?

Почему она не решается говорить прямо, без недомолвок? Кенри знал, что время прибытия его огромного корабля известно ей с точностью до часа.

— Да, — ответил он. — Но у нас вышел из строя астронавигационный компьютер, и мы, несколько человек, задержались на борту, чтобы привести его в порядок.

— Я знаю, — тихо ответила она. — Я интересовалась у твоих родителей, почему тебя не видно в городе. А разве тебе самому не хотелось на Землю?

— Еще бы! — произнес он, и голос его дрогнул. Он не мог рассказать ей о лихорадочном желании сбежать с судна, попасть на Землю и увидеть Дорти, которая ждала его среди роз. Это желание буквально жгло его, не давало покоя ни на миг. — Конечно, но ты же знаешь, что корабль — самое главное, я же самый опытный специалист по компьютерам. А мою долю груза продал за меня отец. Я никогда не любил заниматься торговлей.

Перекидываемся тут ничего не значащими словами, думал он про себя, а встреча с Дорти все отдаляется и отдаляется. Но он не мог оборвать ее на полуслове и уйти. Ведь Тейя была настоящим другом. Когда-то он даже думал, что она станет для него еще ближе, но это было до того, как он встретил Дорти.

— С тех пор, как мы улетели, мало что изменилось, — заметила она. — И это за целые двадцать пять земных лет! Все та же Звездная Империя с тем же языком и генетической иерархией, правда, немного более обширная. Правда, недовольства и волнений побольше, а значит, все ближе восстание и конец. Мне кажется, это очень напоминает африканцев поколения за два до падения их Империи.

— Точно, — сказал Кенри. — И другие тоже. И в будущем будет то же самое. Кстати, я слышал, что Звезды опять стараются прижать нас.

— Да. — Она говорила почти шепотом. — Теперь нам нужно покупать специальные эмблемы по совершенно немыслимой цене и носить их всюду за пределами Кит-тауна. Все может стать еще хуже и, я думаю, станет со временем.

Он заметил, что ее губы дрожат под резко очерченными

ноздрями, а глаза, встретившись с его глазами, вдруг блеснули от внезапно выступивших слез.

— Кенри... а это правда, что говорят о тебе?

— Что правда? — Сам того не желая, он почти выкрикнул это.

— Что ты собираешься бросить космос. И... оставить Кит... стать землянином?

— Мы поговорим об этом в другой раз. — В горле у него было невыносимо сухо. — Сейчас я очень спешу.

— Но, Кенри... — Она глубоко вздохнула.

— Спокойной ночи, Тейя. До встречи. А сейчас я действительно очень спешу.

Он поклонился и ушел — быстро, не оборачиваясь. Он удалялся, а по спине его скользили попеременно узкие полосы света и тени.

Дорти ждала его, и он обязательно должен увидеться с ней сегодня же вечером. Но почему-то он уже не думал об этом с такой радостью. На душе у него было мутно...

Она стояла у иллюминатора, глядя во тьму, бесконечность которой ощущалась невероятно чуждой, и белые отсветы корабельных переборок прохладно отражались в ее волосах. Мягко ступая, он приблизился сзади и опять, уже в который раз, поразился, как она красива. Даже тысячу лет назад такие высокие, чудесно сложенные блондинки были на Земле редкостью, и хотя селекционеры человеческих тел Звездной Империи вряд ли останутся в памяти человеческой, их следовало бы помнить вечно уже за то, что они создали такой тип женщины.

Она быстро обернулась, почувствовав его приближение. Серебристо-голубые широко раскрытые глаза воззрились на него, губы слегка разошлись, полуприкрытые изящной рукой. Какое все-таки чудо — женская рука, подумал он.

— Ты напугал меня, Кенри Шаун.

— Прошу прощения, фриледы, — удрученно сказал он.

— Ничего... — Она улыбнулась, немного неуверенно. — Ничего страшного. Видимо, меня нервирует межзвездное пространство.

— Да, оно вполне может вызывать... беспокойство, особенно если к нему не привык, фриледы, — сказал он. — Сам я был рожден среди звезд.

Она слегка вздрогнула.

— Космос слишком велик, — произнесла она. — Слишком велик и чужд, Кенри Шаун. Я и раньше предполагала, что путешествия между планетами выходят за рамки человеческого понимания, но это... — Ее рука коснулась его руки, пальцы сомкнулись вокруг его ладони, и он тоже невольно, вопреки желанию, сжал ее хрупкую кисть. — Этого я никогда бы не смогла себе представить.

— Когда летишь со скоростью света, — заметил он, стараясь скрыть смущение под маской опытного космонавта, — кое-что

изменяется. Аберрация смещает звезды, а эффект Доплера смещает цвета. Вот и все, фриледы.

Корабль вокруг них негромко шумел, словно разговаривая сам с собою на разные голоса. Дорти однажды поинтересовалась, о чем думает электронный мозг корабля: каково это — чувствовать себя космическим кораблем, вечно скитающимся среди чужих звезд. Он тогда сказал ей, что компьютер не обладает сознанием, но с тех пор эти ее слова буквально преследовали его. Может быть, просто потому, что это были ЕЕ слова.

— Но больше всего меня пугает отставание во времени. — Ее рука оставалась в его руке, и тонкие пальцы сжимались все сильнее. И его буквально пьянил легкий аромат духов. — Я никак не могу осознать того, что ты родился тысячу лет назад, Кенри Шаун. И того, что, когда я уже рассыплюсь прахом, ты все так же будешь путешествовать среди звезд.

В ответ уместно было бы сказать какой-нибудь комплимент, но язык перестал ему повиноваться. Ведь он был космическим скитальцем, уроженцем Кита, грязным, вонючим томми, а она была Свободной Звездой, универсальным гением, прекраснейшим цветком генетической иерархии Империи.

— Тут нет ничего странного, — только и смог он вымолвить. — По мере того, как относительная скорость приближается к скорости света, измеряемый промежуток времени сокращается, а масса растет. Но это для постороннего наблюдателя. Обе системы отсчета одинаково реальны. В этом рейсе мы движемся с тау-фактором, равным приблизительно тридцати трем, это означает, что нам потребуется около четырех месяцев, чтобы долететь от Сириуса до Солнца, но для наблюдателя, будь он у той или другой звезды, наш путь займет почти одиннадцать лет. — Рот свело, но он с усилием изобразил улыбку. — Это не так уж много, фриледы. Вы будете отсутствовать, давайте прикинем, два раза по одиннадцать, да еще год в системе Сириуса, — двадцать четыре года. Ваши владения будут целы и невредимы.

— Но разве для таких перелетов не требуется огромное количество горючего? — спросила она. Она слегка нахмурилась, и ее прелестный лобик пересекла тонкая морщинка. Она действительно старалась разобратся во всем этом.

— Нет, фриледы. Вернее, да, но мы не тратим материю в таких объемах, как в межпланетных полетах. Корабль движется за счет полей окрестных звезд — теоретически всей Вселенной, — и двигатель преобразует наш ртутный «балласт» в кинетическую энергию для всего корабля. Он действует одновременно на всю массу, поэтому мы даже не ощущаем ускорения и можем достичь скорости света за несколько дней. Когда же мы приблизимся к Солнцу, агоратрон начнет превращать энергию в атомы ртути, и у самой Земли мы затормозим.

— Боюсь, я плохо разбираюсь в физике, — засмеялась она. — Этим у нас на Земле занимаются типы Звезда-А и Норма-А.

Его охватило чувство отвращения. Да, думал он, умственный и физический труд по-прежнему остаются трудом. Пусть низкородные потеют, трудясь, — ведь Свободные Звезды живут для того только, чтобы быть украшением. Ее пальцы расслабились, и он убрал руку.

Казалось, она огорчилась, почувствовав, что обидела его. Она порывисто потянулась и дотронулась до его щеки.

— Прости, — тихо сказала она. — Я не хотела... Я не имела в виду того, что ты подумал.

— Ничего, фриледы, — с трудом выговорил он, стараясь скрыть свое изумление. Слыханное ли дело, чтобы аристократка стала извиняться!..

— И все же, — честно продолжала она. — Я знаю, столько людей терпеть не могут Кит. Вы просто не укладываетесь в рамки нашего общества, понимаешь? Вы никогда не принадлежали Земле по-настоящему. — Ее бледные щеки медленно залил легкий румянец; она потупилась. — Но я хорошо разбираюсь в людях, Кенри Шаун. И я могу отличить человека высшего типа, когда встречаю его. Ты бы и сам мог быть Свободной Звездой, только... мы показались бы тебе ужасно скучными.

— Что вы, фриледы, — напыщенно возразил он.

Он покинул ее. В душе у него все пело. Три месяца, радостно думал он, еще три месяца на одном корабле, еще три месяца до Солнца.

Старый заборчик сухо затрещал, когда Кенри хлопнул калиткой, ведущей к домику Шаунов.

Над головой зашелестел клен, отвечая легкому ветерку, и сбросил кроваво-красный лист прямо ему под ноги. В этом году ранние заморозки, подумал он. Систему контроля погоды так и не восстановили после того, как Механокласты ее запретили, и, может быть, в этом они были правы. Он остановился и глубоко вдохнул прохладный и сыроватый воздух, наполненный запахами вскопанной земли и спелых ягод. Внезапно он сообразил, что еще ни разу не был дома зимой. Он ни разу не видел, как холмы покрываются снегом, сверкающим на солнце, и ни разу еще не слушал невероятного безмолвия снегопада.

Теплый желтый свет из дома ложился кругами на лужайку. Он приложил ладонь к двери, она узнала его и открылась. Войдя в маленькую, загроможденную мебелью комнатку, в которой находилось еще и с полдюжины детишек, он уловил остатки чудесных ароматов обеда и пожалел, что опоздал. В последний раз он ел еще на корабле, но во всей Галактике не сыщешь лучшей стряпухи, чем его матушка.

Согласно обычаю, Кенри поздоровался с родителями, и отец в

ответ только сурово кивнул. Мать встретила его более сердечно, обняла, заметив, что он сильно похудел. Малыши, поздоровавшись, вернулись к своим книжкам, игрушкам и болтовне. Они довольно часто видели своего старшего брата и были еще слишком малы, чтобы понять значение его решения оставить космос.

— Кенри, дорогой, давай я сделаю тебе хоть сандвич, — сказала мать. — Как хорошо, что ты вернулся.

— Я очень тороплюсь, — ответил он. И добавил смущенно: — Я бы с удовольствием, но... э-э-э... мне нужно сходить в одно место.

Мать отвернулась.

— О тебе спрашивала Тейя Баррин, — заметила она как бы невзначай. — «Могучий Варвар» вернулся с месяц назад.

— О да, — сказал он. — Я встретил ее на улице.

— Тейя хорошая девушка. Тебе бы надо зайти к ней. Еще не поздно.

— Как-нибудь в другой раз, — отозвался он.

— «Могучий Варвар» отправляется к Тау Кита через два месяца, — сказала мать. — Так что у тебя будет не так уж много времени для встречи с Тейей, если только ты... — Голос ее дрогнул. — Если только ты не женишься на ней. Она прекрасная пара для тебя, Кенри. Она не будет лишней на борту «Крыльев». Она родит мне сильных внуков.

— Как-нибудь в другой раз, — повторил он и пожалел о произвольной резкости своего тона. Затем он повернулся к отцу и спросил: — Папа, а что это еще за новый налог?

Волден Шаун нахмурился.

— Проклятые жулики, — сказал он. — Чтоб у них у всех скафандры дали течь. Теперь мы обязаны носить эти эмблемы и платить за них с носа.

— А можно... можно я займу на сегодняшний вечер твою? Мне нужно в город.

Волден медленно поднял голову и взглянул сыну в глаза. Затем он вздохнул и поднялся.

— Она у меня в кабинете, — сказал он. — Пошли, поможешь мне отыскать ее.

Они вместе вошли в маленький кабинет. Там было полно книг (отец читал на всевозможные темы, впрочем, как и большинство китян), тщательно отполированных астронавигационных инструментов и сувениров, привезенных из далеких путешествий. Все они о чем-либо напоминали. Вот сабля с тончайшей гравировкой — подарена оружейным мастером с Проциона-5, многоруким чудовищем, которое было его другом. Пейзаж Изиды на стереографии — обрывистые холмы до самого горизонта, сплошь покрытые замерзшими газами цвета расплавленного янтаря, освещенные могучим Озирисом. А вот эти рога на стене — трофеи одной из охотничьих вылазок на Локи, еще в дни его молодости. А вот эта изящная прыгающая фигурка — изображение бога на Дагоне.

Склонив седую, коротко остриженную голову, Волден стал перебирать бумаги.

— Так ты в самом деле решил оставить космонавтику? — негромко спросил он. Лицо Кенри порозовело.

— Да, — ответил он. — Мне очень жаль, но... В общем, да.

— Мне и раньше приходилось встречать людей, которые бросили космос, — заметил Волден. — И многие из них даже преуспели, причем большинство. Но я сомневаюсь, были ли они счастливы.

— Интересно, — сказал Кенри.

— Скорее всего, в следующий раз «Крылья» отправятся к Ригелю, — сказал Волден, — и мы вернемся назад не раньше чем через тысячу лет. К тому времени уже не будет никакой Империи. И имя твое будет забыто.

— Я слышал разговоры об этом полете. — Голос Кенри немного охрип. — И именно поэтому я решил остаться.

Волден с вызовом взглянул на него.

— Что же ты нашел такого особенного в этих Звездах? — спросил он. — На моих глазах прошло двенадцать столетий истории человечества, за это время всякое бывало. Нынешние времена не из лучших. А скоро станет еще хуже.

Кенри молчал.

— Эта девушка не нашего поля ягода, сынок, — сказал Волден. — Ведь она из Свободных Звезд. А ты — просто дрянной грязный томти.

— Предубеждение против нас вовсе не расового характера, — сказал Кенри, избегая смотреть отцу в глаза. — Истоки его в разнице культур. А космонавт, который оседает на Земле... с их точки зрения, он вполне в порядке.

— Это пока, — сказал Волден. — Но предубеждение становится расовым. И, возможно, скоро нам придется покинуть Землю. Всем. На некоторое время...

— Я войду в ее класс, — сказал Кенри. — Давай эмблему.

— Придется перегрузить корабль, чтобы увеличить тау-фактор. — Волден вздохнул. — У тебя в распоряжении еще шесть месяцев. Раньше мы не улетим. Надеюсь, к тому времени ты изменишь свое решение.

— Возможно, — сказал Кенри, хотя знал, что нагло врет.

— Вот она. — Волден держал в руках маленькую желтую эмблему из переплетенных нитей. — Приколи ее к пиджаку. — Он достал толстый бумажник. — А вот тысяча декардов из причитающейся тебе доли. В банке на твое имя положено еще пятьдесят тысяч, но все-таки лучше будет, если и эти деньги у тебя не украдут.

Кенри пристегнул эмблему, и ему показалось, что она тяжела, как камень, висящий на шее. От дальнейшего самоуничтожения его избавила автоматическая реакция сознания. Пятьдесят тысяч декардов... что на них приобрести? Космонавт по необходимости

должен вкладывать деньги в какую-нибудь надежную и долговременную собственность...

Затем он вспомнил, что остается на Земле. И деньги эти не обесценятся, во всяком случае на протяжении его жизни. А ведь у денег есть свойство рассеивать предубеждения.

— Я вернусь... наверное, завтра, — сказал он. — Спасибо, папа. До свидания.

Суровое лицо Волдена стало еще более суровым. Голос его был ровен, но не настолько, чтобы не выдавать его чувств.

— До свидания, сынок, — сказал он, и Кенри вышел из дома в ночь.

Сначала никто из них не был особенно удивлен. Капитан Сералпин сказал Кенри:

— У нас будет еще одна пассажирка. Она ждет нас в Лэндфолле на Иштаре. Хочешь забрать ее?

— Зачем? Пусть сидит там, пока мы не подготовимся к возвращению. С чего бы это ей проводить целый месяц на Мардуке?

Сералпин пожал плечами:

— Не знаю, да и знать не хочу. Но она платит за перелет туда. Возьми шлюпку номер пять, — добавил он.

Кенри дозаправил маленький межпланетный катер и отчалил от «Крыльев», ворча себе под нос. Иштар находился по другую сторону Сириуса, и даже если он разовьет предельное ускорение, все равно полет займет несколько дней.

Все это время он изучал «Общую космологию» Муринна — книгу, до которой у него раньше никак не доходили руки, хотя издана она была 2500 лет назад. С тех пор, как пала Африканская Империя, существенных сдвигов в науке не происходило, и поэтому, наверное, на сегодняшней Земле царит убеждение, что все ответы на все вопросы давно получены. Ведь, в конце концов, раз Вселенная конечна, то бесконечно раздвигать горизонты науки невозможно. Результат: за несколько веков, в течение которых практические исследования тащились в хвосте теоретических предсказаний, интерес к науке почти угас, а достигнутые знания превратились в догму.

Но Кенри слишком много времени провел вне Земли, и он не был уверен в том, что человек способен понять космос до конца. Нерешенные проблемы существовали в самых разных областях — в физике, химии, биологии, психологии, истории, гносеологии, — и на все эти проблемы Десятитомное не давало удовлетворительных ответов. Но стоило ему попытаться объяснить это любому землянину, как в ответ он получал либо недоуменный взгляд, либо усмешку превосходства... Нет, все же наука — общественное явление, она не может развиваться тогда, когда общество не желает ее. Но никакое общество не существует вечно. И в один прекрасный день люди снова начнут задавать вопросы.

Когда Кенри приземлился в Лэндфолле, шел дождь. Он добрел

по душей мокрой улочке до отеля и испытал потрясение, узнав, что его пассажиркой будет молодая и прекрасная девушка. Он поклонился ей, скрестив, как положено, руки на груди, и почувствовал скованность и разочарование. Кто он рядом с ней? Низкорощенный, грязный космический бродяга... А она — одна из владык Земли.

— Надеюсь, на шлюпке вы не испытаете неудобств, фриледы, — пробормотал он, ненавидя себя за подобострастный тон. На самом деле ему хотелось крикнуть: «Ты, безмозглая бесполезная сучка! Это мой народ поддерживает жизнь на Земле! Не я, а ты в благодарности должна преклонять предо мной колени!» Но вместо этого он снова поклонился и, подав ей руку, помог подняться по трапу на борт.

— Да здесь просто чудесно, — рассмеялась она. Наверное, она еще слишком молода, подумал он, и еще не успела перенять всех привычек своего класса. Иштарский туман каплями осел на ее волосах, и капли сверкали, словно маленькие бриллианты. Голубые глаза вполне дружелюбно всматривались в его смуглое лицо с острыми чертами. Он рассчитал орбиту для возвращения на Мардук.

— Дорога займет около четырех дней, фриледы. Надеюсь, вы не очень торопитесь?

— О нет! — ответила она. — Я просто хотела заодно посмотреть и ту планету, перед тем как вернуться на Землю.

Кенри прикинул, сколько это должно стоить, и почувствовал, как его охватывает ярость от того, что кто-то может себе позволить выбросить такую кучу денег на обычное туристическое путешествие. Но он только кивнул.

Вскоре они были в космосе. Поспав несколько часов, Кенри поднялся с койки и обнаружил, что девушка тоже встала и перелистывает Муринна.

— Ни слова не понимаю, — сказала она. — А он всегда использует шестисложные слова вместо односложных?

— Он всегда изумительно точен, фриледы, — ответил Кенри, начиная готовить завтрак. Затем порывисто добавил: — Я хотел бы познакомиться с ним.

Она пробежала взглядом по небольшой библиотечке: всего несколько полок — микрочитки и обычные переплетенные тома.

— Вы, видно, много читаете, да?

— А что еще делать в долгом полете, фриледы? Конечно, можно что-нибудь мастерить или готовить товары к продаже, но все равно время для чтения остается.

— Меня удивляет, что у вас такие большие экипажи, — сказала она. — Ведь наверняка, чтобы управлять кораблем, не нужно столько людей.

— Конечно, нет, фриледы, — ответил Кенри. — Ведь в межзвездном пространстве корабль движется сам по себе. Но вот когда мы достигаем планеты, тут требуется очень много народу.

— И ради компании, да? Ведь с вами и жены, и дети, и друзья...

— Да, фриледы, — холодно ответил он. Какое ей дело?!

— Мне нравится ваш Кит-таун, — сказала она. — Я часто бывала там. Он такой... необычный, старомодный, что ли? Он похож на кусочек прошлого, сохранившийся, несмотря на все минувшие столетия.

Это уж точно, хотелось ему сказать, конечно, такие, как ты, все время таскаются к нам поглазеть, как мы живем. Вы являетесь чуть ли не в дым пьяные и заглядываете к нам в дома, а когда мимо проходит пожилой человек, вы, даже не удосуживаясь говорить потише, замечаете, какой, мол, он смешной старый гусь. А когда вы торгуетесь с продавцом и он старается получить с вас побольше, вы тут же делаете вывод, что все томми только деньгами и интересуются. О да, мы очень рады, когда вы навещаете нас.

— Да, фриледы.

Казалось, она обиделась, и оба надолго замолчали. Потом она ушла на свою половину, за специально оборудованную загородку, и он услышал звуки скрипки. Мелодия была очень древняя, наверное написанная еще до выхода человечества в космос, но несмотря на это, все еще свежая, нежная и доверительная, и в ней было все, что дает человеку почувствовать себя человеком.

Через некоторое время она перестала играть. Он достал свою гитару, взял на пробу несколько аккордов и задумался на мгновение. У китян были свои собственные мелодии.

Потом он запел.

Он почувствовал, как она тихо подошла и стоит позади него, но сделал вид, что не заметил. Голос его метался между стен каюты, а в глазах отражались холодные звезды и приближающийся Мардук.

Он закончил песню резким ударом по струнам, оглянулся и встал, чтобы поклониться.

— Нет, нет... сиди, — сказала она. — Но это была не земная песня. Что это?

— Джерри Лоусон, фриледы, — ответил он. — Она очень старая. Первых лет покорения космоса. Я пел ее перевод с английского оригинала.

Свободные Звезды все поголовно интеллектуалы, равно как и эстеты. И он ждал, что сейчас она заметит, что кому-нибудь следовало бы собрать народные песни Кита и издать их книгой.

— Мне понравилась песня, — сказала она. — Она мне очень понравилась.

Кенри отвернулся.

— Благодарю вас, фриледы, — произнес он. — Осмелюсь спросить вас, как называется то, что играли вы?

— О, та мелодия еще более древняя, — сказала она. — Это «Крейцера соната». Я просто обожаю ее. — Она медленно улыбнулась. — Мне кажется, что я хотела бы познакомиться с Бетховеном.

Их взгляды встретились, и они смотрели друг другу в глаза долго-предолго.

Городок кончился сразу, будто его обрезали ножом. Он был таким уже три тысячи лет — убежище времени: иногда он стоял в одиночестве посреди ветреных равнин, и, кроме обломков древних стен, вокруг не было видно никаких следов человеческого жилья; иногда он оказывался полностью поглощенным чудовищным мегаполисом, а иногда — как сейчас — на окраине... Но всегда он оставался Городком, неизменным и неприкасаемым.

Впрочем, нет. Не совсем так. Бывали времена, когда над ним проносилась война, оставляя оспины на стенах, дыры в крышах и наполняя улицы трупами; иногда его осаждали безумствующие толпы, желавшие лишь одного — линчевать какого-нибудь томми; являлись надменные чванливые чиновники — объявить об очередном ущемлении прав обитателей. Эти времена могут вернуться, они обязательно вернутся, подумал Кенри. Он поехал под пронизывающим осенним ветром и двинулся к ближайшей улице. По соседству с Городком теперь раскинулись районы трущоб, застроенные мрачными многоквартирными домами. По безликим улицам бесцельно слонялись толпы людей. Они носили костюмы и юбки грязно-серого цвета, и от них пахло. Большинство из них были Нормами, формально свободными гражданами, — что означало свободу голодать, когда не было работы. Значительную часть составляли Нормы-Д, занимавшиеся физическим трудом. Тупые тяжелые лица... Но там и тут то и дело попадались более живые лица Нормов-С, а иногда даже Норма-В. Когда сквозь толпу проталкивался Стандарт, довольный собой или своим мундиром с эмблемой владельца или государства, что-то мелькало в их глазах. Растущее понимание, ощущение неправильности жизни, раз уж рабы оказываются выше свободных людей. Кенри и раньше замечал эти взгляды. Он знал, что следует за ними, — слепая жажда разрушения. А ведь повсюду жили еще люди с Марса, с Венеры, с лун Юпитера, да, а как же, ведь у Блистательных с Юпитера тоже имеются амбиции, а Земля до сих пор оставалась самой богатой планетой. Нет, подумал он, Звездная Империя долго не протянет. Но она просто обязана просуществовать до конца жизни его и Дорти, а они уж позаботятся о том, чтобы обеспечить будущее своих детей.

Чей-то локоть впился ему под ребро.

— Прочь с дороги, томми!

Он сжал кулаки, вспоминая о том, что ему приходилось совершать там, в глубинах неба, и представляя, что он мог бы сделать сейчас... Молча он уступил дорогу. Какая-то толстая тетка свесилась из окна и, засмеявшись, плюнула в него... Плевков он стер, но никак не мог стереть смех, который преследовал его по пятам.

Они ненавидят нас, подумал он. Они не решатся свергнуть своих господ и потому выплескивают свою ненависть на нас. Что ж, потерпим. Лет двести осталось, не больше.

Тем не менее внутри у него все дрожало. Он чувствовал, как

напряжены нервы, мышцы живота, а шея болит от постоянных почтительных поклонов.

Нужно выпить, подумал Кенри. А Дорти подождет, никуда из своего розового сада не денется. Заметив подмигивающую неоновую бутылку, он свернул к таверне.

За столиками расположились несколько угрюмых мужчин, тупо уставившихся в настенный экран с прыгающим изображением. Этому анахронизму, наверное, было лет сто от роду. В зале также сидели с подлюжины девиц Стандартов-Д, усталых и затасканных. Одна из них машинально улыбнулась Кенри, но когда разглядела его лицо, костюм и эмблему, фыркнула и отвернулась.

Он подошел к стойке. Бармен встретил его ледяным взглядом.

— Один «Водзан», — сказал Кенри. — Впрочем, лучше двойной.

— Мы не обслуживаем всяких томми, — ответил бармен. Костяшки пальцев Кенри побелели. Он повернулся и собрался уходить, но тут кто-то дотронулся до его локтя.

— Минутку, космонавт. — Потом бармену: — Один двойной «Водзан».

— Я ведь уже сказал...

— Это для меня, Уилм. А уж я волен распоряжаться выпивкой как захочу. Могу хоть на пол выплеснуть. — В этом голосе было что-то такое, отчего бармен тут же потянулся за бутылками. Кенри взглянул на белое безволосое лицо с налетом распушенности. Тощий, затянутый в серое человек навалился на стойку, одной рукой бесцельно перекатывая кости в стаканчике. Пальцы казались совершенно бескостными, они скорее походили на маленькие нежные щупальца. Глаза у него были маленькие и красные.

— Благодарю вас, — сказал Кенри. — Я, с вашего позволения, заплачу...

— Нет, ставлю я. — Его собеседник принял стакан и передал Кенри. — Давай!

— Ваше здоровье, сэр! — Кенри поднял стакан и выпил. Напиток жидким пламенем обжег внутренности.

— Будем надеяться, — безразлично заметил человек. — Впрочем, мне это ничего не стоило. Обычно то, что я говорю здесь, — закон.

У этого странного типа было столь же странное телосложение. Наверное, подумал Кенри, он — так называемый Специал-Х, созданный по заказу в какой-нибудь генетической лаборатории потехи ради. Владелец, пресытившись шутот, отпустил его на волю, и у того остался один лишь путь — в трущобы. И скорее всего, сейчас это просто мелкий вор, хотя с тем же успехом он может быть членом запрещенной и объявленной вне закона Гильдии Убийц.

— Долго летал? — спросил тип, глядя на кости.

— Около двадцати трех лет, — ответил Кенри. — К Сириусу.

— Многое изменилось, — сказал Х. — Антикитизм снова вошел в силу. Будь осторожен, а то тебя просто прихлопнут или в лучшем случае ограбят, а ты даже не сможешь позвать патруль.

— Я очень благодарен вам...

— Не за что. — Гибкие пальцы снова собрали кости и положили их в стаканчик. — Мне нравится чувствовать свое превосходство.

— Ах вот как! — Кенри поставил стакан. На мгновение все померкло перед глазами. — Понимаю. Что ж...

— Нет, не уходи. — Рубиновые глазки встретились с его глазами, и Кенри увидел, что они полны слез. — Прости. Не суди меня за то, что я так жесток к тебе. Однажды я сам пытался наняться на корабль, но меня не взяли.

Кенри промолчал.

— Я бы отдал левую ногу до самой задницы, чтобы попасть хоть в один рейс, — тоскливо проговорил Х. — Думаешь, если мы земляне, то мы никогда ни о чем не мечтаем? Дудки! Хотя, по правде говоря, пользы от меня в космосе не было бы никакой. Для этого нужно там родиться. К тому же моя проклятая внешность... Видишь, даже отверженные в этом мире не могут между собой договориться.

— Так было всегда, сэр, — заметил Кенри.

— Наверное, ты прав. Ты ведь на своем веку повидал намного больше, чем мне когда-либо доведется. Я торчу здесь, никому не нужный, кое-как добываю себе пропитание, но иногда я задумываюсь — а кому все это нужно? Когда у человека нет ничего за душой, то ему, пожалуй, и жить-то не стоит. А, ладно... — Х снова выбросил кости. — Девять. Теряю навык. — Он снова поднял глаза. — Я знаю одно местечко, там никому нет дела, откуда человек, если у него есть деньги.

— Благодарю вас, сэр, но у меня важная встреча, — осторожно отказался Кенри.

— Я так и думал. Что ж, иди. — Х отвернулся.

— Спасибо вам за выпивку, сэр.

— Не за что. Приходи, когда захочешь. Обычно я торчу здесь. Но только никогда не распространяйся при мне о планетах. Слышать о них ничего не желаю.

— До свидания, — сказал Кенри.

Выходя из бара, он услышал, как по стойке снова брякнули кости.

Дорти хотела немного попутешествовать по Мардуку, ознакомиться с планетой. Она могла бы выбрать в сопровождающие кого угодно из жителей колонии на выбор, но предпочла Кенри. Звезде не говорят «нет», поэтому он прервал весьма многообещающие переговоры насчет пушнины с местными старостой, нанял машину, и в назначенное время они отправились в путь.

Некоторое время они ехали быстро и почти в полном молчании. Поселок скрылся из вида, и кругом простиралась каменистая

пустыня, окрашенная во все цвета радуги, утыканная отвесными скалами, железистыми холмами и пыльными колючими деревьями, четко видимыми в чистом разреженном воздухе. Над головами висело роскошное синее небо, в котором сверкал, заливая все вокруг ослепительным светом, Сириус-В, а рядом висел бледноватый диск Сириуса-А.

— Очаровательный мир, — в конце концов сказала Дорти. В разреженном воздухе слова ее звучали приглушенно. — Здесь мне гораздо больше нравится, чем на Иштаре.

— Большинству людей он не по душе, фриледы, — ответил Кенри. — Его считают унылым, холодным и сухим.

— Кто так говорит, просто ничего не понимает. — Она сидела, отвернувшись от него, и смотрела в окно на фантастические нагромождения окружающего пейзажа, уродливые скалы и колючий кустарник. Тут и там монотонные цвета склонов прошивали разноцветные жилы минералов.

— Завидую я тебе, Кенри Шаун, — сказала Дорти. — Я не очень много повидала на своем веку и не так уж много прочитала книг — только то, что попало под руку. Когда я думаю о том, сколько всего странного, прекрасного и удивительного повидал ты, я завидую тебе.

Он осмелился задать вопрос:

— Не поэтому ли вы отправились к Сириусу, фриледы?

— Отчасти. Когда умер отец, потребовалось, чтобы кто-нибудь проверил состояние дел в наших владениях на Иштаре. Все думали, что мы просто пошлем агента, но я настояла, чтобы лететь самой, и заказала билет. Все решили, что я сошла с ума. Еще бы, ведь когда я вернусь, будут новые моды, новый жаргон, новые люди... все мои друзья к тому времени станут людьми средних лет. А я стану просто ходячим анахронизмом... в общем, ты понимаешь. — Она вздохнула.

— Но путешествие стоило того.

Он подумал о своей собственной жизни: утомительное однообразие полетов, когда недели сливаются в месяцы и годы внутри металлической скорлупы; множество посадок на чужие, враждебные планеты — он видел, как его друзья гибли под оползнями, выплевывали собственные легкие, когда шлемы их лопались в безвоздушном пространстве, заживо гнили, подхватив неизвестные болезни. Он прощался с ними, провожая в небытие, из которого никогда не возвращаются назад. А на Земле он сам был словно призрак, постоянно плывущий над великой рекой времени. На Земле он всегда чувствовал себя каким-то ненастоящим.

— Да, фриледы, — сказал Кенри.

— Ничего, я привыкну, — она рассмеялась.

Машина переваливала через высокие дюны, пересекала овраги, оставляя за собой в пыли след, который тут же заносил ветер. Вечером они остановились на ночлег возле развалин заброшенного города, в месте, которое когда-то, видно, было сушим райским уголком. Кенри

установил две палатки и начал готовить ужин, а она все наблюдала за ним. Один раз она предложила:

— Давай я помогу.

— Не стоит, фриледы, — отозвался он. — Вы не привыкли к таким вещам и только испортите ужин, а мои руки привычны к походной стряпне.

Красный свет плитки бросал на их лица багровые отблески, с неба холодно сверкали звезды.

Она взглянула на аппетитное блюдо.

— А я всегда думала, что вы... что люди никогда не едят рыбу, — прошептала она.

— Некоторые едят, некоторые нет, фриледы, — отозвался Кенри равнодушно. Здесь, вдали от людей, невозможно было обижаться на разделявшую их пропасть.

— Когда-то рыба на кораблях была запрещена. Это было давно, тогда на борту было слишком мало места для выращивания пищи плюс дефицит энергии. Только богатый человек мог бы позволить себе иметь на борту аквариум, понимаете, а в тесно сплоченной группе космических кочевников недопустимы никакие различия в питании, иначе разлад в моральном климате неизбежен. А сейчас, когда исчезли экономические препятствия, только самые пожилые еще соблюдают табу.

Принимая из его рук тарелку с едой, она улыбнулась.

— Забавно, — сказала она. — Никогда не думала, что у вас есть своя история. Ведь вы сами — история.

— О, у нас очень богатая история, фриледы, у нас множество традиций... наверное, больше, чем у всего остального человечества.

Где-то в ночи вскрикнул охотящийся маркот. Она вздрогнула:

— Что это?

— Местный хищник, фриледы. Не тревожьтесь. — Кенри похлопал по своему карабину, в глубине души довольный тем, что представилась возможность проявить... что? Мужественность? — Вооруженный человек может не бояться никаких животных. Бояться нужно совсем другого — болезней, холода, жары, ядовитых газов, вакуума... Вселенная может преподнести что угодно.

Он улыбнулся, и на смуглом лице блеснула полоска белоснежных зубов.

— Даже если он и сожрет нас, то погибнет сам. Мы для него так же ядовиты, как и он для нас.

— Разные биохимия и экология, — понимающе кивнула она. — Миллиарды лет независимой эволюции. Ведь правда, было бы странно, если бы на разных планетах возникла жизнь настолько близкая к земной, чтобы мы могли употреблять в пищу тамошних животных. Наверное, именно поэтому и не осуществилась настоящая космическая колонизация. Несколько поселений, в которых занимаются торговлей и добывают руду, не в счет...

— Это лишь отчасти верно, фриледы, — сказал он. — Тут дело

еще и в экономике. Ведь гораздо проще, а с финансовой точки зрения — дешевле, чтобы люди оставались дома. К тому же на другие планеты все равно попали бы немногие — слишком быстрым был прирост населения и слишком слабы эмиграционные возможности.

Она пристально посмотрела на него, а когда заговорила, голос ее был мягок:

— Вы, китяне, довольно неглупый народ, а?

Он-то знал, что это сущая правда, но, естественно, стал возражать.

— Нет, нет, — сказала она. — Я кое-что читала о вашей истории. Поправь меня, если я ошибусь, но в самые первые годы космических полетов отбор был очень жестким. Космонавт обязательно должен был обладать живым умом, физической силой, отличной реакцией и спокойным характером. Ему нельзя было иметь большой рост и вес, кроме того, предпочтение отдавалось людям со смуглой кожей — это могло помочь в случае солнечного ожога или облучения... Да, так оно и было. И сейчас все это так. Когда в космос стали отправляться и женщины, ремесло стало семейным. Те космонавты, которые не приспособивались к такой жизни, постепенно отсеивались, а новобранцы как две капли воды походили на тех, в чьи ряды они вливались. Так постепенно возник Кит — почти отдельная раса людей. И, наконец, вы получили монополию на звездные перелеты...

— Нет, фриледи, — перебил Кенри. — Так не было никогда. Любой, кто захочет, может построить космический корабль и найти для него экипаж. Но это требует огромных капиталовложений. И после того, как пройдет первая эйфория, окажется, что обычный землянин просто не способен к тяжелой и одинокой жизни. Именно поэтому в наше время все космонавты — китяне, хотя это вышло само собой.

— Это я и имела в виду, — сказала она. Потом более откровенно: — Но вы отличаетесь от всех остальных, и отсюда — подозрения и дискриминация... Нет, не прерывай меня, я хочу договорить до конца... Любое заметное меньшинство, которое бросает вызов большинству, обрекает себя на всеобщую неприязнь. Солнечной системе необходимы расщепляющиеся материалы и химические соединения, которые вы доставляете со звезд, — свои мы давным-давно истратили. Я уж не говорю о предметах роскоши — меха, драгоценности, которые пользуются огромным спросом. Следовательно, вы необходимы обществу, но тем не менее не являетесь его органической частью. Вы слишком горды, по-своему горды, чтобы подражать тем, кто вас притесняет; вы стараетесь быть экономными — вас считают скрягами; вы способны думать лучше и быстрее, чем средний землянин, выторговывая для себя более выгодные условия сделки, — и за это вас ненавидят. Не забудь еще доставшийся в наследство со времен Механокластов обычай считать технику злом, и именно у вас она сейчас на высоком уровне. А ваш

обычай торговать женами, как это было в период освоения Марса?.. О, я прекрасно знаю, что вы делаете это, чтобы немного скрасить однообразие длительного полета, я знаю, что у вас семейная жизнь на самом деле гораздо богаче, чем у нас... Но, несмотря на то, что все эти времена давно прошли, они оставили свой след. Иногда я вообще удивляюсь, зачем вы утруждаете себя делами с Землей. Почему бы вам просто не уйти в космос, оставив нас вариться в собственном соку?

— Ведь Земля и наша родина тоже, фриледы, — очень тихо сказал он. — Именно то, что мы необходимы, обеспечивает нас защитой. Пока мы справляемся. И пожалуйста, не нужно нас жалеть.

— Несгибаемый народ, — сказала она. — Вам даже жалость не нужна.

— А кому она нужна, фриледы? — спросил он.

Когда трущобы постепенно сменились высокими складскими зданиями и помещениями торговых фирм, Кенри на элеваторе поднялся к линии скайвэя, сел в кресло и предоставил скоростной линии нести себя к центру города.

Скайвэй быстро набирал высоту, и наконец выше него остались только самые высокие здания города. Взявшись рукой за поручень, он смотрел в ночь, озаренную сполохами света. Светились улицы и стены, вереницы цветных фонарей окрашивали бархатную тьму, фонтаны отливали белым, золотым и алым, цветомузыка заливала разноцветными огнями подножие триумфальной статуи. Архитектура Звезд являла собой застывшее движение; вздымающиеся ввысь колонны, ярусы и шпили как будто бросали дерзкий вызов пылающему небу. Кенри, проплывающий высоко над этим ажурным лабиринтом, едва различал внизу, под ним, потоки людей и экипажей.

По мере приближения к центру на скайвэе народу становилось все больше и больше. Стандарты в фантастически ярких ливреях, Нормы в туниках и юбках, случайные гости с Марса, Венеры или Юпитера в блестящих одеяниях и с жадным блеском в глазах... А вот и группа Свободных — тонкие одеяния словно туманом окутывают их стройные фигуры, освещенные блеском украшений; бороды мужчин и волосы женщин пышно завиты. За два десятилетия моды сильно изменились, подумал Кенри, особенно остро осознав, сколь потрепанным и жалким выглядит он сам. Он придвинулся к самому краю полосы.

Мимо его сиденья прошли две пары молодых людей. Он краем уха услышал:

— Ой, смотри, томми! — сказала женщина.

— Кажется, не из трусливых, — пробормотал один из мужчин. — Может, показать ему...

— Нет, Скэниш! — сказала другая женщина, с более мягким голосом, чем первая. — Он в своем праве.

— Так нужно лишить его этого права. Знаю я этих томми. Дай им палец — так всю руку откусят. — Все четверо расселись на сиденья позади Кенри. — У меня дядька в «Транссолнечной Торговой». Так он такое рассказывает...

— Прошу тебя, Скэниш. Он ведь может услышать.

— И очень хорошо, что услышит...

— Ну ладно, дорогой, успокойся. Так что мы будем делать дальше? Пойдем к Халгору? — Она пыталась заинтересовать их новой темой.

— Ох, да ведь мы там были уже сто раз, не меньше. Что мы там будем делать? Может, лучше забьемся в мою ракету, да махнем прямо в Китай? Я знаю там одно местечко, где демонстрируют очень интересную технику...

— Нет, сегодня я не в состоянии. Даже сама не знаю, чего мне хочется.

— В последнее время у меня тоже что-то с нервами не в порядке.. Мы купили нового врача, но он говорит то же самое, что и его предшественник. Кажется, они сами не знают, где верх, где низ. Может, попробовать эту новую религию Белтанистов? В ней что-то есть. По крайней мере хоть развлечение.

— Слушайте, а вы ничего не знаете о последнем возлюбленном Марлы? Знаете, кого видели вылезавшим из ее спальни последние десять дней?

Кенри постарался отвлечься и не слушать. Он не хотел этого слышать. Он не хотел, чтобы в душу к нему проникли усталость и болезненность духа старой, немощной Империи.

Дорти, подумал он, Дорти Персис фром Канда. Чудесное имя, не правда ли? В нем слышна музыка. Фром Канды всегда были одной из самых выдающихся семей, и Дорти не похожа на остальных Звезд.

Она любит меня, думал Кенри, и душа его пела. Она любит Меня. Нас — двое, впереди жизнь, а Империя — пусть гниет на здоровье. Мы всегда будем вместе.

Теперь перед ним был небоскреб — здание из камня, хрусталя и света, в мощном порыве поднимавшееся прямо к звездам. На фасаде пылал герб фром Канда — древний и гордый символ. Он венчал свершения трехсот лет.

«Но ведь это меньше, чем я прожил. Нет, мне нечего стыдиться перед ними. Я сам — потомок самой старой и самой достойной ветви человечества. Я ничем не хуже их».

Но как он себя ни уговаривал, он никак не мог избавиться от угнетенного состояния, в котором пребывал целый день. Это было странно, ведь приближался момент триумфа. Он должен предстать перед ней как завоеватель...

Он тяжело вздохнул и поднялся. Приближалась нужная ему остановка.

И вдруг он почувствовал острую боль. Он подскочил, оступился и упал на одно колено. Медленно обвел взглядом окружающих. Так и есть! Молодой Свободный нагло ощерился прямо ему в лицо, держа в руках шоковый хлыст. Кенри рукой потер пораженное место, и четверо засмеялись, а потом засмеялись все вокруг. И этот смех преследовал его, пока он спускался со скайвэя на землю.

На мостике он был один — для несения вахты в этой необъятной пустоте одного человека вполне достаточно. Если бы не монотонное урчание двигателей, помещение походило бы на залитую сумеречным светом пещеру. Свет исходил лишь от мерцающих индикаторов и экранов, показывающих искаженные околосветовой скоростью звезды.

Она появилась в дверном проеме и на мгновение задержалась у входа. В полумраке видна была только белая накидка. Кенри невольно сглотнул, а когда поклонился, перед глазами поплыли круги. Она подошла к нему упругой и раскованной походкой Свободных, чуть слышно зашелестела одежда...

— Я никогда еще не бывала на мостике. Я не думала, что пассажиров туда пускают.

— Но ведь это я пригласил вас, фриледы, — ответил он и почувствовал, как перехватило горло.

— Очень мило с твоей стороны, Кенри Шаун. — Ее пальцы коснулись его руки. — Ты всегда очень мил со мной.

— Разве кто-нибудь может вести себя с вами иначе?

Призрачный свет отразился в ее глазах, когда она взглянула ему в лицо и улыбнулась как-то непривычно робко.

— Спасибо, — прошептала она.

— Я... э-э-э... в общем, — он указал на главный экран, — это вид точно по оси вращения корабля, фриледы. Именно поэтому изображение на нем всегда остается неподвижным. — Собственный голос казался ему чужим и словно доносившимся издалека. — А вот это астронавигационный компьютер. Сейчас он нуждается в капитальном ремонте...

Ее ладонь прошлась по спинке его кресла.

— Это твое кресло, Кенри Шаун? Я представляю, как ты сидишь в нем, задумавшись, и на лице у тебя такое забавное выражение, словно стоящая перед тобой проблема — твой злейший враг. Потом ты вздыхаешь, проводишь рукой по волосам и кладешь ноги на стол, чтобы лучше думалось. Правильно я говорю?

— Откуда вы знаете, фриледы?

— А вот знаю, и все. Я очень много думала о тебе в последние дни. — Она отвернулась и взглянула на бесчувственные голубоватобелые звезды, разбросанные по экрану.

Вдруг ладони ее сжались в кулачки.

— Ты заставляешь меня чувствовать собственную никчемность, — сказала она.

— Вы...

— Жизнь-то не где-то там. А здесь! — Она волновалась, и слова ее обгоняли друг друга, настолько важно ей было выговориться. — Это вы поддерживаете существование Земли своими перевозками. Это вы работаете и боретесь с трудностями и думаете — не о том, что одеть к обеду и кто кого с кем видел и чем заняться вечером, когда тебе плохо и ты несчастен и не можешь усидеть дома. Это благодаря вам на Земле люди живут в приятном полужабытии. Я завидую тебе, Кенри Шаун. О, как я хотела бы родиться в Кит-тауне!

— Фриледи... — горло его пересохло.

— Не надо. — Она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни капли жалости к себе. — Даже если бы меня и согласились принять на корабль, я бы никогда не смогла летать. У меня нет ни нужной подготовки, ни способностей, ни терпения, ни... Нет! Забудь об этом. — В ее сверкающих глазах стояли слезы. — А как ты думаешь, теперь, когда я узнала, что такое Кит, стану я пытаться помогать вам? Приложу ли я усилия к тому, чтобы вас лучше понимали, лучше к вам относились, не унижали вас? Нет. Я просто знаю, что даже и пытаться бесполезно. У меня не хватит духа.

— Это было бы напрасной тратой времени, фриледи, — сказал он. — Один человек не может изменить целую культуру. Не беспокойтесь об этом.

— Я знаю, — отозвалась она. — Ты, конечно, прав. Но окажись ты на моем месте, ты бы попытался?

После этих слов они долго-долго смотрели друг другу в глаза.

Тогда он впервые поцеловал ее.

Двое охранников у главного входа — в одинаково сверкающей униформе, оба гигантского роста — были похожи на статуи. Чтобы взглянуть в лицо одному из них, Кенри пришлось высоко задрать голову.

— Фриледи Дорти Персис ждет меня, — сказал он.

— Чего? — От удивления массивная челюсть так и отвалилась.

— Да, да, — Кенри усмехнулся и протянул карточку-пропуск. — Я должен немедленно увидеться с ней.

— Но у нее сейчас прием...

— Ничего. Вызовите ее.

Охранник побагровел, открыл рот и снова закрыл его. Затем повернулся и вошел в визифонную будку. Кенри ждал, сожалея о собственной дерзости. «Дай им палец, и они откусят руку». Но как еще мог бы вести себя китянин? Если он вел себя смиренно, его обзывали подлизой; если он выказывал гордость, то превращался в наглого пробивного подонка; если он старался получить справедли-

вую цену, то становился скрягой и кровопийцей; если он разговаривал с товарищами на своем языке, то, значит, скрывал что-то; если он больше заботился о своем народе, чем о какой-то совершенно ему ненужной нации, то автоматически становился предателем и трусом; если...

Охранник вернулся, качая головой от удивления.

— Все правильно, — угрюмо сказал он. — Первый лифт направо, пятидесятый этаж. И смотри не выкинь там чего-нибудь, томми!

Когда я стану хозяином, мстительно подумал Кенри, я заставлю его подавиться этим словом. Но потом он решил: нет. Зачем? Кому от этого станет лучше?

Он прошел под сводами гигантского портала в фойе, похожее на огромный грот из самосветящегося пластика. Здесь на него изумленно уставились несколько слуг-Стандартов, правда, не вмешиваясь. Он нашел лифт и нажал кнопку пятидесятого этажа. Кабина поднималась в тишине, нарушаемой только ударами его собственного сердца.

Выйдя из лифта, он оказался в прихожей, затянутой красным бархатом. За сводчатой дверью мелькали люди, множество людей, одетых в красное, пурпурное и золотое. Воздух был наполнен музыкой и смехом. Выпучив от удивления глаза, швейцар у входа заступил ему дорогу.

— Тебе туда нельзя.

— Как бы не так, черт возьми! — Кенри отстранил его и прошел в зал. В глаза ему ударил такой яркий свет, что он испытал почти физическую боль. Все смешалось: танцующие пары, слуги, люди — стоящие, смеющиеся, занятые разговорами. Наверное, тут было не меньше тысячи человек.

— Кенри! О, Кенри...

Она уже была в его объятиях, прижимаясь губами к его губам, дрожащими руками обняв его за голову. Он привлек ее к себе, и воздушная накидка, брошенная на ее плечи, мягко укрыла их от остальных.

Несколько раз, тихо смеясь, она отрывалась от него, чтобы отдышаться. Но сейчас ее смех был не тем обычным веселым смехом, который он так хорошо знал. У нее был очень утомленный вид, тени вокруг глаз, и Кенри почувствовал, как его охватила жалость.

— Любимая, — прошептал он.

— Кенри, не здесь... О, милый, я надеялась, что ты появишься раньше, но... Пойдем сейчас со мной, я хочу, чтобы все видели человека, который стал моим избранником. — Она взяла его за руку и почти потащила за собой. Танцоры мало-помалу останавливались, пара за парой, по мере того как замечали незнакомца, и наконец — вся тысяча человек уставилась на него. Все разговоры смолкли, в зале воцарилась мертвая тишина.

Дорти вздрогнула, затем откинула голову назад тем характерным для нее независимым движением, которое он так хорошо знал и

любил, и посмотрела ему в глаза. Она поднесла запястье к губам и зашептала в микрофон. Усилители под сводами разнесли по залу ее слова:

— Друзья... Я хочу сообщить вам кое-что... Некоторые из вас уже знают... так вот, это и есть тот человек, за которого я собираюсь выйти замуж...

Это был голосок маленькой испуганной девочки. И как жестоко было заставлять его звучать подобно трубному гласу богини.

После паузы, которая, казалось, никогда не кончится, несколько человек поклонились — как требовал этикет, и через несколько мгновений уже все кланялись, как заведенные куклы. И лишь немногие составили исключение и мрачно отвернулись.

— Продолжайте! — Голос Дорти стал пронзительным. — Продолжайте танцевать. Прошу вас! Вы все... позднее...

Дирижер явно был чувствительным человеком, потому что оркестр тут же заиграл какой-то шумный ритмичный мотив, и пары одна за другой постепенно вернулись к танцам.

Дорти опустошенно взглянула на Кенри.

— Как хорошо снова видеть тебя, — сказала она.

— И я безумно рад видеть тебя, — отозвался он.

— Пойдем. — Она повела его вдоль стены. — Давай присядем и поговорим.

Они нашли нишу, отгороженную от зала стеной цветущих роз. Место было уединенным, и она прильнула к нему. Он почувствовал, что она дрожит.

— Что, нелегко пришлось, да? — спокойно спросил он.

— Нет, — ответила она.

— Если тебе...

— Не смей так говорить! — В ее словах слышался страх. Она заставила его замолчать, прижавшись губами к губам.

— Я люблю тебя, — через некоторое время сказала она. — И это единственное, что что-нибудь значит, правда?

Он молчал.

— Правда ведь? — она заплакала.

— Может быть. — Кенри кивнул. — Насколько я понимаю, твое семейство и друзья не одобрили твоего выбора.

— Некоторые не одобрили. Но какое это имеет значение, милый? Они забудут обо всем, когда ты станешь одним из нас.

— Одним из вас... Но я рожден для другого, — мрачно сказал он. — Я всегда буду выделяться, как... Впрочем, ладно. Я не хуже тебя смогу выдержать это.

Он сидел на мягком диване, крепко прижимая ее к себе, и сквозь стену вьющихся роз смотрел в зал. Разноцветье, танцы и громкий отрывистый смех — это был не его мир. И он поразился тому, что когда-то вообразил, будто сможет привыкнуть к нему.

Они много раз обсуждали эту тему, пока корабль мчался сквозь мрак. Она никогда не смогла бы стать одной из Кита. В экипаже не

было места человеку, который не переносил миров, для человека не предназначенных. Именно Кенри должен был перейти в ее класс, и он вполне мог это сделать, благодаря уму и способности к адаптации. Он даже мог надеяться занять определенное положение в обществе.

— Кем я стану? — задумался он, прижимая к себе Дорти. — Устроитель еще более пышных приемов, распускатель сплетен, вежливый слушатель бесконечно скучных и извращенных речей... Нет, ведь есть Дорти, и долгими ночами мы будем совсем одни. Этого достаточно.

Достаточно ли? Человек не может всю жизнь заниматься только любовью.

Например, он мог бы преуспеть в одной из крупных торговых фирм на Земле... (Четыре тысячи баррелей очищенного юнгового масла с Кали, с оплаченной доставкой, накладные прилагаются — и жестокие грозы, то и дело вспыхивающие над фосфоресцирующей поверхностью планеты. Тысяча слитков чистого тория с Хатора — и лунный свет, отражающийся от заснеженной равнины в звенящей зимней тиши. Партия зеленого меха с новооткрытой планеты — а корабль отправился в небеса, которых не видел еще ни один человек.)

Или армия... Рядовой, встать! Ать-два!.. Сэр, вот последние разведанные с Марса... Сэр, мне известно, что орудия не отвечают своим техническим характеристикам, но мы ничего не можем поделаться с подрядчиком, его покровитель из Свободных Звезд... Генерал приказывает вам присутствовать на банкете для офицеров штаба... А теперь скажите мне, полковник Шаун, что вы на самом деле думаете, а то знаете, обычно из офицеров клещами слова не вытянешь... Товьсь! Целься! Пли! Так будет со всеми предателями Империи!

А может быть, научная карьера. (Видите ли, сэр, в этой работе говорится, что формула имеет следующий вид...)

Рука Кенри в отчаянии еще сильнее обхватила талию Дорти.

— Как, хорошо тебе дома? — спросил он. — Я имею в виду, сильно ли изменилось все вокруг?

— О, дома чудесно! Просто удивительно! — Она неуверенно улыбнулась. — Я так боялась, что окажусь старомодной, отстану от жизни, но нет, все оказалось в порядке. Подобралось просто замечательное общество, многие из них — дети моих прежних друзей. Они понравятся тебе, Кенри. Мной сейчас все восхищаются, мол, как это я решилась лететь к Сириусу и обратно. А подумай, как они будут восхищены тобой!

— Мной они восхищаться не будут, — проворчал он. — Ты, наверное, забыла, что я для них просто томми.

— Кенри! — Она гневно нахмурилась. — Что за манера разговаривать! Никакой ты не томми, и ты прекрасно это знаешь. Только нужно перестать думать как они... — Она спохватилась и смущенно проговорила: — Прости меня, милый. Я, кажется, сказала ужасную вещь, да?

Он смотрел прямо перед собой и молчал.

— Я, наверное, просто заразилась, — сказала она. — Тебя так долго не было. Но ты ведь вылечишь меня, правда?

Нежность охватила его, и он поцеловал ее.

— Хм!.. Прошу прощения!

Они отодвинулись друг от друга с виноватым видом и взглянули на двоих, вошедших в нишу. Один был человеком средних лет, суровым, стройным и с военной выправкой, на его темно-синей тунике сверкали награды. Второй был гораздо моложе, круглолицый и довольно пьяный. Кенри поднялся. Он поклонился им, не сгибая рук, как равный равным.

— О, вы должны познакомиться. Я уверена, что вы друг другу понравитесь... — Дорти говорила быстро, необычно возбужденно. — Это Кенри Шаун. Я, наверное, уже вам уши прожужжала о нем, да? — Нервный смешок. — Кенри, это мой дядя, полковник фром Канда из Генерального Штаба Империи, и мой племянник, его светлость лорд Домс. Как забавно вернуться и обнаружить, что племянник стал твоим ровесником!

— Весьма польщен, сэр. — Голос полковника был таким же твердым, как и его выправка. Домс хихикнул.

— Вы должны простить нас за вторжение, — продолжал фром Канда. — Но я хотел бы поговорить с... Шауном как можно скорее. Вы, надеюсь, понимаете, сэр, что мной движет исключительно забота о благополучии моей племянницы и моей семьи.

Ладони Кенри были мокры и холодны.

— Разумеется, — сказал он. — Прошу вас, садитесь.

— Благодарю. — Фром Канда опустил свое угловатое тело на диван рядом с китянином. Дорти и Домс расположились по обе стороны от них; молодой человек буквально упал на диван и заулыбался:

— Может, послать за вином?

— Только не для меня, благодарю, — сухо отказался Кенри.

И встретил холодный взгляд полковника.

— Прежде всего, — сказал полковник, — я хочу, чтобы вы знали, что я не разделяю этих абсурдных расовых предрассудков по отношению к вашему народу. Нетрудно убедиться, что китяне биологически идентичны Звездам. И даже превосходят некоторых из них. — Он презрительно взглянул на Домса. — Правда, существует значительный культурный барьер, но этим можно пренебречь. Лично я, например, буду только рад способствовать тому, чтобы вы влились в наши ряды.

— Благодарю вас, сэр. — У Кенри закружилась голова. Еще ни один китянин за всю историю не поднимался так высоко. И кто бы мог подумать, что именно ему выпадет эта честь!.. Он услышал, как Дорти тихонько вздохнула, незаметно дотронувшись до его руки. На душе потеплело.

— Я... я буду стараться изо всех сил...

— Так ли это? Я хотел бы знать. — Фром Канда наклонился вперед, зажав костлявые руки между колен. — Давайте говорить напрямую. Вам, так же как и мне, прекрасно видно, что Империю ждут великие испытания, и если она выдержит их, то только благодаря немногим решительным людям, которые объединят усилия и возьмут дело в свои руки. Мы не можем позволить себе роскошь иметь в рядах слабаков. И тем более мы не имеем права позволить находиться среди нас сильному человеку, который не предан всецело нашему делу.

— Я буду... верным, сэр, — сказал Кенри. — Что я еще могу?

— Очень многое, — ответил полковник. — Хотя это наверняка покажется вам отвратительным. Особенно ценны для нас ваши знания. Вот, например, новый налог на Кит-таун. Это никакое не очередное издевательство, просто нам очень нужны деньги. Финансы Империи находятся в плачевном состоянии, и сейчас даже такой маленький доход сильно облегчит дело. И потом будут новые обложения и на Кит, и на всех остальных, а ваша задача — помогать нам проводить эту политику так, чтобы ваши люди не пришли в конце концов к выводу, что им следует вообще оставить Землю.

— Я... — Кенри сглотнул, внезапно почувствовав себя плохо. — Но не ожидаете же вы...

— Что ж, нет так нет, я не могу заставить вас, — сказал фром Канда. В его холодном голосе вдруг мелькнули нотки симпатии. — Я просто вкратце предупреждаю вас о том, что ждет вас в дальнейшем. Но вы могли бы значительно облегчить участь очень многих из ваших... бывших... соотечественников, если бы согласились помогать нам.

— Но почему... почему бы не относиться к ним, как к нормальным людям? — спросил Кенри. — Мы всегда поддерживаем тех, кто нам настоящий друг.

— Три тысячи лет истории не отменишь декретом, — сказал фром Канда. — Вам это известно не хуже, чем мне.

Кенри кивнул. Мышцы его шеи чуть не лопнули от этого.

— Я восхищен вашей смелостью, — сказал аристократ. — Вы не побоялись вступить на тяжкую стезю. Но хватит ли у вас мужества пройти по ней дальше?

Кенри потупился.

— Конечно, он сможет, — мягко сказала Дорти.

Лорд Домс хихикнул.

— Новый налог, — сказал он. — Нужно скорее ввести новый налог. У меня на крючке сейчас один скипер-томми. Сами знаете, неудачный рейс, долги, ха!

«Красное и черное, и ледяная голубизна, и свист поднимающегося ветра».

— Заткнись, Домс, — сказал полковник. — Ты мешаешь.

Дорти склонила голову на плечо Кенри.

— Спасибо, дядюшка, — сказала она. Голос ее был мелоди-

чен. — Если вы станете нашим другом, то у нас все получится на славу.

— Надеюсь, — ответил фром Канда.

Кенри почувствовал нежный аромат волос Дорти. Он ощутил, как золотые волны гладят его щеку, но по-прежнему не поднимал глаз. В нем гремели громы и царила тьма.

Домс рассмеялся:

— Нет, я все-таки расскажу вам об этом шкипере, — сказал он. — Он задолжал фирме деньги, понимаете? И, согласно контракту, если он вовремя не заплатит, я могу забрать его дочку. Да вот только его экипаж собирает для него недостающую сумму. Нужно их остановить. Говорят, что эти девицы-томми в постели просто чудо. Как вы считаете, Кенри? Ведь теперь вы один из нас. Как они на самом деле? А правду говорят, что...

Кенри встал. Комната плыла перед глазами, и он смутно подумал, что это, должно быть, он сам покачивается.

— Домс! — рявкнул фром Канда. — Если ты не заткнешь, наконец, свою глотку...

Кенри одной рукой сгреб тунику лорда Домса и рывком поднял его с дивана. Другая рука вдруг стала кулаком, который со свистом врезался в ненавистное лицо.

Он стоял над телом, бессильно свесив руки. Домс стонал на полу. Дорти чуть слышно вскрикнула. Фром Канда вскочил, хватаясь за оружие.

Кенри опустил глаза. Голос его был хрипл:

— Давайте, арестовывайте меня. Давайте, давайте, чего же вы ждете?

— К-к-кенри... — Дорти коснулась его трясущимися руками.

Фром Канда усмехнулся и ногой пнул валяющегося на полу Домса.

— Хотя вы и не очень мудро поступили, Кенри Шаун, — сказал он, — но вообще-то он давно напрашивался. Я позабочусь, чтобы вам ничего за это не было.

— Но как же та девушка из Кита...

— Обещаю вам, что с ней тоже все будет в порядке. Если, конечно, ее отцу удастся собрать деньги. — Холодные глаза остановились на лице Кенри. — Но помните, друг мой, что жить одновременно в двух мирах нельзя. Вы теперь больше не принадлежите Киту.

Кенри выпрямился. Теперь, хоть на душе у него было мрачно, он успокоился, и голова его стала ясной.

Открыло ему глаза и подсказало, что нужно делать, недавнее воспоминание — получеловеческое лицо, глаза, лишённые надежды, и голос, который говорил:

— Человек жив по-настоящему, если только у него за душой есть что-то, за что он с радостью отдал бы жизнь...

— Спасибо, сэр, — сказал Кенри. — Но я принадлежу Киту.

— Кенри... — голос Дорти сорвался. Схватив его за руки, она безумно заглядывала ему в глаза.

Он мягко погладил ее по голове.

— Прости, любимая.

— Кенри, ты не можешь меня бросить, не можешь...

— Я должен, — сказал он. — Я собирался пожертвовать всем, что было у меня в жизни, ради того, что казалось мне глупым и бессмысленным. Ради тебя я еще вынес бы это. Но ты требуешь от меня стать тираном или, по крайней мере, помощником тиранов. Ты требуешь от меня стать пособником зла. А я не способен на это. И не смог бы стать им, даже если бы захотел. — Он обнял ее за плечи и заглянул в невидящие изумленные глаза. — Потому что, в конце концов, я стал бы ненавидеть тебя за то, что ты так исковеркала мою душу, а я хочу по-прежнему любить тебя.

Она отшатнулась. Почему-то ему подумалось о психологах, которые запросто помогут ей забыть о нем.

На прощание он хотел поцеловать ее, но никак не мог решиться.

Полковник фром Канда протянул ему руку.

— Скорее всего, вы станете моим противником, — сказал он, — но я уважаю вас за это. Вы мне нравитесь, Кенри Шаун, и я желаю вам... одним словом, всего вам хорошего.

— И вам также, сэр... Прощай, Дорти.

Он прошел через весь зал, не замечая устремленных на него взоров присутствующих, и вышел к лифтам.

Тейя Баррин — отличная девушка, думал он какими-то глубинами сознания. Обязательно нужно будет встретиться с ней, и как можно скорее. Мы вполне сможем быть счастливы.

Ему показалось, что прошла вечность, пока он добрался до Кит-тауна. И он побрел по пустынным улицам, вдыхая ночной, влажный и холодный ветер Земли.

ЕУТОПИЯ

— Гиф выт нафнк?

Данские слова, вырвавшиеся из динамика, застали Язона врасплох, хотя он предвидел, что услышит их именно сейчас, пока не успел еще стихнуть рев вертолета, пронесшегося над самыми верхушками деревьев.

— Кто ты? — спросил голос.

Язон Филипп посмотрел сквозь прозрачный верх кузова автомобиля. Над его головой меж двух неровных стен елового леса, растущего по обе стороны дороги, тянулась голубая полоса неба. На корпусе военного вертолета играло солнце.

Язон почувствовал, как холодный пот проступает под мышками и стекает по ребрам. Только не впадать в панику! Господи, помоги мне! Призыв о помощи к Богу был всего лишь кодовой фразой,

освященной многолетними тренировками. Обычная психосоматика: подчини себе рефлексы, дыши равномерно, прикажи пульсу замедлиться — и избавься от страха смерти. Он молод, значит, может потерять многое. Но философы Еутопии правильно воспитывали детей, порученных их опеке. Ты станешь мужчиной, то есть приобретешь опыт, говорили они. Сущность же человеческая основывается на независимости от инстинктов и рефлексов. Наш принцип жизни: свобода через умение владеть собой.

Язон не мог выдать себя за моотмана — жителя Норландии; слишком заметен был его эллинский выговор. Но он мог попытаться обмануть пилота вертолета и выиграть время, прикинувшись приезжим из другой страны этого мира. Он понизил голос, чтобы хоть как-то замаскировать акцент, и спросил с нарочитым высокомерием:

— А ты кто такой? И чего хочешь?

— Я — Рунольф Эйнарссон, капитан армии Оттара Торкелссона, Владетеля Норландии. Ищу человека, который накликал месть на свою голову. Назови свое имя.

Язон вспомнил Рунольфа. Смуглое лицо, темные волосы — признак туркеской крови. И голубые глаза; видимо, кто-то из его предков родился в Туле... Нет, в этом мире совсем иная история, и юг Европы называется Данарик...

— Меня зовут Ксипек. Я — купец из Мейако, — не раздумывая, ответил Язон. Сейчас, после бегства из замка Владетеля и бешеной гонки сквозь ночь, лишь несколько стадий отделяло его от границы. Он и надеяться не смел, что удастся так далеко уйти; обидно, если его схватят теперь...

— Надеюсь, ты говоришь правду. Но я исполняю приказ, и я должен задержать тебя, — протрещал в динамике голос Рунольфа. — Обратись к Владетелю, и ты сразу же получишь компенсацию за ущемление своих личных прав. Но сейчас остановись и выйди из машины, чтобы я мог разглядеть твое лицо.

— А что, собственно, произошло?

Еще несколько секунд отсрочки.

— У нас в Эрвике гостил человек со Старой Земли (из Европы — привычно перевел Язон). Оттар Торкелссон необычайно сердечно принял его, но этот негодяй отважился на поступок, который можно искупить только смертью. И вместо того, чтобы принять вызов Оттара, он украл автомобиль — такой же марки, как твой, — и удрал.

— По-твоему, Оттар мог бы публично назвать его негодяем?.. (Однако кое-что из их варварских обычаев я запомнил!)

— Странные слова для мейаканца! Немедленно остановись и выйди из машины! Или я открываю огонь!

Ошибка, понял Язон и до боли сжал челюсти. Гадес милосердный! Неужели кто-нибудь способен запомнить и не перепутать обычаи сотен крошечных государств, на которые разделен континент? Вестфалия представляла собой куда более пеструю мозаику, чем

Земля в варианте истории, где этот материк называется Америкой. Ладно, подумал он. Вот и представился случай проверить, какие у него шансы вернуться — и в Америку, и в Еутопию...

— Хорошо, — сказал Язон. — У меня нет выбора. Но можешь не сомневаться, я потребую компенсацию за оскорбление.

Он тормозил максимально плавно — граница приближалась с каждым оборотом колеса... Дорога вытягивалась вдаль твердой черной лентой, расталкивая гигантские стены деревьев. Он понятия не имел, таксировали ли их когда-нибудь. Может быть, еще в те времена, когда белые люди впервые перебрались через Пенталимни (или Пять Озер), чтобы основать город Эрнвик, расположенный в том же месте, где Далат в Америке и Лукополис в Еутопии. Некогда Норландия простиралась далеко за страну озер, но после войн с дакотами и мадьярами, ее территория уменьшилась. Постепенно расширение торговых связей позволило жителям освоить глубинные районы, богатые дичью (охота являлась национальной страстью Норландии). Таким образом, за триста лет древний лес полностью вернул себе утраченные права.

Перед глазами Язона возник пейзаж этих мест, существовавший в его варианте истории. Сады и огороды, усадьбы, выстроенные с любовью к гармонии, гибкие бронзовые тела в гимнасиумах, музыка при лунном свете... Даже пугающая Америка вспоминалась более человечной, чем эта мрачная чаща.

Но образ Еутопии лишь отголосок реальности, затерянной в многоликих измерениях пространства — времени. Сейчас и здесь он один, а над головой его кружит смерть. Перестань оплакивать себя, ты, идиот! Береги энергию, если хочешь выжить...

Язон остановил машину, приткнув ее к краю дороги. Потом он напряг мышцы, резко распахнул дверцу и выскочил.

Динамик за его спиной разразился длинной тирадой проклятий. Описав петлю, вертолет ястребом ринулся вниз. Пули посыпались градом, но Язон уже спрятался под деревьями. Ветви заслонили его, словно крыша, которую то тут, то там пробивали солнечные лучи. Стволы сосен стояли во всей своей мужской красоте, и женщины могли позавидовать их аромату. Опавшие иголки покрывали землю, заглушая звук его шагов; сверху доносилось пение невидимого дрозда, легкий ветерок овеивал лицо. Язон бросился на землю, в тень ближайшего дерева, и лежал, тяжело дыша, а частое биение сердца почти заглушало злобный рев вертолета.

Минуту спустя вертолет улетел: Рунольф спешил доложить своему господину, что обнаружил «негодяя». Как же поступит Оттар? Он отправит в погоню всадников с собаками, иначе ему не выследить беглеца. Если так, Язон выиграл пару часов передышки.

А потом... он призвал на помощь все свои навыки, сел, прислонившись к дереву, и принялся думать. Если Сократ, чувствуя холод цикуты, подступающий к сердцу, продолжал учить афинскую

молодежь мудрости, то и Язон Филипп в эту трудную минуту сможет, по крайней мере, оценить собственные шансы.

Он бежал из Эрнвика не с пустыми руками, прихватив пистолет местного производства, компас и наполнив карман золотыми и серебряными монетами. Одежда тоже была добротной: плащ, который можно использовать как одеяло, куртка, брюки, ботинки. Примерно так же одевались в средневековой Вестфалии.

Но самым мощным оружием был он сам — Язон Филипп. Высокого роста, крепкого сложения, светловолосый и с небольшим носом, доставшимся в наследство от галльских предков. А тренировали его специалисты, снискавшие себе лавры на Олимпиадах.

К прекрасно развитой мускулатуре прилагался блестящий ум. Принципы логики и семантики, заложенные педагогами Еутопии, были в его сознании столь же естественны, как дыхание для жизнедеятельности.

Он намеревался выжить во что бы то ни стало, хотя мог рассчитывать только на самого себя. И он рассчитывал. У него была цель. Он знал, ради чего должен жить. И ради кого. Ради человека, которого он любил и к которому хотел вернуться. Вернуться на родину, в Еутопию, Счастливую Землю, созданную его народом за две тысячи лет жизни на новом континенте. Понадобилось отринуть ненависть и мерзость Европы, чтобы прийти к выводу: «Целью нации является достижение всеобщей гармонии».

Язон Филипп должен вернуться на родину.

Он встал и двинулся на север. Он начал свой путь в тетраду, день, который его преследователи называли онсдаг.

Спустя полтора суток, в день, именуемый торсдаг, он все еще продирался сквозь лес, шатаясь от усталости; на зубах скрипел песок, а желудок, казалось, прилип к позвоночнику. Язон шел на дрожащих ногах и отмахивался от мух, роями круживших вокруг его потного тела. Неожиданно, хотя и далеко позади, послышался лай гончих псов.

Звук рога, словно протяжный хриплый зов, донесся сквозь аркаду листьев. Они напали на след, а он уже не мог двигаться быстрее наступающих всадников. Значит, больше ему не суждено увидеть звезды.

Его рука инстинктивно потянулась за оружием. По крайней мере нескольких он заберет с собой... Нет. Ведь он — эллин, не убивающий даже варваров, жаждущих лишить его жизни только за то, что он нарушил одно из их табу. Он выйдет им навстречу, остановится под куполом голубого неба и примет в себя их пули. И уйдет во тьму, унеся с собой память об Еутопии, о друзьях и прежде всего о Ники... Ники! Любовь моя...

С большим трудом Язон вдруг сообразил, что вышел из соснового леса и пробирается сквозь березовую рощицу. Свет золотил листья

деревьев, лаская их стройные белые стволы... Из-за деревьев послышалось мерное ворчание мотора.

Он замер, чувствуя, как близок к полному изнеможению. Однако резервы еще остались; он выбросил из сознания далекий собачий лай и боль собственного тела. Задышал ритмично, сосредоточившись на чистоте и свежести воздуха, представляя атомы кислорода, проникающие в каждую клетку тела. Успокоил бешено бьющееся сердце, снял усталость, напрягая и расслабляя мышцы, и с радостью ощутил, как отчаяние, иссушавшее душу, уступает место холодному рассудку.

Язон огляделся. Впереди на север раскинулись возделанные земли: волны ветра скользили по молодым посевам, золотисто поблескивающим в лучах заходящего солнца. Неподалеку виднелась постройка одинокой фермы — длинные и низкие деревянные здания со шпалеобразными крышами. Дым от печей поднимался к небу.

В поле работал трактор, и взгляд Язона остановился на сидящем за рулем мужчине.

Хотя в этом мире уже изобрели диэлектрический мотор, на севере он еще не вошел в употребление; поэтому Язон не удивился, учуяв резкий запах выхлопных газов. Подумать только! В Америке грязный выхлоп считается одной из главных мерзостей. Табу. (В том свинарнике, который они называют Лос-Анджелес!)

Но здесь и сейчас этот запах защипал его ноздри — словно запах надежды.

Мужчина заметил его, остановил трактор и потянулся за винтовкой. Язон пошел к нему, подняв руки и демонстрируя пустые ладони в знак мирных намерений. Водитель воспринял жест с явным облегчением. Он был типичным венгром: коренастый и крепкий, с выступающими скулами, вьющейся бородой, в цветастой, расшитой одежде. Значит, я уже перешел границу, — с облегчением подумал Язон. Это уже не Норландия, это воеводство Дакота!

Прежде, чем послать его в этот мир, антропологи из Института Парахронных Исследований снабдили Язона — используя электрохимический метод — знанием основных языков Вестфалии. (Жаль только, что плохо позаботились о знании местных обычаев...) Кто-то решил, что опыт, полученный в Америке, позволит ему квалифицированно работать именно в этой версии истории, относящейся к неалександрийскому варианту. Конечно, цель его миссии — ознакомление и определение степени различия обществ, существующих на разных Землях, но...

Урало-алтайские слова легко слетели с его губ:

— Благословенен будь! Я пришел к тебе как проситель...

Фермер сидел спокойно, но напряжение не сходило с его лица. Он посматривал вниз на Язона и прислушивался к доносящемуся издали лаю собак, держа оружие наготове.

— Я не из той страны, испани. (Еще одно определение «гражданина».) Я мирный купец из Старой Земли, прибыл к

Владельцу Оттару Торкелссону, в Эрнвик. Но — не знаю, по какой причине, — его гнев упал на меня, и гнев столь сильный, что Оттар нарушил закон гостеприимства и покусился на мою жизнь, жизнь своего гостя. Это его палачи идут по моему следу. Ты слышишь лай их собак.

— Норландцы? Но ведь здесь же Дакота!

Язон согласно кивнул и улыбнулся, показывая зубы, которые блеснули неестественной белизной на грязном заросшем лице.

— Они вторглись в твою землю, не спросив позволения. Если ты останешься в бездействии, они скоро будут здесь и убьют меня, отдавшего под твою защиту!

Фермер поднял винтовку.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

— Доставь меня к Воеводе, — сказал Язон. — Ты защитишь и закон, и свою честь. — Очень осторожно он извлек из кобуры пистолет и протянул фермеру. — Я навек буду твоим должником.

Недоверие, страх и гнев поочередно оживали на лице венгра. Он не принял протянутого оружия. Если я хорошо в нем разобрался, решил Язон, то выиграю еще несколько часов жизни. Возможно, что больше, но насколько — будет зависеть от Воеводы. Мой единственный шанс — использовать их варварство, их разделение на крохотные государства, гипертрофированные понятия о чести, фетишизацию права собственности и самостоятельности.

А если я ошибусь, то умру, как цивилизованный человек. Этого у меня никто не отнимет.

— Собаки совсем близко. Они будут здесь прежде, чем мы успеем убежать, — сказал венгр с тревогой.

Язон чуть не упал в обморок от облегчения. Он не ошибся. Великим усилием он справился с собой и сказал:

— Мы устроим им сюрприз... Дай мне немного бензина.

— Ага! Таким образом! — фермер рассмеялся и соскочил с трактора. — Хорошая мысль, чужеземец. И кстати — я тебе благодарен. Последнее время у нас не жизнь, а скуотища.

На тракторе стояла запасная канистра с бензином. Вдвоем они прошли до леса по следам Язона, обильно поливая землю, а затем и деревья бензином. Если и это не остановит свору, подумал Язон, то ее ничто не остановит.

— А теперь — быстро домой! — И венгр первый побежал вперед.

Постройки фермы с трех сторон окружали открытый двор. Из стойл доносился сладковатый запах навоза. Язон видел, как из дома выбежали несколько детей и, раскрыв рты, уставились на него. Жена фермера загнала их назад в помещение, взяла винтовку мужа и встала на посту у дверей, не меняя выражения лица.

Дом оказался крепким и просторным. Он мог бы понравиться Язону, но стены и колонны были обтянуты тканью с невероятно сложным и богатым узором. Над камином, в нише, располагался семейный алтарь. Хотя большинство обитателей Вестфалии уже давно

избавились от веры в мифы своих предков, земледельцы все еще продолжали чтить Триединого Бога — Одина-Аттилу-Маниту. Фермер подошел к радиопону новейшей конструкции.

— У меня нет своего геликоптера, — сказал он, — но я попрошу, чтоб прислали...

Язон сел и стал ждать. Молоденькая девушка подошла к нему и несмело протянула полную кружку пива и ломоть ржаного хлеба с сыром.

— Будь нашим священным гостем, — сказала она.

— Отдам за вас мою кровь, — без запинки ответил Язон. Он с трудом заставил себя не торопиться, подавив желание рвать пищу огромными кусками, словно зверь.

— Ждать недолго, — сказал фермер, когда Язон расправился с едой. — Я — Арпад, сын Коломона.

— Язон Филипп. — Представляться фальшивым именем показалось ему бестактным. Рука фермера оказалась сильной и теплой.

— Из-за чего ты поспорил со старым Оттаром? — спросил Арпад.

— Меня заманили в ловушку, — с горечью ответил Язон. — Я обратил внимание, как свободно чувствуют себя их женщины...

— Это точно. Все данскарки развратны, как кошки. И бесстыдны, как туркерки. — Арпад достал с полки трубки и кисет с табаком. — Закуришь?

— Нет, благодарю. (Мы в Еутопии не унижаем себя наркотиками.)

Язон прислушался. Лай псов стал ближе, но через минуту перешел в жалобный вой. Собаки потеряли след. Еще через минуту раздался звук рога. Арпад набивал трубку с таким спокойствием, словно присутствовал на представлении.

— Вот матерятся-то! — оскалил он зубы в усмешке. — Должен признать, что касается проклятий — данскарцы сущие поэты. Но люди деловые. Я был в их краю лет десять назад, когда они здорово пострадали от наводнения, и Воевода Бела послал нас им в помощь. Они попросту хохотали над потерями и развалинами. А во времена давних войн, если честно, не раз давали нам прикурить!

— Ты думаешь, в Вестфалии возможны войны? — спросил Язон. Прежде всего он стремился избежать вопросов о себе самом, не зная, что сделает его хозяин, если узнает о причинах, которые вынудили его искать убежище в Дакоте.

— Нет. Не в Вестфалии. У нас тут работы неуворот. Но если молодую кровь не остужают дуэли, то всегда можно стать наемником у варваров, воюющих за морями. Или полететь на другие планеты. Мой старший сын собирается лететь в космос.

Язон припомнил, что несколько державок, расположенных ближе к северу, объединили свои усилия и уже предприняли первые экспедиции за пределы Земли. Их технология достигла того же уровня, что и американская, а поскольку они не финансировали огромную военную машину и развернутую сеть общественных услуг,

то без труда основали базу на Луне и послали несколько экспедиций на Арекс. Со временем, подумал Язон, они добьются того, чего эллины достигли тысячелетия назад, превратив Афродиту в Новую Землю. Но возникнет ли у них истинная цивилизация? Станут ли они рациональными людьми, живущими в рационально спланированном обществе? Очень сомнительно.

Арпад встал, услышав рев мотора за окном.

— Твой вертолет, — сказал он. — Поторопись. Красный Конь заберет тебя в Варади.

— Данскарцы скоро будут здесь, — отозвался Язон с беспокойством в голосе.

— Пусть их! — Арпад пожал плечами. — Оповещу соседей, а данскарцы не настолько глупы, чтобы не догадаться, что я так и сделаю. Взаимно поприветствуем друг друга — предвижу этот турнир оскорблений, — а потом прикажу им убираться с моей земли. Прощай, гость!

— Я бы хотел... хотел тебя как-нибудь отблагодарить...

— Фи! Не о чем говорить. Я немного развлекся... А кроме того, я показал сыновьям, как должен поступать настоящий мужчина.

Язон вышел наружу. Вертолет — гравитики здесь еще не знали — пилотировал малоразговорчивый молодой автохтон. Он представился местным торговцем скотом и добавил, что доставку чужеземца в столицу рассматривает не только как услугу Арпаду, но как ответ на бесцеремонность норландцев, вторгнувшихся на территорию Дакоты. Больше он не издал ни звука, и Язон вздохнул с облегчением, когда понял, что ему не нужно поддерживать беседу.

Машина взмыла вверх. По пути (летели на север) он видел фермы, расположенные возле перекрестков дорог; то тут, то там мелькали усадьбы местных магнатов, а вокруг — огромные пространства равнин. Естественный прирост населения в Вестфалии — так же как и в Еутопии — строго контролировался. Но наверняка, подумал Язон, здесь контролируют его не для того, чтобы сохранить для людей природу и чистый воздух. Контроль над рождаемостью служит орудием клановой экономической политики, то есть — бережливости. Отцы не хотят делить собственность между многочисленными детьми.

Солнце скрылось, и почти полная луна, огромная, цвета дыни, вошла на восточной части небосвода. Язон уселся поудобнее, ощущая всем телом вибрацию машины, почти смакуя свою усталость, и принялся разглядывать спутник Земли. Ничто не указывало на то, что на нем находится населенная база. Он успеет вернуться домой прежде, чем засияют на Луне огни городов. В этой истории...

Но дом находился бесконечно далеко. Их разделяли целые измерения и судьбы. Только силовые линии паракхрониона могли перевезти его через реку времени и доставить к родным берегам.

Почему мир таков, какой он есть? Почему Бог захотел, чтобы время разделилось на множество ветвей, словно огромное тенистое древо Вселенных, Йигтдрасилл данскарских легенд? Для того, может

быть, чтобы человек мог реализовать каждую из своих потенциальных возможностей? Вечные вопросы... Они, наверное, навечно останутся риторическими. Но сейчас ему доставляло удовольствие перекатывать их в утомленном сознании.

Допустим, например, что Александр Завоеватель не оправился от лихорадки, которая прихватила его в Вавилоне. Допустим, что он умер именно тогда.

Но так действительно произошло, и не в одной из историй. Войны за наследство развалили империю. Развитие Эллады и Востока пошло разными путями. Наука выродилась в метафизику, а затем — в мистицизм. Ослабленную цивилизацию Средиземноморья постепенно подмяли римляне — холодный, нетворческий народ, даже после уничтожения Коринфа цинично называвший себя наследником Эллады. Позже один еврейский пророк-еретик основал мистический культ, легко найдя последователей во всем остальном мире, поскольку печаль переполняла человеческую жизнь. Возник культ, не знавший слова «терпимость». Его жрецы отрицали любые пути, которыми можно прийти к Господу, кроме собственного; вырубали священные рощи, вышвыривали из храмов статуи древних богов и убивали последних людей со здравым рассудком.

Да, думал Язон, со временем они утратили свое влияние и значение. Благодаря этому смогла воскреснуть наука — почти на две тысячи лет позднее, чем у нас. Но яд остался: слишком много людей убеждены, что человек должен приспособливаться не только к господствующим формам поведения, но также к господствующей идеологии. В Америке это называется тоталитаризмом, и именно он породил омерзительнейшее изобретение — атомное оружие.

Ненавижу ту историю — ее грязь, ее расточительство, ее предрассудки, ее лицемерие, ее безумие. Никогда у меня не будет более трудного задания, чем тогда, когда я был вынужден выдавать себя за американца, чтобы изнутри узнать, что эти люди думают сами о себе. Мне жаль тебя, бедный, обесчещенный мир. И я не знаю, что лучше, — пожелать ли тебе скорейшего самоуничтожения или же надеяться, что когда-нибудь твои потомки поймут, как надо правильно жить, и узнают, что есть люди, которые счастливы уже многие сотни лет.

Миру Вестфалии, надо сказать, повезло больше. Христианство скончалось под напором арабов, викингов и венгров; возникшая затем Мусульманская Империя рухнула, подточенная гражданскими войнами, и когда европейские варвары тысячу лет назад пересекли Атлантику, они не принялись за уничтожение туземцев, а стали с ними договариваться. Именно поэтому они вращались в этот край не спеша, беря его во владения так, как мужчина берет свою возлюбленную.

Но эти огромные темные леса, печальные равнины, необитаемые горы и пустоши, непуганые стада животных... Атмосфера Новой Земли проникла в их душу. В глубине сердец они всегда останутся дикарями.

Язон вздохнул, устроился поудобнее и заставил себя заснуть. И каждый сон носил имя Ники.

На могучей реке, носящей имена Зевса, Миссисипи, Великой Реки, в том месте, где водопад подводил черту навигации, земледельцы основали город. Сейчас (переписи никогда не проводились) в Варади насчитывалось около ста тысяч жителей, чьи дома с окнами, выходящими только во внутренние дворики, окружали башни замка Воеводы.

Сразу же после пробуждения Язон вышел на балкон и прислушался к отдаленным звукам уличной жизни. Куполообразные крыши домов напоминали бункеры защитных фортов. Вопрос, подумал он, сможет ли мир, основанный на равновесии сил между этими крохотными державами, продержаться долго?

Но утро было слишком чистым и солнечным, чтобы предаваться размышлениям. Он был в безопасности, уже успел вымыться и отдохнуть. Сразу после прибытия, видя, в каком состоянии находится беглец, попросивший убежища, сын Белы Жолта приказал накормить его и отправить спать.

Аудиенция близко, подумал Язон, и мне понадобится вся моя осторожность, если я хочу жить. Но он чувствовал себя таким сильным и свежим, что выбросил тревогу из головы.

За спиной послышался звонок. Язон вернулся в комнату — просторное помещение с хорошей вентиляцией, но разукрашенное свех всякого разумения. Он вспомнил, что местный обычай не одобряет наготу, и потому накинул одеяние, слегка содрогнувшись при виде покрывавших его узоров.

— Войдите, — произнес он по-венгерски.

Дверь раскрылась, и в комнату вошла молодая женщина, толкая перед собой столик с завтраком.

— Доброго тебе дня, гость. — В ее голосе звучал туркерский акцент, на ней был одет национальный туркерский костюм, обшитый бусинками и большим количеством бахромы. — Хорошо ли ты спал?

— Как койот после охоты, — ответил он со смехом.

Она улынулась — сравнение ей понравилось — и принялась накрывать на стол. Завтракать они сели вместе — гость не должен был есть в одиночестве. Дичь показалась Язону слишком тяжелым блюдом для такой ранней поры, но кофе был необычайно вкусен, а девушка оказалась очаровательной компаньонкой. Она работала горничной во дворце, часть заработанных денег откладывала на приданое, которое собиралась преподнести своему будущему мужу из страны черокезов.

— Захочет ли Воевода принять меня? — спросил Язон, когда завтрак приближался к концу.

— Он ждет тебя, и не сомневаюсь, что беседа с тобой доставит

ему удовольствие. — Девушка затрепетала ресницами. — Но торопиться некуда... — И она принялась развязывать пояс своего платья.

Щедрое гостеприимство... На мгновение Язону показалось, что он вернулся на родину, в Еутопию, в мир, где люди искали и получали удовольствие совершенно свободно... Какие у нее широкие и гладкие брови, совсем как у Ники... Усилием воли он превозмог искушение. У него не было времени. Если он не успеет укрепить свои позиции до того, как Оттар сообразит позвонить Беле, — он в ловушке.

Язон перегнулся через стол и утешающе погладил маленькую ладонь девушки.

— Благодарю тебя, милая, — сказал он. — Но я поклялся хранить верность.

Его отказ она приняла так же спокойно, как сделала свое предложение. Провожая ее взглядом до двери, Язон почувствовал, как возвращается ощущение инородности. Ему стало жаль эту туркерку... Пожалуй, она была единственным свободным человеком из всех, кого он встречал в Вестфалии. А в остальном жизнь в этом мире оставалась лабиринтом законов, обычаев, традиций и бесчисленных табу. Однажды ты уже чуть не заплатил жизнью за их незнание, сказал он себе. И, кстати, игра еще не кончена. Так что поспеши. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Язон накинул приготовленную одежду и выбежал из комнаты. Спустившись по лестнице, он оказался в большом каменном зале, откуда один из дворцовых слуг направил его к покоям Воеводы. Там была очередь — несколько человек, принесших на суд владыки свои жалобы и просьбы. Однако, как только Язон попросил доложить о себе, его впустили немедленно.

Зал, в который он попал, относился к старейшей части здания. Потрескавшиеся от времени деревянные колонны, покрытые гротескными изображениями богов и героев, поддерживали низкие своды. Дым от разведенного на полу костра поднимался к отверстию в потолке; увы, часть его оставалась в помещении, и у Язона почти сразу защипало глаза. Могли бы выкроить для своего владыки более современное помещение, подумал он с досадой. Но, конечно, это им и в голову не пришло. Раз уж цари когда-то правили с этого места, значит, иначе быть не может.

Сквозь узкие окна свет падал на морщинистое лицо Белы. Воевода был коренастым и седоволосым старцем. Черты его лица выдавали значительную примесь туркерских генов. Он сидел на деревянном троне, закутавшись в плащ, голову украшал шлем с рогами и перьями. В левой руке держал скипетр, украшенный конским хвостом, на коленях лежала обнаженная сабля.

— Привет тебе, Язон Филипп, — сказал он с важностью, указывая Язону на кресло. — Садись, прошу тебя.

— Благодарю тебя, господин мой. — Эллин с трудом заставил

себя произнести унижающее его обращение. В Еутопии не титуловали никого.

— Ты готов говорить правду?

— Да.

— Хорошо. — Воевода неожиданно отбросил официальность, закинул ногу на ногу и достал из складок плаща сигару. — Куришь? Нет? Ну а я закурю. — Улыбка пробежала по его морщинам. — Ты чужеземец, так что нет нужды соблюдать этот чертов церемониал.

Язон отважился на такой же тон.

— Мне тоже так будет легче. Мы в Пелопонесской республике не признаем церемоний.

— Это твоя родина, да? Я слышал, что вам там не очень-то хорошо живется.

— Согласен. Мое государство переживает упадок. Мы понимаем, что будущее принадлежит Вестфалии, поэтому и направляем сюда свои взоры.

— Ты сказал вчера, что прибыл в Норландию как купец.

— Да. Приплыл, чтобы заключить торговый договор. — Язон старался не лгать, насколько это было возможно. В иных историях нельзя разглашать, что эллины изобрели паракхронион. Это не только изменило бы исторические структуры, являющиеся предметом исследований, но, что гораздо серьезнее, люди этих миров увидели бы, что другие уже достигли совершенства, в то время как они сами бесконечно далеки от него. Слишком сильный шок. — Моя страна нуждается в импорте древесины и мехов.

— Ага. За этим Оттар и пригласил тебя. Понимаю. Нечасто нам приходится видеть людей со Старой Родины. Но потом он возжелал твоей крови? Почему?

Язон мог уклониться от ответа, пользуясь правом сохранить тайну личных поступков. Но такая скрытность произвела бы плохое впечатление. А ложь была небезопасна: перед троном Воеводы следует отвечать как под присягой.

— Без сомнения, здесь есть и моя вина, — сказал он. — Некая особа из семьи Оттара, впрочем почти взрослая, — привязалась ко мне, и... Ну, моя жена осталась в Пелопонессе... А кроме того, все меня убеждали, что отношения в Данскаре весьма свободные, ну и так далее. Я не хотел никого обидеть! Оказал этой особе несколько больше сердечности. А Оттар, узнав обо всем, вызвал меня на поединок.

— Почему ты не принял вызов?

Бессмысленно объяснять, почему цивилизованный человек избегает крайних мер, если в его распоряжении есть другие возможности. Варвар — он варвар и есть.

— Сам подумай, господин мой, — сказал Язон. — Если бы я проиграл — то погиб. Если бы выиграл — это означало бы конец нашей торговли с Норландией. Сыновья Оттара никогда бы не приняли выкупа, ведь правда? В лучшем случае просто выгнали бы

нас из страны. А Пелопонесс нуждается в дереве. И я решил, что лучшим выходом для меня будет побег. Потом мои соотечественники извинились бы за меня перед Норландией.

— Хм... Странное предположение. Но в любом случае — ты честен. Чего ты желаешь от меня?

— Единственное, о чем я прошу, это — доставить меня в безопасности в Стейнвик. — Язон с трудом удержался, чтобы не произнести название «Несафины». Он заставил себя умерить воодушевление. — Там меня ждет агент и корабль.

Бела выпустил клуб дыма и с печальным видом посмотрел на быстро уменьшающуюся сигару.

— Хотел бы я знать, отчего Оттар впал в такой гнев. На него не похоже. Но с другой стороны, если той особой была его дочка, он вполне мог быть несдержан... — Он наклонился к Язону. — Для меня, — заявил он резко, — самое важное то, что вооруженные норландцы пересекли границу моего государства, не спросив меня о согласии.

— Это серьезное посягательство на твои права, Воевода.

Бела выругался, как старый кавалерист.

— Ты не понимаешь! Границы священны не потому, что того хочет Аттила. Это жрецы порют подобную чушь. Границы священны потому, что благодаря их святости сохраняется мир. Если я официально не выражу своего недовольства и не заявлю протест Оттару, то очень скоро какой-нибудь авантюрист может повторить его попытку. А сейчас у каждого есть ядерное оружие!

— Но я вовсе не хочу, чтобы из-за меня началась война! — взволнованно воскликнул Язон. — Уж лучше вышли меня в Норландию!

— Не говори глупостей. Я накажу Оттара тем, что не дам отомстить тебе, независимо от того, что правда на его стороне. И ему придется это проглотить. — Бела отложил сигару в пепельницу, встал и поднял саблю. Казалось, говорит не человек, а какой-то варварский бог: — С этого мгновения, Язон Филипп, никто в Дакоте не смеет коснуться тебя! Ты находишься под защитой моего щита, и зло, причиненное тебе, будет злом, причиненным также мне, моему дому и моему народу. Клянусь в том Троицей!

Язон, потеряв над собой контроль, упал на колени и забормотал слова благодарности.

— Перестань! — буркнул Бела. — Лучше будет, если мы как можно быстрее начнем готовиться к твоему неблизкому пути. Полетишь самолетом, с воинским эскортом. Но, разумеется, сперва я должен буду получить разрешение от властей тех стран, над которыми тебе придется пролетать. На это у меня уйдет немного времени. А теперь возвращайся к себе, отдохни, я вызову тебя, когда все будет готово.

Язон удалился, все еще чувствуя нервную дрожь.

Он провел несколько приятных часов, прогуливаясь по замку и

его дворам. Молодые люди из свиты Белы сделали все, чтобы доставить удовольствие человеку со Старой Родины. Он не мог не подивиться их красивой технике верховой езды, стрельбе и изощренности в разгадывании загадок. Неясные чувства возбудили в нем рассказы и песни о странствиях по огромным равнинам, в глубь лесов и через бурные реки, к стенам сказочной столицы Уинборг.

Но именно от этих искушений мы отказались в Еутопии. Мы отрелись от звериного прошлого. Мы — люди, наделенные разумом, в котором заключена суть нашей человечности.

Возвращаюсь на родину. Возвращаюсь домой. Возвращаюсь домой.

Слуга коснулся плеча Язона:

— Воевода хочет видеть тебя.

В его голосе слышался страх. Язон вздрогнул. Что могло случиться?

На этот раз его не отвели в тронный зал. Бела ждал на стене замка. Рядом стояли на страже два рыцаря, их ничего не выражающие лица скрывались в тени шлемов, отделанных султанами из перьев.

Взгляд Белы не предвещал ничего хорошего. Воевода плюнул Язону под ноги.

— Оттар позвонил мне, — сказал он.

— Я... Что он сказал?..

— А я-то думал, что ты просто хотел переспать с девчонкой. А ты же просто обесчестил семью, оказавшую тебе гостеприимство!

— Господин!

— Можешь не бояться. Ты заставил меня присягнуть на Троице... Пройдет немало лет, прежде чем мне удастся загладить перед Оттаром твою вину, которая пала на меня.

— Но... — Спокойно! Спокойно! Ты же был к этому готов.

— Ты не полетишь на военном самолете. Но эскорт у тебя будет. Машину, на которой тебя доставят, потом придется сжечь. А теперь марш туда, вон к той куче навоза. Будешь ждать там.

— Я не хотел никому повредить! — закричал Язон. — Я не знал, что...

— Уберите его отсюда, а то я его убью, — распорядился Бела.

Стейнвик был старым городом. Узкие, мощенные камнем улочки и унылые дома видели еще корабли, украшенные мордами драконов. С Атлантики дул ветер, соленый и свежий, и именно он разогнал в душе Язона остатки печали и сожаления об утраченной дружбе людей из Эрнвика и Варади, дружбе, которую он, может быть, хотел сохранить... В конце концов, на ошибках учатся! И нечего переживать: слишком много есть вариантов историй, где этих самых людей не существует вовсе.

Насвистывая, Язон пробирался сквозь толпу прохожих.

Вывеску мотало на ветру. Братья Хинаиди и Ивор. Судовладель-

цы. Превосходная маскировка в городе, где чуть ли не любая фирма имеет отношение к морю. Он взбежал по ступенькам на второй этаж.

Прижал ладонь к морской карте, развешенной на стене. Скрытый аппарат идентифицировал формулу его дактилоскопических линий, и дверь, перед которой он стоял, распахнулась. Комната была обставлена согласно царящему в Стейнвике стилю, но пропорции ее наводили на мысль об Еутопии, а на полке распростерла крылья Ники.

Ники... Ники... Я возвращаюсь к тебе! Его сердце забилося сильнее.

Даймонакс Аристидес поднял взгляд от своего рабочего стола. Язон не раз задавал себе вопрос — есть ли на свете хоть что-нибудь, способное нарушить спокойствие этого человека.

— Хайре! — услышал он глубокий бас Даймонакса. — Радуйся! Что привело тебя?

— Мне жаль, но я принес плохие вести.

— Да? По тебе этого не заметно! — Даймонакс поднялся с кресла, подошел к шкафику с вином, наполнил два изящных и красивых бокала, после чего расположился на ложе. — Ну, теперь рассказывай.

— Нечаянно я нарушил то, что, по-видимому, является здесь табу первостепенного значения. И мне сильно повезло, раз уж я выпутался живым.

— Ну, ну... — Даймонакс погладил начинающую сесть бороду. — Не первый такой случай — и не последний. Мы получаем знания на ощупь, и действительность всегда поражает нас... В любом случае я рад, что ты смог унести ноги. Я с искренним сожалением оплакивал бы твою смерть.

Прежде, чем пригубить вино, они торжественно отплеснули по несколько капель из своих бокалов — в дар богам. Рациональный человек способен оценить очарование ритуала, а пол был пятноустойчив.

— Ты уже готов составить рапорт?

— Да. По дороге сюда я все упорядочил в памяти.

Даймонакс включил регистрирующий аппарат, произнес несколько каталогизирующих формул и сказал:

— Начинай.

Язон мог гордиться собой, его отчет был подготовлен отлично: ясный, честный и полный. Но когда он говорил, его память невольно возвращалась к пережитому... Он снова видел пляску волн на самом большом из озер Пенталимни, снова прогуливался по внутренней галерее замка в Эрнике с полным любопытства и восхищения молодым Лейфом; бежал из тюрьмы, оглушив стражника, дрожащими пальцами заводил машину, мчался по шоссе, а потом пробирался сквозь лес из последних сил; вздрагивал, когда Бела плевал ему под ноги, и чувствовал, как радость от близкой свободы оборачивалась горечью. Под конец он не смог сдержаться:

— Почему мне ничего не сказали? Я бы был осторожней! Ведь меня убеждали, что в Вестфалии люди свободны от предрассудков и половых табу. Откуда я мог знать?

— Да, это упущение, — кивнул Даймонакс. — Но согласишься, мы слишком недавно стали заниматься паракхронией...

— Зачем мы вообще тут? Чему мы можем научиться от этих варваров? У нас в распоряжении бесконечное число миров, почему мы тратим время, занимаясь именно этим? Одним из двух наиболее отвратительных из всех, какие мы знаем...

Даймонакс выключил регистрационную аппаратуру. Какое-то время оба молчали. Снаружи доносился шорох шин проезжающих автомобилей, чей-то смех смешивался с распеваемой песней. За окном раскинулся блестящий в солнечном свете океан.

— Ты разве не знаешь — зачем? — заговорил наконец Даймонакс. Голос его звучал глуховато.

— Ну да... Научные интересы, разумеется. — Язон проглотил слюну. — Прости меня. Разумеется, деятельность Института опирается на рациональную основу. В американской истории мы наблюдаем тупик в развитии человека. Допускаю, что и в этой тоже.

Даймонакс покачал головой:

— Нет, дело не в этом.

— А в чем?

— Мы учимся здесь кое-чему слишком ценному, чтобы от него отречься, — ответил Даймонакс. — Этот урок унижает нас, но немного унижения не повредит нашей самодовольной Еутопии. Ты, конечно, не в курсе, так как до последнего времени мы, не располагая доказательствами, не публиковали свое заключение... Кроме того, ты недавно работаешь у нас, и первое задание выполнял в другой истории. Но теперь мы можем утверждать, что Вестфалия — тоже своеобразная Еутопия, Счастливая Страна.

— Это невозможно, — прошептал Язон.

Даймонакс улыбнулся и отпил глоток вина.

— Подумай сам, — сказал он. — Что нужно человеку? Прежде всего он должен удовлетворять свои биологические потребности: должен иметь пищу, крышу над головой, лекарства, возможность вести половую жизнь и, наконец, жить в безопасности, чтобы растить детей. Во-вторых, человеческий разум постоянно испытывает неистребимую жажду нового, тягу к знаниям и творчеству. А теперь присмотришься повнимательнее, и ты увидишь, что в этой истории люди удовлетворяют все свои потребности.

— То же самое можно сказать о любом племени каменного века. Нельзя ставить знак равенства между удовлетворением потребностей и счастьем.

— Разумеется, нет. Просто этот мир не похож на упорядоченную, унифицированную Еутопию, страну ласковых коров, в которой все распланировано. Мы разрешили конфликты: и между людьми, и те, которые раздирали душу каждого человека; освоили всю Солнечную

систему, хотя звезды по-прежнему нам не доступны. И если бы Господь в милосердии своем не позволил нам выдумать парахронион, чем бы мы тогда занимались?

— Ты хочешь сказать, что... — Язону не хватало слов. Он вдруг вспомнил, что только умственно больной человек обижается, если слышит что-то противоречащее его взглядам. — Значит, человек, избавленный от агрессивности, лжи, предрассудков, ритуалов и табу — ничего не имеет впереди?

— Почти так. Общество должно обладать структурой и целями. Природа же не диктует ему ни того, ни другого. Наш рационализм является нерациональным выбором. То, что мы подавляем зверя в себе, — попросту еще одно табу. Нам можно любить кого угодно, но нельзя ненавидеть. Так разве мы обладаем большей свободой, чем жители Вестфалии?

— Но ведь есть культуры, которые лучше остальных!

— Не спорю, — сказал Даймонакс. — Я лишь обращаю твое внимание на то, что каждая культура за свое существование платит определенную цену. Мы дорого платим за все, чем наслаждаемся в Еутопии. Мы не позволяем себе ни одного бессмысленного, эгоистического поступка. Ликвидировав все опасности и трудности, уничтожив различия между людьми, мы не оставили себе никаких шансов на победу. А быть может, худшее здесь то, что мы становимся законченными индивидуалистами. У нас нет ощущения сопричастности. Наши обязанности носят чисто негативный характер: мы обязаны не принуждать к чему бы то ни было никого другого. Государство — безличный, великолепно организованный, непринуждающий механизм — заботится об удовлетворении любой нашей потребности, об избавлении от любой неприятности, которая может с нами случиться. А где наше уважение к смерти? Где интимность, которую можно испытывать, лишь проведя вдвоем с любимым человеком целую жизнь? Мы частенько балуемся разными торжествами и церемониями, но, зная, что все они сводятся к отработанным жестам, я не могу не спросить: чего же они стоят? Мы сделали однообразным наш мир, мы потеряли его цвет и контрасты, мы растеряли собственное своеобразие...

А вот жители Вестфалии — несмотря на их варварство — знают, кто они, какие они и что им принадлежит. Их традиции не вычитаны из книг, они неотъемлемая часть их жизни. И их мертвые остаются в памяти живых. Перед ними стоят реальные проблемы, потому и дела их реальны. Они верят в свои ритуалы. Верят, что стоит жить и умирать ради семьи, короля, народа. Быть может, хотя я в этом и не уверен, они меньше нас размышляют о вечном, но зато в большей степени используют свои нервы, железы и мышцы. И если они создали при этом науку и технику, то не стоит ли нам кое-чему у них поучиться?

Язон молчал.

Даймонакс снова нарушил тишину.

— Теперь ты можешь вернуться в Еутопию. А когда отдохнешь, получишь новое задание. В той истории, которая тебе более симпатична. Расстанемся друзьями.

Зашелестел паракхронион. Тетива времени натянулась между Вселенными... Распахнулась дверь, и Язон вышел наружу.

Он оказался в лесу блестящих колонн. Белые Неафины — вечный, родной город террасами спускался к морю. Откуда-то доносился звук лиры.

Радость звенела в Язоне. Он уже не помнил о Лейфе. Мимолетное увлечение, спасательный круг от одиночества и тоски... А теперь он был дома. И здесь его ждал Ники, Никиас Демосфенос, самый красивый и самый очаровательный из мальчиков.

СВЕТ

Вам следует запомнить: то, что вы сейчас услышите, — величайшая тайна со времен Манхэттенского проекта. Вашу жизнь мы прощупали с того дня, как вы вылезли из коротких штанишек...

Нет, черт возьми! Мы отнюдь не банда милитаристов, свихнувшихся от жажды власти. Думаете, мне не хочется кричать правду на весь мир?

Но она может подтолкнуть мир к войне, что означает гибель цивилизации.

Надеюсь, вы как историк поймете причины нашего молчания. Макиавелли — вот символ хладнокровия и реализма... И вам нет нужды объяснять мне, что он был всего лишь исключительно здравомыслящим патриотом. Я читал и «Государя», и «Рассуждения».

Честно скажу, мне странно ваше удивление. Да, мои знания математики и физики позволяют мне работать на «Астро», но разве это означает, что в остальном я должен выглядеть неситесанной деревенщиной? Я много путешествовал, сэр, и на музеи тратил времени не меньше, чем на кабаки.

Я допускал, что мои коллеги по лунной экспедиции именно по этой причине косо на меня поглядывают. Они оба отнюдь не роботы, но им пришлось выучить настолько много, что просто не верится, как такое количество знаний могло уместиться в одной человеческой голове. Если копнуть поглубже, они попросту боялись, что воспоминания о «Мадонне у скал» — конечно же, из Лондонского музея, она лучшая из Мадонн — вытеснят мои знания орбитальных функций. Вот почему на генеральной репетиции я так уперся, решив рассказать им все, что я знаю по астрогации. Наверное, это задело Бэйрда.

Особых споров между нами не возникало. К тому времени, когда «Бенджамин Франклин» отчалил от орбитальной станции и двинулся к Луне, мы представляли хорошо слаженную группу.

Как вы помните, нас было трое. Бэйрд — пилот и штурман. Эрнандес — инженер. И я — за механика. С управлением корабля мог справиться и один человек, остальные двое были дополнительной гарантией, причем каждый из нас мог подменить другого. Нам предстояла первая настоящая высадка на Луне, поэтому вероятность неудачи стремились свести к минимуму.

Мы летели по заданному курсу несколько дней: любовались удаляющейся Землей и увеличивающейся Луной, которая приближалась к нам на фоне столь черной и звездной ночи, какую вы просто не в состоянии вообразить. Разглядывать фотографии бессмысленно.

На корабле царила тишина, и мы разговаривали, чтобы не сойти от нее с ума. Одну из наших бесед я запомнил очень хорошо, потому что она касалась причин секретности полета.

Земля висела сапфиром среди тьмы и звезд. Длинные белые потоки северного сияния развевались вблизи полюсов наподобие знамен. Вы знаете, что с такого расстояния на нашей планете видны пояса? Очень много, совсем как у Юпитера. Из-за них трудно разглядеть очертания континентов.

— Вроде бы в поле зрения Россия, — сказал я. Бэйрд глянул на хронометр и висящий на стене график движения, подвигал визиром логарифмической линейки.

— Да, — буркнул он. — В данный момент Сибирь проходит через терминатор.

— Они следят? — спросил Эрнандес.

— Наверняка, — ответил я. — На их орбитальных станциях хорошие телескопы.

— То-то у этих телескопов будут скалиться, если мы врежемся в метеор! — заявил Эрнандес.

— Если с нами что случится, печалиться особенно не станут, — согласился я. — Но вряд ли нам устроят диверсию. По крайней мере в этом рейсе, когда за нами следят все кому не лень.

— Думаешь, из-за диверсии могла бы начаться война? — поинтересовался Бэйрд. — Ерунда. Никто не станет уничтожать страну, зная, что его собственная тоже будет уничтожена, — из-за трех человек и корабля стоимостью в десять миллионов долларов.

— Верно. — Я не стал спорить. — Но одно может повлечь за собой другое. Нота протеста окажется первым звеном цепи. А при наличии межконтинентальных ракет с термоядерными боеголовками можно добиться довольно многого. Первоочередная задача политики — сохранить статус-кво, и в то же время растущая напряженность делает статус-кво весьма нестабильным.

Вы полагаете, что наше правительство не стало бы посылать экспедицию на Луну, не получай оно при этом каких-нибудь военных преимуществ? Нет, черт побери! Первой лунной высадкой мы зарабатываем очко — престиж — и ни центом больше! Кроме того, мы сами подписывали договор о признании Луны международной

территорией под контролем ООН. Так что никто не отважится строить на ней что-нибудь эдакое, стратегическое.

— И долго такой баланс продержится? — спросил Эрнандес.

— А вот появится вдруг какая-нибудь совершенно новая технология — ну, например, силовой экран, способный защитить весь континент, а у противной стороны даже намек на это не будет, вот тогда и закончится Холодная Война.

— Заткнитесь! — рявкнул Бэйрд. — Вы оба слишком много болтаете.

Я знал, что не о том говорил, когда снаружи царило вечное спокойствие ночи. Не надо выносить наши жалконькие страхи, ненависть, жадность за небеса и в космос.

Но, может быть, сам факт, что мы, обремененные этим гадким грузом, все же стремились к Луне, свидетельствует, что человек по натуре лучше, чем он сам о себе думает...

Ожидание выматывало нас, ожидание и свободный полет. Нулевая гравитация удобна, пока вы бодрствуете, но ваши инстинкты не столь догадливы. Укладываясь спать, мы мучались от кошмаров. Правда, к концу пути они становились реже, и мне кажется, со временем к этому можно полностью приспособиться.

Романтических чувств первопроходцев, идя на посадку, мы не испытывали. Мы очень устали и были очень напряжены. Посадка — всего лишь тяжелая и утомительная работа.

Место посадки не было определено точно, так как малейшая опшибка в орбите могла вызвать отклонение. А кроме того, вся лунная поверхность представляла интерес. Мы лишь были уверены, что сядем где-то рядом с северным полюсом не в одном из морей, которые выглядят соблазнительно гладкими, но вполне могут таить какие-нибудь каверзы. В конечном счете, как вы, может, помните, мы опустились на склоне лунных Альп, неподалеку от кратера Платона. Район не очень удачный, но наш аппарат специально конструировали для таких мест.

Грохот двигателей стих, уши медленно привыкли к безмолвию: мы совершили посадку. Какое-то время мы сидели, не обменявшись ни единым словом. Мокрая от пота одежда прилипла к спине.

— Ладно, — сказал Бэйрд протяжно. — Порядок. Мы здесь.

Он отстегнулся, нашел микрофон и начал вызывать станцию. Мы с Эрнандесом приникли к иллюминаторам.

Это выглядело сверхъестественно. Я бывал в земных пустынях, но ни одна из них не сверкала так ярко, ни одна не казалась настолько безжизненной, а скалы нигде не были такими огромными и изломанными. Южный горизонт казался близким, и я подумал, что смогу увидеть закругляющуюся вдаль и тающую в пене звезд поверхность.

Затем мы тянули жребий. Эрнандес проиграл, и он должен будет оставаться внутри, тогда как мне выпало право ступить на Луну

первым. Бэйрд и я забрались в скафандры и через шлюз выбрались наружу. Кстати, даже на Луне эти доспехи весят немало.

Мы стояли в тени корабля и осматривались сквозь светофильтры. Тень не была абсолютно черной и как ножом обрезанной — из-за отражения от скал и грунта, — но гораздо глубже и четче, чем на Земле. Позади нас тянулись к горизонту резко очерченные горы, а впереди — потрескавшаяся, охряного цвета поверхность неровно понижалась к краю цирка Платона.

Вы, может, помните, что мы сели незадолго до заката и намеревались отправиться в обратный путь через две недели, вскоре после рассвета. Ночью температура на Луне падает до 250 градусов ниже нуля, но днем тепло так, что запросто можно поджариться. Кроме того, это экономичнее — разогреть корабль, словно электроплитку, тогда не надо устанавливать секции охлаждения: требуется меньшая масса.

— Ну, — сказал Бэйрд, — шагай.

— Шагну — и что дальше? — спросил я.

— Толкай речь. Ты — первый человек на Луне.

— О нет, — возразил я. — Ты — капитан. Разве я могу мечтать о... нет, нет. Шеф, я отказываюсь.

Возможно, вы читали эту речь в прессе. Там сказано, что это якобы импровизация, но на самом деле ее написала жена одной крупной шизики, который верил в ее поэтические притязания. Словесный понос, правда ведь? Бэйрд хотел, чтобы я произнес это!

— Мятеж, — заявил он.

— Могу ли я посоветовать капитану, чтобы он просто записал в журнале, будто речь произнесена?

— И ты — Иуда! — рявкнул Бэйрд. Но он так и поступил. Позже. Надеюсь, вы понимаете, что слышали это с условием: не для огласки. Договорились?

Бэйрд продолжал оставаться в отвратительном настроении.

— Возьми несколько образцов породы, — распорядился он, устанавливая камеру.

Я быстро подобрал подряд несколько камешков, полагая, что если я начну выбирать их, то Солнце выберет меня и поджарит. Конечно, это чушь, но Бог знает до чего жутким и чуждым казался окружающий пейзаж...

Бэйрд был занят съемками.

— Я удивляюсь, если ты сможешь поймать этот свет, — заметил я. — На Земле ничего подобного не бывает.

Но это было не совсем так. Я не могу описать разницу. Я думал о тех странных и уникальных оттенках освещения, с которыми мы изредка, если повезет, сталкиваемся на Земле, вроде того медного тона, что появляется незадолго до шторма, о прочих похожих вещах, — и представлял их размноженными в миллионах отдаленно похожих изображений.

— Вот еще, конечно, сфотографируется, — заявил Бэйрд.

— Ну да. Внешнее впечатление, — сказал я. — Но чтобы передать ощущение, необходим художник, а такого художника не было уже столетия. Рембрандт? Нет, для него это слишком грубо, холодный свет, обладающий одновременно жаром ада...

— Заткнись! — Рев в наушниках чуть не порвал мне барабанные перепонки. — Чтоб ты сдох, как и твой проклятый Ренессанс!

Немного погодя мы вернулись на корабль. Бэйрд тихо психовал. Он был на пределе выдержки, и, наверное, он был прав: поверхность Луны не самое подходящее место для разговоров об искусстве.

Мы выставили наружу датчики, решив, что, пока они собирают информацию, сами мы можем перекусить и вздремнуть. Солнце спустилось к горизонту, тени становились длиннее. Эрнандес обследовал принесенные мной образцы и заявил, что хоть он и не геолог, но, кажется, ничего похожего на Земле не встречается. Эксперты позже сообщили нам, что и для них они в диковинку. Минералы те же, но их кристаллизация в лунных условиях протекала совершенно иначе.

После недолгого отдыха мы отметили, что Солнце спустилось еще ниже и неровности местности образовали перед нами почти сплошную полосу тени к кратеру Платона. Эрнандес посоветовал нам использовать эту возможность для исследования. Закат настал бы до того, как мы успели вернуться, но грунт остывает не так быстро, и с помощью наших аккумуляторных батарей мы вполне могли бы успеть. В вакууме, на затененной поверхности, вы не так много тепла потеряете с излучением, гораздо больше лунные породы, насквозь промерзшие внутри, высосут его через ваши подошвы.

Бэйрд для порядка повозражал, но ему и самому не терпелось. Так что в конце концов мы плюнули на инструкции и отправились все втроем. Мы добрались до края и заглянули оттуда вниз, на лавовую равнину примерно шестидесяти миль диаметром. Дальняя ее сторона была скрыта от нас. Равнина напоминала поверхность блестящего полированного металла, рассеченную тенями от западной стены. Спуск казался крутым, конец его потерялся во тьме, но его нужно было преодолеть.

Мой шлем, попавший в полосу прямого солнечного света, вскоре стал напоминать духовку, в то время как ноги оказались в тени и начали леденеть. Но я забыл обо всем этом, когда увидел перед собой туман.

Вы слышали об этом? Астрономы наблюдали его уже долгое время — в виде облаков, периодически появляющихся в некоторых кратерах. Платон — один из таких. Я надеялся, что наше путешествие поможет раскрыть эту тайну, — и вот теперь, в четверти мили под нами, завиваясь причудливыми потоками, клубился туман.

Он поднимался из тьмы, и когда на него падали солнечные лучи, начинал отливать золотом, после чего исчезал, растворялся, таял.

Я начал спускаться.

— Эй! — крикнул Бэйрд. — А ну вернись!

— Я только посмотрю, — попросил я.

— Ногу вывихнешь, и тебя придется тащить на себе! Ночь уже близко. Нет!

— В этом балахоне ничего себе не вывихнешь, — ответил я.

Скафандр снаружи весь покрыт металлом, даже гибкие сочленения, а пластиковый шлем был, пожалуй, еще прочнее. Так что если бы мне захотелось покончить с собой, то бросаться надо было бы с немалой высоты и, может быть, не один раз.

— Возвращайся, или я отправлю тебя под трибунал, — процедил Бэйрд сквозь зубы.

— Шеф, будь человеком, — сказал Эрнандес.

В конце концов он его уговорил. Капитана почему-то раздражая только я. Мы обязались страховкой и осторожно начали спуск.

Туман поднимался из расщелины примерно посередине стены. Там, где лежали тени, наши фонари освещали иней, который тут же начинал испаряться под действием света. Наверное, когда приходила ночь, все здесь вокруг было покрыто льдом. Вода? Не знаю. Быть может, следы лунной жизни, например низшей растительной формы. Правда, за все время нашего там пребывания мы ничего подобного не обнаружили. А вот то, что мы обнаружили...

Ниже трещины виднелся широкий выступ. Мы спустились на него и остановились, осматриваясь.

А теперь вы должны все четко себе представить. Мы находились на выступе в несколько ярдов шириной. Над нами четко вырисовывалась зубчатая стена кратера, под нами была пропасть, дно которой терялось во тьме, а впереди можно было разглядеть стальной отблеск дна кратера. За миллионы лет грунт покрылся слоем метеоритной пыли, я видел отпечатки своих ботинок, четкие и глубокие, и знал, что они сохранятся такими навсегда, по крайней мере до тех пор, пока новые слои пыли их не смажут.

В десяти футах над головой виднелась расщелина, напоминающая окаменевший рот, именно из нее вырывался туман и клубами уходил вверх. Он образовывал преграду, тоненькую прослойку между нами и небом. Солнце для нас находилось словно за горизонтом, но зубы скал отражали часть лучей вниз, сквозь туман.

Так мы и стояли, залитые этим холодным, бледным, бело-золотистым светом, дымным светом... Господи! Нигде и никогда не может быть такого на Земле! Казалось, свет шел отовсюду, обволакивая нас, напоминая способное светиться молчание. Это был свет Нирваны.

Но я уже видел его где-то. Я не помню — где. И я стоял, вслушиваясь в вечное безмолвие, царящее в моих наушниках, в моей душе, и я забыл обо всем, кроме тишины и невероятного очарования окужающего...

Но я никак не мог вспомнить, где я уже видел это.

Вдруг Эрнандес вскрикнул. Мы с Бэйрдом оторвались от созерцательных размышлений и неуклюже направились к нему.

Эрнандес стоял в нескольких футах от нас, прижимаясь к стене и что-то напряженно разглядывая.

Я посмотрел на грунт, и во мне что-то оборвалось. Я увидел следы.

Мы даже не спрашивали себя, не оставил ли их кто-то из нас. Эти следы были не от ботинок американских скафандров. И кроме того, они шли снизу. Поднимались вдоль стены, на мгновение замирали, словно оставивший их топтался на месте, переступая с ноги на ногу. А потом мы обнаружили след, снова ведущий вниз.

Молчание натянулось, словно готовая лопнуть струна. Наконец Бэйрд поднял голову и оглянулся. Свет превратил его лицо в изваяние нечеловеческой красоты, и где-то я уже видел лицо, освещенное таким образом. Я глядел на него, забыв обо всем, с полчаса, может, больше, но где, в каком забытом сне?

— Кто... — прошептал Бэйрд.

— Только одна страна может тайно послать корабль на Луну, — сказал Эрнандес мертвым голосом.

— Англия, — продолжил я. — Франция.

— Будь так, мы бы об этом знали.

— Значит... И они до сих пор здесь?

Я посмотрел вниз, во тьму, заполнившую кратер Платона.

— Хватит болтать, — сказал Бэйрд. — Этим следам может быть пять часов, а может — миллион лет.

Это были отпечатки ботинок, подбитых гвоздями. Не очень большого размера, но судя по длине шага — даже здесь, на Луне, — принадлежали человеку высокого роста.

— Почему они не объявили об этом всему миру? — раздраженно сказал Эрнандес. — Могли бы похвастаться...

— Ты так думаешь? — проскрипел Бэйрд.

Я посмотрел на юг. Низко над горизонтом висела Земля в полуфазе, далекая и бесконечно прекрасная. Я подумал, что вон там, прямо перед нами — Америка, но не был в этом уверен.

Была лишь одна причина держать эту экспедицию в секрете. Они основали здесь нечто способное нарушить баланс — и, несомненно, в их пользу. И как раз в эти мгновения там, на Земле, могло происходить то, чего мы так опасались.

— Но как можно осуществить такой рейс в тайне? — удивился я.

— Может быть, корабль черного цвета, и стартовал он в тот момент, когда наша станция находилась на противоположном участке орбиты.

— Да заткнитесь вы! — Бэйрд застыл в молчании.

Солнце спускалось все ниже, сверхъестественный свет умирал, и его сменяло голубое сияние Земли. Наши лица в нем приобрели трупный оттенок.

— Пошли, — сказал Бэйрд и повернулся. — Надо вернуться на корабль и послать сообщение.

— Если об этом станет известно, может начаться война, — сказал я.

— У меня есть шифр.

— А ты уверен, что его нельзя прочесть?

— Ты, щенок, заткнись, сказано же тебе! — яростно выкрикнул Бэйрд.

— Может быть, нам лучше пробраться туда, — мягко сказал Эрнандес. — Пойти по этим следам и все разведать?

— У нас нет оружия, — возразил Бэйрд.

Я не буду останавливаться на споре. Решено было, что Бэйрд и Эрнандес вернутся на корабль, а я пойду и погляжу, что там дальше. Для того, чтобы идти по следу, у меня есть примерно час, но не больше, если я не хочу замерзнуть навсегда.

Один раз я оглянулся и увидел силуэты их скафандров, чернеющие на фоне звезд. По мере того, как солнечные лучи скрывались и расширялись мои зрачки, звезд становилось все больше. А потом тени поглотили меня.

Спуск был неровным, но я шел быстро. В этих местах преобладал темный и хрупкий камень, но я мог проследить путь незнакомца по более светлым пятнам в тех местах, где под его ногами камень крошился. Сперва я удивлялся, как эти обломки могли сделаться светлее, когда вокруг вакуум, но потом решил, что причиной тому фотохимический эффект.

В тени трудно было отыскать путь. Но вскоре я выбрался на открытое пространство, и когда мои глаза приспособились к земному сиянию, оказалось, что его вполне достаточно. Примерно через полчаса я оказался на дне кратера. Солнце скрылось за краем стены. Вокруг меня царила ночь.

Нельзя было терять время. Я стоял на гладкой темной лаве и пытался отыскать следы в пыли. Путь мог оказаться неблизким. Я пожал плечами и прыжками помчался вперед, стараясь развить максимально возможную скорость.

В свете Земли нелегко было различать след. И это неудобство раздражало меня больше, чем любая опасность.

Я немного превысил лимит безопасности, когда обнаружил лагерь.

Разглядеть можно было немного. Длинная полоса нарушенной пыли и раздробленных камней в том месте, где опустилось некое устройство с экипажем, а потом улетело обратно... и никаких признаков работы ракетных двигателей! Несколько шрамов в тех местах, где были отколоты образцы. Следы. Ничего больше.

Я смотрел на стену кратера, позади меня лежала ночь, а туман все поднимался, на этот раз голубоватого оттенка. Я стоял, пытаюсь сообразить, кто же прилетел сюда без всякой ракеты, но так ничего и не придумал. Обвел небосклон глазами и заметил красноватую крапинку Марса. И сразу же почувствовал дрожь.

Неужели марсиане побывали раньше нас на нашем собственном спутнике?

Пора было возвращаться. Каждая минута промедления уменьшала мои шансы на возвращение.

Но что-то не пускало...

Невдалеке виднелось небольшое гранитное обнажение. Я подумал было, что это сложенная из камней пирамида, но когда подошел ближе, то оказалось, что это образование природного происхождения. Пожав плечами, я повернулся...

Что-то приковало мой взгляд. Я подошел поближе.

Это был утес цвета мокрого снега. Его единственная плоская поверхность была обращена к Земле. И на ней я обнаружил вырубленный в камне крест.

Я забыл о времени и об усиливающемся холоде. Стоял, пораженный, пытаюсь понять, то ли крест был всего лишь случайным символом, то ли и там — на Марсе, или на какой-нибудь другой планете под чужим солнцем — был Он, который...

Надо мной кружили и сияли миллионы звезд.

И тут я вспомнил. Вспомнил, где я видел тот падавший на скальную стену на заходе солнца свет. Теперь я знал всю правду.

Я повернулся и побежал.

Я еле успел. Батареи иссякли милях в пяти от корабля. Я сообщил об этом по радио и побежал дальше, надеясь движением компенсировать недостающее тепло. Но ноги быстро замерзли, я начал спотыкаться, а холод с каждой минутой крепчал.

Бэйрд встретил меня на полпути, содрал разрядившиеся батареи и подсоединил новый комплект.

После чего закричал:

— Кретин! Проклятый безмозглый идиот! Если ты еще хоть раз... прикончу без суда...

— Даже если я скажу тебе, кто высаживался на Платоне?

— Что-о?

Мы были уже в корабле, и мои пальцы отогрелись раньше, чем я успел закончить оправдания. Возражений было много, но когда он ухватил идею...

Даже после того, как мы вернулись домой и рассказали обо всем, разведка долго продолжала работать сверхурочно. Теперь-то они точно установили, что никакой экспедиции до нас не было. Правда, Бэйрд, Эрнандес и я знали это еще в нашу первую ночь на Луне.

Вот вкратце причины, почему мы остановились на вас, профессор. Мы с вами отправимся за границу. Официально — как туристы. Вы будете рыться в архивах, а я подскажу вам, если попадется что-нибудь интересное. Я сомневаюсь, очень сомневаюсь, что из этого что-нибудь получится. Этот секрет хорошо укрыт, так же как и тайна подводной лодки, которую он решил не отдавать

враждующему миру. Но если когда-нибудь нам удастся отыскать хоть намек — я буду счастлив.

Наши эксперты — деятельные ребята, они перерывают все. И теперь, зная, какие силы подключены и как это важно, надеюсь, вы понимаете, что это — действительно величайшая тайна?

Как, вы отказываетесь?! Профессор, я поражен и расстроен. Вы же историк!

Ладно. Мы с вами отправимся в Лондон, я приведу вас в Национальную Галерею и посажу напротив картины под названием «Мадонна у скал». И вы сами увидите этот никогда не сиявший на Земле свет — холодный, бледный, непередаваемый мягкий свет, ласкающий Матерь Божию и Сына. А имя художника — Леонардо да Винчи.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Этот рассказ был впервые опубликован в мартовском номере журнала «Гэлакси Сайенс Фикшн» за 1957 г., то есть до начала «космической эры». Поэтому все подробности первой высадки американцев на Луне, описание лунных пейзажей и т. п. остаются на совести авторского воображения.

«СВЕТОЗАРНЫЙ»

Монастырь Святой Марты Бетанской расположен на склоне одного из высочайших пиков Лунных Карпат. Стены его вздымаются к вечно черному небу, такие же темные и грубые, как и горные породы вокруг. Если лететь от Северного Полюса над Маршрутным Плато, то можно увидеть венчающий колокольню крест прямо на фоне голубого диска Земли. Нет только колокольного перезвона — он не слышен в безвоздушном пространстве.

Но вы можете услышать его внутри во время служб, когда звон перекрывает непрерывный шум машин, поддерживающих в покоях постоянный климат. А если вы задержитесь допоздна, то услышите, как зовут к траурной мессе. Традиция: к Святой Марте обращаются, когда молятся о погибших в космосе; а с каждым годом таких становится все больше.

Но основная забота сестер-монахинь в другом: они заботятся о больных, увечных, сошедших с ума; обо всех тех, кого искалечил и отринул космос. На Луне полно таких изгнанников. Одни не могут выносить земное тяготение, другие боятся, что на чужой планете подхватили заразную болезнь. Человечество слишком занято расширением пределов известной Вселенной, у него нет времени жалеть неудачников. И сестры носят скафандры столь же

непринужденно, как и облачения, а аптечкой пользуются с не меньшей ловкостью, чем четками.

Медитация. Ночью, когда на две недели умирает ослепительный блеск Солнца, крыша часовни складывается, и сквозь стекло купола немигающие колющие звезды смотрят вниз на мерцание свечей.

Одна из монахинь приходит сюда так часто, как только может; она приходит с молением о собственной смерти. Надеясь, что милость дарована будет ей к ежегодной мессе, когда кончится срок принятого обета. И тогда сестры воспоют над ней:

«Requiem aeternam dona eis,
Dominie,
Et lux perpetua luceat eis.
Kirie eleison, Christe eleison,
Kirie eleison!»

* * *

В экспедицию «Сверхновая Стрельца» входило пятьдесят людей и огненный вихрь, за которым пришлось сделать неблизкий крюк от орбиты Земли до Эпсилон Лиры. И только затем «Ворон» направился собственно к месту назначения.

Замысел экспедиции строился на парадоксальной взаимосвязи пространства и времени. Более ста лет прошло от момента взрыва сверхновой в созвездии Стрельца до того дня, когда он был замечен на Последней Надежде. Несколько поколений тамошняя земная колония пыталась разобраться в цивилизации разумных, но совершенно не похожих на людей существ; а однажды ночью, посмотрев в небо, колонисты обнаружили там сияющий бриллиант, от света которого падали тени.

До Земли свет от взрыва добрался бы лишь спустя несколько веков, и, скорее всего, никто не обратил бы внимания на лишний светлячок, появившийся на небосклоне. Зато экипаж корабля, способного перепрыгивать сквозь пространство, мог наблюдать гибель звезды поэтапно, во всех подробностях.

С соответствующего расстояния приборы запечатлели последнюю стадию перед взрывом: добела раскаленный комок, начавший сжиматься после того, как выгорело последнее ядерное топливо. Затем прыжок — и люди видели процесс век спустя: буйство квантов и нейтронов, светимостью сравнимое с сотней миллионов звезд Галактики.

Материя сверхновой постепенно растворяется, тает в пространстве, и «Ворон» подходит ближе. Пятьдесят световых лет... и просто пятьдесят лет... Корабль входит в пылевое облако, в центре которого, словно небесный прожектор, сияет постоянно сжимающийся огненный шар.

Двадцать пять лет спустя ядро сокращается еще больше, туманность расширяется и тускнеет, и в телескоп — в самом сердце опалесцирующего, нежно-волокнистого по краям облака — видна крохотная бело-голубая искорка.

И вот «Ворон» готов к завершающему прыжку: вплотную к звезде.

Капитан Теодор Сцили совершал последний предстартовый обход. Его окружал чистый холодный металл. Вращение корабля создавало на борту центробежную силу, равную земному притяжению. Чуть слышно гудели вокруг приборы, шелестела система вентиляции; притаившаяся до времени мощь двигателей дрожью отдавалась в костях. В иллюминаторах скалились драконовы зубы бесчисленных звезд, переливалась призрачная радуга Млечного Пути. Вакуум, космические лучи, холод — почти абсолютный ноль, а расстояние до ближайшего очага человеческой культуры невозможно даже вообразить... Капитан Сцили думал о том, что ему предстояло отправиться со своими людьми туда, где еще не бывал никто, и эти мысли были тяжелы.

Элоизу Ваггонер он обнаружил на ее посту. Почему-то она сидела прямо на полу, рядом стоял маленький магнитофон. Музыка... Капитан вдруг почувствовал, что музыка против воли захватывает его. Он остановился в проеме двери.

— Как это понимать?

— Ой! — Она вздрогнула. — Я... я жду прыжка.

Элоизе Ваггонер лишь недавно исполнилось двадцать, но капитан не мог заставить себя поверить, что она так молода. На вид он бы дал ей в два раза больше.

— Что вы должны делать по сигналу тревоги?

— Разве я веду себя не так? — спросила она, и капитан отметил, что вопрос задан менее робким, чем обычно, голосом. — Я считала, что не вхожу ни в экипаж, ни в число ученых.

— Вы член экипажа. Вы техник по спецсвязи.

— С Люцифером. И ему нравится музыка. Он говорит, что в ней мы достигли гораздо большего совершенства, чем во всем остальном, что он о нас знает.

Сцили нахмурил брови.

— Совершенства?

На впалых щеках Элоизы проступил румянец. Она опустила глаза, переплела руки:

— Может быть, это неверное слово. Мир, гармония, единение... Бог?.. Я читаю его мысли, но чувства его выразить словами невозможно.

— Хм... Ладно, вы стараетесь доставить ему удовольствие. — Командир взглянул на нее, стараясь не выказать неприязнь. Может быть, она действительно на своем месте, может быть, эта нелепая стезя — ее призвание, но — Господи! — как она выглядит... Сухопарая, с мощными ногами, крупным носом, постоянно мигающими

глазами, волосами, похожими на пропыленную мочалку... И, если честно, в обществе телепатов ему всегда делалось неуютно.

Она говорила, что может читать мысли только Люцифера, но кто поручится, что это правда?

Нет. О таких вещах думать не следует. Странности могут появиться от одиночества, от отсутствия общения с людьми.

А сама Элоиза Ваггонер — человек? Такое впечатление, что она мутант. Кто еще сумеет войти в телепатическую связь с существом, напоминающим живое пламя?

— Что вы играете? — спросил Сцили.

— Бах. Третий Бранденбургский Концерт. Люциферу не нравится современная дрянь. Мне тоже.

Нет, вы только подумайте, удивился Сцили, а вслух сказал:

— Послушайте, через полчаса мы начнем прыжок. Мы первыми из людей окажемся так близко от недавней сверхновой. И единственное, в чем я уверен, что, если защитные поля откажут, радиация убьет нас мгновенно. У нас нет иного оружия, кроме теории, но ядра коллапсирующих звезд не похожи ни на что другое во Вселенной, так что и к теории я отношусь весьма скептически. Короче, мы не можем сидеть и грезить наяву. Мы должны быть готовы...

— Да, сэр, — прошептала она, и в ее голосе послышалась прежняя мягкость.

Он изумленно воззрился мимо нее, мимо индикаторов и датчиков, словно мог взглядом пронзить металл насквозь и выглянуть прямо в космос, где, как он знал, плавал Люцифер.

Образ предстал перед ним: огненный шар диаметром двадцать метров, мерцающий белым, красным, золотым, ярко-синим; пламя, разметавшееся, словно волосы Медузы; стометровый кометный хвост; красота, великолепие, частица ада...

К чести капитана следует признать, что он твердо придерживался научной точки зрения, хотя она была немногим лучше догадок. В кратной системе Эпсилон Возничего, где все пространство заполнено газом и насыщено лучистой энергией, живые существа находятся в среде, какую не смоделировать ни в одной лаборатории. Мечущаяся над поверхностью планеты шаровая молния напоминает их так же, как сгусток простых органических соединений похож на жизнь, которая в конце концов из него развилась. В системе Эпсилон Возничего магнитогидродинамика сыграла ту же роль, что на Земле химия. Однажды возникнув, стабильные плазменные вихри усовершенствовались, и через миллионы лет эволюции превратились в подобие организмов. Тела их состоят из ионов, ядерных и силовых полей. Метаболизм осуществляется электронами, нуклонами, рентгеновскими лучами.

Но о чем они думают? Те несколько телепатов, которые были способны вступать с Возничими в контакт и которые первыми дали

доступное человеку объяснение самому факту их существования, описать этого не смогли.

Впрочем, сами они были кучкой эксцентричных типов.

Капитан Сцили произнес:

— Надеюсь, вы передадите ему то, что я скажу?

— Да, сэр. — Элоиза выключила магнитофон. Глаза ее расфокусировались. Теперь ее уши стали микрофонами, а мозг — передатчиком, через который сообщение шло тому, кто на собственной реактивной тяге кружил сейчас вокруг «Ворона».

— Слушай, Люцифер. Ты неоднократно об этом и раньше слышал, но я должен быть уверен, что ты все правильно понял. Твоя психология, должно быть, весьма отлична от нашей. Как ты вообще согласился сотрудничать с нами? Мне этого не понять. Техник Вагнер говорит, что вы любопытны и предприимчивы. Это правда?

Но сейчас это не имеет значения. Через полчаса мы начинаем прыжок. Мы выйдем примерно в пятистах километрах от сверхновой. Там и начнется твоя работа. Ты можешь находиться там, куда мы не отважимся забираться, наблюдать то, что мы не в состоянии видеть, и ты расскажешь нам больше, чем могут хотя бы намекнуть наши приборы. Но сперва нам надо выяснить, сумеем ли мы выйти на орбиту вокруг звезды. Тебя это тоже касается. Мертвые люди не смогут вернуть тебя домой.

Итак, прыжок ты совершишь в поле нашего корабля, но потом, чтобы не нарушить твою внутреннюю структуру, нам придется развести защитные экраны. Мы окажемся в зоне смертельной радиации, и ты должен сразу же удалиться от корабля, так как мы включим генератор защиты через шестьдесят секунд после выхода из прыжка. Потом ты приступишь к наблюдениям. Условия там... — Сцили перечислил данные. — Но это лишь предположения. Ничего знать заранее мы не можем. Если ты почувствуешь опасность, немедленно дай знать на корабль и возвращайся к нему, чтобы мы могли прикрыть тебя экраном. Понял? Повтори.

Отрывистые слова полились из Элоизы. Изложено правильно, но сколько из сказанного она опустила?

— Очень хорошо. — Сцили заколебался. — Продолжайте ваш концерт, если он вам нравится. Но за десять минут до старта прошу быть наготове.

— Да, сэр. — Она не глядела на него.

Шаги капитана прозвенели по коридору и стихли.

«А как он произнес эти слова?» — спросил Люцифер.

— Он боится, — ответила Элоиза.

«???»

— Мне кажется, ты не знаешь, что такое страх, — сказала она.

«Может быть, ты покажешь?.. Нет, нет, не надо. Я чувствую, это неприятно. Тебе не должно быть больно».

— Мне не может быть страшно, пока твой мозг властвует над моим. (Тепло наполнило ее. Веселье играло, проскальзывало

маленькими искорками, как тогда, когда она была еще ребенком. Было лето. Отец брал ее за руку, они гуляли вместе и собирали полевые цветы; веселье пенилось с силой и мягкостью Баха и Бога.)

Люцифер мчался по радужной дуге вокруг корабля. Искры танцевали позади.

«Думай снова о цветах. Пожалуйста».

Она попробовала.

«Они вроде... (Очень близкий образ: фонтаны, распускающиеся, словно разноцветные бутоны с лепестками из рентгеновских лучей; и свет, всюду свет.) Но такие крошечные, и от них такое недолгое удовольствие».

— Даже не верится, что ты смог понять это, — прошептала она.

«Это ты поняла за меня. Я ничего подобного не видел, пока не появилась ты».

— Но ты видел так много другого... Я пытаюсь разделить твои чувства, но мне не понять даже того, что такое звезда.

«Откуда вам, рожденным на планете, знать это. Но ты можешь коснуться ее».

Щеки ее снова покраснелись. Пришла мысль, контрапунктом вплетенная в ликующую музыку:

«Кто я такой, ты знаешь? Для тебя я: огонь и воздух. Я не испытывал свежести ветров и тяжести земли, пока ты не подарила мне это. Ты — лунный свет над океаном».

— Нет, не надо, — попросила она. — Пожалуйста.

Смущение:

«А почему нет? Ты обижаешься на шутки? Тебе они не нравятся?»

— Я... я считаю, что это правда... — Она резко откинула голову назад. — Нет! Будь все проклято, если я начну еще испытывать вину перед собой!

«Что начнешь? Разве мы живем не в реальности, которая — море звезд и песен?»

— Да. Для тебя. Научи меня.

«Если ты станешь учить меня».

Мысль прервалась, но контакт остался, бессловесный, какой — она частенько это воображала — обязательно должен объединять любовников.

Она сердито покосилась на шоколадное лицо Мотилала Мазундара, когда физик появился в дверях.

— Что вам угодно?

Он удивился:

— Ничего, я хотел посмотреть, все ли у вас в порядке, мисс Вагонер.

Она прикусила губу. Физик гораздо старательнее, чем большинство людей на корабле, пытался быть любезным с ней.

— Простите, — сказала она. — Я не собиралась на вас рычать. Нервы.

— У нас у всех они на пределе, — улыбнулся он. — Все взволнованы этой рискованной затеей; как хорошо будет вернуться домой, правда?

Домой, подумала она. Четыре стены, комната с окнами на грохочущую улицу. Книги и телевизор. Она представила себе свой доклад на ближайшей научной конференции... Но ведь когда конференция закончится, никто не пригласит ее на ужин.

«Я такое страшилище?.. — удивилась она. — Наверное, я не из тех, на кого приятно смотреть, но я стараюсь быть милой и интересной. Может быть, я слишком стараюсь?»

«Только не со мной», — сказал Люцифер.

— Ты не такой, как все, — ответила она.

Мазундар заморгал:

— Простите?

— Не обращайтесь внимания, — поспешно произнесла она.

— Знаете, я всему этому поражаюсь, — сказал Мазундар, пытаясь поддержать разговор. — Допустим, Люцифер подойдет вплотную к сверхновой. Вы сможете его услышать? А как же эффект замедления времени, не будет ли он влиять на скорость его мышления?

— А есть такое, замедление времени? — Она попробовала хихикнуть. — Я же не физик, я всего-навсего глупенькая библиотечка, которую уволили за ее жуткие способности.

— А вы не знаете? Странно. Мне казалось, на лекции все присутствовали. Интенсивность гравитационных полей так же воздействует на время, как околосветовая скорость. Грубо говоря, процессы протекают более медленно, чем в открытом космосе. Это так же, как свет от массивной звезды сдвинут к красному участку спектра. В ядре нашей сверхновой содержатся чуть ли не три солнечных массы и у него теперь такая плотность, что сила притяжения на поверхности... хм, невероятно велика. Таким образом, по нашим часам пройдет немало времени, прежде чем ядро сожмется до радиуса Шварцшильда; хотя для наблюдателя на звезде процесс коллапсирования происходит довольно быстро.

— Радиус Шварцшильда? Не будете ли вы любезны объяснить? — Элоиза почувствовала, что с ее помощью Люцифер тоже слышит.

— Если мне только удастся сделать это без математики. Видите ли, масса, которую мы собираемся изучать, настолько велика, а плотность ее столь высока, что там нет сил, способных противостоять гравитации. Поэтому сжатие будет продолжаться, пока излучение уже не сможет преодолевать гравитацию. И тогда звезда как бы исчезнет из Вселенной. Однако, если верить теории, сжатие будет продолжаться до нулевого объема. Конечно, как я уже сказал, с нашей точки зрения это будет длиться очень долго, настолько, что у нас пропадет всякий интерес. К тому же теория не учитывает квантомеханических взаимодействий, которые начинают проявляться в конце. Все это до сих пор не очень-то ясно. Я надеюсь, что наша

экспедиция привезет много новых данных — Мазундар пожал плечами. — И все равно мне непонятно, мисс Вагтонет, почему предполагаемое искажение времени не помешает нашему приятелю поддерживать связь с кораблем даже вблизи звезды.

— Я сомневаюсь в вашей правоте. — Люцифер заговорил, и Элоизе казалось, что никто, кроме нее, не знает, как это приятно, когда ты нужна тому единственному, кто думает о тебе. — Телепатия — не волновой феномен. Иначе и не может быть, поскольку мысль распространяется мгновенно. Для нее нет ограничений в расстоянии. Скорее, это вид резонанса. Оказавшись созвучными, мы двое можем вступать в контакт хоть через все просторы мироздания, и я не знаю ни одного природного явления, которое смогло бы нам помешать.

— Будем надеяться. — Мазундар внимательно посмотрел на нее. — Спасибо, — неловко произнес он. — Ах... да... мне следует идти на свой пост. Всего хорошего.

Элоиза попросту не заметила, как он ушел, так и не дождавшись ответа. В мозгу ее царили пламя и песня.

— Люцифер! — громко выкрикнула она. — Это правда?

«Мне так кажется. Весь наш народ — телепаты, мы в этом разбираемся лучше вас. И наш жизненный опыт говорит, что для телепатии нет преград».

— А ты всегда сможешь быть со мной? Ты меня не покинешь?

«Если ты того хочешь, я буду только рад».

Танцевало и изгибалось тело-комета, негромко посмеивался мозг из огня.

«Да, Элоиза, я так рад навсегда остаться с тобой. Еще никто даже... Счастье. Счастье. Счастье».

Они назвали тебя даже правильнее, чем им кажется, хотела сказать она, а может быть, и сказала. Они думали, что, назвав тебя именем дьявола, они превратят тебя в такого же крохотного и беспомощного, как они сами. Но на самом-то деле Люцифер — это не имя дьявола. Это означает всего лишь — Светозарный. Один из римских офицеров даже к Христу обращался, называя Люцифером. Прости, Господи, я знала об этом, здесь я бессильна что-либо изменить. Слышишь ли Ты меня? Я понимаю, он не христианин, но ему, наверное, и невозможно им быть, он даже не ведает, что есть грех. Люцифер, Люцифер...

Она вновь включила магнитофон, и музыка загремела на пределе.

Корабль вздрогнул — мировые линии на мгновение рассовместились — и преодолел 25 световых лет, отделявших его от центра звездной катастрофы.

Послышался отвратительный визг металла; затем удар, запах озона, вспышка пламени, падение, бесконечное падение — невесомость... Растерявшись, Элоиза нашарила интерком. Посыпались слова:

— ...блок взорвался... обратный удар электромагнитных полей... откуда мне знать, как справиться с этими штуками, когда они взрываются?.. помогите, помогите...

Голоса прервал рев аварийной сирены.

Ужас поднимался в ней, она нащарила висящее на груди распятие. И тут в нее вошел Люцифер. Она засмеялась от его самообладания и мощи.

Сразу же после прыжка он отлетел от корабля и плыл теперь параллельным курсом, со всех сторон окруженный расплывающимися сквозь пространство беспокойными радугами. «Ворон» был для него не металлической сигарой, какой увидел бы его глаз человека, а сиянием, пылающим всеми цветами спектра. А сверху, над ним, виднелось ядро сверхновой, крошечное на таком расстоянии, но невообразимо, невероятно яркое.

«Не бойся (пришла его ласка). Я понимаю. Мы вышли в районе, где плазма более плотна. Корпус после прыжка был не защищен, а когда поле восстановилось — в вашем основном генераторе произошло короткое замыкание. Но вам ничего не угрожает. Вы можете сделать ремонт. А я — я купаюсь в океане энергии. Никогда я не ощущал в себе столько жизни. Идем, окунемся со мной в этот поток!»

Голос капитана Сцили словно ударил:

— Вагонер! Передайте своему Возничему, пусть займется делом. Мы обнаружили источник излучения на пересекающемся курсе, и его мощность может оказаться слишком большой для наших экранов. — Он назвал координаты. — Что это такое?

На мгновение Элоиза ощутила идущую от Люцифера тревогу. Он изогнулся и помчался прочь от корабля. Но тут же мысль его, совершенно четкая, дошла до нее. У нее не доставало слов описать ужасающее великолепие, которое она теперь наблюдала с ним вместе: шар ионизированного газа диаметром в миллион километров несся на них сквозь дымку туманности прямо от обнаженного сердца звезды. Звука не было — пространство вокруг по земным меркам могло считаться чуть ли не идеальным вакуумом, — но она слышала идущий от него грохот, ощущала бьющую ключом ярость.

Она заговорила:

— Это сгусток извергнутой материи. Должно быть, при выбросе он получил вращательное движение, сконденсировался, и, благодаря трению и притяжению сверхновой, затормозился, оказавшись на кометной орбите. Звезда словно стремится окружить себя новорожденными планетами...

— Он врежется в нас раньше, чем мы будем в состоянии маневрировать, — заявил Сцили. — Если вы знаете какие-нибудь подходящие молитвы, можете к ним обратиться.

— Люцифер! — позвала она. Ей не хотелось умирать, если ему предстояло жить.

«Может быть, я смогу отклонить его, — произнес он со злостью, которой она раньше в нем не подозревала. — Я перепутаю свои и его

поля, буду поглощать свободную энергию и постараюсь дестабилизировать его конфигурацию; да, возможно, мне удастся помочь вам. Но и ты помоги мне, Элоиза. Будем сражаться вместе».

И он яростно бросился навстречу несущейся на них Колеснице Джаггернаута¹.

Она чувствовала, как хаос электромагнитных пут впился в него. Чувствовала, как рвется он и мечется. И его боль входила в нее. Он боролся за себя, но это был и ее бой. Они вцепились друг в друга, Возничий и газовое облако. Формировавшие их силы сплелись, как руки богатырей. Ядро Люцифера полыхало; он приник силовыми полями к облаку, жадно пил его материю, тут же отбрасывая ее назад; струя реактивной отдачи прочертила небеса.

А Элоиза Вагтонер, разделяя жизнь его и борьбу, сидела на полу и колотила по нему разбитыми в кровь руками.

Время каплями утекало в прошлое.

Наконец она с трудом уловила сообщение, полное неимоверной усталости:

«Победа».

— Твоя, — простонала она.

«Наша».

В свои телескопы люди видели, как светящаяся смерть проходит мимо. Надежда воскресала в них.

— Возвращайся! — молила Элоиза.

«Не могу. Нет сил. Мы слились, облако и я, и падаем на звезду. (Казалось, робкая рука протянулась к ней, чтобы подбодрить.) Не волнуйся за меня. Пока мы падаем, я успею накопить энергию — за счет самой звезды, — а потом уйду по спирали. Разве я могу потерпеть неудачу, если возвращаюсь к тебе, Элоиза! Жди меня. Отдохни. Поспи».

И он послал ей образ своей мечты об огненных цветах, веселье, звездах, которые были ему домом.

Когда ее вели в госпиталь, она закричала. Пришлось сделать укол.

Он не понимал, что собирается противостоять такой чудовищной силе, что даже пространство и время деформируется под ее воздействием.

Скорость катастрофически увеличивалась — но только в его собственном восприятии; с «Ворона» за его падением наблюдали несколько дней. Свойства материи менялись. Ему никак не удавалось испустить достаточно сильный импульс, чтобы спастись.

¹ Колесница, использовавшаяся в религиозных церемониях индусов. Ее колеса были утыканы шипами и серпами, она с бешеной скоростью мчалась по улицам, давя и калеча людей. Смерть под ее колесами считалась священной. Особенно же перевозносились те, кто добровольно бросался ей навстречу. (Прим. перев.)

Радияция. Частицы рождались, гибли и рождались заново, дождем и ветром проносясь сквозь его тело, и оно разрушалось, отшелушивалось слой за слоем. Ядро сверхновой выросло перед ним слепяще-белым безумием. И оно сжималось, сжималось по мере его приближения, становясь все компактнее, все ярче, пока само понятие «яркость» не потеряло всякий смысл. А потом за него принялись силы гравитации.

«Элоиза! — пронзительно выкрикнул он в агонии. — О, Элоиза, помоги мне!»

Звезда поглощала его. Тело сделалось невероятно тонким, и невероятно длинным — и навсегда исчезло для глаз наблюдателей.

Когда корабль покинул окрестность сверхновой, капитан Сцили решил проведать Элоизу в госпитале. Фактически она была уже здорова.

— Знаете, я скажу, он был настоящим мужчиной, — пробормотал капитан. — Мы с ним совершенно разного происхождения, а он умер, спасая нас.

Она внимательно посмотрела на него, в глазах ее застыло гораздо больше льда, чем обычно.

Он едва разобрал ее ответ:

— Он — мужчина. Значит, он тоже обладает бессмертной душой.

— Ну... хм... если вы верите в такие вещи, то полагаю, да.

Она покачала головой:

— Иначе почему же он никак не успокоится?..

Капитан оглянулся на врача, но обнаружил, что они одни в тесном помещении с металлическими стенами.

— Что вы имеете в виду? — Он заставил себя погладить ее по руке. — Я знаю, он был вам верным другом. И все же сейчас он мертв. Скончался. Быстро, ярко, я не могу представить себе лучшую смерть.

— Для него... да, я согласна... Но... — Она была не в силах продолжать. Внезапно глаза ее закрылись. — Перестань! Ну пожалуйста!

Сцили пробормотал что-то успокаивающее и выскочил из помещения. В коридоре он наткнулся на Мазундара.

— Ну как она? — спросил физик.

Капитан нахмурился:

— Плохо. Боюсь, как бы она окончательно не свихнулась прежде, чем мы доберемся до ближайшего психиатра.

— Что, так скверно?

— Она считает, что может воспринимать его.

Мазундар с силой ударил кулаком по ладони:

— Этого я и боялся.

Капитан настороженно ждал.

— Она может, — сказал физик. — Конечно же, может.

— Невероятно! Он же мертв!

— Не забывайте о замедлении времени, — напомнил Мазундар. — Для нас — да, он исчез из поля зрения и погиб быстро. А по времени сверхновой? Оно же отлично от нашего. Для нас заключительная стадия звездного коллапса протекает бесконечное число лет. А для телепатии нет ограничений в пространстве. — Физик резко повернулся и зашагал прочь от госпиталя. — Он останется с ней навсегда.

ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДОВИЩЕ

Выражение «бремя белого человека» всегда несло в себе социальный заряд. Но когда имеешь дело с повзрослевшим, пусть даже и не помудревшим человечеством, покорившим звезды, возникает новое понятие: «бремя землянина». Оно тоже несет в себе заряд особого рода, и в неизмеримо большем масштабе. Колонизация и эксплуатация могут практически полностью выйти из-под контроля, и тогда их результаты замечательными не назовешь.

Его разбудило солнце. Он беспокойно пошевелился, ощутив длинные косые лучи света. Приглушенный птичий гомон вокруг превратился в гвалт, а легкий ветерок настойчиво дул, пока листья не ответили ему раздраженным шелестом: «Просыпайся, Руго, просыпайся! На холмах уже новый день! Сколько можно спать? Просыпайся!»

Свет пробрался под веки, взбаламутив темноту снов. Он что-то пробормотал и поплотнее свернулся в клубок, вновь одеваясь в сон, как в плащ, погружаясь в темноту и небытие. Лицо матери опять возникло перед ним. Всю долгую ночь она смеялась и звала, звала... Руго пытался бежать за ней, но солнце его не пускало...

«Мама! — простонал он. — Мама, пожалуйста, вернись! Мама...»

Когда-то, очень давно, она ушла и оставила его. Руго был тогда маленьким, а пещера — большой, мрачной и холодной; что-то шевелилось в ее сумраке и наблюдало за ним, пугая. Она сказала, что пойдет искать пищу, поцеловала его и ушла вниз по крутой, залитой лунным светом долине. Должно быть, она встретилась там с Чужаками, потому что назад уже не пришла. А он долго плакал и звал ее.

Это было так давно, что он не мог сосчитать годы. Но теперь, когда он старел, мать, должно быть, вспоминала о нем и жалела, что ушла. Иначе почему так часто в последнее время она возвращалась к нему ночами?

Роса холодила кожу. Он почувствовал окоченение — боль в мышцах, костях, теряющих чувствительность нервах, и заставил себя пошевеливаться. Если бы он двинулся всем телом, вытянулся, не дав

глотке захрипеть от боли, он бы справился с росой, холодом, землей, мог бы открыть глаза и взглянуть на новый день.

День обещал быть жарким. Зрение у Руго уже ослабло: солнце казалось лишь расплывшимся огненным пятном над призрачным горизонтом, которому струившийся в долинах туман придавал красноватый оттенок. Но он знал, что к полудню станет жарко.

Руго медленно поднялся, встав на все четыре ноги, и выпрямился, опершись на низкий сук. Внутри ныло от голода. Подгоняемый этим чувством, Руго обыскал чащу, заросли кустарника выше по склону. Там были кусты и деревья, жесткая летняя растительность, днем больше похожая на металл. Там порхали птицы, воспевающие солнце, но нигде не было ничего съедобного.

«Мама, ты обещала принести что-нибудь поесть...»

Он потряс своей большой, покрытой чешуей головой, стряхивая туман снов. Сегодня ему придется спуститься в долину. Он съел последние ягоды на склоне холма. Много дней Руго ждал здесь, и слабость из брюха заползала в кости. Теперь ему надо спуститься к Чужакам.

Он медленно вышел из зарослей и направился вниз по склону. Трава шуршала под ногами, земля вздрагивала от его тяжести. Холм косо поднимался к небу и уходил вниз к туманным долинам, чтобы остаться наедине с утром.

Здесь росла только трава да небольшие цветы. Раньше эти холмы были покрыты высоким лесом; он припоминал прохладные тенистые чащобы, рев ветра в вершинах деревьев, землю, усеянную солнечными пятнышками, опьяняющую сладость запаха смолы летом и сияние света, преломленного в миллионах кристаллов — зимой. Но Чужаки вырубili леса, и теперь тут остались лишь гниющие пни, да его смутные воспоминания. Его одного... потому что люди, вырубившие лес, умерли, а их сыновья ничего не знали. Интересно, когда он умрет, кому будет дело до всего этого? Будет ли это кого-нибудь беспокоить?

Руго вышел к стремительно несущемуся вниз по склону ручью, который брал начало там, выше — от родника, и впадал в Громовую Реку. Вода была холодной и чистой, и он жадно пил, вливая ее в себя обеими руками, и вилял хвостом, ощущая ее свежесть. Он знал, что источник уже иссякает, лишившись лесной тени. Но особого значения это не имело: ведь он сам умрет раньше, чем пересохнет ручей.

Он перешел ручей вброд. Покалеченную ступню защищало и свело от холодной воды. За ручьем Руго нашел старую тропу, по которой раньше спускали лес, и направился по ней. Он шел медленно, с неохотой, и пытался придумать план.

Чужаки временами кормили его — из сострадания или в уплату за работу. Однажды Руго почти год работал на одного человека, а тот в награду выделил ему место для сна и кормил вволю. Работать на этого Чужака для него было одним удовольствием; в нем не было суетливости, свойственной людскому племени; голос землянина

звучал тихо, а глаза смотрели по-доброму. Но потом этот человек привел женщину, а та боялась Руго. И ему пришлось уйти.

И еще пару раз люди с самой Земли приходили поговорить с Руго. Они задавали ему кучу вопросов о его народе. Спрашивали об обычаях, как называлось то или иное, помнит ли он какие-нибудь танцы или музыку? Но Руго немного мог рассказать, потому что земляне начали преследовать его народ еще до того, как он родился. Он видел, как летающая штука пронзила огнем его отца, а мать ушла на поиски пищи и не вернулась.

Получалось, что люди с Земли знали гораздо больше, чем он сам: о городах, книгах и богат его народа... И если бы он захотел что-то узнать у Чужаков, они могли бы рассказать ему и это, и еще многое другое. Люди давали ему денег, и некоторое время он питался довольно неплохо.

Я теперь стар, подумал Руго. Я никогда не был сильным по сравнению с их мощью. Любой из нас мог гнать перед собой пятьдесят человек. Но один человек, сидящий за рулем огненно-металлической штуки, мог косить нас тысячами. А их женщины, дети и животные боялись меня. Странно... Найти работу совсем непросто. И мне, возможно, придется выклянчивать хлеб; меня станут гнать прочь... а ведь зерно, которым меня будут кормить, выросло на этой земле, в нем сила моего отца и плоть моей матери. Но без еды все-таки не обойтись.

Когда Руго спустился в долину, туман уже поднимался, зависая рваными клочьями в воздухе, и он почувствовал, как начинает припекать солнце. Он свернул к человеческим поселениям и пошел по пустынной дороге на север. Стояла тишина. И особенно громко в ней звучали шаги — твердость покрытия он ощущал ступнями. Руго оглядывался вокруг, стараясь не обращать внимания на боль в ногах.

Люди вырубали деревья, распахали почву и посеяли злаки Земли. Медное летнее солнце и пронизывающие зимние ветры уничтожили лесистые лощины, которые помнил Руго. Деревья же, оставшиеся в аккуратных садах, приносили чужеземные плоды.

Могло показаться, что Чужаки боялись темноты и так страшились тени, сумерек, шуршащих зарослей, куда не проникал взгляд, что им пришлось все это уничтожить. Один удар огня и грома, и затем — блестящая, непоколебимая сталь их мира, возвышающаяся над пыльными равнинами.

Только страх мог сделать эти существа такими злыми. Именно страх заставил сородичей Руго — громадных, черных, покрытых чешуей — ринуться с гор, чтобы крушить дома, жечь поля, ломать машины. Именно страх принес ответ Чужаков, нагромоздивший зловонные трупы в развалинах городов, которые Руго никогда не видел. Только Чужаки были более могущественными, и их страхи одержали верх...

Он внезапно услышал, что сзади с ревом приближается машина, вихрем увлекая за собой свистящий воздух, и вспомнил, что ходить

посередине дороги запрещено. Он торопливо рванулся в сторону, но не туда — это была как раз та сторона, по которой ехал грузовик. И тот, взвизгнув возле Руго на дымящихся шинах, остановился у его плеча.

Чужак выбрался, почти приплясывая от ярости. Он изрыгал проклятия так быстро, что Руго не мог их разобрать. Он уловил лишь несколько слов: «Проклятое чудовище... Я мог убится! Стрелять нужно... Под суд!»

Руго стоял, уставясь на человека. Он был вдвое выше тощей розовой фигуры, которая бранилась и дергалась перед ним, и раза в четыре тяжелее. И хотя он был стар, один взмах его руки разнес бы человеку череп и разбросал бы мозги по горячему твердому бетону. Но за этим существом стояла вся мощь Чужаков: и огонь, и разрушение, и летящая сталь. А он был последним из своего народа. Лишь иногда ночью приходила мать, чтобы повидаться с ним. Поэтому Руго стоял смирно, надеясь, что человеку надоест ругаться и он уедет.

Но вот по его голени током пробежала боль от сильного удара ботинком. Руго взвыл и поднял руку — так же, как он это делал будучи ребенком, когда вокруг падали бомбы и сыпался металл.

Человек отпрянул.

— Не смей! — сказал он торопливо. — Не вздумай! Если ты меня тронешь, тебя прикончат!

— Уйди! — ответил Руго, напрягая язык и гортань, чтобы выговорить чужие слова, которые он знал лучше, чем полузабытый язык своего народа. — Пожалуйста, уйди!

— Ты жив до тех пор, пока хорошо ведешь себя. Знай свое место! Понял? Мерзкий черт! Не зарывайся!

Человек забрался в грузовик, мотор взревел, и колеса швырнули в Руго гравием.

Он стоял, бессильно свесив руки по бокам, и провожал взглядом машину, пока та не исчезла из виду. Тогда он вновь пустился в путь, стараясь держаться на нужной стороне дороги.

Вскоре за гребнем показалась ферма — чистенький белый дом, аккуратно стоящий среди деревьев, немного в стороне от шоссе. За домом стояли большие надворные постройки, а еще дальше раскинулись огромные желтые поля. Солнце поднялось уже высоко; туман и роса постепенно исчезли, ветер уснул.

От твердой дороги в ступнях у Руго пульсировала кровь.

Он стоял у ворот, не решаясь зайти во двор богатого дома. Он не питал надежды, ведь у людей были машины, и его труд здесь не имел смысла. Однажды давно Руго проходил уже здесь, но хозяин просто прогнал его. Оставалось только надеяться на то, что, может быть, сегодня они дадут ему кусок хлеба и кувшин воды, чтобы побыстрее отделаться от него, или же — из сострадания, чтобы не дать умереть?! Руго знал, что для людей он — что-то вроде одной из местных достопримечательностей. Приезжие часто взбирались на холм, чтобы

взглянуть на него, бросить к его ногам несколько монет и сфотографировать, пока он подбирает их.

Руго разобрал имя «Илайес Вэйтли» на почтовом ящике дома, у которого остановился. И решил, что попытает счастья у этого человека.

Когда он шел по аллее, навстречу выскочил пес и принялся лаять; высокий пронзительный звук резал Руго слух. Пес прыгал вокруг и кусался с яростью, наполовину панической: ни одно из земных животных не выносило его вида и запаха, видно, они чувствовали, что Руго не из их мира, и их охватывал первобытный ужас. Он вновь вспомнил о боли — той, когда собачьи зубы впились в его ревматические ноги. Однажды он убил укусившую его собаку одним непроизвольным взмахом хвоста, а хозяин выпалил в него из дробовика. Часть заряда отскочила от чешуи, но несколько дробинок все же засели глубоко под кожей и кусали его в холодные дни.

Его бас громыхнул в тихом теплом воздухе, и лай стал еще неистовее.

— Пожалуйста, — сказал он псу, — пожалуйста, я не причиню вреда, не кусайся!

— О-о!

Женщина во дворе перед домом негромко вскрикнула, метнулась вверх по ступенькам, и дверь перед Руго захлопнулась. Он вздохнул, неожиданно почувствовав усталость. Она боялась. Они все его боялись. Люди называли его народ троллями: это было что-то злое из их старых мифов. Руго вспомнил, как его дед, умерший бесприютной зимой, называл Чужаков торрогами; он говорил, что это бледные костлявые существа, питающиеся мертвецами. Руго криво улыбнулся, но улыбка получилась мрачноватой. Ничего не дадут, подумалось ему. И он повернулся, чтобы уйти...

— Эй, ты! — вдруг услышал Руго.

Он обернулся и оказался лицом к лицу с высоким мужчиной, стоящим в дверях. В руках человек держал винтовку, его вытянутое лицо было напряжено. Из-за спины Чужака выглядывал рыжеволосый парнишка лет тринадцати; у детеныша были такие же узкие глаза, как и у отца.

— Какого черта ты сюда приперся? — проворчал человек. Голос его походил на скрежет железа.

— Извините, сэр, — сказал Руго, — я голоден. Я подумал, что у вас есть какая-нибудь работа для меня или, может, найдутся хотя бы обеды...

— Уже взялся за попрошайничество, а? — съязвил Вэйтли. — Ты что, не знаешь, что это запрещено? За это могут и в тюрьму засадить. И стоило бы, ей-богу! Чтобы не нарушал общественный порядок.

— Я только искал работу, — сказал Руго.

— И поэтому ты пришел сюда и напугал мою жену? Ты же знаешь: здесь нет работы для дикаря. Ты умеешь водить трактор?

Можешь починить генератор? Можешь хотя бы поесть, не расплескав все на землю? — Вэйтли сплюнул. — Ты самовольно живешь на чьей-то земле и сам хорошо это знаешь. Если бы это была моя земля, ты получил бы такого пинка под зад, что вылетел бы вверх тормашками! Так что скажи спасибо, что жив! Как подумаю, что вы творили, гнусные, кровожадные твари... Сорок лет! Сорок лет мы были набиты в вонючие космические корабли, отрезанные от земли и от всего человечества, умирали, так и не увидев почвы под ногами, борясь за каждый фут всех этих световых лет, чтобы добраться до Тау Кита — и тут вы говорите, что земляне не имеют права остаться здесь. А потом вы пришли и спалили их дома, вырезали женщин и детей! Наконец-то планета очищена от вас, от дерьма. Удивляюсь, что никто не возьмет винтовку и не уберет последние отбросы.

Он приподнял свое оружие. «Объяснять бесполезно!» — подумал Руго. Возможно, на самом деле имело место какое-то непонимание, как считал его дед. Или же старые советники решили, что первые путешественники только спрашивали, могут ли здесь появиться такие же существа, как они, и те, давая разрешение, не ожидали поселенцев с Земли. А может, осознав, что Чужаки принесут зло, они решили нарушить слово и биться за обладание своей планетой?

«Ну а теперь-то какой в этом смысл?» — думал Руго. Чужаки выиграли войну с помощью пушек, бомб и вируса чумы, косою прошедшего по аборигенам; за немногими, обладавшими иммунитетом, они охотились, как за зверями. И теперь, когда он остался один — последний из своего племени во всем мире, поздно что-либо объяснять.

— Взять его, Шеп! — закричал мальчишка. — Взять его!

Пес с лаем подскочил ближе, подступая и отпрыгивая, пытаясь выжать ярость из своего страха.

— Заткнись, Сэм! — приказал Вэйтли сыну. Потом крикнул Руго: — Проваливай!

— Я ухожу, — сказал Руго.

Он пытался унять дрожь, рвущий нервы страх перед тем, что могла извергнуть винтовка. «Умереть не страшно», — подумал он вяло. Руго был бы даже рад пришедшей тьме, но жизнь в нем сидела так глубоко, что ему понадобились бы многие часы, чтобы умереть.

— Я пойду дальше, сэр, — сказал он.

— Нет, не пойдешь! — рявкнул Вэйтли. — Я не допущу, чтобы ты отправился в деревню и пугал ребятишек. Иди туда, откуда пришел!

— Но, сэр, пожалуйста...

— Проваливай!

Человек прицелился. Руго взглянул на ствол, повернулся и вышел за ворота. Вэйтли махнул ему, чтобы он поворачивал налево, назад к дороге.

Пес бросился вперед и вонзил свои зубы ему в лодыжку, туда, где отвалилась чешуя. Руго завопил от боли и побежал — медленно

и тяжело, раскачиваясь на ходу. Мальчишка Сэм, смеясь, преследовал его.

— Противный старикашка тролль, уползай назад в свою вонючую нору!

Затем появились другие дети, прибежавшие с соседних ферм, и все слилось в бесконечную расплывчатую массу, состоящую из беготни, молодых, легких, стучащих сердец и истошных оглушительных воплей. Они преследовали его. Собаки лаяли, а брошенные камни со стуком отскакивали от его боков, оставляя небольшие порезы.

— Противный старикашка тролль, уползай назад в свою вонючую нору!

— Пожалуйста! — шептал он. — Пожалуйста.

Добравшись до старой тропы, он едва узнал ее. Жара и пыль слепили; дорога плясала перед глазами, мир вокруг раскачивался и кружился, а шум в ушах заглушал детские визги. Собаки скакали вокруг, уверенные в своей безнаказанности, словно зная о боли, слабости и одиночестве, стоящем рвущихся из его горла, и кидались с воем, кусая его за хвост и распухшие ноги.

Вскоре Руго уже не мог идти дальше. Склон был слишком крут; воля, подгонявшая его, иссякла. Он сел, подтянул колени и хвост, закрыв голову руками; от навалившейся горячей, ревущей, кружащейся слепоты он почти не осознавал, что дети продолжают швырять в него камни, колотят его и орут.

Ночь, дождь, плач западного ветра, прохладная и влажная мягкость травы, дрожащее небольшое пламя; печальные глаза отца, дорогое утраченное лицо матери... Приди ко мне, мама, — из ночи, ветра и дождя, из леса, который они вырубili, из глубины лет и смутных воспоминаний, из царства теней и снов. Приди, возьми меня на руки и отнеси домой...

Через некоторое время им надоело, и они ушли: кто вернулся обратно, а кто побрел выше — в холмы за ягодами. Руго сидел не шевелясь, ощущая, как по капле возвращаются силы и осознание боли. Внутри горело и пульсировало: зазубренные стрелы проносились по нервам, в горле пересохло, и глубоко в брюхе, как дикий зверь, засел голод. А над головой в горячей дымке плыло солнце, заливая все вокруг жаром и наполняя воздух раскаленным сухим сиянием.

Глаза от открыл не скоро. Веки казались шершавыми, запорошенными песком; пейзаж вокруг колыхался, словно мозг его дрожал от жары. Руго заметил человека, наблюдавшего за ним.

Он отпрянул, закрыл лицо рукой. Но человек стоял не двигаясь, попыхивая старой поцарапанной трубкой. На нем была поношенная одежда, на плечах — котомка.

— Круто с тобой обошлись, не так ли, старина? — спросил он. Голос его был ласковым. — Вот, держи! — Долговязая фигура склонилась над сжавшимся Руго. — Тебе надо попить!

Руго поднес флягу к губам и выпил жадно, все до дна. Человек оглядел его.

— Ты не так уж изувечен, — заметил он, — только порезы и царапины. Вы, тролли, всегда были крепкими ребятами. Все же дам тебе немного аневрина.

Он выудил из кармана тюбик с желтой мазью и намазал ею раны. Боль ослабла, перешла в теплый зуд, и Руго вздохнул с облегчением.

— Вы очень добры, сэр, — сказал он неуверенно.

— Да нет! Я и так хотел с тобой встретиться. Как теперь себя чувствуешь? Лучше?

Руго кивнул медленно, пытаясь унять оставшуюся дрожь.

— Я в порядке, сэр, — сказал он.

— Не называй меня «сэр»! Многие умерли бы со смеху, услышав это. Однако что с тобой приключилось?

— Я... я хотел еды, сэр, простите. Я х-хотел еды. Но они — он велел мне убираться. Потом появились собаки и дети...

— Детишки иногда бывают весьма жестокими маленькими чудовищами, это точно! Ты можешь идти, старина? Я хотел бы поискать какую-нибудь тень.

Руго поднялся на ноги. Это оказалось легче, чем он ожидал.

— Пожалуйста, не будете ли так добры, я знаю местечко, где есть деревья...

Человек тихо, но образно выругался.

— Так вот что они натворили! Мало того, что они уничтожили целый народ, так нужно было еще и последнего оставшегося лишить мужества и воли! Послушай, ты! Я — Мануэль Джонс, и я ставлю условие: или же ты говоришь со мной, как один свободный бродяга с другим, или же не говоришь вовсе. Теперь пойдем, поищем твои деревья!

Они пошли вверх по тропе молча (если не считать того, что человек насистывал под нос непристойную песенку), пересекли ручей и вошли в заросли. И когда Руго улегся в тени, испещренной пятнами света, ему показалось, что он заново родился. Руго вздохнул, дал телу расслабиться, приник к земле, черпая ее древнюю силу.

Человек разжег костер, открыл несколько банок из своей котомки и вывалил их содержимое в котелок. Руго голодным взглядом следил за ним, стыдясь и злясь на себя за урчание в желудке. Мануэль Джонс присел на корточки под деревом, сдвинул шляпу на затылок и заново зажег трубку. Голубые глаза на обветренном лице смотрели на Руго спокойно, без ненависти и страха.

— Я ждал встречи с тобой, — сказал Мануэль. — Я хотел увидеться с последним из племени, которое смогло построить Храм Отейи.

— Что это такое? — спросил Руго.

— Ты не знаешь?

— Нет, сэр, то есть, извините, мистер Джонс...

— Мануэль. А может, ты забыл?

— Нет, я родился, когда Чужаки охотились за последними из нас... Мануэль. Мы всегда спасались бегством. Мне было очень мало

лет, когда убили мою мать. Я встретил последнего ганнура — так звался наш род, — когда мне было около двадцати. С тех пор прошло уже почти двести лет. И теперь я — последний.

— Боже! — прошептал Мануэль. — Боже, ну что мы за племя — вырвавшиеся на свободу черти!

— Вы были сильнее, — сказал Руго. — В любом случае это дело далекого прошлого. Те, кто это сделал, мертвы. Некоторые люди хорошо относились ко мне. Один из них спас мне жизнь: убедил других оставить меня в живых. И некоторые из них были ко мне добры.

— Я бы сказал, странная доброта, — пожал плечами Мануэль. — Но, как ты сказал, Руго, это дело прошлое.

Он глубоко затынулся трубкой:

— И все же у вас была великая цивилизация. Не технократичная, как наша, не гуманоидная и недоступная во многом человеческому пониманию, но в ней было свое величие. О, мы свершили кровавое преступление, уничтожив вас, и нам когда-нибудь придется ответить за это.

— Я стар, — сказал Руго. — Я слишком стар для ненависти.

— Но недостаточно стар для одиночества, а? — криво усмехнулся Мануэль. Он замолчал, выпуская в сияющий воздух голубые кольца дыма.

Затем он продолжал задумчиво:

— Конечно, людей можно понять. Они были бедны, обездолены на нашей страдающей от истощения планете; сорок лет несли они сквозь пространство свои надежды, отдавая жизнь кораблям, чтобы дети их смогли долететь — и тут ваш совет запретил им это. Они просто не могли вернуться, а человек никогда не был особенно разборчив в средствах, когда его вела нужда. Люди чувствовали себя одинокими и напуганными, а ваш громадный, ужасный облик только усугубил дело. Поэтому они и дрались. Но им не следовало этого делать так тщательно, ибо все превращалось в чистейшей воды жестокость.

— Не имеет значения, — сказал Руго. — Это было давно.

Потом они сидели молча, укрытые тенью от белого пламени солнца, пока не поспела еда.

— А-а! — Мануэль с нежностью потянулся за своими кухонными принадлежностями. — Это не так уж здорово: фасоль с какой-то дрянью, да и лишней тарелки нет. Бери прямо из котелка, не возмущаешь?

— Я-я... Мне не нужно, — пробормотал Руго, вдруг снова застыдившись.

— Черта с два не нужно! Ешь, старина, хватит на всех!

Запах пищи наполнил ноздри Руго; он почувствовал, как закричал желудок. А Чужак, похоже, не шутил. Руго медленно погрузил руки в посудину, вытащил их уже с пищей и принялся есть в нескладной манере, свойственной его народу.

Потом они вновь улеглись, растянувшись, отдуваясь, овеваемые легким ветерком. Учитывая размеры Руго, еды было маловато. Но, опустошив котелок, он чувствовал себя более сытым, чем когда-либо на своей памяти.

— Боюсь, мы съели все твои припасы, — сказал он неуклюже.

— Наплевать, — зевнул Мануэль. — Меня все равно уже тошнит от фасоли. Вечером думаю стащить цыпленка.

— Ты не из этих мест, — сказал Руго. Что-то оттаивало в нем. Сейчас рядом с ним был некто, кому, похоже, не нужно было ничего, кроме дружбы. Можно вот так, просто, лежать рядом с ним в тени и смотреть, как одинокий обрывок облака плывет по горячему небу, и расслабить каждый нерв, каждый мускул. Чувствовать полноту в желудке, развалиться на траве, перебрасываться пустыми словами — и это все, больше ничего не нужно...

— Ты необычный бродяга, — добавил он задумчиво.

— Может быть, — сказал Мануэль. — Я преподавал в школе, очень давно, в Китпорте. Вляпался в одну историю, и пришлось тронуться в путь. И так мне это понравилось, что с тех пор я так нигде и не осел. Бродяжничаю, охочусь, иду в любое место, которое мне кажется интересным, — мир велик: того, что в нем есть, хватит на всю жизнь. Я хочу узнать эту планету, Нью-Терру, Руго. Я не собираюсь писать книгу или какую-нибудь другую чушь. Я просто хочу ее узнать. — Он приподнялся на локте. — Поэтому я и пришел повидаться с тобой, — сказал он. — Ты часть древнего мира, последняя его часть, не считая пустых развалин и нескольких рваных страниц в музеях. Но я убежден, что твой народ всегда будет незримо присутствовать в нас. Потому что сколько бы человек здесь ни жил, что-то ваше проникает в него.

На его лице появилось загадочное выражение. Он был теперь не простым бродягой, а кем-то иным, кого Руго узнать не мог.

— До нашего прихода планета была вашей, — продолжал он, — и она формировала вас, а вы — ее. А теперь ваша земля каким-то образом изменяет нас — медленно и незаметно. Когда человек живет на Нью-Терре один, под открытым небом, среди больших холмов, когда в кронах деревьев слышны звуки ночи, мне кажется, он всегда что-то чувствует. Словно чья-то тень у костра, чьи-то голоса в шуме ветра и рек, что-то в почве, и это проникает в хлеб, который он ест, и в воду, которую он пьет... И это — твой исчезнувший народ.

— Может, и так, — сказал Руго неуверенно. — Но теперь нас больше нет. От нас ничего не осталось.

— Когда-нибудь, — заметил Мануэль, — последний из людей будет так же одинок, как ты. Мы тоже не вечны. Рано или поздно время, наша собственная глупость, наконец, угасание Вселенной настигнут нас. Надеюсь, что последний человек будет держаться так же смело, как ты.

— Я не был смелым, — сказал Руго. — Я часто боялся. Иногда они причиняли мне боль, и я убегал.

— Смело — по большому счету, — сказал Мануэль.

Они поговорили еще немного, затем человек поднялся.

— Мне надо идти, Руго. Раз уж я остаюсь тут на некоторое время, мне надо спуститься в деревню и найти какую-нибудь работу. Можно мне завтра снова прийти к тебе?

Руго встал рядом с ним с достоинством хозяина.

— Я почту за честь, — сказал он серьезно.

Он стоял, глядя вслед человеку, пока тот не скрылся из виду за поворотом тропы. Потом он тихо вздохнул, подумав о том, что Мануэль был добр. Да, он был первым за сотни лет, кто не испытывал к нему ненависти или страха, кто был вежлив, не оправдывался, а просто перебрасывался словами, как одно свободное существо с другим. «Как он сказал? — пытался вспомнить Руго. — Один бродяга с другим». Да, Мануэль был хороший бродяга. Завтра он принесет еду. Руго знал это. И будет сказано больше; дружба станет непринужденней, а глаза — еще более искренними. Его мучило то, что он ничего не мог предложить со своей стороны.

«Но постой, это возможно!» — его вдруг осенило.

На дальних холмах раньше было много ягод, и кое-что еще должно остаться даже сейчас, в конце сезона. Птицы, звери и люди не могли все собрать; а уж искать Руго умел. Конечно, он мог бы принести очень много ягод, которые украсили бы стол...

Путь к заветному месту был долгим, и от этой мысли вначале все в нем запротестовало. С ворчанием, медленно, Руго тронулся в путь. Солнце катилось к горизонту, но до темноты оставалось еще несколько часов.

Он перевалил через гребень холма и начал спускаться по другому склону. Было жарко и тихо, воздух вокруг дрожал, вяло свисали листья на одиноких деревьях. Высохшая за лето трава резко шуршала под ногами, камни с негромким стуком, подпрыгивая, катились вниз по длинному склону. Вдали гряда холмов уходила в голубую дымку. Здесь, наверху, было уныло, но Руго к этому привык, и ему здесь даже нравилось.

Ягоды... Да, они целыми гроздьями росли у Громового водопада, где всегда было прохладно и сыро. Если уж быть точным, другие любители ягод знали это не хуже него, но они не могли побывать во всех укромных уголках: крутых откосах, сырых расщелинах и густых зарослях кустарника. Руго же был здесь хозяином и мог принести достаточно ягод, чтобы наесться вволю.

Он наискось спустился по склону и поднялся на следующий. Здесь деревьев было больше. И, радуясь тени, Руго пошел чуть быстрее. Возможно, ему лучше было бы совсем покинуть эту округу и жить в каких-нибудь менее населенных местах. Кто знает, может быть именно там ему удалось бы встретить больше таких людей, как Мануэль. Все-таки люди были ему нужны: Руго чувствовал себя уже слишком старым, чтобы обходиться без них, и подумал, что там, на окраине, ему будет легче с ними поладить.

Что ни говори, они — эти Чужаки — были не так уж плохи. Да, они воевали со всей яростью, на какую только способны, с ненужной жестокостью уничтожали то, что им угрожало; они все еще воевали и друг с другом, обманывая и притесняя соседей; они были глупы и безжалостны: вырубали леса, разрывали землю и осушали реки. Но среди них находились и другие. Руго часто задавал себе вопрос: мог бы его собственный народ похвастать большим количеством таких людей, как Мануэль?

Наконец он вышел на склон самого большого холма в округе и начал взбираться к Громовому водопаду. Пока Руго боролся со своим стареющим телом, поднимаясь по скалистому откосу, он вслушивался в отдаленный рев низвергающегося потока, наполовину заглушаемого биением его собственного сердца. В пляске солнечного света Руго остановился, чтобы перевести дух и утешить себя тем, что тень, туман и прохлада бегущей воды уже недалеко. А когда он соберется отправиться в обратный путь, придет ночь и проведет его до дому.

Шумящий водопад заглушал голоса детей, но Руго и не высматривал их, зная, что им запрещено приходить в это опасное место без взрослых. Когда он взобрался на вершину каменистого гребня и, остановившись, взглянул в узкое ущелье, он увидел детей прямо внизу. И сердце его болезненно вздрогнуло.

Вся компания во главе с рыжеволосым Сэмом Вэйти ползала в поисках ягод вверх и вниз по крутым скалам и усыпанному галькой берегу. Руго стоял на краю обрыва, вглядываясь в них сквозь мелкую холодную водяную пыль и пытаясь заставить свое трепетавшее тело повернуться и бежать — прежде, чем они его заметят.

Но было уже поздно: они увидели его темную фигуру и гурьбой начали подбираться ближе, карабкаясь по откосу с издевательским смехом.

— Глянь-ка! — услышал он голос Сэма, заглушаемый ревом и грохотом водопада. — Кого мы видим? Старикашка Черныш!

Камень со стуком ударился в грудь. Руго уже было повернулся, чтобы уйти, смутно осознавая при этом, что ему от них не убежать. Но вспомнил, что пришел за ягодами для Мануэля Джонса, который назвал его смелым; и новая мысль пришла ему в голову.

Он выкрикнул басом, задрожавшим среди скал:

— Не смей!

— Эй, послушайте, что он говорит, ха-ха-ха!

— Оставьте меня в покое, — закричал Руго, — или я скажу вашим родителям, что вы здесь.

Они остановились почти вплотную; мгновение было слышно только тявканье собак. Потом Сэм ухмыльнулся.

— А кто тебя будет слушать, старый тролль?

— Я думаю, мне поверят, — сказал Руго. — Но если ты в этом сомневаешься — попробуй, тогда узнаешь!

Мгновение они колебались, глядя в неуверенности друг на друга. Наконец Сэм сказал:

— Хорошо, старый сплетник, о'кэй! Но ты позволишь нам остаться, понял?

— Ладно, — сказал Руго, и затаенное дыхание вырвалось у него вздохом облегчения. Он почувствовал, как болезненно затрепетало сердце, а по ногам растеклась водянистая слабость.

Между тем дети возобновили сбор ягод, только уже без прежнего веселья. Руго же, с трудом спустившись с обрыва, направился в противоположную сторону. Собаки его не преследовали, и скоро он совсем исчез из виду.

Высокие и крутые стены ущелья поднимались по обеим сторонам водопада. Быстрая зеленая река неслась в белом кипении — холодная и шумная — и обрушивалась вниз в покрывале радужного тумана. Шум наполнял воздух, звенел меж утесов и гудел в выдолбленных водой пещерах. Вибрация падающего потока неустанно сотрясала землю. Здесь было прохладно и сыро, а вдоль ущелья постоянно дул ветер. Водопад не был высок — всего футов двадцать, но река грохотала, низвергаясь, с ожесточенным неистовством. Ниже водопада она была глубокой, быстрой, изобиловала водоворотами и мелями.

Между камнями — тут и там — росли небольшие кусты и несколько чахлая деревьев. Руго отыскал немного больших листьев цуги, свернул из них кулек приличных размеров, как учила мать, и начал собирать.

Ягоды росли на невысоких круглолистных кустах, что кучками ютились под скалами и более высокими растениями — везде, где только можно укрыться, так что умение отыскивать их было своего рода искусством. Но за плечами Руго был багаж многолетней практики.

Эта работа действовала на него умиротворяюще. Он чувствовал, как сердце и дыхание приходят в норму; удовлетворение и покой незаметно овладели им. Вот так же он часто ходил за ягодами с матерью; то время было для него более отчетливым, чем все последующие, стершиеся в памяти годы. И сейчас мать будто шла рядом с ним, показывала ему, где искать, и улыбалась, когда он переворачивал куст и находил голубые шарики. Он собирал их для друга, и это было замечательно.

Через некоторое время Руго заметил, что двое детей, маленькие мальчик и девочка, отбились от основной группы и молча крадутся за ним на почтительном расстоянии. Он повернулся и пристально посмотрел на них, пытаясь понять, собираются ли они все-таки напасть на него, и те стыдливо отвели глаза.

— Как много вы набрали, мистер Тролль, — наконец промолвил мальчик застенчиво.

— Они тут растут, — проворчал Руго, конфузясь.

— Очень жаль, что они так скверно обошлись с вами, — сказала девочка. — Меня и Томми там не было, а то бы мы им не позволили.

Руго не помнил, были они в компании утром или нет. Это не

имело значения. Он подумал, что дети проявляли дружелюбие только в надежде на то, что он покажет им ягодные места.

Бывало, он нравился некоторым детенышам Чужаков — в меру взрослым, чтобы не вопить в исступлении от страха, и в меру маленьким, не отягощенным предубеждениями. Руго отвечал им взаимностью. Эти двое, какова бы ни была причина, тоже говорили по-доброму.

— Мой папа на днях сказал, что у него нашлась бы для тебя какая-нибудь работа, — сказал мальчик. — Он хорошо заплатит.

— А кто твой отец? — спросил Руго неуверенно.

— Мистер Джим Стакмен.

Да, мистер Джим Стакмен всегда был добр к нему, правда в несколько натянутой и неуклюжей манере, свойственной всем людям. Они чувствовали себя виноватыми за то, что сделали их деды, как будто это чувство что-то могло изменить. Но все же... Большинство людей были весьма порядочными. Их главная вина заключалась лишь в том, что они стояли в стороне, когда другие их сородичи творили зло. Стояли в стороне, молчали и смущались.

— Мистер Вэйтли не пропустит меня, — огорчился Руго.

— А, этот! — заметил мальчик с явным презрением. — Мой отец позаботится об этом старом ворчуне Вэйтли.

— Я и Сэма Вэйтли не люблю, — сказала девочка. — Он такой же скверный, как его папаша.

— Тогда почему вы его слушаете? — спросил Руго.

Мальчик выглядел смущенным.

— Сэм самый большой из нас, — пробормотал он.

«Да, обычное дело для людей, — подумал Руго. — Действительно не их вина, что таких, как Мануэль Джонс, среди них единицы. И они сами страдают от этого больше, чем кто-либо».

— Вот отличный ягодный куст, — показал Руго. — Можете обобрать его, если хотите.

Он присел на мшистую кочку и стал смотреть, как они едят, размышляя, что, возможно, сегодня все в его жизни изменилось. Может, ему даже не нужно будет уходить отсюда.

Девочка подошла и села рядом с ним.

— Расскажите какую-нибудь историю, мистер Тролль, — попросила она.

— Гм-м!..

Она вывела его из задумчивости.

— Мой папа говорит, что такой старина, как ты, должен знать очень много всего.

«Ну конечно», — подумал Руго. Знал он немало, но все это были не те истории, что можно рассказывать детям. Они не знали голода, одиночества и зимних холодов, слабости, боли и ощущения рухнувшей надежды. И Руго не хотелось, чтобы они когда-либо это узнали.

Но, впрочем, он мог припомнить и еще кое-что. Его отец рассказывал ему о том, что было раньше и...

«Твой народ будет всегда незримо присутствовать в нас. Сколько бы человек здесь ни жил, что-то ваше проникает в него... Чья-то тень у костра, чьи-то голоса в шуме ветра и рек, что-то в почве, проникающее в хлеб, который человек ест, и в воду, которую он пьет... И это — твой исчезнувший народ».

— Ну что же, — сказал он неторопливо. — Думаю, так оно и есть.

Мальчик подошел и сел рядом с девочкой, и они смотрели на него большими глазами. Он откинулся назад и погрузился в прошлое.

— Давным-давно, — начал он, — задолго до того, как люди пришли на Нью-Терру, здесь жили тролли, такие же как я. Мы строили дома и фермы; как и у вас, у нас были свои песни и легенды. И я вам кое-что об этом расскажу. И, может быть, однажды, когда вы вырастаете и у вас будут свои дети, вы расскажете это им.

— Конечно, — сказал мальчик.

— Ну вот, — начал Руго, — жил-был король троллей по имени Уторри. И жил он в Западных Долинах, неподалеку от моря, в большом замке, башни которого были так высоки, что почти касались звезд, и ветер все время гулял среди башен и звонил в колокола. Даже во сне слышали тролли колокольный звон. Это был богатый замок: двери его всегда были открыты для путников. И каждую ночь там бывал пир, куда сходились знатные тролли; звучала музыка, герои рассказывали о своих странствиях...

— Эй, глядите!

Дети повернули головы, и Руго с беспокойством проследил за их взглядом. Солнце уже стояло низко, и его длинные косые лучи заливали огнем волосы Сэма Вэйтли. Он взобрался на самую высокую скалу над водопадом и балансировал, покачиваясь, на узком выступе. Негромкий внятный смех доносился сквозь шум воды.

— Ой, зря это он, — сказала маленькая девочка.

— Я король гор! — кричал Сэм.

— Дурачок, — проворчал Руго.

— Я король гор!

— Сэм, спускайся! — Детский голос почти утонул в грохоте.

Сн вновь засмеялся и, присев, стал шарить руками по шершавому камню, нащупывая обратный путь. Руго оцепенел, зная, как скользки эти скалы и как опасна река.

Мальчик начал спускаться и, потеряв опору, сорвался. Среди пенящейся зелени реки мелькнула его рыжая голова и вновь исчезла, затянутаая рекой, будто погасший фонарь.

Руго с криком вскочил на ноги, вспомнив, что даже сейчас в нем была сила, равная силе многих людей, и то, что человек назвал его смелым. Где-то в глубине мелькнула мысль — подождать, подумать... Но он кинулся к берегу, осознавая в отчаянии, что стоит ему только поддаться благоразумию, и он никогда этого не сделает.

Вода была холодной; она вонзила в него ледяные клыки, и Руго закричал от боли.

Голова Сэма Вэйтли, увлекаемая вниз по течению, на мгновение появилась у подножия водопада. Ноги Руго потеряли дно, и он рванулся, чувствуя, как течение подхватило его и потащило от берега. Руго плыл по течению, барахтаясь, задыхаясь и дико озираясь вокруг.

Но вот чуть выше по течению показался Сэм. Он пытался удержаться на воде, рефлекторно размахивая руками.

Худенькое детское тело ударилось о его плечо, и тут же река понесла их дальше. Руго схватил Сэма и отчаянно заработал ногами, хвостом и свободной рукой.

Поток нес их, кружа; Руго ничего не слышал, силы вытекали из него, как кровь из открытой раны.

Впереди была скала. Он смутно различал в жестком свете солнца широкий плоский камень, возвышающийся над пенящейся водой. Стремясь к нему, он замолотил по воде, втягивая воздух в пустые легкие, и они оба ударились о камень с невероятной силой. Руго отчаянно цеплялся за гладкую поверхность, пытаясь найти опору. Одной рукой он поднял слабо шевелящееся тело Сэма Вэйтли, аккуратно забросил на камень, и река потащила его дальше.

«Мальчик не сильно наглотался, — подумал Руго, теряя сознание. — Он полегит там, пока летающая штука из деревни не заберет его. Только... почему я его спас? Почему я его спас? Он кидал в меня камнями, а я теперь никогда не смогу угостить Мануэля ягодами. Я никогда не окончу рассказ о короле Уторри и его героях...»

Он тонул в холодной зеленой воде. «Придет ли за мной мама?» — подумал он.

Несколькими милями ниже река растекается широко и спокойно между отлогими берегами. Там растут деревья, и последние лучи солнца, пробиваясь сквозь листву, искрятся на поверхности воды. Но это ниже, в долине, где стоят дома человека...

КОНЕЦ ПУТИ

«Счет от врача... Боли в груди... Наверное, ничего страшного... Возможно, от расстройства... Вчерашний обед... Кажется, Одри была рада меня видеть... Хотя откуда мне знать... Может, попробовать выяснить... Но каким же идиотом я буду выглядеть, если она...»

«Болван... Некоторых вообще близко нельзя подпускать к машинам... так, все в порядке, едем дальше... Не зря экзаменатор остался мною доволен... Я до сих пор еще ни разу не попал в аварию... Но, если честно — до сих пор боюсь ездить сам, особенно когда вокруг автобусы... Теперь прямо, на третьей скорости... пешеход в зеленой шляпе... Черт, опять проехал на красный свет...»

Можно сказать, что за пятнадцать лет он к этому почти привык. Сейчас, идя по улице, он без труда мог думать о своем, а

посторонние голоса звучали в мозгу еле заметным шумом. Конечно, время от времени приходилось несладко, череп иной раз просто раскалывался от дикого визга.

Нормана Кейна привела сюда любовь к девушке, которую он никогда раньше не встречал и даже не видел. Сейчас, стоя на перекрестке в ожидании зеленого сигнала светофора, глядя на проносящиеся мимо автомобили, он желтыми от никотина пальцами машинально извлек из пачки очередную сигарету.

Наступил вечер. Половина пятого. Час пик. Обдавая все и вся ненавистью, огромное множество нервных систем двигалось к дому.

Может, стоило остаться в этом баре на Сан-Пабло. Там так уютно: прохладный полумрак, дружелюбный полусонный разум бармена... Он без труда подавлял назойливые шумы сидевшей неподалеку чем-то раздраженной женщины...

...Нет, не лучше... Когда нервы настолько закалены шумом большого города, окружающую грязь как-то не замечаешь.

Странно, подумал он, до чего же порой мерзкое нутро у тех, кто так безупречно вежлив и обходителен в быту. Находясь в обществе, они ведут себя безукоризненно, однако в глубине души... Не стоит думать об этом, лучше просто забыть. Во всяком случае здесь, в Беркли, лучше, чем в Сан-Франциско или Окленде. Похоже, чем крупнее город, тем больше в нем зла; зла, таящегося в трех сантиметрах под лобной костью. А в Нью-Йорке вообще невозможно находиться.

Неподалеку от Кейна, явно кого-то поджидая, одиноко стоял незнакомый парень. По тротуару шла девушка. Симпатичная. Хорошая фигура. Длинные желтоватые волосы. Кейн лениво настроился на нее... так, так, у нее есть своя квартирка... она долго ее подыскивала... уступчивый управляющий. В голове юноши замесились распутные мысли. Когда она прошла мимо, он долго смотрел ей вслед... Взглядом самца.

Жаль — подумал Кейн — им было бы хорошо вместе. Он переключился на свои проблемы. Он ничего не имел против искреннего влечения людей друг к другу — во всяком случае, его разум относился к этому безразлично; сложность заключалась в другом: ужасно трудно бороться с внутренним, подсознательным пуританизмом. Господи, ну как, будучи телепатом, сохранить в себе хоть каплю стыдливости. Частная жизнь людей, безусловно, их личное дело, если, конечно, она не лезет тебе в душу.

Вся беда в том, подумал он, что они причиняют мне боль, а я даже не могу им об этом сказать. Ведь они же просто разорвут меня на куски. Правительству (и особенно военным) не нужен человек, способный читать их мысли и секреты. Но их замешанная на страхе отчаяния ярость в сравнении со слепой ненавистью обывателя (того, кто в повседневной жизни выступает как внимательный муж, заботливый отец, хороший работник, искренний патриот) показалась бы лишь невнятным бормотанием обиженного ребенка. Нет ничего

страшнее гнева обывателя, мелкие грешки которого вдруг выплыли на поверхность...

Загорелся зеленый свет, и Кейн ступил на мостовую. Погода стояла ясная — в этой местности времена года не слишком отличались друг от друга; прохладный летний день, легкий ветерок. Впереди, в нескольких кварталах от него, на фоне бурых домов виднелось аккуратное зеленое пятнышко университетского городка.

Ободранная кожа, обугливающаяся, разваливающаяся на куски плоть — и появляются кости — крепкие, чистые, белые кости... гвтиклфм...

Кейн остановился как вкопанный и почувствовал, как по спине скатились крупные капли пота.

А ведь мужчина выглядел вполне заурядно!

— Эй, ты, придурок! Ты что, хочешь попасть под колеса?

Кейн взял себя в руки и быстро перебежал на тротуар. Увидев на автобусной остановке скамейку, он сел и не двинулся с места, пока полностью не пришел в себя.

Некоторые мысли попросту невыносимы.

В детстве, когда приходилось тяжело, он отправлялся к отцу Шлиману. Разум священника был подобен колодцу, устроенному в пронизанной солнечными лучами роще; глубокому колодцу, поверхность которого была расцвечена золотистыми осенними листьями... Вода, впрочем, оказалась заурядной; имея острый минеральный привкус, она напоминала запах земли. В те смутные дни, когда в нем впервые проснулся дар телепатии, он часто бывал у отца Шлимана. С тех пор ему довелось повстречать множество хороших, мудрых, умиротворенных умов, однако ни один из них не обладал такой ясностью мысли, такой внутренней силой.

— Я не хочу, чтобы ты ошивался подле этого святоши, понятно? — так говорил его отец, а он был человек с характером. — Ты сам не заметишь, как начнешь боготворить бездушные образы.

— Но они вовсе не бездушны...

С тех пор прошло уже много времени, но крик отца до сих пор звенел в ушах: «Иди к себе в комнату! И не попадайся мне на глаза. К утру ты должен выучить еще две главы из дейтерологии. Может, хоть это вселит в тебя истинно христианскую веру».

Вспомнив об этом, Кейн прикурил очередную сигарету от предыдущей и криво усмехнулся. Он знал, что слишком много курит. И пьет. Но пьет не сильно. Опытаев, он становился абсолютно беззащитным перед лицом неумолимо накатывавших посторонних мыслей.

В четырнадцать лет он сбежал из дома. В противном случае дело кончилось бы исправительным учреждением. Конечно, он потерял отца Шлимана, но как, черт возьми, могли ужиться в одном мозгу воспитанный священником чувствительный юноша и рациональный разум отца? Известны ли психологам случаи садистского мазохизма? Кейн слишком хорошо знал: подобное сочетание существует.

И надо быть благодарным хотя бы за то, что дальность действия его телепатических способностей ограничивается парой сотен ярдов. Ребенок, способный читать мысли, не был так уж беззащитен, как могло показаться. Сбежав из дома, он с легкостью преодолел бюрократические препоны и ужасы преступного мира. В конце концов, проехав через всю страну, он подобрал себе супружескую чету, и спустя некоторое время они благополучно его усыновили.

Кейн встряхнулся и снова встал. Бросив сигарету, он раздавил ее каблуком. Тысячи примеров из его богатого опыта свидетельствовали о том, что в этом жесте тоже кроется некий тайный эротический символизм, но... Как еще, черт возьми, загасить окурок? Оружие, кстати, тоже фаллическая штука, но ведь без пистолета порой просто не обойтись!

Оружие... Он невольно припомнил, как в 1949 году пришлось уклониться от воинской службы. До призыва Кейну довелось немало попутешествовать, и он был искренне убежден в том, что Америка стоит того, чтобы ее защищать.

Провести психиатра из призывной комиссии особого труда не составляло. Тогда его, помнится, признали неврастеником, хотя, в принципе, за два года жизни в замкнутом коллективе он наверняка стал бы таковым. Выбора не было, но он до сих пор не мог избавиться от мучительного сознания позорности своего поступка.

Но разве все мы не грешим и есть ли на земле хоть одно человеческое существо, избавленное от тяжелого груза стыда?

Из магазинчика навстречу ему вышел мужчина, и Кейн привычно вошел в контакт с его мозгом.

Просто следить за озвученным ходом мысли невозможно — слишком уж тесно взаимосвязано все в организме. Ведь память — это не просто пассивное хранилище информации, память, по сути, непрерывный процесс, протекающий где-то за пределами сознания. Ведь мы постоянно обращаемся к своему прошлому. И чем эмоциональнее воспоминания, чем мощнее они излучают, тем легче их принять и понять.

Незнакомца звали, да, впрочем, это неважно, ведь его личность столь же неизменна, как и отпечатки пальцев. Кейн привык рассматривать людей в виде неких многомерных, испещренных множеством символов карт. И, право же, имя играло отнюдь не самую важную роль.

Мужчина был профессором английского языка в университете. Сорок два года. Женат. Трое детей. Выплачивает кредит за дом в Олбани. Спокойный, устойчивый характер, впрочем балагур. Среди коллег пользуется любовью и уважением. Всегда готов прийти друзьям на помощь. Сейчас к его размышлениям о завтрашних лекциях примешивались легкие обертоны планов похода в кино и несколько тягостные переживания о том, что, несмотря на все заверения доктора, у него вполне может быть и рак.

Дальше шел список преступлений. Будучи мальчишкой — мучил кошку... давно забытые проявления Эдипова комплекса... потом онанизм... мелкие кражи, в общем, все как обычно. В юности: списывал на экзаменах, потом — смешная неуклюжая попытка... первая ночь с женщиной... тогда, помнится, ничего не вышло... уж слишком он волновался... скандал в кафе — когда его с позором выставили оттуда. (Слава Богу, что Джим, который все видел, сейчас далеко отсюда — живет в Чикаго)... и еще позднее: непроизвольное расстройство желудка на официальном приеме; женщина в отеле, когда он до безобразия надрался на конференции... и как он смолчал, когда увольняли старину Карвера... не нашел в себе сил возразить декану... и вот сейчас: до чего же порой надоедает младший — ужасный плакса... и ведь нельзя никому дать понять, о чем ты думаешь, сидя в одиночестве на кафедре и читая Розамонда Маршалла... когда тискаешь туго обтянутые свитерами девичьи груди... а эти грязные академические интрижки, незаслуженно присвоенная Симонсону ученая степень — только за то, что юноша удивительно красив... и липкий, постыдный страх в ту ночь, когда он понял, что смерть когда-нибудь подстержет и его...

Ну и что с этого? Профессор — достойный человек, добрый и честный, и его внутренний мир должен принадлежать ему самому — только ему и его Ангелу-Хранителю. Лишь немногие из его тайных помыслов воплощались в жизнь. И пусть он спокойно хранит воспоминания в себе.

Кейн оставил его в покое.

Со временем телепатия научила его терпимости. Он привык не ожидать многого от первого встречного. Никто не был безупречен во всех отношениях... ну разве что отец Шлиман и еще некоторые... да нет, они тоже были людьми, им тоже были присущи отдельные слабости; вся разница в том, что они лучше других знали мир. Кейн поморщился от сознания собственной вины. Видит Бог, он не лучше других. Возможно, даже хуже, но, однако, он не виноват — так уж получилось. Например, если ты испытываешь половое влечение, но не способен сосуществовать с разумом женщины, жизнь превращается в непрерывную пытку; подруг приходилось менять, и тут уж ничего не поделаешь, даже если внутри тебя иступленно протестует аскетическое воспитание юности.

— Простите, нет ли у вас спичек?

— А Лини уже мертва, и я до сих пор не могу привыкнуть к мысли о том, что я никогда больше ее не увижу. Я, конечно, приспособлюсь к столь однобокой жизни, но что делать сейчас, как выдержать пытку одиночеством по ночам...

— Конечно, пожалуйста...

Наверное, это и есть самое страшное: делить с ними печали и быть не в силах помочь, имея возможность лишь дать прикурить.

Сунув спички в карман, Кейн двинулся в сторону университета. На Оксфорд-стрит он ненадолго задержался. Слева возвышались два

огромных университетских здания. Остальные виднелись впереди справа за стеной эвкалиптовой рощи. В пробивавшемся сквозь кроны деревьев свете трава казалась багряной. Прощупав мозг проходившего мимо студента, Кейн сообразил, где находится библиотека. Отличное, обширное книгохранилище. Возможно, где-то глубоко в его недрах и таится ответ на его вопрос. Разрешение на работу с фондами библиотеки у него было: молодой, талантливый писатель, ищущий материалы для нового романа.

Пересекая Оксфорд-стрит, Кейн невольно улыбнулся. Литература, пожалуй, единственное, чем он вообще мог заниматься. Жизнь в сельской местности избавляла его от контакта с воспаленными умами сограждан. Пришедшая за годами способность чувствовать и понимать их души, а также то, что пять минут в людном месте обеспечивали его материалом на дюжину рассказов — все это приносило неплохой доход. Единственное, что тяготило — практически неизбежная в таких случаях популярность, связанные с изданием книг деловые поездки в Нью-Йорк, вечера встреч с читателями, литературные чаепития... этого он не любил. Хотя, если очень захотеть, можно оставаться в тени.

Он объявили, что никто, кроме его агента, не знает, кто такой Б. Трейвен. Как-то раз Кейну пришло в голову, что этот самый Трейвен — вполне может оказаться сродни ему. И прошло много времени, пока он, наконец, не пришел к выводу, что... Нет. На Земле он один-единственный — бесконечно одинокий мутант, если не считать...

Вот уже три года эта мысль не давала ему покоя... Опять нахлынули воспоминания. Он как бы снова сидел в вагоне-ресторане ночного экспресса, пронзавшего просторы Вайоминга. И когда за окнами грохотал встречный поезд западного направления, его будто обожгло... бокал выпал из рук... разум ослепило вспышкой ее мысли... они узнали друг друга... затем контакт пропал. Тогда, черт возьми, надо было хвататься за рычаг аварийной остановки... и ей надо было сделать то же самое. Они оба должны были остановить свои поезда и, пробежав по шпалам, протянуть друг другу руки.

Теперь поздно. Три года прошли в томительной пустоте. Где-то рядом на земле жила... или когда-то жила молодая женщина; она тоже обладала телепатическими способностями, а прикосновение ее разума наполняло нежностью.

Он ничего не знал о ней. Сойдя с поезда, он бросился к частным детективам. (Но что он мог им сказать? «Я ишу девушку, которая такой-то ночью находилась на таком-то поезде?...»)

Объявления во всех крупных газетах тоже ничего не дали, не считая нескольких странных писем. Возможно, она не читала разделы с личными объявлениями — да он и сам в них никогда не заглядывал. Кейн, как никто другой тонко чувствовавший и понимавший человечество, видел в них слишком много горя, и это было тяжело.

Может, хоть библиотека... как-то наведет его на след... Как

известно, если в конечном пространстве содержатся две точки, а одна из них постоянно движется так, чтобы обойти все бесконечно малые объемы dV , — она непременно столкнется со второй, причем спустя конечное время... но только при условии, что та, другая, все это время не двигается с места.

Кейн пожал плечами и по извилистой дорожке начал спускаться к воротам. Подойдя ближе, он увидел усталого полицейского, который следил за тем, чтобы внутрь городка проезжали машины, имеющие соответствующее разрешение. Один из парадоксов прогресса: тонна стали перемещает в пространстве одного-двух людей так быстро и надежно, что становится практически независимой. При этом она непрерывно сжигает невозможную нефть и душит, душит породившие ее города. Телепатическое общество должно быть устроено более рационально: можно будет проследить и как-то излечить малейшие потрясения детской души... толстый слой вины и порока можно будет отбросить, ведь каждый сможет наверняка знать, что остальные сделали то же самое... люди не смогут убивать... ведь они будут чувствовать, как умирает жертва...

Адам и Ева? Пожалуй, из двух людей здоровое человечество все-таки не создать. Но если наши дети тоже окажутся телепатами (и если мы полностью посвятим себя этой задаче, учитывая, что, судя по всему, подобных нам мутантов — немного) — мы могли бы исследовать, как наследуется этот дар, и если в каждом последующем поколении таких, как мы, будет все больше и больше, то когда-нибудь мы наконец сможем раскрыться. Наши психологи придут на помощь тем, кто страдает глухотой разума... Человек станет прекрасным, чистым, здоровым...

День приближался к концу. Его окружали студенты. Сидя на траве, они непринужденно болтали, весело смеялись. Им предстоял ужин, свидания; возможно, несколько кружек пива или прогулка на холмы — если смотреть оттуда, город похож на некое загадочное созвездие... а потом полная открытий ночь за учебниками. Наверное, прекрасно быть молодым и глухонемым с точки зрения телепатии.

Мимо пробежала собака, и Кейн с головой окунулся в простое бессловесное счастье, каковым является жизнь здорового, красивого, всеми любимого четвероногого.

А может, действительно лучше быть собакой, чем человеком? Нет, ни в коем случае. Ведь если человеку дано знать больше горя, на его долю приходится и гораздо больше счастливых минут — это примерно то же самое, что и быть телепатом: ты, конечно, легко раним, да, но подумай об этих глухонемых! Их разум обречен на вечное одиночество, ты способен полностью слиться в любви не только в порыве страсти, но и духовно...

Кейн подошел к библиотеке и, прежде чем войти, решил, что не помешает выкурить еще одну сигаретку. Стоя на ступенях, он прикурил и глубоко вдохнул дым, заметив при этом легкое удивление в глазах проходившей мимо женщины. Настроившись на нее, Кейн

узнал, что курить можно и внутри — в холле. Что ни говори, телепатия — полезная вещь. Нет, на солнышке курить гораздо приятнее. Кейн сладко, всем телом, потянулся, расслабляясь физически и умственно.

«Давай-ка теперь посмотрим, как пройдет подстановка с интегралом от логарифма икс по икс. Положим игрек равным логарифму икс... Это становится забавным. Интересно, в чем тут видел красоту Евклид...»

Сигарета выпала изо рта. Сердце стучало так, что, казалось, заглушало метавшиеся в мозгу мысли студента-физика, с виду вполне нормального молодого человека, поглощенного радостью от найденного красивого решения задачи, и... странное ощущение, что мысли студента прослушивает кто-то еще...

Она...

Стоя с закрытыми глазами, Кейн судорожно глотал воздух, словно только что взбежал на высокую гору.

«Ты здесь? Ты здесь?»

«Не могу поверить: или мне кажется?..»

«Я, это тот самый мужчина в поезде...»

«А я та самая женщина...»

Вот она, волнующая общность умов!

— Эй! Эй, мистер! Что-нибудь случилось?!

Кейн чуть было не закричал. Ее мысль доносилась словно издалека и была еле заметна — он слышал лишь приглушенные обрывки фраз, а тут еще посторонние!

— Нет, благодарю вас, я в норме. Просто голова слегка закружилась.

«Где ты? Как мне найти тебя, милая?»

Образ большого белого здания... «Я сижу на скамейке у входа — пожалуйста, приходи скорее. Я даже и представить себе не могла, что такая встреча возможна...»

Кейн сорвался с места. Впервые за пятнадцать лет ему было абсолютно наплевать на окружающих. Их изумленные взгляды он сейчас просто не замечал. Кейн несся к ней, и она тоже бежала навстречу ему.

«Меня зовут Норман Кейн... Но это не настоящее имя. Я принял его от людей, которые усыновили меня после того, как я сбежал от отца. (Мать умирала ужасно, в темноте, и он не давал ей снотворного, хотя и было известно, что это рак. Он говорил, что это грех, а боль — лечит душу... Знаешь, он, по-моему, искренне верил в это.) Когда во мне проснулся дар, я пару раз проговорился, и он, считая, что это колдовство, жестоко избивал меня. С тех пор я всю жизнь искал тебя. Я пишу книги, но они только ради денег. Мне кажется, что я ожил только сейчас...»

«О мой бедный, несчастный любимый! У меня все было спокойнее. Я обретала этот дар постепенно и со временем научилась

скрывать свои способности. Мне двадцать лет. Сюда я приехала, чтобы учиться, но... Что такое книги по сравнению с...

И вот он увидел ее. Конечно, не красавица, и, однако, в ее облике не было ничего отталкивающего... Добрые, мягкие глаза, нежный рот.

«Как мне тебя называть? Для меня ты всегда будешь ТЫ, но должно быть какое-то имя для внешнего мира... У меня есть дом за городом... и соседи там неплохие люди... настолько, насколько позволяет им жизнь».

«Да, возьми меня с собой, и давай никогда не расставаться...»

Они подбежали друг к другу и замерли. И им не нужен был поцелуй или даже рукопожатие... пока. Но умы рванулись навстречу друг к другу и слились воедино.

ПОМНЮ, КОГДА МНЕ БЫЛО ТРИ ГОДА, Я ПИЛ ВОДУ ИЗ УНИТАЗА... БЫЛО В НЕМ ЧТО-ТО ЗАГАДОЧНОЕ... В ДЕТСТВЕ Я ЧАСТЕНЬКО ТАСКАЛ МЕЛОЧЬ У МАТЕРИ ИЗ КАРМАНОВ, А ПОТОМ МЧАЛСЯ В ЛАВКУ ЗА МОРОЖЕНЫМ... ПОВЗРОСЛЕВ, Я ЗАКОСИЛ ПРИЗЫВ В АРМИЮ... А ВОТ НЕКОТОРЫЕ ГРЯЗНЫЕ ЭПИЗОДЫ ОБЩЕНИЯ С ЖЕНЩИНАМИ...

КОГДА Я БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ, Я ТЕРПЕТЬ НЕ МОГЛА СВОЮ БАБУШКУ, ХОТЯ ОНА ВО МНЕ ДУШИ НЕ ЧАЯЛА... И ВОТ КАК-ТО РАЗ Я ПОЗВОЛИЛА СЕБЕ МЕРЗКУЮ ВЫХОДКУ... ПОМНЮ, В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ИЗ-ЗА ОДНОГО СЛУЧАЯ Я СТАЛА ПОСМЕШИЩЕМ... Я ВСЕГДА БЫЛА ЗАСТЕНЧИВОЙ... ВСЕГО БОЯЛАСЬ... НО МОИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В ЧУЖОЙ РАЗУМ ИСЧИСЛЯЮТСЯ ТЫСЯЧАМИ.

Они с ужасом взирали друг на друга.

«Это вовсе не грех. Я убежден, что грешны все без исключения и, обладай они нашими способностями, они тоже занимались бы этим. И в этом нет ничего особенного или там ненормального... Все обусловлено обычными инстинктами, и стесняться тут нечего».

«Это так, ведь ты же знаешь обо всем, что бы я ни совершила в прошлом. Тебе известны все мои самые сокровенные желания и мысли, все мои глубоко скрываемые недостатки... Я знаю, что все это чепуха, но это было заложено в меня при рождении, и я никогда и никому не признаюсь в том, что такое живет во МНЕ».

Мимо еле слышно прошуршал автомобиль. Легкий летний ветерок шелестел лиственной листвой деревьев.

Держась за руки, прошла парочка влюбленных.

В пространстве холодно повисла мысль. Мысль, одновременно запульсировавшая в двух слившихся воедино умах...

«Убейся! Я ненавижу тебя!»

СОДЕРЖАНИЕ

МЭТР ФАНТАСТИКИ ПОЛ АНДЕРСОН

5

НЕЛИМИТИРОВАННАЯ ОРБИТА.

Пер. Ю.Руфина

8

ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС. *Пер. М.Коркина*

153

РАССКАЗЫ

ГЕТТО. Пер. П.Киракозова

360

ЕУТОПИЯ. Пер. Б.Александрова

387

СВЕТ. Пер. Б. Александрова

404

«СВЕТОЗАРНЫЙ». Пер. Б.Александрова

413

ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДОВИЩЕ.

Пер. Ю.Барабаша

424

КОНЕЦ ПУТИ. Пер. С.Топорова

439

Редакторы *В. Подбельский, А. Комаров*
Художественный редактор *Г. Кучков*
Технический редактор *Т. Луговская*
Корректор *О. Поливанова*

Сдано в набор 25.11.92. Подписано к печати 10.03.93. Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,00. Усл. кр.-отт. 29,00. Уч.-над. л. 31,25. Тираж 50 000 экз. Заказ 1672.

ПОО «Фабула», 117218 Москва, ул. Красикова, 27.

Московская типография №7.
Министерство печати и информации Российской Федерации.
121019, г. Москва, пер. Аксакова, д. 13

Серия «МАСТЕРА
АМЕРИКАНСКОЙ ФАНТАСТИКИ»
основана в 1992 г. Включает в себя
лучшие произведения
наиболее известных и популярных
писателей-фантастов США.

Пол АНДЕРСОН

